

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2015. № 399. Октябрь**

- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2015. № 399. October**

Томский государственный университет
2015

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизков**,
канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минер. наук, проф.;
Л.М. Прозументов, д-р юрид. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Василовская Е.А. Антиконсюмеристские модели в истории философии и религии: сравнительный анализ	5
Воробьёв Д.О., Пономаренко Н.В., Козлова А.Е. Философско-культурологический анализ феномена эротизма как способа обретения бессмертия	10
Гегер А.Э., Гегер С.А. Изучение ценностных ориентаций: специфика разных подходов	13
Лякин В.Е. К вопросу о поступке, воле и волеизъявлении	18
Черникова И.В., Шерепкова В.В. Проблема сохранения природы человека как новый аспект кризиса идентичности	24
Шпак Л.Л., Токмашева Ю.В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местными сообществами	28

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А.,	
Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний	
о музейном деле: к историографии проблемы	34
Золотарева Н.В. Актуализация этнокультурного наследия	
хантов в муниципальных учреждениях культуры г. Сургута	42
Крылова В.К. В твоем ученике я вижу тебя, учитель	50

ИСТОРИЯ

Булгакова М.Г. Международное сотрудничество и его роль в развитии региональной системы образования Иркутской области в постсоветский период (1992–2005 гг.).....	56
Идиятуллов А.К. Религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар)	63
Козлова Д.С. Трансформация органов власти и управления в Томской губернии в период революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.)	67
Колева Г.Ю. Нефть вместо угля: влияние венгерских событий 1956 г. на изменения в энергетической политике СССР	74
Конев К.А. Лозунг «великая, единая и неделимая Россия» и формирование образа союзников в официальной и проправительственной печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.)	80
Короткова С.А. Американская «мадам Тюссо»	86
Крайнева И.А. Переписка математика А.А. Ляпунова 1941–1945 гг. как источник по истории науки и повседневности в период Великой Отечественной войны	97
Куренков А.В. Продовольственная разверстка в Томской губернии в 1920–1921 гг.	106
Лазарева Е.В. Влияние экономических факторов на внешнюю политику России накануне Первой мировой войны: дискурс российских ученых	111
Наумова Н.И., Безгачева В.В. Региональный аспект государственной политики по поддержке зарубежных соотечественников (на примере регионов Сибирского федерального округа. 1991–2014)	117
Неженисева Н.В. Формирование источников статистического учета занятий населения во второй половине XIX в.	123

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Vasilovskaya E.A. Comparative analysis of anticonsumer models in the history of philosophy and religion	5
Vorobiev D.O., Ponomarenko N.V., Kozlova A.E. Philosophical-cultural analysis of the phenomenon of eroticism as a way of immortality achievement	10
Geger A.E., Geger S.A. Values survey: the specificity of different approaches	13
Lyakin V.E. On deed, will and will expression	18
Chernikova I.V., Sherenkova V.V. The problem of human nature conservation as a new dimension of identity crisis	24
Shpak L.L., Tokmasheva Yu.V. The mobilization management mechanism of municipal authorities interaction with local communities	28

CULTURAL STUDIES

Dmitrienko N.M., Lovozova L.A., Butenko M.A., Glukhov V.S.	
Museology as complex of knowledge about museum science: historiography of the problem	34
Zolotareva N.V. Actualization of ethno-cultural heritage of the Khants in municipal cultural institutions of Surgut	42
Krylova V.K. In your student I see you, Teacher	50

HISTORY

Bulgakova M.G. International cooperation and its role in the development of the Irkutsk regional educational system in the post-Soviet period (1992–2005)	56
Idiatullov A.K. Religiosity of the Ufa city's student (on the example of Bashkirs and Tatars)	63
Kozlova D.S. Transformation of public authorities and administration in Tomsk Province during the Revolution and the Civil War (1917–1919)	67
Koleva G.Yu. Oil instead of coal: the impact of the events in Hungary in 1956 on changes in the energy policy of the USSR	74
Konev K.A. The slogan “Great, Unified and Undivided Russia” and the formation of the image of the Allies in the official and pro-government (periodical) press of the White Siberia (June 1918 – December 1919)	80
Korotkova S.A. American “Madam Tussauds”	86
Krayneva I.A. Aleksey Andreevich Lyapunov: Mathematician on the War	97
Kurenkov A.V. The surplus appropriation system in Tomsk Province in 1920–1921	106
Lazareva E.V. The impact of economic factors on Russia's foreign policy on the eve of World War I: the discourse of Russian scholars	111
Naumova N.I., Bezgacheva V.V. Support for compatriots living abroad in the regions of the Siberian Federal District (1991–2014)	117
Nezhentseva N.V. Formation of the sources of population employment statistics in the second half of the 19th century	123

Петрова В.Д. Из истории радиофикации Якутии: Алданская радиостанция	129
Рябкова О.А. Обские угры в сибирской историографии второй половины XIX в.	133
Сигида Ю.С. Роль финансово-промышленных групп чеболь во внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности Южной Кореи в 1980–2000-е гг.	140
Шведов М.Н. Некоторые аспекты средневекового китайского чаепития в контексте антропологических исследований	146
Шушарина М.В. Основные аспекты развития правовой защиты иностранных студентов в Австралии (1991–2015 гг.)	151

ПРАВО

Алексеева Т.А. Индивидуализация тактических приемов при производстве допроса: поддержание психологического контакта	156
Ахмедшин Р.Л. Поисковые следственные действия в системе следственных действий: криминалистический аспект	160
Юань В.Л. Механизм гомеостаза в системе биографического метода криминалистического исследования личности	167

ЭКОНОМИКА

Авласко З.А. Выбор бизнес-модели как платформы успешного внедрения процессного подхода	170
Акерман Е.Н., Михальчук А.А., Бурец Ю.С. Кластеризация регионов АИРР как предпосылка формирования межрегиональной инновационной политики	175
Васина М.Ю. Трансформация мировой банковской системы в условиях глобальных финансовых дисбалансов	183
Жернов Е.Е., Нехода Е.В. Технологии социализации экономики знаний в ресурсодобывающем регионе	188
Иванова Ю.Н., Казаков В.В. Налоговая нагрузка как показатель эффективности налоговой политики государства	199
Лаврова Т.Г. Роль и потенциал малых городов в развитии региона (на примере Краснодарского края)	204
Подвербных У.С. Система подготовки рабочих кадров как катализатор роста производительности труда	212

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Волкова Ж.В., Калачикова О.Н., Король Д.Ю., Полонников А.А., Солоненко А.В. Исследование ergo образование	220
Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Сравнительное исследование психосемантики тенденций развития предпринимательства в сибирском регионе в транскультуральном контексте	228
Сосуновский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет	236

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Баярмаа В. Агроклиматические ресурсы и их влияние на урожайность (западные сомоны Сэлэнгийского аймака, Монголия)	241
Соколов Д.А., Мерзляков О.Э., Доможакова Е.А. Оценка литогенного потенциала гумусонакопления в почвах отвалов каменноугольных месторождений Сибири	247
Шпанский А.В., Ильина С.А., Алиясова В.Н. Четвертичные млекопитающие из местонахождения Кожамжар (Павлодарская область, Казахстан)	254

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Petrova V.D. From the history of radio service in Yakutia: the Aldan station	129
Ryabkova O.A. Ob-Ugrians in the historiography of Siberia in the second half of the 19th century	133
Sigida Yu.S. The role of financial industrial groups (chaebol) in foreign economic and political relationships of South Korea in 1980s–2000s	140
Shvedov M.N. Some aspects of the tea ritual in medieval China in the context of anthropological studies	146
Shusharina M.V. The main aspects of law protection of foreign students in Australia (1991–2015)	151

LAW

Alekseeva T.A. Individualization of tactics in the production of interrogation: maintaining psychological contact	156
Akhmedshin R.L. Search actions in the system of investigative actions: a forensic aspect	160
Yuan V.L. The mechanism of homeostasis in the biographical method of forensic investigation of the personality	167

ECONOMICS

Avlasko Z.A. The choice of a business model as a platform for the successful implementation of the process approach	170
Akerman E.N., Mihalchuk A.A., Burets Yu.S. Clustering of AIRR regions as a prerequisite of interregional innovation policy	175
Vasina M.Yu. Organization of the world banking system in the conditions of financial imbalance	183
Zhernov E.E., Nekhoda E.V. Technologies of knowledge economy socialization in a resource extraction region	188
Ivanova Yu.N., Kazakov V.V. Tax load as a measure of the tax policy efficiency of the state	199
Lavrova T.G. The role and potential of small towns in the development of the region (a case study of Krasnodar Krai) ...	204
Podverbnykh U.S. The system of personnel training as a catalyst for productivity growth	212

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Volkova Zh.V., Kalachikova O.N., Karol D.Yu., Palonnikau A.A., Solonenko A.V. Research ergo education	220
Kabrin V.I., Smetanova Yu.V., Zvezdina E.A. Comparative research of psychosemantics of business development tendencies in the Siberian region in a transcultural context	228
Sosunovsky V.S. The structure and content of psychomotor preparedness of children aged 11–12	236

EARTH SCIENCES

Bayarmaa V. Agro-climatic resources and their effects on crop productivity (on western soums of Selenge Province, Mongolia)	241
Sokolov D.A., Merzlyakov O.E., Domozhakova E.A. Estimation of lithogene potential of humus accumulating in soils of coal-mine dumps of Siberia	247
Shpansky A.V., Ilyina S.A., Aliyasova V.N. The Quaternary mammals from Kozhamzhар locality (Pavlodar Region, Kazakhstan)	254

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 140.8

E.A. Василовская

АНТИКОНСЮМЕРИСТСКИЕ МОДЕЛИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Предпринята попытка классификации философских и религиозных концепций, критически относящихся к избыточному потреблению и идеологии консюмеризма и непосредственно повлиявших на становление современных антиконсюмеристских практик. Выявлены отличительные черты каждой модели на основе учений о потребностях, эвдемонистических идеалов, предлагаемых альтернативных жизненных стилей; рассмотрены историческое наполнение и развитие каждой традиции.

Ключевые слова: общество потребления; антиконсюмеризм; кинизм; христианство; буддизм.

В настоящее время общество в целом, социальные группы и отдельные индивиды страдают от многочисленных дисфункций общества массового потребления: превалирование потребления над производством, радикальное изменение культурных ценностей в сторону быстрого достижения «легкой жизни», девиантное поведение, деградация образования и культуры, фетишизация техники, экономическая нестабильность и экологические проблемы – все эти последствия проявлений консюмеризма вызывают негативное отношение к потребительской идеологии и соответствующему образу жизни (консюмеризму). Не случайно в странах Запада все больше нарастает движение антиконсюмеризма как идейного и практического сопротивления потребительству, выражющееся в акциях протesta, поисках альтернативных образов жизни, просветительской деятельности, художественном и научном творчестве; все чаще к антиконсюмеризму обращаются молодежь, социальные активисты и ученые современной России.

Несмотря на то что общество потребления, как и сопутствующая ему критика со стороны философов, социологов и культурологов, возникло сравнительно недавно (вторая половина XX в.), определенные тенденции анализа потребительства как негативного социального явления возникли еще в античные времена. Целью данной работы является выявление антиконсюмеристских (антипотребительских) моделей в истории западной и восточной культуры. Через развитие этических традиций в понимании страдания, наслаждения, воздержания и свободы мы можем проследить становление антиконсюмеристской морали и ее конкретное историческое и культурное наполнение в зависимости от принадлежности к определенным религиозным учениям или философским школам. Задачей данной работы является выявление сущностных характеристик некоторых антипотребительских моделей в истории западной и восточной культур.

Под антиконсюмеристской моделью мы понимаем систему представлений и идей о характере человеческих потребностей, а также систему способов их реализации в качестве этических практик самосовершенствования.

Далее мы остановимся на *философской модели антиконсюмеризма*. В истории европейской философии корни этого явления прослеживаются еще со времен «антропологического переворота» Сократа. По свидетельству Диогена Лаэртского, глядя на множество рыночных товаров, Сократ говорил: «Сколько же есть вещей, без которых можно жить!» [1. С. 100]. Нужно отметить не только отношение античного философа к собственности, но и его готовность привести свою жизнь в соответствие с собственным учением, согласно которому добродетельная жизнь – это благоразумная жизнь, в которой нет места излишкам, в том числе материальным.

Однако первым несомненным антиконсюмеристом следует считать виднейшего представителя античного кинизма – Диогена Синопского (ок. 412 г. до н.э. – 323 г. до н.э.). Теоретической аргументацией и собственным примером заложил основы антипотребительской традиции, дошедшей до наших дней. Современный философ П. Слотердайк ставит кинизм по степени его значимости для философии в один ряд с диалектическим материализмом, экзистенциализмом и системами Платона и Аристотеля [2. С. 178–179], отмечая, что Диоген «мог считаться первым человеком, реализовавшим идею помочь самому себе, отрекаясь от потребностей и иронизируя над ними – от тех потребностей, за удовлетворение которых большинство людей расплачивается своей свободой <...> тем, кто принес в западную философию изначальную связь между счастьем, нетребовательностью и интеллектом» [Там же. С. 252]. Если Сократ первое место в своей философии отдавал добродетели, то Диоген, в соответствии с кризисным мироощущением эллинистической эпохи, превыше всего ставил свободу, на пути к которой стоят общественные отношения, стереотипы, амбиции и навязанные извне желания.

В представлении античного мыслителя, все люди изначально счастливы, однако неразумные чрезмерные удовольствия и рабская зависимость от них делают людей несчастливыми. Диоген также был первым философом, обнаружившим власть потребления, при которой люди готовы работать больше ради того, чтобы достичь символических атрибутов роскоши и власти. В одном из дошедших до нас анекдотов о нем

Платон, видя, как Диоген моет себе овощи, сказал ему: «Если бы ты служил Дионисию, не пришлось бы тебе мыть овощи», на что Диоген ответил: «А если бы ты умел мыть себе овощи, не пришлось бы тебе служить Дионисию» [1. С. 232]. Мы можем наблюдать в этом случае согласие пойти на дополнительную работу, на услужение ради того, чтобы обрести объект демонстративного потребления (слуг) и избавиться от унизительного физического труда. Отвращение к физическому труду особенно характерно для современного общества потребления, когда производственные работники обладают низкой заработной платой и низким социальным статусом, а наивысший статус имеют представители «праздных классов», занятых демонстративным потреблением.

У Диогена Лаэртского можно найти указание на то, что Диоген Синопский различал подлинное упрощение жизни и ресентимент: «Он осуждал тех, кто восхваляет честных бессребреников, а сам втихомолку завидует богачам» [1. С. 223]. При ресентименте акцент делается на показном, демонстративном отказе от приобретений при сохранении внутреннего желания получить те же блага, которые открыто осуждаются. Можно заметить, что «честные» бедняки в приведенном фрагменте приравниваются к подлинным господам своей жизни, в то время как завистники еще находятся на стадии подчиненности общественной морали и собственным слабостям. Диоген, однако, нигде не указывает о возможности роста демонстративной бедности в «подлинную».

По мнению Диогена, изобилие делает людей неприспособленными к жизненным невзгодам, в то время как подлинное благополучие состоит в выносливости и независимости. Философ превозносит простую пищу над предметами роскоши, утверждая, что «драгоценные вещи ничего не стоят, и наоборот: например, за статую просят по три тысячи, а за меру ячменя – два медных обола» [Там же. С. 225]. Не случайно жизнь Диогена стала прообразом современных идеологий оправдания («*simple life*»), энафизма (англ. enough – «хватит»), примитивизма, экологических поселений и множества других антиконсюмеристских движений и практик, а намеренно эпатажное поведение философа напоминает современные радикальные акции протesta против потребительства (демонстрации, антиреклама, акции и флэшмобы в магазинах, фриганизм – поедание выброшенной, но пригодной для употребления пищи).

Другим эллинистическим направлением, связанным с антипотребительством, является античный гедонизм с его предпочтением простых и чистых жизненных радостей чрезмерным удовольствиям. Как считал Эпикур, «...желания бывают: одни – естественные, необходимые; другие – естественные, но не необходимые; третьи – не естественные и не необходимые, а порождаемые праздными мнениями» [Там же. С. 409]. В целом в практиках ограничения потребностей и стремления к счастью Эпикур продолжает традицию Диогена. С классификацией Эпикура соглашались впоследствии А. Шопенгауэр [3. С. 214] и Г. Маркузе (в виде разделения потребностей на «истинные» и «ложные») [4. С. 22]. К «праздным мнени-

ям» современного общества потребления можно отнести рекламу, кредиты, моду, пиар, средства массовой информации, порождающие у населения потребности в не являющихся действительно необходимыми вещах, несущих лишь символическую нагрузку.

Каждая эпоха вырабатывала свою антиконсюмеристскую модель, но не всегда антипотребительские тенденции выражались эксплицитно. В философии Нового времени идеи антипотребительства существовали имплицитно, не так явно, как в период Античности, однако это тема отдельного исследования. В самом начале модернистской философии мы можем обнаружить яркую критику потребления в философии А. Шопенгауэра. Согласно его учению воля понимается как бессознательное, неудержимое стремление, в целом – поток желания. Пресечение желания, а значит, и пресечение воли приводят к страданию. В понимании причин страдания и способов борьбы с ним Шопенгауэр близок к буддизму. Учение Шопенгауэра о счастье, описанное в его «Афоризмах житейской мудрости», состоит из трех частей: что такое человек есть, что человек имеет и чем человек представляется. Главным, по мнению философа, является «что такое человек есть, то есть что он имеет в самом себе: ибо его индивидуальность сопутствует ему постоянно и всюду, накладывая свою печать на все, что он переживает» [3. С. 191]. Отсюда залогами счастья являются здоровье, веселый нрав и высокий интеллект; эти качества являются тем фильтром, через который информация о мире доходит до сознания человека и формирует позитивное мировосприятие. Философ исходит из того, что чувство меры в отношении имущества у всех людей разное: «Источник нашего недовольства лежит в наших постоянно возобновляющихся попытках повысить фактор потребностей, при неподвижности другого фактора, которая этому препятствует» [Там же. С. 215]. Одним словом, недостаток средств при завышенных запросах неизбежно приводит к страданию. Фruстрация потребительских желаний неизбежно приводит к страданию и агрессии; таким образом, общество потребления предстает перед нами как общество массового несчастья.

Продолжение идей антипотребительства мы можем найти в трудах философов Франкфуртской школы. В эпоху становления общества потребления в 1960-е гг. Г. Маркузе в своем труде «Одномерный человек» описал его тоталитарный характер: технологический и экономический комфорт заставляет людей отказаться от бунта против дисфункциональной системы в силу того, что она не кажется дисфункциональной. Неототалитаризм проявляется в том, что люди даже не осознают, под каким диктатом они находятся, поскольку протестное сознание подавляется в зародыше. Общество потребления подавляет те потребности, которые как раз следует развивать (в самореализации, развитии и т.д.): «Оно репрессивно именно в той степени, в какой способствует удовлетворению потребностей, необходимых для продолжения гонки с равными себе и с запланированным устремлением, наслаждению свободой от напряжения мозгов и созданию средств разрушения» [4. С. 313].

В отличие от рациональной античной традиции антиконсюмеризма Маркузе винит саму рациональность в построении технократического общества потребления. Однако можно заметить, что рациональными были изначальные мотивы развития науки и техники – прежде всего, их целью было облегчение и упрощение человеческой жизни. Однако в дальнейшем рациональная деятельность приобрела совершенно иррациональный характер. Мы видим, что люди работают не меньше, чем во времена более примитивной техники; рабочие привыкли к комфорту и утратили революционный настрой, а массовое внедрение технологий приводит к убыстрению социального времени, увеличению информационного потока и в конечном счете к ухудшению качества жизни. Современная система кредита сильнее самых жестких законов удерживает работников от малейших проявлений нонконформизма.

Огромный вклад в становление антиконсюмеризма внес Э. Фромм. В работе «Иметь или быть?» философ вводит социальный портрет «рыночной личности» – типичного потребителя (во всех сферах жизнедеятельности), каким он существует уже более полувека. Согласно Э. Фромму, «человек этого типа себя самого воспринимает как товар и свою ценность видит не в своей “потребительной”, а в “меновой стоимости”. Человек становится товаром на «рынке личностей» [5. С. 225]. Апофеоз общества массового потребления – формула «Я есть то, чем я обладаю и что я потребляю» [Там же. С. 49]. Мотивы истинного и ложного бытия (и потребностей) Фромм выражает в модусе бытия и модусе обладания. Если модус обладания – это идеология консюмеризма и образ нетворческой, присваивающей, безрадостной жизни, основанной на категории «количество», то модус бытия – «такой способ существования, когда человек ничего не имеет и не жаждет иметь, но счастлив тем, что продуктивно использует свои способности и находится в единстве со всем миром» [5. С. 35], основная категория – «качество». Это тот образ мышления и жизни, который может не только освободить («умиротворить» в терминологии Маркузе) отдельную личность, но и сломать систему тоталитарного контроля потребления. Если люди в массовом порядке оставят потребление на уровне естественных потребностей и займутся творчеством, общением с людьми и природой, самообразованием, то экономика будет вынуждена подстраиваться под новый порядок.

Антиторговельские тенденции в XX в. прослеживаются также в социальной антропологии. Наибольший интерес в связи с этим представляет концепция дара, разработанная социальным антропологом М. Моссом. Результаты многолетних антропологических исследований традиций дара позволили ему говорить о «системе совокупных, тотальных поставок» – самой древней установленной экономико-правовой системе, в которой «материальная и моральная жизнь, обмен функционируют в бескорыстной и в то же время обязательной форме» [6. С. 189], а обязанность достойно возмещать носит императивный характер, поскольку если люди не отдаивают

или не разрушают эквивалентные ценности, то навсегда теряют свое социальное лицо, вплоть до рабства за долги [Там же. С. 211]. Можно заметить, что эта докапиталистическая система принуждает людей к дару и обмену не менее эффективно, чем стремление к материальной выгоде или системы налогов и кредитов, однако покоятся на совершенно других основаниях: вместо индивидуализма – групповая мораль, вместо законов – «добровольно-принудительный» порядок, вместо погони за прибылью – щедрость и социальная солидарность, вместо отчуждения – сплочение членов общества. Даже властная иерархия строится по-иному: истинно богат и влиятелен не тот, кто много имеет, а тот, кто много отдает.

Как пишет М. Мосс, «можно и нужно вернуться к архаическому, к исходным началам» [6. С. 267], тем более что вся система социального страхования и социального обеспечения уже является подобным возвратом [Там же. С. 264]. Таким образом, капиталистический уклад экономики не является единственным возможным способом ее организации, а дорыночный порядок имеет шанс стать и послeryночным. Дар может выступать в форме социальных институтов, производства и потребления, способов общения между людьми, обусловливая творческий характер создаваемой им культуры.

Подводя итоги, можно сказать, что основными характеристиками описанной выше *философской модели антиконсюмеризма* являются следующие:

- 1) разделение потребностей на «истинные» (естественные) и «ложные» (неестественные);
- 2) эвдемонизм – понимание ограничения потребностей (избавление от «ложных») как путь к свободе и счастью;
- 3) акцент на внутреннее содержание поведения, а не на внешнюю демонстрацию;
- 4) единство идеи и образа жизни, пропаганда своих принципов;
- 5) гражданский характер (основанный на активной гражданской позиции), стремление преобразовать общество.

Можно также отметить *сатирический* характер этой модели. П. Слоттердейк отмечает, что выступление против лжи провоцирует возникновение климата сатирической развязности – аффективного растормаживания власти имущих в ответ на выпады [2. С. 182]. Эффект кинического смеха заключается не только в привлечении внимания к учению, но и к созданию положительного отношения общества к активистам. Не только древние греки использовали «смеховой мотив», он активно применяется современными антиконсюмеристами в социальной и культурной деятельности.

Далее мы рассмотрим *религиозную модель* антиконсюмеризма на примере буддизма (в восточной культуре) и христианства (в западной культуре). В целом большинство религиозных учений содержит антиконсюмеристские идеи, за исключением, на наш взгляд, протестантизма, который выступает идеейной основой капитализма.

Наиболее древней и независимой от европейской традиции является буддистская религиозная модель

антипотребительства. Для буддизма в целом характерна жесткая привязка страдания к мирским желаниям («четыре благородных истины буддизма»). Здесь также присутствует деление потребностей на «ложные» и «истинные». Как отмечает современный историк О.П. Семотюк, в буддийской традиции зло – это неумеренные или неправедные желания (таньха), положительные желания (чанда) – это стремление к достижению Нирваны, к миру и счастью других [7. С. 46]. «Суть цивилизации – продолжает О.П. Семотюк – буддизм усматривает не в умножении потребностей, а в очищении самого человека; его творческая деятельность ставится выше производства. Главное для буддистов – не выбор между экономическим ростом и традициями, а определение своеобразного “срединного пути” между материальной обеспеченностью и традиционной духовностью» [Там же. С. 126]. Местные власти в Индии нередко создают трудности предпринимателям. Чтобы не было безработицы, принципиальным является производство из местных материалов и для местного потребителя с минимальным ущербом для окружающей среды [Там же. С. 126–127].

Принцип «срединного пути» в буддизме отличается от аскетизма христианства (особенно средневекового). Далее мы остановимся на христианском варианте религиозной модели. В Новом Завете приведено большое количество высказываний Христа о потребностях, богатстве и бедности. Среди них можно отметить следующие слова из Нагорной проповеди: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего – во что одеться. Душа – не больше ли пищи, и тело – одежды?» (Мф 6:25). Любопытно, что здесь признается равный приоритет бытия, души и тела над предметами потребления, в то время как в дальнейшем развитии христианства преимущественное внимание будет уделяться душе. Христос, как и античные философы, подтверждал слово делом, выгнав торговцев из храма (Ин 2:15), фактически объявив торговлю делом «низким» и «оскверняющим» религиозное чувство. Нетрудно заметить влияние образа Иисуса Христа на современных антиконсьюмеристских активистов, врывающихся в супермаркеты и объясняющих покупателям из чего, кем и в каких условиях были произведены продаваемые им товары (это в мягком варианте; в более жестком протесты обрачиваются с погромами «храмов» капитализма).

Христианство изначально было нацелено на массовую аудиторию нищих и бедняков, однако по мере развития стало находить приверженцев среди более состоятельных социальных страт, сделавшихся в конце концов официальной религией античных и ранних средневековых государств. Постепенно стали складываться монашеские ордена, проповедовавшие бедность. Наиболее бескомпромиссным был орден францисканцев, основанный в XIII в. святым Франциском Ассизским. Как отмечает русский историк Л.П. Карсавин, «...в основе его (францисканского ордена. – Е.В.) лежал иной идеал жизни, чем тот, который лежал в основе монашества, иное, более буквальное понимание Евангелия. <...> Ученик Христа должен

быть нищ, и Франциск отказался от всех компромиссов и формальных обходов, которых никогда не отвергало монашество. Апостол должен быть скитальцем...» [8. С. 141–142]. Таким образом, францисканство предлагало более прямолинейный вариант христианства, основанный на доступности, личном примере монахов и личной активности мирян в спасении собственной души, при этом не последнюю роль играли отказ от имущества и аскетичный образ жизни. Сам Франциск, как отмечает немецкий историк и писатель Х.К. Цандер, с молодости испытывал чувство «одряхления мира»: «Кто имеет сто вещей и хочет иметь тысячу других, тот дряхлеет. Он теряет изначальную радость молодости, радость бытия в этом мире» [9. С. 71]. Мы наблюдаем здесь прямую перекличку идей святого Франциска с идеями античных и современных философов.

Борьба за толкование идеалов бедности приобрела среди монашества характер соперничества. С появлением ордена доминиканцев возник «спор о бедности в Ассизи». Как пишет Х.К. Цандер, на одной стороне были «Realos» (реалисты), которые хотели быть бедными по духу, но не материально; на другой стороне стояли «Fundis» (фундаменталисты) с тезисом «если монах не беден материально, значит, он богат» [Там же. С. 20]. Доминиканцы и францисканцы по-разному толковали понятие бедности, что давало первым возможность жить в достатке, а вторым – упорствовать в фанатичной аскезе, добиваясь царствия небесного.

Итак, можно выделить следующие характеристики религиозной модели антиконсьюмеризма:

- 1) ведущий мотив ограничения потребностей – личное спасение;
- 2) цели аскетизма и воздержания представлены в священных текстах: загробное воздаяние (в христианстве) или прекращение перерождений (в буддизме);
- 3) пример подает сам мессия или святой;
- 4) организация в виде монастырей или монашеских орденов.

Итак, мы обнаружили, что антипотребительские тенденции в истории философии имеют глубокие корни, уходящие в античную Грецию и Древнюю Индию. Учения киников, эпикурейцев, А. Шопенгауэра, философов Франкфуртской школы, идеи М. Мосса и П. Слотердайка позволяют выделить философскую модель антиконсьюмеризма, в которой акцент сделан на мотиве освобождения, независимости от вещей, денег и социальных порядков, подтверждении своих представлений образом жизни. Потребление признается тоталитарной системой рабства, и избавление от него является борьбой за истинное бытие. Буддизм и христианство образуют две ветви религиозной модели, для которой ведущим мотивом является личное спасение; образцами для подражания в ней выступают сами основатели религии или ее выдающиеся представители. В отличие от философской модели религиозная модель не ставит своей целью преобразование общества. Обе модели оказывают значительное влияние на деятельность современных активистов-антиконсьюмеристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1998. 576 с.
2. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.
3. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Под завесой истины : сб. произведений. Симферополь : Реноме, 2003. С. 181–363.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 331 с.
5. Фромм Э. Иметь или быть? М. : Астрель, 2010. 314 с.
6. Мост М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М. : Книжный дом «Университет», 2011. 416 с.
7. Семотюк О.П. Буддизм: история и современность. Ростов н/Д : Феникс ; Харьков : Торсинг, 2005. 320 с.
8. Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. М. : Ломоносовъ, 2012. 192 с.
9. Цандер Х.К. Как святая инквизиция объявила забастовку. СПб. : Издательство Вернера Регена: Крига, 2013. 112 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2015 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ANTICONSUMER MODELS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY AND RELIGION

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 5–9. DOI: 10.17223/15617793/399/1

Vasilovskaya Ekaterina A. Krasnoyarsk State Agricultural University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: catharsis09@yandex.ru

Keywords: consumer society; anticonsumerism; cynicism; Christianity; Buddhism.

The article classifies philosophical and religious concepts critically related to excessive consumption and the ideology of consumerism and directly influencing the development of modern anticonsumerist practices. Modern anticonsumerism is an ideology and a set of social, economic and cultural movements aimed at criticism of excessive consumption and finding an alternative. Certain trends of analysis of consumerism as a negative social phenomenon appeared in ancient times. The aim of this work is to identify anticonsumerist models in the history of Western and Eastern culture. An anticonsumerist model can be considered as a theoretical system of ideas about the nature of human needs and their implementation as ethical practices of self-improvement. Through the development of ethical traditions in understanding suffering, pleasure, abstinence and freedom one can trace the formation of anticonsumerist morality and its specific historical and cultural content, depending on the belonging to a certain religious doctrines or philosophical schools. The purpose of this paper is to identify the essential characteristics of the sample anticonsumerist models in the history of Western and Eastern culture in chronological order. The results revealed two anticonsumerist models: philosophical and religious. The philosophical model is manifested in the teachings of Diogenes, Epicurus, A. Schopenhauer, the philosophers of the Frankfurt School, social anthropology of M. Moss; it has a developed classification of needs, aspiration for independence as a necessary condition of happiness, social activity. In this model, the emphasis is put on the domestic content of behavior, on the correspondence of lifestyle to the stated principles. The religious model is revealed in the article by the example of religions of Eastern and Western cultures, Buddhism and Christianity. The religious model is characterized by the understanding of liberation from things and constraint of needs as achieving personal salvation; anticonsumerist ideas are often expressed in the scriptures and supported by social institutions (monasteries). Overall, the majority of religious teachings contain anticonsumerist ideas, except for Protestantism, the ideological basis of capitalism, and, as a result, a consumer society. All this suggests that anticonsumerism is the philosophy and social practices of simple living, inherent in every era and every culture, universal in nature, supplemented in each case with specific historical characteristics.

REFERENCES

1. Diogenes Laertius. (1998) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow: Mysl'.
2. Sloterdijk, P. (2009) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: AST MOSKVA.
3. Schopenhauer, A. (2003) Aforizmy zhiteyskoy mudrosti [Aforisms of worldly wisdom]. In: Schopenhauer, A. *Pod zavesoy istiny: sb. proizvedeniy* [Under a veil of truth: collection of works]. Simferopol: Renome.
4. Marcuse, H. (2009) *Odnomernyy chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow: AST: AST MOSKVA.
5. Fromm, E. (2010) *Imet' ili byt'*? [To Have or to Be?]. Moscow: Astrel'.
6. Moss, M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost'*. Trudy po sotsial'noy antropologii [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: Knizhnnyy dom "Universitet".
7. Semotuk, O.P. (2005) *Buddizm: istoriya i sovremennost'* [Buddhism: History and Modernity]. Rostov-on-Don: Feniks; Kharkov: Torsing.
8. Karsavin, L.P. (2012) *Monanstvo v Srednie veka* [Monasticism in the Middle Ages]. Moscow: Lomonosov''.
9. Zander, H.C. (2013) *Kak svyataya inkvizitsiya ob'yavila zabastovku* [How the Holy Inquisition went on strike]. St. Petersburg: Vernera Regena: Kriga.

Received: 24 June 2015

Д.О. Воробьёв, Н.В. Пономаренко, А.Е. Козлова

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ЭРОТИЗМА КАК СПОСОБА ОБРЕТЕНИЯ БЕССМЕРТИЯ

Эротическая философия древности направлена не только на повсеместное познание и развитие эротических практик. Для этой философии характерен особый взгляд на Эрос, который полагается как акт телесного и духовного самосовершенствования, развития, творческой и созидательной деятельности. В трактатах философов сочетаются размышления о природе Эроса, его назначении, смысле и конкретные практики, которые позволяют раскрыть его потенциал в полной мере. Эротическое действие полагается не как «голая» сексуальность, а как осмыслиенный процесс, приводящий к бессмертию личности.

Ключевые слова: Эрос; либидо; бессмертие; энергия; тело; сексуальные практики.

Не одно столетие в среде философов и мыслителей ведутся споры о феномене бессмертия как о бесконечном акте духовного и телесного бытия человека. С древних времен люди пытаются найти путь к бессмертию с помощью различных духовных обрядов и практик: поклонение богам и жертвоприношения в языческих культурах, целительные практики и физические упражнения в восточных цивилизациях. В современном мире идея вечной жизни не теряет своей актуальности. Благодаря процессу мировой глобализации и возможности за короткий срок преодолевать большие расстояния мы видим, как соединяются воедино идеи Запада и Востока, и многие из них находят оправдание с точки зрения современной медицины (йога, акупунктура). Изучая разные культуры, невольно обращаешь внимание на то, что в каждой из них, затрагивая тему бессмертия, мыслители уделяют особое значение Эросу. Недаром в каждом обществе существует масса правил, табу, нормативных законов, касающихся телесных практик, которые приближают человека к бесконечному бытию.

В данной статье мы проанализируем греческий, китайский и индийский взгляды на эротический компонент в практиках, помогающих обрести долголетие и, соответственно, еще на один шаг приблизится к вечной жизни – бессмертию. Мы полагаем, что именно эти цивилизации породили в своей культуре наиболее яркие коннотации эротической составляющей человеческого бытия, исследовав ее во всех проявлениях и выделив из нее те аспекты, которые касаются Эроса, как созидательной силы любви, объединяющей телесное и духовное.

Греческий мыслитель Платон в своем труде «Пир» определил Эрос как сильное желание, любовь, пропотенцию, приводящую в действие механизм генеалогического порождения мира [1]. Он предложил четыре способа обессмертить человека через Эрос. Во-первых, человеческое бессмертие достигается в акте деторождения. Здесь эротическое стремление воспроизводит потомство и тем самым делает бессмертными родителей, продолжая их в детях. Во-вторых, человеческое бессмертие происходит из творческих потенций человека, которые так же зависят от Эроса [Там же]. В дальнейшем немецкий философ и мыслитель Юнг говорил, что любой творческий акт есть акт созидания, а значит, акт эротического восхождения [2. С. 78]. Третий и четвертый аспекты, по Платону, за-

ключаются в стремлении и любви к красоте, под этим греческий мыслитель подразумевает гносеологическое и эстетическое значение Эроса для бытия личности. В греческой космогонии основатели мира – это Эрос, Хаос и Гея-Земля [1]. В интерпретации Аристотеля Эрос есть олицетворение жизненной энергии, приводящей в движение Хаос (пространство) и Гею (праматерию) [3. С. 73–75]. Соответственно, пока существует Эрос, существует жизнь. Кроме того, Аристотель полагал, что мужское семя есть основа души в человеке [Там же].

Во многих культурах олицетворением жизни, любви и бессмертия являются союзы между мужчиной и женщиной. Так, в индийской философии мы встречаем легенду об истории любви богов Камы и Оки. Эта легенда рассказывает о споре влюбленных во время свадьбы, о том, чьи чувства сильнее. Пустив друг в друга любовные стрелы, возбуждающие силу страсти, они пронзили и сердца и упали замертво. Их кровь, символизирующая неисчерпаемую силу жизни, которую можно приравнять к понятию либидо, введенную Фрейдом и означающую энергию Эроса, стала потоками двух крупных рек [4. С. 56]. В этой легенде мы можем видеть, как любовь, страсть и Эрос дарят любящим бессмертие.

Существует множество трудов в индийской философии, посвященных эротическому аспекту в достижении бессмертия, таких как «Камасутра», ее продолжение «Ветви персика». Они представляют собой этические, эротические трактаты-инструкции, целью которых является обучение мужчин и женщин сексуальным практикам, которые приближают человека к вечной жизни через наслаждение и деторождение. Особое внимание привлекает книга «Тибетская камасутра», автор которой тибетский монах Гедун Чопел. Он считал, что Эрос господствует во всем и везде. Сущность эротизма есть движение к экстазу, который становится способом трансформации сознания человека через творческий акт в божественное сознание, а боги бессмертны [5].

Китайская философия более рациональна. В этой культуре мы встречаем большое количество физических практик, направленных на достижение бессмертия: тайцзи, практики дао-цзяо-нэй-гун, оздоровительный цигун и цигун Бодхидхармы – «Канон преобразования мышц и сухожилий» – Ицзинь-цзин. Мыслители Китая говорили о том, что по телу чело-

века циркулирует энергия Ци, которая есть сила, дающая человеку жизнь, а значит, сила Эроса [6]. Люди способны достигнуть долголетия и бессмертия только в том случае, если эта энергия равномерно и свободно циркулирует по телу. Это возможно лишь в том случае, если человек обладает внутренней гармонией, достигнутой благодаря правильному питанию, отказу от вредных привычек, физическим упражнениям и сексуальным практикам. Энергия Ци понимается как основа жизненной силы (либидо, по Юнгу, который говорил, что Эрос – это часть жизненной силы, но не единственная ее составляющая), и техники ее использования имеют много названий. Одно из них – оздоровительный Цигун. Согласно последним раскопкам в провинции Цинь-Хай, в слоях культуры Маджаяу, датируемой более 5 тыс. лет, найдены свидетельства данных практик. Цигун – старинная буддистская техника, где путем упражнений на сгибание в суставах, придавливания кожи и мышц монахи пытались достигнуть абсолютного здоровья, дающего надежду на бессмертие [7]. Относительно сексуальных практик в Китае считалось нормой максимальная интенсификация половой жизни, что является одним из способов восстановления циркуляции Ци. Если человек не может реализовать энергию либидо, значит, все его мысли будут направлены на возможность реализации своего желания. Соответственно, человек не сможет очистить свой разум и приблизиться к бессмертию. Существовала другая школа, приверженцы которой говорили о том, что для достижения долголетия и приближения к божественному бессмертию необходимо отказаться от всех плотских удовольствий и что высвобождение либидозной энергии приводит к ис-

тощению энергии организма, которая необходима для других телесных практик. Китайский эротизм тесно связан с китайской медициной, и каждый половой акт должен быть полезен в первую очередь для мужчины [8. С. 6–7]. Мужской эротизм первостепенен, и его следует развивать. Из этих постулатов исходили сторонники третьей школы. Для них слияние между мужчиной и женщиной становится сакральным процессом, в котором мужчина должен забрать женскую энергию Эроса и при этом не отдать свою, т.е. не осуществить семязвержение. Семя есть источник мужской силы. Чем больше у мужчины семени, тем сильнее его Эрос и, значит, он может достигнуть долголетия и приблизиться к бессмертию.

Таким образом, мы рассмотрели три величайшие культуры, которые познали суть бытия человека и стремились приблизить его к божественному бессмертию с помощью различных практик, среди которых сексуальные техники заняли одну из важных ролей. Энергия Эроса – это сама причина жизни. Она обретает устойчивость и завершенность в цикле могущественного влечения, любовного слияния, зачатия детей, их рождения, воспитания и выхода в большой мир. Человек дает другому человеку жизнь, продолжая себя в своих детях, а значит, приближается к божественному. Эрос и бессмертие – необъятная тема, удивительная красота тантрического союза – одновременно физического и вневременного. Эрос стал божественным проводником к бессмертию. Человек стремится к вечному бытию через стремление к идеалу, через перерождение самого себя, через трансценденцию, через преобразование своего сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Пир. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/20pir.htm> (дата обращения: 16.03.2015).
2. Юнг К.Г. О психической энергии // Юнг К.Г. Структура и динамика психического : пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2008. 480 с.
3. Аристотель. Метафизика. М. : Эксмо, 2006. 608 с. (Антология мысли). (Перевод в редакции 1934 г.)
4. Фрейд З. Фазы развития сексуальной организации // Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности : пер. с англ. М. : Азбука, 2010. 256 с.
5. Гедун Чопел. Тибетский трактат о страсти. URL: <http://kamasukha.in/tibet/author> (дата обращения: 11.03.2015).
6. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб. : Андреев и сыновья, 1993 (изд. 2-е, доп. СПб. : Лань, 1998). URL: <http://etor.h1.ru/daoism.htm> (дата обращения: 18.03.2015).
7. «Хуан-ди нэй-цин», или «Трактат Желтого Императора о внутреннем» / пер. Б. Виноградского. М. : ЛМА, 1996. URL: http://www.qigong.ru/materials/detail_mat.php?lng=r&id=197 (дата обращения: 16.03.2015).
8. Кобзев А.И. Парадоксы китайского эроса [вступительное слово] // Китайский эрос : науч.-худож. сб. / под ред. А.И. Кобзева. Екатеринбург : Квадрат, 1993. 506 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 июня 2015 г.

PHILOSOPHICAL-CULTURAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF EROTICISM AS A WAY OF IMMORTALITY ACHIEVEMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 10–12. DOI: 10.17223/15617793/399/2

Vorobiev Dmitriy O. Orenburg State Medical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: dratsolonchack@mail.ru

Ponomarenko Nadezhda V. Orenburg State Medical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: k_philosopher@orgma.ru

Kozlova Anastasiya E. Orenburg State Medical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: k_philosopher@orgma.ru, dratsolonchack@mail.ru

Keywords: Eros; libido; immortality; energy; body; sexual practices.

Ancient oriental philosophy is extensive and very rich in a variety of topics. Practically, there is no question that had not been consecrated in it. Such a particular topic as erotic philosophy, as well as topics of politics, ways of knowing, ontological questions, is actively represented in Eastern philosophy. It was not only aimed at the widespread knowledge and the development of erotic practices. It is looking for the true meaning of Eros and finds it in the Eros' pursuit of personality immortality. Thinkers of the ancient East: India, China, Tibet, suggested uniting the spiritual and the material beginnings, where Eros is not so much for pleasure but is the actual practice of physical and spiritual content focused on personality's self-improvement and immortality, on overcoming the

destructive forces acting internally and externally. In general, the ancient oriental philosophy does not oppose the body and spirit. On the contrary, it prefers to join them, because it believes that it is separation that creates insurmountable contradiction, generates negative effects, leading ultimately to the death of a person. In addition, a very important aspect is physicality, because the body becomes the foundation of a new renaissance of a person. Body in ancient oriental texts denies depravity, rejecting destructive desires and habits, trying to be a true vessel of the spirit that elevates it and gives way to self-improvement through comprehension and learning harmony. Self-improvement through Eros, creative perception of the world, Eros and creativity, creation and generation of new meanings, overcoming narrow understanding of time, space and life – this is what erotization of creativity is aimed at. The human body becomes open to Logos and with the Logos it wants to understand the world, getting into it by cognizing it not only at the practical level, but also at the ideal and energy levels. The whole world is imbued with energy, and the world, one way or another, lives according to the law of energy conservation. One needs a balance that creates harmony and life. Too much power or too little of it creates a path to self-destruction, to dying, to growing destruction and chaos.

REFERENCES

1. Plato. (c. 1922) *Pir* [Symposium]. [Online]. Available from: <http://psylib.org.ua/books/plato01/20pir.htm>. (Accessed: 16th March 2015).
2. Jung, C.G. (2008) O psikhicheskoy energii [About psychic energy]. In: Jung, C.G. *Struktura i dinamika psikhicheskogo* [Structure and dynamics of the psyche]. Translated from English. Moscow: Kogito-Tsentr.
3. Aristotle. (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Translation from Old Greek of 1934. Moscow: Eksmo.
4. Freud, Z. (2010) Fazy razvitiya seksual'noy organizatsii [The phases of sexual organization]. In: Freud, Z. *Ocherki po psichologii seksual'nosti* [Essays on the psychology of sexuality]. Translated from English. Moscow: Azbuka.
5. Gedun Chopel. (n.d.) *Tibetskiy traktat o strasti* [Tibetan treatise on passion]. [Online]. Available from: <http://kamasukha.in/tibet/author>. (Accessed: 11th March 2015).
6. Torchinov. E.A. (1993) *Daosizm. Opyt istoriko-religiovedcheskogo opisaniya* [Taoism. Experience of the historical and religious science description]. St. Petersburg: Andreev i synov'ya. [Online]. Available from: <http://etor.h1.ru/daoism.htm>. (Accessed: 18th March 2015).
7. Anon. (1996) "Khuan-di ney-tzin" ili "Traktat Zheltoogo Imperatora o vnutrennom" [The Huangdi Neijing, or The Yellow Emperor's Inner Classic]. Translated from Chinese by B. Vinogradskiy. Moscow: LMA. [Online]. Available from: http://www.qigong.ru/materials/detail_mat.php?lng=r&id=197. (Accessed: 16th March 2015).
8. Kobzev, A.I. (1993) Paradoxы kitayskogo erosa [Paradoxes of Chinese Eros]. In: Kobzev, A.I. (ed.) *Kitayskiy eros* [Chinese Eros]. Ekaterinburg: Kvadrat.

Received: 25 June 2015

А.Э. Гегер, С.А. Гегер

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ: СПЕЦИФИКА РАЗНЫХ ПОДХОДОВ

Рассматриваются два основных подхода в изучении ценностных ориентаций: подход измерения ценностей и подход выявления ценностей. Систематически анализируется потенциал данных подходов. Приводятся результаты исследования по мягкой методике выявления ценностей.

Ключевые слова: ценностные ориентации; жесткие методики; мягкие методики; измерение; выявление.

В социологии и социальной психологии наблюдается стойкий интерес к изучению ценностных ориентаций, в том числе среди отечественных исследователей. Актуальность изучения ценностей определяется той значимой ролью, которую они играют как в регуляции поведения отдельно взятого индивида, так и в координации деятельности больших и малых групп, культуры и нации в целом. Наиболее остро встает вопрос о необходимости изучения ценностных ориентаций у разных социальных групп в связи с кардинальными трансформациями общества. С изменением эпохи одни ценности уходят на периферию или вообще исчезают, другие, сохранив объект значимости, меняют внутреннее содержание, появляется ряд принципиально новых ценностей. Так, в войну ценность «выжить, остаться живым» занимала ведущее место. В послевоенное время, безусловно, возросла значимость мирного сосуществования. В эпоху перестройки наиболее актуализировались в общественном сознании ценности демократизации. В последние годы для молодежи существенными стали идеи успеха и карьеры.

Устойчивые в целом ценности, такие как «семья», «работа» и др., со сменой «эпох» меняют свое смысловое наполнение, смещаются аспекты их восприятия в обществе. В качестве примера можно сказать об изменении статуса и содержания ценностной категории «работа» в российском обществе. В советское время «интересная работа» являлась самозначимой ценностью. В постсоветский же период происходит усиление мотивации на заработок, идея творческой самореализации в работе, интересности работы уходит на второй план [1].

Для разных социально-статусных и социально-демографических групп значимы различные ценности. Так, в сознании учащихся старших классов представления о работе слабо сформированы либо вообще отсутствуют, в то время как для студентов старших курсов работа становится актуальной, более определенной и значимой идеей их жизни. Для тех, «кому за 40», возрастает значимость гарантии занятости, для молодых специалистов существенными аспектами становится возможность карьерного роста. Молодежь стала понимать, что такое «социальный пакет» и чем он важен [2. С. 14]. Экономически активное население стало ценить «надежное место работы» [3].

О методах исследования ценностей. При изучении ценностных ориентаций перед исследователем стоит сложная задача: ему предстоит открыть дверь

во внутренний мир человека и столкнуться с несистематизированными и размытыми представлениями человека о себе и об окружающем мире. Сложность предмета исследования ставит вопрос о выборе более адекватного метода, который смог бы обеспечить определенный доступ к личностным конструктам индивида.

Рассмотрим арсенал измерительных подходов и методов, которые выработались в исследовательской практике. Анализ публикаций последних лет в периодических социологических изданиях позволяет сделать вывод о существовании трех основных методологических подходов к изучению ценностных ориентаций.

Самый распространенный подход состоит в использовании стандартизованных методик – предлагаются определенный список названий ценностей и способ однозначного их оценивания. Большинство исследователей обращаются к методике, разработанной американским социальным психологом М. Рокичем.

Небольшая часть исследователей выбирает качественные методы, в основном это полуструктурированное интервью, интервью и его модификации, анализ автобиографий и другие методики.

Встречается также смешанная стратегия – использование и качественных, и количественных (стандартизованных) методик на измерение ценностей в рамках одного исследования.

Остановимся более подробно на методике М. Рокича. В ней используется два автономных списка ценностей – 18 терминальных (ценностей-целей) и 18 инструментальных (ценностей-средств). В списке терминальных ценностей мы имеем такие формулировки, как «здоровье (физическое и психическое здоровье)», «наличие хороших и верных друзей», «счастливая семейная жизнь» и др. Список инструментальных ценностей включает такие категории, как «честность (правдивость, искренность)», «эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)», «чуткость (заботливость)» и др. Значимость ценностей устанавливается путем ранжирования – респондент должен наиболее значимой ценности присвоить 1-е место, далее – 2-е и т.д., вплоть до 18-го места для наименее значимой ценности. Терминальные и инструментальные ценности ранжируются автономно. Как правило, ценности для ранжирования предлагаются респонденту списками, иногда для удобства выполнения задания респондентам предлагаются наборы из 18 карточек.

Проведем «инвентаризацию» познавательных особенностей методики Рокича.

1. В методике используется для оценивания большое число в целом достаточно глобальных и неопределенных социальных сущностей – осознание их смысла затруднительно для респондента.

2. Респондентам предлагаются расположить 18 ценностей на 18 мест в порядке их важности – однако сомнительно, что у респондента имеется такое количество уровней значимости (дважды по 18 уровней).

3. Надо отметить, что «за кадром» остается основная проблема – соотношение собственных ценностных ориентиров и предлагаемых методикой формулировок. С одной стороны, в заданном списке может просто не быть существенных для конкретного человека позиций. С другой стороны, респондент по требованиям методики не имеет права отказаться от оценивания отдельных, даже нерелевантных для него ценностей (отказ от ответа не предусмотрен) – все 36 ценностей респондент должен признать как бы «своими» и выделить каждой место в собственной ценностной иерархии.

В соединении всех трех замечаний можно предполагать, что результаты установления респондентом ранжированного ряда для заданного списка ценностей будут достаточно случайными. Качество стандартизированной методики легко можно определить методом повторного опроса одних и тех же респондентов.

В рамках исследования диспозиционной системы регуляции поведения личности (руководитель В.А. Ядов) проверялась устойчивость методики Рокича [4. С. 208]. Основными были следующие результаты проверочного эксперимента: ценности, занимающие у респондентов первые 3–4 места и последние 2 места, – были достаточно устойчивыми. Ценности же, помещаемые в срединную часть ранжирования, оказались очень размытыми – имели сдвиг в среднем у каждого респондента на 4–7 рангов. Терминальные ценности (ценности-цели) оказались более устойчивыми, чем инструментальные (ценности-средства). При укрупнении рангов шкалы с 18-членной до 6-членной устойчивость повышалась.

4. Сомнительным представляется возможность использования единой жесткой методики для изучения ценностей представителей разных культур – американской и российской. Несомненно, требуется адаптация американской методики к реалиям современного российского общества. Примеры формулировок ценностей из адаптированной к советским людям американской методики как раз приводятся в наших примерах по методике М. Рокича.

Однако даже после осуществления достаточно успешной адаптации методики встает вопрос об обоснованности применения данной методики для измерения ценностных ориентаций различных социально-профессиональных, социально-демографических и других групп в рамках одной культуры.

Для разных эпох, для разных социально-политических периодов в стране характерны разные ценности, для разных социальных и статусных групп также характерны различные ценности. Разнится восприятие работы, разнится восприятие образования,

досуга, семьи и семейных ценностей, других значимых сторон жизни людей в зависимости от эпохи, в зависимости от принадлежности к определенной культуре, нации и социально-демографической группе. Безусловно, мы ощущаем эти различия, исходя из своего жизненного опыта, однако как уловить эти отличия в рамках социологического исследования? Неужели разрабатывать разные методики с учетом многообразных существенных особенностей разных социальных групп? Мы попробуем предложить и обосновать универсальный метод, преодолевающий упомянутые проблемы.

Обоснование гибкого метода изучения социальных ценностей. Как выясняется, в рамках традиционной эмпирической социологии процесс социологического исследования состоит из нескольких этапов. На начальном этапе происходят формулирование проблемной ситуации и уточнение объекта и предмета исследования, затем выделение основных понятий и их операционализация, затем выдвижение гипотез на предмет их проверки в процессе исследования [5].

Суть изучаемых проблемных признаков, однако, обсуждается мало и как бы «исчерпывается» задачей априорного выдвижения гипотез, изучением различий в поведении результирующих признаков в разных средах. В нашем случае выдвигались бы гипотезы примерно о том, что значимости ценностей существенно зависят от ряда факторов – пола, возраста, материального положения семьи и т.п., что, соответственно, надо установить в процессе исследования. Такие аспекты, как адекватное понимание респондентом вопроса, когнитивный процесс принятия решения о выборе ответа, выявление личностных смыслов и субъективных представлений респондентов, как правило, не поднимаются.

Мы же считаем, что необходим и возможен исследовательский инструмент / метод, помогающий исследователю приблизиться к адекватному пониманию ценностей, которыми человек руководствуется, и смыслов, которые он вкладывает в различные суждения.

Мы предлагаем для изучения ценностных ориентаций метод открытых вопросов. Наша многократно опробованная методика состоит в следующем. Респонденту предлагается собственным языком вписать значимые для него 10 социальных ценностей. Вторая часть задания предлагает пояснить смысл каждой позиции. Этот прием можно назвать *методом «двойных» открытых вопросов или методом «параллельных» открытых вопросов* (разработка Г.И. Саганенко).

Кроме того, предлагается осуществить количественную оценку каждой персонально записанной ценности – оценить значимость ее, исходя из максимума в 100 баллов. Возможно использовать и другие способы для оценивания ценности – абсолютные, независимые от оценок других ценностей, или относительные – с учетом значимости других ценностей.

Использование в одной методике двойного задания – сформулировать содержательный ответ на чисто открытый вопрос и затем оценить количественно баллами сформулированные позиции – мы называем «предметно-оценочным типом открытого вопроса».

Однако обнаружилась значительная недостаточность выяснения персонального списка ценностей (с разъяснением их смысла) и количественной оценки их значимости. Высокозначимые ценности у каждого из нас есть, однако зачастую наша удовлетворенность реальным их состоянием может быть очень низкая. При том, что «семья» или «здоровье» находятся в ряду самых значимых составляющих жизни человека, что и фиксируют опросы, реализации таковых могут быть в самом неудовлетворительном состоянии. Вот поэтому мы стали добавлять к данной комплексной методике на выявление ценностей и их значимостей еще одно задание – оценка удовлетворенности состоянием каждой названной респондентом ценности исходя из 100 баллов. Приведем саму методику с примером ответов одного респондента (табл. 1).

Таблица 1
Опросная методика с примером ответов респондента

№	Балл	Жизненная ценность	Пояснение смысла
1	100	Здоровье	Долго жить, не болеть!
2	70	Друзья	Это важные спутники на жизненном пути
3	75	Семья	Жена, дети и т.п.
4	40	Карьера	Работа, продвижение
5	80	Впечатления	Приятные моменты в жизни
6	100	Любовь	Без комментариев
7	30	Деньги	Много не бывает

Описанная методика в определенном смысле имеет универсальный характер. Особенности ее заключаются в том, что это самонастраивающаяся методика пригодна для изучения мнений у представителей разных социально-демографических и статусных групп. Данная методика, в отличие от методики прямого ранжирования М. Рокича, направлена на выявление субъективных ценностных предпочтений респондентов, а не на изменение отношения к «наличным» ценностям, представленным одинаковым списком для всех категорий респондентов. Задача исследователя в нашем случае – разобраться с совокупностью ответов, формулируемых респондентами. Надо иметь в виду, что помимо данного комплексного задания методика содержала и другие блоки открытых и закрытых вопросов, которые мы в данной статье не обсуждаем.

Уточним основные составляющие используемой нами методики на измерение.

1. Респондентам предлагается перечислить 10 наиболее значимых ценностей. Заданное количество ответов выполняет методическую функцию – всегда повышает активность респондентов. В нашем случае было опрошено 218 школьников и студентов. В большинстве своем они нашли по 10 значимых формулировок, свыше 10% респондентов «сэкономили» свои рефлексивные ресурсы и назвали меньше 10 позиций. От 218 респондентов получено в сумме 1 745 разовых формулировок ценностей.

Приведем доказательство адекватности данной методики и действительную активность выполнения задания у 218 респондентов – по числу сформулированных ими названий личностных ценностей:

Число ценностей в ответе	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	ВСЕГО
Число респондентов, назвавших по 1, 2, 3...10 ценностей	218	218	216	212	196	185	158	132	112	100	
Число респондентов с 1, 2, 3...10 ответами	0	2	4	16	11	27	26	20	12	100	218

Как видим, 100 человек (или 46% выборки) назвали по 10 ценностей, 196 человек (или 90% выборки) назвали по 5 и более ценностей и т.д., и в среднем в расчете на одного респондента мы имеем по 8 ценностей.

2. Данный метод опроса дает «номинальные» суждения – только короткие или чуть более развернутые названия разных категорий (как в нашем случае – назывались персональные ценности), или можно давать задания – назвать несколько характеристик определенного объекта / явления (примеры: «Назовите причины, почему в стране развивается наркомания»; «Назовите самые позитивные / самые негативные перемены в стране» и др.). Такие ответы в массе респондентов имеют множество повторов и в целом легко разделяются на классы, тем самым это позволяет проводить статистическую обработку ответов и одновременно изучать специфику представлений разных групп.

3. Разработана специальная компьютерная программа ВЕГА, позволяющая удобно хранить данные опроса и обрабатывать их.

Эмпирическая база исследования. В настоящее время нас интересовали представления о ценностях нескольких социально-статусных групп, возможность разобраться с их «ценностными пакетами». В выборку отобрали респондентов по нескольким критериям: школьная – вузовская молодежь (111 и 117 чел.) и взято две школы (179-я и 142-я школы, 111 чел.), взято три вуза (55 студентов гуманитарных специальностей – СПбГУКИ; 52 студента технических специальностей – СПб ГЭТУ, СПб ГУИТМО). Отобрали девушек и юношей (130 и 88 чел.). Использовался метод взаимодействия с респондентами в форме группового опроса, соответственно опрос проводился в классах и группах. Всего 218 чел.

Проведя опрос и собрав эмпирический материал, мы можем выявлять сквозные (для всех групп) и специфические ценности для разных социальных групп, определять дифференцирующие возможности данной методики опроса.

В нашем исследовании очень сложная база данных: в частности, в описываемом блоке анкеты – «двойные» открытые вопросы, сопровождающиеся количественными оценками значимости. Для обработки такого рода информации нужна специальная компьютерная программа. Хранение первичных данных (составление базы данных) и их анализ проводились в рамках компьютерной системы «Вега» [6]. Система «Вега» предназначена для хранения в специа-

лизированном виде текстовых, цифровых, смешанных (текстовых / цифровых, цифровых / текстовых) и других признаков, приписанных отдельным объектам (например, респондентам), и имеет развитые возможности классификации и анализа текстовых признаков, проведения сравнений структур текстовых массивов, статистической обработки цифровых признаков. Обработка текстовых полей позволяет, в частности, получать словари нескольких типов: словари слов, полных ответов, фраз (ответ с множеством тем разбит на отдельные суждения), пермутационные словари; словари можно получать с частотами и адресами; словари можно получать для любого отдельного текстового поля, для нескольких текстовых полей или всех текстовых полей. Более интересный и эффективный способ анализа массивов текстовых суждений – разработка классификатора и последующая классификация массивов текстовых элементов в соответствии с классификатором, что позволяет затем получать текстовые и статистические распределения, сравнивать структуры со-поставимых текстовых массивов.

Классификатор, как правило, состоит из категорий двух уровней – более мощные «классы», затем деление внутри «классов» на более конкретные и более мелкие «подклассы» или «группы». Каждое отдельное

суждение может быть отнесено только в один «класс» и внутри него только в одну «группу». Итог обработки результатов классификации представляет собой составную таблицу одномерных распределений: один класс – одна строчка, которая при этом разбивается на отдельные ячейки в соответствии с количеством «внутренних» групп, в клетках таблицы даются числовые частоты классов и групп. Итог классификации – своего рода концепция наличного массива текстов, наполненная широкими (с большими объемами / частотами) и узкими (с малыми объемами) рубриками, с развитой внутренней структурой (с несколькими подклассами) или вообще без внутреннего деления.

Содержание ценностей групп молодежи. В результате первоначальной классификации всех 1 745 ответов с называнием ценностей было выделено 56 первичных групп суждений. Затем мы объединили близкие по смыслу группы с тем, чтобы получить более обобщенные группы, дающие хотя и более грубую, но одновременно более обозримую и интерпретируемую ситуацию. В результате объединения и укрупнения классов было выделено 18 интегральных категорий, в которые распределены 56 субгрупп, и всего 1 745 единичных суждений. Результаты того, что в итоге мы получили, переданы в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Результаты классификации ценностей у 218 респондентов

№	Частоты	Классы и подклассы ценностей	
1	252	203	Семья Семья. Семейные отношения. Понимание близких. Благополучие. Семейное счастье. Уют домашнего очага. Благополучие близких. Стабильность и уют. Любовь и гармония внутри семьи
		22	Род Родители. Брат. Мои сестры. Бабушка и дедушка. Папа. Мама. Близкие и дальние родственники
		13	Дом. Крыша над головой
		14	Дети. Мои будущие дети. Продолжение рода. Создание своей семьи
2	142	115	Любовь Любовь. Чувства. Любимый человек. Вторая половина
		27	Личная жизнь. Девушки. Парни. Общение с женским полом. Секс
		123	Дружба, общение Друзья
3	217	39	Дружба
		26	Общение. Человеческое общение. Общение с людьми
		29	Доверие. Взаимопонимание. Преданность. Братство. Взаимовыручка
4	208	152	Деньги, достаток Деньги
		33	Материальное благополучие. Обеспеченность
		23	Конкретные материальные ценности
5	122	89	Образование Образование. Учеба. Высшее образование
		21	Школа. Институт. Лицей
		12	Знания
		...	(Приведена только часть результатов классификации ответов)

Мы видим, что на первом месте ценность «СЕМЬЯ» – 252 высказывания (или 14% высказываний от всей их суммы у 218 респондентов), за исключением 5–7 случаев эту ценность отметили почти 100% респондентов. В среднем она стояла в списке на 2,7 месте. Однако в значительном количестве случаев «семья» получала весьма умеренную оценку по значимости и в итоге ее средняя оценка у респондентов составила 55 баллов (максимум 100 баллов).

Что касается категорий «ДРУЖБА», «ДРУЗЬЯ», «ОБЩЕНИЕ», то примерно 20% респондентов эту позицию не упомянули вообще. При том, что «Дружбу» ставят в список ценностей почти на одно место ниже (3-е, 5-е место), ей выставляют более высокие баллы – в среднем 62 балла на респондента.

В принципе, эти результаты могут выступать своего рода справочником при выборе «молодежной» проблематики для исследований. Например, здесь

видно, что встречаются только отдельные упоминания религиозных ценностей. Фактически отсутствует проблематика экологии. Совершенно не представлены коллективистские ценности, идеи служения обществу.

В целом материал представляет большие возможности идентифицировать интересы и чаяния разных категорий молодежи, позволяет проводить регулярные замеры, отслеживать изменение ценностных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М., 2003. С. 460–461.
2. Саганенко Г.И., Татарникова И.М. Предпочтения молодежи в сфере работы // Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Ч. 2 / под ред. Г.И. Саганенко. СПб. : ГНУ ИОВ РАО, 2005. 156 с.
3. Магун В. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. № 3.
4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. Л., 1979.
5. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 2007.
6. Саганенко Г.И., Каневский Е.А., Боярский К.К. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА // Телескоп. 2008. № 6. С. 43–45.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 5 сентября 2015 г.

VALUES SURVEY: THE SPECIFICITY OF DIFFERENT APPROACHES

Tomsk State University Journal, 2015, 399,13–17. DOI: 10.17223/15617793/399/3

Geger Alexey E. Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ageger@gmail.com

Geger Svetlana A. Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: svetlana.geger@gmail.com

Keywords: values; hard technique; soft technique; measurement; detection.

The relevance of the study is due to the global transformation of values in society in recent years. With changing eras some values disappear and new ones appear. Stable values with the change of epochs change their semantic content. One must keep track of these changes. The most popular methods of studying values are standardized, rigid methods, e.g., a technique of social psychologist M. Rokeach. It is based on respondents' direct ranking two lists of values: terminal and instrumental (each list includes 18 values). This technique is universal. It is assumed that all the 36 values in it are common to all cultures and all social groups. We insist on the fact that different ages, different socio-political periods in the country are characterized by different values for different social and status groups. We believe that a research tool / method is necessary and possible to help researchers move closer to an adequate understanding of the values that guide people, and senses people make by various judgments. We propose the method of open questions for studying value orientations. We repeatedly tried and tested the method as follows. Respondents were asked to write ten personally significant social values in their own words. The second part of the task was to explain the meaning of each item. In addition, it was proposed to quantitatively assess each of the written values on a scale with a maximum of 100 points. This technique, in contrast to the method of direct ranking by M. Rokeach, aims to identify the subjective value preferences of respondents, not to measure the attitudes to the values on the same list for all categories of respondents. The study by this method shows significant differences in the value sets, even in a homogeneous group of respondents. This method gives a survey of “nominal” judgment: only short, or a little more detailed names of different categories (in our case – personal values). Such responses have a lot of repetitions in the majority of respondents, and are generally easily divided into classes, which enables statistical processing of the responses and, at the same time, studying the specifics of different groups’ ideas. Thus, this method has advantages in both qualitative and quantitative strategies.

REFERENCES

1. Zdravomyslov, A.G. & Yadov, V.A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and his work in the Soviet Union and later]. Moscow: Aspekt-Press.
2. Saganenko, G.I. & Tatarnikova, I.M. (2005) Predpochteniya molodezhi v sfere raboty [Preferences of youth in the field of work]. In: Saganenko, G.I. (ed.) *Mnogoobrazie vozmozhnostey sotsiologicheskogo izucheniya sfery obrazovaniya* [The manifold possibilities of the sociological study of education]. Pt. 2. St. Petersburg: GNU IOV RAO.
3. Magun, V. (2007) Kak menyayutsya rossiyskie trudovye tsennosti [How Russian labor values change]. *Otechestvennye zapiski*. 3 (36).
4. Yadov, V.A. (1979) *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti* [Self-control and forecasting of the social behavior of the person]. Leningrad: Nauka.
5. Yadov, V.A. (2007) *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya* [The strategy of sociological research]. Moscow: Institute of Sociology RAS.
6. Saganenko, G.I., Kanevskiy, E.A. & Boyarskiy, K.K. (2008) Konteksty empiricheskogo poznaniya v sotsiologii i vozmozhnosti programmy VEGA [Contexts of empirical knowledge in sociology and possibilities of the VEGA program]. *Teleskop*. 6. pp. 43–45.

Received: 05 September 2015

B.E. Лякин

К ВОПРОСУ О ПОСТУПКЕ, ВОЛЕ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИИ

Анализируется значение воли и волеизъявления как движущей силы человеческих поступков при выборе личностью оснований своего бытия. В качестве основания подлинного бытия рассматривается правда, потенциал которой осуществляется только при её осознанном воплощении. После рассмотрения источников правдивого бытия сделан вывод о необходимости активного волеизъявления для выбора правды.

Ключевые слова: правда; поступок; воля; волеизъявление; выбор.

В последнее время в российской философской среде возрос интерес к проблеме правды, что сопровождается ростом количества научных работ на эту тему.

Актуальность проблемы правды обосновывается её исследователями несколькими факторами, прежде всего недостаточностью критического или какого-либо иного анализа этой категории в современных философско-антропологических исследованиях [1. С. 4]. Высказывается даже мнение, что «в современной гуманитарной науке отсутствуют комплексные онтологические и аксиологические концепты правдо-понимания» [2. С. 4]. Также интерес к концепту правды объясняется вступлением человечества в эпоху постмодерна, которая сопровождается, с одной стороны, политической, культурной и ценностной плюральностью [1. С. 117–147; 3. С. 3], потерей человеком смысловых ориентиров и собственной идентичности, а с другой – кризисом рационализма, когда рациональные ценности оказываются чем-то внешним по отношению к человеку.

При этом отмечается несомненное значение рассматриваемого понятия именно для русской культуры. Так, Н.А. Земскова считает, что наличие в русском языке двух слов-концептов «Истина» и «Правда» для выражения близких по значению понятий является отличительной особенностью русской культуры, подтверждаемой частотой их употребления в пословицах, поговорках, фразеологизмах [4. С. 103–104]. При этом исследователи концепта правды (как отечественные, так и зарубежные) подчёркивают существующие различия между принятыми в России пониманиями правды-истины и правды-справедливости [5. С. 4–5, 57–65; 6. С. 75–87; 7]. В связи с этим исследование понятия правды актуально и в культурологическом аспекте в свете возрастающего интереса к российской истории и культуре.

В то же время предметом существующих работ по проблематике правды (С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, А.Д. Шмелёва, Н.К. Михайловского, Е.В. Барабанова и др.) являются либо институционализация правды как феномена, либо легитимация правды как эффективной ценностной системы, способствующей развитию жизненного процесса человека, либо бытийно-духовный и витально-психический аспекты правды по отдельности (см. [8–12]). Между тем, на наш взгляд, в этих работах не проведён достаточный теоретический анализ проблемы структуры правды, не уделяется должного внимания такому существенному аспекту

правды, как источник её обусловленности, механизм образования правды в бытии человека.

Из существующих трактовок концепта правды мы считаем правильным экзистенциальное понимание правды как концептуальной категории, способной показать возможные формы человеческого существования. Антропологически выраженная правда есть представление субъекта о должном, причём образ этого «должного» слагается у каждого человека в особом сплетении чувства, мысли, воли, ощущений, представления. Центральным психологическим звеном рефлексивной правды как выражения отношения человека к другим людям является процедура установления и регулирования одинаковых моральных требований по отношению к себе и другим в ситуации общения [13. С. 125–126].

Из социологии знания мы знаем, что ни одно мировоззрение, создающее идентичность конкретной социальной группы, не имеет онтологического статуса собственных категорий и всегда определяется социальным контекстом [14. С. 279–286]. Неизбежной предпосылкой человеческой деятельности по обретению правды становится учёт свободной воли, личного начала и их соотношения с возможностью достижения правдивого бытия.

При этом квинтэссенцией воли, претворяющей потенцию бытия в действительность, считается сознательное действие, поступок. Поступок воплощает образ жизни и создаёт само человеческое существование как непрерывный феноменологический ряд. По мнению М.М. Бахтина, одного из основных исследователей понятия поступка, последний представляет собой сформированную исторически-индивидуальную действительность и является исключительно дескриптивным, а не практическим концептом.

Изложенное ставит открытым вопрос о соотношении представлений субъекта о должном, в качестве основания которых может выступать правда, и свободной воли и поступка как её квинтэссенции. Целью настоящей работы является разрешение данного вопроса, а именно установление значения воли и волеизъявления как движущей силы поступков применительно к рефлексивному или нерефлексивному выбору личностью оснований своего бытия, в том числе правды. В работе будет рассмотрен вопрос о том, вызвано ли появление правды в жизни человека стихийными или иными внешними факторами либо исключительно проявлением человеческой воли.

Вопрос о значении, которое придаётся внутреннему усмотрению человека в решении вопроса о том, какие поступки он должен совершать, широко обсуждался и обсуждается в философии, религии и иных формах изучения мировоззрения.

Значимость воли при познании основополагающих движущих сил человеческого существования отмечалась многими философами. Так, Вл. Соловьев в своей «Теоретической философии» [15] предпринял попытку оправдания истины именно через волю как основу познания истины. Последняя отождествлена с Логосом, превращая акт мышления в способ «умного делания».

Реализованным актом воли и основным способом какого-либо «делания» является поступок. Детальному исследованию концепта поступка как выражения человеческого выбора и его воплощения посвящены исследования М.М. Бахтина [16], для которого поступок воспринимается не с точки зрения его целей, а как способ существования человеческой жизни. Его анализ поступка концентрируется не на содержании и цели, а на его природе и структуре.

Категория «поступок» является всеобщей категорией для выражения единичного бытия, выявления сущности человеческой экзистенции, но при этом не задаёт никакой нормы. Поступание есть необходимость и долженствование поступка. Поступок уникален, единствен и неповторим. Именно в этом формальном смысле любой конкретный поступок связывается Бахтиным с понятием правды, что прослеживается у него в таких словах и выражениях, как «синтетическая правда поступка» [Там же. С. 30], «правда данного момента» [Там же. С. 36], «правда положения» [Там же. С. 38], «правда события» и «правда конкретного действительного долженствования» [Там же. С. 43].

Бахтин считает поступок ни сугубо рациональным, ни сугубо иррациональным, а эмоциональным понятием, выражющим ценностное отношение человека к миру. Поступок всегда следует некоторой логике, но не может быть сведён единственно к сумме логических функций. «Поступок в его целостности более чем рационален, – он ответствен. Рациональность – только момент ответственности» [16. С. 30]. А.А. Гусейнов отмечает: «Ответственность в данном случае означает, что индивид совершает поступки, которые никто другой в мире совершить не может, что он живёт жизнью, которую никто, кроме него, прожить не может, что в той точке бытия, в которой он находится, само бытие зависит от него» [17. С. 14–15].

Таким образом, в анализе структуры поступка, как и в анализе его природы, Бахтин избегает содержательных определений. Термины «поступок» и конституирующая его «ответственность» имеют не этический, а онтологический смысл. Данные понятия у Бахтина превращаются в понятия «теории действия», из перспективы которой он стремится прояснить смысл индивидуального человеческого бытия в соотношении с миром культуры.

В этой теории Бахтин заключает долженствующий момент поступка в «продуктивности единственного

действия» [16. С. 40], а поступок есть не что иное, как «существование решения», сводящего в единое субъективное и объективное, рациональное и эмоционально-волевое, «смысл и факт» [16. С. 29]. Именно таким образом понимаемый поступок приобретает характер связующего звена между индивидуумом и бытием, «события», т.е. приобщения к бытию, причастности бытию, участия в нём. При этом, несмотря на обусловленность поступка историческим интерсубъективным контекстом определённой культуры, место вхождения индивида в бытие оказывается и точкой его разрыва: «Утвердить факт своей единственной незаменимой причастности бытию – значит войти в бытие именно там, где оно не равно себе самому, – войти в событие бытия» [Там же. С. 41]. Другими словами, войти в событие бытия – значит внести в него своё видение, внести в сложившийся мир возмущение.

По Бахтину, смысл поступка как места встречи индивидуума с бытием заключается в том, что «я как единственный должен стать в определённое эмоционально-волевое отношение к историческому человечеству, я должен утвердить его как действительно ценное для меня, этим самым станет и для меня ценным и всё для него ценное» [Там же. С. 44].

В своей теории Бахтин отстаивает необходимость несовместимости и несоизмеримости множества индивидуальных миров поступка. В этой ситуации на вопрос о том, можно ли отождествить «правду» поступка с некоторой «нормой» поступка, Бахтин отвечает отрицательно: «Правда события не есть тождественно себе равная содержательная истина, а правая единственная позиция каждого участника, правда его конкретного единственного долженствования» [Там же. С. 43]. Таким образом, одной из сторон правды поступка является его фактичность: он совершился «уже безысходно, непоправимо, безвозвратно» [Там же. С. 29]. Кроме того, из приведённого текста видно, что правда поступка не подразумевает никакой содержательной нормы. Напротив, правда поступка заключается в праве на ошибку, на отрижение действительности. При этом поступок выражает правду только моей собственной жизни, которая может вступать в конфликты с правдами других и делает это. Понимаемая таким образом правда поступка означает признание Бахтиным абсолютной автономии и свободы личности.

Завершая краткий экскурс к теории Бахтина, не можем не отметить вслед за М.Е. Соболевой [18. С. 187–188], что, несмотря на персонализм позиции Бахтина, его понимание правды поступка наделяет её почти исключительно дескриптивным, а не практическим значением. Понятие правды у него выступает как категория не практической, а теоретической философии, которая «не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире», но «может быть только описанием, феноменологией этого мира поступка» [16. С. 31]. По мнению Бахтина, знать истину о поступке не означает, что следует или даже возможно дать ему однозначное содержательное определение, подвести его под некоторое общественно-априорное «что такое хорошо и что такое плохо».

Однако мы не можем принять приведённую точку зрения о нейтральности поступка как такового. Осуществляя выбор, человек всегда может ложно интерпретировать себя и своё место, сделать неверный шаг. Никакое частное бытие не может быть всеселом свободным от неправды уже в силу своей обусловленности предшествующим ходом событий и миром в целом. Человеческое существование изначально драматично, так как индивид предстаёт лишённым извечной сущности и обречён на испытание свободой (см.: [19]). Человек заброшен в события мира, зависим от случайностей, воли других людей, часто считает себя зависимым от судьбы. Б.Л. Губман отмечает: «При надлежность человека к мировой истории, включенность в ход её событий делает задачу обретения подлинного, неовеществлённого существования особенно сложной» [20. С. 67]. С.Ф. Денисов говорит о том, что «судьба представлена формой неправды и несвободы» [1. С. 191].

Здесь и заложена постоянно сопровождающая человека возможность неподлинности, неправды, которая может привести к допущению относительной правды. Однако за относительной правдой, «поправдой», всегда скрывается абсолютное её отрижение: каждая составная часть ситуации правды должна быть такой же, как и другие её составляющие.

Правильной представляется мысль В.В. Ивановой о том, что верно понятая идея правды требует идеи неправды [3. С. 64–73]. Данные идеи противостоят друг другу, но отнюдь не в качестве равноправных полярностей. Поскольку нельзя понимать правду и неправду как две полярные ценности, поскольку понятие неправды не требует понятия правды. Можно мыслить себе мир, подчинённый всеселом неправде, где нет места подлинности. Подлинный же, абсолютно правдивый мир является идеалом – недостижимым и утопическим состоянием. Поэтому правильно понятая идея правды требует идеи неправды как своего рода естественного противовеса.

Однако для такого понимания природы правды и неправды, в котором идея правды требует идеи неправды, необходимо диалектическое мышление, не сводящее данную антиномию лишь к одной из её составляющих. Чаще всего выбор делается в пользу следования неправде, которая, по мнению обывателя, опирается на объективные факты человеческого существования, в отличие от правды, существующей только в качестве моральных принципов.

При этом нельзя не отметить, что правда по смыслу своей сущности онтологически предшествует совершающим праведным поступкам, поскольку правда первичнее своих проявлений. В этом смысле правда есть не бытие, а его основа, атрибут создаваемой человеком реальности.

Отсюда логичным является вывод о том, что всякое частное, объективированное бытие, в том числе человеческое, всегда содержит неправду и, следовательно, только подлинное бытие обладает правдой как решающей причиной поступков. Бытие, будучи объективированным, исключает правду и, в свою очередь, не существует в отрыве от подлинного бытия,

точнее, от стремления к нему. Местом существования правды может являться только сфера, общая для подлинного, интеллигibleльного бытия и для бытия человека в мире. Такой сферой, которую можно было бы назвать подлинной жизнью, является возможность (потенция, стремление) к подлинному бытию, которая ещё не есть подлинное бытие, но может как стать, так и не стать таковым.

Следовательно, правда представляет собой творческую силу потенции – стихию подлинного бытия. Правдой является тождество подлинному бытию и бытию человека в мире, т.е. возможность подлинного бытия, подлинная жизнь. Всякое осуществление правды является её воплощением и поэтому содержит в себе два элемента: приобретение и принижение.

С одной стороны, при воплощении правда «определяется», тем самым становится фрагментом правды, ставшим бытием. Тем самым правда, на первый взгляд, всегда осуждается, ограничивает широчайшую сферу своей потенции здесь-конкретным применением. С другой стороны, нельзя мыслить правду только как принижение, т.е. только в смысле отрицания неправды, и лишать её положительной силы. Правда предполагает категорию «сущей» возможности, способной к акту, поэтому акт (поступок, физический или мыслимый) действительно реализует правду и бытие, а вовсе их не отменяет.

В этом акте выбора в пользу правды в первую очередь проявляется природа выбирающего (субъекта) и обнаруживается природа выбиаемого. Правда является возможным иенным признаком субъекта (человека), она не может не относиться к чему-либо. И поскольку главным свойством не выбранной правды являются сослагательность, пассивность, можно сделать вывод о том, что положительно понятая правда есть не отсутствие неправды (не-справедливости и неистинности), а полнота правды.

Интересно сравнение приведённой мысли с ранее процитированной точкой зрения Бахтина о том, что вхождение индивида в бытие через поступок не создаёт, а напротив, разрывает бытие, которое он видит только индивидуально-определенным.

Приведённые определения подчёркивают потенциальность как наиболее существенную характеристику правды, поскольку у индивида всегда есть соблазн сосредоточиться именно на имеющемся настоящем. Такая солидарность с общепринятым ведёт к усреднённости человека, потере его уникальности [21. С. 343–344]. Настоящее познание правды требует от человека сосредоточенности, собранности. Правда направлена на подлинное бытие, она стремится его завоевать. В обыденном же мире человек не свободен от угрозы времени, которое погружает его в бессмыслицу и обезличенную рассеянность.

Потенциальность правды подтверждается наличием такого явления, как совесть. Принимая во внимание многочисленность трактовок этого понятия, прием понимание совести как посредника между личностью и сверхличными ценностями, глубинного уровня, на котором правда сближается с сознанием человека и становится его неустранимой чертой.

По словам В.В. Ивановой, человек постоянно творит себя, так что всё его существование является экзистентной возможностью быть подлинным [3. С. 142]. То есть экзистенциал «совесть» означает то, что человек всегда каким-то образом расположен к правде, что он так или иначе находит себя в отношении к правде. При этом экзистенциальное отношение к правде имеет ту особенность, что от неё нельзя отказаться. Ведь отношение к правде (положительное или отрицательное, включая равнодушное) является неотъемлемой частью личности человека, отказ от которой означает отречение от самого себя.

Место совести в человеческом выражении правды является срединным между телесной природой индивида и его духовным составом. Однако, несмотря на то, что совесть, будучи психическим явлением, является неотъемлемым атрибутом любой человеческой личности, она сама по себе не может обеспечить праведное, подлинное существование. Другими словами, «добросовестные» или другие решения принимает не совесть, а сам человек, именно его свободная воля определяет, принять голос совести или оставить его без внимания. Поэтому обращение к совести как к исключительно психической ступени не достигает цели, хотя только совесть может научить различению правды и неправды.

Процесс отвращения духа от подлинного бытия всегда происходит с молчаливого согласия воли человека, поскольку личность человека прежде всего целостна. Совесть всегда предоставляет информацию о том, какое бытие подлинно, и любой человеческий акт отсюда является актом выбора подлинного бытия, в котором и только в котором, как уже указывалось ранее, и существует правда. В большинстве случаев недопустимой является мысль об осознанном служении злу, в связи с чем можно прийти к выводу о том, что неправда чаще всего овладевает человеком, примеряя маску правды. Для того чтобы сорвать эту маску, требуются усилия, которые человек не всегда желает предпринимать.

Как видно, априорное значение совести входит в явный диссонанс с ранее рассмотренным персонализмом Бахтина, выраженным в абсолютной автономии человека и свободе его выбора, при которой правда поступка состоит лишь в его свершении, его единственности, созданной одной лишь ответственностью перед самим собой, а не другим.

При ответе на вопрос о том, является ли правда элементом поведения, нельзя не отметить, что во всех элементах своего поведения человек находится перед выбором обладания и приращения собственных возможностей или их растрачивания. Возможность не увидеть существование этого выбора является возможностью неправды, олицетворение которой можно представить через атеистическое описание греха Н. Аббаньяно [22. С. 109]. Согласно этому определению основными сущностными чертами греха (неправды) как проявления неподлинности мира являются несобранность, расслабленность, неспособность координировать жизнь, её обезличивание и бессмысличество, которые препятствуют формированию лич-

ности человека, отдаляют его от подлинного бытия, существования.

Другим привычным для нас аналогом неправды является скука, с которой Л. Свендсен связывает потерю ориентира в жизненном пространстве [23. С. 26]. Если правды не бывает мало или много, то скуке присуще нарастание – нарастание утраты смысла жизни, отношения к подлинному бытию, т.е. правды. С.Ф. Денисовым отмечено и положительное значение скуки: «Скука – атрибут эстетической жизни, но в то же время и голос сознания, говорящий о существовании иной, правдивой жизни» [1. С. 169].

Из изложенного видно, что повседневная жизнь не совпадает с подлинным бытием, более того, всякая жизнь может казаться неадекватной тому, чем по сути является человек. Стремление к подлинному бытию конституирует мир, поскольку подлинное бытие является чистой потенцией, тем, чего мы можем достичь, но ничем таким оно не может обладать без нас и в состоянии прирастать только благодаря нашему собственному подлинному существованию [24. С. 7].

Выбор человеком правды означает укоренение, реализацию себя в возможности своего отношения к подлинному бытию, в то время как выбор неправды означает утрату этой возможности. Но сам факт того, что человек вынужден постоянно сталкиваться с этим выбором, означает, что предрешение относительно правды у него отсутствует. Правдивость есть не описание противоположных нравственных позиций, а создание и воспроизведение ситуации человеческого существования, к которой можно применить термин «правдивое бытие» и которую можно описать только с использованием этого термина [3. С. 106].

Таким образом, правда не является врождённым атрибутом поведения и требует осознанного выбора. Акт выбора правды субъектом не отменяет наличия неправды в бытии, но позволяет возвыситься над ней. Такой акт имеет в себе элемент сверхвременности, выхода за пределы момента выбора. Правда преобразует частное бытие человека в целенаправленное. С совершая акт выбора правды, подчиняясь новой цели, кроющейся в выборе правды, человек проявляет правду, которая в случае несовершения этого выбора осталась бы парализованной. Зависимость от собственного выбора является принятием на себя ответственности за выбор подлинного или ложного существования.

Исследование вышеозначенных вопросов позволяет сформулировать следующие выводы. Рассмотрено значение поступка в теории действия М.М. Бахтина. Долженствующий момент поступка заключается в «продуктивности единственного действия», при этом место вхождения индивида в бытие оказывается и точкой разрыва последнего. Правда поступка не подразумевает никакой содержательной нормы, заключается в праве на ошибку, чем Бахтин обосновывает свой главный тезис об абсолютной автономии и свободе личности. Обосновывается несогласие с выводом М.М. Бахтина о нейтральности поступка как такового, поскольку человеческое существование изначально драматично, зависито от положения личности в мире. Обсуждён и дока-

зан тезис о том, что правда представляет собой творческую силу потенции, осуществляющуюся при её воплощении, определяя ее. При этом формой правды в бытии человека, инструментом её воплощения признается совесть. Сам факт того, что человек вынужден постоянно сталкиваться с выбором правды или неправ-

ды, означает, что предрешение относительно правды у него отсутствует, что противоречит персонализму Бахтина. Таким образом, правда не является врождённым атрибутом поведения, не обусловлена исключительно внешними факторами и всегда требует осознанного выбора, волеизъявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов С.Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. 206 с.
2. Бобылева Е.Ю. Феномен правды как онтолого-аксиологическая доминанта русской культурной традиции : дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007. 154 с.
3. Иванова В.В. Правда в бытии человека : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 185 с.
4. Земскова Н.А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 200 с.
5. Бурова М.Л. Проблема справедливости в русской социально-философской мысли конца XIX – начала XX веков : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 161 с.
6. Брекнер Катарина. Об употреблении слов «правда» (правда-справедливость) и «истина» (теоретическая правда) в русской интеллектуальной истории XIX столетия на примере Н.К. Михайловского и П.И. Пестеля // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М. : Ключ-С, 2010. С. 64–87.
7. Печерская Н.В. Справедливость: между правдой и истиной (история формирования концепта в русской культуре) // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М. : Ключ-С, 2010. С. 9–44.
8. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5. С. 81–91.
9. Берёзев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // «Вехи», «Интеллигенция в России» : сб. ст. 1909–1910 гг. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 24–42.
10. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
11. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Сочинения : в 6 т. СПб., 1897. Т. 4. С. 381–464.
12. Барabanov E.B. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116.
13. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб. : Алетейя, 1999. 279 с.
14. Berger P., Lukman T. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с нем. М. : Медиум, 1995. 323 с.
15. Соловьев В.С. Теоретическая философия // В.С. Соловьев. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 757–831.
16. Бахтин М.М. К философии поступка // М.М. Бахтин. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
17. Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М.М. Бахтин) // Сектор этики Института философии РАН. Этическая мысль. М. : ИФ РАН, 2001. Вып. 2. С. 3–26.
18. Соболева М.Е. Правда поступка в философии Бахтина // «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М. : Ключ-С, 2010. С. 178–188.
19. Человек и его бытие как проблема современной философии: Критический анализ некоторых буржуазных статей. М. : Наука, 1978. 278 с.
20. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь : Леан, 1997. 287 с.
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. 447 с.
22. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы / пер. с фр., вступ. ст. и прим. Г.М. Тавризян. М. : Изд-во гуманит. лит., 1995. С. 72–106.
23. Свенсен Л. Философия скуки : пер. с норв. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 256 с.
24. Мерло-Понти М. В защиту философии : пер. с фр. М. : Изд-во гуманит. лит., 1996. 248 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 8 июля 2015 г.

ON DEED, WILL AND WILL EXPRESSION

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 18–23. DOI: 10.17223/15617793/399/4

Lyakin Vasily E. Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: barrister_office@mail.ru
Keywords: verity; deed; will; will expression; choice.

The topicality of the article can be explained by the increased interest to the verity problem in the Russian philosophical environment and a certain meaning of the considered concept to the Russian culture. The goal of the article is to establish the parameters of the ratio of the human idea of the proper and their free will. The author solves the question of whether the emergence of verity in human life is caused by spontaneous or other external factors or is an exclusive manifestation of human will. For reaching this goal the article aims to conduct a brief analysis of will and will expression value as the driving force of human acts with regard to a person's choice of its being basis including verity. The common methodological basis of the article is the dialectic method due to which verity and deed are presented as whole formations consisting of interconnected parts and also the structural and functional method which implies the consideration of each of the specified concepts as some integrity which has a complex structure with specific elements. The article considers M.M. Bakhtin's views on the concept of deed which he defines not from its goals point of view but as the way of human life existence. Bakhtin claims the factuality, singleness of deed implying the right to a mistake and expressing but one verity that is verity of the acting person. Bakhtin's theory includes his avowal of person's absolute autonomy and freedom. Then the author expresses and proves his disagreement with Bakhtin's point of view on the exclusively descriptive role of deed and its neutrality as such. A person is constantly accompanied by a possibility of a false interpretation of themselves and their place in the world, unauthenticity, unverity that can lead to an admission of a relative verity. Verity ontologically precedes committed righteous deeds as verity is primary in comparison with its manifestations. In this context verity is not being but its basis. Any private, objectified being always contains a lie, and only authentic being possesses verity as a decisive reason for deeds. Through implementation of the verity potency, a deed actively actualizes verity and being but does not cancel them. As a form of verity in being, the instrument of its embodiment is conscience which always provides information about authentic being. An a priori value of conscience is in apparent dissonance with the previously reviewed Bakhtin's "personalism" that articulates in person's absolute autonomy and freedom

of choice. The study of the above-mentioned questions makes the author come to a conclusion that verity is not an innate behavior attribute, it is not caused by exclusively external factors but always requires a conscious choice, will expression.

REFERENCES

1. Denisov, S.F. (2001) *Zhiznennye i antropologicheskie smysly pravdy i nepravdy* [Life and anthropological senses of truth and lie]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
2. Bobyleva, E.Yu. (2007) *Fenomen pravdy kak ontologo-aksiologicheskaya dominanta russkoy kul'turnoy traditsii* [The phenomenon of truth as the ontological-axiological dominant of Russian cultural tradition]. Philosophy Cand. Diss. Tambov.
3. Ivanova, V.V. (2005) *Pravda v bytii cheloveka* [The truth in human existence]. Philosophy Cand. Diss. Omsk.
4. Zemskova, N.A. (2006) *Konsepty "istina", "pravda", "lozh'" kak faktory verbalizatsii deystvitel'nosti: kognitivno-pragmatischeskiy aspekt na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Concepts “verity”, “truth”, “lie” as factors of reality verbalization: a cognitive pragmatic aspect on the material of Russian and English]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
5. Burova, M.L. (2003) *Problema spravedlivosti v russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli kontsa XIX – nachala XX vekov* [The problem of justice in the Russian social and philosophical thought of the late 19th – early 20th centuries]. Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Brekner, K. (2010) Ob upotreblenii slov “pravda” (pravda-spravedlivost') i “istina” (teoreticheskaya pravda) v russkoy intellektual'noy istorii XIX stoletiya na primere N.K. Mikhaylovskogo i P.I. Pestelya [On the use of the word “truth” (justice) and “verity” (theoretical truth) in the Russian intellectual history of the 19th century by example of N.K. Mikhaylovskiy and P.I. Pestel]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) *“Pravda”. Diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* [“Truth”. Discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S.
7. Pecherskaya, N.V. (2010) *Spravedlivost': mezhdu pravdoy i istinoy* (istoriya formirovaniya kontsepta v russkoy kul'ture) [Justice: between truth and verity (the history of the concept formation in Russian culture)]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) *“Pravda”. Diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* [“Truth”. Discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S.
8. Frank, S.L. (1990) *Sushchnost' i vedushchie motivy russkoy filosofii* [The essence and the leading motives of Russian philosophy]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 5. pp. 81–91.
9. Berdyaev, N.A. (1991) *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical truth and the truth of the intelligentsia]. In: Berdyaev, N.A. *“Vekhi”, “Intelligentsiya v Rossii”*: sb. stately 1909–1910 gg. [“Milestones”, “Intelligentsia in Russia”]: collection of articles of 1909–1910]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Shmelev, A.D. (2002) *Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovaryu* [Russian language model of the world: materials for the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Mikhaylovskiy, N.K. (1897) *Pis'ma o pravde i nepravde* [Letters about truth and lie]. In: Mikhaylovskiy, N.K. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 v.]. V. 4. St. Petersburg: Russkoe bogatstvo.
12. Barabanov, E.V. (1991) *Russkaya filosofiya i krizis identichnosti* [Russian philosophy and identity crisis]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 102–116.
13. Znakov, V.V. (1999) *Psikhologiya ponimaniya pravdy* [Psychology of understanding the truth]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated from German. Moscow: Medium.
15. Solovyov, V.S. (1988) *Teoreticheskaya filosofiya* [Theoretical Philosophy]. In: Solovyov, V.S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 v.]. V. 1. Moscow: Mysl'.
16. Bakhtin, M.M. (2003) *K filosofii postupka* [On the philosophy of an act]. In: Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 v.]. V. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Guseynov, A.A. (2001) *Zakon i postupok (Aristotel', I. Kant, M.M. Bakhtin)* [Law and act (Aristotle, Kant, Bakhtin)]. In: Guseynov, A.A. (ed.) *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought]. Is. 2. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
18. Soboleva, M.E. (2010) *Pravda postupka v filosofii Bakhtina* [The truth of act in the philosophy of Bakhtin]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) *“Pravda”. Diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* [“Truth”. Discourses of justice in Russian intellectual history]. Moscow: Klyuch-S.
19. Kuz'mina, T.A. et al. (eds) (1978) *Chelovek i ego bytie kak problema sovremennoy filosofii: Kriticheskiy analiz nekotorykh burzhuaznykh statey* [Man and his existence as a problem of modern philosophy: A critical analysis of some of the bourgeois papers]. Moscow: Nauka.
20. Gubman, B.L. (1997) *Zapadnaya filosofiya kul'tury XX veka* [Western philosophy of the 20th-century culture]. Tver: Lean.
21. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.
22. Marcel, G. (1995) *Ontologicheskoe tainstvo i konkretnoe priblizhenie k nemu* [Ontological sacrament and concrete approach to it]. In: Marcel, G. *Tragicheskaya mudrost' filosofii. Izbrannye raboty* [Tragic Wisdom and Beyond. Selected Works]. Translated from French by G.M. Tavrizyan. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
23. Svendsen, L. (2003) *Filosofiya skuki* [The philosophy of boredom]. Translated from Norwegian. Moscow: Progress-Traditsiya.
24. Merleau-Ponty, M. (1996) *V zashchitu filosofii* [In defense of philosophy]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.

Received: 08 July 2015

И.В. Черникова, В.В. Шеренкова

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК НОВЫЙ АСПЕКТ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00371-а).

Анализируются различные представления о природе человека. Показано, что в связи с NBIC-технологиями актуализирована проблема сохранения природы человека. В философском дискурсе эта проблема обозначена как новый аспект кризиса идентичности. Вводится новое измерение идентичности помимо индивидуального, социального и культурного измерений – природное, или онтологическое, измерение идентичности.

Ключевые слова: природа человека; идентичность; NBIC-технологии; глобальный эволюционизм.

Природа человека стала актуальнейшей проблемой современности, требующей как научного, так и философского анализа в связи с возможностями науки и технологий, особенно так называемых NBIC-технологий, трансформировать генетику человека, его телесность, когнитивные способности, моральные ценности. Поставлена проблема выяснения границ допустимых изменений, самосохранения и постчеловеческого будущего (Ф. Фукуяма).

Под природой человека подразумевают стойкие, неизменные черты и свойства, присущие ему во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса [1. С. 60]. Природу человека трактуют как комплекс устойчивых свойств социального индивида, инвариантных по отношению к различным историческим эпохам, этносам, культурам [2. С. 445]. Таким образом, человеческая природа воспринимается как некий относительно устойчивый образ человека, некий инвариант, своего рода устойчивая форма, наполняемая исторически меняющимся содержанием, которое отражает социально-культурную эволюцию человека. На этом строилась традиция философской антропологии все богатство проявлений человеческого в человеке усматривать в культуре и социальности. Вопрос об изменении видового своеобразия человека не считался предметом философского внимания.

Однако достижения науки последнего времени – это не просто дополнительные факты, которые подтверждают один концепт или опровергают другой. То, что сегодня обозначается как природа человека, это не только теоретическое понятие, конструируемое по-разному историческим сознанием. За этим понятием границы человеческой идентичности. Представляется важным осмысливать проблему природы человека с учетом достижений в сфере технонауки и с позиций современного исторического сознания, включающего идею глобального эволюционизма.

Известный английский философ, занимающийся проблемой природы человека, Р. Смит выделил две основные линии в трактовке природы человека, сложившиеся в философии. Одна воплощает христианскую традицию понимания человека как акта Божественного творения, здесь первоисточником истинной природы человека и его идентичности считался принцип трансценденции. Другая линия выстраивается в контексте эволюционной теории, где природа челове-

ка формируется в ходе исторического развития и где собственно человеческое не противопоставляется природному. По мнению самого Р. Смита, сущность человеческого неотделима от истории познания человеком самого себя. Знание о «природе человека» не может существовать вне собственной истории, только осмысливая историю знания о человеке, появляется возможность понять, что такое человек: «Человеческая природа не некая вещь, ждущая своего открытия, а активное понимание человеком самого себя» [3. С. 47]. Он пытается преодолеть отмеченную дилемму трактовки человеческой природы как возникшей либо в ходе эволюции, либо в акте Божественного творения и вывести дискуссию на новый уровень – исторической онтологии. Р. Смит ищет решение в описании истории самоформирования, где методом может служить нарратив как повествовательный дискурс (повествование как форма бытия), уделяя особое внимание вопросу о специфике гуманитарных наук, а также нарративной истории как основному жанру в характеристике человеческих действий. Автор приходит к выводу, что любое описание человеческой природы или человеческой идентичности должно включать в себя знание о социальной форме.

Однако если он трактует социальную форму как «результат исторической реконструкции, произошедшей в процессе ее рефлексивной интеграции с языком и культурой» [3. С. 156], то в нашем понимании социальная форма – это социальная практика, понимаемая как коммуникативная деятельность, направленная на социальное конструирование реальности.

Таким образом, природа человека связывается не с субстратом, определяющим собственно человеческое, будь то душа, разум или дух, а с функцией, формой деятельности, выполняемой человеком. Здесь уместно сравнение с поисками тайны жизни в биологии: от таинственного субстрата к способу функционирования. Современная биология рассматривает жизнь не как свойство тел (веществ), а связывает специфику живого со свойством организации (аутопоэзная организация) и способом функционирования (самовоспроизведение как конвариантная редупликация).

Природа человека в способности к особого рода деятельности – рефлексивной деятельности (только человек осознает факт своего знания или незнания о чем-либо), имеющей социально-культурное измере-

ние, в результате которой создаются своего рода гибридные объекты, относящиеся и к природному и к искусственному одновременно. Особенность этих конструкций в том, что в них не только моделируется объектная реальность, но и конструируются ее новые фрагменты. В этом проявляется взаимопроникающее единство природного и человеческого мира. В связи с развитием науки и высоких технологий естественный мир наполняется искусственными созданиями биотехнологий, нанотехнологий. Если раньше считалось, что человек, благодаря своей рефлексивности, преобразует окружающий мир, при этом оставаясь неизменным, то теперь технологическая деятельность меняет саму человеческую природу.

До недавнего времени, может быть, и было достаточно этого ретроспективного взгляда на проблему человека. Однако сегодня в связи с NBIC-технологиями и вопрошанием о перспективах постчеловеческого будущего проблема природы человека приобрела нравственно-этическое, ценностное измерение. Почти полвека назад известный философ Г. Йонас писал об этике ответственности. Словно предвидя ситуацию с трансформацией человеческой природы, которая тогда еще себя не проявила, он отмечал: «Лишь заранее предсказываемая деформация человека помогает нам прийти к понятию человека, которое следует от нее оградить, и мы нуждаемся в угрозе человеческому образу, причем вполне специфической угрозе, чтобы, ее устрашившись, заручиться подлинным человеческим образом. Пока опасность не известна, мы не знаем, что и зачем нужно защищать: знание об этом возникает, вопреки всякой логике и методологии, на основе вопроса “от чего?”» Вопрос этот возникает первым и находит нас посредством предшествующего знанию протеста со стороны чувства видеть ту ценность, объект которой нас так затрагивает. Мы знаем, что стоит на кону, лишь когда знаем, что оно стоит на кону» [4. С. 80]. Сохранение человечества, его природной идентичности должно быть безусловным и может рассматриваться как категорический императив. Если поставлено под вопрос существование человека именно в качестве «человека», то в этом случае безусловным долгом становится сохранение «онтологической идеи человека» [Там же].

В условиях техногенной цивилизации перед обществом стоит проблема: кем станет человек? Останется ли присущая ему человеческая природа неизменной константой, не поддающейся влиянию, или же произойдет ее трансформация? Ведь научно-технический прогресс привел нас к таким достижениям, которые ранее считались утопичными. Перед нами открывается перспектива становления постчеловеческого будущего, постчеловеческой реальности и постчеловеческой цивилизации. Если прежде технологии были направлены на улучшение качества жизни, то теперь NBIC-технологии приоткрывают завесу тайны на пути к изменению человеческой природы. Согласно прогнозу Ф. Фукуямы человечество переходит на новую фазу истории, мы движемся в направлении к нашему постчеловеческому будущему.

Специальные программы социального развития на основе NBIC-технологий были приняты в Америке и Европе. Цель этих программ – улучшение качества

жизни, однако, как показано в исследованиях одного из авторов статьи, NBIC-технологии не просто очередное научно-техническое совершенствование, они «взрывают» жизненный мир человека вплоть до трансформации самой природы человека, его идентичности [5. С. 114–119].

В исследованиях Э.А. Орловой, где идентичность человека рассматривается как философская и научная проблема, отмечается, что историю идентичности принято начинать со времен Д.Ж. Локка («Опыт о человеческом разумении») и Д. Юма («Трактат о человеческой природе»). Понятие «идентичность» буквально означает тождественность. Представляя историю идентичности, автор отмечает, что тождество стало проблемой, когда в рамках философии эмпиризма появилось сомнение в том, что называют «единством самости». Классическую трактовку понятия «идентичность» принято связывать с философией сознания Нового времени, особенно в ее просветительской версии. Представление о человеке как рациональном существе, стремящемся к познанию конечной истины, декартово «мыслию, следовательно, существую» стали ключевым знаком такого изменения акцента при рассуждениях на эту тему. Понятие «идентичность» «использовалось в обсуждении вопросов, как возможны непрерывность при очевидности изменений и тождественность среди наблюдаемого разнообразия» [6. С. 90]. В социально-научном измерении идентичность анализировали как проблему индивидуальной самотождественности. Г. Зиммель, Дж.Г. Мид, Ч. Кули, Э. Эриксон.

Американский психолог осуществил концептуализацию понятия идентичности. Он проводит различие между двумя понятиями: идентификация и идентичность. Идентификация представляется как психологический механизм, а идентичность – это результат сложнейшего процесса общественной культуры, процесса уподобления, тождественности самому себе. Этот процесс постоянный и не прекращается с развитием личности. По мнению Э. Эрикссона, «обладать идентичностью – значит иметь усвоенный и принимаемый личностный образ себя в отношении к окружающему миру» [7. С. 32]. Э. Эриксон выделил два вида идентичности: групповая идентичность и эго-идентичность. Групповая идентичность обусловлена тем, что индивид с первых дней жизни социализируется в определенной социальной группе. Эго-идентичность формируется совместно с групповой идентичностью и создает у субъекта устойчивость и осознание собственного «Я». Индивидуальная идентичность – «факт сознания», который подразумевает представление каждого человека о тождественности самому себе, «непрерывной во времени и признаваемой окружающими» [Там же. С. 92]. В концепции Э. Эрикссона идентичность выполняет организационную функцию в ходе развития личности. Идея историчности также входит в его концепцию. Всякий индивид погружен в историю и включен в культурные и социальные исторические изменения. Обладать идентичностью – это чувствовать себя постоянным независимо от ситуации.

В результате в трактовке понятия идентичности оформились три его измерения – индивидуальное, социальное и культурное. Как отмечает Э.А. Орлова,

этую общую основу можно обнаружить практически во всех вариантах его применения. Сегодня наиболее остро проблема идентичности человека поставлена совсем в другом измерении, природном. До сегодняшнего дня природная идентичность человека не анализировалась, так как воспринималась в качестве константы, как нечто данное человеку от рождения. Но с появлением конвергентных технологий и нацеленного воздействия на природу человека с целью расширения возможностей человека стало реально изменение идентичности человека. Человечество столкнулось с изменением собственной природы посредством вмешательства в генетический код и в социальные процессы жизнедеятельности. А это значит, что речь идет не только о перестройке и конструировании человеческого тела, но также об изменении его мышления и восприятия мира в целом.

Понятие «идентичность», содержащее латинский корень *«idem»* (то же самое), обозначает свойство вещей оставаться теми же самыми, сохранять свою «сущность» при всех трансформациях. Когда под вопросом оказываются границы самотождественности, говорят о кризисе идентичности. В середине XX в. активно обсуждался кризис идентичности, отмеченный в контексте постмодернистской культуры, человек был представлен как расщепленный на множество идентичностей. По мнению Ж. Бодрийара, «зыбкость личностных идентичностей», утраты «Я» превратили человека в ризому и лишили его гаранта самотождественности [8. С. 157–158]. Сегодня кризис идентичности человека связан с возможностями науки и технологий трансформировать природу человека, перспективы постчеловеческого будущего обсуждают трансгуманисты.

В одном из лучших конкурсных философских сочинений на тему «Человек в лабиринте идентичностей» было высказано мнение, что «идентичность постоянно претерпевает изменения, она является живым, беспрестанно развивающимся организмом... Современная социокультурная ситуация предлагает идентичности человека вызов, адекватно ответив на который, он может развивать свои разносторонние способности и формировать более многогранный взгляд на мир» [9. С. 14].

Возникает вопрос: если идентичность постоянно меняется, то какая же это идентичность? Историчность проблемы идентичности налицо, но выявляемые исследователями трансформации идентичности отражают ее культурно-исторические изменения, а также разнообразие аспектов анализа. Да, человек бесконечно пластичен и глубок, как Вселенная. Его развитие в личностном, социальном, культурном аспектах обсуждается в упоминавшихся трех измерениях идентичности человека. Исследуя проблему идентичности в этих аспектах, человек действительно совершает выбор, проявляет исследовательское творчество и активность в самопознании. Но природное или онтологическое измерение идентичности, то, что составляет основание самотождественности человека, что позволяет сохранять ему свою «сущность» при всех трансформациях, было тем неизменным основанием, на котором строилась эволюция человека. Из-

менение самого основания – природной идентичности под воздействием на человека посредством конвергентных технологий, создает качественно новую ситуацию. Разве возможен для конкретного человека выбор: как конструировать свое Я, если необратимые биологические программы будут запущены? Культурные ценности и смыслы человеческого бытия напрямую связаны с его телесностью, и при всей вариабельности социально-культурных параметров природная идентичность сохранялась и служила фундаментом эволюции человека. Какое будущее ждет человека, если будет трансформирована его природная идентичность?

Среди футурологов немало философов, занимающихся прогнозированием будущего. Широко известны такие имена, как Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас. В своих работах они рассматривают проблемы, которые неизбежно возникают с применением новых технологий в связи с быстрыми темпами развития науки. Прежде всего, ставится вопрос: подвергается ли изменениям человеческая природа? Ф. Фукуяма определяет человеческую природу как то, что дает нам чувство морали, обеспечивает социальные навыки, необходимые для жизни в обществе, и служит основой более изощренных философских дискуссий о правах, справедливости и морали [10. С. 217]. Автор подчеркивает: «Мы хотим защитить весь набор наших сложных, развитых натур от попыток самомодификации. Мы не желаем нарушать единство или преемственность природы человека» [Там же. С. 244]. Гарантию сохранения человека Фукуяма видит в чувстве достоинства, имманентно присущем личности. Рассмотрев это понятие в контексте мировой интеллектуальной традиции – от Аристотеля до наших дней, Фукуяма приходит к выводу, что чувство достоинства может стать путеводной нитью к формированию таких политических институтов, которые способны предотвратить перерождение человека.

Ю. Хабермас в докладе «Понятие человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» на Всемирном дне Философии в Москве в 2010 г. отметил, что на современном этапе развития человечества особое значение приобретает концепция человеческого достоинства, которая является нравственным источником этики равенства, правами человека и человеческой идентичностью [11. С. 32].

Известный российский философ В.С. Степин подчеркивает особую актуальность сохранения человеческой идентичности сегодня – личности и телесности человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. «Впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности» [12. С. 34].

Подводя итог, отметим, что именно сохранение природной идентичности человека является основанием его социокультурной эволюции. Наличие устойчивых структур в эволюционном процессе является необходимым условием саморазвития, это подчеркивают авторитетные ученые, изучающие процессы са-

моорганизации сложных систем, например Г. Саймон, который ввел понятие ПР-архитектуры («почти расчленимости») [13. С. 23]. Качественное изменение

природы человека – путь не к улучшению его способностей, а к разрушению всей системы «Человек – Культура – Общество».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич П.С. Философия человека. М. : ИФРАН, 1999. Ч. 1. 218 с.
2. Дубровский Д.И. Альтруизм, эгоизм и природа человека (к проблематике развития морального сознания) // Проблема сознания в философии и науке. М. : Канон +, 2009. С. 5–53.
3. Смит Р. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М. : Канон +, 2014. 368 с.
4. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
5. Черникова И.В., Черникова Д.В. Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски // Известия ТПУ. 2012. № 6. С. 114–119.
6. Орлова Э.А. Концепции идентичности в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 80–95.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 394 с.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 157–158.
9. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–23.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М. : АСТ, Москва, 2008. 349 с.
11. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.
12. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М. : Гардарики, 2006. 384 с.
13. Саймон Г. Структура сложности в развивающемся мире // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук. М. : Наука, 2008. С. 21–27.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 8 июля 2015 г.

THE PROBLEM OF HUMAN NATURE CONSERVATION AS A NEW DIMENSION OF IDENTITY CRISIS

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 24–27. DOI: 10.17223/15617793/399/5

Chernikova Irina V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Sherenkova Viktoriya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: v.sherenkova@gmail.com
Keywords: human nature; identity; NBIC-technologies; global evolutionism; technoscience; ethics of responsibility.

Philosophical anthropology traditionally understands human nature as persistent, unchanging features and properties inherent to man at all times, regardless of biological evolution and the historical process. Philosophers, focusing on the analysis of the social nature of man, its cultural conditioning, have developed a number of different interpretations of the concepts of the human essence. However, recent advances in science and technology allow directed transformation of what was seen as an invariant for millennia: the nature of man. In the context of industrial civilization society faces the problem of who man will be and whether man's inherent human nature will be an unchanged, uninfluenced constant or it will transform. In connection with NBIC, technology and questioning about the prospects of a post-human future, the problem of human nature has acquired a moral and ethical, axiological aspect. In this case, an absolute duty is to preserve “the ontological idea of a human” (H. Jonas). It is important to understand the problem of human nature taking into account advances in technoscience and from the standpoint of the modern historical consciousness, including the idea of global evolutionism. NBIC technologies are not just another scientific and technical development, they “blow up” the world of human life, up to the transformation of the very nature of man, his identity. The article examines how to rethink the identity of man in connection with the problem of human nature conservation. Various interpretations of the concept “identity”, its personal, social and cultural aspects are analyzed. The authors introduce an additional aspect: natural or ontological dimension of identity. It is the foundation of human self-identity allowing man to keep his “essence” in all transformations; it is the basis on which human evolution is built. The natural dimension of human identity is bound not to the substrate that determines the human, be it soul, mind or spirit, but to the function, to the form of activity man performs, to social practices built on the sense of dignity inherent to the individual. A qualitative change in the nature of man is not the way to improve his abilities, but a way to the destruction of the whole system “Man–Culture–Society”.

REFERENCES

1. Gurevich, P.S. (1999) *Filosofiya cheloveka* [The philosophy of man]. Pt. 1. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
2. Dubrovskiy, D.I. (2009) Al'truizm, egoizm i priroda cheloveka (k problematike razvitiya moral'nogo soznaniya) [Altruism, selfishness and human nature (to the problem of moral consciousness)]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Problema soznaniya v filosofii i nauke* [The problem of consciousness in philosophy and science]. Moscow: Kanon+.
3. Smith, R. (2014) *Byt' chelovekom: istoricheskoe znanie i sotvoreniye chelovecheskoy prirody* [Being a Human: historical knowledge and the creation of human nature]. Translated from English. Moscow: Kanon +.
4. Jonas, H. (2004) *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii* [The principle of responsibility. Experience of ethics for a technological civilization]. Translated from English. Moscow: Ayris-Press.
5. Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2012) Human enhancement: cognitive technologies and their risks. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 321:6. pp. 114–119. (In Russian).
6. Orlova E.A. (2010) Kontseptsiy identichnosti v sotsial'no-nauchnom znanii [Concepts of identity in social and scientific knowledge]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. IV. pp. 80–95.
7. Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity, Youth and Crisis]. Translated from English. Moscow: Progress.
8. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Translated from French. Moscow: Dobrosvet.
9. Trufanova, E.O. (2010) Chelovek v labirinte identichnostey [Man in a maze of identities]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 13–23.
10. Fukuyama, F. (2008) *Nashe postchelovecheskoe budushchchee* [Our Posthuman Future.]. Translated from English. Moscow: AST, Moskva.
11. Habermas, J. (2002) *Budushchchee chelovecheskoy prirody* [The future of human nature]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir.
12. Stepin, V.S. (2006) *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [Philosophy of Science. General issues]. Moscow: Gardariki.
13. Simon, G. (2008) Struktura slozhnosti v razvivayushchemsa mire [Structure of complexity in the developing world]. Translated from English. In: Velichkovskiy, B.M. & Solov'ev, V.D. (eds) *Komp'yutery, mozg, poznanie: uspekhi kognitivnykh nauk* [Computers, brain, cognition: cognitive science advances]. Moscow: Nauka.

Received: 08 July 2015

Л.Л. Шпак, Ю.В. Токмашева

МОБИЛИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ С МЕСТНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

Доказывается, что с помощью мобилизационно-управленческого механизма исполнительные органы муниципальной власти устанавливают непосредственные связи с населением локализованных территорий для выявления, изучения и реализации инициатив жителей. Стимулирование инициативности местных сообществ и профессионально компетентное использование мобилизационно-управленческого механизма в адекватных мобилизационных ситуациях авторы считают средством соединения управлеченческих и самодеятельных начал в деятельности органов местного самоуправления. Социологическое сопровождение муниципальных усилий по использованию мобилизационно-управленческого механизма актуализируется в условиях реформирования местного самоуправления.

Ключевые слова: мобилизационно-управленческий механизм; муниципальная власть; местные сообщества; социологическое сопровождение; инициативность жителей.

Исследовательский замысел статьи – посмотреть на активистские социально-мобилизационные способности общества через призму взаимодействия муниципальных служащих с населением в интересах развития инициативности местных сообществ. Мобилизационная готовность муниципальных служащих представляется нам как социально ориентированная управленческая установка на использование механизма мобилизации населения и возможностей муниципальной власти в конкретных нестандартных ситуациях, нарушающих заведенный порядок жизни, мерный ход повседневного существования. Овладение мобилизационно-управленческим механизмом становится критерием профессиональной компетентности чиновников и показателем их отношения к инициативности населения, своего рода барьера на пути бюрократизации отношений власти и местных сообществ.

Муниципальные органы власти входят в сложившуюся систему местного самоуправления, в которой основным противоречием является отсутствие органичных взаимосвязей и зависимостей между управленческими и самодеятельными началами осуществления властных функций.

Исторически доминирующим стал принцип *иерархической субординации*, организующий встроенность местной власти в государственное управление. Дореволюционные (до 1917 г.) социологические исследования доказывают, что устанавливались пределы вторжения местной власти в дела и проблемы государственного уровня. Однако ограничения эти носили скорее профилактический, предупредительный характер, обеспечивающий полноту власти на правительственно-монархическом уровне. Суровые годы становления советской реальности и советского режима власти, наряду с политическим раскрепощением большинства трудящихся, породили ситуации огосударствления, когда местная власть была буквально подмята директивно-административным стилем управления, а общество и партизированное государство стали в духе российских традиций отодвигать местное население от решения государственных задач.

Правовые нормы устанавливались как ориентиры, не обязательные для исполнения требования, тем более – без соответствующего ресурсного обеспечения.

Предполагаемыми ресурсами были энтузиазм, порыв жизненных сил и смекалки народа, идеологические приоритеты, патриотические устремления и осознание необходимости преобразовывать жизнь в интересах трудового народа. Научное управление обществом шло то параллельно, то пересекаясь с социальным управлением, поддерживался определенный социальный и правовой порядок.

В постсоветский период коллективистские устремления многих людей «потонули» в потоке нигилизма и ситуациях аномии. Выход из «лихих 90-х» означал для страны необходимость и неотложность интенсивного реформирования, пробуждения гражданского и политического самосознания и утверждения принципа социальной ответственности. Заметным было и остается отсутствие развитых общественно-инициативных начал в механизме взаимодействия органов муниципальной власти с местным населением.

Повседневная жизнь людей непосредственно и предметно связана с поддержкой, «разрешениями», консультациями-разъяснениями муниципальных органов власти. Органы местного самоуправления оказываются востребованными, как только любой обыватель выходит за очертания своего домохозяйства, озабочится обустройством личного быта. Даже соседские или земляческие отношения в определенной мере регулируются властными полномочиями муниципалитетов.

Бюрократизация низовой власти является реальностью. Как утверждают исследователи, 42% жителей средних и малых городов видят противоречия между чиновниками и обычными гражданами [1. С. 53]. Однако непосредственный характер поселенческих связей и отношений, социальные основания совместного проживания на территории объективно нацеливают муниципальных работников на взаимодействие с населением, особенно в решении местных проблем и политике местного развития. Едва ли следует согласиться с тем, что местные муниципальные службы – это некая враждебная сила, социально не ориентированная, а эгоистично настроенная только на корпоративные и личные интересы. Исследования, проведенные в Кузбассе и Новосибирской области в 2014 г., подтверждают, что муниципальные работники поддерживают связь с населением во всех тех формах, что предписаны

органам местного самоуправления по их статусу (работа с обращениями, сходы жителей и т.д.). Казалось бы, всё нормально. Но именно это становится бичом повседневной управлеченческой практики. Излишне формализованные процедуры (ответы на письма и обращения, нередко это отписки, составление разного рода справок) вызывают неудовлетворенность служащих выполняемой работой, делают их регистраторами вяло текущей управлеченческой рутинны. Служащие буквально задавлены рутинным бумаготворчеством, такая практика ведет к отрыву взаимодействий «лицом к лицу», к формализации отношений, отчуждению от непосредственного познания живой жизни.

При всех попытках соблюдать предписанные, вмененные связи с населением, ответная реакция значительного числа респондентов, судя по опросам, – неудовлетворенность отношениями с муниципальными органами власти на местах. Например, в исследовании, проведенном в Новосибирской области в 2014 г. (науч. рук. д-р социол. наук К.А. Антонов), основные претензии к органам муниципальной власти со стороны 2 200 (100%) «линейных» экспертов области, представляющих местных жителей, сводились к следующему:

- безразличие органов местного самоуправления к проблемам населения (54,3%);
- низкий авторитет органов власти (53,6%);
- низкий уровень квалификации служащих в муниципальных органах власти (49,8%) [2].

Местное сообщество. Самоуправление на местах востребовано социальной практикой еще и потому, что оно реализуется в непосредственной коммуникацией с населением. Социальные основания, на которых поконится это взаимодействие, конечно, являются некоторым обобщением накопленного опыта взаимодействий, фиксированных норм и приоритетных ориентаций на жизненные ценности, принятые как общепризнанные и традиционно одобряемые жителями при смене поколений. Именно это ставит некие естественные пределы бюрократизации органов местного самоуправления.

Правительственные и неправительственные, коммерческие и некоммерческие структуры, политические организации и их представители, работающие с населением на данной муниципальной территории, исполняют роль «проводников» собственных интересов через субсидиарное соучастие в реализации интересов местного сообщества. «Проводники» осуществляют информационно-просветительские, лоббистские функции, участвуют в социальном контроле.

Пространство формирования местного сообщества не очерчено только административными границами конкретного муниципального образования. В управлеченском пространстве муниципалитета могут быть одно или несколько сообществ. К местному населению относятся коренные и постоянные жители локализованных территорий.

Местное сообщество характеризуется нами по доминирующему сегодня критериям – *социально-поселенческому и социокультурному*. Мы не отождествляем с местным сообществом связи муниципалитетов с «общественностью» и не включаем напрямую в состав

местного сообщества СМИ, народных избранников, представителей бизнеса, размещенного в данном муниципалитете и за его пределами, кого-то еще, например, бывших студентов, работающих где-то в другом месте, но переживающих за родное гнездо, и т.д.

Местное сообщество мы трактуем как исторически укоренившуюся общность жителей, сформировавших определенный уклад и образ жизни, специфические коммуникации и тесные, непосредственные социальные связи и отношения на локализованной территории.

Местные сообщества характеризуются неоднородностью, социокультурным разнообразием, что требует поиска индивидуального подхода для формирования двусторонних отношений с учетом интересов населения, их повседневных запросов и нужд, многообразия сложившиеся местных традиций и обычая [3, 4].

Исторически локальное сообщество становится хранителем культуры, форм и способов поддержания порядка и баланса дифференцированных запросов жителей, конвенциально установленных форм социального контроля и т.д. Социокультурные регуляторы организации сосуществования людей поддерживают общие атрибутивные и поведенческие черты образа жизни, согласованные со здравым смыслом и опытом, традициями во взаимодействии с властью.

Взаимодействие муниципальной власти с местными сообществами. Опрошенные в Кузбассе муниципальные работники отмечали необходимость самим налаживать прямые контакты с местным населением, если население несколько отчуждено от муниципальной власти. Такого мнения придерживались 4/5 респондентов – участников диагностического опроса, 16% не могли определить свою позицию. Только 2% сочли, что «Гора сама должна идти к Магомету», т.е. к чиновникам из муниципальных структур¹.

Среди респондентов преобладали лица женского пола в возрасте от 30 до 45 лет, семейные, проживающие в собственных благоустроенных квартирах, но нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Усредненный стаж работы в муниципальной структуре 5,4 года, половина респондентов удовлетворена своей работой, но перспективы профессионального роста по должности крайне ограничены, 2/3 респондентов дошли до «потолка» в должностной карьере. Опрос показал, что респонденты понимают необходимость «идти в народ», видят свою неписаную обязанность поддерживать диалог с представителями местного сообщества, даже если население проявляет пассивность, безынициативность в отношениях с властью. Однако у муниципальных работников, судя по их ответам, пока смутное представление о возможностях местного сообщества. Формы соучастия населения в преобразовании жизни на территориях муниципалитетов сведены к уборке, благоустройству территорий города и дворов.

Согласимся с утверждением: «Способность власти как институциональной структуры отзываться на воздействие социальной среды, на требования общества (респонсивность) связана со способностью общества такие требования выдвигать. Это способность к социальной мобилизации – свойство, характеризующее

“активистские” возможности общества» [1. С. 54]. Социальная и политическая практика сегодня убеждают, что активную гражданскую позицию нужно формировать совместными усилиями власти и динамичных групп и категорий населения, конкретным соучастием в преобразующей деятельности. Стихиям народного подъема (охлократического всплеска – протеста, бунта, восстания) такое передоверять нельзя. Только тогда гражданская позиция станет укорененной в социальной культуре.

Судя по республиканским опросам, проведенным Институтом социологии РАН в 2014 г. (выборка 1 600 чел.), 3/5 респондентов отмечали, что не имеют возможности выразить власти свои интересы, а 71% опрошенных считают для себя невозможным влиять на решения государственной власти через структуры власти и конвенциональными способами [5. С. 78].

Стимулирование инициативности населения через местное сообщество позволяет сохранить социальные основания повседневной жизни и в то же время оформить стратегическую траекторию, определяющую управляемые задачи. Иначе, к примеру, подготовка и принятие, а затем и исполнение решений самоуправляющегося органа власти будут отклоняться от стратегической траектории: фрагментация волевых устремлений населения, разбуженных инициатив отдельных жителей буквально разорвет процесс взаимодействия, налаженного для достижения общей цели. Помимо необходимости мобилизовать инициативу населения для осуществления социетальных и региональных целей, муниципальная власть обязана организовать выполнение проектов, программ, решений по актуальным вопросам жизни людей и местного развития в границах территории данного муниципального образования.

В последние десятилетия преобразование органов государственной власти и местного самоуправления было нацелено на возвращение системы местного самоуправления к самодеятельным началам, что невозможно без налаживания непосредственных взаимодействий с местным населением и реорганизации структуры и функций самих органов муниципальной власти. В определенной мере этому может служить децентрализация некоторых функций государственной власти, проводимая с передачей полномочий и соответствующих ресурсов, форм контроля.

Отраслевое построение организационной структуры исполнительных органов муниципальной власти имеет сегодня соответствующую функциональную наполненность содержания обязанностей специалистов низового уровня (должностных инструкций).

Логика реформирования системы местного самоуправления требует обновления привычного механизма взаимодействий муниципалитетов с местным населением, усиления самоуправленческих тенденций в собственной деятельности и в механизме взаимодействия с населением.

Это касается нацеленности на реализацию интересов населения, проживающего на локализованных территориях, обновления форм и методов взаимодействия, подготовки и проведения в жизнь решений в интересах населения с участием самого населения. Встает вопрос

о преобразовании организационных структур, поиске социальной опоры в реформировании территорий.

Опорой муниципальной власти могут быть местные сообщества, способные выдвинуть на авансцену гражданской жизни наиболее компетентных и ответственных рядовых энтузиастов, знающих потенциал ресурсов данной территории и характер отношений населения и власти. Эти люди обычно не распоряжаются делами местного развития в силу чиновничьих полномочий, а строят свои отношения на авторитете, творческой самореализации, инициативности.

Схематическая модель мобилизационно-управленческого механизма может состоять, в нашем понимании, из следующих блоков:

А. Структура механизма: формы. Минитехнологии. Отдельные способы мобилизации инициатив населения. Кадры. Отдельные меры и мероприятия. Средства (контроля, регулирования, стимулирования инициатив). Измерительные инструменты. Организационные подструктуры.

Б. Функции, реализуемые субъектом управления во взаимодействии с местным сообществом с использованием данного механизма: коммуникативная; стимулирующая; нормативная; коррекционно-сопроводительная; информационно-технологическая и др.

В. Ситуации перехода к мобилизации инициатив местного сообщества:

– социально напряженные (предконфликтные, т.е. проблемные, выходящие за границы реальных возможностей обычного управленческого механизма и рутинизированной управленческой практики муниципальной власти, требующие соучастия населения в решении проблем);

– ситуации мобилизационной готовности (собранности жизненной энергии населения и органов власти, ключевых фигур для опосредованного и непосредственного взаимодействия органов власти и местного сообщества);

– мобилизационные ситуации (конфликтные, кризисные, катастрофические, тупиковые), требующие непосредственных совместных усилий органов власти и жителей.

Г. Применение мобилизационно-управленческого механизма муниципальной власти во взаимодействии с местными сообществами:

– опора на принципы взаимодействия в мобилизационных ситуациях;

– выявление интересов участников взаимодействия и соотнесение ядра этих интересов с интересами развития территорий муниципального образования;

– определение целей и задач совместных действий;

– адаптирование управленческого механизма к мобилизационной ситуации;

– определение ресурсообеспеченности совместных действий участников взаимодействия и переналадки управленческого механизма на мобилизационно-управленческие целевые задачи;

– социологическое сопровождение взаимодействия органов муниципальной власти с местными сообществами.

В основе применения мобилизационно-управленческого механизма на практике лежат факты мобилизационной готовности и социального напряжения, вызванные социокультурными или поселенческими изменениями на локализованной территории. Примером социальной напряженности может служить случай протеста против проекта городской администрации построить завод по глубокой переработке углеводородов в черте пос. Барзас². В результате череды обращений возмущенных жителей в муниципальный орган власти о запрете реализации данного проекта в начале февраля 2014 г. было проведено публичное слушание с участием жителей поселка о целесообразности строительства данного завода. Такого рода ситуации побуждают активных жителей к самоорганизации, самодеятельности и налаживанию контакта с муниципальными служащими в надежде на скорый отклик власти на их обращения.

Мобилизационно-управленческий механизм в соответствующих мобилизационных ситуациях подстраивается под запросы местного сообщества и активизирует его деятельность в условиях, требующих концентрации совместных усилий власти и населения в решении острых и неотложных проблем (внешних угроз, природных или техногенных катастроф, сбоев в жизнеобеспечении, прямых угроз здоровью и т.д.).

В повседневной жизни острота назревших проблем имеет различный характер. Мы учтываем, что в период мертвого хода повседневной жизни, так называемого затишья, вопросы местного значения решаются властями оперативно и не требуют вмешательства представителей местного сообщества. Востребованности мобилизационно-управленческого механизма в таких обыденных ситуациях не наблюдается. Чиновники вполне могут обойтись исполнительскими технологиями и привычными формами связей с общественностью. В переходных и в непосредственно мобилизационных ситуациях требуется обращение органа власти и муниципальных работников к населению. Это обращение может быть не персонифицированным, имеющим общепринятые и понятные в коммуникациях сигналы бедствия, срочности (сирена, набат, обращения первых руководителей, местных структур МЧС) с предупреждениями и просьбами, призывами. Могут быть задействованы средства массовой информации, Интернет.

При достаточном интервале времени мобилизационно-управленческий механизм приводится властью в действие, активизируются его организационно-правовые функции. Муниципальный орган как субъект взаимодействия налаживает внеплановые деловые контакты с представителями местного сообщества (консультации и поиски решения проблемы, экспертиза возможностей сообщества, установление меры ответственности за неучастие в мобилизационном мероприятии или за принуждение к участию в нем и др.).

Мобилизационно-управленческий механизм осваивается и обновляется более компетентно в тех структурных подразделениях, которые более связаны с социальной практикой населения, имеют опыт взаимодействия с местными жителями и решения злобо-

дневных проблем локальных территорий. К таким структурным звеньям можно отнести подразделения по развитию социально-культурной сферы, опеки и попечительству (например, отдел социальной защиты населения), по развитию ЖКХ и строительства (отдел по управлению ЖКХ) и по работе с обращениями граждан.

Результаты опроса муниципальных служащих Кузбасса подтверждают востребованность данных подразделений в ежедневном решении вопросов местного значения. Например, в 2012 г. среди обращений граждан в органы местного самоуправления (МСУ) Березовского городского округа вопросы ЖКХ составляли почти 60%, в 2013 г. удельный вес таких обращений составил 43% от общего числа обращений граждан.

Координирующем звеном между муниципальными структурами, осуществляющими действия в мобилизационных ситуациях, может стать, например, организационный отдел, отдел по работе с обращениями граждан. Функции структурного подразделения по работе с обращениями граждан со временем могут меняться в сторону установления непосредственных контактов с представителями местного сообщества для оперативного разрешения имеющихся проблем территории. Помимо сокращения числа бюрократических отписок, а то и бумажной волокиты, у работников этого подразделения появится возможность обогатить свою профессиональную работу освоением творческой компетенции: выявлением, пакетированием инициатив местного сообщества, своевременной экспертизой соответствия этих инициатив стратегии местного развития интересам различных групп и категорий населения, ресурсам. Получая информацию от активных представителей местного сообщества об имеющихся запросах и предложениях, данное структурное звено налаживает связи между остальными подразделениями исполнительного органа муниципальной власти, объединяя их усилия для решения возникшей проблемы.

Коммуникативная функция, лежащая в основе деятельности координационного звена, обеспечивает исполнительному органу власти регулирование взаимосвязей и каналов распространения информации внутри структурных подразделений муниципалитета и с представителями местного сообщества. Общее руководство координацией может быть возложено на главу администрации муниципального образования.

О социологическом сопровождении. Сопроводительная деятельность социолога является вспомогательно-субсидиарной (инструментальной) по отношению к основной управленческой деятельности муниципального работника. Вмешательство социолога оправдано в ситуациях замещения, корректировки, «ремонта» отдельных звеньев мобилизационно-управленческого механизма, в частности форм взаимодействия, замещения одних мини-технологий другими гибкими технологиями. Социологическое сопровождение не следует делать всеохватным, масштабным, подменяя им такие социологические методы, как, например, массовый опрос, крупный эксперимент регионального или социального уровней,

продолжительный по времени, интегрированный (по специальностям, программам, курсам и т.д.) в образовательный процесс в вузах.

Социологическое сопровождение – это оперативная, ситуативно востребованная, упорядоченная, профессионально компетентная деятельность, обеспечивающая относительную синхронизацию управленческого процесса и стимулирования инициатив местного сообщества [6].

Управленческий механизм настраивается на мобилизацию социально-поселенческих инициатив. Стимулирование и развитие инициативности населения требуют специальной подготовки муниципальных управленческих кадров. Такого рода компетентности могут осваиваться будущими профессиональными социологами и муниципальными служащими в процессе вузовской и послевузовской подготовки (в магистратуре, аспирантуре) при соответствующей перестройке содержания учебных программ и планов даже без дополнительных затрат учебных часов, зачетных единиц трудоемкости.

В то же время мобилизация предполагает основательную организационную, просвещенную и социокультурную подготовку населения, предварительное осмысление фактов инерционной пассивности, социального иждивенчества, сходного с паразитированием, скрытых факторов поведения, резко отклоняющегося от социально приемлемого стандарта в поселенческой среде.

Взаимодействие органов муниципальной власти с местным сообществом может корректироваться и направляться с помощью профессионально компетентных социологов. Профессиональные социологи накопили в своем арсенале инструментарий для выявления, диагностики и разрешения повседневных проблемных ситуаций. Социологическое сопровождение является своего рода эскорт-услугой. В отличие от обычных, фрагментированных эскорт-услуг, используемых как элемент персонал-технологии, предлагаемое нами социологическое сопровождение нацелено на синхронизацию действий социолога с процессом использования мобилизационно-управленческого механизма во взаимодействии с местными сообществами [6].

Среди методов и инструментов, с помощью которых может внедряться в управленческую практику социологическое сопровождение, мы видим микросоциологический анализ, микродиагностику, мини-экспертизу, ситуационный анализ, тестирование, социоконсультирование, мини-технологии и т.д. Социологическое сопровождение несет функциональную нагрузку. К числу основных функций эскорт-

обслуживания мы относим фасилитационную (поддержка, помощь), арбитражно-экспертную (посредническая – при очевидной предвзятости власти, оценочная), ценностно-ориентационную, организационно-регулятивную, адаптивно-компенсаторную (при реальном или кажущемся ущербе, внезапных угрозах социальному настроению и т.д.).

Задачи социологов – по возможности снимать мобилизационно-ажиотажную напряженность, находить компенсаторные инструменты воздействия на откладывающиеся от стандарта ситуации и поведенческие формы. Например, мобилизационные порывы и инициативные усилия следует предостерегать от наращивания эмоционально окрашенного упорства, непримиримости, ведущей к охлократическому всплеску. Стремление реализовать инициативу любой ценой, не соотнося ресурсное обеспечение и поставленные задачи, в том числе регионального уровня, может оказаться прорывным, но квазимобилизующим в повседневной жизни и потому неэффективным в перспективе. Предполагается, что социологическое сопровождение процесса мобилизации инициатив местного сообщества оптимизирует управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти и населения, объединенного в общность по проживанию, сформировавшемуся образу жизни, поселенческим интересам.

Подведем итоги.

1. Местным сообществом называется объединение людей, связанное в общность оседлостью на данной территории, узнаваемыми чертами повседневного образа жизни и бытового обустройства, общими коммуникациями, солидарным общим интересом и соучастием в преобразовании отношений.

2. Мобилизация представляет собой внешнее воздействие муниципальной власти на субъектов взаимодействия для изменения мотивации поведения в сторону социально ориентированных целей и ситуационной интенсификации деятельности в процессах взаимодействия.

3. Мобилизационно-управленческий механизм служит мобилизации инициатив власти и местных сообществ в русле целедостижения при соответствующем ресурсном оснащении, соблюдении основных принципов взаимодействия, приемлемого уровня профессиональной компетентности муниципальных кадров и в контексте соответствующей ситуации.

4. Социологическое сопровождение мобилизационных процессов и использования мобилизационно-управленческого механизма является стабилизирующим инструментом в стимулировании и реализации инициативности местных сообществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проводилось в 2013–2014 гг. кафедрой социологических наук КемГУ в рамках ежегодной инициативной программы «Кузбасс-политика», действующей с 1992 г. в Кемеровской области. Предварительно была разработана концептуальная схема проведения исследования, изучены документы о структурах муниципальных органов исполнительной власти нашей страны, правовые документы, регламентирующие взаимодействие органов власти с местным населением, социологические источники о деятельности местных сообществ. В Кузбассе площадками для выявления отношения муниципальных работников к реорганизации функциональной нагрузки в структурных подразделениях городских Администраций были избраны ежегодные курсы переподготовки муниципальных служащих на базе КузГТУ, а также территориальное управление социальной защиты в шахтерском г. Берёзовский. Диагностические опросы проводились в г. Берёзовском Ю.В. Токмашевой с участием аспирантки А.А. Колупаевой и студентов-социологов 2–3-х курсов (кафедра социологических наук КемГУ, зав. каф. канд. социол. наук, доц. Е.В. Головацкий). Науч. рук. программы «Кузбасс-политика» и данного исследования – д-р со-

циол. н., проф. Л.Л. Шпак Содействие опросу слушателей областных курсов оказала зав. кафедрой государственного и муниципального управления КузГТУ, д-р социол. н., проф. Н.А. Заруба. Репрезентативность выборки соблюдена по отношению к числу слушателей курсов (ежегодно в среднем 60–90 слушателей) и составу работников администрации г. Берёзовского. Диагностический инструментарий включал опросный лист для муниципальных служащих (вопросы открытые сочетались с несколькими закрытыми, часть данных получена тестами-вкладышами) и анкету с закрытыми вопросами для опроса жителей, представляющих местное сообщество. Всего было опрошено на улицах Берёзовского 180 жителей (в основном женского пола, работники местных учреждений образования, здравоохранения, торговли, станционного обслуживания, шахтеры), а также 152 служащих муниципалитетов, включая 92 муниципальных работника – слушателей курсов Кузбасса (почти все слушатели курсов с высшим образованием, немногие – со специальным образованием). Среди опрошенных муниципальных работников территориального управления социальной защиты г. Берёзовского специалисты, несколько руководителей подразделений этого управления.

² Барзас – стационарный поселок в черте шахтерского г. Берёзовский под областным центром Кемерово.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климова С.Г., Климов И.А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 52–58.
2. Шпак Л.Л. и др. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ / отв. ред. Л.Л. Шпак. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2014. С. 305–371.
3. Местные сообщества: проблемы социокультурного развития : сб. науч. ст. / под ред. Ю.М. Резника, М.И. Мироновой. М. : Независимый институт гражданского общества, 2010. 192 с.
4. Сборник лучших практик взаимодействия населения и власти в решении местных проблем / под ред. К.В. Малова. Новосибирск : АСДГ, 2009. 222 с.
5. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 73–78.
6. Шпак Л.Л., Заруба Н.А. Концептуально-методологические основания для разработки модели социологического сопровождения управленческих кадров // Вестник КемГУКИ. 2013. № 23/2. С. 213–225.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 мая 2015 г.

THE MOBILIZATION MANAGEMENT MECHANISM OF MUNICIPAL AUTHORITIES INTERACTION WITH LOCAL COMMUNITIES

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 28–33. DOI: 10.17223/15617793/399/6

Shpak Lidiya L. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Shpakll@mail.ru

Tokmasheva Yuliya V. Kemerovo State University, Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tokmasheva@rambler.ru

Keywords: mobilization management mechanism; municipal authority; local communities; sociological support; initiative of inhabitants.

In this article the problem of compliance of the amateur and administrative beginnings of the interaction of municipal authorities and a local community demanded by social and administrative practice is set. According to the author, it is necessary to depart from extremes in the treatment of local community and in the mythological understanding of local government. The local community is considered on the basis of social settlement and sociocultural criteria. The author presents a sociological explanation of the need to optimize interaction of municipal authorities with local communities through search of a measure in use of the amateur and administrative beginnings of local government. The author specifies the need of formation of mutually advantageous forms of interaction and improvement of administrative and amateur interrelations at the grassroots, municipal level. The urgent problem of the distance of municipal authorities from needs and requirements of the population, their topical problems, which reduces political and social activity of inhabitants of the localized territories and slows down civil society formation, is emphasized. The authors prove that in situations requiring concentration of municipal employees' attention on burning issues of local territories, their sustained efforts and professional competence, it is necessary to use a mobilization management mechanism of interaction with the public. The article describes the model of this mechanism, which includes such units as: the structure of the mechanism, its functions, transition to mobilization of community initiatives, direct interaction with the local community based on civic initiatives. The authors note situations of social tension, mobilization readiness, and also actual mobilization situations demanding direct joint efforts of authorities and inhabitants. The focus of the interaction is made on the identification, selection, support of citizen initiatives and the need to stimulate initiative through mobilization management mechanism, which is demanded in the transition of local government from the administrative and paternalistic style of relationship to the active partner management style. The authors note that sociological support of municipal efforts when forming the mobilization management mechanism optimizes interaction of municipal authorities with local communities. Development of this mechanism is considered as the criterion of professional competence of municipal employees and way of overcoming bureaucracy at the level of local government where the administrative beginnings dominate over the amateur so far.

REFERENCES

1. Klimova, S.G. & Klimov, I.A. (2015) Interactions of urban dwellers with powers: competent participation and problem of intermediaries. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 52–58. (In Russian).
2. Shpak, L.L. et al. (2014) *Sotsial'naya i politicheskaya mobilizatsiya* [The social and political mobilization: microsociological analysis]. Kemerovo: Kemerovo State University.
3. Reznik, Yu.M. & Mironova, M.I. (eds) (2010) *Mestnye soobshchestva: problemy sotsiokul'turnogo razvitiya* [Local communities: the problems of socio-cultural development]. Moscow: Nezavisimyy institut grazhdanskogo obshchestva.
4. Malov, K.V. (ed.) (2009) *Sbornik luchshikh praktik vzaimodeystviya naseleniya i vlasti v reshenii mestnykh problem* [Best practices of interaction of population and authorities in solving local problems]. Novosibirsk: ASDG.
5. Trofimova, I.N. (2015) Civic activism in Russian society: features of localization. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 73–78. (In Russian).
6. Shpak, L.L. & Zaruba, N.A. (2013) Conceptual Schematic Model of Sociological Support of Personnel Management. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 23/2. pp. 213–225. (In Russian).

Received: 18 May 2015

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 930:069(47)

Н.М. Дмитриенко, Л.А. Лозовая, М.А. Бутенко, В.С. Глухов

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ КАК КОМПЛЕКС ЗНАНИЙ О МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются вопросы историографии музееведения / музеологии как проблема исторической науки. На основе широкого круга историографических источников XIX – первой трети XX в. прослеживается становление науки о музейном деле России, характеризуется проблематика музееведческих трудов, выявляются первые представления о музееведении как комплексе научных дисциплин и направлений. Показано, как под влиянием политических факторов в 1920-х гг. в советской России наметились изменения парадигмы музееведения.

Ключевые слова: музееведение; музейное дело; историография музейного дела.

В изучении музееведения / музеологии, интерес к которому набирает обороты, все яснее прослеживаются достижения и проявляются недоработки и «белые пятна». Одним из крайне слабо освещенных вопросов является историография и отдельных дисциплин и направлений музееведения, и всего комплекса в целом. Нельзя сказать, что поставленная проблема не исследовалась. Первый опыт обобщения истории исторических исследований в России, в том числе истории музеев, относится к концу XIX в., когда был издан первый в России историографический труд В.С. Иконникова. Просто и убедительно автор излагал не утратившую и в наши дни концепцию своего исследования: «Историк прежде всего должен настойчиво стремиться к открытию истины и все подвергать критической оценке, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, опасениями или предубеждениями. Он должен отрешиться от предвзятых идей и заключений *a priori* и основываться в своих выводах исключительно на фактах, почерпнутых по возможности из первоначальных источников». В.С. Иконников подчеркивал значение обращения к работам предшественников: «Изучение трудов предшественников помогает историку избегать ошибок, давно опровергнутых, и предохраняет его от увлечения видеть в себе человека, открывшего новый мир. При изучении чужих работ не следует, однако, ничего принимать в них на веру, а все подвергать внимательному пересмотру с целью убедиться, в чем предшественники были совершенно правы и где они ошибались, а вовсе не с тем, чтобы непременно опровергнуть высказанные ими воззрения и заменить их своими собственными, оригинальными» [1. С. 35–36].

Книга В.С. Иконникова положила начало историографическому исследованию музейной деятельности в России, в главе «Музеи как хранилища памятников вещественных древностей и искусства» он собрал и критически оценил работы по истории отдельных музеев, проследил постепенное изменение отношения к памятникам старины и к российским музеям – от храмовых ризниц, кладов и сокровищниц к западноевропейскому пониманию музея как хранилища памятников, собираемых с целью изучения и передачи будущим поколениям [1. С. 1350–1360, 1384–1385]. Одна-

ко идеи В.С. Иконникова долгое время не были востребованы отечественными исследователями, что сказывалось на музееведении. Этот факт был отмечен А.М. Разгоном еще в 1960-х гг. [2. С. 189], но до сих пор нет ни одной публикации о том, как изучались вопросы о музейном деле и музееведении, как изменялись трактовки этих явлений и понятий. В данной статье поставлена задача восполнить недостаток, проследить процесс накопления научных представлений о музейном деле, выявить эволюцию концептуальных положений, взглянув и представлений о российском музееведении в продолжение XIX – первых десятилетий XX в.

Углубившись в историю, мы убедились, что у истоков музееведения в России находился Н.М. Карамзин. Он первым использовал исследовательский прием визуализации, с помощью которого возможно было, говоря словами А.С. Лаппо-Данилевского, «представлять себе живые образы “людей и предметов” и постигать действительную жизнь в полноте индивидуальных особенностей...» [3. С. 211]. Можно сказать, что Н.М. Карамзин через изобразительные и вещественные источники реконструировал картину исторического прошлого, осуществляя в своих трудах и прежде всего в «Истории государства Российского» презентацию памятников, достигая выразительности, а вместе с тем и доходчивости, убедительности исследования прошлого [4, 5]. (Много позже этот подход был обозначен как музейно-предметный, или музееведческий, и стал использоваться по преимуществу в музейной работе.) Кроме того, Н.М. Карамзин осуществил научно-достоверную реконструкцию истории повседневности, он стоял у истоков музееведческой дисциплины, ныне известной как история материальной культуры. Вслед за ним, в 1860-х гг., наиболее представительное и до сих пор не превзойденное по полноте, точности и строгой документированности описание материальной, т.е. предметной, или вещественной, культуры русских в XVI–XVII вв. осуществил И.Е. Забелин [6]. Нужно отметить, что этот ценнейший вклад русского историка в музееведческую проблематику впервые отметил А.М. Разгон [2. С. 190–191, 197].

Возвращаясь к творчеству Н.М. Карамзина, хотим подчеркнуть, что он касался и собственно музейного

дела, первым в России поставив музейные ценности в один ряд с другими достижениями тогдашней культуры – литературой, театром. Он познакомил русского читателя с европейскими музеями, со способами и формами музейного хранения, распространенными в Европе в XVIII в., по собственным впечатлениям и наблюдениям охарактеризовал Дрезденскую картинную галерею, Британский музей и др. [7. С. 174–175; 8. С. 321–322]. Н.М. Карамзин первым сообщил читателям о русских музеях и коллекциях, например о собрании Екатерины II [8. С. 258], о коллекции ста-ринного оружия в Троице-Сергиевой Лавре [9. С. 298], о хранении древностей в Оружейной палате [10. Т. 2, стб. 90].

Продолжением начатого Н.М. Карамзиным и И.Е. Забелиным стали многочисленные научные и документальные публикации о музеях. Прежде всего следует сказать о работах археографического и музеографического характера, авторы которых вводили в научный оборот новые источники изучения музейного дела, описывали музейные коллекции [11–19]. Была начата разработка новой научной дисциплины – истории музейного дела, в трудах по истории отдельных музеев и музейных коллекций прослеживалось формирование музейных собраний, характеризовались способы их хранения и экспонирования [20–24]. Издавались материалы об исследователях-музееведах и их вкладе в музейную деятельность [25–27].

Видная российская деятельница, одна из создателей и руководителей Московского археологического общества графиня П.С. Уварова привела сравнительную характеристику состояния музейного дела в России и за рубежом, писала о том, что музеи в странах Европы имеют твердую почву под ногами. Особо подчеркивала: «Польза их признана давно всеми, где правительство относится к ним поощрительно и где сами музеи, получив право гражданства, составляют нечто целое, необходимое в государстве, образовательным целям которого служат с таким успехом». И прибавляла: «Нет сомнения, что только учреждению подобных музеев запад обязан распроспранением просвещения среди масс, воспитанием вкуса публики, развитием искусств и промышленности, равно как и большую любовью к истории и археологии страны» [28. С. 23]. Почти одновременно в статье В.Е. Рудакова, сотрудника Архива Департамента герольдии Правительствующего сената, написанной специально для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефона, была предпринята первая попытка охарактеризовать музейное дело как особую сферу. Автор осуществил комплексное описание всех музеев страны, начиная от древнейшего русского музея – Оружейной палаты, первые упоминания о которой относились к XVI в., и завершая музеями 1890-х гг. Сообщал о создании и деятельности музеев, о фондо-вой и экспозиционной работе [29].

Формировался методологический аппарат изучения музейной деятельности. Термин «музей», или «музейум», впервые прозвучавший в России в начале XVIII в. в докладе библиотекаря И.Д. Шумахера Петру I, в XIX в. стал широко использоваться авторами

исследовательских и музеографических изданий о музеях и музейных собраниях [30, 31]. В 1817 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук Ф.П. Аделунг выступил с проектом создания Русского национального музея, дал и его научное определение как «сколь возможно полное собрание всех предметов, относящихся к истории, состоянию и произведениям какой-либо земли и ее жителей». И в качестве главного свойства такого собрания указывал, что оно «весьма полезно для скорого и легкого обозрения протекших событий и настоящего положения государства» [32. С. 171–172].

Сложившиеся представления о музейной работе в середине XIX в. получили свое отражение в «Толковом словаре» В.И. Даля, в котором «музей», или «музей», истолковывался как «собрание редкостей или замечательных предметов по какой-либо отрасли наук и искусств» [33. С. 357]. Полнее, с указанием на ведущие функции, определял музей Д.А. Клеменц: «Музей есть систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов» [34. С. 2]. Предпринимались попытки дать определение музея, исходя из его сущностного предназначения. Так, еще в 1880–1890-х гг. Н.Ф. Федоров писал, что «музей есть последний остаток культа предков; он – особый вид этого культа, который, изгоняемый из религии (как это видим у протестантов), восстанавливается в виде музеев» [35. С. 339]. Размышляя в этом же направлении, Б.Ф. Адлер называл музей «хранилищем достояния народного духа» [36. С. 504]. Участники Предварительного музейного съезда, собравшегося в 1912 г., определяли музей как учреждение, занятое «собиранием, регистрацией и хранением памятников исторического археологического значения» [37. С. 391].

На наш взгляд, наиболее полное представление о музее и музейной деятельности в целом было разработано руководителем этнографического отдела Русского музея Н.М. Могилянским. В статье, опубликованной в 1916 г., а затем выпущенной в виде отдельного оттиска, он изложил свое мнение о роли и назначении музея: «Музеи, множась и разрастаясь, естественно привлекли к себе значительные культурные силы, и энергией деятельных работников на почве музейного дела выяснены были не только многие практические задачи, но и самая постановка музейного дела приобрела новый смысл и значение, получив новые идеинные основания и почву» [38. С. 305].

Называя музей «хранителем и стражем научных ценностей», популяризатором «науки и ее приобретений», систематизатором научных знаний, Н.М. Могилянский охарактеризовал ведущие направления внутримузейной работы, первым отметил, что музеи приспособлены «для наилучшего хранения предметов как научных документов». Он ввел понятие «хранение вещи», которое, по его словам, включало физическую сохранность, а также обеспечивало «научную, нематериальную ценность», поэтому требовались тщательная регистрация и инвентаризация коллекций,

подготовка этикетажа, издание указателей-путеводителей. Все это означало «непрекращающуюся научную и специальную музейную работу», определявшуюся как музейное дело [38. С. 305–307, 316–317].

В работах П.С. Уваровой, В.Е. Рудакова, А.И. Смирнова была осуществлена группировка российских музеев по их общественному назначению, содержанию фондовых собраний, географическому признаку, т.е. нарабатывался опыт классификации, складывались предпосылки изучения музейной сети и профильных групп музеев [24. С. 90–109; 28. С. 1–22; 29. С. 119–122]. Сложились такие понятия и определения, как музейный работник, практические задачи музейной жизни, каталогизация музейных предметов, охрана памятников старины и, наконец, музеологический метод, понимавшийся тогда как способ популяризации научных достижений [38. С. 319; 39. С. 379–380; 40. С. 399–400; 41. С. 410–413]. Характерно, что Н.М. Могилянский полагал архаичным именовать музейных работников хранителями или консерваторами и предлагал номенклатуру музейных должностей определять по содержанию их научной работы: «Зоолог или археолог губернского музея звучит более достойно для самого скромного деятеля наук, чем устаревшее хранитель» [38. С. 317–318]. Он подчеркивал научный, творческий характер музейной деятельности: «О положении всякого, самого младшего по службе деятеля музея и его роли нужно сказать, что только тогда он будет чувствовать себя на своем месте полезным работником, если в пределах сознанных и определенно поставленных задач и при исполнении совершенно специальных функций, требуемых музейной службой, он будет предоставлен самому себе, как самостоятельный ученый работник. Лишь когда его индивидуальность не будет совершенно задавлена казенной, формальной служебной тяготой, он сохранится живым, постоянно прогрессирующим в своей специальности, необходимым членом одной большой семьи деятелей науки» [38. С. 318].

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефона была опубликована небольшая статья-справка, в которой толковалось понятие «музеография» как описание музеев и содержавшихся в них предметов [42]. Выражения «теория музейного дела», «музейная техника и практика» впервые встречаются в работе Ф.И. Шмита, изданной в 1919 г. При этом автор не расшифровывал эти словосочетания, но с пафосом, присущим революционному времени, писал: «И если мы хотим точно знать, а не чувствовать только, что же нам дальше делать с музеями и как нам с ними быть, то мы должны, отказавшись от всякого прекраснодушного любительства, решительно посмотреть в корень, разработать теорию музейного дела, определенно и точно ответить на вопрос, для чего существуют музеи. Только тогда мы будем знать, как нам их надо устраивать» [43. С. 33].

Понятие «музееведение» было впервые зафиксировано в 1900-х гг. в преподавательской практике Московского археологического института, который в продолжение 1907–1922 гг. готовил специалистов для работы в архивах, музеях и библиотеках [44]. По све-

дениям А.И. Фролова, С.К. Кузнецова, археолог, этнограф, бывший библиотекарь Императорского Томского университета, читал в археологическом институте курс лекций «Введение в музееведение» [45. С. 387]. Точно удостоверить, что имел в виду С.К. Кузнецов, когда говорил о музееведении, мы пока не можем. Следует все же отметить, что, по свидетельству А.М. Разгона, в решения Предварительного музейного съезда 1912 г., наряду с прочими, вошло предложение об открытии курсов по музееведению с целью подготовки «личного состава музеев» [46. С. 23]. Эта формулировка явно предполагала комплексный характер музееведения.

На рубеже 1910–1920-х гг., со временем установления советской власти в России, развернулась целенаправленная деятельность по изменению хода музейного дела в стране. Этому содействовала система государственного управления музеями, созданная в структуре Наркомата просвещения. В 1919 г. по инициативе Наркомата просвещения была создана Всероссийская музейная конференция, на которой, говоря словами А.А. Сундиевой, была поставлена задача «выработать программу дальнейшего развития музейного дела в новых исторических условиях и объединить усилия научной и художественной интеллигенции на реализацию этой программы» [47. С. 464]. Гораздо более жестко охарактеризовал то переломное время С.О. Шмидт, писавший о «социологической вульгаризации гуманитарных знаний». По его сведениям, памятнико-охранительную деятельность объявили «формализмом музейного типа», началось целенаправленное уничтожение памятников – церквей, музейных экспозиций, письменных памятников [48. С. 501–502]. Появились и первые публикации, авторы которых одобряли действия властей по перестройке музейного дела, предлагали руководствоваться в музейной работе революционными идеями. Так, Н.Г. Машковцев, руководитель подотдела провинциальных музеев музейного отдела Наркомата просвещения, в одной из своих статей, опубликованной в 1920 г., предлагал не бояться перегруппировок художественных ценностей, т.е. закрытия одних музеев и передачи музейных коллекций в другие. Заявлял, что если «мы будем считать фетиш старых музеев разрушенным, если мы не будем идолопоклонствовать перед историческими традициями музеев, имевшими смысл для закончившихся уже эпох истории и потерявшими свой смысл для эпох новых, то мы найдем и материал, и методы для художественного строительства провинции» [49. С. 494–495].

Опытом перестройки музейной работы делился заведующий Херсонесским музеем К.Э. Гриневич. Выступая за «широкую демократизацию всего музейного дела», за «торжество новых идей в музееведении», он приступил к «тематическому музейному строительству», которое рассматривал как «одно из средств ввести марксизм в музейное дело». Считал, что только тематическая экспозиция может быть научной [50. С. 3]. К.Э. Гриневич изложил свое представление о музее, который, по его мнению, «должен давать марксистски выдержанное знание». При этом, по сути,

повторял то, что было выработано в российском музеведении в дореволюционный период: «На музей следует смотреть как на книгу для образовательного чтения, в которой знаниедается путем сопоставления не буквенных сочетаний, а расстановкой памятников природы или материальной культуры. Поэтому экспозиция музея – момент первостепенной важности». И добавлял к этому бесспорному положению то, что все более выдвигалось на первый план руководством музеиного дела Советской России: «Музей должен быть внутренне увязан с задачами социалистического строительства всей страны» [50. С. 5].

Однако, как справедливо указывают современные исследователи, «прежняя парадигма» музеведения сохранилась в России до конца 1920-х гг. [51. С. 18]. Советские музеведы по-прежнему обращались к изучению истории музеев и музейных коллекций, придерживаясь концептуальных основ, наработанных в конце XIX – начале XX в. Писали о научных задачах комплектования и приемах и методах экспозиционной работы, раскрывали исследовательскую и просветительную роль музеев [52–55]. Сотрудник Русского музея М.Д. Приселков в статье, опубликованной в 1926 г., одним из первых в России обратился к проблеме музееификации предметов «старого быта», вслед за Н.М. Могилянским обозначил музейные памятники как «документы недавнего прошлого», отметил зарождение «новой по методам изучения дисциплины истории быта» [56. С. 561–572].

В разгоравшейся в 1920-х гг. дискуссии по вопросу о сущности музейной работы исследовательские функции музеев на первых порах не подвергались сомнению. Так, сибирские авторы Н.К. Ауэрбах и Г.И. Черемных заявляли, что вопрос о том, являются ли музеи учреждениями краеведческого (т.е. исследовательского) или политico-просветительного характера, потерял свою остроту. И в доказательство этого говорили следующее: «Сибирские музеи в силу своего возникновения, развития и современного состояния в основном были и есть музеи краеведческого характера,

преследующие цели отразить прилежащий к ним район. При этом они всегда были музеями систематическими. Поэтому вполне понятно, что в своей работе они главным образом связаны с научно-исследовательской деятельностью». Отмечали в качестве «особенной ценности краеведческого музея» то, что «музеи, как никакие другие учреждения научной значимости, являются наиболее доступными проводниками знания о родном крае в широкие массы». Но, подтверждая необходимость работы по популяризации, авторы неожиданным образом переходили к «политпросветительным мероприятиям» и завершали свое выступление заявлением о том, что «тесный контакт работы музеев с политпросветительными учреждениями является необходимой принадлежностью музейной работы» [57. С. 133].

Подводя первые итоги нашего исследования, мы можем говорить о том, что в продолжение XIX – первых десятилетий XX в. в России сложился комплекс научного изучения музейного дела, получивший особое наименование – музеведение. В числе важных составляющих этого комплекса оказались история музейного дела, музейная деятельность (функционирование музеев), история материальной культуры (история быта), в процессе формирования находились вопросы методологического характера, исследования в области археографии и музеографии, истории музейной сети, профильных групп музеев. Ближе к концу 1920-х гг. все настойчивее утверждалась марксистско-ленинская концепция музейного дела, обуславливавшая представление о музеях как центрах документирования и пропаганды социалистического строительства. В рамках господствующей концепции некоторые музеведы предпринимали попытки осветить музейную деятельность на основе исторических источников, обеспечивали накопление исторических сведений, до сих пор не утративших научного значения. Однако их работы все меньше отвечали официальным требованиям, характеризовались как аполитичные, нуждавшиеся в пересмотре и корректировке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев : Тип. Императорского ун-та св. Владимира, 1891. Т. 1, кн. 1–2. 2074 с.
2. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 189–275.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории [Переиздание]. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2013. 602 с.
4. Карамзин Н. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М. : Университетская тип., 1802. 187 с.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842–1843. Кн. 1–3, т. 1–12.
6. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях [Переиздание]. М. : АСТ; Транзиткнига, 2005. 1129. 7 с.
7. Сочинения Карамзина. М. : тип. С. Селивановского, 1803. Т. 2: Письма русского путешественника. Ч. 1. 304 с.
8. Сочинения Карамзина. М. : тип. С. Селивановского, 1803. Т. 5: Письма русского путешественника. Ч. 4. 416 с.
9. Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: избранная проза. М. : Московский рабочий, 1986. С. 285–310.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 1, т. 1–4.
11. Московская Оружейная палата. 2-е изд. / сост [А.Ф. Вельтман]; печ. по Высочайшему соизволению. [М.] : Тип. Бахметева, 1860. [8], 288 с., ил.
12. Викторов А. Обозрение старинных описей Патриаршей ризницы. М., 1876. 142 с.
13. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 / сост. зав. архивом Оружейной палаты А. Викторов. М., 1877. Вып. 1. 376 с.
14. Государственное древлехранилище в теремах Московского кремлевского дворца : доклад чл.-кор. А.А. Егорова; читан в заседании Общества любителей древней письменности 8 января 1882 года. СПб., 1882. 16 с.
15. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 г. / сост. зав. архивом Оружейной палаты А. Викторов. М., 1883. Вып. 2. С. 377–660.
16. Уварова П.С. Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1887. 43 с.

17. [Флоринский В.М.] Музей сибирской археологии и этнографии, основанный в 1882 году при Сибирском университете // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. Паг. 2. С. 1–155.
18. [Флоринский В.М.] Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. 82 с.
19. [Флоринский В.М.] Примечания к описанию Археологического музея Сибирского университета // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. Паг. 3. С. 1–275.
20. Десятилетие Минусинского музея. 1877–1887. Томск : Тип. «Сибирской газеты», 1887. 77 с.
21. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 г.). Казань : Типолитография Императорского университета, 1902. 260, VI, II с.
22. Модель-камера, впоследствии Морской музей имени императора Петра Великого. Исторический очерк. 1709–1909 / сост. С.Ф. Огородников. СПб., 1909. 96 с. : ил.
23. Могилевский Н. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III (Отд. оттиск из журнала «Живая старина». 1911). СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1912. С. 473–498 : ил.
24. Смирнов А.И. Земский исторический музей. Опыт организации. Ярославль, 1915. 185 с.
25. Клеменц Д.А. Николай Михайлович Мартынов (некролог) // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1904. Т. 40, вып. 4. С. 47–50.
26. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1869–1914 гг.). Т. 2 : Биографический словарь членов Общества. Список трудов членов Общества, помещенных в изданиях Общества / под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915. XII, 445, 256 с.
27. Анучин Д.Н. Графиня П.С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского археологического общества // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. IX–XXIV.
28. Уварова П.С. Областные музеи. М., 1890. 28 с.
29. [Рудаков В.Е.] Музей // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 20. С. 112–122.
30. Историческое описание древнего российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося / сост. А.Ф. Малиновский, П.С. Валуев. М., 1807. XLIV. 137 с.
31. [Романчиков С.] Историческое описание Оружейной палаты, или Российский музей, с богатством первопрестольной нашей столицы Москвы, и описанием драгоценностей, хранящихся в оной с показанием, откуда, когда, какого года по какому случаю поступили в оную палату сии драгоценности. Взято из достоверных источников. М., 1835. 77 с.
32. Аделунг Ф.П. Предложение об учреждении Русского национального музея. [Первая публикация: Сын Отечества. СПб., 1817. № 14] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 171–182.
33. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1989. Т. 2. 779 с.
34. Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». Иркутск, 1893. Вып. 2. С. 1–35.
35. Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 338–351.
36. Адерл Б.Ф. «Национальный» музей // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 501–512.
37. Проект Положения и Правил 1-го Всероссийского съезда деятелей музеев // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 390–394.
38. Могилевский Н.М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения (Отд. оттиск из журнала «Живая старина». 1916). Пг., 1917. С. 303–326.
39. Протокол заседания общей (соединенной) секции Предварительного съезда деятелей музеев 28 декабря 1912 года // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 378–390.
40. Комт А.Ф. Пути и цели эволюционного учения в отражении биологических музеев. [Отрывки из книги 1913 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 396–404.
41. Новорусский М.В. Музейное дело / М.В. Новорусский. [Публикация 1914 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 410–413.
42. Музеография // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 20. С. 126.
43. Шмидт Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи: очерк истории и теории музейного дела. Харьков : Союз, 1919. 103 с.
44. Хорхордина Т.И. Московский археологический институт. URL: <http://www.rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-miuss/istoriya-miuss/moskovskie-archeologicheskie-institut-mai.html> (дата обращения: 22.07.2015).
45. Фролов А.И. Музеведение // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс ; Рипол классик, 2001. Т. 1. С. 387–388.
46. Разгон А.М. Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музей и власть. Ч. 2 : Из жизни музеев / отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. С. 5–26.
47. [Сундиева А.А.] Первая Всероссийская конференция по делам музеев // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 464–465.
48. Шмидт С.О. Краеведение и культура России первой трети XX столетия // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М. : Наука, 1996. С. 496–505.
49. Машковцев Н.Г. Принципы музейного строительства // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 481–498.
50. Гриневич К.Э. За новый музей. Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве. Севастополь, 1928. 16 с.
51. Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.Е. Каулен. М. : ВК, 2010. 676 с.
52. Шмидт Ф.И. Музейное дело: вопросы экспозиции. Л. : Академия, 1929. 245 с.
53. Музей игрушки. Об игрушках, кукольном театре, начатках труда и знаний и о книге для ребенка / сост. Н. Бартрам, Е. Овчинникова. Л. : Academia, 1928. – 63 с.
54. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
55. Мелехин Ф.В. 1923–1928 г. Пять лет работы музея. Краткий отчет // Известия (Государственный Западно-Сибирский музей). Омск, 1928. № 1. С. 121–150.
56. Приселков М.Д. Историко-бытовые музеи. Задачи, построение, экспозиция // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М. : Этерна, 2010. С. 560–573.
57. Ауэрбах Н.К., Черемных Г.И. Состояние музейного дела в Сибирском крае // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1928. № 9–10. С. 125–134.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 3 сентября 2015 г.

MUSEOLOGY AS COMPLEX OF KNOWLEDGE ABOUT MUSEUM SCIENCE: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 34–41. DOI: 10.17223/15617793/399/7

Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Lozovaya Lydia A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lidiana1985@mail.ru

Butenko Maria A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariyabut@mail.ru

Glukhov Vyacheslav S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vyacheslavglukhov@gmail.com

Keywords: museology; museum science; historiography of museums.

The study on Russian museology increasingly attracts attention from researchers in recent years. So far, however, the historiography of museology remains unexplored. This fact was noted by A.M. Razgon and other museologists. The attention to the history of museum science allowed to learn that historian N.M. Karamzin first addressed museology problems in Russia. He worked out a special method of visualization and used it in his research of the history of Russia. Later this method was made a basis for the museum-focused approach. Also N.M. Karamzin was first to report to Russian readers about some Russian and European museums. I.Ye. Zabelin also greatly contributed to museology. His work on the life of Russian tsars and tsarinas in the 16th–17th centuries is still relevant. We can say that it is a model for the history of material culture as a special discipline of museology. N.M. Karamzin and I.Ye. Zabelin were followed by Russian historians and museum specialists who developed various questions on the history of some Russian museums and the museum science on the whole. There were prepared and published some museographic and archaeological works on museums. D.A. Klements, N.F. Fedorov, N.M. Mogilyanskiy, B.F. Adler formulated the first definitions of the museum as a repository of memorials of the past. Such authors as P.S. Uvarova, V.E. Rudakov, A.I. Smirnov made the grouping of Russian museums, developed the first classification, made the experience of the indoors museum activities. In the 1900s, professor of Moscow archaeological institute S.K. Kuznetsov used the concept of museology for the first time. In accordance with context that wording clearly supposed the complex character of museology. Since the first years of Soviet power in Russia, active work for a change in the museum science began. The creation of a special agency for state management of museums in Narkomatom for Education promoted that work. Museum specialists K.E. Grinevitch, N.G. Mashkovtsev and their colleagues spoke up for the restructuring of the museum science in their works. They offered to act in accordance with the revolutionary ideas, connected the museum science with tasks of Socialist building. Siberian authors N.K. Auerbakh and G.I. Cheremnykh asserted the idea of the scientific nature of museums, but still admitted the needs to connect museums with institutions for political education. By the end of the 1920s, the problems of the museum science and museology studies as well were included in the system of political knowledge. The Marxism-Leninism concept was established in museology, and it characterized museums as centers of documentation and propaganda of Socialist building. It outlined the paradigm shift in museology.

REFERENCES

1. Ikonnikov, V.S. (1891) *Opyt russkoy istoriografii* [The experience of Russian historiography] V. 1. Book 1–2. Kiev: Tip. Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira.
2. Razgon, A.M. (1963) *Istoricheskie muzei v Rossii (s nachala XVIII veka do 1861 g.)* [Historic museums in Russia (from the early 18th century to 1861)]. In: *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR* [Essays on the history of museums in the USSR]. Is. 5. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
3. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2013) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Reprint. Moscow: Akademicheskiy proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga.
4. Karamzin, N.M. (1802) *Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine Vtoroy* [Historical eulogy to Catherine II]. Moscow: Universiteteskaya tip.
5. Karamzin, N.M. (1842–1843) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The History of the Russian State: in 3 books]. 5th ed. St. Petersburg: I. Eynerling.
6. Zabelin, I.E. (2005) *Domashniy byt russkikh tsarey i tsarin v XVI i XVII stoletiyakh* [Home life of Russian tsars and tsarinas in the 16th and 17th centuries]. Reprint. Moscow: AST; Tranzitkniga.
7. Karamzin, N.M. (1803) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. In: Karamzin, N.M. *Sochineniya* [Works]. V. 2. Pt. 1. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
8. Karamzin, N.M. (1803) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. In: Karamzin, N.M. *Sochineniya* [Works]. V. 5. Pt. 4. Moscow: tip. S. Selivanovskogo.
9. Karamzin, N.M. (1986) *Istoricheskie vospominaniya i zamechaniya na puti k Troitse i v sem monastyre* [Historical memories and observations on the way to the Holy Trinity monastery and in it]. In: Karamzin, N.M. *Zapiski starogo moskovskogo zhitelya: izbrannaya proza* [Notes of an old Moscow resident: Selected Prose]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
10. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The History of the Russian State: in 3 books]. 5th ed. Book 1. V. 1–4. St. Petersburg: I. Eynerling.
11. [Vel'tman, A.F.]. (1860) *Moskovskaya Oruzheynaya palata* [Moscow Armory]. 2nd ed. [Moscow]: Tip. Bakhmeteva.
12. Viktorov, A. (1876) *Obozrenie starinnykh opisey Patriarshey riznitsy* [Review of the old inventories of Patriarch's vestry]. Moscow.
13. Viktorov, A. (1877) *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovyykh prikazov. 1584–1725* [Description of notebooks and papers of ancient palace of orders. 1584–1725]. Is. 1. Moscow.
14. Egorov, A.A. (1882) *Gosudarstvennoe drevlekhranilishche v teremakh Moskovskogo kreml'evskogo dvortsya; doklad, chitan v zasedanii Obshchestva lyubiteley drevney pis'mennosti 8 yanvarya 1882 goda* [State Archive in the Terems of the Moscow Kremlin Palace: a report. Read in the meeting of the Ancient Literature Society. 8 January 1882]. St. Petersburg.
15. Viktorov, A. (1883) *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovyykh prikazov. 1613–1725* [Description of notebooks and papers of ancient palace of orders. 1613–1725]. Is. 2. Moscow.
16. Uvarova, P.S. (1887) *Katalog riznitsy Spaso-Preobrazhenskogo monastyrya v Yaroslavle* [Catalog of the sacristy of the Holy Transfiguration Monastery in Yaroslavl]. Moscow: tip. A. I. Mamontova i K°.
17. [Florinsky, V.M.]. (1888) *Muzei sibirskoy arkheologii i etnografii, osnovannyi v 1882 godu pri Sibirskom universitete* [Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, founded in 1882 at the Siberian University]. In: Florinsky, V.M. *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipografiya Mikhaylova i Makushina.
18. [Florinsky, V.M.]. (1890) *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [Supplement to the catalog of the Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk.
19. [Florinsky, V.M.]. (1888) *Primechaniya k opisaniju Arkheologicheskogo muzeya Sibirskogo universiteta* [Notes to the description of the Archaeological Museum of the Siberian University]. In: Florinsky, V.M. *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipografiya Mikhaylova i Makushina.

20. Anon. (1887) *Desyatiletie Minusinskogo muzeya. 1877–1887* [The 10th anniversary of the Minusinsk museum. 1877–1887]. Tomsk: tip. "Sibirskoy gazety"
21. Kon, F.Ya. (1902) *Istoricheskiy ocherk Minusinskogo mestnogo muzeya za 25 let (1877–1902 g.)* [Historical Review of the Minusinsk local museum for 25 years (1877–1902)]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo universita.
22. Ogorodnikov, S.F. (1909) *Model'-kamera, vposledstvii Morskoy muzey imeni imperatora Petra Velikogo. Istoricheskiy ocherk. 1709–1909* [Model-camera, later the Maritime Museum of the Emperor Peter the Great. Historical Review. 1709–1909]. St. Petersburg.
23. Mogilyanskiy, N. (1912) *Etnograficheskiy otdel Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III* [Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk.
24. Smirnov, A.I. (1915) *Zemskiy istoricheskiy muzey. Opyt organizatsii* [Zemstvo Historical Museum. Experience of the organization]. Yaroslavl: Tip.-lit. Gubern. zem. upravy.
25. Klements, D.A. (1904) Nikolay Mikhaylovich Mart'yanov (nekrolog) [Nikolai Mikhailovich Martyanov (obituary)]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 40:4. pp. 47–50.
26. Uvarova, P.S. & Borozdin, I.N. (eds) (1915) *Imperatorskoe Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatletie ego sushchestvovaniya (1869–1914 gg.)* [The Imperial Moscow Archaeological Society in the first half-century of its existence (1869–1914)]. V. 2: *Biograficheskiy slovar' chlenov Obshchestva. Spisok trudov chlenov Obshchestva, pomeshchennykh v izdaniyah Obshchestva* [Biographical Dictionary of the Society members. The list of the works of the Society members published in the Society editions]. Moscow.
27. Anuchin, D.N. (1916) Grafina P.S. Uvarova v ee sluzhenii nauke o drevnostyakh na postu predsedatelya Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva [Countess P.S. Uvarova in her service to the science of antiquities as chairperson of the Imperial Moscow Archaeological Society]. In: Anuchin, D.N. *Sbornik statey v chest' grafini Praskov'i Sergeevny Uvarovoy* [Collection of articles in honor of Countess Praskovya Uvarova]. Moscow: T-vo skoropечатни A.A. Levenson.
28. Uvarova, P.S. (1890) *Oblastnye muzei* [Regional museums]. Moscow.
29. [Rudakov, V.E.] (1897) Muzei [Museums]. In: Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. V. 20. St. Petersburg: Tipografiya Akts. Obshch. Brokgauz-Efron.
30. Malinovskiy, A.F. & Valuev, P.S. (1807) *Istoricheskoe opisanie drevnego rossiyskogo muzeya, pod nazvaniem Masterskoy i Oruzheynoy palaty, v Moskve obretayushchesyia* [The historical description of an ancient Russian museum, called the Workshop and the Armory located in Moscow]. Moscow.
31. [Romanchikov, S.] (1835) *Istoricheskoe opisanie Oruzheynoy palaty, ili Rossiyskiy muzeum, s bogatstvom pervoprestol'noy nashey stolitsy Moskvy, i opisaniem dragotennostey, khranyashchikhsya v onoy s pokazaniem, otkuda, kogda, kakogo goda po kakomu sluchayu postupili v onuyu palatu sii dragotennosti. Vzyato iz dostovernyykh istochnikov* [The historical description of the Armory, or the Russian Museum, with the wealth of our ancient capital Moscow, and a description of jewelry stored in thereof with an indication of where, when, on what occasion these jewels were brought to the Armory. Taken from reliable sources]. Moscow.
32. Adelung, F.P. (2010) Predlozhenie ob uchrezhdenii Russkogo natsional'nogo muzeya [The proposal for the establishment of the National Museum of Russia]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
33. Dahl, V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velkorusskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Great Living Russian Language: in 4 v.]. V. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
34. Klements, D. (1893) Mestnye muzei i ikh znachenie v provintsial'noy zhizni (publichnaya lektsiya, chitanaya v Kyakhte 8 oktyabrya 1892 g.) [Local museums and their importance in the provincial life (public lectures delivered in Kyakhta on October 8, 1892)]. *Sibirskiy sbornik: prilozhenie k "Vostochnomu obozreniyu"*. 2. pp. 1–35.
35. Fedorov, N.F. (2010) Muzey, ego smysl i naznachenie [The museum, its meaning and purpose]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
36. Adler, B.F. (2010) "Natsional'nyy" muzey ["National" Museum]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
37. Shulepova, E.A. (ed.) (2010) Proekt Polozheniya i Pravil 1-go Vserossiyskogo s"ezda deyateley muzeev [The draft of the Regulations and Rules of the 1st All-Russian Congress of Museum Workers]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
38. Mogilyanskiy, N.M. (1917) *Oblastnoy ili mestnyy muzey kak tip kul'turnogo uchrezhdeniya* [Regional or local museum as a type of cultural institution]. Petersburg: tip. S.V. Smirnova.
39. Shulepova, E.A. (ed.) (2010) Protokol zasedaniya obshchey (soedinennoy) sektsii Predvaritel'nogo s"ezda deyateley muzeev 28 dekabrya 1912 goda [Minutes of the meeting of the common (joined) section of the Preliminary Congress of Museum Workers of December 28, 1912]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
40. Kots, A.F. (2010) Puti i tseli evolyutsionnogo ucheniya v otrazhenii biologicheskikh muzeev [Ways and objectives of the evolution theory teaching in the reflection of biological museums]. Excerpts from the book of 1913. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
41. Novorusskiy, M.V. (2010) *Muzeynoe delo* [Museology]. Reprint of the 1914 publication. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
42. Anon. (1897) Muzeografiya [Museography]. In: Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. V. 20. St. Petersburg: Tipografiya Akts. Obshch. Brokgauz-Efron.
43. Shmit, F.I. (1919) *Istoricheskie, etnograficheskie, khudozhestvennye muzei: ocherk istorii i teorii muzeynogo dela* [Historical, ethnographic, art museums: survey of the history and theory of museum work]. Kharkov: Soyuz.
44. Khorkhordina, T.I. (n.d.) *Moskovskiy arkheologicheskiy institut* [Moscow Archaeological Institute]. [Online]. Available from: <http://www.rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-miuss/istoriya-miuss/moskovskii-archeologicheskiie-institut-mai.html>. (Accessed: 22nd July 2015).
45. Frolov, A.I. (2001) Muzeovedenie [Museology]. In: Sundieva, A.A. (ed.) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: v 2 t.* [Russian Museum Encyclopedia: in 2 v.]. V. 1. Moscow: Progress; Riplklassik.
46. Razgon, A.M. (1991) Predvaritel'nyy muzeynyy s"ezd – itogi razvitiya muzeynogo dela v Rossii [The Preliminary Museum Congress: results of the development of museums in Russia]. In: Kasparinskaya, S.A. (ed.) *Muzey i vlast'* [Museum and power]. Pt. 2: *Iz zhizni muzeev* [From the life of museums]. Moscow: NIJK.
47. [Sundieva, A.A.] (2010) Pervaya Vserossiyskaya konferentsiya po delam muzeev [The First National Conference for Museums]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeeedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
48. Schmidt, S.O. (1996) Kraevedenie i kul'tura Rossii pervoy treti XX stoletiya [Local history and culture of Russia in the first third of the twentieth century]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Rossiya v XX veke: sud'by istoricheskoy nauki* [Russia in the twentieth century: the fate of history]. Moscow: Nauka.

49. Mashkovtsev, N.G. (2010) Printsipy muzeynogo stroitel'stva [The principles of the museum building]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeovedcheskaya mys' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
50. Grinevich, K.E. (1928) *Za novyy muzey. Khersonesskiy muzey kak pervyy opyt prilozheniya marksistskikh idey v muzeynom stroitel'stve* [For the new museum. Chersonese museum as the first experience of the application of Marxist ideas in the museum building]. Sevastopol: State Chersonese Museum.
51. Kaulen, M.E. (ed.) (2010) *Muzeynoe delo Rossii* [Museology of Russia]. 3rd ed. Moscow: VK.
52. Shmit, F.I. (1929) *Muzeynoe delo: voprosy ekspozitsii* [Museology: issues of exposition]. Leningrad: Akademiya.
53. Bartram, N. & Ovchinnikova, E. (1928) *Muzey igrushki. Ob igrushkakh, kukol'nom teatre, nachatkakh truda i znaniy i o knige dlya rebenka* [The Toy Museum. On toys, puppet theater, basics of labor and expertise, and a book for children]. Leningrad: Akademiya.
54. Shatilov, M.B. (1927) Istoricheskiy ocherk i obzor Tomskogo kraevogo muzeya [Historical review of the Tomsk Regional Museum]. *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya*. 1.
55. Melekhin, F.V. (1928) 1923–1928 g. Pyat' let raboty muzeya. Kratkiy otchet [1923–1928. Five years of the work of the museum. Brief Report]. *Izvestiya (Gosudarstvennyy Zapadno-Sibirskiy muzey)*. 1. pp. 121–150.
56. Priselkov, M.D. (2010) Istoriko-bytovye muzei. Zadachi, postroenie, ekspozitsiya [Historical and domestic museums. Tasks, structure, exposition]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Muzeovedcheskaya mys' v Rossii XVIII–XX vekov: sb. dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia of the 18th–20th centuries: documents and materials]. Moscow: Eterna.
57. Auerbach, N.K. & Cheremnykh, G.I. (1928) Sostoyanie muzeynogo dela v Sibirskom krae [The state of museology in the Siberian region]. *Zhizn' Sibiri*. 9–10. pp. 125–134.

Received: 03 September 2015

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ХАНТОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ г. СУРГУТА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00263
«Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири».*

Анализируется деятельность Сургутского краеведческого музея и Историко-культурного центра «Старый Сургут». В аспекте актуализации культурного наследия хантов характеризуются четыре направления музейной деятельности: исследовательская, фоновая, экспозиционная и культурно-образовательная работы. В деятельности «Старого Сургута» отмечается актуализация нематериального культурного наследия. В результате определяются формы актуализации этнокультурного наследия хантов в учреждениях культуры г. Сургута. Делается вывод о комплексном подходе к актуализации культурного наследия сургутских хантов.

Ключевые слова: музей; культурное наследие; культурно-образовательная деятельность; традиционные праздники; сургутские ханты.

В традиционной культуре этнические ценности транслировались в процессе жизнедеятельности. Их первостепенная важность осознавалась и выделялась в особую сферу – обрядовую. Она локализовалась в наиболее сакральной части пространства – на священном месте – и предполагала наличие особых лиц с функциями распорядителей и хранителей. Вместе с тем не существовало специальных институтов для сохранения и передачи базовой информации, включая и ценностные нормы. В современных условиях описанный механизм трансляции этнокультурного наследия во многом утратил свою силу [1. С. 127]. Институтами, выполняющими функции генерирования и сохранения культурного наследия, стали учреждения культуры. Попытаемся выявить современные формы актуализации этнокультурного наследия хантов на примере деятельности Сургутского краеведческого музея и Историко-культурного центра «Старый Сургут».

Сургутский краеведческий музей – одно из старейших учреждений города с многолетним опытом работы в области сохранения историко-культурного наследия. Его основателем стал ветеран Великой Отечественной войны и труда, почетный гражданин г. Сургута, заслуженный работник культуры России Ф.Я. Показаньев. Флегонт Яковлевич родился 18 февраля 1922 г. в крестьянской семье в с. Карабье Юргамышского района Курганской области. В 1930 г. родители Флегонта оказались в числе спецпереселенцев, высланных на безлюдные просторы Сургутского Приобья за «неблагонадежность». В 1941 г. он успешно окончил сургутскую среднюю школу № 1 и поступил на историко-филологический факультет Омского педагогического института г. Тобольска, но вскоре был отправлен на фронт. С 1942 по 1957 г. Ф.Я. Показаньев воевал, находился на армейской службе, получил военное образование в Челябинском танковом училище. В 1957 г., после увольнения в запас, Флегонт Яковлевич вернулся в Сургут и устроился на работу в школу № 1 преподавателем физической культуры и военного дела. Начав собирать сведения по истории сургутской средней школы, он заинтересовался и историей города. В 1960 г. Ф.Я. Показаньев опубликовал в районной газете статью о необходимости

сти создания музея [2. С. 6–8]. К 1963 г. им были собраны сотни экспонатов по истории города и края. Именно они легли в основу первой экспозиции музея. Музей распахнул свои двери для посетителей 1 декабря 1963 г. Располагался он в деревянном доме постройки конца XIX в., который принадлежал купцу Г.С. Клепикову (ул. Просвещения, 7) [3].

Сургутский краеведческий музей прошел значительный путь – от музея, работающего на общественных началах, до крупного культурного и научно-исследовательского центра. С 1997 г. и по настоящее время его возглавляет Марина Юрьевна Селянина. Осенью 1999 г. музей переехал в новое трехэтажное здание «Музейного центра» (ул. 30 лет Победы, 21/2), в котором занял первый и второй этажи [2. С. 29]. На первом этаже нового «Музейного центра» расположился Культурно-коммуникационный центр, имеющий в своем распоряжении зал, предназначенный для проведения временных выставок, различных мероприятий, и интернет-зал, оборудованный 12 посадочными местами с персональными компьютерами, объединенными в единую сеть. В интернет-зале можно воспользоваться услугой «Виртуального музея» – это собрание мультимедийных роликов об истории, культуре, природных богатствах и людях края; о фондоевых коллекциях и имиджевых проектах; об археологических экспедициях и уникальных находках. Здесь можно познакомиться с визуализацией истории Сургута в виде проекта «Интерактивная карта исторических и памятных мест г. Сургут», компьютерной моделью поселения раннего Средневековья «Сургутское I», комплексной реконструкцией жилища эпохи неолита «Быстрый Кульбган 66», увидеть экспедиционные фотографии, выполненные фотографом музея А.В. Заикой. В декабре 2012 г. в интернет-зале был открыт Центр общественного доступа; после этого был открыт доступ посетителям к электронным государственным, окружным, муниципальным информационным ресурсам культурной, образовательной, социально-значимой направленности [4. С. 200]. Второй этаж «Музейного центра» предназначен для демонстрации выставок. Здесь же расположена «Детская гостиная» – игровое развивающее пространство для

детской аудитории. В гостиной проводятся разнообразные по форме музейные мероприятия, направленные на расширение знаний об истории и культуре родного края, в том числе и по этнографии хантов [3].

Музейные фонды являются основой музея и играют важную роль во всех направлениях музейной деятельности. На 1 января 2014 г. фонды Сургутского краеведческого музея насчитывали 75 035 предметов, из них 53 979 – основного фонда и 21 056 – научно-вспомогательного [5]. В собрании музея выделено 16 музейных фондов, подразделяющихся на коллекции. Часть из них выделены по тематическим признакам, соответствующим исследовательским направлениям работы музея, другие – по материалу изготовления. Фонд этнографии хантов является одним из наиболее ярких и востребованных. Общее количество предметов данного фонда составляет 1 409 единиц хранения, из них 1 007 – основного и 402 – научно-вспомогательного [6. С. 5]. Тематические разделы фонда включают в себя религиозную атрибутику, национальный костюм, предметы женского рукоделия, хозяйственно-бытовую утварь, инструменты для работы с деревом и металлом, атрибуты оленеводческого, рыболовного, охотничьего промыслов и сбора дикоросов, средства передвижения, музыкальные инструменты, макеты и игрушки [7. С. 117].

Сбор предметов бытовой культуры у коренного населения Сургутского района был связан с полевым изучением края. С 1992 г. проводились экспедиции в составе археолога М.Ю. Селяниной, этнографа Т.А. Исаевой, фотографа А.Н. Поповича. С 2002 г. активным участником археологической экспедиции стала А.Б. Агаркова. В 2003 г. создана вторая этнографическая группа экспедиции музея под руководством О.В. Стародубовой. Границы исследований определялись территориями традиционного проживания этнолокальных групп хантов в бассейнах рек Пим, Тромъеган, Большой и Малый Юган. В 2004 г. в составе комплексной экспедиции начал работу фотограф А.В. Заика, благодаря ему в музее сформировался уникальный фонд фото- и видеоматериалов. За 20 лет работы сотрудниками музея было проведено более 30 археолого-этнографических и историко-бытовых экспедиций, результаты которых нашли отражение в публикациях, культурно-образовательной и проектной деятельности Сургутского краеведческого музея, а также стали основой многочисленных выставок [8].

Наиболее перспективным направлением в исследовательской деятельности музея является изучение культурных традиций восточных хантов. С 2004 г. научные исследования в этой области ложатся в основу музейных проектов. В 2004 г. сотрудниками музея разработан масштабный межрегиональный выставочный проект «По улицам олень бегущий», ориентированный на укрепление связей между территориями Тюменской области, расширение границ межкультурного диалога. Участниками проекта стали Белоярский краеведческий музей, Березовский историко-краеведческий музей, Филиал Березовского историко-краеведческого музея в с. Саранпауль, Салехардский

окружной дом ремесел, Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Тюменский музей изобразительных искусств, Ханты-Мансийский окружной центр прикладного творчества и ремесел, Центр культуры и национального творчества (г. Белоярский), Центр ремесел «Старый Сургут», Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. Шемановского. Основой проекта послужила передвижная выставка, на которой были представлены автохтонные культуры и современное искусство народов севера Западной Сибири (рис. 1). Все экспонаты объединялись единым символом – «оленем» [9. С. 3]. На выставке показана его роль в древней, традиционной и современной культуре народов, населяющих Обской Север, а также раскрывалась его знаковость в искусстве самодеятельных и профессиональных художников. Демонстрировалось общее и особенное в культурах ненцев, восточных и северных хантов, манси, селькупов, коми. На выставке экспонировалось около 400 предметов: археологические находки, показывающие глубину корней оленеводческих культур, перекликались с космогоническими и мифологическими образами оленя в картинах, рисунках, скульптуре современных художников. Кроме того, были представлены одежда, обувь и ровдужные изделия восточных хантов, предметы быта, культа селькупов и манси, древнее серебро, сохранившееся на обско-угорских святилищах, игрушки ненцев, хантов, манси [10]. В 2005 г. за реализацию проекта музей стал лауреатом премии «Событие» Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югра в номинации «Музей»; получил Диплом I степени городского конкурса «Успех творческого сезона» в номинации «Сохранение и интерпретация культурного наследия региона» [11].

Рис. 1. Фрагмент выставки
«По улицам олень бегущий». Фото А.В. Заики

В 2004 г. сотрудники музея начали разрабатывать этнографический проект «Куклы и сказки Нёрым-ях» («болотного народа», представляющего этнолокальную группу восточных хантов). Проект направлен на поиск новых форм работы с детской аудиторией, а также на расширение знаний о культурных традициях коренного населения края. Основу проекта составили разработки, полученные в ходе полевой этнографической научно-исследовательской деятельности и по-

стоянной поисковой работы в области комплектования коллекций. Для восполнения недостающих материалов была разработана программа реконструкции атрибутов детского игрового обихода. В 2006 г. в годовой план музея было включено овладение традиционными технологиями сотрудниками Сургутского краеведческого музея с помощью мастера Ольги Ивановны Щербаковой. Целью данной работы являлось пополнение коллекций и разработка мастер-класса для музейной аудитории. В течение года раскрывалась не только технология изготовления игрушки, но и культура игры в целом. На базе детской гостиной был проведен мастер-класс по изготовлению кукол нёрым-ях. В результате фонды музея пополнились уникальной коллекцией кукол и кукольного инвентаря, характерного для девичьей игры хантов р. Ингуягун в бассейне р. Тром-Аган. В ходе осуществления реконструкций также производился сбор фольклорного материала. Таким образом, в музее был создан тематически объединенный фонд «Куклы и сказки Нёрым-ях», сочетающий в себе детские игрушки и архивный фольклорный материал группы Нёрым-ях. На основе данного фонда была проведена выставка, выпущены аннотированные открытки и закладки для книг с изображениями кукол и кратким изложением одной из сказок, созданы постановки этнографического кукольного театра [12. С. 84].

Одним из последних результатов в рамках рассматриваемого проекта стало издание книги «Куклы и сказки Нёрым-ях». Ее основу составили фольклорные материалы хантов р. Ингуягун. Сборник содержит поучительные сказки для взрослых, от древних, происходящих от священных песен, до коротких сказок – половиночек [13]. За реализацию проекта музей получил золотую медаль конкурса музеев Большого Урала и Западной Сибири «Музей года. Евразия – 2006» в специальной номинации «Своим путем»; диплом лауреата II степени городского конкурса «Успех творческого сезона» в номинации «Сохранение и интерпретация культурного наследия региона» [11].

Продолжением работы по изучению и презентации той же этнолокальной группы хантов стал издательский проект «Нёрым-ях. Рождение куклы» [14]. На основе материалов, полученных в этнографических экспедициях, в книге раскрыты особенности изготовления традиционной детской игрушки группой нёрым-ях. Разработана электронная игра – мастер-класс по изготовлению «Кукол Нёрым-ях». В 2010 г. музей стал обладателем гранта Президента РФ по поддержке творческих проектов общегосударственного значения в области культуры и искусства, нацеленного на издание «Нёрым-ях. Рождение куклы». В 2011 г. получил Диплом лауреата III степени премии «События» в номинации «Музейная деятельность» [11].

К издательским проектам музея относится и книга «Монти Танья. Сказание о Танье» [15]. Она содержит одну из поздних записей этнолокального сюжета о хантыйском богатыре Танье, которая сохранена благодаря усилиям учителя национальной школы пос. Угут Сургутского района А.И. Силина, записавшего, а затем сделавшего перевод оригинального текста.

В 2011 г. Т.А. Исаевой, О.В. Стародубовой, А.Н. Черномырдиной был разработан выставочный проект по мотивам сказок «Песни священной воды». Название было продиктовано представлениями хантов о речной воде как священном начале. Тематическую основу выставки составили фольклорные материалы «Торум-яун ях» – «Божей реки народа», обитающего в бассейне р. Тром-Аган. Также были использованы мифологические тексты хантов р. Юган, Яун-ях – так называли себя ее жители. Тематическая структура выставки состояла из следующих разделов: «Первые люди», «Святилище», «Медведь», «Домашний мир», «В лесу», «На реке», «Олени», «Покровители». Экспозиционный ряд составили предметы из коллекции археологии, декоративно-прикладного искусства, живописи, фото-фонда (этнографические фотографии А. Заики), этнографии хантов (костюм, средства передвижения, орудия труда и промыслов, предметы женского рукоделия, утварь). В рамках выставки «Песни священной воды» проходили обзорные и тематические экскурсии, спектакли кукольного этнографического театра, мастер-классы по изготовлению кукол нёрым-ях [16]. В октябре 2011 г. Сургутский краеведческий музей за реализацию проекта получил Особую премию Музейного ведомства Финляндии в области этнографической выставки [11].

Этнографическую направленность имела и выставка «Одного лоскутка земли разные люди». В ее основу были положены фольклорные материалы, собранные в экспедициях. Выставка не только представила горожанам возможность ознакомиться с мировоззрением «иной культуры», но и дала возможность узнать, как оценивается русская культура коренными жителями Сургутского Приобья [17].

Краеведческая направленность музея определяет активное использование коллекций этнографии не только в проектной, но и в экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной работах. Практически в каждой выставке представлены предметы этнографической коллекции хантов. Так, в стационарной экспозиции «Лики культуры» материал подавался в хронологической последовательности, связующим звеном между прошлым и настоящим были предметы традиционной культуры хантов. Выставка «Единая земля или... Пир на весь мир» включала большой раздел, демонстрирующий утварь, посуду хантов: предметы для приготовления и хранения пищи, столовую и ритуальную посуду, а также некоторые приспособления для приготовления пищи. Выставка «Охота: место действия – тайга» рассказывала об охотничьем промысле на территории Западной Сибири с древнейших времен до современности. Предметный ряд знакомил, в том числе и с особенностями охоты хантов. Выставка «Перекресток времен», поставленная в 2013 г. и экспонируемая до сих пор, демонстрирует генезис и эволюцию природных и историко-культурных процессов на территории Сургутского Приобья. В экспозиции представлены следующие предметы этнографической коллекции: лодка-долблена, нарты, орудия охоты и лова, берестяные

емкости, котел, корневатик, половники, атрибуты религиозных воззрений [18].

Сотрудниками Сургутского краеведческого музея разработано и постоянно проводится более 50 музейных культурно-образовательных предложений: мультимедийные занятия, тематические занятия, ролевые игры, интерактивные экскурсии, мастер-классы, в том числе на этнографическую тематику.

Идея связи поколений получила развитие в просветительском проекте «СиМ-СиМ, откройся!» («Семья и Музей»), стартовавшем в 2005 г. Цель проекта – приобщение семейной аудитории к историко-культурному наследию путем применения расширенного и нестандартного использования музеиного предмета. Разнообразные тематические занятия были направлены на развитие интересов и творческих способностей всех членов семьи. Всего предложено десять занятий, среди которых два – этнографической направленности. Первое занятие «В гости к хантам» направлено на знакомство с бытовой культурой коренного населения. Каждый участник проекта смог почувствовать себя этнографом, стать участником экспедиции на стойбище. Работа с географической картой, заполнение путевого дневника, знакомство с традиционными постройками и возведение макета чума, изготовление куклы-ягодки – лишь некоторые моменты этого путешествия. Миры, легенды, загадки и представление этнотеатра сделали экспедицию более интересной [19. С. 87–89]. На следующем занятии была продолжена работа в области этнографических исследований: перед участниками экспедиции всталась задача определить назначения предметов, которые ханты используют в быту. Посетители познакомились с мифологическими персонажами народа ханты [19. С. 87–89]. За реализацию проекта музей получил Диплом III степени конкурса музеев Большого Урала и Западной Сибири «Музей года. Евразия-2008» в специальной номинации «Музейный маршрут-2008»; диплом I степени городского конкурса «Успех года» в номинации «Культурное просвещение» [11].

В музее проводятся различные обучающие занятия для детей. Среди них «Таежный гардероб» (в качестве раздаточного материала используются книжки-раскраски по теме традиционного костюма), «Песни поющего котла» (дети в игровой форме узнают о хантайской посуде), «Игра и звук» (занятие знакомит со способами традиционного игрового звукоизвлечения у коренного населения), «Узор таежной тишины» (на занятии детям предлагается с помощью трафарета выполнить традиционный хантайский орнамент в технике аппликации из сукна или бумаги) (рис. 2) [18].

Сотрудниками музея написаны сценарии спектаклей «Клюквинка и травяная косичка», «Однокого дома сказочный мужчина», «Про то, как не было детей», «Синички – брат и сестра». Их реквизитом служили этнографические предметы из фоновых коллекций. Куклы изготавливались с максимальным соответствием оригиналам. Инсталляция зимней избушки, встроенная диорама, поставленное освещение, звуки природы и этнические мелодии способствовали погружению зрителей в среду проживания ханты (рис. 3) [18].

Рис. 2. На занятии «Узор таежной тишины».

Фото А.В. Заики

Рис. 3. Постановка этнографического кукольного театра. Фото А.В. Заики

Музей активно проводит научно-просветительскую деятельность по программе «Мир, в котором мы живем», ориентированную на работу с детьми с ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями. Так, в музее успешно реализуется проект «Территория равных», целью которого является адаптация в социуме детей с отклонениями в развитии путем обеспечения расширенного доступа к культурному наследию и нестандартного использования музеиного предмета [12. С. 82–83].

Как видим, Сургутский краеведческий музей играет важную роль в сохранении и трансляции традиционной культуры хантов. В нем накоплен большой опыт в разработке проектов, выставок и реализации культурно-образовательных программ. Сотрудники музея актуализируют как материальное, так и нематериальное культурное наследие коренных жителей региона. Причем из последнего актуализируются мифологические тексты, технологии изготовления игрушек, способы орнаментации. В музее проводится комплекс мероприятий, в котором задействованы все виды культурного наследия и вовлечены разные возрастные категории посетителей, дети и взрослые. Отметим также аутентичность музейных реконструкций, достигнутую благодаря регулярно проводимым этнографическим экспедициям.

Историко-культурный центр «Старый Сургут» является одним из имиджевых учреждений Сургута,

свидетельствующих о том, что это – старейший город Среднего Приобья. Деятельность центра фактически началась в 1996 г. На сегодня «Старый Сургут» является коммуникационной, выставочной площадкой, материально-технический и интеллектуальный ресурс которой позволяет осуществлять работу на современном уровне.

«Старый Сургут» – это историко-этнографический комплекс, который расположен в живописном месте в центральной части города на берегу реки Саймы. На территории находятся 14 деревянных домов – «новоделов». Все они представляют собой реконструкцию старых зданий, когда-то стоявших в различных частях города, но впоследствии собранных в единый архитектурный ансамбль. Комплекс построек дает наглядное представление об историческом облике, который имел Сургут на рубеже XIX–XX вв., он открыт для посетителей с 1999 г. В 2001 г. на территории центра появилась еще одна постройка – храм «Во имя Всех Святых в земле Сибирской Просиявших», выполненный в традициях храмового зодчества Русского Севера [20]. Это действующий храм, в котором по церковным праздникам проходят богослужения. В притворе храма проводятся выставки, посвященные духовной культуре Сибири.

С целью популяризации народных танцев и обрядов, передачи самобытной культуры последующим поколениям в центре созданы детский и взрослый фольклорные ансамбли «Луима ханса» – «Северные узоры» и «Аснэ» – «Обская женщина». Коллективы являются активными участниками городских, окружных и межрегиональных мероприятий и удостоены наград различных степеней: благодарственных писем, грамот и дипломов.

В рамках центра действуют различные отделы, среди них и те, в которых занимаются популяризацией культурного наследия хантов. Это Отдел изучения историко-культурного наследия, Центр ремесел, Дом коренных народов Севера. В первом занимаются исследованием культурного наследия, созданием банка данных по народным художественным промыслам и ремеслам. Центр ремесел занимает двухэтажное здание, в котором находятся мастерские художников, возрождающих народные традиции и развивающих прикладное творчество, а также сувенирная лавка, где можно приобрести изделия из бисера, кожи, дерева, сувениры с символикой города, обереги и национальные сувениры народов ханты и манси [21].

Дом культуры коренных народов Севера создан с целью возрождения традиций, обычаями коренных народов Севера, сохранения и развития их национальной культуры. В нем постоянно действует экспозиция «Быт и традиции угорских народов», в которой представлены элементы материальной и духовной культуры коренных народов: предметы быта, орудия охоты, одежда и украшения, изготовленные местными мастерами народных художественных промыслов – носителями культуры хантов и манси (рис. 4). На территории у Дома коренных народов Севера расположены традиционные элементы стойбищного поселения: хлебная печь, лабаз, чум.

Рис. 4. Фрагмент экспозиции
«Быт и традиции угорских народов». Фото автора

Особое внимание сотрудники отдела уделяют возрождению нематериального культурного наследия коренных жителей. С 2000 г. на территории «Старого Сургута» проводится национальный праздник «Вороний день» (с 2013 г. – во вторую субботу апреля), который символизирует пробуждение природы и новую жизнь, наступление весны. Программа праздника включает концертные выступления, театрализованное представление, сценки из «Медвежьих игрищ», церемонию поздравления новорожденных из числа народов ханты и манси, традиционный обряд «Священное дерево», участники которого украшают березу лентами с пожеланиями мира и благополучия, спортивно-этнографическую эстафету, в которую включены 12 национальных видов спорта: метание тынзяна на хорей, прыжки через нарты, перетягивание палки, тройной национальный прыжок и др. Все желающие могут сделать фотографии в чуме, возле лабаза и печи. На выставке-продаже можно приобрести работы мастеров, отражающие особенности культуры обских угров.

Кроме того, с 2000 г., в третью субботу июня, на р. Сайма проводится День обласа. В соревнованиях принимают участие представители коренных малочисленных народов Югры, проживающих в Сургуте и Сургутском районе. Все участники получают дипломы, а три победителя среди мужчин и женщин – призы. В программу праздника также входят обряд «Поклонения воде» (в воду опускается светлая ткань, в которую завязаны монеты – дар духам водоема), выступление фольклорных ансамблей, традиционные игры.

Международный день коренных народов мира, провозглашенный Генеральной Ассамблей ООН 9 августа 1995 г., в «Старом Сургуте» проводится с 2010 г. В программу празднования входят театрализо-

ванные представления, выставка детских рисунков по мотивам мифов народов Югры, национальные игры, мастер-классы, разгадывание загадок. В завершение праздника в небо выпускают воздушные шары с желанием мира всем народам.

С 2014 г. в феврале проводится национальный праздник коренных народов Севера «Нарождение луны» – «Тыльщ Поры», символизирующий начало нового года у хантов и манси. Изготавливается снежный стол, на него ставят приготовленные из теста фигурки семи животных: олена, коровы, овцы, лошади, зайца, лоси и белки. Руководитель обряда читает молитву. Затем фигуркам отрезают головы и бросают в сторону луны. Следует отметить, что в самом обряде принимают участие только носители культуры, остальные зрители стоят поодаль и подходят к столу только после завершения обряда. Кроме того, в рамках праздника проводятся следующие мероприятия: обряд «Очищения снегом», когда участники кидают друг в друга снежками, а также конкурсы, спортивные состязания, разгадывание загадок, демонстрация национальной одежды, исполняются музыкальные номера [22].

В 2014 г. отделом коренных народов Севера разработан и реализован проект «Дни культуры финно-угорских народов», целью которого стало создание условий для приобщения к культурному наследию финно-угорских народов, развитие и поддержка народного творчества, культурных традиций и укрепление культурных связей [23. С. 2–3]. Мероприятия прошли 5–6 декабря 2014 г. в рамках празднования 420-летия Сургута и Года культуры. В качестве участников были приглашены ведущие специалисты в области культуры и искусства финно-угорских народов, мастера народных промыслов и ремесел, представители образовательных учреждений. Программа включала открытие выставки картин и изделий декоративно-прикладного творчества финно-угорских умельцев, встречу с писателями и исследователями финно-угорской культуры, демонстрацию национальной одежды, выступления фольклорных коллективов,

научно-практический семинар «Современное состояние культуры финно-угорских народов», мастер-классы по изготовлению традиционных предметов быта и изделий декоративно-прикладного искусства.

Сегодня в Центре работают народные мастера России А.Д. Сайнахов и М.В. Ситникова, благодаря которым сохраняются такие ремесла, как резьба по кости, дереву, бересте, выделка кожи, плетение из корней кедра, бисероплетение, изготовление изделий из рыбьей кожи, сукна, меха, ровдуги. В «Старом Сургуте» регулярно проводятся обучающие мастер-классы, благодаря которым транслируются технологии изготовления традиционных предметов.

Таким образом, Историко-культурный центр «Старый Сургут» активно транслирует традиционную культуру обских угров. Его сотрудниками проводятся комплексные мероприятия с привлечением всех форм культурного наследия, материального и нематериального. Большое внимание уделяется фиксации, реконструкции и трансляции последнего: сотрудники центра воссоздают обско-угорские праздники и обряды, а также сохраняют и передают технологии изготовления традиционных предметов.

Как видим, в Сургуте развита практика актуализации культурного наследия хантов. Муниципальные учреждения культуры отличает комплексный подход в трансляции традиционной культуры народа ханты. Причем если в Сургутском краеведческом музее большое внимание уделяется актуализации материальной составляющей этнокультурного наследия хантов, то «Старый Сургут» основной акцент делает на его нематериальной части. Аутентичность проводимых реконструкций в музее обеспечивается регулярными экспедициями, а в «Старом Сургуте» – и наличием среди сотрудников носителей культуры. В целом в рассмотренных учреждениях культуры накоплен позитивный опыт проведения комплексных мероприятий, способствующих возрождению традиционной культуры, сохранению и популяризации этнокультурного наследия хантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рындина О.М., Лукина Н.В., Курьянова Т.С., Золотарева Н.В. Этнокультурное наследие ханты Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в теоретическом и практическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 126–131.
2. Музей. Город. Люди. 1963–2013. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей». Сургут, 2013. 80 с.
3. История музея // Сургутский краеведческий музей. URL: <http://skmuseum.ru/index.php/omusee/istorijamuzeja> (дата обращения: 25.04.2015).
4. Лапина Е.В. Культурно-коммуникационный центр – территория саторчества // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях : материалы Третьей научно-практической конференции : в 2 ч. Сургут, 2013. Ч. 1. С. 195–201.
5. Фонды музея // Сургутский краеведческий музей. URL: <http://skmuseum.ru/index.php/m-fondi> (дата обращения: 26.04.2015).
6. Сургутский краеведческий музей: Коллекции этнографии сургутских ханты: каталог. Сургут, 2014. 128 с.
7. Стародубова О.В. Роль этнографического материала в образовательной деятельности Сургутского краеведческого музея // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях : тез. окружной науч.-практ. конф. Сургут, 2003. С. 117–119.
8. Экспедиции // Сургутский краеведческий музей. URL: <http://skmuseum.ru/index.php/jekspedicii> (дата обращения: 26.04.2015).
9. Межрегиональный выставочный проект: По улицам олень бегущий. Сургут, 2005. 56 с.
10. «По улицам олень бегущий» // Ямальская археологическая экспедиция. URL: <http://www.yamalarchaeology.ru/modules.php?file=article&name=News&op=modload&sid=63> (дата обращения: 27.04.2015).
11. Награды // Сургутский краеведческий музей. URL: <http://skmuseum.ru/index.php/omusee/nagrady> (дата обращения: 27.04.2015).
12. Жданова Т.С., Фролова Л.Л. Музей – «Территория равных» // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях : материалы II науч.-практ. конф. Сургут, 2008. С. 82–86.
13. Исаева Т.А., Фролова Л.Л. Методическое руководство по изготовлению традиционной игрушки ханты – обобщение опыта работы по проекту «Куклы и сказки Нёрым-ях» // Сургутский краеведческий музей. URL: http://skmuseum.ru/index.php?id=76&Itemid=218&option=com_content&task=view (дата обращения: 27.04.2015).
14. Нёрым-ях: рождение куклы. Сургут, 2010. 72 с.

15. Монти Таня. Сказание о Танье. Тюмень, 2008. 116 с.
16. Песни священной воды : заявка для участия в конкурсе Музейного ведомства Финляндии на соискание премии в области этнографической выставки. Сургут, 2011.
17. Концепция выставки «Одного лоскутка земли разные люди» // Архив СКМ. Ф. 1. Д. 06.012.09. С. 1–20.
18. Интервью с О.В. Стародубовой – старшим научным сотрудником отдела археологии, этнографии и природоведческих исследований Сургутского Приобья Сургутского краеведческого музея, г. Сургут, 2015 г.
19. Фролова Л.Л. «СиМ-СиМ, откроя!» (Работа с семейной аудиторией: проблемы, поиски, решения) // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях : материалы II науч.-практ. конф. Сургут, 2008. С. 87–91.
20. Страницы истории // Историко-культурный центр «Старый Сургут». URL: <http://stariy-surgut.ru/o-nas/stranitsy-istorii/> (дата обращения: 02.05.2015).
21. Интервью с С.Е. Сайтовой – заместителем директора по творческой работе Историко-культурного центра «Старый Сургут», г. Сургут, 2015 г.
22. Интервью с М.В. Самсоновой – заведующей Отделом коренных народов Севера Историко-культурного центра «Старый Сургут», г. Сургут, 2015 г.
23. Дни культуры финно-угорских народов: 5–6 декабря 2014 г. / сост. Л.В. Халак. Сургут, 2014. 32 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 9 сентября 2015 г.

ACTUALIZATION OF ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF THE KHANTS IN MUNICIPAL CULTURAL INSTITUTIONS OF SURGUT

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 42–49. DOI: 10.17223/15617793/399/8

Zolotareva Natalya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Natashik@sibmail.com

Keywords: museum; cultural heritage; cultural and educational activities; traditional festivals; Surgut Khants.

Ethnic values were translated during the life in the traditional culture. Their paramount importance was realized and was attributed in a special, ritual sphere. It was located in the most sacred part of the space, the sacred place, and presupposed the existence of specific individuals with the functions of managers and custodians. However, there were no special institutions for the preservation and transmission of basic information, including rules and values. In modern conditions the described mechanism of ethno-cultural heritage translation largely lost its force. Institutions performing the functions of generation and preservation of cultural heritage are cultural institutions now. The article analyzes the activities of the Surgut Museum of Local Lore and historical and cultural center “The Old Surgut”. In the aspect of the cultural heritage of the Khants actualization, four activities the Surgut Museum of Local Lore are characterized: research, stock, exhibition, cultural and educational. The Surgut regional museum has accumulated extensive experience in developing projects, exhibitions and implementation of cultural and educational programs. The museum staff actualize both tangible and intangible cultural heritage of the indigenous people in the region, namely, mythological texts, manufacturing technology of toys, methods of ornamentation. The museum hosts events involving all kinds of cultural heritage for different age categories of visitors, both children and adults. The historical and cultural center “The Old Surgut” holds events involving all forms of cultural heritage, both tangible and intangible. Much attention is paid to fixation, reconstruction and translation of the intangible: the center staff recreate the Ob-Ugric festivals and rituals, as well as preserve and transmit the technology of traditional objects production. The study concludes that the considered cultural institutions have accumulated positive experience of integrated activities that contribute to the revival of traditional culture, preservation and promotion of ethnic and cultural heritage of the Khants. In the Surgut regional museum a lot of attention is paid to updating the material component of ethnic and cultural heritage of the Khants and “The Old Surgut” focuses on its non-material component. The authenticity of the reconstruction of the museum is provided by regular expeditions, and of the “The Old Surgut” by the presence of culture bearers among employees.

REFERENCES

1. Ryndina, O.M. et al. (2015) The Khanty ethno-cultural heritage of Surgut District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra in theoretical and practical discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 390. pp. 126–131. (In Russian).
2. Surgut Museum of Local Lore. (2013) *Muzey. Gorod. Lyudi. 1963–2013* [Museum. City. People. 1963–2013]. Surgut.
3. Surgut Museum of Local Lore. (n.d.) *Istoriya muzeya* [History of the museum]. [Online]. Available from: <http://skmuseum.ru/index.php/omusee/istorijamuzeja>. (Accessed: 25th April 2015).
4. Lapina, E.V. (2013) [Cultural and Communication Center – a territory of co-creation]. *Zapadnaya Sibir' v akademicheskikh i muzeynykh issledovaniyakh* [Western Siberia in the academic and museum studies]. Proc. of the Third Scientific Conference. Surgut. 26–29 November 2013. Pt. 1. Surgut. pp. 195–201. (In Russian).
5. Surgut Museum of Local Lore. (n.d.) *Fondy muzeya* [The museum funds]. [Online]. Available from: <http://skmuseum.ru/index.php/m-fondi>. (Accessed: 26th April 2015).
6. Isaeva, T.A. (ed.) (2014) *Kollektsii etnografiyi surgutskikh khanty: katalog* [Collections of Ethnography of the Surgut Khanty: a catalogue]. Surgut: Surgut Museum of Local Lore.
7. Starodubova, O.V. (2003) [The role of the ethnographic material in the educational activities of the Surgut Museum of Local Lore]. *Zapadnaya Sibir' v akademicheskikh i muzeynykh issledovaniyakh* [Western Siberia in the academic and museum studies]. Proc. of the Regional Scientific-Practical Conference dedicated to the 40th anniversary of Surgut Museum of Local Lore. Surgut. 24–27 November 2003. Surgut. pp. 117–119.
8. Surgut Museum of Local Lore. (n.d.) *Ekspeditsii* [Expeditions]. [Online]. Available from: <http://skmuseum.ru/index.php/jekspedicii>. (Accessed: 26th April 2015).
9. Isaeva, T.A. (2005) *Mezhregional'nyy vystavochnyy proekt: Po ulitsam olen' begushchiy* [Inter-regional exhibition project: a deer running along streets]. Surgut: Diorit.
10. Anna. (2005) Po ulitsam olen' begushchiy [A deer running along streets]. In: *Yamal'skaya arkheologicheskaya ekspeditsiya* [Yamal Archeological Expedition]. [Online]. Available from: <http://www.yamalarchaeology.ru/modules.php?file=article&name=News&op=modload&sid=63>. (Accessed: 27th April 2015).
11. Surgut Museum of Local Lore. (n.d.) *Nagrady* [Awards]. [Online]. Available from: <http://skmuseum.ru/index.php/omusee/nagrady>. (Accessed: 27th April 2015).
12. Zhdanova, T.S. & Frolova, L.L. (2008) [Museum as a “territory of equals”]. *Zapadnaya Sibir' v akademicheskikh i muzeynykh issledovaniyakh* [Western Siberia in the academic and museum studies]. Proc. of the Second Scientific-Practical Conference. Surgut. pp. 82–86.

13. Isaeva, T.A. & Frolova, L.L. (n.d.) Metodicheskoe rukovodstvo po izgotovleniyu traditsionnoy igrushki khanty – obobshchenie opyta raboty po proektu “Kukly i skazki Nerym-yakh” [Methodological Guide for the production of traditional toys of the Khanty – generalized experience of the project “Dolls and Fairy Tales of Nerym-yakh”]. [Online]. Available from: http://skmuseum.ru/index.php?id=76&Itemid=218&option=com_content&task=view. (Accessed: 27th April 2015).
14. Frolova, L.L. (2010) *Nerym-yakh: rozhdenie kukly* [Nerym-yakh: the birth of a doll]. Surgut: IPK.
15. Isaeva, T.A. (ed.) (2008) *Monti Tan'ya. Skazanie o Tan'e* [Monti Tanya. A legend of Tanya]. Tyumen: Tyumen’.
16. Surgut Museum of Local Lore. (2011) *Pesni svyashchennoy vody: zayavka dlya uchastiya v konkurse Muzeynogo vedomstva Finlyandii na soiskanie premii v oblasti etnograficheskoy vystavki* [Songs of the holy water: application for participation in the competition of the Museum Department of Finland for the award in the field of ethnographic exhibition]. Surgut.
17. Surgut Museum of Local Lore Archive. Fund 1. File 06.012.09. P. 1–20. The concept of the exhibition “Different people of a single patch of land”. (In Russian).
18. Surgut Museum of Local Lore. (2015) Interview with O. Starodubova, Senior Researcher of Archeology, Ethnography and Natural History Studies of the Surgut Ob Surgut of Surgut Museum of Local Lore. Surgut. (In Russian).
19. Frolova, L.L. (2008) [“SiM-SiM, open up!” (Work with a family audience: problems, searches, solutions)]. *Zapadnaya Sibir' v akademicheskikh i muzeynykh issledovaniyah* [Western Siberia in the academic and museum studies]. Proc. of the Second Scientific-Practical Conference. Surgut. pp. 87–91.
20. Historical and Cultural Center “The Old Surgut”. (n.d.) *Stranitsy istorii* [The pages of history]. [Online]. Available from: <http://stariy-surgut.ru/onas/stranitsy-istorii/>. (Accessed: 02nd May 2015).
21. Historical and Cultural Center “The Old Surgut”. (2015) Interview with S.E. Saitova, Deputy Director for the Creative Work of the Historical and Cultural Center “The Old Surgut”. Surgut. (In Russian).
22. Historical and Cultural Center “The Old Surgut”. (2015) Interview with M.V. Samsonova, Head of the Department of Indigenous Peoples of the North of the Historical and Cultural Center “The Old Surgut”. Surgut. (In Russian).
23. Khalak, L.V. (2014) *Dni kul'tury finno-ugorskikh narodov: 5–6 dekabrya 2014 g.* [Days of Culture of the Finno-Ugric Peoples: 5–6 December 2014]. Surgut.

Received: 09 September 2015

В ТВОЕМ УЧЕНИКЕ Я ВИЖУ ТЕБЯ, УЧИТЕЛЬ

Дается анализ педагогической практики преподавателя специального фортепиано, профессора, заведующего фортепианным отделением Высшей школы музыки (института) Республики Саха (Якутия), отличника культуры, заслуженной артистки Республики Саха (Якутия), лауреата Государственной премии имени П.А. Ойунского Юноны Михайловны Ухоловой в 1990-е гг., период становления музыкального учебного заведения. Заслуженные победы ее воспитанников на международных конкурсах – лучшее подтверждение ее педагогического мастерства. Статья основана на печатных источниках, интервью, личном восприятии концертных выступлений Ухоловой и ее учеников.

Ключевые слова: Высшая школа музыки РС(Я); профессиональное музыкальное образование; исполнительское мастерство; учитель; ученик; искусство пианиста; фортепianneное искусство; музыкально-педагогический форум; музыкальный импрессионизм; конкурс юных пианистов.

Как известно, для таланта необходима почва, на которой он может «произрастать» и «процветать». Таким уникальным «оазисом» не только в Республике Саха (Якутия), но и во всей России в начале 1990-х гг. явилась Высшая школа музыки (ВШМ) – «школа XXI века». В то время это единственное в России учебное заведение, где была решена задача непрерывного образования и профессиональной подготовки. И только после нее появились подобного рода учреждения искусства, в частности Московский государственный институт им. А. Шнитке, консерватория в Магнитогорске. Но якутская ВШМ была первой.

Секрет ее успеха – в дружной работе педагогического коллектива, в специалистах высшей квалификации, овладевших новейшими методиками обучения и создавших собственные методики. В 1990-е гг. в становлении ВШМ большую роль сыграли профессора Московской консерватории им. П.И. Чайковского Т. Гайдамович, Э. Грач, В. Чагаза, Д. Шаффран, а также корифеи отечественной музыкальной педагогики из Российской академии музыки им. Гнесиных В. Левко, М. Саямов, М. Волкова, Т. Олейниченко, И. Моэговенко, Г. Федоренко, академик И. Пущечников, профессор Национальной академии музыки Украины Э. Ткач, профессор Токийской, Мюнхенской, Парижской консерваторий Такаши Ямазаки, в партнерстве с которыми сотрудничала Ю.М. Ухолова.

До Якутии Юнона Михайловна Ухолова десять лет проработала на кафедре специального фортепиано Киевской консерватории им. П.И. Чайковского, где с отличием окончила аспирантуру. Педагогическую деятельность постоянно сочетала с исполнительской. Часто выступала с концертами во многих городах страны и за рубежом, за что неоднократно была отмечена наградами. Ее знания и умение основываются на мастерстве и практике старой русской пианистической школы, которая считается одной из лучших в мире, потому что позволяет передать всю красочную и звуковую палитру произведения, в частности за счет утонченного владения педалью. С этих высоких творческих качеств – масштабности, виртуозности, красочности звуковой палитры – и начинается мастерство музыканта.

На протяжении всей педагогической деятельности Юнона Михайловна не прекращала концертировать. Любое выступление для нее – прежде всего поддер-

жание хорошей пианистической формы. Кроме того, это наглядный пример для воспитанников, а также подтверждение ее девиза «Делай как я! Делай лучше меня!». Масштабность ее игры, «глубина мысли, сила воплощения, разнообразие технических средств – все подчинено наиболее полному раскрытию замысла автора» [1. С. 97–98].

Вспоминается один из ее творческих отчетов, проводимый в рамках смотра-конкурса преподавателей средних специальных учебных заведений Министерства культуры РСФСР. В первом отделении концерта «прозвучали шесть «Музыкальных моментов» Франца Шуберта, а также переложение для фортепиано Ференцем Листом его вокальных сочинений – «Мельник и ручей», «Маргарита за прялкой», «Утренняя серенада», «Двойник».

Владея всем арсеналом музыкальных средств, Ухолова свободно передала сложность замысла сюиты «Партизанские картины» А. Штогаренко. Пожалуй, самое трудное в интерпретации этого масштабного произведения украинского композитора – умение передать цельность сочинения. С этой задачей пианистка справилась отлично, умело выстроив весь цикл, добившись его цельности. Во втором отделении был исполнен второй концерт для фортепиано с оркестром узбекского композитора Г. Мушеля, посвященного памяти погибших солдат во Второй мировой войне. Это произведение «требовало от пианистки очень живого, чуткого к изменениям настроения и музыкального образа ритма, бережного отношения к интернациональному языку. Очень убедительно прозвучала первая часть, где картина траурного шествия сменилась лирическим радушием и завершилась бодрым весельем. Светлый характер второй части, ее торжественность вполне соответствовали всей атмосфере, царившей во время концерта, настроению публики, которая подарила пианистке цветы и благодарные аплодисменты» [2].

В обширном репертуаре пианистки преобладают крупные формы: органные произведения Баха, поздние сонаты и концерты Бетховена, «Крейслериана», «Симфонические этюды», Фантазия до мажор Шумана, концерт М. Равеля, циклы К. Дебюсси, Большая соната и «Времена года» П.И. Чайковского, сонаты, этюды-картины С. Рахманинова, песни Ф. Шуберта, Ф. Листа и многие другие произведения.

Один из ее концертов был посвящен современной музыке. Прелюдия и фуга ре минор Д. Шостаковича, которой открылось выступление, – одно из крупнейших по форме произведение цикла «24 прелюдии и фуги». Философская глубина, напряженность сложнейшего полифонического развития, суровость, даже можно сказать, аскетичность образов, мощнейшие кульминации – все в тончайших деталях было донесено до слушателей.

«Сарказмы», раннее произведения С. Прокопьева, поражает остротой гротескных образов, виртуозностью исполнителя, но не трогает. Иное в звучании одной из последних сонат замечательного композитора – Седьмой. Созданная в первые годы Великих Отечественных войн, она являет собой развернутую картину жизни народной. Психологизм образов первой части сонаты, обобщенный образ скорби, боль утрат, выраженные в главной партии второй части дивной, истинно прокофьевской мелодией, проникновенно и возвышенно были донесены исполнительницей. Финал – выражение веры композитора в грядущую победу советского народа (соната написана в 1942 г.) – венчает сонатный цикл. Музыка полна оптимизма. Пианистка с большим подъемом завершила это монументальное произведение.

Вместе с тем Юнона Упхолова – «прекрасный камерный исполнитель. Известен ее камерный дуэт с флейтистом Дондоком Тарбаевым. Совместно с ним сыграны интереснейшие программы, в частности якутская соната Г. Комракова, соната Баха, Ф. Пулленка и другие произведения» [3].

Каждый урок Упхоловой – «не просто момент выявления подготовленности ученика, не просто новый информативный материал, а всегда положительный настрой на дальнейшую плодотворную работу. На нем она вместе с подопечным намечает цель, оговаривает художественный образ сочинения, отрабатывает конкретные приемы игры. В таком створчестве ученик обретает уверенность в своих силах. Работа ведется тщательная, детализированная. Часто отдельный звук, аккорд или мотив подвергаются многократному повторению, скрупулезной обработке. Такая ювелирная работа всегда отличает учеников Ю.М. Упхоловой. Особенно это проявляется на экзаменах или концертах. В каждом с изяществом исполненном ими произведении ощущаются высокая ответственность педагога трудолюбие и тонкое музыкальное чутье ученика» [4. С. 18].

Для «более глубокого проникновения ученика в замысел автора, для того, чтобы он развивал в себе способность мыслить образно, она постоянно требует от каждого повышения общеобразовательного уровня, полагая, что будущий исполнитель не может сформироваться без приобретенной суммы знаний. Только в этом случае он может состояться как пианист» [5].

И действительно, объясняя характер произведения, Юнона Михайловна «приводит яркие образы и сравнения из литературы, архитектуры, живописи, точные ассоциации с природными явлениями и как-то сразу представленный так объемно весь сюжет, становится зримым. А в самых сложных, порой, казалось

бы, недоступных местах она так умело расставляет аппликатуру, что в процессе исполнения не возникает особых технических трудностей» [6].

Этот удивительный дар учителя притягивает к ней учеников. Юнона Михайловна все строит на взаимодоверии, взаимоуважении. Даже, как принято, «сухое» академическое обсуждение прошедшего отчетного концерта «она проводит необычно и, как правило, в непринужденной беседе. Как-то проникновенно делает глубокий и очень полезный анализ всех наших промахов. В такой доверительной обстановке не становится тяжко на душе за свои опусы, за то, что не все получилось так, как хотелось. Поэтому рядом с ней тебя никогда не покидает стремление двигаться вперед, уверенность в том, что ты сам что-то значишь и можешь. Сама Надежда всегда остается с тобой» [7]. Об этом рассказывала мне одна из ее студенток, Луиза Уразбахтина. Эту надежду педагог всегда стремится вселить в своих учеников. Потому что ее жизненная установка – «воспитывать детей с раннего возраста на основе классики, используя лучшие творческие силы» [8]. Уметь заронить надежду в людях и вместе с ней двигаться к намеченной цели, видеть перспективу, к сожалению, этим даром обладает не каждый. У Юноны Михайловны это черта характера.

Интерес к будущей профессии пианиста педагог поддерживает и с помощью показательных выступлений своих учеников на вечерах, концертах, посвященных круглым датам прославленных музыкантов. Это помогает совершенствовать исполнительскую технику студентов. И потом, получив одобрение публики, каждый стремится к большему совершенству. Помнится один из таких вечеров, посвященный с 200-летию Франца Шуберта. Тогда, на концерте, его творчество показалось мне особенно проникновенным и поэтичным,озвученным его светлой, удивительно гармоничной музыке.

Программу открыли учащиеся и студенты класса Упхоловой Наташа Поморцева, Ася Кривошапкина и Марьям Черепанова экспромтами из сочинения № 90. Затем Алена Белорыбкина, Наташа Зюзина и Светлана Вдовенко виртуозно сыграли экспромты из сочинения № 142. Проникновенно прозвучали первая часть сонаты ля-минор (Лариса Беляева) и музыкальные моменты из сочинения № 94 (Аня Темникова и Таня Бердюгина). Каждый музыкант понимает, насколько сложны эти произведения по технике исполнения, поэтому с большим уважением относятся к исполнителям. С таким же уважением отнесся зрительный зал к воспитанникам Упхоловой.

К тому же Аня Темникова и Таня Бердюгина блестяще сыграли фантазию фа-минор для двух фортепиано. Своим исполнением они смогли убедить собравшихся в зале, какие добрые чувства и нежную грусть вдохнул в нее автор. А сколько веселья искрилось в «Вальсе-каприсе» (Луиза Уразбахтина) и «Венских вечерах» (Светлана Сергеева). Светло прозвучали песни Шуберта в концертной обработке Франца Листа: лирическая «Баркарола» (Светлана Слепцова) и божественная «Аве-Мария» (Марина Скуматчук). Александра Кулачикова, участница этого концерта,

даже поделилась своими впечатлениями в газете. «Мною была исполнена “Сerenада”, – писала она. – Эти вдохновенные произведения я раньше слышала по радио и в отдельном исполнении, а вместе, в таком собрании – впервые. И этот разлив светлой грусти и душевных порывов передали своей чудесной игрой воспитанники Юноны Михайловны. Они словно отворили окно в мир откровений Шуберта. И я как-то близко почувствовала трогательный почерк маэстро, и вместе с его произведениями прошла часть его жизненного пути. По настроению моих сокурсниц не трудно было догадаться, что они испытали те же чувства. Для собравшихся в зале и для меня этот концерт стал еще одним шагом к открытию нового в удивительной музыке Шуберта. И помог мне это сделать любимый педагог Юнона Михайловна Упхолова» [9].

Уходящий 1999 г. мировой культурой был отмечен как год Шопена. Исполнялось 170 лет со дня памятной даты. Вместе со своими учениками Юнона Михайловна посвятила этому событию цикл концертов. По традиции для учащихся и преподавателей музыкальных учебных заведений известная пианистка дала несколько открытых уроков на тему «Проблемы исполнения произведений Шопена». Она продемонстрировала уровень исполнения и степень восприятия знаменитых шопеновских сочинений. Познакомила со своей методикой работы над ними. На одном из таких концертов мне удалось побывать.

С первых звуков музыки слушатели оказывались в мире шопеновских чувств. То пронзительно щемящих, как в ноктюрне cis-moll, который представила слушателям Лера Маякунова, то метущихся, призывающих, как в этюде c-moll, исполненном Александрой Кулаковой. Произведения сменились хороводом искрящихся звуков экспромта As-dur в четыре руки, изумительно озвученного Викторией Католик и Екатериной Владимировой. Музыка польского гения совершенно удивительна. С «маленькими группами» украшающими нот она способна падать капельками радужной росы на мелодическую фигуру, завораживать, увлекать за собой, пронизывать человека и растворяться в его чувственном поле. Порой она может проливаться, то серебряным, как в ноктюрнах, предлюдиях, балладах, то золотым дождем, как в вальсах, мазурках, полонезах. Равнодушных в зале не было. По просветленным лицам можно было определить, как зрители ощущают мелодии Шопена, а также внутренний подъем исполнителей. А для того, чтобы чудо свершилось, исполнителям пришлось много работать над техникой и педализацией. У Шопена нет «легких» произведений, все они рассчитаны на высокий профессиональный уровень.

По словам Ференца Листа, «...у Шопена роскошь орнаментации не отягощает изящество основных линий. Его... дерзновенные, сверкающие, блестательные, пленительные творения таят в себе глубину и мастерство под покровом такой исключительной грации и прелести, что лишь с трудом можно отвлечься от их манящего очарования, чтобы холодно судить о них с точки зрения теоретической ценности. Всякий, внимательно изучивший и проанализировавший тво-

рения Шопена, не может не найти в них красот самого высокого порядка, совершенно новых чувств, оригинальной и искусной гармонической ткани. У него смелость всегда находит себе оправдание, богатство, даже преизобилие не исключает ясности, своеобразие не переходит в причудливость, тонкость отделки закономерна» [10].

О том, что воспитанники Юноны Михайловны Упхоловой постигли утонченные нюансы, изысканность красок произведений Шопена, едва уловимые контрасты, изумительные гармонические секвенции композитора, подтверждают высокий зрительский интерес к их концертам. Она смогла привить им любовь к великому «поэту фортепьяно», создавшему произведения только для этого самого сложного музыкального инструмента и собственным мастерством раскрыть красоту музыкального мира автора.

Ослепительный мажор и легкий минор в произведениях Фредерика Шопена воздействуют на зрителей чрезвычайно благотворно. Поэтому присутствующие на концерте могли ощутить себя строителями небесного храма в собственной душе и его служителями. Ноктюрны, исполненные Надеждой Васильевой, скерцо – Марьям Черепановой, баллады – Ильей Нюхаловым и Натальей Зюзиной – разнохарактерные произведения, но всех их объединяет одно – шопеновская манера исполнения. Непринужденная, совершенная техника игры и едва уловимая педализация позволяли музыкантам как бы «растянуть» аккорды и легко пропеть широкие агреггио, сплести тончайшую паутину из legato.

В вальсах op. 69, 70, исполненных самой Юноной Михайловной, Шопен предстал перед слушателями страстным лирико-драматическим композитором. Поэтому в вальсе As-dur на танцевальном фоне пианистка стремилась высветить эмоциональное начало. Посредством музыки в них Шопен очень точно передал святые чувства влюбленного человека. Ярко и трогательно Ю.М. Упхолова показала его духовное содержание, переживания, радость и грусть. В каждом звуке, в каждой ноте вальса Ges-dur слышались невероятная концентрация сердца и взволнованность души.

Давно нет Шопена, но его мазурки, вальсы, полонезы и другие произведения не только составляют основу репертуара выдающихся современных музыкантов и всегда с любовью воспринимается слушателями, но и являются звуковым воплощением композитора. Взять хотя бы этюд c-moll. В этой миниатюре, выражющей трагическую судьбу польского народа после восстания, отражены и драматизм, и трагизм, и надежды на будущее. Автор нашел, а исполняющая его, Александра Кулаккова, смогла донести до зрителей волнующую интонацию, такие призывающие доминантсептаккорды, стремительные, словно бушующие волны, пассажи, беспокойное движение, то вверх, то вниз в сопровождении левой руки и на этом фоне героические призывы – возгласы верхнего регистра. Пианистка показала, как растет, ширится народная буря, как затем события неизбежно ослабевают и crescendo сменяется diminuendo. А в finale хотя и

преобладает глубокая скорбь, но вместе с тем уже просматривается и светлое будущее.

Созданное на заре творчества композитора произведение по-прежнему волнует, увлекает слушателей. В нем выражена радуга чувств, запечатлены чаяния, порыв и стремление человека к обновлению. Шопен много сделал для того, чтобы такие этюды из чисто технического упражнения, как cis-moll или Революционный, превратились в увлекательную звуковую симфонию. Замечательно, что молодые пианисты смогли это донести до зрителей.

Лучшее доказательство моих слов – еще один этюд cis-moll. Он не только продемонстрировал беглость, независимость пальцев – высокую техничность музыканта, но и отразил горечь несвершившихся романтических устремлений. Анне Темниковой с ее сдержанной внешностью, но страстной внутренней натурой особенно удалась эта музыкальная форма, наполнившая зал утонченным ароматом музыки Шопена. Она сумела выразить regretum-mobille с характерной для него тревожной интонацией, эмоциональными акцентами и прерывистыми пульсирующими паузами. «Концерты, посвященные творчеству Фредерика Шопена, прошли в школах, вузах, театрах. Многие слушатели, побывавшие на них, выразили свою признательность музыкантам за столь трогательный подарок – возможность прикоснуться к богатому наследию великого композитора» [1. С. 160].

Конечно, к таким концертам ученики готовятся продолжительное время. Иначе не может быть, ведь школа выпускает профессионалов. Но процесс освоения программного материала педагог обязательно строит на все усложняющихся классических разнохарактерных произведениях, которые бы развивали в ученике терпение, укрепляли талант и углубляли его знания. Чтобы это произошло, одних уроков мало. Для этого необходима большая аудитория, где бы музыкант не только воспроизвел тончайшие нюансы автора, выразил свои переживания, но и почувствовал «дыхание» зала. Вот почему так важны концертные выступления и поездки на международные конкурсы, где можно показать свое умение и приобрести опыт. У студентов, учеников Юноны Михайловны, в частности неоднократных лауреатов Анны Темниковой и Наташи Зюзиной, такая возможность случалась нередко. Стремление Анны к познанию и совершенствованию отмечали другие педагоги, поэтому на международный конкурс пианистов в Греции ее рекомендовали единогласно. Тогда, в 1996 г., в Греции Анне Темниковой, а вместе с ней и якутской музыке была оказана высокая честь – открыть и закрыть музыкальный форум.

Вернувшись, Юнона Михайловна поделилась своими впечатлениями. «Это было потрясающее! Аня вышла на сцену, и сразу на трибунах открытого театра в Эпидавре воцарилась тишина. Аня начала играть «Танец шамана» якутского композитора Захара Степанова. Зазвучали первые звуки ритуального танца, с каждой нотой они становились все сильнее и все настойчивее. И слышалось, как усиливается дыхание танцора, как нарастает, сгущается, как концентрируется его энергия, как неуловимой страстью охватыва-

ет она всех сидящих и устремляется ввысь... Зал был покорен. И это было чудо!» [12]. Так Аня Темникова познакомила страну древней Эллады с искусством страны Олонхо.

В 1997 г. вместе со своим учителем Анна едет в Париж – в своего рода культурную Мекку. Здесь она пробует свои силы на международном музыкально-педагогическом форуме, посвященном памяти Свято-слава Рихтера. Само имя музыканта требовало от конкурсантов виртуозности и высокого исполнительского мастерства. На родину французского композитора Франсиса Пулена Анне привезла сложнейшее произведение, его «Импровизацию».

Как истинные ценители фортепианного искусства парижане по достоинству оценили мастерство пианистки. Ученица Упхоловой стала лауреатом в третий раз. Как тут вслед за философом не воскликнешь: «В твоем ученике я вижу, тебя, учитель!» Позднее в репертуар студентки войдет творчество других выдающихся композиторов-импрессионистов Франции – Клода Дебюсси, Мориса Равеля и др.

Конкурсы для Анны Темниковой и ее наставника – не самоцель, а постоянное и более глубокое проникновение в удивительный мир музыки. Этому же способствовали ее сольные концерты. На одном из них Аня исполняла «Английскую сюиту», d-moll Баха, «Сонату» a-moll Моцарта, «Andante Spianato» и «Большой блестящий полонез», этюд cis-moll Шопена, «Импровизацию» Пулена, «Прелюдию» из сюиты «Puog piano» Дебюсси и «Токкату» из сюиты «Гробница Куперена».

Каждому опытному музыканту знакомы эти вершины пианистического мастерства. Исполнять их – значит обладать разносторонней подготовкой. На фоне чуткой педализации уметь «пропеть» legato, широкое arpeggio, «растянуть» аккорды, передать неповторимую динамику и окраску произведений. Ведь Бах – это высокая речевая выразительность, вокальность, непревзойденный стиль. В то же время музыка Пулена прозрачна, вся пульсирующая, наполнена утонченным ароматом звуков. Её не спутаешь с моцартовской, в которой на фоне кажущегося спокойствия – буря эмоций. Совершенно удивительны серебро звуков Шопена и его возвышенный полет мыслей.

Венцом концерта стала «Токката» Равеля. Композитор, вобравший в себя испанскую страсть (по материнской линии), французскую утонченность (по отцовской), обладал филигранной техникой. «Токката» – самое сложное его произведение, состоящее «из светлых песен, ясных и гибких ритмов танцев, которое стало олицетворением французской культурной традиции» [12]. Мастер тонкого штриха и длительного crescendo, широких пассажей, в «Токкете» Равель неудержимо устремляется в верхние регистры – этот своеобразный храм блеска серебристых звуков. Отчего слушатели, воспринимающие его музыку, как бы оказываются в мерцающем небесном сиянии, которое непрерывно ниспадает на них, наполняет зал тончайшей гармонией хрустального звона.

Примечательно, что «с помощью опытного педагога Юноны Михайловны Упхоловой Анне удалось

уловить этот самый нежный “запах” мелодий Равеля. Воспринять его музыкальный импрессионизм, “настоящий на аромате” классики. Ощутить дух, носящий отпечаток его пальцев. Как для самого Равеля, так и для молодой пианистки и ее педагога “Ток-ката” явилась блестящим завершающим аккордом в ее успешном концертном выступлении» [12].

Тот, кто проходил пианистическую школу Упхоловой, знает, как в ней трудно и вместе с тем увлекательно. На ее уроках, как у хорошего режиссера на сцене, не бывает пауз. А успехи воспитанников на конкурсах – ярчайшее подтверждение того, что педагог старается заполнить и «внеурочные паузы» своих подопечных. И усердие возвращается сторицей. Юные пианисты не раз удивляли слушателей своей «взрослой» музыкой. Одна из рецензий А. Кулачиковой на сольный концерт Наталии Зюзиной так и называлась: «Взрослая музыка юной пианистки».

Какое счастливое стечье обстоятельств! Одаренный трудолюбивый ученик попадает к талантливому педагогу. Совместная работа такого «дуэта» в конечном итоге, естественно, ведет к успеху. Наташа Зюзина – лауреат зонального конкурса «Северное сияние» и Международного конкурса юных пианистов, проходившего в Афинах, стипендиат международного и республиканского фондов «Новые имена» и «Барграры». Ее концерты в залах Высшей школы музыки и Якутского музыкального училища всегда собирали большое количество не только профессионалов, но и любителей музыки. И вот на одном из них... «Зал затих. ...И слышались повсюду стоны и рыдания. То плакали женщины Иерусалима об Иисусе. И безутешным было их горе. Ибо кто видел и слышал его, знали, что он воистину Сын Человеческий...»

Эта библейская картина предстала передо мной там, на высоте музыкального звучания, когда Наташа Зюзина играла подлинную музыку “Страстей”, трехголосную инвенцию фа минор Баха. Это редко исполняемое произведение считается одной из вершин полифонической трудности в инвенциях. Тем не менее она добилась необычайной выразительности звучания, почувствовав страдания Иисуса Христа. Слушаю, сопереживаю, понимаю, насколько сложно исполнителю перейти от трагического звучания Баховской инвенции к жизнерадостному мажору “Сонаты ля мажор” Моцарта. Но из-под Наташиных пальцев легко и изящно полилась радостная музыка. В каждом звуке, в каждом такте, в каждой вариации – моцартовская живость и прозрачность. За плавными пассажами в грациозном менюэте незримо кружат кавалеры и дамы. И, как только они галантно раскланиваются, в зал “вбегают” турецкие танцовщицы. Это светло и мажорно звучит “Rondo alla turca”» [13].

Произведения концерта были так подобраны, что казалось, педагог преднамеренно устраивает психологический экзамен своему ученику. Сразу после «прозрачно-летящей» музыки Моцарта слышатся характерные, наполненные драматизмом, патетикой, страстью, глубокой печалью мелодии Бетховена. Уже другое настроение, иные чувства. И хотя первая часть его Сонаты № 2 наряду с драматическими мо-

ментами содержит в себе свет воспоминаний, все равно это уже не та «радуга» звуков, что у Моцарта.

Для каждого пианиста Лист – эталон виртуозности. Наташа играла хроматический этюд фа минор – один из трех концертных этюдов прославленного музыканта, которые требуют очень хорошей технической подготовки. Сыграла его свободно и романтично, наделяя игру образностью, выразительностью, динамичностью, не упустив характеристики.

Вальсы Шопена – это «бриллиантовое фортепианное письмо». Они лишь тогда получают достойное звучание, когда пианист, кроме таланта проникновения в душу музыки, изящно владеет пальцевой техникой. Для всех вальсов композитора характерно сочетание эффективных фортепианных конструкций с мелодическим богатством. За годы учебы у своего педагога Наташа Зюзина смогла развить технические данные, вполне отвечающие филигранности шопеновского письма. Поэтому не удивительно, что вслед за вальсами в концерте прозвучала его Баллада № 1 соль минор. Это крупная пьеса симфонической широты музыкальных образов. Она была создана под впечатлением поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод», повествующей о борьбе Польши с тевтонскими рыцарями. «Думаю, трудно, но в то же время интересно было Наташе работать над этим сложным произведением. В коротких, будто недосказанных интонациях здесь так часто слышалось потаенное чувство тревоги, которое постепенно нарастало и, наконец, переходило в бурное волнение. Чтобы передать эти трагические всплески, Наташе надо было “повзросльть” до понимания трагизма баллады. И она это сделала» [13]. И не удивительно. В ее исполнительской манере не трудно было угадать подчерк учителя, что, собственно, и подтвердил профессор Такаши Ямазаки, присутствуя на фестивале юных пианистов «Северное сияние». Он с большим удовольствием «прослушал произведения К. Черни, Ф. Шопена, Ф. Листа, М. Мошковского, А. Скрябина, С. Рахманинова, Н. Метнера, С. Танеева в исполнении молодых музыкантов. Получил большое удовлетворение от совместной работы и, как председатель жюри, дал им высокую оценку» [14]. В каждом ученике Упхоловой он также разглядел ее – учителя.

Можно было еще приводить примеры, рассказывать об учебном процессе, взаимоотношении педагога и учеников. Время не стоит на месте. Многие из воспитанников Упхоловой уже сами обучаются детей и передают им свой и опыт своего педагога. Полагаю, что и по тем примерам, что были приведены выше, можно составить портрет удивительного, трудолюбивого, заботливого, внимательного, требовательного, снисходительного, терпеливого, доверительного и в то же время обыкновенного человека. И все в ней подчинено высокой ответственности перед Ее Величеством Музыкой и перед теми, кого она приобщает к музыкальному наследию. Наверное, именно таким и должен быть преподаватель, заведующий отделением специального фортепиано, каким является отличник культуры СССР, профессор, действительный член Академии духовности Республики Саха (Якутия) Ю.М. Упхолова, всегда дарящая людям Музыку и Надежду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылова В.К. В гармонии с музыкой и долгом. Санкт-Петербургский центр системного анализа // Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции 30–31 июля. Актуальные проблемы современных наук. Инновационные тенденции развития. СПб. : КультИнформПресс, 2015.
2. Потапова Л.К. Почерк мастера // Социалистическая Якутия. 1982. 20 апр.
3. Кривошапко Г.М. Почерк мастера // Социалистическая Якутия. 1978. 21 февр.
4. Кириллина З.И. Пианистка Ю.М. Упхолова // Биографический указатель. Якутск. 1989.
5. Потапова Л.К. Зрелостью мастера, глубиной чувств // Социалистическая Якутия. 1987. 31 янв.
6. Крылова В.К. Из интервью со Светланой Довженко, студенткой фортепианного отделения ВШМ, класс Ю.М. Упхоловой. Якутск, 1996.
7. Крылова В.К. Из интервью с Луизой Уразбахтиной, студенткой фортепианного отделения ВШМ, класс Ю.М. Упхоловой. Якутск, 1996.
8. Упхолова Ю.М. Новому столетию – гармоничная личность // Якутия. 2001. 5 янв.
9. Кулачикова А. Такой молодой Шуберт // Трибуна молодежи. 1997. 14 марта.
10. Лист Ф. Шопен. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php?86099/0>List_-_F._Shopen.html
11. Крылова В.К. Из интервью с Ю. Упхоловой. Якутск, 1996.
12. Крылова В.К., Кулачикова А. И нежный запах мелодий Равеля // АИФ на Севере. 2000. 18 марта.
13. Кулачикова А. Взрослая музыка юной пианистки // АИФ на Севере. 1997. 7 июля.
14. Крылова В.К. Из интервью с профессором Токийской, Мюнхенской, Парижской консерваторий Такashi Ямазаки. Якутск, 1997.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 9 сентября 2015 г.

IN YOUR STUDENT I SEE YOU, TEACHER

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 50–55. DOI: 10.17223/15617793/399/9

Krylova Vera K. Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North SB RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: kvkpressgur@mail.ru

Keywords: Higher School of Music RS (YA); professional music education; performing craftsmanship; teacher; student; Art pianist; piano art; music-pedagogical forum; musical impressionism; competition for Young Pianists.

The article describes the creative activity of the teacher of Special Piano, Professor and Head of the Piano Department of the Higher School of Music (Institute) of the Republic of Sakha (Yakutia), Yunona Mikhailovna Upholova, who equates performing art to the factor of the spiritual, harmonious development of personality. The technique of familiarizing young musicians to the great music is discussed based on the virtuosity, colorful sound palette, the degree of dynamic contrasts, appropriate articulation, intoning and possession of sophisticated pedal. Upkolova believes that the teacher's duty is not only to teach students professional excellence, but also to turn them to the moral ideals of humanity, kindness, compassion for one's neighbor, which, in turn, will have an impact on their success in the arts. After all, in the communication value of musical art, "contemplation–performance–perception", it is the music player that has a central role. Hence, the player's skill and culture determine the disclosure of spiritually integral ideas a composer lays in the foundation and content of a piece of music, on the one hand, and the ability to make music performance the factor of the spiritual, creative service to arts, on the other. The teacher should play a crucial and pivotal role in the process. S/he should help the student to find means of expressiveness, the best tempo-rhythm, an adequate timbre and degree of the necessary of dynamic contrasts essential in every variation, give advice on the articulation and intonation. Therefore, the constant striving to open the complex and wonderful world of music to students, to raise their sense of beauty, to look at the world with wonder and delight, and then to translate that feeling in their performance is so important for Upkolova. This is the basis of her pedagogical skills, which she generously gives to the future professional musicians. Listening to the concerts of her students, one is struck by how much work and patience, imagination and skill, intelligence and rigor, love and responsibility a teacher must have to grow a musician-professional worthy of international recognition from a novice pianist.

REFERENCES

1. Krylova, V.K. (2015) [In harmony with the music and duty. St. Petersburg Center for System Analysis]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauk. Innovatsionnye tendentsii razvitiya* [Topical problems of modern science. Innovative development trends]. Proc. of the International Scientific-Practical Conference. 30-31 July 2015. St. Petersburg: Kul'tInformPress. (In Russian).
2. Potapova, L.K. (1982) Pocherk mastera [Handwriting of an expert]. *Sotsialisticheskaya Yakutiya*. 20 April.
3. Krivoshapko, G.M. (1978) Pocherk mastera [Handwriting of an expert]. *Sotsialisticheskaya Yakutiya*. 21 February.
4. Kirilina, Z.I. (1989) Pianistka Yu.M. Upkolova [Pianist Yu.M. Upholova]. In: *Biograficheskiy ukazatel'* [Biographical Index]. Yakutsk.
5. Potapova, L.K. (1987) Zrelost'yu mastera, glubinoy chuvstv [By the maturity of the expert, by the depth of feeling]. *Sotsialisticheskaya Yakutiya*. 31 January.
6. Krylova, V.K. (1996) *Iz interv'yu so Svetlanoy Dovenko, studentkoy fortepiannogo otdeleniya VShM, klass Yu.M. Upkolovoy* [From an interview with Svetlana Dovenko, a student of the Piano Department, class of Yu.M. Upkolova]. Yakutsk.
7. Krylova, V.K. (1996) *Iz interv'yu s Luizoy Urazbakhtinoy, studentkoy fortepiannogo otdeleniya VShM, klass Yu.M. Upkolovoy* [From an interview with Louisa Urazbakhtina, a student of the Piano Department, class of Yu.M. Upkolova]. Yakutsk.
8. Upkolova, Yu.M. (2001) Novomu stoletyu – garmonichnaya lichnost' [A harmonious personality to the new century]. *Yakutiya*. 5 January.
9. Kulachikova, A. (1997) Takoy molodoy Shubert [Such young Schubert]. *Tribuna molodezhi*. 14 marta.
10. Liszt, F. (c. 1850) *Shopen* [Chopin]. Translated from German. [Online]. Available from: http://www.e-reading.club/chapter.php?86099/0/List_-_F._Shopen.html.
11. Krylova, V.K. (1996) *Iz interv'yu s Yu. Upkolovoy* [From an interview with Yu. Upkolova]. Yakutsk.
12. Krylova, V.K. & Kulachikova, A. (2000) I nezhnyy zapakh melodiy Ravelya [And a delicate scent of Ravel's melodies]. *AIF na Severe*. 18 March.
13. Kulachikova, A. (1997) Vzroslaysa muzyka yunoy pianistki [The adult music of a young pianist]. *AIF na Severe*. 7 July.
14. Krylova, V.K. (1997) *Iz interv'yu s professorom Tokiyskoy, Myunkhenskoy, Parizhskoy konservatoriy Takashi Yamazaki* [From an interview with Professor of Tokyo, Munich, Paris Conservatoires Takashi Yamazaki]. Yakutsk.

Received: 09 September 2015

ИСТОРИЯ

УДК 3701424

М.Г. Булгакова

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1992–2005 гг.)

Статья посвящена вопросам международного сотрудничества в сфере школьного образования Иркутской области. Речь идет о появлении и развитии международных связей в области образования. Показано, что в области происходили процессы выявления, поддержки талантливых и одаренных педагогов и школьников благодаря реализации международных программ и проектов в образовательных организациях региона. На основе анализа данных был сделан вывод о наличии позитивного практического эффекта и необходимости создания новых форм международного сотрудничества на территории региона.

Ключевые слова: образование; международное сотрудничество; регион.

В результате процессов глобализации ученые, политические деятели ведущих стран мира пришли к выводу о необходимости модернизации образования. Однако решить проблему реформирования сферы образования в отдельно взятой стране невозможно, поэтому индустриально развитые страны предпочитали объединяться, чтобы выработать единые подходы к изменению в этой сфере.

В постсоветский период Российской Федерации, участвуя в процессах интернационализации, перенимая международный опыт системы управления, внедрения общественных институтов в управление, инновационной педагогических технологий, активно сотрудничала с развитыми странами в различных направлениях образовательной сферы. В России накоплен большой опыт в этой области, многими исследователями представлены различные практики международного сотрудничества в школьном образовании, вместе с тем на примере Иркутской области эта тема изучена недостаточно.

Актуальность исследования этой проблемы обусловлена необходимостью изучения, систематизации и анализа накопленного опыта международного сотрудничества в различных направлениях школьной образовательной деятельности для дальнейшего формирования разнообразных форм подобного взаимодействия в регионе.

Для включения Российской Федерации в международные образовательные сети, содействия повышению уровня интегрированности российского образования, а также его престижа на международном уровне в 1994 г. по решению Правительства Российской Федерации был создан Национальный фонд подготовки кадров (НФПК) [1].

В 1997 г. Россией совместно со странами СНГ было подписано «Соглашение по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества независимых государств» [2. С. 27–28].

В декабре 1997 г. вступило в силу Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и Европейскими сообществами. В ст. 63 содержалась информация о сотрудничестве между Россией и Европей-

скими сообществами [1]. Были разработаны планы участия России на основе программы Сообщества «Темпус» [1].

В 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая объединила Казахстан, Киргизию, Китай, Россию, Узбекистан и Таджикистан. В Хартии ШОС был прописан один из принципов деятельности этой организации – научное и культурное взаимодействие. К настоящему времени в регионе ШОС началось формирование единого образовательного пространства [1].

По мнению профессора Ю.А. Зуляра, Болонский процесс способствует созданию единого европейского образовательного пространства [3]. С 2003 г. наша страна также стала участницей Болонского процесса, проявляет активность в реализации различных международных программ [Там же].

Если поначалу сотрудничество России с различными странами касалось в большей степени науки и высшего образования, то различные проекты и соглашения, подписанные Министерством образования РФ, предполагали партнерство во всей сфере образования. Договоры о двустороннем сотрудничестве были подписаны со странами Западной Европы – Германией, Францией, Великобританией, а также с Польшей, Израилем, Китаем [5].

В Российской Федерации проводились международные конкурсы для участников образовательного процесса – школьников и педагогов. Постсоветский период отличался множеством международных мероприятий (семинаров, конференций), на которых рассматривались вопросы воспитания, ключевыми направлениями считались проблемы мира, дружбы, толерантности, демократии и другие гуманистические ценности. В стране появились различные международные общественные объединения – ассоциации, клубы, сообщества, фонды, сотрудничающие с отечественными государственными и общественными структурами по различным направлениям образовательной деятельности.

В январе 1996 г. представители Иркутской области участвовали в международном семинаре-совещании

«Воспитание мира, дружбы и сотрудничества: подходы, практики, перспективы», который состоялся в г. Москве [7. Л. 1–4]. В рамках этого семинара консолидировались усилия многих ведомств и общественных структур – Ассоциации клубов международной дружбы учащейся молодежи, Министерства образования РФ, Комитета РФ по делам молодежи, Института молодежи, Центрального дома детей железнодорожников министерства путей сообщения РФ, Всероссийского центра художественного творчества учащихся и работников профобразования, Министерства национальностей РФ, Российского союза молодежи, Международного движения «Педагоги за мир и взаимопомощь», Центра педагогики Мира, Международной ассоциации фондов Мира, Московского международного центра содействия ЮНЕСКО, Международного славянского института. Также в семинаре приняли участие руководители и специалисты научно-исследовательских центров и институтов федеральных министерств и ведомств РФ, комитетов и комиссий Администрации субъектов федерации РФ, фондов, ассоциаций, центров, клубов России, СНГ, зарубежных государств, занимающихся проблематикой идей мира, гуманизации, уважения прав и достоинства личности, национального и социального согласия и терпимости к чужому мнению и ненасилия. Основной целью организации и проведения семинара было получение объективной информации об интересах воспитания молодежи, тенденциях его изменения в условиях современных преобразований и поиск подходов для разработки концепции воспитания культуры международного общения молодежи, привлечение внимания государственных учреждений, комитетов, ведомств к деятельности клубов международной дружбы учащихся и молодежи [7. Л. 1–4]. Для ознакомления с опытом работы Ассоциации этих клубов в ноябре 1996 г. в г. Севастополе был организован семинар российско-украинских руководителей и активистов клубов международной дружбы и центров дипломатии «Интересы воспитания в условиях новой реальности» [Там же. Л. 6].

Министерство образования России совместно с Ассоциацией клубов международной дружбы учащейся молодежи, другими заинтересованными организациями в 1997 г. организовали Международный детско-юношеский фестиваль мира, дружбы и творчества «Содружество 97», посвященный Году согласия и примирения. В фестивале приняли участие около 500 активистов клубов международной дружбы [8. Л. 12].

В рамках международного сотрудничества действовала Программа по обмену школьниками «Акт в поддержку свободы», проводимая Информационным агентством США при участии Американского совета преподавателей русского языка и литературы (АСПРЯЛ) и поддержке Министерства образования РФ [9. Л. 2]. Эта Программа начала работать в результате межправительственного Российско-Американского соглашения. Она финансировалась правительством США и координировалась Информационным Агентством США [Там же. Л. 4]. «Акт в поддержку

свободы» действовал на протяжении многих лет и проводился в разных регионах страны [10. Л. 1–4, 16–17, 48–59].

Интересный и разнообразный опыт международного сотрудничества накоплен в Иркутской области. Главным субъектом реализации этой политики в регионе являлось Главное управление народного образования администрации Иркутской области (далее ГлавУНО).

Так, например, ГлавУНО активно участвовало в программе «Акт в поддержку свободы».

В Иркутской области региональным представителем реализации этой программы был Пол Хоглэнд – директор Новосибирского офиса «Акт в поддержку свободы» [9. Л. 2]. От управления образования области координаторами были А.К. Костин, заместитель начальника ГлавУНО, и А.П. Лесняк, ведущий специалист ГлавУНО. Ее итогом было обучение школьников, победивших в конкурсе, в средних учебных заведениях США. Первые финалисты из области уехали на обучение в 1995 г. [Там же. Л. 2–12]. Этот международный конкурс в регионе стал традиционным [9. Л. 12; 10. Л. 5, 13; 11. Л. 150; 12. Л. 135, 221; 13. Л. 95; 14. Л. 12; 15. Л. 35; 16. Л. 48; 17. Л. 5–6, 9]. По количеству выбранных финалистов Иркутская область в течении ряда лет занимала 1-е место по Сибирскому федеральному округу [17. Л. 5]. В 1996–1997 гг. 10 финалистов из Ангарска, Иркутска, Саянска, Братска, Усолье-Сибирского, Иркутского района, Шелехова, Кутулика были распределены в США в штаты Калифорния, Мичиган, Миннесота, Огайо, Кентукки, Техас, Миссури, Невада, Вашингтон, Северная Каролина, Нью Хэмпшир [10. Л. 1, 9]. За 5 лет существования программы иркутские школьники побывали на обучение и в других штатах США – Иллинойс, Алабама, Оклахома, Айдахо, Миннесота, Юта, Джорджия, Пенсильвания [17. Л. 2–4; 18. Л. 174].

От ГлавУНО долгое время курировал программы международного сотрудничества, реализовывавшиеся в Иркутской области, Александр Константинович Костин, профессор, доктор педагогических наук. Он окончил Иркутский государственный педагогический университет, Сибирскую Академию государственной службы. С 1977 по 1990 г. проработал в Карлукской средней школе, сначала старшим пионервожатым, а затем директором. Два года был заместителем директора экспериментальной школы № 47 г. Иркутска. До 1995 г. возглавлял отдел образования администрации Октябрьского района г. Иркутска. С 1995 по 2006 г. – заместитель начальника ГУОиПО администрации Иркутской области. С 2007 по 2012 г. был руководителем Службы по контролю и надзору в сфере образования Иркутской области. Под руководством А.К. Костина были разработаны Концепция развития образования в Иркутской области, региональные мероприятия по реализации Концепции модернизации российского образования, комплексная областная целевая программа «Здоровье и образование», региональные проекты по организации профильного и предпрофильного обучения школьников, дополнительного образования детей через проведение летних

школ и НПК для одаренных детей с вузами. Также Александр Константинович является автором идеи образовательного форума «Образование Приангарья».

В соответствии с договором о международном сотрудничестве с межрегиональной компанией «Ди Би Си» (Direct Book Company) официальным дистрибутором британских, американских и немецких издательств учебной методической литературы для обеспечения доступа к международной практике обучения иностранных языков в 1998 г. проводился областной конкурс сочинений по английскому и немецкому языкам для учащихся 5–11-х классов образовательных учреждений [13. Л. 62].

На территории Иркутской области традиционным становилось проведение Российско-Американского конкурса преподавателей английского языка и страноведения США. Конкурс проводился в целях выявления и поддержки талантливых учителей английского языка, распространения передового опыта в области преподавания иностранного языка, содействия установлению и развитию прямых партнерских связей между образовательными учреждениями России и США [13. Л. 180–181; 16. Л. 48]. С 1998 г. преподаватели английского языка Иркутской области участвовали в этом конкурсе [16. Л. 48]. Организационными вопросами по проведению конкурса в России занимался Американский совет по сотрудничеству в области образования и изучения иностранных языков (далее АКСЕЛС). Региональное представительство АКСЕЛС находилось в г. Новосибирске [13. Л. 180–181]. В состав региональной отборочной комиссии входили специалисты ГлавУНО, преподаватели ИГПИ, профессора Сибирско-Американского факультета менеджмента ИГУ – граждане США, редактор газеты «Приангарье», преподаватель лицея г. Иркутска, сотрудники агентства «Комсомольская правда – Байкал» [14. Л. 10–11; 19. Л. 40–41; 20. Л. 157; 21. Л. 2]. Первыми финалистами конкурса стали Т.И. Гладыш (СШ № 27 г. Ангарск), А.М. Савченко (лицей ИГУ г. Иркутск), О.В. Медведева (СШ № 47 г. Иркутск), О.А. Винярская (СШ № 44 г. Иркутск), И.В. Коваль (СШ № 2 г. Свирск), Т.Т. Вяткина (СШ № 27 г. Ангарск) [22. Л. 174].

В 1997 г. в регионе стартовал Российско-Британский проект по экспертизе учебных курсов английского языка для использования в российской системе начального и среднего образования, он осуществлялся в соответствии с договором между Ассоциацией «Информационные технологии в образовании» (ИНТО) и Министерством общего и профессионального образования РФ [23. Л. 193–194]. Для аprobации учебно-методических комплектов по английскому языку был создан pilotный проект, в котором приняли участие образовательные организации области. Проект был нацелен на ознакомление с современной обучающей технологией на базе учебно-методического комплектования издательства Оксфордского университета, выявления направлений их адаптации для различных типов образовательных учреждений и выработки практических рекомендаций для учителей. В 1998 г. в реализации проекта участ-

вовали лицей № 1 г. Ангарска, средняя школа № 26 с углубленным изучением английского языка г. Иркутска [12. Л. 56]. Для подведения итогов аprobации проводился семинар-совещание по теме «Современные технологии в обучении английскому языку. Опыт издательства Оксфордского университета» [12. Л. 58]. В 1998 г. рамках реализации проекта и в целях ознакомления с участниками-пилотами делегация британского издательства Оксфордского университета побывала в Иркутске в составе Т. Рида, директора консалтинговой фирмы издательства, П. Мона, регионального директора по продажам издательства OUP в Центральной и Восточной Европе, Х. Свойской, заместителя Главы Московского представительства OUP, А.Д. Авериной, директора Ассоциации «Информационные технологии в образовании» [15. Л. 2–3; 18. Л. 67; 21. Л. 193–194].

Как следствие международного сотрудничества в стране происходила дифференциация обучения – профильные классы, классы и школы с углубленным изучением отдельных предметов, образовательные учреждения нового типа (лицеи, гимназии), негосударственные образовательные учреждения. Таким образом, в России реализовывалось одно из важных направлений дифференцированного обучения – программа международного сотрудничества по выявлению, обучению и развитию одаренных детей. Иркутская область не явилась исключением. В регионе в 1990/91 учебном году работало 5 учреждений образования нового типа, в них обучаются 1 350 учащихся [24. Л. 13–18]. За 2 года (1998–1999 гг.) в области было аттестовано и аккредитовано 28 учреждений образования нового типа, 5 негосударственных образовательных учреждений [12. Л. 223; 14. Л. 82, 84, 85, 134; 15. Л. 49–50, 60, 77, 83, 86, 97, 115–116, 119, 156, 179, 181, 184; 18. Л. 39, 64, 216–217, 234; 21. Л. 9, 30, 54; 25. Л. 89, 110, 112–115, 166, 208; 27. Л. 19, 37, 98, 107; 28. Л. 29, 65, 77, 101, 119, 172, 182–183, 186–187, 236]. Важным направлением в региональном образовании становилось развитие системы углубления и профильного обучения. Стабильным это направление становится в городах Иркутске, Нижнеудинске, Саянске, Черемхово, Шелехове, Усольском и Слюдянском районах. К 1996 г. в классах углубленного и профильного обучения насчитывалось 47 692 ученика (в 1994/95 учебном году – 39 755 учеников). Традиционными стали такие профили обучения, как физико-математический, химико-биологический, гуманитарный, и оформились новые – литература–история–иностранный язык; математика – физика–химия и т.д. [29; 30. Л. 1–12, 22–27].

Иркутское отделение международной общественной организации «Лига защиты культуры» совместно с ГУОПО в мае 1999 г. провели семинар по теме «Гуманистическая педагогика» с участием академика Ш.А. Амонашвили [28. Л. 109].

Итогом изучения международной педагогической мысли, в частности Р. Штейнера, и сотрудничества по вопросам педагогики стало появление в г. Иркутске Вальдорфской школы. В 1989 г. участники «Клуба молодых педагогов» были приглашены на телепере-

дачу для встречи с учителями и выпускниками вальдорфской школы из Штутгарт, приехавшими в Иркутск. Иркутская Вальдорфская школа (исполнительный директор В.П. Штассер) открылась в 1994 г. как результат совместных усилий педагогов-новаторов и «педотрядовского» движения, после участия в Вальдорфском педагогическом семинаре при антропософском педагогическом Центре «Вальдорфский импульс» в 1992 г. [31, 32].

Основателями школы были выпускники ИГУ – Виктор Павлович Штассер, директор; Марина Прокопьевна Лидина, учитель математики; Ирина Платоновна Шендерова, журналист, учитель рукоделия и Альфия Салтановна Больщакова, выпускница ИГПУ, учитель музыки и флейты, музыкальный терапевт.

Гимназия № 1 г. Усолье-Сибирского (директор С.А. Кривобоков) вышла за рамки территориального пространства региона [33, 34]. В 1996 г. на базе гимназии был открыт польский класс, не имеющий аналогов от Урала до Дальнего Востока [34]. В связи с этим 29 мая 2009 г. город посетил генеральный консул Республики Польша в г. Иркутске Кшиштоф Чайковски [33].

Сергей Анатольевич Кривобоков, выпускник ИГПИ, до прихода в гимназию работал в Слюдянском Районе, был заместителем директора Усольского педагогического училища. За активную деятельность по изучению польской культуры в гимназии Сергей Анатольевич удостоен наград польского правительства.

География международных связей управления образованием Иркутской области была очень разнообразна. В 1993 г. у региона возникли партнерские отношения в области образования и культуры с Южной Кореей [35. Л. 66].

С 1993 г. в области действовала программа сотрудничества Министерства образования РФ и Министерства среднего образования Провинции Альберта (Канада) [36. Л. 23].

В 1998 г. было подписано соглашение между губернатором префектуры Исикава и губернатором Иркутской области. В рамках международной программы «XXI век – крылья молодежи» делегация Иркутской области побывала в Японии [27. Л. 216–219].

Также был заключен договор о сотрудничестве между администрацией Иркутской области и префектурой Канадзава (Япония). В 1999 г. состоялся обмен делегациями [13. Л. 148].

При модернизации системы управления образования российскими учеными активно использовался международный опыт. Внедрение модели школьных управляющих советов началось с 2002 г. в рамках Федеральной программы развития образования [37]. В реализации этого проекта большую роль сыграли проекты некоммерческих организаций и фондов (Британский совет, Совет по международным исследованиям и обменам (АЙРЕКС), НФПК, Фонд «Новая Евразия» и др.) [38. С. 12]. Внедрение модели школьных управляющих советов в Иркутской области начиналось с 2006 г.

Новый взгляд на общественно-ориентированное образование как на философию образования в России

появился после создания Красноярского центра «Сотрудничество на местном уровне» в ноябре 1996 г. по инициативе активистов американской некоммерческой организации ECHO, сибирских педагогов и активистов некоммерческого сектора Сибири, считавших главной целью этого центра развитие гражданской активности на местном уровне через развитие общественно-активных школ (ОАШ) [39. С. 47–52]. Модель ОАШ как школы, реализующей концепцию общественно-ориентированного обучения, была разработана на основе изучения опыта мирового движения общественно-активных школ и российских образовательных традиций. Эту модель активно поддерживали Фонды Чарльза Стюарта Мотта, Генри Форда, Московское представительство Фонда «Евразия».

В 1997–1998 гг. Центром «Сотрудничество» была реализована программа по подготовке кадров для общественно-активных школ в 1999–2000 модель ОАШ стала востребована за пределами Сибири после активной дискуссии об общественной составляющей в образовании. Модель была представлена в экономическом совете Министерства образования РФ и получила одобрение. Добровольцы общественно-активных школ из Иркутской области в 2002 г. принимали участие в акции «Весенняя неделя добра», организованной Центром «Сотрудничество» на местном уровне. Однако, в отличие от других сибирских регионов, до 2005 г. в Иркутской области идея ОАШ не имела широкого распространения.

В регионе с 1993 г. получили поддержку международные программы экологической направленности, например программа обмена школьников «Школа к школе», проводимая международной организацией США FFA (Будущие фермеры Америки) и МБФ «Возрождение земли Сибирской» при поддержке ГлавУНО. Областной станцией юных натуралистов была организована совместная российско-американская смена в лагере «Юный фермер» (июнь – июль 1995 г.) [27. Л. 45; 39. С. 233]. В июне 1998 г. в Иркутске прошла международная научно-практическая конференция, посвященная проблемам экологии и развития сельского хозяйства [40–42].

В рамках международного сотрудничества происходило взаимодействие ГлавУНО с благотворительными международными организациями, от которых поступали финансовые средства. Финансовые средства распределялись между детскими домами для приобретения лекарств, оборудования медицинских кабинетов и пр. Благотворительные средства постоянно поступали от международных агентств США «Дар любви», «Христианские усыновления по всему миру», «Медицинский фонд и милосердие», «План», «Ворд-Вайт», «Детская надежда», Международного центра усыновления, Международной гуманитарной медицинской ассоциации [12. Л. 184–185, 192–193, 220; 13. Л. 44–48; 14. Л. 110; 16. Л. 2327. Л. 52, 187, 255; 18. Л. 18, 118, 182, 223; 22. Л. 25; 25. Л. 37; 29. Л. 46, 64, 94, 190; 43. Л. 10].

ГлавУНО активно взаимодействовало с Иркутским областным комитетом общества Красного Креста (председатель Ю.Д. Иващенко). Детские дома и

школы-интернаты, ПТУ получали международную гуманитарную помощь по программе «Продовольствие ради прогресса» по линии Красного Креста – медикаменты [25. Л. 37; 43. С. 139]. К сожалению, наше образование в 90-е гг. ХХ в. было настолько нищим, что принимали любую помощь, несмотря на некорректное название программ.

Таким образом, международное сотрудничество в регионе осуществлялось по ряду направлений: система внедрения в управление принципа государственно-общественного управления, участие в международных конкурсах преподавателей и учащихся, обмен школьников, семинары и конференции по вопросам воспитания и образования, двусторонние соглашения с Японией, Польшей, Южной Кореей, получение благотворительной помощи, внедрение в систему образования мировых передовых педагогических технологий. Подобное взаимодействие происходило при активном участии различных международных общественных организаций (ЕCHO, АКСЕЛС, АЙРЕКС, Красный Крест и др.) и благотворительных фондов («Ворд-Вайт», «План», «Детская надежда» и др.).

В результате анализа практики международного сотрудничества в образовании Иркутской области

(1992–2005 гг.) можно сказать, что открытое постсоветское пространство дало возможность российскому обществу познакомиться и изучить международную образовательную систему экономически развитых стран. ГлавУНО, педагоги-новаторы оказались открытыми для диалога, что позволило им, используя опыт и помочь различных международных структур, внести позитивные изменения в сферу образования региона. У школьников появилась возможность изучать страноведение вживую. Местоположение региона дало возможность расширить географию международных связей и сотрудничать со странами, имеющими диаметрально противоположную образовательную среду. Подобную практику региона следует в дальнейшем активно развивать и поддерживать двусторонние соглашения в области образования региона и отдельных образовательных организаций с целью более полного изучения образовательных систем конкретных стран для выявления положительного опыта. Необходимо в дальнейшем поддерживать сложившиеся формы подобного сотрудничества и развивать новые, так как для образования региона это имеет положительные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный фонд подготовки кадров. URL: <http://intpr.ntf.ru/p55aa1.html> (дата обращения: 24.03.2015).
2. Образование: региональные проблемы качества управления / М.А. Головчин. Вологда, 2012.
3. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе / под ред. К. Пурсиайнена, С.А. Медведева. М., 2005.
4. Кананыкина Е.С. Двустороннее международное сотрудничество Российской Федерации в сфере образования: правовые аспекты // Международное публичное и частное право. 2007 № 4.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1608.
6. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1801.
7. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1856.
8. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1944.
9. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1785.
10. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1729.
11. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1837.
12. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1897.
13. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1943.
14. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1890.
15. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1838.
16. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1843.
17. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1884.
18. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1782.
19. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1946.
20. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1947.
21. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1835.
22. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 2003.
23. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1611.
24. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1945.
25. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1834.
26. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1886.
27. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1885.
28. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1731.
29. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1790.
30. Вальдорфский семинар. URL: <http://www.waldorf-seminar.ru/about/history.php> (дата обращения: 03.02.2013).
31. Иркутская вальдорфская школа. URL: http://www.iws.baikal.ru/spec_sector/edu/ (дата обращения: 07.02.2013).
32. Рожанский М.Я. Отчет о реализации проекта «Инновационные школы и городское сообщество Сибири (период социокультурных трансформаций)». URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200007111> <http://cnsio.irkutsk.ru/about/index.htm> (дата обращения: 29.01.2013).
33. Гимназия № 1 (Усолье-Сибирское). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.02.2013).
34. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 1. Д. 1645.
35. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1644.
36. Федеральная целевая программа развития образования до 2002 г. URL: Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/10164072> (дата обращения: 06.11.2012).
37. Государственно-общественное управление образованием: от прецедентов к институту. Исследования и разработки / С.Г. Косарецкий и др. М., 2010.

38. Российская модель общественно-активной школы / сост. И.В. Валюшицкая, Н.А. Максименко, Е.В. Насонова. Красноярск, 2006.
39. Зуяр Ю.А. Байкальское экологическое движение // «Банзаровские чтения – 2» : тез. и докл. Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 175-летию с дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1997.
40. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1728.
41. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1734.
42. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 2002.
43. ГАИО. Ф. Р-1929. Оп. 3. Д. 1726.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 мая 2015 г.

INTERNATIONAL COOPERATION AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE IRKUTSK REGIONAL EDUCATIONAL SYSTEM IN THE POST-SOVIET PERIOD (1992–2005)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 56–62. DOI: 10.17223/15617793/399/10

Bulgakova Marina G. Institute of Education Development of Irkutsk Region, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: marina.bulgakova.1969@mail.ru

Keywords: education; region; international cooperation.

In the post-Soviet period, the Russian Federation participated in internationalizing, adopted the international experience of the management system, introduction of social institutions into the management, innovative pedagogical technologies, thus cooperating with the developed countries in different fields of education. Russia gained great experience in this sphere; many researchers presented different practices of international cooperation in school education, with that, in Irkutsk Oblast the topic is not adequately investigated. The urgency of studying the problem is determined by the need for research, systemization and analysis of the gained experience of international cooperation in different school educational activities for further introduction of different forms of the interaction in the region. The main subject of realizing the policy of international educational cooperation in the region was the Chief Education Authority of Irkutsk Oblast. International cooperation in the region was performed in different directions: the system of state-and-public management introduction, participation in international competitions of teachers and students, exchange of pupils, seminars and conferences on upbringing and education, bilateral arrangements with Japan, Poland, South Korea, obtaining charity support, introduction of the world advanced pedagogical technologies into the educational system. The interaction was supported by different international public associations (ECHO, ACCELS, IREX, the Red Cross, and others) and charity funds (“World Wide”, “Plan”, “ChildHope”, and others). The analysis of international cooperation practice in the education of Irkutsk Oblast (1992–2005) allows to state that the open post-Soviet space gave the Russian society an opportunity to become familiar and study the international educational system of economically developed countries. The Chief Education Authority and innovative teachers turned out open to dialogue, thus getting a chance to make positive changes in the regional educational sphere due to the experience and support of different international structures. Pupils got a possibility to study regional geography for real. The region location extends geography of international relations and involves countries having diametrically opposite educational environments. The education of the region should hereafter actively develop and support the practice of bilateral arrangements in the educational sphere of the region and different educational organizations to study the educational systems of specific countries more thoroughly and to gain their positive experience. It is necessary to support the existing forms of the cooperation and to develop new ones as they have a positive effect on the education of the region.

REFERENCES

1. National Staff Training Foundation. [Online]. Available from: <http://intpr.ntf.ru/p55aa1.html>. (Accessed: 24th March 2015). (In Russian).
2. Golovchin, M.A., Leonidova, G.V. & Shabunova, A.A. (2012) *Obrazovanie: regional'nye problemy kachestva upravleniya* [Education: Regional problems of quality control]. Vologda: ISEDT RAS.
3. Pursiainen, K. & Medvedev, S.A. (eds) (2005) *Bolonskiy protsess i ego znachenie dlya Rossii. Integratsiya vysshego obrazovaniya v Evrope* [The Bologna process and its importance for Russia. Integration of Higher Education in Europe]. Moscow: RETsEP.
4. Kananykina, E.S. (2007) Dvustoronnee mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rossiyskoy Federatsii v sfere obrazovaniya: pravovye aspekty [Bilateral international cooperation of the Russian Federation in the field of education: legal aspects]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo – Public International and Private International Law*. 4.
5. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 1. File 1608. (In Russian).
6. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1801. (In Russian).
7. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1856. (In Russian).
8. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1944. (In Russian).
9. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 1. File 1785. (In Russian).
10. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1729. (In Russian).
11. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1837. (In Russian).
12. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1897. (In Russian).
13. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1943. (In Russian).
14. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1890. (In Russian).
15. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 1. File 1838. (In Russian).
16. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 1. File 1843. (In Russian).
17. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1884. (In Russian).
18. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1782. (In Russian).
19. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 2003. (In Russian).
20. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1946. (In Russian).
21. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 1. File 1947. (In Russian).
22. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1835. (In Russian).
23. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1611. (In Russian).
24. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1945. (In Russian).
25. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1834. (In Russian).
26. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1886. (In Russian).

27. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1885. (In Russian).
28. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1731. (In Russian).
29. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1790. (In Russian).
30. Waldorf Seminar. [Online]. Available from: <http://www.waldorf-seminar.ru/about/history.php>. (Accessed: 03rd February 2013). (In Russian).
31. Irkutsk Waldorf School. [Online]. Available from: http://www.iws.baikal.ru/spec_sector/edu/. (Accessed: 07th February 2013). (In Russian).
32. Rozhanskiy, M.Ya. (2007) *Otchet o realizatsii proekta "Innovatsionnye shkoly i gorodskoe soobshchestvo Sibiri (period sotsiokul'turnykh transformatsiy)"* [Report on the implementation of the project "Innovation School and the urban community of Siberia (the period of social and cultural transformation)"] . [Online]. Available from: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200007111>. (Accessed: 29th January 2013).
33. Grammar School no. 1 (Usolye-Sibirskoye). [Online]. Available from: <http://www.gimna1.ru/>. (Accessed: 02nd February 2013). (In Russian).
34. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 1. File 1645. (In Russian).
35. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1644. (In Russian).
36. Russian Federation. (2000) The Federal Target Program of education development until 2002. Federal Law of 10.04.2000 no. 51-FZ. [Online]. Available from: <http://base.garant.ru/10164072/>. (Accessed: 06th November 2012). (In Russian).
37. Kosaretskiy, S.G. et al. (2010) *Gosudarstvenno-obshchestvennoe upravlenie obrazovaniem: ot pretdesentov k institutu. Issledovaniya i razrabotki* [State and public education management: from a precedent to the institution. Research and development]. Moscow: Verdana.
38. Valyushitskaya, I.V., Maksimenko, N.A. & Nasonova, E.V. (2006) *Rossiyskaya model' obshchestvenno-aktivnoy shkoly* [The Russian model of a publicly active school]. Krasnoyarsk: KRMOO Tsentr "Sotrudnichestvo".
39. Zulyar, Yu.A. (1997) [Baikal Environmental Movement]. *Banzarovskie chteniya – 2* [Banzarov Readings – 2]. Proc. of the International Scientific-Theoretical Conference dedicated to the 175th anniversary of the birth of Dorji Banzarov. Ulan-Ude. (In Russian).
40. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1728. (In Russian).
41. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1734. (In Russian).
42. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 2002. (In Russian).
43. The State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1929. List 3. File 1726. (In Russian).

Received: 13 May 2015

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНТОВ УФЫ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИР И ТАТАР)

Проанализированы общие тенденции отношения татарских и башкирских студентов Уфы к исламу. В основу статьи легли данные анкетирования, публикации религиоведческого плана. Автор считает, что студенты демонстрируют высокий уровень первичной религиозности, основой для которой служит особая роль ислама в сохранении национальной самобытности изучаемых народов. Кроме того, предполагается, что религиозность башкирских студентов несколько выше, чем у татарских.

Ключевые слова: религиозность; студенты; башкиры; татары; ислам.

Исследование религиозности студентов является одним из ключевых направлений современной социологии общества и культуры. Во многом данное обстоятельство объясняется активной личностной, духовной и социальной позицией студентов, определяющей их специфическое отношение к религии. Многочисленные публикации, посвящённые данной проблеме, констатируют, что «религия не занимает центральных позиций в системе самоидентификации студенческой молодёжи» [1. С. 79]. Отмечается также, что студентов, считающих себя верующими, оказывается меньше, чем тех, кто относит себя к той или иной конфессии [2. С. 65]. Действительно, религиозность студенческой молодёжи России, да и всего населения в целом находится в стадии становления, развития и изменения.

Надо сказать, что среди авторов статей, изучающих вопрос религиозности студентов, как правило, нет единства в выборе методологии проводимых исследований, что имеет под собой ряд объективных причин. Во-первых, студенты принадлежат разным конфессиональным и этническим группам, отчего попытка разработать некий универсальный «опросник», подходящий для оценки уровня религиозности мусульманина и православного, может привести к дискредитации специфики данных религий, сведению исследования к достаточно стандартным вопросам о вере в Бога и в человеческую душу и к частичной утрате критерии религиозности представителей соответствующей религиозной общности. Например, может быть не учтено, что молитва в исламе – это не только намаз, но также *дуа* и *тияк* – мольбы, просьбы, которые произносятся не на арабском языке.

Во-вторых, в среде социологов религии существуют некоторые разнотечения в толковании понятия религиозности. Например, часть социологов понимает под религиозностью уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре [3. С. 106], что, на наш взгляд, можно считать оправданным, так как, с одной стороны, степень интеграции личности в ту или иную религию может быть разной, с другой стороны, религия не существует автономно от общества, и человек может соотносить себя с религиозным поведением, при этом не являясь практикующим православным и мусульманином. Большую популярность среди исследователей при определении «православности» респондентов приобрело выделение стадий воцерковления [4. С. 84]. Как справедливо отмечает в

этой связи Ю.Ю. Синелина, «люди, декларирующие “православие”, действительно являются православными, но находятся на разных стадиях воцерковления» [5. С. 78]. В известной степени этот подход применим и к народам, традиционно исповедующим ислам: очевидно, что «исламизация» верующего не завершается произнесением «шахады» (утверждение о единобожии) и сильно разнится у этнических, номинальных, «начинающих» и реальных мусульман. Не менее распространена «классическая» концепция определения религиозности, согласно которой важно учитывать не столько конфессиональную самоидентификацию, сколько соответствие религиозного сознания и религиозного поведения [2. С. 59].

В данной работе под религиозностью мы понимаем систему взглядов, убеждений и мнений, лежащих в основе мировоззрения, основанных на вере в существование Бога или богов, т.е. той или иной разновидности сверхъестественного, а также соответствующего поведения и специфических действий (культта). Вслед за К.С. Фроловой и А.С. Орловой в качестве критериев религиозности принимаем: 1) самоидентификацию респондентов (верующий – колеблющийся – неверующий); 2) религиозное поведение (посещение храмов, чтение религиозной литературы, исполнение основных обрядов и др.); 3) определенный круг мировоззренческих представлений, характерных для данного вероисповедания или группы вероисповеданий (вера в Бога, вера в душу и др.) [6. С. 107].

Итак, наше исследование направлено на анализ религиозности студентов г. Уфы (на примере татар и башкир) по данным анкетирования. Выбор территориальных рамок не случаен: в Уфе – столице многонациональной Башкирии – наблюдается приблизительно равенство по численности народов, традиционно исповедующих ислам и православие. Удельный вес русских, украинцев, татар и башкир составляет соответственно 48,9; 1,2; 28,3 и 17,1%¹. С другой стороны, единство татар и башкир в рамках общей исламской конфессии базируется не на самом прочном «фундаменте» в виде этнокультурных, лингвистических, этнополитических и исторических различий этих двух тюркских этносов. Думается, что при схожести генеральных процессов, происходящих в русле исламского ренессанса, татары и башкиры, тем не менее, несколько отличаются в отношении к традиционной религии, что также является предметом наших научных изысканий.

Эмпирической базой исследования послужило проведённое в октябре 2013 г. в г. Уфе анкетирование 190 студентов (91 башкир, 86 татар, 13 не определившихся со своей этнической идентичностью). Отбор респондентов проводился методом «снежного кома». Большинство опрошенных – 63 башкира (69,2%) и 42 татарина (48,8%) – называют себя верующими. Это в целом ожидаемые показатели, если сравнивать с исследованиями в смешанных по конфессиональному признаку студенческих группах, где доля верующих составляет до 47,6% [2. С. 60]. Однако по сравнению с религиозной идентификацией карачаевцев – тюрко-исламского народа Северо-Западного Кавказа, среди которых верующими себя назвали 91,6% [7], эти цифры покажутся ощутимо более скромными, что лишний раз подтверждает мысль о неравномерности религиозного ренессанса на территории страны. Можно также предположить, что религиозность татар и башкир, в большей степени, чем у карачаевцев, нивелирована религиозностью соседних православных этносов, тесные культурные и бытовые контакты с которыми в пределах мозаичного и высокоурбанизированного Урало-Поволжья не идут ни в какое сравнение с аналогичными процессами на Северном Кавказе.

Среди башкир колеблющихся насчитывается 16 человек (17,6%), неверующих – 8 респондентов (8,8%), 2 человека не дали ответа (2,2%), 1 студент ответил, что когда нужно успокоиться, просит у Аллаха помощи, 1 человек назвал себя верующим, но не фанатично. Среди татар колеблющихся насчитывается 30 человек (34,9%), неверующих – 10 (11,6%), 1 респондент назвал себя агностиком и колеблющимся, 1 студент сказал, что верит в себя, 2 человека не дали ответа. Анализ этих данных показывает, что студенты, которые относят себя к категории верующих, тем не менее, не отрицают религиозного и шире – духовного поиска, для молодых людей в основной своей массе важно определиться со своим отношением к трансцендентному. Состояние мировоззренческой неопределенности [1. С. 79] студентов Уфы – это, на наш взгляд, также результат влияния мультикультурной и в то же время транснациональной среды города-миллионера, где вера уже не только наследуется по традиции, от родителей к детям, но и проходит испытание интеллектом, опытом, общением и самой жизнью студенческой молодёжи.

Конфессиональная идентичность татарских и башкирских студентов ещё более значительна: к мусульманам относят себя 84 башкира (92,3%) и 67 татар (77,9%). Подобная разница между конфессиональной и религиозной идентичностью объясняется особой ролью ислама в сохранении национальной самобытности изучаемых народов. Мусульманство порой настолько тесно переплелось с этническим самосознанием, что переход татарина и башкира в иную религию мыслится как предательство ценностей всего народа в целом. Вероятно, по этой же причине на вопрос о роли, которую играет религия в жизни современного российского общества, 66,7% мусульман

ответили, что она «сохраняет национальные традиции и культуру» (у православных только 9,9%) [2. С. 64].

Верят в Аллаха 79 опрошенных башкир (86,8%) и 61 татарин (70,9%). Среди башкир 8 опрошенных не верят в Аллаха (8,8%), 1 человек сказал, что верит в Бога, он един, 1 респондент ответил, что верит в существование какой-то высшей силы, но не определил для себя, Бог это или Аллах, 1 студент сказал, что «верит 50/50». Интересно, что число утвердительных ответов о вере в Аллаха, ад и рай и у татар, и у башкир оказалось больше, чем количество верующих, но меньше, чем мусульман. По всей видимости, вера в Аллаха выступает у опрошенных как эмоциональное состояние и проявляется ситуационно, например, во время трагических событий жизни, в то время как категория «верующий» мыслится респондентами в качестве более осознанного выбора в пользу соблюдения практик и догматов ислама. Многочисленность же мусульман по сравнению с верующими в Аллаха объясняется вышеизложенной ролью ислама как этномаркирующего фактора.

46 опрошенных башкирских студентов (50,5%) и 54 опрошенных татарских студента (62,8%) отмечают главные праздники ислама – Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, так это принято в народе, 27 башкир (26,7%) и 9 татар (10,5%) считают эти праздники *священными*, 14 студентов башкирской национальности (15,4%) и 20 татарской (23,3%) их не празднуют, относятся к ним безразлично. В данных ответах, помимо того, что вновь отразилась прочная связь ислама с этнической идентичностью, заметна и некоторая дифференциация студентов по отношению к главным мусульманским праздникам. В частности, проявилась тенденция к восприятию Курбан-Байрама и Ураза-Байрама как священных или сугубо религиозных событий. Такая переоценка не только сигнал, хотя и косвенный, об усилении позиций религии в обществе, но и факт разных отношений студенческой молодёжи к исламским практикам и обрядам. Несмотря на то что большинство студентов по-прежнему воспринимают ислам как одну из форм национальной традиции, часть готова оценивать его как самостоятельную духовную сферу, для приобщения к которой следует прикладывать дополнительные усилия, а не довольствоваться лишь внешними атрибутами. Например, иногда соблюдает пост во время месяца Рамазан, предшествующий празднику Ураза-Байрам, сравнительно небольшая часть респондентов: 20 башкир (22%) и 10 татар (11,6%). Посещает мечеть на мусульманские праздники и по пятницам также малая часть опрошенных – от 3,5 до 29,7% (таблица). Однако гораздо более многочисленна группа студентов, которые, при внешней приверженности исламской конфессии и отчасти религиозности, почти не практикуют мусульманские обряды. Например, совсем не молятся 52,7% башкир и 57% татар, не читают Коран и исламскую литературу 64,8% башкир и 83,7% татар.

Религиозные убеждения, представления и обряды башкирских и татарских студентов Уфы, % от опрошенных

Религиозные убеждения, представления и обряды	Башкиры, чел.	Башкиры, %	Татары, чел.	Татары, %	Разница между ответами, %
Верующие	63	69,2	42	48,8	20,4
Колеблющиеся	16	17,6	30	34,9	17,3
Неверующие	8	8,8	10	11,6	2,8
Верят в Аллаха	79	86,8	61	70,9	15,9
Отмечают Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, считая эти праздники священными	27	26,7	9	10,5	16,2
Празднуют Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, так как это принято в семье и народе	46	50,5	54	62,8	12,3
Не празднуют Курбан-Байрам и Ураза-Байрам	14	15,4	20	23,3	7,9
Иногда соблюдают пост во время месяца Рамазан	20	22	10	11,6	10,4
Верят в ад и рай	75	82,4	60	69,8	12,6
Посещают мечеть на Ураза-Байрам, Курбан-Байрам	27	29,7	13	15,1	14,6
Посещают мечеть по пятницам	8	8,8	3	3,5	5,3
Молятся каждый день, но не совершают намаз	29	31,9	24	27,9	4
Не молятся	48	52,7	49	57	4,3
Читают исламскую литературу и Коран	32	35,2	13	15,1	20,1
Относят себя к мусульманам	84	92,3	67	77,9	14,4

Проводя сравнительный анализ ответов башкир и татар, отметим, что по всем критериям (самоидентификация, религиозное поведение, представления) религиозность первых оказалась несколько выше. Конечно, немногочисленность выборки не даёт нам возможности делать однозначные выводы, но попытка наметить некоторые тенденции в специфике исламского ренессанса у изучаемых этносов, исходя из полученных результатов, нам кажется уместной. Отметим, что наибольшие различия в ответах татар и башкир отмечены при религиозной самоидентификации. Думается, что данный факт имеет как минимум два объяснения. Одно из них историческое: башкиры в меньшей степени испытали на себе влияние деятельности православной миссии царской и имперской России, в связи с чем башкирский этнос практически не знает конфессиональной дезинтеграции, которая известна среди татар, в том числе в форме особой этноконфессиональной группы кряшен. Другое – этнополитическое. Формирование башкирской государственности, особенно в постсоветский период, требовало, помимо прочего, создания автономного духовного управления мусульман, где башкиры играли бы более весомую роль, чем это наблюдалось в Духовном управлении мусульман европейской части России. Политически это проявилось в создании Духовного управления мусульман Республики Башкирия, где ведущие позиции заняли башкиры, а этнокультурно вылилось в повышенный интерес башкирской молодёжи к исламу. Это объясняет, в частности, то,

что башкирские студенты гораздо больше, чем татары, читают Коран и исламскую литературу, т.е. проявляют положительную установку к познанию исламских догматов. В сфере обрядовой практики (совершение молитвы, посещение мечети) разница между ответами татар и башкир не настолько значительна и находится фактически в пределах статистической погрешности.

Подводя итог проведённым социологическим исследованиям, сформулируем несколько выводов:

1. Студенты татарской и башкирской национальностей демонстрируют высокий уровень первичной, во многом внешней, религиозности, основой для которой служит особая роль ислама в сохранении национальной самобытности изучаемых народов.

2. Среди опрошенных студентов выделяется несколько групп по отношению к исламской религиозной практике: большинство респондентов придерживаются мусульманских обрядов, отдавая тем самым дань традиции, но не стремясь при этом к более глубокому познанию ислама; значительно меньшая часть студентов проявляет более устойчивый интерес к исламу, пытаясь соблюдать часть обрядов по причине их религиозной, а не этнической значимости; наконец, есть студенты, которые не причисляют себя к верующим и не относят к мусульманам.

3. Религиозность башкирских студентов несколько выше, чем татарских, что объясняется в том числе разной ролью этих народов в строительстве башкирской государственности уже в Новейшее время.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Башкортостан. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources (дата обращения: 1.04.2015).

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронова Н.П. Религия в системе самоидентификации студенческой молодежи Республики Коми (по материалам социологических исследований 2007 г.) // Известия Российской государственной педагогической университета имени А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 75–79.

2. Грашевская О.В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 5 (73). С. 57–68.
3. Павлов Б.С. К вопросу о религиозности уральских студентов // Известия ВолГГТУ. 2014. Т 19, № 24 (151). С. 104–109.
4. Вовченко В.А. К вопросу определения уровня, степени и характера религиозности православного населения России (на основе опроса студентов вузов г. Орла) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2008. № 3. С. 84–87.
5. Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 78–88.
6. Фролова К.С., Орлова А.В. Религиозность в студенческой среде (на примере КемГУ) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4. С. 106–110.
7. Идатуллов А.К. Религиозность карачаевских студентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 718.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 мая 2015 г.

RELIGIOSITY OF THE UFA CITY'S STUDENT (ON THE EXAMPLE OF BASHKIRS AND TATARS)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 63–66. DOI: 10.17223/15617793/399/11

Idiatullov Azat K. Ulyanovsk State Pedagogical University n.a. I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: AzKoldiat@yandex.ru

Keywords: religiosity; student; Bashkirs; Tatars; Islam.

The author considers that research of students' religiosity is one of the key directions in the modern sociology of society. However, for a number of reasons among scientists there is no common opinion on the methodology. First, students belong to different confessional and ethnic groups. Second, among sociologists there are distinctions in the interpretation of the religiosity concept. In the article, religiosity is understood as a system of opinions, beliefs, actions based on the belief in the existence of God. The purpose of the article is the research of religiosity of Ufa' students (on the example of Tatars and Bashkirs). In Ufa, the number of people who traditionally practice Islam and Orthodoxy is approximately the same. The national representation of Russians, Ukrainians, Tatars and Bashkirs is 48.9, 1.2, 28.3 and 17.1 percent respectively. It is thought that Tatars and Bashkirs differ in the attitude to the traditional religion, which is also the purpose of the author's research. The basis of the article was questionnaire data and publications e topic of religion. The general tendencies of the attitude of the Tatar and Bashkir students of Ufa to Islam are analysed in the article. Most respondents – 63 Bashkirs (69.2 %) and 42 Tatars (48.8 %) – call themselves believers. Students who didn't refer themselves to the category of believers do not deny spiritual search. For young people it is important to decide on their attitude to religion. Confessional identity of students is even more considerable. The difference between confessional and religious identities is explained by the special role of Islam in preservation of national identity of the studied people. Islam is sometimes so closely intertwined with ethnic consciousness that change of religion of Tatars and Bashkirs is considered as treachery of values of all the people in general. 46 Bashkir students (50.5 %) and 54 Tatar students (62.8 %) celebrate the main holidays of Islam, Eid al-Adha and Eid al-Fitr, which is traditional for the people. The group of students that claim to adhere to Islamic faith yet do not practice Muslim ceremonies is very numerous. For example, 52.7 % of Bashkirs and 57 % of Tatars do not pray at all; 64.8 % of Bashkirs and 83.7 % of Tatars do not read the Koran and Islamic literature. The author considers that Bashkirs' religiosity is higher than that of Tatars. In general, the author comes to the following conclusions: 1. Students show a high level of primary religiosity a basis for which is the special role of Islam in preservation of national specifics of the studied people. 2. Some groups with different attitudes to Islamic religious practice are distinguished from the interrogated students. 3. Most respondents adhere to Muslim ceremonies, yet do not aspire to deeper knowledge of Islam. 4. Religiousness of the Bashkir students is slightly higher, than the Tatar ones, which is explained by the different role of these people in construction of the Bashkir statehood in the modern time.

REFERENCES

1. Mironova, N.P. (2009) Religiya v sisteme samoidentifikatsii studencheskoy molodezhi Respubliki Komi (po materialam sotsiologicheskikh issledovanii 2007 g.) [Religion in the identity of students of the Republic of Komi (based on sociological surveys of 2007)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 92. pp. 75–79.
2. Grashevskaya, O.V. (2014) Study of students' attitude to religion. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 5 (73). pp. 57–68. (In Russian).
3. Pavlov, B.S. (2014) K voprosu o religioznosti ural'skikh studentov [On the religiousity of the Ural students]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Izvestia VSTU*. 19:24 (151). pp. 104–109.
4. Vovchenko, V.A. (2008) K voprosu opredeleniya urovnya, stepeni i kharaktera religioznosti pravoslavnogo naseleniya Rossii (na osnove oprosa studentov vuzov g. Orla) [On determining the level, extent and nature of the religiosity of the Orthodox population of Russia (based on a survey of university students of Orel)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 84–87.
5. Sinelina, Yu.Yu. (2009) Stages in the religiousness changes in the population of Russia (1989–2006). *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 4. pp. 78–88. (In Russian).
6. Frolova, K.S. & Orlova, A.V. (2014) Religiosity in the student's environment (the example of kemerovo state university). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4. pp. 106–110. (In Russian).
7. Idiatullov, A.K. (2014) Religiousness of the Karachay's students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 5. (In Russian).

Received: 05 May 2015

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1919 гг.)

На примере Томской губернии рассматривается проблема формирования власти на местах в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Анализируются условия и факторы, влиявшие на становление и развитие органов губернской власти, дается оценка эффективности функционирования каждого из небольшевистских политических режимов относительно проблемы выстраивания центр-региональных отношений. Делается вывод о том, что ни одному из небольшевистских правительств Сибири не удалось создать эффективную систему государственной власти на местах.

Ключевые слова: революция в России; Гражданская война; история Сибири; белые правительства, региональная власть.

Революция и Гражданская война – периоды наиболее острого противостояния социально-политических сил и отстаиваемых ими альтернативных путей развития общества. Закрепиться и получить право на дальнейшее существование способен только один вариант, наиболее полно отвечающий сложившейся политической и общественной ситуации. Период революции и Гражданской войны в России не является исключением. Пиком противостояния стало противоборство двух кардинально противоположных путей развития страны: радикально-большевистского и консервативно-демократического, лежащего в основе антибольшевистских правительств.

Отдельные проблемы формирования власти на губернском уровне уже нашли отражение в исторической литературе, однако специального исследования, посвященного данному вопросу, пока нет [1–6]. В данной работе автор ставит перед собой цель реконструировать процесс формирования и эволюции органов губернской и уездной власти в период революции и Гражданской войны на примере Томской губернии, что позволит выявить причины неудач и просчетов небольшевистских сил в формировании эффективной системы управления.

После получения 28 февраля 1917 г. известий о свершившейся в Петрограде революции в Томске, как и в других сибирских городах, начался активный процесс смены власти. Стоит отметить, что проходил он спонтанно. Формирование новых властных структур на местах – общественных комитетов – началось еще до официального постановления нового правительства об организации власти (4 марта 1917 г.) и без его активного участия. Данную ситуацию можно объяснить тем, что в городе за годы войны на основе военно-промышленного комитета и других общественных организаций сформировалась и активно проявила себя группа общественных деятелей, работа которых была направлена на решение неотложных проблем. Именно они, уже знакомые городу местные политики, постарались как можно быстрее заполнить образовавшийся в ходе революции «вакuum власти» и сосредоточить управление в руках вновь образованных ими органов.

2 марта 1917 г. в городе был сформирован Временный комитет общественного порядка и безопасности, в который вошли представители политических партий эсеров, меньшевиков, большевиков и кадетов.

В составе комитета были представители Государственной думы, а также различных ведомств и учреждений: почтово-телефрафного, округа путей сообщения, биржевого общества, Томского технологического института и др. Вскоре после создания, уже 4–5 марта Томский временный комитет объявил себя губернским органом власти. Руководящую роль в нем заняли эсеры и меньшевики, а председателем стал известный в городе юрист Борис Митрофанович Ган. К 7–8 марта комитет окончательно сформировался и насчитывал порядка 130 человек. Согласно постановлению Томского временного комитета от 7 марта 1917 г. он объявлялся представителем государственной власти на местах и отвечал за порядок. «Всякое противодействие Временному правительству и его представителю – временному комитету – является изменой и будет пресекаться самым решительным образом», – отмечалось в документе [7. 9 марта]. Вскоре из состава комитета был избран комиссариат по управлению губернией, состоящий из 3 человек. В новый властный орган вошли известные в городе общественные и политические деятели: непременный член Томского губернского управления А.А. Барок, помощник заведующего переселенческим управлением М.А. Воскобойников и присяжный поверенный П.В. Вологодский. Председателем комиссариата также стал Б.М. Ган. Актом образования комиссариата Временный комитет принял на себя роль правительственного посредника и стал претендовать на всю полноту власти в губернии.

Однако местные процессы шли вразрез с намерениями центральной власти. Временное правительство объявило о широкой демократизации власти и общества, но стремилось держать процесс формирования власти на местах под контролем. Постановлением правительства от 4 марта 1917 г. [8. С. 293] утверждался институт губернских и уездных комиссаров как орган, представляющий центральную власть на местах. Губернские комиссары должны были следить за правильностью исполнения распоряжений правительства и содействовать общественным комитетам. В тех губерниях, где существовали органы земского самоуправления, на должности губернских и уездных комиссаров были назначены соответственно председатели губернских и уездных земских управ. В губерниях, где земство не было учреждено (в том числе и в сибирских), вопрос об административном управлении

оставался открытым. Этот вопрос должен был решаться в ходе консультаций правительства и местных общественных организаций. Так, в Сибири обязанности губернских комиссаров временно были возложены на городских голов. Уездных комиссаров правительство полагало назначать из числа лиц представляемых губернскими комиссарами и рекомендованных или избранных уездными комитетами. Однако многие сибирские губернии столкнулись с трудностями в выборе комиссара, другие не признавали необходимости в этом. Правительство, пытаясь решить эту проблему, направляло в такие губернии своих комиссаров, основной задачей которых была помочь в организации местной власти, в частности избрание губернского комиссара из представителей местной общественности. Правительственным комиссаром по Томской губернии был назначен бывший директор Томского технологического института и известный городу общественный деятель – Ефим Лукьянович Зубашев, который прибыл в Томск 19 марта 1917 г.

Е.Л. Зубашев после знакомства с представителями комитета дал следующую характеристику членам его распорядительного бюро: «При первом же знакомстве с членами бюро я получил ясное представление о значении отдельных его членов. По правую руку от Гана сидели три социал-революционера, а по левую – три большевика. Сам Ган хотел себя видеть независимым беспартийным деятелем, но это ему плохо удавалось» [9. С. 102]. Приступив к работе по организации власти, Е.Л. Зубашев столкнулся с сильным противодействием членов общественного комитета. Новая местная власть относилась к комиссару с недоверием, видела в этом назначении стремление правительства ограничить власть на местах, вернуться к режиму «царской бюрократии». Этот конфликт позволяет предположить, что в данный период в городе действительно сложилась определенная местная элита, которая стремились закрепить власть за собой, и не допустить представителей центра к рычагам управления на местах. Обращаясь к демократической риторике, представители комитета находили законное объяснение своей власти.

Еще более ситуацию осложнило начавшее работу губернское Народное собрание. Народные собрания, создававшиеся на всех уровнях, представляли собой совершенно новую систему управления губернией, процесс создания которой шел вне центрального законодательства. Вновь создававшаяся система была призвана в дальнейшем заменить временные комитеты. Томское Народное собрание, эсеровское по своему составу (61,3%), видело идеал будущего устройства власти в губернии в демократическом коллективном управлении. Так, на одном из первых заседаний члены Собрания высказали идею о неприятии института комиссаров. Собрание допускало возможность его существования временно, до создания демократических органов местного самоуправления, таких как земства и думы, а также в исключительных случаях, если «правительство не знает, кому доверять на местах» [10. 18 мая]. Все полномочия губернских комиссаров Народное собрание считало возможным

выполнять городским головам и председателям земских управ. Надзор же за законностью постановлений предполагалось поручить судам разных уровней. В таких заявлениях представителей народной власти прослеживается явное влияние эсеровской идеологии.

Представители партии эсеров были наиболее активной и многочисленной политической силой губернии, они первыми начали организационное оформление власти и всячески стремились подчеркнуть ее народный характер, выступая против намерений правительства поставить губернскую администрацию под контроль. Таким образом, можно говорить о том, что в данный период в губернском центре была предпринята попытка институционализация власти «снизу» в обход намерений правительства. На местном уровне борьба шла не за вновь учрежденный пост губернского комиссара, а за формирование собственных демократических органов власти.

Е.Л. Зубашев пытался убедить местную общественность в необходимости выборов правительственного комиссара: «Временным правительством предоставлено Народным собраниям право самим организовывать и устраивать свою власть, но, несмотря на это, губерния не должна представлять отдельной республики. правительство считает, что для объединения действий местных органов и для надзора за законностью их действий необходимо на местах избрать лицо, являющееся представителем центральной власти» [Там же. 19 мая]. Однако его заявления не встретили никакой поддержки, и комиссар вынужден был покинуть город, так и не выполнив возложенных на него задач.

Еще одна попытка правительства назначить комиссара «сверху» также не увенчалась успехом. На должность был выбран управляющий бывшей казенной палатой Маршанг. Однако предполагаемый комиссар так и не вступил в должность, столкнувшись с серьезным противодействием Исполнительного комитета Народного собрания, который видел в таком назначении возвращение к старому строю: «Исходя из точки зрения революционного момента, мы, несомненно, должны допустить, что Временное правительство не только имеет право, но и имеет обязанность назначить комиссаров, т.е. сотрудников, на началах демократического управления на местах. И вот с этой точки зрения мы приветствуем их назначение. Но мы, несомненно, должны протестовать, когда Временное правительство хочет нас взять в ежовые рукавицы путем назначения представителя старого правительства» [11. Л. 46].

В конечном итоге правительство вынуждено было пойти на уступки и назначить комиссаром главу местного Комитета общественного порядка и безопасности Б.М. Гана, в противном случае центральная власть могла лишиться всякого контроля за положением дел на местах. Можно говорить о том, что такое решение правительства было вынужденным компромиссом. Все попытки центральной власти вмешаться в местные дела намеренно остро воспринимались как ущемление демократических основ устройства власти. Представители городской общественности, высказы-

вая недовольство по поводу назначения комиссаров из центра, апеллировали к таким конструкциям, как «представители старого строя», «царская бюрократия», «губернаторы и сверх-исправники под названиями губернских и уездных комиссаров». В ситуации углубляющегося кризиса, а также в связи с отсутствием рычагов контроля и давления Временное правительство вынуждено было принять условия с мест.

Стоит отметить, что в дальнейшем практика назначения губернских комиссаров из местных общественных деятелей стала преобладающей. Правительство объясняло это тем, что представители местной политической элиты были хорошо знакомы с условиями и имели авторитет в обществе. Такие идеи представляются разумными и впоследствии будут взяты за основу конструкции власти антибольшевистскими силами Сибири на начальном этапе Гражданской войны. Однако главная проблема Временного правительства заключалась в том, что ему не удалось установить контроль над местной администрацией, сделать комиссаров проводниками своей политики. Местные общественные деятели были хорошо знакомы со спецификой региона, однако нередко действовали в обход интересов центра. Институт комиссаров встраивался в местные условия и терял свое первоначальное значение. Так, например, видный член правительства А.В. Колчака Григорий Густавич Тельберг отмечал по этому поводу: «Б.М. Ган хотя и числился комиссаром Временного правительства, но по существу был только представителем губернского исполнительного комитета, проводившего свою собственную политику...» [12. 7 авг.]. Стоит отметить, что мероприятия общественных комитетов зачастую оказывались малопродуктивными. Их работу осложняли отсутствие правовой базы и неопределенность функций, а также постоянное увеличение численности комитета. В итоге аморфная власть революционного периода, зачастую подменявшая управление «демократическими» процедурами, теряла популярность в обществе, что сказывалось и на авторитете центрального правительства. В поддержку данных выводов можно также привести слова Г.Г. Тельберга. Так, рассуждая о конструкции власти периода Временного правительства, он отмечал следующее: «Немудрено, что центральная власть, опиравшаяся на такую уродливую организацию местного управления, уподобилась в своих действиях не столько суверенному органу государства, сколько безрукому калеке с его судорожными потугами установить порядок в хаосе портревоженного дома...» [Там же].

Февральская революция ознаменовала начало демократизации органов власти на всех уровнях, однако в виду ее стихийности Временному правительству не удалось взять этот процесс под свой контроль. Вскоре такая ситуация вылилась в конфликт интересов центра и новой губернской власти. Можно говорить о том, что Временное правительство было не готово взаимодействовать с Томским временным комитетом общественного порядка и безопасности в том виде, в каком он оформился после революции. Правительство делало ставку на институт комиссаров, который дол-

жен был стать проводником новых политических реалий из центра. Однако местная политическая элита Томской губернии не видела необходимости в этом и была готова к созданию собственных демократических институтов. Такая ситуация привела к конфликту интересов центра и губернии по поводу должности комиссара.

Правительство также стремилось усовершенствовать управление через децентрализацию и приобщение к власти широкого круга людей. Большое внимание было направлено на организацию выборов в органы местного самоуправления. Однако именно это направление политики Временного правительства признается исследователями ошибочным. Принятый закон о всеобщем избирательном праве для формирования земств всех уровней допустил избрание в органы местного самоуправления представителей левых партий, в том числе большевиков. В волостные же земства избирались в основном крестьяне. Председателями и секретарями земских волостных управ зачастую становились бывшие волостные старшины и писари. Таким образом, с одной стороны, «новые учреждения оказались, как две капли воды, похожи на старые, и не внесли никаких новых методов в старую работу», а с другой стороны, неприятие земства в сибирской деревне после выборов практически сразу же сменилось открытой борьбой с ним [13. С. 105].

Созданное и вынужденное функционировать в сложных политических условиях земство проявило себя как некомпетентное, неспособное решить насущные бытовые проблемы населения. Таким образом, наблюдался некий институциональный парадокс – земские и городские самоуправления соответствовали идеологии революционной демократической власти, а также казались естественной опорой в условиях слома царского местного аппарата управления, но неправлялись со своими обязанностями и зачастую действовали в своих собственных интересах. Так, полная передача власти земским и городским самоуправлениям грозила обернуться потерей контроля со стороны правительства над положением дел на местах. Данный факт также свидетельствовал о том, что правительство было не готово обеспечить полную «свободу» власти на местах.

6 декабря 1917 г. власть в губернском центре перешла к большевикам, однако уже 31 мая 1918 г. в ходе антибольшевистского вооруженного восстания Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства автономной Сибири (ЗСК) объявил себя региональной властью. Основной своей политической задачей Комиссариат считал восстановление органов местного самоуправления, себя же расценивал как временный орган. На местах образовывались коллегиальные комиссариаты, все их функции были по-прежнему нацелены на скорую передачу власти земским и городским самоуправлениям. Такая тенденция объясняется эсеровским составом вновь образованного органа власти. Эсеры сыграли важную роль в антибольшевистском перевороте и получили возможность контролировать вновь образованные властные структуры, возглавив ЗСК, а также местные органы власти.

Заметно активизировались и представители кадетской партии. Однако эсеры и кадеты практически не имели точек соприкосновения относительно вопроса о конструкции власти, что вскоре привело к серьезным разногласиям.

Согласно исследованиям Н.С. Ларькова [14. С. 25] большинство членов ЗСК имели богатый опыт царских тюрем, ссылки, а двое из них – Б.Д. Марков и П.Я. Михайлов – участвовали в террористической деятельности. Б.Д. Марков называл себя «не иначе как “левым аппаратом”, а универсальным руководящим документом на все случаи жизни считал эсеровскую партийную программу» [15. С. 104]. Что касается других представителей власти, П.Я. Михайлова и М.Я. Линдберга, то председатель Временного правительства автономной Сибири П.Я. Дербер отзывался о них следующим образом: «Это какие-то большевики, совершенно не представляющие себе ни смысла, ни размера работы» [Там же]. Так, можно говорить о том, что большая часть членов комиссариата были яркими представителями партии социалистов-революционеров, готовых отстаивать свои идеи любыми способами. Около недели большинство членов ЗСК находилось в Томске, затем, 5 июня, комиссариат переехал в Новониколаевск, а уже в середине июня в освобожденный от большевиков Омск. С отъездом ЗСК в Томске создавался новый коалиционный комиссариат. Во вновь созданный орган вошли присяжный поверенный председатель губернской земской управы Н.В. Ульянов, председатель городского врачебно-санитарного совета А.А. Грацианов и помощник присяжного поверенного штабс-капитан Ф.И. Башмашников [12. 8 июня].

Комиссариат задумывался как основное связующее звено между местной и центральной властью. Организация новых местных институтов осложнялась тем, что она проходила в обстановке крайней неразберихи. После переворота не были наложены контакты между отдельными пунктами, где действовало антибольшевистское подполье, что затрудняло становление единого руководящего центра. Также на местах активность вновь проявляла политическая элита, не дожидаясь указаний из центра, объявляя себя «Уполномоченными Сибирского правительства». Можно говорить о том, что комиссары неправлялись со своими обязанностями. Многие из тех, кто оказался в органах власти, пользовались авторитетом у населения, но порой не имели административного опыта, были далеки от проблем управления [16. С. 134]. Так, постановления из центра не выполнялись должным образом, и восстановление земств затягивалось. Объясняется это и тем, что население сибирских деревень относилось к созданию земств с недоверием, весь опыт самоуправления в Сибири ограничивался сельской общиной. Также для сельского населения была незнакома и непонятна сама система выборов. Все очевиднее становилось несоответствие эсеровских взглядов на конструкцию власти реалиям времени. Демократические принципы могут быть эффективными только при условии наличия согласия в обществе по основным политическим вопросам, а также

высокого уровня правосознания и экономического достатка у населения. Такие характеристики едва ли соответствовали сибирскому обществу периода Гражданской войны.

Также стоит отметить, что намечался конфликт во властных политических кругах. Кадеты настаивали на более консервативных преобразованиях власти. Так, Комиссариат прибегает к коррекции своего политического курса. В связи с трудностями в восстановлении земств признается более долгий путь существования губернских и уездных комиссариатов как временных органов, меняются их функции. 29 июня 1918 г. ЗСК было издано постановление, по которому губернским (областным) комиссариатам предоставлялось право издавать обязательные постановления, т.е. предоставлялись полномочия бывших губернаторов. Изменения коснулись и органов государственного управления, коллективный состав органов постепенно заменяется единоличными руководителями. Также комиссариат выступает против пребывания в органах местного самоуправления представителей левых эсеров и большевиков [17. 23 дек.]. Столкнувшись с несоответствием идей народовластия и условий военного времени, а также не найдя прочной опоры в обществе, комиссариат все заметнее склоняется в своей политике в сторону консервативных сил. Стоит отметить, что на данном этапе, параллельно с развитием гражданской власти в губернии, началось формирование военных структур. Военные приняли активное участие в антибольшевистском перевороте, что позволило им считать себя полноправными участниками процесса становления новой власти. Так, «многие из местных воинских начальников принципиально не хотели делиться властью с эсеровскими эмиссарами» [14. С. 26]. В губернии шло постепенное усиление власти военных, этому способствовал и тот факт, что в течение лета 1918 г. Сибирь оставалась театром военных действий.

С переходом власти к Временному Сибирскому правительству (ВСП) ситуация продолжает меняться, на смену революционной риторике окончательно приходит идея наведения порядка в обществе и укрепления государственности. Правительство все чаще стало заявлять о необходимости твердой власти на местах. Также уставшее от революционного хаоса и нарастающих проблем население выступало за стабилизацию и скорейшее преодоление трудностей. Основные положения новой идеологии организации регионального управления отразились в интервью Г.Г. Тельберга газете «Сибирская жизнь» в августе 1918 г.: «Сибирское временное правительство должно спешно и энергично создавать себе на местах такую целесообразную организацию власти, которая была бы залогом его силы, обеспечением его прочности, проводником его намерений и чинителем его воли...» [12. 7 авг.] Эти идеи укрепления местного начала напрямую влияли на изменение функций местных органов управления. Согласно правительльному постановлению от 15 июля 1918 г. [18. С. 65] на губернских комиссаров возлагалось командование армией и обязанности по охране государственного по-

рядка и общественного спокойствия на местах. Так, комиссары надеялись чрезвычайными полномочиями и должны были стать прочными проводниками власти правительства.

Тенденция укрепления местной власти прослеживается и в изменении ее структуры. Постановлением правительства от 18 июля 1918 г. коллегиальные губернские и уездные комиссариаты были заменены единоличными губернскими и уездными комиссарами [18. С. 86]. Таким образом, восстанавливается институт губернских (областных) и уездных комиссаров и их помощников в том виде, в каком он существовал при Временном правительстве. Было восстановлено действие «Положения о губернских (областных) и уездных комиссарах» от 19 сентября 1917 г. Положение было основано на идее передачи власти на местах земствам, оно предусматривало сохранение за комиссаром лишь функции надзора за законностью деятельности государственных учреждений и органов самоуправления. Однако комиссар определялся как «представитель правительства», это и было взято за основу новой властью. На подчиненной ему местности комиссар наделялся правительственными полномочиями.

Однако со сменой внешнего облика власти прежние проблемы не исчезли. Правительству не удавалось достичь прямого исполнения своих постановлений на местах, разрешить кадровую проблему: «В каждой губернии предписания министра внутренних дел исполняются постольку, поскольку они не идут в разрез с собственными взглядами губернского комиссара», – характеризовал ситуацию Г.Г. Тельберг [12. 7 авг.]. В условиях войны гражданская администрация не смогла взять ситуацию в губернии под свой контроль, и реальная власть постепенно сосредоточивалась в руках военных – особых военных начальников, начальников военных районов, начальников гарнизонов и военных комендантov. В кризисной ситуации, когда общество находится на пике противоречий в социальном, экономическом и политическом плане, привычные гражданские механизмы контроля оказываются недейственными. Власть концентрируется в руках наиболее сильной «инстанции», способной быстро принимать решения. Так, в данный период единственной действенной инстанцией, отвечающей нуждам времени, оказалась армия. Немаловажным фактором усиления роли военных являлось отсутствие формы взаимоотношения между гражданской и военной властью. В такой ситуации усиление роли военных было неизбежным.

Эта ситуация быстро эволюционировала в сторону военной диктатуры и привела к государственному перевороту в ноябре 1918 г. в Омске и провозглашению Верховным правителем России адмирала А.В. Колчака. С переменами в высших властных кругах произошли и некоторые изменения во внешней организации губернской администрации: 28 декабря 1918 г. губернские, областные и уездные комиссары были переименованы в управляющих губерниями (областями) и уездами. Новому правительству было необходимо обозначить ясную грань между властью революционного времени

и сильной централизованной властью. Потому термин «комиссар» как человек, временно наделенный специальными полномочиями, представлялся теперь неприменимым. Губернскому правлению был передан аппарат силового принуждения – милиция. В то же время усиливался контроль над местной властью со стороны правительства, что также объясняется ухудшением социальной обстановки – увеличением числа противоправительственных выступлений, забастовок. Таким образом, отмечалась двойственность в государственной политической риторике. Укрепление государственной власти в губернии сопровождалось повышением роли военных. Можно говорить о том, что после установления режима Колчака произошла дальнейшая милитаризация власти. Военные все больше включались в повседневную жизнь. В Томске этот период был связан с именем капитана Б.М. Михайловского, занимавшего пост управляющего губернией. Михайловский продолжал тесно сотрудничать с военными властями, привлекать их к наведению порядка в губернии, а также сам старался проводить жесткую политику по решению местных проблем. Так, на открытии съезда управляющих губерниями Б.М. Михайловский говорил о том, что «в губернии невежество и невоспитанность народа, полное отсутствие понятия о гражданской дисциплине. Революция разрушила все разумное. Однако мы сумеем твердой рукой навести порядок» [19. С. 103].

Стоит отметить, что местная гражданская власть сопротивлялась усилинию силовых структур. Так, уездные комиссары считали, что обеспечение государственного порядка и безопасности должно осуществляться гражданскими властями, а действия военных возможны только при обращении к ним за помощью гражданской администрации. На совещании уездных комиссаров представители уездов высказывали предложение «иметь некий запас милиционеров, чтобы впредь не прибегать к содействию воинских частей» [20. 5 марта].

Несмотря на заявление правительства о том, что твердая власть должна быть закономерной, «...никогда не следует забывать, что военное положение – это чрезвычайная мера, поэтому и пользоваться ею необходимо с особой осмотрительностью» [Там же. 7 янв.]. На местах зачастую эти лозунги лишь провозглашались, а их исполнение было делом далеко не первой важности. Сама идеология центральной власти создавала атмосферу некой вседозволенности силовых структур, позволяла военным активно влиять на гражданскую жизнь.

Разрастание масштабов Гражданской войны требовало дальнейшей централизации власти, а слабость органов гражданского управления и самоуправления превращала армию в единственный инструмент проявления государственной политики. В то же время чрезмерное вмешательство военных в политику, их фактическое слияние с властью вызывали недовольство населения, что стало одной из причин падения белого режима на востоке России.

Подводя итог становлению и развитию небольшевистской региональной власти, следует отметить, что

Февральская революция ознаменовала собой период глубоких перемен и потрясений в обществе. Прежние властные структуры были быстро разрушены, произошла стихийная децентрализация власти на всех уровнях. На местах были быстро образованы новые управленческие структуры в лице временных комитетов, которые взяли на себя функции государственных органов. Однако такая ситуация не устраивала правительство, оно предприняло попытку утверждения института комиссаров, однако данному институту не удалось стать прочным проводником политики центра. Такая ситуация вскоре привела к потере контакта центральной власти с региональными элитами и населением и, как следствие, потере поддержки правительства в народе.

С началом Гражданской войны в Сибири Западно-Сибирский комиссариат первоначально делал ставку на восстановление органов местного самоуправления с опорой на институт комиссаров, но в условиях углубляющегося вооруженного противостояния эти принципы были малоэффективными. Начинает утверждаться идея о необходимости установления сильной государственной власти для поддержания порядка на местах, воплощением которой опять же стали комиссары, полномочия которых были значительно расширены. Комиссар как представитель центральной власти в губернии должен был иметь кон-

троль над принудительным аппаратом и обладать чрезвычайными полномочиями. Однако на практике институт комиссаров был далек от исполнения тех функций, что ему приписывались. Негативно сказывалось назначение комиссаров из представителей местной общественности. С одной стороны, представители элиты были хорошо знакомы с местными условиями, но с другой стороны, они были зависимы от региональных политических элит, местные интересы зачастую выходили на первый план, что превращало государственное управление в неэффективное.

После ноябрьского переворота и установления режима А.В. Колчака усиление власти на местах продолжалось, однако параллельно шел процесс усиления власти военных. Новой проблемой на данном этапе стало взаимоотношение гражданских и военных властей, в основе которого лежала милитаризация власти. В обстановке Гражданской войны военные принимали активное участие в гражданских делах. В свою очередь, без помощи военных гражданские власти часто были бессильны в поддержании порядка. В итоге усиление власти на местах, в котором антибольшевистские силы видели элемент укрепления режима, скорее превращалось в возрастание произвола местных управляющих и военных. Этот фактор сыграл немаловажную роль в падении антибольшевистского режима на востоке страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьева В.А. Томский комитет общественного порядка и безопасности в 1917 г. // Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. С. 8–11.
2. Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 159 с.
3. Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.
4. Никитин А.Н. Органы местной власти «белой» Сибири // История «белой» Сибири : тез. Второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово : Кузбассвязиздат, 1997. С. 95–97.
5. Дмитриенко Н.М. Городское самоуправление в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917–1919) // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 12. С. 139–146.
6. Герасименко Г.А. Взаимоотношения центральных и местных органов власти при Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве (на примере Томской губернии) // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. ст. Томск, 2002. Т. 12. С. 122–126.
7. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
8. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. 470 с.
9. Зубаев Е.Л. Моя командировка в Сибирь // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник. Прага : Изд. Общества сибиряков в ЧСР, 1927. № 2. С. 94–111.
10. Голос Свободы (Томск). 1917.
11. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 34.
12. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
13. Мальцева Т.В. Волостное земство Сибири в годы Гражданской войны // История «белой» Сибири : тез. Второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово: Кузбассвязиздат, 1997. С. 104–107.
14. Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : Изд-во Сиб. отделения РАН, 1996. № 2. С. 24–30.
15. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск : Нонпарель, 2011. С. 103–119.
16. Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М. : НИБ, 2004. 334 с.
17. Вестник Томской губернии (Томск). 1918.
18. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. II / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 192 с.
19. Звягин С.П. Руководители Томской губернии в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. 191 с.
20. Вестник Томской губернии (Томск). 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2015 г.

TRANSFORMATION OF PUBLIC AUTHORITIES AND ADMINISTRATION IN TOMSK PROVINCE DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR (1917–1919)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 67–73. DOI: 10.17223/15617793/399/12

Kozlova Dina S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina.my-mail@yandex.com

Keywords: Revolution in Russia; Civil War; history of Siberia; White movement; regional powers.

The Revolution and the Civil War are the periods of the strongest confrontation of socio-political powers and their alternative ways of social development. This period in Russian history is not an exception. The antagonism of the two cardinally opposite ways of the country's development: the radical Bolshevik way and the conservative democratic way (that was taken as a basis by non-Bolshevik Siberian authorities), became the strongest point of the confrontation. The February Revolution marked the period of great changes and shocks in society. Former political structures were destroyed and the spontaneous decentralization of the power at all political levels started. In the context of the former regional powers collapse, new political structures were soon formed. It was provisional committees that took government functions. However, this situation was unacceptable for the Government and soon led to a conflict between the center and the regions. The Government made a stake on the institution of commissars that was meant to be the proxy of the new political realities from the center. The West Siberian Commissariat, which replaced the Provisional Government, originally made a stake on restoration of self-government with the support of the institute of commissars. However, in the conditions of the Civil War these principles were ineffective. The strong government authority was necessary to keep local authorities under control. State commissars were an embodiment of strong power. During this period, some Commissariat members were inclined to the union with the conservative forces. It showed even more distinctly in the period of the Provisional Siberian Government. The commissar as a representative of the central power in the province supposed to have control over the coercive and emergency powers. However, in practice the institute of commissars was far from execution of its original functions. After Admiral Kolchak's take-over in November 1918, the strengthening of the commissars' power continued. The state control over the local authorities was also stressed. Militarization of the local power occurred as a new problem in this period. In the context of the Civil War, the Army played an active role in daily life. As a result, strengthening of the regional authorities soon turned into an increase of lawlessness of local authorities and military. It is possible to say that neither of non-Bolshevik governments in Siberia managed to form an effective system of provincial authorities. This factor became decisive in the collapse of the "White" institutions.

REFERENCES

1. Solov'eva, V.A. (1967) [Tomsk committee of public order and safety in 1917]. Materials of scientific conference on the history of Siberia, dedicated to the 50th anniversary of the Great October Revolution. Tomsk: Tomsk State University. pp. 8–11. (In Russian).
2. Babikova, E.N. (1980) *Dvoevlastie v Sibiri* [Dual power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Lar'kov, N.S. (1995) *Nachalo Grazhdanskoy voyny v Sibiri: armiya i bor'ba za vlast'* [Beginning of the Civil War in Siberia: the army and the struggle for power]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Nikitin, A.N. (1997) [Local authorities of the "White" Siberia]. *Istoriya "beloy" Sibiri* [History of the "White" Siberia]. Proc. of the second conference. 4–5 February 1997. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 95–97. (In Russian).
5. Dmitrienko, N.M. (2002) *Gorodskoe samoupravlenie v Tomske v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny (1917–1919)* [Municipal government in Tomsk during the Revolution and the Civil War (1917–1919)]. In: Yakovlev, A.Ya. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. V. 12. Tomsk: Tomsk State University.
6. Gerasimenko, G.A. (2002) *Vzaimootnosheniya tsentral'nykh i mestnykh organov vlasti pri Zapadno-Sibirskom komissariate i Vremennom Sibirskom pravitel'stve (na primere Tomskoy gubernii)* [Relations between central and local authorities in the West Siberian commissariat and Provisional Siberian Government (by example of Tomsk Province)]. In: Yakovlev, A.Ya. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. V. 12. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
8. Titov, Yu.P. (1997) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [Readings on the history of state and law of Russia]. Moscow: Prospekt.
9. Zubashev, E.L. (1927) *Moya komandirovka v Sibir'* [My trip to Siberia]. In: *Vol'naya Sibir': Obshchestvenno-ekonomicheskiy sbornik* [Free Siberia. Socio-economic collection]. Is. 2. Prague: Izd. Obshchestva sibiryakov v ChSR.
10. *Golos Svobody*. (1917).
11. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-166. List 1. File 34.
12. *Sibirskaya zhizn'*. (1918).
13. Mal'tseva, T.V. () [A rural municipality district council of Siberia during the Civil War]. *Istoriya "beloy" Sibiri* [History of the "White" Siberia]. Proc. of the second conference. 4–5 February 1997. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 104–107. (In Russian).
14. Lar'kov, N.S. (1996) Antisovetskiy perevorot v Sibiri i problema vlasti v kontse vesny – letom 1918 g. [The anti-Soviet revolution in Siberia and the problem of power in late spring – summer 1918]. *Guumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 2. pp. 24–30.
15. Shishkin, V.I. (2011) [West Siberian Commissariat of the Siberian Provisional Government: discussion questions of organization and activity]. *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v.* [Problems of the history of public administration and local government in Siberia in the late 16th – early 21st centuries]. Proc. of VII All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk. 6–8 June 2011. Novosibirsk: Nonparel'. pp. 103–119. (In Russian).
16. Nikitin, A.N. (2004) *Gosudarstvennost' "beloy" Rossii: stanovlenie, evolyutsiya, krushenie* [Statehood of the "White" Russia: the formation, evolution, collapse]. Moscow: NIB.
17. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1918).
18. Lukov, E.V., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (1998) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' belykh pravitel'stv Sibiri (iyun' – noyabr' 1918 goda)* [Legislative activity of the white governments of Siberia (June – November 1918)]. Is. II. Tomsk: Tomsk State University.
19. Zvyagin, S.P. (2011) *Rukovoditeli Tomskoy gubernii v gody Grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.)* [Leaders of Tomsk Province in the Civil War (1918–1919)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
20. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919).

Received: 20 May 2015

НЕФТЬ ВМЕСТО УГЛЯ: ВЛИЯНИЕ ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ 1956 г. НА ИЗМЕНЕНИЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СССР

Рассматривается влияние внешнеполитических событий середины 1950-х гг. на изменение содержания энергетической политики СССР. Высказывается мнение, что внешний фактор был решающим в переходе к увеличению добычи нефти и газа в стране, как и к изменениям в экспортной политике СССР, в которой все большее место стали занимать энергоресурсы, такие как нефть и газ. Новый курс отстаивала часть высшего партийного органа страны – Президиума ЦК партии, которую можно называть «нефтяным лобби».

Ключевые слова: энергетическая политика; СССР; партия; руководство; нефть; газ; добыча; экспорт.

Нефтяная и газовая отрасли современной России через экспорт нефти, газа и нефтепродуктов обеспечивают стране $\frac{2}{3}$ аллютных поступлений [1. С. 624–628]. Базой нефтегазодобычи страны является западно-сибирский нефтегазодобывающий район, поставляющий более 50% нефти и основную долю российского газа [2. С. 279–280], становление которого соотносится с третьим этапом советской энергетической политики.

Два предшествующих этапа советской энергетической политики отличались более высокими темпами добычи угля. Содержание первого этапа (1920–1928 гг.) характеризовалось приоритетной ролью угля, в принятом в 1920 г. плане ГОЭЛРО нефти отводилось одно из последних мест [3. С. 130–131]. В то же время руководство страны в полной мере осознавало значение этого энергоресурса [4. С. 17]. Учитывая интерес ведущих держав после Первой мировой войны к нефти, Советский Союз в 1920-е гг. использовал ее как важный экспортный товар, обеспечивший прорыв экономической блокады, получение валютных средств на восстановление промышленности. В 1920-е гг. экспорт нефти постоянно рос: с 31,1 тыс. т в 1921 г. до 2 млн т в 1927 г. [5. С. 282–283], в 1928 г. составив долю в экспорте в 13,5% при удельном весе угля в 0,6% [6. С. 201, 800]. При этом отмечалось десятикратное превышение экспорта нефтепродуктов над экспортом сырой нефти [Там же. С. 802].

Второй этап советской энергетической политики начался с первых лет первой пятилетки (совпал с началом мирового экономического кризиса) и продолжался до конца 1956 г. Ему также были присущи более высокие темпы добычи угля [7. С. 34]. Уголь занимал лидирующие позиции в структуре топливного баланса СССР: в 1938 г. его доля составила 50% [3. С. 112–113], в 1950 г. – 65% [8. С. 348]. Добыча нефти росла, но недостаточно высокими темпами, хотя в 1932 г. СССР обеспечивал 12% мировой добычи, занимал второе место в мире, первое – в Европе [5. С. 286]. Отличительной чертой этого периода времени стало снижение вывоза нефти до 7,8% в 1938 г., и 2,4% – в 1950 г. [6. С. 800] при преобладании в структуре нефтяного экспорта с 1932 г. бензина и нефтяного топлива.

В рамках этого этапа, прежде всего после Второй мировой войны, значение нефти в мире возросло не только как явления экономическое, но и политическое. Через реализацию американского «плана Маршалла» нефть вышла на европейский рынок. В то же

время нефтяной промышленности СССР был нанесен существенный урон, резко снизились объемы добычи, возросло отставание от США, а идея догнать и перегнать США по добыче нефти в послевоенный период, как и в годы первых пятилеток, оставалась на повестке дня. В 1946 г. в СССР добывалось нефти в 11 раза меньше, чем в США, однако к 1955 г. разрыв в добыче сократился до 5 позиций [8. С. 213]. С середины 1940-х гг. началось становление газовой отрасли, ориентированной на добычу природного газа, тогда как в предшествующий период газовая сфера страны была увязана с получением искусственного газа.

Переход к новому содержанию энергетической политики и, следовательно к ее новому – третьему – этапу во многом был обусловлен ситуацией, сложившейся в Европе в 1953–1956 гг., определяемой как кризис в отношениях с социалистическими странами. Именно после завершения острой фазы венгерских событий в ноябре 1956 г., в декабре этого года формируется курс, определяемый формулой «Нефть вместо угля» [9. С. 214].

Анализ стенограмм заседаний Президиума ЦК партии эпохи Н.С. Хрущева дает возможность видеть значительную остроту вопросов, касающихся взаимоотношений со странами «народной демократии». Эта проблема с середины 1950-х гг. была постоянно в центре внимания высшего руководства страны. Д.Т. Шепилов 30 октября 1956 г. обозначил ее следующим образом: «ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии. Антисоветские настроения очень широки» [Там же. С. 187]. Принимались и обсуждались по этой проблеме разные меры: направление советников, постановка вопроса о выводе советских войск, применение силы, как это было в Венгрии. И в то же время было стремление удержать во что бы то ни стало в сфере советского влияния. Относительно ГДР 16 июня 1956 г. Н.С. Хрущев высказал идею: «Дать все, в чем они нуждаются: металл, сырье, продовольствие» [Там же. С. 140]. Наиболее активно страны социалистического блока заявляли о готовности получать сырье: хлопок, уголь. При обсуждении 9 августа 1956 г. в Президиуме ЦК КПСС структуры внешнеторгового оборота СССР обращалось внимание на потребности Европы в угле, но отмечалось, «что угля самим не хватает» [Там же. С. 155]. Ситуация с углем осложнилась тем, что в 1956 г. Польша, поставлявшая в СССР уголь в

счет репараций, выдвинула требование об отмене поставок [9. С. 967], и осенью вопрос для Польши получил положительное решение. Вскоре после этого Н.С. Хрущев предпринял поездку в Донбасс, а 4 октября 1956 г. Президиум ЦК рассматривал и одобрил постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС «О неотложных мерах по развитию угольной промышленности Украинской ССР» [9. С. 170, 962]. Из чего можно сделать вывод, что Н.С. Хрущев являлся сторонником наращивания (по традиции) добычи угля, что должно было удовлетворить потребности в нем и союзников по социалистическому блоку.

Все изменили события осени 1956 г., когда разразился внутриполитический кризис в Венгрии. Значительная часть членов Президиума ЦК и Секретариата ЦК партии, как следует из стенограмм заседаний, были направлены в Венгрию: А.И. Микоян, М.А. Суслов, М.С. Малинин, В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Г.К. Жуков [Там же. С. 968–969]. Там же были в октябре – ноябре 1956 г. А.Б. Аристов, М.А. Суслов, Ю.В. Андропов [Там же. С. 982].

Основная часть членов Президиума ЦК партии возвратилась и приступила к работе в начале декабря 1956 г. Уже 13 декабря 1956 г. на обсуждение был поставлен вопрос о контрольных цифрах шестого пятилетнего плана народного хозяйства СССР. Доклады делали Н.К. Байбаков и М.З. Сабуров. Н.К. Байбаков делал доклад как председатель Госплана СССР [Там же. С. 1191]. В процессе обсуждения вопроса «О контрольных цифрах шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1956–1960 гг.)» в стенографической записи отражены замечания по докладам: «топливо – узкое место», «нефть вместо угля» [Там же. С. 214]. Доклады было рекомендовано доработать. Тезис, указанный в стенограмме как «нефть вместо угля», был внесен в качестве предложения, кем – в стенограмме не отмечено. Однако именно этот тезис вскоре превратился в новый курс страны в экономике и сфере взаимоотношений со странами социалистического блока.

Усиление внимания в высших эшелонах власти к нефти прослеживалось и раньше. Во главе Госплана СССР, образованного в 1955 г., был поставлен тот, кто к тому времени приобрел большой опыт в руководстве нефтяной промышленностью, – Н.К. Байбаков. Можно предполагать, что за назначением Н.К. Байбакова, учитывая, что Госплан был в ведении Совета министров СССР, мог стоять руководитель правительства Н.А. Булганин, как и зам. председателя Совета министров СССР Л.М. Каганович, некогда причастный к руководству сначала топливной, а затем и нефтяной отраслью. Скорее всего, что в этот период в руководстве страны формировалась группа лиц, которую можно определять как «нефтяное лобби».

События 1956 г., резко обозначившие кризис в отношениях с социалистическими странами, привели к тому, что сторонники развития нефтяной отрасли, активизации добычи нефти, решили использовать ее в качестве фактора влияния в Европе и выдвинули на заседании Президиума ЦК партии предложение, выражавшееся в формуле «нефть вместо угля», с чем Н.С. Хрущев в столь критической ситуации вынужден

был согласиться. При этом обращает на себя внимание деятельность Н.С. Хрущева в 1956 г., когда он пытался найти выход для удовлетворения потребностей европейских стран через увеличение добычи угля.

Укрепившие позиции сторонники активного развития добычи нефти и газа на протяжении 1957 г. брали все новые рубежи. Тем более, что страны «народной демократии» очень интересовало сырье из СССР. Так, Венгрия просила уголь, просила больше, чем СССР мог в тот период дать, о чем и говорили на заседании Президиума ЦК партии 27 февраля 1957 г. [9. С. 994]. Сразу после венгерских событий наметились изменения в экспортной политике страны, связанные с нарастанием вывоза нефти, а вскоре и газа. При этом впервые в советскую эпоху стал расти вывоз сырой нефти, тогда как весь предшествующий период СССР вывозил нефтепродукты. Решение о смене приоритетов в экспортной политике страны, скорее всего, следует связывать с заседанием Президиума ЦК партии 26 сентября 1957 г., когда наряду с обсуждением вопроса «О внешней торговле СССР в 1958 г.» рассматривался вопрос «О развитии производства по отдельным отраслям на экспорт». Содержание обсуждаемых вопросов не раскрывалось [Там же. С. 266]. Обращает внимание и то, что заседание вел М.А. Суслов, Н.С. Хрущев отсутствовал. Нельзя не учитывать, что незадолго до этого позиции потеряли В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, Н.К. Байбаков. Причина конфликта коренилась в несогласии с позицией Н.С. Хрущева по руководству экономикой. Убирая одних, Н.С. Хрущев всегда опирался на определенную группу внутри Президиума ЦК. Было очевидно, что те, кто оказал поддержку Н.С. Хрущеву в борьбе с так называемой антипартийной группой, в этих условиях решили использовать силу своей позиции. Скорее всего, не случайно был поставлен на обсуждение вопрос «О развитии производства по отдельным отраслям на экспорт». На заседании 26 сентября 1957 г. говорилось, что Президиум ЦК партии одобрил (*некие*) предложения Министерства внешней торговли СССР, определил контрольные цифры по внешней торговле, поручил Госплану разработать мероприятия по развитию отдельных (*неких*) отраслей для производства товаров на экспорт» [Там же. С. 1013–1014]. Что это были за отрасли – становится ясно из стенограммы заседания Президиума ЦК партии от 10 октября 1957 г., где центральным был вопрос «Об основных направлениях в разработке и составлении пяти-семилетнего плана развития народного хозяйства СССР». При обсуждении вопроса в стенограмме отражены примечания: «о развитии производства добычи газа и нефти», «уголь, трубы (относительно сокращения угля)» [Там же. С. 267].

Вопросы, связанные с добычей нефти, газа, почтенно-то всегда оказывались вне основного доклада и проходили в качестве дополнительных предложений в процессе обсуждения экономического развития СССР. Следует полагать, что предложения вносили те, кто не участвовал в составлении основного доклада, но принимал участие в процессе обсуждения и имел авторитетное влияние, оказывающее воздействие на фиксацию в стенограммах предложений.

Можно сделать вывод, что в высшем руководстве страны появилась группа лиц, отстаивающая ускорение темпов развития нефтяной и газовой отраслей, продукция которых и должна была составить новые статьи экспорта из СССР. Решения принимались коллегиально, кто стоял за таким решением, можно только догадываться, учитывая, что заседание вел М.А. Суслов, а некоторое время до этого М.А. Суслов, А.Б. Аристов и Ю.В. Андропов вместе находились в Венгрии.

Согласно статистическим данным уже в 1958–1960 гг. прослеживается рост экспорта нефти. Впервые за всю советскую эпоху экспорт сырой нефти начинает превалировать над экспортом нефтепродуктов, который с конца 1920-х гг. был преобладающим над вывозом сырой нефти. Увеличение экспорта сырой нефти с этого периода становится чертой советской, а затем и российской политики.

Итак, страна взяла направление на активизацию добычи нефти и газа, что первоначально расходилось с той позицией, которую занимал Н.С. Хрущев, пытавшийся найти выход в росте поставок сырья в Европу через наращивание добычи угля. Нефтяные потоки из СССР в Европу в полной мере должны были соответствовать тенденциям в экономике Европы, где со второй половины 1940-х гг. начался переход на нефтяное топливо. В этих условиях «соцлагерь, постоянно сотрясаемый политическими кризисами... требовал от СССР... и существенной экономической помощи». «Нужно было нечто, что имело бы неоспоримую и безусловную ценность, двигало бы экономику этих стран вперед и приносило бы заметный и быстрый эффект», – пишет М.В. Славкина [10. С. 148]. И этой «ценностью», несомненно, являлось энергетическое сырье.

Н.С. Хрущев 8 января 1962 г. на заседании Президиума ЦК партии в процессе обсуждения вопроса об отношениях с ГДР откровенно говорил о необходимости переориентировать экономику социалистических стран на «сырец, которое мы производим». Остановившись в первую очередь на ситуации в ГДР, подчеркивал, что и к Польше требуется такой же подход, так как «Америка ухаживает за ней», считая, что «Польша предрасположена... к реставрации капитализма». В этом же ряду назывались Югославия и Румыния. Свое выступление он завершил заключением: «Надо наступать, и наступать разумно» [9. С. 540, 541, 546]. Для этого наступления и стали использоваться нефть, а затем и газ.

Для решения осознаваемых внешнеполитических задач нужно было добывать больше нефти и газа. Уже во второй половине 1950-х гг. последовали изменения в советской энергетической политике: выделение в самостоятельное направление геологоразведочных работ на газ, создание специальной структуры для руководства газодобычей – Главгаз СССР, увеличение экспорта углеводородов, в структуре которого отмечалось перенесение акцента с экспорта нефтепродуктов на экспорт сырой нефти. Экспорт энергоресурсов стал расти как в страны социалистические, так и капиталистические (табл. 1).

Таблица 1
Динамика экспорта нефти, нефтепродуктов, угля в 1913–1958 гг., тыс. т*

Вид продукции	1913	1928	1938	1950	1955	1956	1957	1958
Уголь	97	563	424	1 121	4 313	5 673	8 772	9 951
Нефть сырья	0,7	248	168	303	2 906	3 897	5 923	9 093
Нефтепродукты	952	2 534	1 221	778	5 090	6 170	7 757	9 045

*Составлена на основании данных [6. С. 200–213, 800, 802].

Изменения в энергетической политике повлекли за собой рост открытых месторождений природного газа на территории Украины, Средней Азии, России и, как следствие, рост объемов добычи газа. Активно развивался Урало-Волжский район, с постановкой масштабных задач перед Татарией, которая стала играть ведущую роль в обеспечении приростов добычи нефти в стране и вскоре превратилась в лидера в союзной добыче (табл. 2).

Таблица 2
Доля Урало-Волжского района в добыче нефти в СССР

Показатель	1913	1928	1940	1960	1966	1967
Объем добычи, млн т	–	–	1,8	104	186	195
Удельный вес, %	–	–	6	71	70	68

*Составлена на основании данных [11. С. 38].

Из Урало-Волжского района в 1960–1964 гг. было осуществлено строительство первого экспортного нефтепровода протяженностью 5 тыс. км, получившего название «Дружба». Его строительству предшествовало решение X сессии СЭВ 1958 г. о сооружении магистрального нефтепровода для транспортировки советской нефти в страны социалистического лагеря. Нефтепровод протянулся из Татарии до Белоруссии, где разделялся на две ветви: северную (на Польшу и ГДР) и южную (на Чехословакию и Венгрию). Для переработки советской нефти сооружались нефтеперерабатывающие заводы в Польше (1), ГДР (3), ЧССР (2), ВНР (1) [12. С. 13].

В рамках третьего этапа советской энергетической политики началось создание нового добывающего района с размещением на территории Западной Сибири, где в 1953 г. был найден газ в западной части Тюменской области, а в 1960 г. в этих же пределах было открыто первое нефтяное месторождение. Начало добычи в Западной Сибири первоначально нефти, а затем и газа явились, казалось бы, результатом инициатив местной региональной элиты, противодействующей строительству Нижне-Обской ГЭС и отстаивающей альтернативный вариант развития Тюменской области, связывая его с освоением нефтегазовых ресурсов. Эта региональная инициатива как нельзя лучше соответствовала потребностям страны, вставшей на путь увеличения добычи нефти и газа, расширения экспорта нефти.

Анализируя одно из последних интервью А.К. Протозанова, представителя той самой тюменской региональной элиты, активно действовавшего по созданию западно-сибирского нефтегазодобывающего

района, нельзя не обратить внимание на то, что он назвал имя человека из числа лиц высшего руководства страны, оказавшего значительную помощь в создании новой составляющей в экономическом развитии Тюменской области. Этот человек – А.Б. Аристов, член Президиума ЦК партии, член Секретариата ЦК партии, заместитель Н.С. Хрущева по Бюро ЦК КПСС по РСФСР. А.К. Протозанов связал в интервью А.Б. Аристова со своим направлением в Венгрию, а затем и в Тюмень. Ясно, что Протозанов, как и Аристов был в Венгрии в 1956 г. Направление в Тюмень А.К. Протозанова относится к 1958 г., где он начинает, очень самостоятельно и решительно для просто секретаря обкома партии, заниматься проблемами геологии нефти и газа. Совещание геологов в сфере нефти и газа, в работе которого принял участие А.Б. Аристов, состоялось 7 мая 1959 г. в Тюменском обкоме партии [13]. Ключевую роль в организации и проведении совещания играл А.К. Протозанов [14. С. 95]. Все это позволяет сделать вывод, что те, кто стоял за курсом «нефть вместо угля», стали активно содействовать его реализации, направляя в районы, перспективные на нефть и газ, партийных функционеров с незаурядными организаторскими способностями. В Тюменской области таким человеком оказался А.К. Протозанов.

Пребывание Аристова в Тюменской области в начале мая 1959 г. ускорило развитие событий: вскоре в Тюмени состоялась сессия эксперто-геолого-геологического совета Главгеологии РСФСР и ученого совета ВНИИ геофизики, с участием геологов Сибири и Дальнего Востока, на которой тюменским геологом Н.Н. Ростовцевым была выдвинута идея переориентации поисковых работ с Березовского района на Тазовский полуостров, левобережье реки Пур, полуостров Ямал, западную часть Гыданского полуострова, Надымскую впадину, Северо-Сосьвинский свод [13]. В августе 1959 г. приказом начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете министров РСФСР С.В. Горюнова все геологоразведочные работы на нефть и газ, проводившиеся в Сургутском и Ларьякском районах, а также организации, занятые на этих работах, были переданы из Новосибирского в Тюменское геологическое управление [15. С. 108, 111]. Геологоразведочные работы в Среднем Приобье были возложены на Сургутскую комплексную геологоразведочную экспедицию, созданную в сентябре 1959 г. на базе Сургутской нефтегеодезии глубокого бурения [16. С. 62]. Продолжились работы по укреплению научной базы геологии Тюменской области. Письмом от 27 сентября 1959 г. Министерство геологии и охраны недр СССР уведомляло первого секретаря Тюменского обкома партии В.В. Косова, что «по поручению секретаря ЦК КПСС А.Б. Аристова, в Тюмени будет организован филиал института СНИИГГиМС» [17. Д. 4000. Л. 35]. Сам институт (Сибирский научно-исследовательский институт геологии и минерального сырья) базировался в г. Новосибирске.

Успехи не заставили долго ждать, в марте 1960 г. было открыто первое на территории Западной Сибири нефтяное месторождение, получившее название «Шаймское». С открытием Шаймского месторождения нефти встал вопрос о начале промышленной добычи

нефти [Там же. Д. 3996. Л. 70–71]. В июне 1960 г. вышло постановление Совета министров СССР «Об использовании природного газа Березовского газоносного района Тюменской области», подача березовского газа на Урал планировалась к концу 1963 г. [16. С. 61].

Однако деятельность Аристова имела более широкий размах. В мае 1960 г. А.Б. Аристов побывал на праздновании 40-летия Татарской АССР и «за товарищеской трапезой» объявил о переводе в Москву А.Т. Шмарева «первым заместителем председателя Российской совнархоза» [8. С. 196]. В результате этого же визита «начальником Главного управления нефтяной и газовой промышленности Совнархоза РСФСР (Главнефтегаза)... был назначен В.Д. Шашин [8. С. 196]. А.Т. Шмарев – видный советский нефтяник, биография которого была связана с Урало-Волжским нефтедобывающим районом, где он до 1956 г. работал управляющим трестами «Ишимбайнефть», «Туймазанефть», «Башнефтераведка», заместителем начальника «Башнефти», был первым начальником объединения «Татнефти». В 1956–1957 гг. стоял во главе Главгаза СССР, с 1957 по 1960 г. был председателем СНХ Татарского экономического административного района. Второй переведенный в Москву – В.Д. Шашин – в первой половине 1950-х гг. заместитель начальника по бурению объединения «Татнефть», в 1956–1960 гг. – начальник объединения «Татнефть». Таким образом, в Москву в 1960 г. были переведены крупнейшие специалисты Урало-Волжского нефтяного района.

Все это происходило в условиях непрекращающейся борьбы за власть. Н.С. Хрущев на протяжении своего пребывания на высшем государственном посту вел чистку аппарата, опираясь на одних, убирая других. В начале 1950-х гг. из числа самых первых сподвижников Н.С. Хрущева позиции сохранили только А.Б. Аристов, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин. Но 4 мая 1960 г. Аристов был освобожден от обязанностей Секретаря ЦК КПСС, от обязанностей заместителя Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР его освободили в январе 1961 г. [9. С. 1075, 1081]. Сообщая о смешении Аристова 18 января 1961 г. на Пленуме ЦК КПСС, Н.С. Хрущев сказал, что «обязанности оказались ему не по плечу» [18. С. 79]. 20 января 1961 г. Аристов был отправлен послом в Польшу.

Сложное переплетение разных тенденций прослеживаем в 1960–1961 гг. в эшелонах власти в Тюмени. В январе 1960 г. секретарь обкома партии А.К. Протозанов занял пост председателя облисполкома, что можно рассматривать как его удаление от тех вопросов, которыми он очень увлекся на протяжении 1958–1959 гг. С должности первого секретаря обкома партии в 1961 г. сняли В.В. Косова. Первым секретарем обкома партии стал переведенный из Иркутской области Б.Е. Щербина, который был причастен к партийному руководству сооружением Иркутской ГЭС и начавшемуся строительству Братской ГЭС. И перевод Б.Е. Щербины в Тюмень можно объяснить тем, что с устранением А.Б. Аристова верх в партийном руководстве страны взяли те, кто связывал будущее Тюменской области, прежде всего, с сооружением Нижне-Обской ГЭС, для

чего и последовал перевод партийного руководителя с навыками работы в этой сфере.

Однако выдвиженцы Аристова успешно действовали. В Тюмени А.К. Протозанов в начале 1963 г. возглавил промышленный обком партии, в декабре 1963 г. на личном приеме у Н.С. Хрущева добился подписания постановления, положившего начало подступу к добыче нефти и газа. Весной 1964 г. в Тюмени началась пробная эксплуатация нефтяных месторождений, в конце 1965 г. приступили к промышленной добыче нефти. А.Т. Шмарев пробыл в должности заместителя председателя СНХ РСФСР до 1963 г., а затем уехал возглавлять Средне-Волжский совнархоз. В.Д. Шашин в период с 1960 по 1965 г. был начальником Главного управления нефтяной и газовой промышленности СНХ РСФСР, а в октябре 1965 г. стал министром нефтедобывающей промышленности страны.

Таблица 3
Добыча нефти и газа в СССР
и в Западной Сибири (1964–1990 гг.)*

Терри- тория	1964	1966	1970	1977	1980	1985	1988	1989	1990
Нефть, млн т									
СССР	224,0	265,0	352,6	546,0	603,2	582,9	624,3	624,0	552,5
Запад- ная Сибирь	0,208	2,8	28,5	211,8	313,7	365,8	409,0	387,9	367,9
Удель- ный вес, %	0,09	1,05	8,08	38,6	52,0	61,4	65,6	62,1	66,5
Газ, млрд куб. м									
СССР	108,6	142,9	197,5	346,0	435,0	643	770,0	815,0	770
Тюмен- ская область	–	0,7	9,5	63,0	144,1	380,7	474,9	541,8	574,2
Удель- ный вес, %	–	0,49	4,8	18,2	32,1	59,2	61,6	66,4	74,5

*Составлена на основании данных [19].

В высшем эшелоне власти, после устраниния Аристова, ключевую роль стали играть Л.И. Бреж-

нев, А.Н. Косыгин, единственные, кроме Хрущева, из начального состава Президиума ЦК партии, сформированного некогда Сталиным, все остальные были устранены. Было ясно, что следующими в хрущевской логике чистки аппарата жертвами должны были стать вышеназванные. Но они перешли в наступление. В октябре 1964 г. Н.С. Хрущев был отстранен от руководства страной, его место до 1982 г. занял Л.И. Брежnev. Главой правительства практически на всю брежневскую эпоху стал А.Н. Косыгин.

Курс «нефть вместо угля» былложен и в основу деятельности нового руководства страны: увеличивались объемы добычи нефти и газа. Главной базой решения этих проблем являлся Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район (табл. 3).

При этом важнейшей статьей советского экспорта являлись нефтегазовые ресурсы, при постоянном росте вывоза сырой нефти и природного газа (табл. 4).

Таблица 4
Экспорт нефти и газа из СССР в 1960–1980-е гг.

Показатель	1960	1965	1970	1980	1985	1988	1989	1990
Нефть сы- рая, млн т	17,0	43,4	66,8	119	117	144	127,3	108,5
Удельный вес, %	11,4	17,8	18,9	19,7	19,7	23,1	20,3	19,6
Газ, млрд куб. м	–	–	3,3	54,2	68,7	88,0	101,4	109,0
Удельный вес, %	–	–	1,7	12,5	10,7	11,4	8,9	10,9

*Составлена на основании данных [20].

Таким образом, в эпоху Н.С. Хрущева повышаются темпы развития нефтяной отрасли, усиливается внимание к газовой отрасли (вместо преобладавшей угольной). Смена курса во многом обусловливалась внешне-политическими приоритетами страны. Для наращивания нефте- и газодобычи требовалось выходить в новые, более перспективные районы. За этой работой стояли вполне конкретные люди, партийные функционеры, которых можно относить к так называемому нефтяному лобби в высшем аппарате партийной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российской статистический ежегодник. 2013 : стат. сб. / Росстат. М. : Росстат, 2013. 717 с.
2. Тюменская область: прошлое и настоящее в цифрах (к 70-летию образования) : стат. сб. Тюмень : Тюменьстат, 2014. 560 с.
3. Иголкин А.А. Особенности развития нефтяной промышленности в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.) // Нефть Страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1940 гг.) / под общ. ред. В.Ю. Алекперова. М. : Древлехранилище, 2005. 618 с. С. 105–191.
4. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. 18–31 декабря 1925 г. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 1029 с.
5. Нефть и газ. Мировая история. М. : Земля и человек. XXI век, 2004. 892 с.
6. Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический ежегодник. М. : Гос. стат. изд-во, 1959. 960 с.
7. Промышленность СССР. Статистический ежегодник. М. : Статистика, 1971. 637 с.
8. Гайказов М.Н. Валентин Дмитриевич Шашин – ближайший стратег нефтяной промышленности. М. : ФГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2006. 400 с.
9. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсенко. М. : РОССПЭН, 2003. 1344 с. (Сер. Архивы Кремля).
10. Славкина М.В. Великие победы и упущеные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М. : Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2007. 384 с.
11. РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М. : ЦСУ РСФСР, 1967. 256 с.
12. Корниенко Н. Нефтепровод «Дружба» в действии // Внешняя торговля СССР. 1973. № 6. С. 13–14.
13. Тюменская правда. 1959. 8 мая.
14. Салманов Ф.К. Я – политик. Раздумья одного из создателей топливно-энергетической моцни страны. М. : РТК-Регион, 2006. 528 с.
15. Комеорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень : Вектор Бук, 2008. 182 с.
16. Колева Г.Ю. Александр Константинович Протозанов (к 100-летию со дня рождения). Тюмень : Вектор Бук, 2012. 256 с.
17. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 1.
18. Суиков А.В. Высшее руководство СССР и «рязанское дело» (1959–1961 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 72–83.

19. Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М. : Госстатиздат, 1956. 262 с.
20. Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1988. 710 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 мая 2015 г.

OIL INSTEAD OF COAL: THE IMPACT OF THE EVENTS IN HUNGARY IN 1956 ON CHANGES IN THE ENERGY POLICY OF THE USSR

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 74–79. DOI: 10.17223/15617793/399/13

Koleva Galina Yu. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: energy policy; Soviet Union; party leadership; oil; gas; mining; export.

The subject of this study is the Soviet energy policy. The author highlights the main stages of the Soviet energy policy determined by their timing and distinctive features. The focus is on the transition from the second phase of the energy policy of the USSR to the third. The purpose of this paper is to show the crucial role of foreign factors, primarily related to the relationship with the countries of “people’s democracy” in Europe, the development of new content in the Soviet energy policy in the mid-1950s. Under the influence of these events the country entered into not only a new stage of energy policy, but also, to a certain extent, a new stage of economic development, closely aligned with the extraction of energy resources such as oil and gas, and the ever-increasing exports of energy resources. The content of the new stage of the energy policy of the USSR was initially determined by the formula “oil instead of coal”. The landmark of the transition to a new course was the events of 1956 in Hungary. The article shows that the development of a new course occurred in the highest organ of the party authorities, the Party Central Committee Presidium, which developed and defended position on the rate of increase in oil and gas production, as well as the export of energy resources to Europe, a group of individuals which can be referred to as the “oil lobby”. It is emphasized that N.S. Khrushchev’s original intention was to increase, according to tradition, the pace of coal mining. The article focuses on one of the representatives of the party elite of N.S. Khrushchev’s era A.B. Aristov, the Secretary of the CPSU Central Committee, member of the Presidium of the Party Central Committee, Deputy Chairman of the Bureau of the Central Committee of the Communist Party of the RSFSR. His work on strengthening the oil industry personnel is shown. The article focuses on the coverage of A.B. Aristov’s activities on developing a new mining area, Western Siberia, manifested in strengthening the position of Tyumen geologists, creating a scientific base of geology in the city of Tyumen, transferring of the territory of geological studies from Novosibirsk to the Tyumen Geological Survey. It is with A.B. Aristov that the author of the article connects A.K. Protozanov’s party work placement in Tyumen Oblast. Protozanov played a prominent role in laying the foundations of oil and gas area and in changing the fate of Tyumen Oblast. It is indicated that the paths of Aristov and Protozanov crossed in 1956 in Hungary. The study is based on the rough materials of the Presidium of the Party Central Committee transcripts and interviews with A.K. Protozanov.

REFERENCES

1. Rosstat. (2013) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2013* [Russian Statistical Yearbook. 2013]. Moscow: Rosstat.
2. Tyumen’stat. (2014) *Tyumenskaya oblast’: proshloe i nastoyashchee v tsifrakh (k 70-letiyu obrazovaniya): statisticheskiy sbornik* [Tyumen Oblast: past and present in numbers (for the 70th anniversary of the establishment): statistical yearbook]. Tyumen: Tyumen’stat.
3. Igolkin, A.A. (2005) Osobennosti razvitiya neftyanoy promyshlennosti v gody pervykh pyatiletok (1928–1940 gg.) [Features of development of the oil industry in the first five years (1928–1940)]. In: Alekperov, V.Yu. (ed.) *Neft’ strany Sovetov. Problemy istorii neftyanoy promyshlennosti SSSR (1917–1940 gg.)* [Oil of the Soviet country. Problems of the history of the oil industry of the USSR (1917–1940)]. Moscow: Drevlekhranilische.
4. XIV Congress of the CPSU (b). (1926) *XIV s”ezd VKP (b). Stenograficheskiy otchet. 18–31 dekabrya 1925 g.* [XIV Congress of the CPSU (b). Verbatim record. 18–31 December 1925]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
5. Mazur, I.I. (ed.) (2004) *Neft’ i gaz. Mirovaya istoriya* [Oil and gas. World history]. Moscow: Zemlya i chelovek. XXI vek.
6. State Statistics. (1959) *Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1958 g. Statisticheskiy ezhegodnik* [The national economy of the USSR in 1958. Statistical Yearbook]. Moscow: Gos. stat. izd-vo.
7. State Statistics. (1971) *Promyshlennost’ SSSR. Statisticheskiy ezhegodnik* [Industry of the USSR. Statistical Yearbook]. Moscow: Statistika.
8. Gaykazov, M.N. (2006) *Valentin Dmitrievich Shashin – blistatel’nyy strateg neftyanoy promyshlennosti* [Valentin Dmitrievich Shashin, a brilliant strategist of the oil industry]. Moscow: Neft’ i gaz.
9. Furzenko, A.A. (ed.) (2003) *Prezidium TsK KPSS. 1954–1964 gg. Chernovye protokol’nye zapisi zasedaniy. Stenogrammy. Postanovleniya* [The Bureau of the Central Committee of the CPSU. 1954–1964. Draft minutes of meetings. Transcripts. Regulations]. V. 1: *Chernovye protokol’nye zapisi zasedaniy. Stenogrammy* [Draft minutes of meetings. Transcripts]. Moscow: ROSSPEN.
10. Slavkina, M.V. (2007) *Velikie pobedy i upushchennye vozmozhnosti: vliyanie neftegazovogo kompleksa na sotsial’no-ekonomicheskoe razvitiye SSSR v 1945–1991 gg.* [The great victories and missed opportunities: the impact of oil and gas on the socio-economic development of the USSR in 1945–1991]. Moscow: Neft’ i gaz.
11. State Statistics. (1967) *RSFSR za 50 let. Statisticheskiy sbornik* [RSFSR for 50 years. Statistical Yearbook]. Moscow: TsSU RSFSR.
12. Kornienko, N. (1973) *Nefteprovod “Druzhba” v deystviu* [Oil pipeline “Druzhba” in action]. *Vneshnyaya torgovlya SSSR*. 6. pp. 13–14.
13. *Tyumenskaya pravda*. (1959). 8 May.
14. Salmanov, F.K. (2006) *Ya – politik. Razdum’ya odnogo iz sozdateley toplivno-energeticheskoy moshchi strany* [I am a politician. Thoughts of one of the founders of the fuel and energy power of the country]. Moscow: RTK-Region.
15. Komgort, M.V. (2008) *Zapadno-Sibirskaya neftegazonosnaya provintsiya: istoriya otkrytiya* [West Siberian oil and gas province: history of discovery]. Tyumen: Vektor Buk.
16. Koleva, G.Yu. (2012) *Aleksandr Konstantinovich Protozanov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Alexander K. Protozanov (to the 100th anniversary of his birth)]. Tyumen: Vektor Buk.
17. The State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 1. (In Russian).
18. Sushkov, A.V. (2008) *Vysshee rukovodstvo SSSR i “ryazanskoe delo” (1959–1961 gg.)* [The top management of the USSR and the “Ryazan Case” (1959–1961)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35. pp. 72–83.
19. State Statistics. (1956) *Narodnoe khozyaystvo SSSR. Statisticheskiy sbornik* [The national economy of the USSR. Statistical Yearbook]. Moscow: Gosstatizdat.
20. State Statistics. (1988) *Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1988 g. Statisticheskiy ezhegodnik* [The national economy of the USSR in 1988. Statistical Yearbook]. Moscow: Finansy i statistika.

Received: 06 May 2015

ЛОЗУНГ «ВЕЛИКАЯ, ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ РОССИЯ» И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОЮЗНИКОВ В ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ БЕЛОЙ СИБИРИ (ИЮНЬ 1918 г. – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительства на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

Выявляется роль идеи «единой, великой и неделимой России» в процессе восприятия политики стран Антанты в отношении России и формирования образа союзников на страницах правительственный периодической печати востока России в период Гражданской войны. Делается вывод о том, что уверенность лидеров и идеологов антибольшевистских сил в то, что союзники обязаны помочь Белому движению, привела к искаженному восприятию политики стран Антанты и обернулась в конечном счете крахом надежд и разочарованием в идеях единства и общности интересов России и западных стран.

Ключевые слова: Лозунг «Единая, Великая и неделимая Россия»; союзники; периодическая печать; Временное Сибирское правительство; Правительство А.В. Колчака; пропагандистский образ.

Антибольшевистские силы, в отличие от своих противников, не имели четко оформленной идеологической платформы. Это выражалось в том, что информационное пространство на территориях, находившихся под контролем белых, отличалось многообразием и динамизмом составляющих его элементов – образов, идеологем, мифов. Периодическая печать востока России периода Гражданской войны отражает существовавшее многообразие идей и мнений, которые отстаивали политические группировки, входившие в пестрый конгломерат антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке.

Созданные летом 1918 г. на территории Сибири структуры власти, используя печать, стремились донести до масс основные идеи, которые отстаивали белые, сформировать положительный образ Сибирского, впоследствии Временного Всероссийского Правительства и Российского правительства сконструировать новую национально-государственную идентичность в противовес пропаганде большевизма.

Результатом всплеска интереса к истории белого движения в 1990–2000-е гг. стало обращение исследователей к изучению идеологии и пропагандистской деятельности антибольшевистских сил. Данным проблемам посвящены работы Г.А. Бордюгова, В.Д. Зиминой, В.В. Журавлева, Н.И. Наумовой, В.П. Слободина, А.И. Ушакова, В.П. Федюка, Д.Н. Шевелева, В.Д. Шелохаева. Ключевым в идеологии белого движения являлся лозунг «Единая, Великая и неделимая Россия». Представители отечественной историографии, говоря о значении и роли данного лозунга в содержании идеологии Белого движения, отмечают размытость и наличие противоречий в его трактовке даже среди самих белых.

Идея «единой, великой и неделимой России», занимая центральное место в пропагандистской риторике официальной печати, оказывала сильное влияние на процесс формулирования ряда других идей, концепций и пропагандистских образов, игравших важную роль в системе ценностей белого движения. На страницах официальных и проправительственных

газет происходили конструирование образов и концептуализация идей. Вместе с тем пресса использовалась для их последующей передачи в виде пропагандистских установок. Таким образом, материалы печати дают богатый материал для реконструкции содержания идеи «единой, великой и неделимой России» в том виде, в каком ее понимали идеологи антибольшевистских правительства белой Сибири.

Для более целостного и глубокого анализа содержания лозунга и выявления заложенных в него смыслов необходимо рассматривать его в контексте других идеологем, которые играли важную роль в информационно-пропагандистской деятельности белых.

Проблема взаимоотношений России с Антантою не сходила со страниц официальной и проправительственной периодической печати белых на протяжении всего периода Гражданской войны. Незатухающий интерес к союзникам был обусловлен, с одной стороны, их противоречивой политикой в отношении России, с другой – надеждами и стремлением правительств белой Сибири заручиться поддержкой бывших соратников по Первой мировой войне. Формировавшийся в прессе востока России образ союзников являлся неотъемлемой частью правительственные пропагандистских кампаний и также использовался в развертывании и трансляции ряда идеологем.

Данный образ претерпел значительные трансформации, изучение которых поможет пролить свет на процесс формирования представлений сибирской общественности о внешнем мире. Рассмотрение лозунга «Единая, Великая и неделимая Россия» и образа союзников во взаимном контексте позволит уточнить содержание обеих идеологем и охарактеризовать степень влияния одной на другую.

Цель данной работы заключается в выявлении роли идеи «единой и неделимой России» в процессе восприятия союзной политики в отношении России и формирования образа союзников на страницах правительственный периодической печати востока России в период Гражданской войны.

В ходе Великой войны официальная правительственные пропаганда стремилась сформировать у российской общественности положительный образ стран Антанты. Однако на фоне усталости общества от войны образ союзников, «воюющих до последней капли крови русского солдата», приобретал все больше отрицательных черт. На фоне революционных событий 1917 г. в сознании широких слоев населения укоренилось мнение, что союзники стремятся использовать Россию и ее народ только лишь для собственных интересов [1. С. 50].

Поскольку большевики, на которых лежала ответственность за заключение «позорного» Брестского мирного договора, считались пособниками Германии, развернувшаяся на территории России Гражданская война интерпретировалась как возобновление боев на восточном фронте мировой войны. Исходя из этого, антибольшевистские силы стремились использовать положительный образ союзников для получения поддержки с их стороны, ведения пропаганды против большевиков и формирования собственного положительного имиджа. Так, кадетская газета «Свободная Сибирь» в июне 1918 г. обвиняла большевиков в том, что, заключив мир с немцами, они «испортили наши отношения с нашими прекрасными, свободолюбивыми союзниками», которые «так дружно выручали нас в трудные минуты, и которые теперь дерутся только за Россию». «Союзники могли бы помириться с Германией и вполне вознаградить себя за счет России за все понесенные ими жертвы. Но, по мнению автора статьи, они прекрасно понимают, что при таком мире создалась бы военная гегемония Германии, которая диктовала бы всему миру свою волю». Вследствие этого «возобновление дружественных отношений союзниками и оказание им помощи в борьбе с немцами» определялось как неотложная задача России и Сибири [2].

В своем обращении к союзникам от 10 августа 1918 г. Временное Сибирское правительство заверяло, что все договоры и обязательства перед державами Антанты обязательны для Сибири, как и для прочих частей России, и что «во имя общероссийских и союзных интересов, Сибирская Армия готовится к совместной с союзниками мировой борьбе». Правительство при этом объявляло Сибирь «частью нераздельной России» (курсив мой. – К.К.). Это указывало на то, что оно стремится говорить от лица всей страны и не допускает ни малейшей возможности ее распада [3].

Уничтожение большевизма и восстановление порядка на территории России, по мнению противников большевиков, зависели от того, как скоро будет разбита Германия.

Представитель партии народной свободы Л.А. Кроль, выступая на Государственном совещании 12 сентября 1918 г., связывал возрождение «великой, единой и неделимой России» с необходимостью немедленного продолжения войны Россией «бок о бок с союзниками» [4]. Вследствие этого правительственно-либеральная и левая печать востока России приветствовала начало союзной интервенции, считая ее совместной операцией против «германо-большевиков». Иркутские кадеты на страницах газеты

«Свободный край» заявляли, что «вопрос об устройстве единой, великой и неделимой России является таким, к выполнению которого устремлены все наши помыслы». «Германский империализм» и советская власть объявились препятствиями для достижения данной цели, поэтому «... тот, кто протянет руку помощи в борьбе нашей с этой властью, окажет нам величайшую услугу и на деле выявит свои дружеские чувства» [5].

Одной из первых инициатив Российского правительства адмирала А.В. Колчака, пришедшего к власти в результате переворота 18 ноября 1918 г., стало принятие на себя всех денежных обязательств царского и Временного правительства. Новая власть, объявляя себя правопреемницей названных правительств, легитимность которых союзники не подвергали сомнению, рассчитывала на то, что и она будет признана Антантой. В выпущенной в связи с окончанием мировой войны Декларации правительство благодарило союзников за то, что те «принудили Германию отказаться от Брестского мира, обязали ее очистить русские земли и прекратить расхищение русского народного достояния». Данный шаг рассматривался как залог того, что «ожидающая воссоединения Россия получит возможность возвысить свой голос при мирных переговорах и внести свою долю участия в устроении жизни народов на новых, незыблемых основах тесного содружества» [6].

Формирование положительного образа союзников в контексте рассуждений о величии и единстве России позволяло белым обосновывать необходимость присутствия войск интервентов в условиях изменений политической ситуации, которые последовали после заключения перемирия между Антантой и Германией в ноябре 1918 г.

Каждый элемент лозунга «Единая, Великая и неделимая Россия» нес в себе определенный набор смыслов и при этом мог быть истолкован достаточно свободно. Заложенные в данных элементах смыслы создавали определенный контекст, в рамках которого происходило наделение образа союзников теми или иными чертами и характеристиками.

Идея **величия** России, как отмечает В.Д. Зимина, расшифровывалась каждым участником Белого движения по-своему. Положение о величии «никогда не воспринималось однозначно как возврат к дофевральскому образцу правления» [7. С. 93]. Вместе с тем, с точки зрения международного положения, возрождение величия России трактовалось как возврат в период ее наивысшего могущества, восстановление статуса великой державы и равных отношений с союзниками. Победа стран Антанты в мировой войне давала на это надежды.

19 ноября 1918 г. Управляющей иностранных дел в правительстве А.В. Колчака Ю.В. Ключников в беседе с журналистами отметил, что «условия перемирия дают России возможность считать, что ни одно из обещаний ее союзниками не забыто, что она ими не покинута и снова может стать великой и сильной». «Международная обстановка, по словам управляющего, сложилась таким образом, что сильная Россия

нужна всем. Она – необходимое условие международного равновесия и вместе с тем условие образования Лиги Наций, или Лиги государств, которая, по благородному почину президента Вильсона, должна быть создана как итог войны и предотвращение будущих войн» [8]. Тезис о том, что мощная, возрожденная Россия нужна союзникам, впоследствии активно применялся в пропагандистской риторике. Подобные рассуждения должны были убедить читательскую аудиторию – иностранцы не бросят белое движение, борьба антибольшевистских сил за «возрождение величия» страны, несомненно, справедлива и будет поддержана цивилизованным мировым сообществом. Основанием для такой поддержки, по мнению белых, являлась общность целей и ценностей. Будущая Россия мыслилась как демократическое государство, хотя «все рассуждения о демократии носили весьма пространный характер» [6. С. 95]. Победа стран Антанты в мировой войне олицетворяла собой победу демократии и права над авторитаризмом, «хищничеством и насилием в международной политике». Выступая с речью на собрании «Союза Возрождения», посвященном окончанию мировой войны, Г.К. Гинс заявлял: «Победа союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия» [9]. Возвращение обновленной, демократической России в когорту великих держав рассматривалось как вполне закономерный итог войны. «Неисчислимые жертвы», которые несла Россия в ходе войны, обеспечивая победу союзной коалиции, давали ей, по мнению белых, право на получение союзной помощи. Данная помощь, как отмечалось в газете «Правительственный вестник», «является одним из результатов общей победы, порядочная доля которой принадлежит, по общему признанию союзников, нам – русским» [8]. Белые, таким образом, продолжали опираться как на положительные, так и отрицательные стереотипы, заложенные еще во время мировой войны. Сформировавшееся к 1917 г. убеждение в том, что успехи Антанты куплены ценой огромных жертв России, изначально выставлявшее союзников с негативной стороны, в новых условиях использовалось для того, чтобы доказать необходимость помощи антибольшевистскому движению.

Другой негативный стереотип – мнение о расчетливости и неискренности западных держав – в новых условиях служил почвой для рассуждений о том, что иностранцам с точки зрения экономики выгоднее иметь отношения с сильной Россией. Так, в газете «Русская речь» отмечалось, что «союзники должны учесть не только необходимость содействовать возвращению порядка в стране и торжеству в ней начал права; они, несомненно, должны учесть и свои интересы, во имя которых им надлежит оказать помощь России». Интересы эти были связаны с тем что «Россия представляла и теперь, после мировой войны, не только интересный, но и необходимый для союзников рынок для покупки сырья и для сбыта продуктов своей промышленности» [10]. Помимо этого, в прессе указывалось на то, что Франция и Британия – крупнейшие кредиторы России – заинтересованы в ее вос-

создании, «ибо только единая, великая Россия, спаянная прочным правопорядком, в состоянии выполнить свои обязательства как должник» [11].

Продолжая верить в то, что союзники крайне заинтересованы в оказании помощи белым в деле возрождения величия России, политические и общественные круги белой Сибири порой чересчур оптимистично воспринимали те или иные их внешнеполитические шаги. В мае – июне 1919 г. произошел обмен телеграммами между Омском и союзниками по вопросу о признании Правительства А.В. Колчака. Тогда же в прессе появилась информация о том, что Югославия уже признала данное правительство как всероссийское. «Югославия является всецело почти созданием Англии и Франции, совершенно ясно, что правительство ее не решилось бы на такой важный шаг в международной политике без согласия держав покровительниц», – считала газета «Военные ведомости». Исходя из того, что две этих державы дали свое согласие на признание Омского правительства Югославией, редакция газеты делала вывод: «стало быть, они и сами не далеки от этого» [12]. Однако признание, которое расценивалось как «первый шаг международного решения ввести вновь Россию в круг великих держав и помочь ей вернуть то положение, которое она занимала ранее», в конечном счете так и не состоялось.

Тезис о *единстве* следует рассматривать как минимум в двух значениях. Первое подразумевало территориальное единство страны, в данном случае смыкаясь с понятием неделимость / нераздельность России, выражало идею сохранения целостности государства. Другое значение термина «единство» подразумевало, как отмечает В.П. Слободин, «общенациональное объединение всех слоев российского общества» [13. С. 71]. Большевистским лозунгам интернационализма и классовой солидарности пролетариата белые стремились противопоставить идею «духовного, политического единства русской нации при ее разноплеменном составе» [14], которая подразумевала национальное, межклассовое и межпартийное единение.

Приветствуя помочь союзников, печать отмечала разобщенность сибирского общества. «Каждая из партий полагает, что союзники окажут помощь именно ей, – писала газета «Воля Сибири», «“демократические части общества” и правые круги, так называемые “монархисты”, оглядываются на союзников и ждут о них помочь не для России, как цельного государства, а для своей партии» [15].

Вместе с тем «государственно-мыслящая» печать вынуждена была с сожалением констатировать: «...наша судьба, устроение российской государственности перешли в чужие, хотя и дружественные руки», «копека на лицо», и за нее «придется расплачиваться», что «не особенно лестно для нашего национального самолюбия» [16]. И кадеты, и левые утверждали: для того чтобы избавиться от опеки, перестать быть «объектом» международных отношений и выстроить равные партнерские отношения с союзниками, необходимо создание очищаемой от большевиков терри-

тории сильной и поддерживаемой массами власти. Заострение внимания на том, что осуществляемая с благими целями интервенция союзников на деле является очередным унижением России, являлось соизнательным давлением на «болевую точку», попыткой разбудить угасший патриотизм в среде сибирской общественности, заставить прекратить партийные склоки, сплотиться вокруг центральной власти и активизировать борьбу с большевиками.

Третья составляющая лозунга – **неделимость России**. Представления лидеров и идеологов антибольшевистского движения по вопросу о возможных вариантах государственно-территориального устройства будущей «великой России» различались. Однако большинством из них нераздельность России понималась как «обязательное восстановление и соблюдение территориальной целостности Российского государства и довоенных границ 1914 г.» [7. С. 90].

На протяжении 1919 г. в прессе неоднократно появлялись публикации с критикой союзников. Причиной тому послужила противоречивая политика держав в отношении России. Предложение президента США В. Вильсона созвать конференцию всех российских правительств для переговоров на Принцевых островах в начале 1919 г., отсутствие официальной делегации от России на мирных переговорах в Версале и непризнание Правительства А.В. Колчака со стороны Запада – все это отрицательно влияло на имидж союзников.

Сибирская печать пристально следила за ходом мирной конференции. Авторы статей, посвященных анализу международного положения, пытались предугадать, какова будет роль России в будущей системе международных отношений. По словам Н.В. Устрилова, новый мировой порядок оказался «не таким уж и новым». Причина тому – тот факт, что «проект суверенной “Лиги Народов” не осуществляется в своей принципиальной законченности и цельности, вершителями международной политики остаются по-прежнему “великие державы”». Снова всплывают на сцену знакомый принцип “международного равновесия”...». В этих условиях, по мнению идеолога Омского правительства, «сильная Россия становится существенно необходима миру». Подобный вывод делался на основании уверенности в том, что каждая из группировок великих и малых держав, появление которых считалось неизбежным, будет заинтересована в привлечении на свою сторону России [17].

Сохранение территориальной целостности России считалось обязательным условием для достижения ею прежнего величия. В связи с этим особое беспокойство политических кругов белой Сибири вызывал вопрос о статусе бывших окраин Российской империи, приобретших независимость. Стремление создать вокруг России «санитарный кордон» из малых государств расценивалось как угроза стабильности Европы и мира в будущем. «Все одинаково видят неясности в планах всесильного мирового концерта, – писала в июле 1919 г. газета «Русь», – «и все одинаково ответят на эти неясности словами резолюции кадетов: “Политика, преследующая цели расчленения России,

откуда бы она ни исходила, будет всегда рассматриваться русским обществом как враждебная русскому народу и его жизненным интересам”. Ибо такая политика несет не мир, а меч. Ибо вне единой и неделимой России прочный мир – пустая утопия», – заключал автор статьи [18].

«Расчлененная Россия, Россия разрозненная и разрезанная на множество мелких кусочков – это вечная угроза миру и миру – это новые Балканы, способные в любой момент взорвать все здание международного благополучия», – гласила редакционная статья газеты «Свободный край». Решение судьбы России без участия населяющих ее народов считалось не только «проявлением бес tactности», «грубым нарушением всех норм международного права и попиранием демократических принципов», но и «самым жестоким уничтожением тех результатов, которые достигнуты войной, прелюдией к новой кровавой симфонии, значительно более трагической, чем только что оконченная» [19].

Рассуждения об опасности разделения России сопровождались тезисом о том, что окончательное установление мира в Европе невозможно, пока в России продолжается Гражданская война, и были адресованы как российской общественности, так и союзникам. Квалифицируя «большевизм настоящего, ставший опаснее кайзеризма прошлого», как «зло не только русское, но и мировое», печать призывала союзников через участие в восстановлении России бороться за стабильность Европы. Однако в то время, как белые, по их мнению, сражались за «мировую культуру и высокие идеалы права и справедливости, которыми жило и живет человечество», [20] «сильные мира сего» предпочитали усердно культивировать и навязывать маленьким народностям России «самоопределение», больше нужное не «самоопределяющимся», а «самоопределяющим». Что, по словам кадетской печати, вызывало «ожгучее чувство горечи и тяжкой незаслуженной обиды каждого русского гражданина» [21].

Понимание того, что ожидание признания и широкой помощи от союзников становится все более бесмысленным, заставляло «государственно-мыслящую» печать говорить о том, что не стоит ждать милостей от союзников и в большей степени опираться на свои силы. Во второй половине 1919 г. белые продолжали рассчитывать на иностранную экономическую и военно-техническую помощь, однако повсеместным стало разочарование в союзниках, выражавшееся на страницах газет. Циркуляция в печати различного рода сведений о стремлении держав не вмешиваться в дела России и многочисленные факты некорректного поведения интервентов привели к тому, что вновь, как и в 1916–1917 гг., образ «благородных союзников» потускнел и трансформировался в образ расчетливых дельцов, использующих русский народ в своих интересах.

В то же время предпринимались попытки поиска рационального объяснения того, почему союзники не оказали серьезной поддержки антибольшевистским силам. Так, в одной из статей издания Русского Бюро Печати «Русское дело» указывалось на то, что союз-

ники не смогли осознать большевизм как орудие борьбы германского генштаба и сделать вывод о необходимости продолжения вооруженной борьбы против большевиков в России [22]. Иностранные, по мнению белых, просто не понимали сути большевизма и недооценивали его «опасность для всего цивилизованного мира».

Согласно другой, более радикальной точке зрения, союзники попросту надеялись «залить красный интернационал исключительно русской кровью» [23]. Тезис о том, что сильная Россия выгодна и нужна Западу, был вытеснен мнением, что союзными державами «методически, последовательно подготавливается раздел России по знаменитой формуле «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» [24], поскольку «единая и великая Россия не входит в планы единых и великих Англии, Франции и Америки» [25]. В обоих случаях делался неизбежный вывод: «Суровая действительность разочаровала нас насчет единства “европейской культуры”, во имя которой велась Великая война, кончившаяся сепаратным миром наших союзников с Германией. Наше дело – русское дело, и никто нам не поможет в нем, кроме нас самих» [26]. Положение о необходимости опоры на собственные силы в конечном счете стало лейтмотивом пропагандистской риторики официальной печати вплоть до падения режима А.В. Колчака.

Идея «единой, великой и неделимой России», таким образом, оказала сильное влияние на восприятие внешней политики стран Антанты. Стремление антибольшевистских сил получить поддержку со стороны бывших союзников по мировой войне выразилось в формировании положительного образа союзников в печати и поисках обоснования для их вмешательства в Гражданскую войну в России на стороне белых.

Публикации, в которых утверждалось, что сильная, единая Россия выгодна союзникам экономически и необходима для сохранения баланса сил в послевоенной Европе, были адресованы как российской общественности, так и самим союзникам. Если в первом случае подчеркивание солидарности белых правительств и стран Антанты служило укреплению престижа антибольшевистских сил, то во втором должно было подтолкнуть союзные страны к более активной политике в отношении России. Уверенность в том, что союзники разделяют идеи белых относительно необходимости величия и территориального единства России, привела к искаженному восприятию политики стран Антанты и созданию их идеализированного образа. Опираясь на возрожденные стереотипы о «благородных союзниках», сложившиеся в период мировой войны, белые зачастую выдавали желаемое за действительное. Вера лидеров антибольшевистских сил в то, что союзники обязаны им помочь, обернулась в конечном счете крахом надежд и разочарованием в идеях единства и общности интересов России и западных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поршинева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.
2. Святой долг // Свободная Сибирь. (Красноярск). 1918. 23 июня.
3. Сибирский вестник. (Омск). 1918. 24 авг.
4. Сибирский вестник. (Омск). 1918. 13 сен.
5. Свободный край. (Иркутск). 1918. 20 окт.
6. Декларация Российского правительства // Правительственный вестник. (Омск). 1918. 10 дек.
7. Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. 467 с.
8. Международное положение России и государственная власть // Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 ноя.
9. Россия во время и после войны // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 ноя.
10. Русская речь (Новониколаевск). 1918. 15 ноя.
11. Свободный край (Иркутск). 1918. 12 ноя.
12. Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 28 мая.
13. Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М. : МЮИ МВД России, 1996. 80 с.
14. Свободный край (Иркутск). 1919. 4 июня.
15. Воля Сибири (Красноярск). 1918. 25 окт.
16. Свободный край (Иркутск). 1918. 11 сен.
17. Международная перегруппировка // Правительственный вестник. 1919. 16 марта.
18. Русь (Омск) 1919. 10 июля.
19. Свободный край (Иркутск). 1919. 28 июня.
20. Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 1 авг.
21. Свободный край (Иркутск). 1919. 15 авг.
22. Железный закон // Русское дело (Омск). 1919. 9 окт.
23. Союзники и Россия // Забайкальская новь (Чита). 1919. 2 дек.
24. Переговоры // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 11 дек.
25. Союзная арифметика // Наша газета (Иркутск). 1919. 3 дек.
26. Русское дело // Наша газета (Томск). 1919. 31 окт.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 мая 2015 г.

THE SLOGAN “GREAT, UNIFIED AND UNDIVIDED RUSSIA” AND THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE ALLIES IN THE OFFICIAL AND PRO-GOVERNMENT (PERIODICAL) PRESS OF THE WHITE SIBERIA (JUNE 1918 – DECEMBER 1919)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 80–85. DOI: 10.17223/15617793/399/14

Konev Kirill A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Keywords: slogan “Great, Unified and Undivided Russia”; Allies; periodicals; Siberian Provisional government; Government of A.V. Kolchak; propaganda image.

Periodicals published during the Civil War in Siberia and the Far East reflect the existing diversity of ideas and opinions that political groups, parts of anti-Bolshevik forces in the East of Russia, defended. The idea of the “Great, Unified and Undivided Russia” was central in the propaganda rhetoric of the official press and had a deep influence on the process of formulating of a number of other ideas and propaganda images that played an important role in the value system of the White movement. The official and pro-government newspapers designed images and conceptualized ideas. At the same time, the press was used for the following translation of these images and ideas in the form of clear propaganda orientations. Thus, the press materials provide an abundant material for the reconstruction of the content of the idea of “Great, Unified and Undivided Russia” as understood by the ideologists of the anti-Bolshevik governments of the White Siberia. For a more holistic and in-depth analysis of the content of this idea, it is necessary to consider it in the context of other ideologemes that played an important role in the advocacy of the White. The problem of relations between Russia and the Entente did not leave the pages of the official and pro-government periodicals of the White throughout the period of the Civil War. The unflagging interest towards the Allies was caused, on the one hand, by their contradictory policy in reference to Russia, on the other hand, by the White Siberia governments’ striving to enlist the support of the whilom allies in World War I. The aim of this article is to identify the role of the idea of “Unified and Undivided Russia” in the perception of the allies’ policy towards Russia and the formation of the image of the allies on the pages of government’s periodicals of the East of Russia during the Civil War. Each element of the slogan “Great, Unified and Undivided Russia” carried a certain set of meanings and, at that, could be interpreted quite freely. The meanings inherent to these elements created a specific context in which the image of the allies was endowed with some traits and characteristics. Evaluating the policy of the Allies in the context of the idea of the greatness of the country, the White believed that the Entente countries were interested in the re-establishment of a strong Russia. The return of a renewed, democratic Russia to the cohort of the Great Powers was considered as quite a logical outcome of World War I. The press also noted that a unified Russia, welded by the law and order, will become one of the guarantors of safety and stability in the post-war Europe and a profitable economic partner for the West. The leadership of the anti-Bolshevik governments actively opposed the recognition of independence of the outskirts of the former Russian Empire. The policy of the Allies, aimed at creating a number of “buffer states” around Russia, engendered the discontent of the White. The lack of official recognition of the Government of A.V. Kolchak by the Allied Powers intensified this discontent. Gradually, in their propaganda rhetoric, the White began to increasingly emphasize the necessity to rely on their own strength and not to wait for support from the Allies. The persuasion that the Allies shared the ideas of the White concerning the necessity of the greatness and territorial unity of Russia led to an awry perception of the Entente policy. The certitude of the anti-Bolshevik forces that the Allies were obliged to help them resulted, at long last, into a collapse of hopes and disappointment in the ideas of the unity of Russia and Western countries.

REFERENCES

1. Porshneva, O.S. (2014) Evolution of the popular image of the Allies in the 1917 revolutionary Russia. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1 (42). pp. 43–52. (In Russian).
2. Anon. (1918) Svyatoy dolg [Sacred duty]. *Svobodnaya Sibir'*. 23 June.
3. *Sibirskiy vestnik*. (1918). 24 August.
4. *Sibirskiy vestnik*. (1918). 13 September.
5. *Svobodnyy kray*. (1918). 20 October.
6. Russian Government. (1918) Deklaratsiya Rossiyskogo pravitel'stva [Declaration of the Russian Government]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 10 December.
7. Zimina, V.D. (2006) *Beloе delo vzbuntovavsheysya Rossii: Politicheskie rezhimy Grazhdanskoy voyny 1917–1920 gg.* [The White business of the rebellious Russia: Political regimes of the Civil War of 1917–1920]. Moscow: RSUH.
8. Russian Government. (1918) Mezhdunarodnoe polozhenie Rossii i gosudarstvennaya vlast' [The international position of Russia and the government]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 21 November.
9. Russian Government. (1918) Rossiya vo vremya i posle voyny [Russia during and after the war]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 29 November.
10. *Russkaya rech'*. (1918). 15 November.
11. *Svobodnyy kray*. (1918). 12 November.
12. *Voennye vedomosti*. (1919). 28 May.
13. Slobodin, V.P. (1996) *Beloе dvizhenie v gody grazhdanskoy voyny v Rossii (1917–1922 gg.)* [The White movement during the Russian Civil War (1917–1922)]. Moscow: MYUl MVD Rossii.
14. *Svobodnyy kray*. (1919). 4 June.
15. *Volya Sibiri*. (1918). 25 October.
16. *Svobodnyy kray*. (1918). 11 September.
17. Russian Government. (1919) Mezhdunarodnaya peregruppirovka [International realignment]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 16 March.
18. *Rus'*. (1919). 10 July.
19. *Svobodnyy kray*. (1919). 28 June.
20. *Voennye vedomosti*. (1919). 1 August.
21. *Svobodnyy kray*. (1919). 15 August.
22. Anon. (1919) Zhelezny zakon [The iron law]. *Russkoe delo*. 9 October.
23. Anon. (1919) Soyuzniki i Rossiya [The Allies and Russia]. *Zabaykal'skaya nov'*. 2 December.
24. Anon. (1919) Peregovory [Negotiations]. *Sibirskaya zhizn'*. 11 December.
25. Anon. (1919) Soyuznaya arifmetika [The Allies arithmetic]. *Nasha gazeta*. 3 December.
26. Anon. (1919) Russkoe delo [Russian business]. *Nasha gazeta*. 31 October.

Received: 06 May 2015

УДК 94(73)

C.A. Короткова

АМЕРИКАНСКАЯ «МАДАМ ТЮССО»

Статья посвящена первой известной женщины-скульптору в США – Пейшнс Лоуэлл Райт (1725–1786). Будучи одаренной натурой, Пейшнс делала восковые фигуры известных современников сначала в Америке, затем в Великобритании. Есть сведения, что, будучи вхожей в высшее английское общество, она собирала сведения и передавала их восставшим колонистам в период Войны за независимость. П. Райт была также активной участницей кампании по освобождению американских пленных из английских тюрем.

Ключевые слова: история женщин США; история скульптуры; Пейшнс Лоуэлл Райт; Война за независимость.

В 1778 г. в Париже юная Мари Гросхольц (будущая мадам Тюссо) создала из воска небольшую фигуру Бенджамина Франклина, который находился во Франции для заключения союза против Англии. Эта модель была одной из первых самостоятельных работ падчерицы и ученицы скульптора Филиппа Вильгельма Кертиса. Лепка из воска не была чем-то совершенно новым в искусстве. Еще древние римляне делали восковые посмертные маски и хранили их дома. Восковые статуи святых украшали храмы в средневековой Европе. Филипп Кертис приспособил этот вид искусства к нуждам живых. Во времена, когда фотография еще не была изобретена, а портрет или бюст у художника были по карману далеко не каждому, Ф. Кертис за сходную цену запечатлевал заказчиков в миниатюрных восковых бюстах. Для большей схожести бюсты одевали в парики, кружева и сюртуки. Но восковая модель Б. Франклина работы юной парижанки была не единственным скульптурным изображением американца. Его восковой бюст сделала еще одна художница – первая известная скульптор в США Пейшнс Лоуэлл Райт.

К сожалению, не очень много известно о начальном периоде жизни этого мастера. Она родилась в 1725 г. в Ойстер-Бее (Нью-Йорк) и была одним из десяти детей в семье (пятой из девяти девочек). Ее родители Джон и Пейшнс (Таунсенд) Лоуэлл были квакерами. Когда девочке было 4 года, они продали ферму в Ойстер-Бее и купили другую недалеко от г. Бордентайна (Нью-Джерси) в графстве Берлингтон, где ее прижимистый отец постепенно приобрел значительные земельные угодья.

Джон Лоуэлл, преуспевающий фермер, исповедовал эксцентричную форму квакерства, которую за век до этого описал в своем труде Томас Трион¹. Обладая тяжелым, властным характером, он заставил всю семью следовать его взглядам. На отдаленной ферме семья вела почти отшельнический образ жизни. Они были вегетарианцами, носили деревянные башмаки вместо кожаных, дети должны были всегда быть одеты в белое как символ умеренности и чистоты. Эти навыки самоограничения помогут Пейшнс в будущем пережить тяжелые времена.

Чтобы как-то развлечься, дети лепили из теста или глины разные фигурки, а когда скульптуры высыхали, их раскрашивали растительными красками. Уже в раннем возрасте талант к ваянию обнаружился у Пейшнс и ее сестры Рэйчел, их поделки были самыми похожими на оригиналы.

В 16 лет, восстав против тирании отца, Пейшнс уехала из дома в Филадельфию, надеясь найти там художественный мир. Об этом периоде ее жизни практически ничего не известно, но она явно не преуспела в искусстве. В 1748 г. в возрасте 23 лет, что было довольно поздно по меркам колониального периода, она вышла замуж за квакера Джозефа Райта, который происходил из графства Берлингтон. Ее муж был намного старше ее. Пейшн позже напишет своей подруге: «...он смог предложить мне только возраст и деньги...» [1. № 79. Р. 121]. После свадьбы Райты купили кирпичный дом² в Бордентайне, в котором больше 20 лет жили Пейшнс и дети, Джозеф больше времени проводил в Филадельфии. Ферма и бондарный промысел, которым он занимался, требовали частых отлучек из дома, чтобы следить за большим хозяйством. В семье за 21 год брака родилось пятеро детей: Мэри (которая к моменту смерти отца была замужем за Бенджамином ван Клеве), Элизабет, Джозеф, Феб и Сара, которая появилась на свет уже после смерти отца в 1769 г. Своих детей Пейшнс тоже развлекала лепкой фигурок и лиц из теста, замазки и глины.

В мае 1769 г. после смерти Джозефа (он умер в Филадельфии) Пейшнс Райт осталась в 44 года беременной вдовой с тремя детьми на руках. Очень скоро из завещания выяснилось, что отец разделил земли на четыре части для продолжения его дела (он не знал о том, что должен родиться еще один ребенок), а жене оставил дом в Бордентайне с условием, что она будет заботиться о детях до 21 года или пока они не женятся или выйдут замуж. Семья через некоторое время начала остро ощущать нехватку денег. Надо было найти источник заработка. При поддержке соседа Фрэнсиса Хопкинсона³ и при помощи своей сестры Рэйчел Лоуэлл Велс (1735–1796), которая к тому времени тоже стала вдовой, Пейшнс пошла на неординарный для того времени шаг – сделала свое хобби работой. Она начала лепить и раскрашивать портретные бюсты⁴. В XVIII в. сфера деятельности профессиональных скульпторов в Америке была ограничена производством надгробий и носовых фигур для кораблей. П. Райт не у кого было поучиться, но природный дар помогал ей создавать удивительно реалистичные изображения. Сестра показала, как можно делать скульптуры в натуральную величину. Женщины знали о выставках восковых фигур в Европе, но там обычно изображали выдающихся исторических личностей, библейских аллегорических персонажей

или известных преступников. Рейчел предпочла делать библейских героев, Пейшнс же решила специализироваться на создании образов выдающихся современников. Художница лепила головы и руки, а затем присоединяла их к фигурам. Модели позировали ей, а она в течение многих часов работала с материалом на коленях и под фартуком, так как воск, чтобы формоваться, должен был быть теплым. Своих посетителей она во время работы вовлекала в беседу. Потом Пейшнс окрашивала воск, одевала парики из настоящих волос, кропотливо вставляла стеклянные глаза, красила губы и щеки и даже приделывала крошечные ресницы, чтобы оживить лица. Затем фигуры одевались в одежду, создавая такое поразительное сходство, что те, кто видел ее работы, могли поклясться, что фигуры живые. «...у меня подогнулись ноги, когда я увидел мертвых живыми и живых мертвыми у госпожи Райт – леди с большими, проникающими в вашу суть глазами, которая с поразительным искусством делает мужчин и женщин столь же естественными, как в жизни... Карандаш и долото в руках художников Афин и Рима еще в начале истории привели их к совершенству, но специфическое искусство лепки людей из воска было запасено природой для гения из Америки. И когда мы видим удивительное мастерство ее искусства, то у нас появляется вопрос, как ей удается передать нас так непосредственно. ...Я наблюдал за ней вместе с другими людьми, которые часто приходят в это любопытное место, и не мог сдержать улыбку, видя, как она работает. В это время голова лежит на ее коленях, и она настолько натуральна, что в первый момент кажется, что ее только что отсоединили от тела. Манера ее работы замечательна; она всегда закрывает воск тканью. Пока воск теплый и мягкий, он подвластен любому изменению, и удовольствие от работы отражается на ее лице. ...было очень забавно слушать ее просьбы о компонентах. Она тогда делала обветренное лицо воина, каждую минуту прося о мокром табаке, чтобы затем нинять цвет кожи, или о киновари для щек; затем она позвала слугу, чтобы тот принес ей глаза, затем плечи и уши, которые она сделала заранее. Было настолько необычно видеть такое новаторство, что я был в восхищении и изумлении» [2. 1772. May 26]. Английский журнал в полном восхищении от ее работы написал: «Среди ее героев есть некоторые, изображенные разговаривающими настолько естественно, что люди часто заговаривают с этими фигурами» [3. 1775. Vol. 44. P. 556].

За короткое время была создана передвижная выставка⁵ фигур известных общественных деятелей. Эти модели из воска были самыми ранними зарегистрированными попытками скульптуры в американских колониях. Сестры отправились с моделями в Филадельфию, Нью-Йорк, Чарльстоун, быстро завоевав популярность. Через два года количество фигур стало достаточноенным, чтобы организовать две постоянные выставки, где публика могла за деньги посмотреть на изображения известных людей. Пейшнс переехала с тремя детьми в Нью-Йорк (младшую Сару она отдала на время своей сестре Резин, которая жила в Трентоне), так как там жило много заказчиков восковых

портретов. В результате знакомства с этими людьми скульптор обзавелась их дружбой и покровительством [4]. Рейчел поселилась в Филадельфии. Наибольшее количество посетителей привлекал манхэттенский музей на Квин-стрит. Во время поездок матери с передвижной выставкой о музее заботились дети. Во время одной из поездок Пейшнс 3 июня 1771 г. пожар уничтожил многие из ее произведений. «The New-York Gazette or the Weekly Post-Boy» сообщила: «В понедельник около 8 часов вечера случился пожар в доме госпожи Райт, искусной художницы в лепке из воска и владелицы галереи восковых фигур, имеющих поразительное сходство с оригиналами, которая была представлена публике в этом городе ко всеобщему удовольствию ...но большинство фигур из воска были уничтожены, вместе с некоторыми фигурами, которые госпожа Велс (сестра госпожи Райт) недавно привезла из Чарльстоуна. Стоимость всего имущества составила нескольких сотен фунтов. Все же удалось спасти тщательно выполненную фигуру преподобного мистера Уайтфилда⁶ [5], Фермера из Пенсильвании⁷ и некоторые другие, которые она продолжает показывать. И мы слышали, что миссис Райт предполагает восстановить утраченное в пожаре как можно скорее и сделать некоторые новые любопытные фигуры» [6. 1771. June 10].

Усердно работая, сестры восстановили утраченную коллекцию и уже в сентябре привезли ее в Бостон. Местная газета поместила такое объявление: «Дочери Джона Лоуэлла с Лонг-Айленда, занятые лепкой восковых фигур, представили такую совершенную работу, что поразили самых разных зрителей в тех столицах, где уже видели их модели. Фигуры, которые были представлены, – “Возвращение блудного сына”, знаменитый преподобный мистер Дж. Уайтфилд, наш любимый Фермер из Филадельфии. Господа, знакомые с этими персонажами, восхищены и признают навыки и мастерство леди, которые смогли “поднять” умершего из могилы и представить его бесчисленным друзьям в Бостоне, а также живое изображение Джона Дикinsonа, эсквайра» [2. 1771. October 3].

В Бостоне Пейшнс Райт познакомилась с сестрой Бенджамина Франклина – Джейн Меком⁸[7], которая дала ей рекомендательное письмо к брату и некоторые сведения о жизни в Лондоне. Кроме того, Пейшнс заручилась поддержкой еще некоторых влиятельных американских деятелей. В феврале 1772 г. она отправилась в Англию, оставив Элизабет следить за выставкой и младшей сестрой Феб. Джозеф учился в школе в Филадельфии. Дети приехали в Англию в 1775 г. Причиной к ее отъезду было, вероятно, исчерпание списка известных американских личностей; к переезду мог подтолкнуть и пожар, который уничтожил большую часть коллекции – средство для заработка денег, необходимых ей и ее детям. Но она планировала быстро вернуться обратно с моделями выдающихся англичан.

В Лондоне Бенджамин Франклин, который был официальным представителем ряда колоний, в том числе и Нью-Джерси, познакомил ее с известными людьми, включая историка Кэтрин Маколей⁹, политического лидера Джона Собриджка¹⁰ и живописца

Бенджамина Уэста¹¹. Она поразила Франклина точно выполненной копией головы его близкого друга Колдена Кадвалладера¹², после чего Бенджамин согласился на изготовление своей модели. Пейшнс Райт устроилась в квартире на Пэлл-Мэлл¹³, где открыла восковую мастерскую и лепила фигуры известных политических деятелей, представителей знати, актеров и других видных людей. Лондонцев поражало не только физическое сходство моделей с оригиналами, но и то, как скульптор точно угадывала и передавала их характеры. За это она получила прозвище «американская Сибилла»¹⁴.

По рекомендации Бенджамина Уэста студия Пейшнс стала популярным местом встречи для знатных клиентов, которые называли ее «новаторский модельер». Довольно быстро она превратила мастерскую в музей для посещений, где вход стоил, также как в Нью-Йорке, два шиллинга. Одна из лондонских газет написала об «изобретательной госпоже Райт, чье мастерство по созданию сходства, передаче чувств и многих любопытных деталей в работе с воском по достоинству оценено и рекомендовано общественному вниманию» [8. Vol. 3. P. 426]. Популярность музея П. Райт затмила славу своих конкуренток – миссис Сэлмон, миссис Голдсмит и миссис Миллз¹⁵.

Ее заказчиками были лорды, члены парламента, их жены, знатные леди из высшего общества. Среди них лорд Норт – премьер-министр в 1770–1782 гг.; лорд Джордж Литтелтон – политический деятель, писатель, член парламента; адмирал Ричард Хоу; капитан Эдвард Томпсон – офицер королевского флота; полковник Исаак Барре – политик, член парламента; историк Кэтрин Маколей; Чарльз Джеймс Фокс – член парламента, убежденный оппонент короля Георга III; Гренвиль Шарп – писатель, общественный деятель, филантроп, библист, один из основателей аболиционистского движения; Томас Паунпл – политик, губернатор провинции Массачусетского залива в 1757–1760 гг., член парламента; Джонас Хэнуэй – путешественник и филантроп; Чарльз Дингли – торговец, член Московской купеческой компании; Джон Уилкс – член парламента, журналист, публицист, политик. «The London Magazine» заметил: «Наиболее известной является фигура госпожи Маколей, которая благодаря миссис Райт будет жить также долго, как в ее (К. Маколей. – С.К.) республиканской “Истории Англии” будет жить свидетельство ее ума. Миссис Райт сохранила для нас личность этой прославленной патриотической женщины» [3. 1775. Vol. 44. P. 556]. Среди фигур были и представители американцев: Томас Пенн – сын Уильяма Пенна, основателя Пенсильвании; Дебора Сэмпсон [12], которая, переодевшись в мужское платье сражалась в армии Д. Вашингтона, Бенджамин Франклайн и др. «Мы слышали, что искусная госпожа Райт из Америки недавно прислала в Нью-Йорк две из ее неподражаемых восковых фигур, представляющих доктора Франклина и госпожу Маколей. Сейчас она делает другого известного деятеля Америки, как подарок Американскому философскому обществу» [13. 1773. February 15].

Скульптор создала в натуральную величину изображение Уильяма Питта-ст.¹⁶, премьер-министра в

1766–1768 гг. Осенью 1772 г. «The New-York Gazette» поместила письмо, полученное издателем: «Мы получили известие из Англии о том, что изобретательная госпожа Райт, чьи удивительные имитации из воска с таким восхищением были встречены в Америке, приложным трудом и усовершенствованием этой работы, зарекомендовали себя к общему вниманию и поддержке людей высшего слоя в Англии, которые удостоили ее особыми знаками своего покровительства. Несколько знатных персон и даже сам его Величество снизошел, чтобы несколько раз позировать ей. Вероятно, она обогатит свою коллекцию и окажет услугу своим Друзьям в Америке, изобразив самых замечательных людей нынешнего века. Она уже закончила и отправила своему музею в нашем городе, где их можно посмотреть, поразительно похожего знаменитого доктора Бенджамина Франклина из Филадельфии, который теперь находится в Лондоне, и госпожу Кэтрин Маколей, которой так восхищаются за ее большой труд и любезный характер» [13. 1772. November 9].

Всех посетителей и заказчиков сначала шокировали, а потом забавляли грубоватые деревенские манеры Пейшнс Райт – носить деревянные ботинки, целовать представителей обоих полов из всех слоев общества в обе щеки при встрече, вести непрерывную беседу с очень своеобразным юмором во время сеанса лепки. Она сделалась для английского общества чем-то вроде «американской диковинки». Поддерживая свою репутацию богемной эксцентричной дамы, она с удовольствием использовала сквернословие. Элкана Уотсон¹⁷, который познакомился с ней в Париже¹⁸ в 1781 г., так описал ее в своем дневнике: «У нее была высокая, атлетическая фигура. Шагала она твердым, смелым шагом, при этом сохраняя полную вертикальность, как индеец. Цвет ее лица был несколько болезненный; скулы высокими; лицо морщинистым. Ее острые глаза в форме маслин имели взгляд проникновенный и выразительный. При этом ее взгляд пугал, он был похож на взгляд дикого маньяка. Ее энергия и оригинальность беседы соответствовали манерам и внешности. Она использовала бы свой язык постоянно, если бы тех, к кому она обращалась, не бросало бы в краску. Она очевидно обладала предельной простотой сердца и характера» [14. P. 93].

Эта простота, открытость, честность, истоки которых были в квакерском эгалитаризме, вместе с поразительным мастерством воспринимались лондонской аристократией «как свидетельство нового мира, сделанное из плоти» [15]. Малозависимой от социальной английской иерархии Пейшнс нравилось, как относятся к ее грубоватому поведению и простолюдины, и аристократы. Скульптор была в восторге от их похвал. Совершенно иное мнение сложилось у Абигайль Адамс, жены первого американского посла в Великобритании Джона Адамса. Посетив студию, она была поражена реалистичностью фигур. Еще при входе «ее удивили пожилые люди, которые сидели, развалившись на диване. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что они – восковые; скульптор объяснила, что это были фигуры ее матери и отца. Позже Абигайль увидела пожилого священника, читавшего

газету посреди салона. Через несколько минут она сделала вывод, что он тоже сделан из воска» [16. Р. 118]. Однако сама скульптор ей очень не понравилась, особенно ее манера целовать всех. А. Адамс сочла это верхом распущенности. Она так описала художницу в письме своей сестре: «Эта дама напоминает старую деву в вашей окрестности – Нелли Пенниман, за исключением того, что та опрятна, а эта – королева неряха» [17. Р. 131].

Тем не менее Пешнс Райт сделалась настолько популярной, что к ней часто заходили даже король и королева посмотреть на ее работу. В 1773 г. скульптор достигла вершины популярности и почестей, когда ее попросили сделать их портреты, для чего они несколько раз позировали ей. Во время сеансов она вела себя совершенно свободно, обращаясь к ним по имени – Георг и Шарлотта. Венценосные особы «были пленены способностями и манерой Райт и даже разрешали ей упрекать их за ограничения для американских колоний», более того, «говорили, что любили получать ее советы» по колониальным вопросам, которые она высказывала с присущей ей прямотой и резкостью [8. Vol. 3. Р. 427].

Именно эта манера свободного общения и открытая поддержка американским колониям после начала Войны за независимость привели к потере покровительства со стороны королевского двора. Скульптор была ярой противницей британского вступления в войну с колониями. Существует легенда, что она отругала короля и королеву после сражений у Лексингтона и Конкорда со всей присущей ей откровенностью. Она была убеждена в американском превосходстве, высказываясь у себя в студии все более резко с развитием конфликта. После 1776 г. ее имя не появилось ни в одной британской газете, ее зрители почти все отвернулись от нее, так как она не скрывала своих политических взглядов. Союзниками П. Райт остались Уильям Питт, сторонник колоний, один из наиболее преданных покровителей Райт, которого она называла «ангелом-хранителем Америки» и Чарльз Джеймс Фокс – лидер радикального крыла партии вигов.

Несмотря на грубоватые деревенские манеры, Пешнс была очень сообразительной американской патриоткой. В то время, когда напряженность в отношениях между Англией и американскими колониями подходила к точке кипения, художница намеренно вращалась среди политически активных социальных групп, использовала дружбу с британскими и колониальными лидерами. Имея свободный доступ в салоны и кафе, где велись политические разговоры, Пешнс внимательно к ним прислушивалась и скрупулезно передавала сплетни Бенджамина Франклину и другим корреспондентам. В 1775 г. она собирала информацию о дислокации войск, которые пересыпала Джону Дикинсону и Джону Хенкоку в Филадельфию. «Всякий раз, когда эскадра была снаряжена или полностью экипирована, эта сообразительная квакерша сообщала о количестве войск и месте их назначения лидерам революции. Она много и часто писала Б. Франклину, который в то время жил в Париже» [18. Р. 15]. В какой-то момент, видимо под влиянием Стивена Сейра¹⁹, ей пришла в голову идея уговорить Бенджамина

возглавить бескровный бунт «бедных и угнетаемых англичан, как духовных братьев и сестер американской Революции», в результате чего монархия была бы свергнута, и с Америкой заключен мир. Этот «проект» только ухудшил отношение к ней Франклина, который устал от ее бесконечных писем и не отвечал ей месяцами. «Это пятое письмо, которое я пишу доктору Франклину, и много других написала мистеру Сейру, Банкрофт²⁰ и др., но ни на одно не получила какого-либо ответа. Госпожа Райт самым почтительным образом жалуется доктору Франклину и надеется, что у него все в порядке, и кратко просит некоторого руководства к действию» [19. Vol. 25. Р. 149].

Она посыпала секретные сообщения членам Конгресса, спрятанными в восковых головах и бюстах, которые отправляла своей сестре для музея в Филадельфии. После смерти Пейшнс ее сестра Рейчел написала в письме в Конгресс: «... что она сделала для своей страны, которая занимала все ее внимание! В ее письмах пришли первые предупреждения... которые она послала мне в пуговицах и головах. Вы сначала приходили ко мне, а затем шли на заседании Конгресса в те тревожные дни» [20. Р. 286]. Хотя ценность информации, которую она посыпала, редко представляла собой больше, чем просто сплетни, Джон Хэнкок²¹ и Джон Дикинсон хвалили ее деятельность.

То, что такому открытому стороннику врага позволили долго оставаться близко к военным секретам, было необычно, даже для стандартов XVIII в. Возможно, правительство считало ее всего лишь безобидной чудачкой. О ее шпионской деятельности могло быть хорошо известно, и английские чиновники, фактически передавая ложную информацию через нее, надеялись запутать повстанцев.

Была еще одна сфера деятельности, в которой активно действовала Пейшнс Райт, – освобождение американских пленников из английских тюрем. Началось все со «случая Платта», который стал прецедентом и неразрешимой дилемой для английской юриспруденции.

Авен Смит Плант (1753 – ?) родился на Лонг-Айленде в Смиттауне (Нью-Йорк) в известной семье. Его дядя, судья Софоний Плант, основал Платтсбург (Нью-Йорк) и был членом Континентального конгресса. Брат Авена Ричард служил адъютантом генерала Ричарда Монтгомери при американском вторжении в Канаду. Авен занимался торговлей часов и их починкой. В марте 1775 г. его отец Джонас послал сына на юг с грузом товаров и наказом купить плантацию. Авен купил около 5 тыс. акров земли около Саванны (Джорджия). Его отец вскоре присоединился к нему, и они занялись работогловлей, но начавшаяся революция положила конец их предприятию. Повстанцы Саванны избрали Авена во вновь созданный Комитет приходских собраний, который активно поддерживал запрет на торговлю с англичанами. В результате этой деятельности его фамилия оказалась в списке тех, кого лоялистское правительство Джорджии посчитало предателями.

В июле 1775 г. к Саванне подошло британское торговое судно «Филипп» под командованием капи-

тана Ричарда Мейтленда, с грузом пороха (9 тонн), ружей (400 штук), свинца и пуль в помощь лоялистам Джорджии и Южной Каролины. Корабль был встречен в море вооруженной шхуной патриотов, которые вынудили «Филиппу» идти к близлежащему острову Кокспер (Джорджия). Там около 300 повстанцев высадились на корабль²². Капитану, который пытался протестовать, пригрозили «смоловой и перьями»²³, напомнив его попытки в предыдущем году импортировать запрещенный британский чай в Южную Каролину. Предоставив приказ, подписанный Джорджем Уолтоном, секретарем временного Конгресса провинции, она забрала весь порох и перевезла его на склад в Саванне²⁴. Оружие и пули остались на борту. Чтобы они не попали в руки лоялистов, Конгресс принял решение конфисковать судно, дать ему название «Свобода», и отвести вверх по реке Саванне. Там на основании письменного приказа президента Конгресса корабль взял под контроль комитет, состоящий из Мордехая Шефтольла, Джозефа Спенсера и Адена Смита Платта.

В январе 1776 г. в качестве торговца фирмы «Кэтберт & Платт» Авен зафрахтовал два судна на мыс Сен-Николь (северо-запад Гаити) с намерением продать свои товары и с разрешения Конгресса приобрести там необходимые военные запасы. Тот корабль, на котором плыл сам А. Платт, был захвачен на выходе из порта в обратный путь английским кораблем «Майдстоун» и приведен в Кингстон на Ямайке. Там на основании «хабеас корпус» после судебного разбирательства корабль был возвращен Авену, так как это была собственность англичанина, но его обязали продать свой груз. Пока Платт занимался распродажей товаров, он столкнулся с капитаном Ричардом Мейтлендом, который во время одной пьяной вечеринки громко рассказал о случае с «Филиппой». Губернатор Ямайки приказал Платту явится к нему, но после разговора заявил, что купец из Джорджии свободен. Однако как только А. Платт попытался отправиться с Ямайки в марте 1776 г., его вместе со слугой схватили английские моряки, перевезли на борт адмиральского военного корабля «Антилопа» и заковали в кандалы.

Продав слугу и получив некоторые средства, Авен сумел добиться на основе «хабеас корпус» суда, который обязал его отпустить, но его корабль к этому времени был уже продан. Британский вице-адмирал Кларк Гейтон, опасаясь иска от Платта, приказал его вернуть на «Антилопу» под видом трудоспособного моряка, но при этом заковать в кандалы. Через три месяца его переместили на борт фрегата «Борей», который отправился в Нью-Йорк. Продержав некоторое время узника на борту корабля в американской гавани, его передали на фрегат «Палас», который доставил его в Англию, где его опять перевели на борт «Кентавра», откуда на «Барфлер», с «Барфлера» обратно на «Кентавр» [21. Vol. 6. P. 45–47]. Наконец, 4 декабря 1776 г. на основании «хабеас корпус» он вынудил британские власти вывести его на берег для суда. К тому времени он провел восемь месяцев в море в кандалах. После пребывания в лондонской тюрьме Клеркенвелл Платт 23 января 1777 г. предстал перед мировыми судьями округа Миддлсекс сэром

Джоном Филдингом и сэром Уильямом Эддингтоном. Свидетели, которых привезли в Англию для дачи показаний против Платта, бежали из-под стражи, но позже двое из них были пойманы и свидетельствовали под давлением против жителя Джорджии. По решению судей Адена отправили в печально известную лондонскую тюрьму Ньюгейт.

Прецедент Адена Смита Платта стал огромной правовой проблемой. Кем он был перед английской судебной системой – английским гражданином, виновным в государственной измене, или гражданским военнопленным? Были его действия на «Филиппе» актом пиратства против коммерческого судна или он только исполнитель политического приказа властей? Его арест представляет собой законное действие или акт пиратства и похищения со стороны британского флота?

После полного разъяснения арестованному его прав как англичанина, даже мятежного, Платт обратился к лорду-мэру Лондона²⁵ с просьбой о подробном судебном разбирательстве. Его дело было заслушано в суде, известном как «Олд Бейли». Этот суд постановил, что у него нет полномочий, чтобы осудить, оправдать или отпустить под залог торговца. Тогда адвокат Платта выступил за рассмотрение дела в апелляционном королевском суде. Но суд отказался разбираться в проблеме на том основании, что если Платта признать виновным в государственной измене и повесить, то американские повстанцы примут ответные меры против лоялистов в США. При этом судебный процесс комитетов угрожал скандальным разоблачением того факта, что британский военный флот получил приказ на Ямайке охотиться за американскими торговыми судами за несколько месяцев до того, как эти действия легализовал парламент.

Все время, пока шли эти разбирательства, Аден Платт находился в худшей по жестокости и антисанитарным условиям тюрьме, особенно для заключенных без денег и влияния, а главное без правовых средств, чтобы заставить провести суд или освободить его. Побеги из этой тюрьмы происходили часто, но это было невозможно для Адена, закованного в цепи. Платт рисковал остаться узником Ньюгейта на неопределенный срок в связи с углублением экономического и социального кризиса в Англии, усугубленным неудачами британской армии в Америке. Надежда была только на благотворительность и заботу гуманитарных англичан и американцев, живших в Лондоне.

Американская пресса широко освещала «случай Платта», объясняя, что подобное может произойти с каждым, кто как-либо помогал патриотам. Делегаты от Джорджии в Контиентальном Конгрессе добились, чтобы тот обратился к Бенджамину Франклину, американскому представителю во Франции, с просьбой помочь освободить Адена. В Великобритании в защиту Платта и других заключенных американцев активно выступал депутат от округа Миддлсекс (того, где судьи приняли решение о заключении в тюрьму) Джон Уилкс²⁶, известный своей оппозицией к королю Георгу III [22. Vol. 18, № 2. P. 255–257], и его сторонники. От Д. Уилкса о Платте услышала Пейшнс Райт. Была выпущена брошюра с описанием «прецедента

Платта» [23], чтобы привлечь внимание к этому вопросу. Скульптор начала сбор средств для поддержки американских заключенных, содержащихся в английских тюрьмах²⁷. Она написала ряд писем Б. Франклину, еще до обращения к нему Конгресса. 7 марта 1777 г. она отправляет ему два письма, В первом просила, ссылаясь на его «великое знание человеческой природы и добрый гуманный характер», помочь в решении проблемы Платта: добиться признания его невиновным, обменять на одного из пленных англичан или прислать денег для залога [19. Vol. 23. P. 445–446]. Во втором – найти поддержку в этом вопросе у влиятельных персон – «было бы очень эффективно обратиться к сэру Чарльзу Эсгиллу²⁸, олдермену Лондона²⁹, Джорджу Жермену³⁰ или императору Германии³¹. Ваша голова и сердце подскажут Вам надлежащие слова... Мы оба хорошо знаем Лондон и желаем добра человечеству, у нас было много обсуждений общественных дел, в которых мы соглашались друг с другом, мы хорошо знаем, что мы можем сделать во имя Великого Бога и для пользы нашей страны» [19. Vol. 23. P. 447].

10 марта она отправляет письмо Б. Франклину от А. Платта, в котором тот излагает существо дела и жалуется, что «с момента ареста я предпринял все юридические шаги, чтобы предстать перед судом. Но не смог этого добиться. И боюсь не смогу, так как я задержан в рамках произвольного закона, предусматривающего приостановку “Habeous corpus”³² до января 1778 г.³³ Думаю, что американцы будут продолжать бороться еще более успешно, если они увидят, что меня и других таких же защитили от произвола, в чем я надеюсь на Господа Бога и Вас» [Ibid. P. 456–457].

6 мая 1777 г. узник вновь обращается к Б. Франклину с просьбой о получении на счет Франклина денег от продажи риса и табака, который партнер Платта отправил из Саванны в Англию. Эти деньги должны были пойти на помощь Платту и других американцев. «Но если Вам неудобно совершать подобные частные сделки, я обращусь к миссис Райт в Лондоне» [Ibid. Vol. 24. P. 37]. На следующий день Пейшнс сообщает Франклину, что отправляет ему письмо Платта и газеты, в которых сообщалось о британских намерениях арестовать Франклина и экстрадировать его в Англию. Она убеждает его выполнить просьбу Авена о деньгах, а также обратиться к королевскому суду. «Все американцы ждут Вашей поддержки, а мы с Элизабет молимся за Ваше здоровье» [19. Vol. 24. P. 43]. Пейшнс Райт с дочерью Элизабет часто навещали американских узников, принося им провизию, одежду, лекарства и новости. Из-за шумной общественной кампании начальник тюрьмы Нью-гейт, по признанию самого Платта, относился к нему хорошо, но тем не менее отказался снять с него кандалы, даже под давлением Д. Уилкса [29. Vol. 84, № 1. P. 110]. В письме от 10 ноября 1777 г. [19. Vol. 25. P. 149] миссис Райт просит Франклина удержать британского посла во Франции лорда Стормона³⁴ от того, чтобы тот смог помешать обмену пленными. Это был шанс освободить Авена и других американцев из тюрьмы. 27 декабря 1777 г. сам Платт пишет Б. Фран-

клину, прося «включить при любой возможности в списки обмена пленными, чтобы после освобождения служить на благо моей страны» [Ibid. P. 362].

Давление со стороны критиков политики правительства в парламенте, усилия Комитетов помощи, Б. Франклина, П. Райт привели, наконец, к решению Тайного совета освободить Платта под залог. Он вышел из неволи в феврале 1778 г., проведя там 14 месяцев. Между ним и Элизабет Райт возникли романтические отношения за период их встреч в тюрьме, и 26 марта 1778 г. они поженились. Затем очень быстро покинули Лондон и уехали в Париж. Получив там от американских представителей 30 гиней на дорогу, они вернулись в Америку.

Активная деятельность Пейшнс в защиту своей страны привела к снижению ее популярности, что совпало с уходом спроса на полноразмерные восковые фигуры. В моду входили маленькие восковые портретные профили. 14 марта 1779 г. она написала Б. Франклину о том, что «в Англии больше не покровительствуют искусству», и она намерена отправиться в Америку, заехав по пути во Францию, где «надеется увидеть дорогого старого американского друга». «Я буду рада, если прежде, чем я отправлюсь в путь, Вы сделаете одолжение и порекомендуете мои восковые работы своим друзьям во Франции, т.к. Ваши рекомендации в Лондоне имели очень приятные перспективы» [19. Vol. 29. P. 123].

Он ответил, что путешествие небезопасно, и добавил, что рынок для ее работы не так выгоден, как в Лондоне. «Всего два или три мастера занимаются подобным и выставляют свои фигуры для развлечения на бульварах, но моды на изготовление восковых портретов здесь нет» [Ibid. P. 431]. Однако Пейшнс проигнорировала его советы и поехала в Париж. К этому ее подтолкнула и скандальная ситуация, связанная с ее сыном, которая могла привести к наказанию. В 1780 г. у Джозефа³⁵, которому она в детстве давала первые уроки, состоялся художественный дебют в Королевской Академии. Он представил там портрет матери, лепящей голову из воска. Голова эта принадлежала Карлу I, а зрителями, на которых она бросала выразительный взгляд, были Георг III и королева Шарлотта. В 1781 г. мать и сын уехали в Париж.

Там она сделала еще один бюст Б. Франклина и бюст герцогини де Шартрез. П. Райт попробовала завести знакомства с известными французскими политическими деятелями, но страна, которая приближалась к своей революции, не приняла ни ее работ, ни ее прямолинейных манер. Рынок больших фигур был занят Филиппом Кертисом (отчимом будущей мадам Тюссо). Требовались меньшие, менее детальные фигуры, которые стоили дешевле, но в этом искусстве у Пейшнс не было навыка. Не найдя никаких возможностей для открытия мастерской или музея, миссис Райт вернулась в Лондон летом 1782 г. Но апогей ее славы был позади, «лондонцы теперь считали ее либо сумасшедшей, либо утописткой» [20. P. 44].

Однако Пейшнс не собиралась сдаваться. Война за независимость была выиграна, она начала лепить фигуры участников сепаратных мирных переговоров³⁶, которые начались в июне 1782 г. в Париже, – амери-

канцев: Бенджамина Франклина, Джона Джея, Джона Адамса, Генри Лоуренса, и британцев: Дэвида Хартли и Ричарда Освальда.

Планируя возвращение на родину, она искала будущих заказчиков там. 8 декабря 1783 г. она в письме спросила будущего президента США, сможет ли он позировать для нее [30]. 30 января 1785 г. он ответил, что для него «честь позировать такому знаменитому мастеру», и если она «решится вернуться в Америку, то встретит доброжелательный прием ее многочисленных друзей» [31. Vol. 2. P. 299–300]. В августе 1785 г. она написала и Томасу Джефферсону: «Я искренне желаю сделать не только фигуру Вашингтона, но и тех пяти джентльменов, которые помогали заключению мирного договора, завершившего такую кровавую и ужасную войну. Чем больше общественных почестей будет оказано таким людям их страной, тем лучше. К позору английского короля, я пойду на любые неприятности и расходы, чтобы добавить свою лепту в чествование Адамса, Джефферсона и других, и отправить ее в Америку. Я буду готова за свой счет приехать в Париж, чтобы сделать Вашу модель. Я хочу также посоветоваться с Вами, как лучше нам прославить нашу страну – увековечить ее выдающихся людей в живописи или воске? Статуя в мраморе уже заказана, художник отправился в Филадельфию, чтобы начать работу» [32. Vol. 8. P. 380–381]. Ответа от Джефферсона, однако, не последовало.

Пейшнс, заявив, что «ее кости не могут лежать в земле Лондона», начала готовиться к отъезду, который она считала легко достижимым после того, как 1 апреля 1785 г. послом США в Великобританию был назначен Джон Адамс. Летом 1785 г. миссис Райт попросила свою сестру Рэйчел, вернувшуюся после войны в Бордентон, узнать, может ли она (Пейшнс) рассчитывать на получение небольшого участка земли, какие давали солдатам, за то, что она передавала сведения об англичанах членам Конгресса. 20 октября 1785 г. газета в

Нью-Йорке напечатала объявление: «Работы из воска можно увидеть в доме номер 100 в верхнем конце Квин-стрит в доме, который прежде занимала госпожа Райт. “История колокола и дракона” в настоящую величину и несколько других любопытных фигур. Доступно с девяти утра до девяти вечера. Плата на входе – три шиллинга» [33. October 20]. Это было последнее объявление в Америке о ее выставке.

В весной 1786 г. для оформления документов на отъезд П. Райт пошла в американское посольство. Возвращаясь домой, она упала и сильно разбилась, сломав шейку бедра. Через неделю, 23 марта, она умерла. Ее сестра Рэйчел, находясь в очень стесненной финансовой ситуации, обратилась к Б. Франклину, другим видным американцам, прося средств и помощи для погребения Пейшнс. Не дождавшись от них ответа, она обратилась в Континентальный Конгресс, напомнивая о «шпионских заслугах» скульптора. Но опять безуспешно. Пейшнс Лоуэлл Райт была похоронена где-то в Лондоне, в месте, неизвестном для ее семьи и забытом историей. Ее сестра Рейчел пережила ее на 10 лет в полуизоляции и полунищете в Бордентоне в компании 33 фигур из воска.

Воск не вечен. Легкость, с которой из него можно отлить фигуры, равна той легкости, с которой их можно изменить или уничтожить. Мадам Тюссо помнят как великого летописца Французской революции. Некоторые из ранних работ этой художницы до сих пор остаются без изменений в лондонских музеях. Пейшнс Райт запечатлевала образы, связанные с освобождением североамериканских колоний, но история ее забыла. Из ее восковых моделей сохранилась только одна – фигура Уильяма Питта, выполненная после смерти графа, которая находится в Вестминстерском аббатстве. Миниатюрный бюст в собрании Бордентонского исторического общества приписывается Пейшнс Райт и считается ее автопортретом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Томас Трион (1634–1703) – английский купец, автор популярных книг того времени по самосовершенствованию, один из самых ранних сторонников вегетарианства. Родился в Байбери (графство Глостершир, Англия) в бедной семье, работал за прядкой с детства, поэтому не получил никакого образования. Будучи подростком, работал пастухом до 18 лет, в свое свободное время научился грамоте. В 1652 г., ничего не сказав родителям, отправился в Лондон учиться к шляпнику. Под влиянием учителя в 1654 г. стал ана뱁тистом. Ему нравился аскетический образ жизни общины, но вскоре он нашел свой независимый духовный путь после прочтения сочинения Якова Бёме (1575–1624) – немецкого христианского мистика и богослова. В 1657 г. внутренний голос, который он называл «голос мудрости», побудил его стать вегетарианцем и жить на скудный рацион. Затем он отправился на Барбадос, надеясь добиться успеха в торговле шляпами и в пропаганде религиозной терпимости, но был шокирован жестоким обращением с рабами на плантациях. В 1669 г. он вернулся в Лондон, поселился в районе Хакни, продолжил торговлю шляпами и разбогател. В 1682 г. занялся написанием книг с целью пропаганды воздержания и отказа от насилия. За последние 20 лет жизни опубликовал 27 работ по широкому кругу вопросов, включая образование, питание, воздержание от алкоголя и табака, по другим проблемам здоровья, а также о лечении рабов. Он защищал животных и выступал за охрану окружающей среды, был озабочен загрязнением рек и уничтожением лесов. Исторические и философские идеи Триона сложились под сильным влиянием древних пифагорейцев, индуизма и учения немецкого оккультного писателя, богослова, астролога и алхимика Генриха Корнелия Агриппы фон Неттесгеймского (1486–1535). Трион считал себя христианином и пытался примирить Библию, Пифагора и индуизм. Он был убежден в том, что у человечества была единственная настоящая религия, которой следовали Моисей, Пифагор и индийские брахманы, но затем извращенная большинством христиан. По его мнению, основные принципы этой веры заключаются в идеях пацифизма; ненасилия по отношению к животным; доброжелательности ко всем и вегетарианства, которые являются предпосылками для духовного прогресса и возможного восстановления рая. Он не верил в реинкарнацию, но предполагал, что души грешников примут образ ужасных зверей в адской загробной жизни. Некоторые из его книг по самоусовершенствованию были «бестселлерами». Наиболее читаемой книгой была «Путь к здоровью», опубликованная в 1691 г. в качестве второго издания «Сохранение здоровья, или Лучший врач женщин». Она вдохновила Б. Франклина, драматурга Афра Бена и поэта Перси Шелли стать вегетарианцами. После смерти Триона в 1703 г. были опубликованы его «Мемуары» (1705 г.).

² Дом сохранился до наших дней и стоит на углу Фарнсворт-авеню и Парк-стрит.

³ Фрэнсис Хопкинсон (1737–1791) – один из «отцов-основателей» США, поставивший свою подпись под Декларацией независимости. Родился в Филадельфии. Юрист (окончил Пенсильванский колледж), после революции был федеральным судьей. Чрезвычайно одаренный и разносторонний человек – поэт-сатирик, публицист, политический деятель, музыкант, композитор, художник. Хопкинсон первым в

Америке начал сочинять музыку (песни, канканы, пьесы для клавикордов), создал эскиз печати штата Нью-Джерси, работал над проектом американского государственного флага, опубликовал множество стихотворений, памфлетов и статей. Литературное творчество носит прикладной, агитационный характер. Его резкие, грубоватые, остроумные сатиры, высмеивающие английскую администрацию и призывающие американцев к борьбе за освобождение, пользовались большой популярностью в восставших колониях. Самая известная из них – баллада «Битва бочонков» (The Battle of the Kegs, 1778), в которой поэт, обыгрывая реальный военный эпизод, когда американцы спустили по реке бочонки с порохом, чтобы подорвать вражеские корабли, изображает (с полупристойными шутками) английскую армию как жалкое скопище трусов. Сатирический памфлет “Славная история, рассказанная Питером Горемьюком, эсквайром” (A Pretty Story: Written by Peter Grievous, Esq., 1774) в travestийной манере повествует о событиях, приведших к созыву первого Конгресса в Филадельфии.

⁴ Изготовление разнообразных фигурок из раскрашенного воска для развлечения было популярным художественным промыслом в колониальной Америке, но это было кустарное производство.

⁵ Это была первая передвижная выставка в Америке.

⁶ Джордж Уайтфилд (1714–1770) – один из основателей (вместе с Джоном Уэсли) и лидеров протестантской церкви методистов, английский проповедник, способствовавший Великому пробуждению в колониях. Родился в Англии, получил образование в Оксфорде. В 1738 г. приехал в Америку, чтобы основать приют для сирот в Джорджии. Через некоторое время вернулся в Новый Свет и в 1739–1740 гг. проехал с протестантскими проповедями по Новой Англии. Уайтфилд был настолько популярн, что ни одна церковь не смогла вместить желающих услышать его, поэтому он проповедовал в открытом поле. Умер и был похоронен в Ньюберипорте (Массачусетс) [5].

⁷ Джон Дикинсон (1732–1808) – американский политик, адвокат, конгрессмен. Автор двенадцати очерков «Письма фермера из Пенсильвании», написанных в 1767–1768 гг., которые сыграли важную роль в объединении колонистов для борьбы с законами Тауншenda и принесли автору заслуженную известность.

⁸ Джейн Франклайн Меком (1712–1794) – младшая сестра Бенджамина Франклина, с которой он переписывался на протяжении всего его отсутствия дома [7].

⁹ Кэтрин Маколей (1731–1791) – английский историк и публицист.

¹⁰ Джон Собридж (1732–1795) – английский политик, член палаты общин в 1768–1780 гг.

¹¹ Бенджамин Уэст (1738–1820) – художник, писавший крупные исторические полотна. Родился в Спрингфилде (Пенсильвания) в многодетной семье трактирщика. Индейцы научили его готовить краски из глины и медвежьего жира и рисовать картины. Долго рисовал портреты. В 1756 г. учился живописи в Филадельфии у художника Джона Волластона, переехавшего в Америку из Лондона. Затем работал в Нью-Йорке, создавая портреты. В 1760–1763 гг. совершил поездку в Италию, изучал там искусство. В 1763 г. переехал в Англию, где поступил на службу к королю Георгу III, писал портреты членов королевской семьи. С 1772 до 1801 г. был историческим живописцем при дворе, а с 1791 г. еще и инспектором картин в коллекции короля. В 1792–1805 гг. – второй президент Академии художеств в Лондоне.

¹² Кадвалладер Колден (1688–1776) – врач, фермер, картограф, ботаник (сотрудничал с К. Линнеем), трижды губернатор провинции Нью-Йорк. В мае 1743 г. начал переписку с Б. Франклином, поощряя его к созданию Американского философского общества.

¹³ Пэлл-Мэлл (Pall Mall) – одна из центральных улиц в Лондоне, которая ведет к Трафальгарской площади. На южной стороне улицы резиденции членов королевской фамилии. Здесь поначалу располагались Королевская академия художеств и Национальная галерея.

¹⁴ Намек на древних Сибилл – пророчиц и советниц богов.

¹⁵ Восковые фигуры пользовались в Англии популярностью. На протяжении многих столетий в Вестминстерском аббатстве стояли раскрашенные и загримированные восковые изображения умерших монархов и государственных деятелей, которых сначала несли перед похоронной процессией. Кроме этого, в Лондоне в XVIII в. существовали (до появления Р. Пейшнса и мадам Тюссо) как минимум три выставки: миссис Сэлмон в таверне «Хорн» на Флит-стрит; миссис Голдсмит на Грин-Корт в Олд-Джузи и миссис Миллз во внутреннем дворике Эксетер-Чейнджа на Стэнде. Миссис Миллз не только демонстрировала фигуры великих людей того времени, но и указывала в своем рекламном листке, что «желающие могут на приемлемых условиях получить собственные восковые фигуры или фигуры своих почивших друзей» [9. P. 30]. Коллекция миссис Сэлмон насчитывала около 140 фигур. Лондонский журнал так описывал ее: «...там представлены разные сцены – Карл I на эшафоте; несчастная королева Боудикка; ханаанские матери, отдающие детей Молоху; турецкий гарем; графиня Маргарита Хененибергская, родившая по легенде в 1276 году сразу 365 детей. На входе стоит светло-желтая восковая фигура йоркширской прорицательницы мамаши Шиптон, которая при нажатии на некий рычаг давала пинка ничего не подозревавшему зеваке [10. Vol. 4. P. 317–318]. Позже там появились фигуры Джона Уилкса (журналист, публицист и политик эпохи Просвещения), Сэмюэла Джонсона (литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения), миссис Сары Сиддонс (актриса) и других лондонских знаменитостей [11. P. 347].

¹⁶ Фигура была изготовлена после смерти политика и установлена в Вестминстерском аббатстве рядом с его надгробием. Она была там единственной скульптурой, выполненной американкой, до Второй мировой войны. Во время одного авианалета статуя упала с пьедестала, голова отвалилась от тела. Несколько лет спустя фигура была помещена обратно в виде двух отдельных частей.

¹⁷ Элкана Уотсон (1758–1842) – американский путешественник, писатель, агроном, банкир, бизнесмен. Во время Войны за независимость был курьером у генерала Д. Вашингтона. В 1779 г. был послан с донесением к Б. Франклину в Париж. После войны вернулся в США, занимался бизнесом, создал банк в Олбани (Нью-Йорк), предложил построить сеть каналов, соединяющих реку Гудзон с Великими озерами. После 1807 г. на своей ферме занимался разведением овец-мериносов.

¹⁸ Они жили в одной гостинице.

¹⁹ Стивен Сейр (1736–1818) – купец, член и шериф большой американской общины, проживавшей в Лондоне в начале Войны за независимость. Соратник Джона Уилкса (1725–1797) – лорда-мэра Лондона, радикала, журналиста, который поддерживал американских повстанцев. Сейр и Уилкс планировали похищение Георга III с помощью лондонской толпы, заключение его в Таузэр перед отправкой на родину в Ганновер. Эти планы были пресечены в октябре 1775 г. министром внутренней безопасности лордом Уильямом Рочфордом.

²⁰ Эдуард Банкрофт (1744–1821) – родился в Массачусетсе, изучал медицину в Лондоне. Доктор медицины, член Королевского общества. Встречался с членами американской делегации Бенджамином Франклином, Артуром Ли и Сайласом Дином, которые вели переговоры о союзе с Францией, стал секретарем этой делегации. Банкрофт узнавал от своего друга Франклина все, что тому было известно, и немедленно передавал информацию в Лондон. Франклин, сам того не сознавая, выдавал секретные сведения французских союзников британской разведке. Тайный агент Англии получал 500 фунтов стерлингов в год; ему была также обещана пожизненная пенсия. Обнаружилось это почти через 100 лет, хотя свои обоснованные подозрения высказал Д. Вашингтону Артур Ли.

²¹ Джон Хэнкок (1737–1793) – президент Второго Континентального конгресса, первый губернатор штата Массачусетс. Его подпись стоит под Декларацией независимости.

²² Известный исследователь истории Джорджи Чарльз Коллок Джоунс-мл. (1831–1893) считал это «первым случаем каперства Американской революции».

²³ Смола и перья – жестокий и популярный способ мести и унижения людей в Европе в Средние века. В США стали использовать это наказание для подданными британской короны и сборщиков налогов во время Американской революции.

²⁴ Этот порох, отправленный Континентальному конгрессу в Филадельфию, помог американцам во время осады Бостона и вторжения в Канаду.

²⁵ Лордом-мэром Лондона в 1777 г. был сэр Джеймс Эсдейл (1714–1793).

²⁶ Джон Уилкс – радикал, борец за народную свободу. Его неоднократно арестовывали, изгоняли из парламента. В 1769 г. избрали олдерменом Лондона (местным муниципальным судьей по гражданским делам). При поддержке мануфактурных рабочих и городской бедноты Д. Уилкс разработал первый в истории проект парламентской реформы, добился обязательной публикации стенографических записей заседаний парламента, выступал за прекращение войны с американскими колониями.

²⁷ В 1777 г. действовали два комитета: с осени – Комитет по оказанию помощи во главе с преподобным Томасом Реном (за что в 1783 г. ему была выражена благодарность Континентального конгресса) и преподобным Робертом Хитом в Плимуте и Лондонский комитет, созданный в декабре. Перед Рождеством в Корнхилле (Лондон) в таверне «Королевская стрела» встретились более 100 человек «с целью помочи американским заключенным». Среди инициаторов этой встречи были Томас Атвуд Диггес, сын известного мэрилендского землевладельца, который в течение нескольких лет был торговым представителем в Лондоне, Мэтью Ридли – глава торговой компании, член парламента, Уильям Ходжсон – крупный оптовый торговец и Уиллоби Берти, граф Абингдон, который 11 декабря призвал парламент начать расследование условий содержания в тюрьмах. В результате по подписке было собрано 1 500 фунтов стерлингов, был выбран комитет из 20 человек для управления этим фондом. Через 15 дней комитет, в который вошли Томас Диггес, четыре члена парламента и четыре лондонских олдермена, объявил, что средств для поддержки американских военнопленных уже собрано более 3 700 фунтов стерлингов [24. 1979. №. 2. Р. 287; 25. Vol. 32, №. 2. Р. 264, 268].

²⁸ Чарльз Эсгилл (1713–1788) – влиятельный банкир, бывший шериф Лондона (1753), бывший лорд-мэр Лондона (1757–1758).

²⁹ Этот пост занимали поочередно с 15 мая 1776 г. Томас Вулридж, с 29 мая 1777 г. Джон Харт, с 4 июля 1777 г. Томас Райт, с 25 сентября 1777 до 28 ноября 1778 г. Эван Пью.

³⁰ Лорд Джордж Жермен, виконт Сэквилл (1716–1785) – государственный секретарь по делам Америки в кабинете Норта во время Войны за независимость.

³¹ Иосиф II (1741–1790) – король Германии с 1764 г., император Священной Римской империи с 1765 г.

³² Акт о приостановке, изданный в 1777 г. по поводу войны с американскими колониями, имел в виду задержание лиц, обвиняемых или подозреваемых в преступлениях государственной измены, совершенных в какой-либо из королевских колоний или плантаций в Америке или в открытом море, или же в пиратстве. Для того чтобы не было никаких сомнений относительно района действия этого акта, в него включена была специальная статья о том, что акт не распространяется на какие-либо преступления, совершенные в пределах королевства. Этот закон был издан в конце февраля 1777 г. со сроком действия до 1 января 1778 г. Однако в течение пяти лет подряд издавались акты о продлении приостановки на новые сроки, каждый раз на один год – с 1 января до 1 января, вплоть до 1 января 1783 г. [26. С. 197–198; 27. Vol. 18. Р. 173, 309, 502; Vol. 19. Р. 2, 15].

³³ 17 февраля 1777 г. Джон Уилкс выступил на заседании Палаты общин во время третьего чтения законопроекта, предложенного правительством Норта, о приостановке «хабеас корпус акта». Уилкс заявил: «Я не могу продолжать молчать, когда такой важный билль находится на рассмотрении палаты». Он назвал закон «тираническим, произвольным, неоднозначным и неконституционным» и предположил, что он приведет к расширению американской войны, которая полыхала уже почти два года. Уилкс показал репрессивный, неоправданный и драматический эффект от предлагаемого закона для американцев, ссылаясь на случай с жителем колоний Авеном Смитом Платтом [28. Vol. 18, № 2. Р. 255–257].

³⁴ Дэвид Мюррей, граф Мэнсфилд, виконт Сторморт (1727–1796).

³⁵ Джозеф Райт (1756–1793) – живописец, восковой скульптор, гравер. Он был первым американцем, закончившим Королевскую академию искусств в Лондоне, где учился в течение 6 лет. В декабре 1778 г. он выиграл серебряную медаль за «лучшую академическую модель». Во время пребывания в Париже написал несколько портретов Франклина. В 1782 г. уехал в США, чтобы запечатлеть других национальных героев. Он стал одним из двух художников, сделавших гипсовую модель Д. Вашингтона. Томас Джефферсон высоко оценил живописное изображение президента. «У меня не было сомнения, что изображение генерала, сделанное Райтом, более схоже с оригиналом, чем у Пила» (Роберт Пил – американский художник). Д. Райт спроектировал одни из первых американских монет, так как в 1792 г. был назначен первым рисовальщиком и гравировщиком Монетного двора США.

³⁶ У французов и испанцев, союзников колонистов, были свои цели: урегулировать былые разногласия с Британией. Перспектива возникновения новой американской республики с анти monarchical и антиколониальной направленностью их не радовала. Американские делегаты справедливо опасались, что их интересами европейские дипломаты могут пожертвовать ради своей выгоды. Чтобы исключить подобную возможность, они пошли на сепаратные переговоры с Британией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Long J.S. Patience Wright of Bordentown // New Jersey Historical Society Papers. 1961.
2. *The Virginia Gazette*.
3. *The London magazine, or, Gentleman's monthly intelligencer*.
4. URL: <http://b-womeninamericanhistory18.blogspot.ru/2013/06/american-wax-figure-sculptor-patience.html>
5. Whitefield G. Memoirs of the life and character of the late rev. George Whitefield, A.M. of Pembroke College, Oxford, and chaplain to the Right Hon. the Countess Dowager of Huntingdon, faithfully selected from his original papers, journals and letters. London: Williams, 1812.
6. *The New-York Gazette, or the Weekly Post-Boy*.
7. Franklin B., Mecom J. The letters of Benjamin Franklin & Jane Mecom / ed. by C.V. Doren. Memoirs of the American Philosophical Society. Vol. 27. Princeton, 1950.
8. Notable American women, 1607–1950; a biographical dictionary. 3 vol. / ed. by E.T. James, J.W. James; P.S. Boyer. Cambridge, Mass., Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
9. Morton H.V. The heart of London. London, Methuen, 1925.
10. Tatler, N 257, Thursday November 30, 1710 // British classics. London : Printed by Ch. Whittingham for John Sharpe, 1804.
11. Ackroyd P. London: the biography. N.Y. : Nan A. Talese, 2000.
12. Короткова С.А. Дебора Сэмпсон – «кавалерист-девица» Американской революции // Российско-американские отношения (конец XVIII – начало XX в) : материалы Междунар. науч. конф. «200 лет российско-американских отношений» (Москва, 8–10 ноября 2007 г.). М. : ИВИ РАН, 2008.
13. *The New-York Gazette and the Weekly Mercury*.
14. Watson E., Watson W.C. Men and times of the Revolution, or, Memoirs of Elkanah Watson: including journals of travels in Europe and America, from 1777 to 1842, with his correspondence with public men and reminiscences and incidents of the Revolution. New York : Dana and Co., 1856.
15. URL: <http://www.smithsonianmag.com/history/the-madame-tussaud-of-the-american-colonies-was-a-founding-fathers-stalker-180948610/#fmbRxZbXgSDITk4I99>
16. Booth S.S. The women of '76. N.Y. : Hastings House, 1973.
17. Nagel P. The Adams Women. Abigail and Louisa Adams, their sisters and daughters. N.Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1987.
18. Taft L. The history of American sculpture. N.Y. : Macmillan, 1903.
19. The papers of Benjamin Franklin. New Haven; London : Yale Univ. Press, 1986.
20. Burstyn J. N. Past and Promise: Lives of New Jersey Women. Syracuse, N.Y. : Syracuse University Press, 1997.

21. *Papers of John Adams*. March – August 1778 // Founding Families. Digital Editions: Papers of the Winthrops and Adamses. Massachusetts Historical Society. 2014.
22. *Journal of American Studies*. 1984. August. Vol. 18, № 2. P. 255–257.
23. *An argument in the case of Ebenezer Smith Platt: now under confinement for high treason. By a gentleman of the law. To which is added, the opinion of the Court of King's Bench on a motion to admit Mr. Platt to bail. Delivered on Monday the twelfth of May, 1777*. London: Printed for G. Kearsly, in Fleet Street, 1777. 17 p.
24. *The Pennsylvania Magazine of history and biography*. 1979.
25. *The William and Mary Quarterly*. Third Series, April, 1975.
26. *Дерюжинский В.Ф. Habeas Corpus акт и его приостановка по английскому праву: Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения*. Юрьев : тип. Г. Лакмана, 1895.
27. *The statutes at large from Magna charta to [the forty-first year of George III; edited by Owen Ruffhead, revised by Charles Runnington]*. London, Eyre & Strahan, 1786–1800.
28. *Journal of American Studies*. August, 1984.
29. *The Georgia Historical Quarterly*. Spring, 2000.
30. *To George Washington from Patience Lovell Wright, 8 December 1783 / Founders Online, National Archives*. URL: <http://founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-12156>
31. *The Papers of George Washington, Confederation Series / ed. by W.W. Abbot*. Charlottesville : University Press of Virginia, 1992.
32. *The Papers of Thomas Jefferson / ed. by J.P. Boyd*. Princeton : Princeton University Press, 1953.
33. *The New-York packet*.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

AMERICAN “MADAM TUSSAUDS”

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 86–96. DOI: 10.17223/15617793/399/15

Korotkova Svetlana A. Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: korotkova_s_a@mail.ru

Keywords: US women’s history; history of sculpture; Patience Lowell Wright; War of Independence.

Sculpture has always been a purely masculine matter. However, history has known a number of women’s names in this art. One of them is Patience Lowell Wright (1725–1786). She molded her figures out of wax since childhood. After the death of her husband, to earn a living for herself and her children, she turned a hobby into a job. In the 17th century, the activities of professional sculptors in America were limited to the production of tombstones and nose pieces for ships. Patience’s sister showed how to model life-size figures. Patience decided to specialize in creating images of outstanding contemporaries. In short, a traveling exhibition (the first in the US) of figures of famous public figures was created. Two years later, the number of figures was enough to organize two permanent exhibitions in Philadelphia and New York. But on June 3, 1771, a fire destroyed many of her works and she decided to move to London. Owing to the patronage of Benjamin Franklin, she was quickly accepted into London society. She made many famous British figures including Th. Penn, Ch. Fox, W. Pitt, C. Macaulay. She had a friendly relationship even with the royal couple, but only before the start of the Independence War. The sculptor openly sided with the colonists. It is believed that she even sent spy information, hidden in her figures, to the members of the Continental Congress. Another sphere of Wright’s activities was the liberation of American prisoners that started with the “Platt Case”. After the struggle for independence resulted in an open conflict, Wright’s business declined sharply. Left without a job in 1780, she went to Paris, hoping to open a new wax studio. By making a bust of Franklin, she tried to find a way to Parisian society, but failed. In 1782, she returned to London and began writing to American leaders, including G. Washington and Th. Jefferson, for permission to make their models. By 1785, she decided to return to New Jersey. However, when preparing for the departure, she fell and broke her leg. A week later, on March 23, 1786, she died. Her sister Rachel was trying to get financial assistance from prominent Americans and the Continental Congress to pay for her burial, but to no avail. Ultimately, P. Wright was buried in London, and her place of burial is unknown now.

REFERENCES

1. Long, J.S. (1961) Patience Wright of Bordentown. In: *New Jersey Historical Society Papers*.
2. *The Virginia Gazette*.
3. *The London Magazine, or, Gentleman's Monthly Intelligencer*.
4. Wells Sarudy, B. (2013) *American Wax Figure Sculptor Patience Lovell Wright 1725–1786*. [Online]. Available from: <http://b-womeninamericanhistory18.blogspot.ru/2013/06/american-wax-figure-sculptor-patience.html>.
5. Whitefield, G. (1812) *Memoirs of the life and character of the late rev. George Whitefield, A.M. of Pembroke College, Oxford, and chaplain to the Right Hon. the Countess Dowager of Huntingdon, faithfully selected from his original papers, journals and letters*. London: Williams.
6. *The New-York Gazette, or the Weekly Post-Boy*.
7. Franklin, B. & Mecom, J. (1950) The letters of Benjamin Franklin & Jane Mecom. *Memoirs of the American Philosophical Society*. 27.
8. James, E.T., James, J.W. & Boyer, P.S. (eds) (1971) *Notable American women, 1607–1950; a biographical dictionary*. 3 vol. Cambridge, Mass., Belknap Press of Harvard University Press.
9. Morton, H.V. (1925) *The heart of London*. London: Methuen.
10. Tatler, N. (1804) 257, Thursday November 30, 1710. In: *British classics*. London: Printed by Ch. Whittingham for John Sharpe.
11. Ackroyd, P. (2000) *London: the biography*. New York: Nan A. Talese.
12. Korotkova, S.A. (2008) [Deborah Sampson. “the trooper-girl” of the American Revolution]. *Rossiysko-amerikanskie otnosheniya (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [Russian-American relations (late 18th – early 20th centuries)]. Proc. of the international scientific conference “200 years of Russian-American relations”. Moscow. 8–10 November 2007. Moscow: IVI RAN. (In Russian).
13. *The New-York Gazette and the Weekly Mercury*.
14. Watson, E. & Watson, W.C. (1856) *Men and times of the Revolution, or, Memoirs of Elkanah Watson: including journals of travels in Europe and America, from 1777 to 1842, with his correspondence with public men and reminiscences and incidents of the Revolution*. New York: Dana and Co.
15. Serratore, A. (2013) *The Madame Tussaud of the American Colonies Was a Founding Fathers Stalker*. [Online]. Available from: <http://www.smithsonianmag.com/history/the-madame-tussaud-of-the-american-colonies-was-a-foundings-fathers-stalker-180948610/#fmbRxZbXg SDftk4J.99>.
16. Booth, S.S. (1973) *The women of '76*. New York: Hastings House.

17. Nagel, P. (1987) *The Adams Women. Abigail and Louisa Adams, their sisters and daughters*. New York; Oxford: Oxford University Press.
18. Taft, L. (1903) *The history of American sculpture*. New York: Macmillan.
19. Anon. (1986) *The papers of Benjamin Franklin*. New Haven; London: Yale University Press.
20. Burstyn, J.N. (1997) *Past and Promise: Lives of New Jersey Women*. Syracuse, New York: Syracuse University Press.
21. Founding Families. (2014) *Papers of John Adams. March – August 1778*. In: Founding Families. Digital Editions: Papers of the Winthrops and Adamses. Massachusetts Historical Society.
22. *Journal of American Studies*. (1984). August. 18:2. pp. 255–257.
23. Anon. (1777) *An argument in the case of Ebenezer Smith Platt: now under confinement for high treason. By a gentleman of the law. To which is added, the opinion of the Court of King's Bench on a motion to admit Mr. Platt to bail. Delivered on Monday the twelfth of May, 1777*. London: Printed for G. Kearsly, in Fleet Street.
24. *The Pennsylvania Magazine of history and biography*. (1979).
25. *The William and Mary Quarterly*. (1975) Third Series, April.
26. Deryuzhinskiy, V.F. (1895) *Habeas Corpus akt i ego priostanovka po angliyskomu pravu: Ocherk osnovnykh garantiy lichnoy svobody v Anglii i ikh vremennogo ogranicheniya* [Habeas Corpus Act and its suspension by English law: Sketch on the basic guarantees of personal liberty in England and their time limit]. Yuriev: tip. G. Lakmana.
27. Ruffhead, O. (ed.) (1786–1800) *The statutes at large from Magna charta to [the forty-first year of George III]*. London, Eyre & Strahan.
28. *Journal of American Studies*. (1984) August.
29. *The Georgia Historical Quarterly*. (2000) Spring.
30. Founders Online. (1783) *To George Washington from Patience Lovell Wright, 8 December 1783*. [Online]. Available from: <http://founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-12156>.
31. Abbot, W.W. (1992) *The Papers of George Washington, Confederation Series*. Charlottesville: University Press of Virginia.
32. Boyd, J.P. (ed.) (1953) *The Papers of Thomas Jefferson*. Princeton: Princeton University Press.
33. *The New-York Packet*.

Received: 25 May 2015

И.А. Крайнева

ПЕРЕПИСКА МАТЕМАТИКА А.А. ЛЯПУНОВА 1941–1945 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена военному прошлому математика Алексея Андреевича Ляпунова (1911–1973) – ученого-энциклопедиста. Основной источник – переписка Ляпунова 1941–1945 гг. После войны преподавал в Артиллерийской академии им. Ф. Дзержинского, защитил докторскую диссертацию. Активный сторонник кибернетики, А.А. Ляпунов не только объединил ее сторонников, но и открыл в МГУ междисциплинарный семинар по вопросам, смежным кибернетике и физиологии. В 1962 г. он переехал в Новосибирск, где возглавил отдел кибернетики в Институте математики СО АН СССР. А.А. Ляпунов много сил отдал Физико-математической школе НГУ, научным руководителем которой стал. В 1964 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1996 г. награжден медалью Computer Pioneer.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; история науки; повседневность; кибернетика; Алексей Андреевич Ляпунов; метод электронной исторической фактографии.

Микроаналитическая стратегия, вызванная к жизни практикой постмодернизма, позволяет работать в области исследования личностных компонент, когда ученый и его деятельность рассматриваются в контексте взаимодействия с другими учеными, прочим окружением, в котором он мог оказаться силою обстоятельств и которое могло не соответствовать его привычному кругу общения, в области истории личностной повседневности. Биография как средство исторического познания позволяет сочетать две познавательные стратегии: изучение судьбы ученого в рамках культурно-исторического контекста и его активной роли в истории, как ее действующего лица [1].

Объектом данного исследования является персональная история математика Алексея Андреевича Ляпунова в период 1941–1945 гг. Военные годы – важный этап жизни А.А. Ляпунова, поскольку именно в это время он занимается управлением устройствами автоматического регулирования – артиллерийскими орудиями, что приводит его к восприятию кибернетических идей в послевоенный период. Предмет данного исследования – процесс адаптации и социализации ученого в условиях мобилизации и фронтовых будней, прослеженный в поддержании научной коммуникации в переписке и публикациях, развитии его профессиональной компетентности, сознательном включении в новые социальные, профессиональные и бытовые отношения.

Источником исследования является коллекция писем Алексея Андреевича Ляпунова 1941–1945 гг. объемом более 1 400 страниц, полученная в наше распоряжение от его дочери – д.б.н. Наталии Алексеевны Ляпуновой. В коллекции – письма самого А.А. Ляпунова его коллегам, жене Анастасии Савельевне (1904–1986), дочерям Алле (1929 г.р.), Елене (1936 г.р.) и Наталии (1937 г.р.), брату Аскольду (1916–1945), письма математиков Александра Николаевича Колмогорова, Нины Карловны Бари, Людмилы Всеволодовны Келдыш, геолога Галины Николаевны Парийской, астронома Бориса Юльевича Левина и др. В фокус исследования попал феномен, имеющий четкие пространственно-временные границы и достаточно полно отраженный в документах.

Ч. Тилли (Ch. Tilly) формулирует познавательную задачу социально-ориентированной истории как «реконструкцию человеческого опыта переживания крупных структурных изменений». Он предлагает следующее решение этой задачи: 1) исследование крупных структурных изменений, 2) описание жизни простых людей в ходе этих изменений и, наконец, 3) установление связи между первым и вторым. Используя данную стратегию, исследователь не ограничен изучением «человеческого фактора»; анализ макроструктур и макропроцессов занимает должное место в рамках его проекта. Через категории «исторического опыта» и «исторического переживания» субъект истории связан с объективными условиями его существования [2].

При изучении такого специфического корпуса источников, как персональный архив, встает проблема его интерпретации как феномена. Решение может быть сформулировано в терминах идентичности и идентификации. Многолетний опыт работы с персональными архивами заставил задуматься, какие механизмы задействованы в процессе создания архивов отдельным ученым, что им движет? Некоторое объяснение этому феномену лежит в личностном обретении историчности через идентификацию особого рода. Ученому недостаточно реализации себя в науке через публикации, общение, институции. Ему требуется более точное и глубокое подтверждение своей причастности не только к научному сообществу, но и к тем общественно или лично значимым событиям, в которых он участвовал. Иначе говоря, потребность в идентификации обусловлена желанием подчеркнуть свою индивидуальность за счет расширения идентифицирующих дескрипций, которые материализованы в различных свидетельствах. Как полагал Ф. Анкерсмит, «...в нашем мире свойство конкретной вещи быть индивидуальной является, по-видимому, необходимой предпосылкой ее истории» [3].

Историчность как экзистенциальную сущность личности П. Рикёр формулирует в понятии долга-наследия, что отражает специфические особенности стиля мышления и поведения человека исторической эпохи. «Идея долга неотделима от идеи наследия. Мы

обязаны тем, кто предшествовал нам, за то, какие мы есть, кто мы есть. Долг памяти не ограничивается сохранением материального – письменного или какого-либо иного – следа свершившихся фактов; он включает в себя чувство обязанности по отношению к другим, которых… уже нет, но они были» [4]. Этот тезис Рикёра является ключом к пониманию личности А.А. Ляпунова, патриотический порыв которого восходит к дворянским истокам его происхождения.

Историография науки в годы Великой отечественной войны отражает участие ученых в разработке военно-технических проблем, оказании научной помощи промышленности, оптимизации сырьевых ресурсов, т.е. выполнении наукой социального заказа государства, ориентированного ее на проведение исследований в интересах обороны [5–7]. Повседневная жизнь ученых, их фронтовые и тыловые будни с точки зрения истории повседневности, генезиса научного знания частично отражены в проекте Института истории естествознания и техники РАН «Социальная история науки». В исследовании, посвященном генетику И.А. Рапопорту, представлено его эпическое-героическое фронтовое прошлое. Фундаментальная научная биография выдающегося отечественного микробиолога Л.А. Зильбера содержит многочисленные документы, а также главу его воспоминаний военного времени. В исследовании, посвященном Н.В. Тимофееву-Ресовскому, освещена его научная работа в Германии в годы Второй мировой войны, публикация дополнена воспоминаниями и перепиской (<http://www.ihst.ru/projects/sohist/>). Многие отечественные архивы приступили к публикации описей своих фондов (ГАРФ, РГАСПИ, Научный архив РАН; Портал архивов России: <http://www.rusarchives.ru>). Публикуются письма фронтовиков [8]. Но по-прежнему остается масса документов, которые не доступны исследователям в научном и информационном плане.

Биография А.А. Ляпунова также не осталась без внимания исследователей: изданы два тома воспоминаний и документов из его архива [9, 10], очерк жизни и творчества [11], его академическая биография и библиография [12]. Систематизация исследуемых документов стала возможной благодаря разработанному с участием автора методу электронной исторической фактографии – публикации документов в специальной информационной системе «Открытый архив СО РАН», где размещены документы семейного архива Ляпуновых (<http://odasib.ru/>). Нам предоставлена уникальная возможность не только изучить, но и сделать объектом достояния научной общественности наследие А.А. Ляпунова. В атрибуцию документов электронного архива входит не только описание, но и перевод и транскрипция сложночитаемых рукописей. В данной статье при цитировании писем в скобках приведены их датировки. Это позволяет легко находить их в Интернет-архиве, где они составляют отдельную коллекцию «Переписка военных лет» и сгруппированы по годам.

Изучение коллекции писем 1941–1945 гг. позволило уточнить биографическую хронику А.А. Ляпунова

этого периода. Благодаря полученной возможности фронтального просмотра документов стало возможным сформировать кейсы внутри заявленного хронологического периода, что позволяет в данной статье:

– изучить формы и способы сохранения научного знания А.А. Ляпунова в условиях экстремального исторического контекста;

– проследить процесс социализации ученого-интеллигента в действующей армии, позволяющей соблюдать баланс инициативы и необходимости подчинения команде, осваивать знания и навыки «простой жизни», вызванные сменой окружения.

Ограниченные возможности объема публикации оставляют за рамками данной статьи ряд кейсов: педагогическая концепция А.А. Ляпунова, его естественнонаучные наблюдения, условия жизни, труда и отдыха (быта, условий проживания, питания, лечения), т.е. примет повседневности А.А. Ляпунова в бытность его на военной службе. Некоторые исключения в выборе сюжетов делаются для сохранения связности изложения.

Герменевтический потенциал писем неоднороден. Подробно излагаются некоторые сюжеты: естественнонаучные наблюдения, рассуждения о воспитании детей, дорожные впечатления, комичные с точки зрения автора происшествия, но сложно восстановить траекторию его движения. Алексей Андреевич чаще сдержан, свои занятия описывает в общем виде, для транскрипции смысла приходится прибегать к дополнительным источникам – воспоминаниям и интервью. Пунктирный стиль переписки превалирует в первые месяцы, проведенные Ляпуновым на фронте. Ближе к концу войны, уже в 1944 г., он более откровенен и в личных, и в служебных вопросах. Очевидно, приходит уверенность в близкой победе, в превосходстве над врагом, в возможности ослабления внутренней и внешней цензуры.

На момент начала войны А.А. Ляпунов оказался в Москве один. Семья в это время находилась в Касимове на северо-востоке Рязанской области. Июнь–август 1941 г. – время осознания неотвратимости постигшей беды. Спокойные тональности писем А.А. Ляпунова сменяются порой апокалиптическими картинами победы врага: «Ты попробуй представить себе последствия нашего поражения. Это ведь сплошной ужас. Вы все будете в настоящем рабстве. Я предпочту умереть, чем дожить до этого» (1941.06.29).

Однако он преодолевает это настроение, старается сообщить семье ободряющие новости, полученные по каналам иностранных радиостанций (1941.06.27). Ляпунов привлечен к противопожарной защите по месту жительства и в здании института. Постепенно им овладевает уверенность, что он должен быть в армии, а когда он оказывается на земляных работах под Москвой в районе Малоярославца, то вполне довolen возможностью приносить реальную пользу. Это ощущение становится доминирующим в его сознании в течение всей войны. Но в начале войны, до самого момента, пока Алексей Андреевич не окажется в военном училище, это свое стремление он никак не свя-

зывает с научной работой. Он пока не сознает, какую пользу как математик может принести своей стране.

В это время возникает и еще одно затруднение. Физическая слабость и отсутствие выносливости – вот что будет его преследовать, станет постоянным барьером в реализации его патриотических намерений. Самые большие проблемы в этот период доставят некачественная пища и вода, которые станут основной причиной расстройства его здоровья. Тем не менее он настойчиво внушает своей жене и детям мысль о личной полезности, что порой принимает весьма необычные формы. Он пишет жене, у которой на руках трое детей и престарелые родители: «Имей в виду, что после потери Кривого Рога мы лишились большого количества металла. В связи с этим очень важно наладить сбор лома. Я этим займусь дома в самые ближайшие дни. Очень советую тебе взять на себя в этом инициативу. Постарайся наладить сбор металла в возможно широком масштабе» (1941.08.23).

На строительстве оборонительных укреплений Ляпунов находился до середины октября и покинул город, видимо, в дни панического бегства из Москвы после принятия постановления ГКО от 15.10.1941 г. «Об эвакуации столицы СССР». По рассказу Н.А. Ляпуновой, дочери ученого, несколько сотрудников Математического института ушли из города пешком и добирались до Казани на чем придется. Алексей Андреевич при этом, по своей непрактичности, был обут в легкую обувь. Но дорогу позже вспоминали с удовольствием, поскольку время было посвящено обсуждению научных проблем.

Фрагмент казанского бытия ученых коротко, но достаточно красноречиво описан в воспоминаниях П.С. Александрова. Он сообщил, что продовольственное снабжение эвакуированных ученых было поставлено в зависимость от научных приоритетов военного времени, когда прикладная функция науки признавалась доминирующей. Прикладники, поскольку их работа считалась важнее для обороны, получали 800 г хлеба, теоретики – 600 г ежедневно, пока О.Ю. Шмидт, вице-президент Академии наук СССР, единолично возглавлявший ее находившуюся в Казани часть, не сделал это паек одинаковым для всех. Остальные продукты также получали по карточкам. Академики и члены-корреспонденты находились в привилегированном положении вследствие преимуществ сверхкарточных выдач, кроме того, для них имелась специальная столовая [13]. На то, как снабжались остальные ученые и члены их семей, находившиеся в более скромном положении, проливаются некоторый свет письма А.А. Ляпунова начала 1942 г.

Первые месяцы 1942 г. (примерно до 10 марта) А.А. Ляпунов проводит в так называемом продотряде. Вместе с ним был и А.Д. Александров. Некоторые семьи, чтобы пополнить запас продовольствия, собирали деньги и отправили нескольких мужчин в окрестности Казани закупить продукты питания. Это малоизвестная страница быта эвакуированных ученых. Ляпунов пишет о низких ценах на продукты, жалеет, что собрали мало денег. Здесь он делает любопытные наблюдения «этнографического» характе-

ра. Особенно впечатляет описание быта г. Чистополя с поголовным пьянством жителей и сравнительная характеристика колхозов: «Очень забавно национальное различие колхозов. Русские обычно плохи. Продуктов на продажу у них нет, но каждый живет своей усадьбой. Русские – большие хлебосолы и очень живо следят за войной. Особенно старики, служившие раньше в Армии. У чувашей колхозы хорошие, т.к. власть председателя очень велика, а остальные – почти крепостные. Зато живут они бедно и плохо принимали нас. Русский язык почти не знают. Мордва, напротив, почти забыла свой язык. Колхозы у них не очень важны. Они ужасно грубы и темны. Живут не плохо. У многих сундуки с мануфактурой. Огромное количество мужчин сидит в тюрьме за воровство... Татары заняты больше всего торговлей и работают в колхозах, чтобы больше продать. Делами войны никто, кроме русских, не интересуется» (1942.02.27). Продукты закупали в разных селах, затем везли их в Казань на подводах, добытых с великим трудом.

Во время поездки в Кузайкино близ Чистополя Ляпунов с товарищами встретили партию Радиевого института, которая была занята разведкой нефтяных газов. Ляпунов отметил, что они занимались работой, которую обычно делают летом: забором проб воды из источников. Он писал: «До источника нередко нужно идти 2–3 км без дороги, по пояс в снегу. Они все отморозили себе ноги и лица и продолжали работать, несмотря на гноившиеся обморожения. Дома у них устроена лаборатория, причем там они отравляются газами от своих машин. При всем этом часть времени они жили впроголодь» (1942.01.20). Температура в это время стояла около 50 градусов ниже нуля.

В этом походе Ляпунов переболел желухой. Люди страшно обносились, голодали: «Если бы ты видела, в каком мы виде! Ободраны, грязны, обношены. Ведь я поехал без смены белья. Тряпки обратились в решето. Половины пуговиц нет, и не знаю, когда они исчезли. Самое скверное это то, что мы все трое нашли у себя посторонних жильцов. В довершение всего у нас кончается мыло. Я читаю биографию Амундсена и завидую их условиям жизни во время экспедиции. В довершение всех моих бед я все время голоден, т.к. столовые в Чистополе очень неважны. Полдня, если не больше, уходит на добывание пищи» (1942.02.25). Вернулись в Казань в первых числах марта.

А.А. Ляпунов был призван в армию 17 марта 1942 г. (1944.03.11), он стал слушателем Владимирского пехотного училища (Шуя, Ковров), где будет обучаться шесть месяцев и получит чин лейтенанта. Он хлопочет о переводе в артиллерию, но безуспешно. Это обстоятельство удручет его. Ему трудны все предметы, связанные с действием, т.е. с движением. Он физически слаб и неповоротлив. Но там, где требуются умственные усилия, ему нет равных, он занимается с отстающими. Его фотография – на доске почета училища. Опасается, правда, что «шагистика» потянет его назад и он не получит лейтенанта, чтобы обеспечить семью материально: семье офицера полагался аттестат на получение денежного и вещевого довольствия.

Он часто, почти каждый день пишет домой. Очевидно, сама Анастасия Савельевна не всегда регулярно и достаточно полно писала мужу, что ввергало его порой в депрессивное состояние. А.А. Ляпунов оказался на службе в 31 год. В некоторых письмах он намекал на любовные похождения своих товарищей по училищу (завеса над этой страницей истории войны приоткрывается Светланой Лазебной в воспоминаниях, собранных под рубрикой «Любовь, прошедшая войну» (<http://www.proza.ru/2009/04/02/885>). Сам же хранил верность жене. «Что касается моего образа жизни, так все поражаются его полным аскетизмом. Я ввел себе за правило не давать голове бездельничать. Все время голова чем-нибудь занята – математикой, артиллерией, стихами или геологией. Благодаря этому, я легче сношу одиночество и неучаствую ни в каких развлечениях. Особенно удивляет всех моих товарищей то, что за все время военной службы у меня не было ни одного романа! [...] Я чувствую, что в полной мере сохранил верность науке, совершенно так же, как и верность тебе» (1942.08.25).

В училище А.А. Ляпунов использует любую возможность, чтобы заниматься наукой. Как только начали преподавать предметы, связанные с математикой, Ляпунов стал работать над «своими задачами» (1942.07.02). Летом и осенью эта работа особенно интенсивна. Начальство в училище поддерживало его исследования. Он подготовил ряд рукописей, которые отправил в Казань, в Академию наук. Его адресаты – математики Н.В. Смирнов, С.Л. Соболев, А.Н. Колмогоров. Он рад любой возможности «занять мозги»: по просьбе одного из преподавателей с энтузиазмом взялся составить таблицу, которой не хватало в наставлениях по миномету (1942.08.20), работал над новыми приложениями тех же задач, что Смирнов и Колмогоров – над теорией стрельбы. Ему предложено оборудовать на зимних квартирах учебный минометный класс. Эти работы для него важны, поскольку имеют непосредственное оборонное значение. Он считал, что если удастся создать такой класс, то это может составить основу его деятельности на ряд лет, поскольку видел большие перспективы. Он подумывает даже о докторской диссертации. За июль и август Ляпунов подготовил несколько теоретических математических работ и разработал методику решения одной экспериментальной задачи (1942.08.30).

Дважды, в конце июля и в начале октября 1942 г., Ляпунову предоставляется возможность съездить на несколько дней в Казань по приглашению Института математики им. В.А. Стеклова. Предварительно он послал четыре заметки по двум разным вопросам теории стрельбы и по теории функций. В Казани сделал доклад в Математическом обществе, находившиеся в Казани московские математики образовали казанское отделение Московского математического общества, которое и собиралось еженедельно по вторникам совместно с Казанским математическим обществом. Передал Н.В. Смирнову для печати две математические статьи и объемную рукопись по теории стрельбы в сорок две машинописных страницы. С.Л. Соболеву передал записку по баллистике. В отделе теории ве-

роятностей его работы по теории стрельбы поставили в план. Он писал А.Н. Колмогорову с просьбой продолжить его работы. Публикационная активность математиков в это время сдерживалась: журнал «Успехи математических наук» не выходил с 1940 по 1945 г. Статьи А.А. Ляпунова появятся в научных журналах только в 1946 г.

После выпуска из училища в чине лейтенанта в середине октября 1942 г. Ляпунов направлен на преподавательскую работу в пехотное училище в местечко Мордовщик-Навашино недалеко от Мурома. Поначалу это его даже радует. Но постепенно повседневная рутина затягивает, занятия математикой пришлось отложить. Он продолжает писать в Академию и Колмогорову с просьбой похлопотать о его переводе в артиллерию.

Ляпунов не сообщает, обучали ли в училище командирским навыкам. Когда он из курсанта-подчиненного переходит в младший командный состав (заместитель командира взвода), у него как у командира, появляются первые проблемы. Контингент училища – выходцы из Средней Азии (узбеки и туркмены). С ними нелегко: они плохо понимают русский, а иногда используют это обстоятельство как прикрытие для невыполнения приказов (1942.11.08). Обстановка складывалась нервозная, приходилось сдерживать свое недовольство, учиться обращению с подчиненными, вырабатывать требовательность к людям со сложным менталитетом. Тем не менее случались просчеты, ссыпались взыскания, даже домашний арест на трое суток (1942.11.06). И никого рядом, с кем можно было бы посоветоваться, поговорить по душам. Сложность в том, что ему интересны люди, которые могут сообщить что-то новое. Сам он с удовольствием общается, если находит слушателей примерно одного уровня (бывшие учителя, инженеры, студенты), но он не в состоянии преодолеть барьер, отделяющий его от людей, не имеющих близких ему интересов. Он замыкается, старается больше читать, когда есть возможность, пишет письма.

Спасительным обстоятельством он считал свою отправку на фронт, под Сталинград. Он получил наконец назначение в артиллерию, но в конце февраля – начале марта 1943 г. заболел тифом. Почти все лето Ляпунов провел в тифозном бараке, в госпиталях. Затем попал в батальон выздоравливающих, его привлекли к преподавательской работе в Учебной батарее офицерского состава при фронтовом резерве (9 запасной строевой полк). Обучать и учиться самому приходилось на ходу: ему нередко поручали преподавать курсы, которые он сам только что освоил. Он опять возвращается к занятиям математикой: «...я все время понемногу двигаю вперед аддитивные функции и работаю над различными артиллерийскими стрелковыми вопросами. У меня набралось уже материала на 18 небольших заметок. Кроме того, наметились две темы для серьезной работы в будущем. В общем, я совершенно убедился в том, что мои научные возможности еще не погибли!» (1943.08.21).

В сентябре 1943 г. он наконец в действующей армии, командир топовычислительного взвода. В нояб-

ре подает заявление в партию. Его принимают кандидатом. По воспоминаниям его полкового товарища, боевой путь Алексея Андреевича начался на левом берегу Днепра против Херсона [14]. В артиллерию А.А. Ляпунов активно использует свои математические знания, и у него постепенно появляется уверенность, что он на своем месте.

Ляпунов использует разные способы социализации в незнакомом ему окружении. Один из них – это научные расчеты и применение их в боевой обстановке. Но, как мы уже установили, напечатать что-либо из своих работ Алексею Андреевичу не удается. Когда потребность в самовыражении с помощью печатного слова его как ученого лимитирована, он находит другой способ заявить о себе: «Если нет возможности печататься по математике, так будем печатать поэзию». Повествуя о своей практике стихосложения, Ляпунов обнаруживает утилитарный взгляд на природу творчества как на обыденную работу, способность любого человека, обученного грамоте. Он чрезвычайно серьезно относится к своему стихотворному опыту, просит жену сохранить стихи, мечтает издать сборник, обижается на родных, которые, по его мнению, недостаточно высоко ценят его сочинения («Неплохо для математика», – писала Анастасия Савельевна). Самоирония появляется позже: «...на этот счет есть эпиграмма Пушкина: “И в Лету бух!” Но что же поделаешь, как умею, а все-таки это некоторое развлечение» (1943.01.09). Стихи его написаны в идеино-патриотическом духе, незамысловаты по содержанию. Если он использует непонятные для солдат слова, дает подстрочник. Это его занятие представляется одним из способов социализации. Со стихами он выступает в стенгазетах, на концертах, в боевых листках. Привлеченное таким образом внимание он использует, чтобы перейти на более высокий уровень общения: выступает с лекциями просветительского и военно-патриотического содержания, ведет беседы на естественнонаучные темы со своими сослуживцами. После войны его стихотворчество прекращается (см. приложение).

Попытки Ляпунова приложить вновь полученные навыки к практической работе порой наталкиваются на непонимание, даже грозят фатальными последствиями. Вот короткое сообщение, за которым скрывается драматическая история. «Недавно мне пришлось мерить магнитное склонение (магнитное склонение – угол между географическим и магнитным меридианами в точке земной поверхности), хотя у меня не было специальной аппаратуры, но измерение оказалось достаточно хорошим. Раньше я никак не думал, что жизнь в боях так разнообразна и интересна» (1943.12.24). Функция топовычислительного взвода – выдача координат для стрельбы в ходе артподготовки. Как рассказывал позднее А.А. Ляпунов, с наблюдательного пункта он заметил, что снаряды не поражают целей. Он понял, что линия фронта – в сфере влияния Курской магнитной аномалии (КМА) и нужны поправки на магнитное склонение, на которое она оказывала влияние, отклоняя стрелку компаса. Об этом факторе Ляпунов имел представление из опыта

работы с П.П. Лазаревым на КМА в 1930-е гг. После боя его вызвали в штаб, куда поступили жалобы на передаваемые топовычислительным взводом неустановленные координаты стрельбы. К счастью, Ляпунову предоставили возможность оправдаться после проведения проверочных стрельб.

Произошло следующее. Если пуск снаряда, отправленного из точки А в точку Б, рассматривать как управляемый процесс, который испытывает помехи из-за воздействия магнитной аномалии на стрелку компаса, то желаемое протекание процесса в объекте управления и получение нужного изменения параметра на его выходе достигаются путем корректирования, подаваемого на вход объекта управления. Это обеспечит достижение заданной цели управления на выходе. Ляпунов решил задачу из области технической кибернетики, что важно с точки зрения его дальнейших занятий и послевоенного будущего. Он сделал важный шаг в этом направлении, применив к управлению огнем корректирующие расчеты.

В январе 1944 г. Алексей Андреевич находился на учебных сборах, преподавал, читал лекции офицерам-артиллеристам, проводил семинары: «Теперь я вижу, до какой степени я был прав, когда стремился к перемене рода войск. Если раньше про меня говорили “он математик” с оттенком презрения, то теперь эти слова говорят с проявлением особого уважения. Тут у нас математика нужна. Она тут в почете!» (1944.01.18). Одновременно он находит теоретико-математическое обоснование своей новой идеи – прибору для засечек батарей противника по звуку выстрела. Он привлекает к работе своего сослуживца и друга П.Б. Кацубу. К нему в помощь прикомандировывают инженер-вычислителя Р.В. Соколова. В конце января прибор заказан в мастерской. Ляпунов осваивает теорию и практику звуковой разведки, находит ее более эффективные методы в условиях дислокации части.

В конце февраля Алексей Андреевич вернулся на передовую: «Теперь я на своей основной работе. На новом месте вчера и сегодня я уже провел основные топографические работы, и сегодня вели стрельбу на моей топо-основе. Результаты были очень хорошие. <...> Понемногу перестаю быть дилетантом в стрельбе и военной топографии. Впрочем, мои способы пристрелки хотят у нас применить при первой возможности. В этом отношении я завоевал полное доверие. Сейчас моей очередной заботой будет обеспечение моего подразделения всеми необходимыми приборами, а также четкое выяснение моих обязанностей и прав, так как я стремлюсь к тому, чтобы перешагнуть некоторые установленные положения. <...> магнитное склонение целиком передано в мое ведение» (1944.02.28).

Теперь он вполне удовлетворен как математик, как человек, нашедший свое место в системе сложных отношений военного времени, где правят устав, приказ, требования начальства. Его настойчивость и уверенность, подкрепленные теоретическими расчетами, приносят свои плоды. То, что вчера считалось излишним, сегодня он сделал значимым и необходимым. И начальство поручает ему уточнения, которыми ранее

пренебрегало. Он находит возможным возражать начальству, если интуитивно чувствует свою правоту. Однажды при обсуждении работы с картой он столкнулся с каким-то неизвестным ему вопросом. Интуитивно он чувствовал ошибку, провел расчеты и нашел ее в таблице, которую втайне приберегли, но не показали во время обсуждения, чтобы уличить его. Однако расчет подтвердил его правоту. Ошибка была в специальной уставной таблице: «Обдумав этот вопрос, я получил одно новое топографическое правило. Я добился того, что тот участок работы, из-за которого у меня возникали конфликты, теперь отдан целиком мне» (1944.05.05). Подтверждение своей правоте он получает и в письме А.Н. Колмогорова. Ляпунов опасался, что его исследования выполнены на кустарном уровне, но Андрей Николаевич это сомнение рассеял (1944.04.01).

Теперь Ляпунов до самого конца своей службы уверен, что нашел себя. Ему не раз представлялась возможность оставить армию. Однажды отзывали человека, знающего английский язык, для работы где-то в тылу. Его спросили, знает ли он английский. Он ответил, что совершенно не знает: «Таким образом, я остался в своем подразделении. Я уже писал тебе, что сделаю все зависящее от меня, чтобы пробыть тут до конца войны. Не для того я так добивался артиллерии, чтобы при первой возможности убежать в тыл» (1944.04.21).

В своей фундаментальной работе историк науки С. Герович сравнивает занятия американских и советских ученых в годы войны [15]. Американцы Н. Винер (1895–1964) и К. Шеннон (1916–2001) в силу этих занятий до и в годы войны стали создателями кибернетики и теории информации. Никто из них не был на передовой, в отличие от Ляпунова и других советских ученых, не рисковал жизнью. Это сравнение – срез характеров и судеб в схожих обстоятельствах периода крупных структурных изменений. Выбор американских коллег был свободным. Выбор А.А. Ляпунова тоже был свободным, но он отличался жертвенностью, вызванной идеей долга-наследия. И он был иррационален настолько, насколько отражал ситуацию человека, попавшего в пехоту и совершенно непригодного для этого.

С. Герович предложил рассматривать послевоенную советскую науку в мировом контексте как разновидность (variety) науки холодной войны. В этот период наука развивается в форме больших проектов в обстановке секретности, научного шпионажа [16]. Зачатки этого состояния мировой науки возникли гораздо раньше, частично в предвоенные годы, и набрали темп во время войны. Кроме того, многие новые направления науки возникли при непосредственном участии математиков, проникновении математики в различные сферы теории и прикладных областей.

Н. Винер оставил о себе самые подробные сведения. Его вспоминания свидетельствуют о нем как о человеке большого достоинства, знавшем себе цену. Н. Винер считал, что даже в условиях войны научное сотрудничество должно быть добровольным, сохраняя за учеными значительную долю инициативы и

ответственности. В поисках области приложения своих способностей он пришел к решению задач о конструировании систем управления огнем противовоздушной обороны. Его партнером в этом проекте был Дж. Бигелоу, с которым они пришли к выводу, что система управления огнем зенитной артиллерии должна быть системой с обратной связью [17].

Винер признавал, что Колмогоров был первым, кто опубликовал работу по теории прогнозирования для дискретных последовательностей, в то время как сам он изучал случаи непрерывного времени. Но Колмогоровым не были указаны пути физической реализации систем прогнозирования. Винер сотрудничал с физиологами, что позволило ему осознать общность процессов, протекающих в живых организмах и технических системах; результатом их совместной с Розенблютом и Бигелоу работы стала статья 1943 г., представляющая собой набросок кибернетической идеи [18].

К. Шеннон, по вступлении США в войну, занялся разработкой системы управления огнем ПВО, работал над созданием устройства обнаружения самолетов и наведения на них установок зенитного огня. Он занимался также криптографией, что и привело его к созданию теории информации [19].

Анализ деятельности группы советских ученых, которые внесли определяющий вклад в послевоенное развитие кибернетики и вычислительной техники в качестве идеологов этого направления, позволяет раскрыть в той или иной степени тематику их исследований в годы войны. Все они, как и их американские коллеги, занимались теорией управления зенитным огнем, теорией стрельбы, радиолокацией. В эту группу входят, помимо А.А. Ляпунова (1911–1973), А.Н. Колмогоров (1903–1987), А.И. Берг (1893–1979), А.И. Китов (1920–2005), И.А. Полетаев (1915–1983) и др. В послевоенные годы, познакомившись с «Кибернетикой» Винера, они восприняли ее идеи легко и свободно, поскольку в силу своей практической работы были к этому подготовлены.

Возможно, А.Н. Колмогоров ближе всех подошел к идеям кибернетики. Еще до войны он привлек А.А. Ляпунова к статистической обработке экспериментального генетического материала, в 1940 г. написал статью, поддерживающую учение Г. Менделя, за что был подвергнут резкой критике со стороны Т. Лысенко и Э. Кольмана. Однако он не стал доказывать свою правоту и запретил делать это своим ученикам [20]. Важный контакт с генетиками был прерван. Во время войны по заданию Главного артиллерийского управления армии на базе своих исследований по теории вероятностей Колмогоров вычислял траектории рассеивания снарядов при стрельбе. К кибернетике он возвратился только в середине 1950-х гг.

А.И. Китов досрочно окончил Ленинградское военное училище инструментальной разведки зенитной артиллерии в июне 1941 и попал на фронт в звании младшего лейтенанта. Он воевал в зенитной артиллерии (командир огневого взвода зенитной батареи). В любую свободную минуту на передовой занимался математикой. После войны поступил в Ар-

такадемию, где уже преподавал А.А. Ляпунов [21]. Как свидетельствуют источники, «Кибернетику» Винера он прочитал в числе первых в 1951 г. Книга в это время уже находилась в спецхранилищах. Под впечатлением от прочитанного Китов начал писать реферат об основных идеях кибернетики, чтобы сделать их доступными [22]. В конце 1953 г. академик А.И. Берг, заместитель Министра обороны СССР, поручил А.И. Китову подготовить доклад о кибернетике и ЭВМ на Научно-техническом совете по радиоэлектронике, а после доклада подготовить книгу об ЭЦВМ. В своем институте ЦНИИ-108 А.И. Берг организовал семинар по кибернетике еще в период ее острой критики [23].

И.А. Полетаев окончил физико-энергетический факультет МЭИ в 1938 г. В годы войны служил в частях ПВО Москвы, затем в 1-й Гвардейской дивизии войск ПВО, в службе радиотехнического снабжения. С февраля по ноябрь 1945 г. находился в США, где в группе специалистов обучался работе с радарной техникой. После защиты диссертации в 1948 г. переключился на разработку радиолокационных систем. Книги Винера ему дал почитать И.С. Брук (который в годы войны также работал над созданием систем управления зенитным огнем). По воспоминаниям сына И.А. Полетаева, «в доме зазвучали такие имена, как Винер, Шеннон, Котельников, Ляпунов, Колмогоров» [24].

Подводя итог, необходимо затронуть еще один момент. В поисках начал исследователи нередко пытаются присвоить имя отца-основателя отечественной кибернетики кому-либо из вышеперечисленных ученых. Чаще им считают А.А. Ляпунова, А.И. Берга или А.И. Китова. На наш взгляд, это непродуктивный путь. В силу своей практической деятельности, связанной с управлением и созданием устройств автоматического регулирования, многие советские ученые-математики, как и А.А. Ляпунов, были подготовлены к восприятию идей кибернетики. Но никто из них, подобно Винеру, не оказался в состоянии выйти на тот уровень обобщения, который породил новую сущность. Причина кроется в тех условиях, в которых оказалась отечественная наука накануне и в годы войны: это и идеологический прессинг, и прямое защершение новейших исследований в науках о жизни, и слабые междисциплинарные контакты, усугубившиеся военным временем и эвакуацией научных учреждений в разные города СССР, и секретность военных разработок, и развитие псевдонаучных концепций в естествознании и т.д. [25].

Свою лимитирующую роль играли и другие сложности, возникшие в военное время. Говорят, что математику кроме ручки и бумаги ничего не требуется для работы. Из переписки А.А. Ляпунова мы знаем, что ему не доставало необходимой литературы, которую он не мог получить еще до отправления в действующую армию, порой и бумаги не было, чтобы делать записи. Не говоря уже о научных конференциях, лабораториях и контактах, недостатка в которых не было ни у Винера, ни у Шеннона.

Тем не менее совместные действия людей, прошедших войну, совпадение индивидуальных стратегий и практик в конечном счете привели к изменению в восприятии идей кибернетики обществом через активно продвигаемую ими полезность вычислительной техники для обороны страны и народного хозяйства в целом. Что касается А.А. Ляпунова, то очевидно, что и военный опыт, в том числе, привел его в эти ряды. Благодаря своему интуитивному стремлению, основанному на понимании роли математики в артиллерии, он обрел потерянную в начале войны уверенность в своей полезности ученого-математика. Второе обретение математики позволило ему получить своего рода общественную санкцию на существование, реализовать свои представления об этических ценностях и поведенческих моделях, унаследованных им от прошлых поколений Ляпуновых.

На военных дорогах произошла смена социального окружения, к которому он не был готов, но в силу осознанной коммуникативной стратегии Ляпунов нашел свою линию поведения. Эта стратегия также была основана на его интеллектуальном превосходстве и осознании неизбежности существования в данном окружении. Он оказался способен выстоять морально и физически в условиях, которые противоречили его доминирующему представлениям о жизни. Многое было для него ново, тяжело, неприемлемо, но он скорее был готов учиться, чем учить. Осознанный выбор модели поведения помог ему избежать морфологической трансформации личности, о чем говорят дальнейшая судьба и деятельность ученого.

Автор выражает глубокую признательность коллегам из ИСИ СО РАН, с которыми вместе работал над созданием Открытого архива СО РАН.

Приложение

А.А. Ляпунов. Мысли о присяге (1942.04.14)

Слова торжественной присяги
Звучат огнем в груди бойца.
И мчится мысль, как битвы стяги,
Дух видит Сталина-отца.
О мщеньи думаем невольно,
Кулак сжимая, супя бровь,
И извергам кричим: «Довольно!
Из вас мы выжмем кровь за кровь!
Мы вам покажем, что такое
Советский пламенный боец,
Как рвется русский витязь к бою,
И как он празднует конец!
Эй! Осквернители Отчизны,
Страшитесь, близок наш удар,
И близок час великой тризны,
Когда охватит вас пожар!
Весь мир вздохнет тогда свободно
И благодарно вспомнит нас,
И все, в ком сердце благородно,
Плевком одним помянут вас!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П., Зверева В., Парамонова М. История исторического знания / под общ. ред. Л.П. Репина. М. : Юрайт, 2013. С. 266.
2. Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 167–181.
3. Анкерсмит Ф. Нarrативная логика. Семантический анализ языка историков : пер. с англ. / под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М. : Идея-Пресс, 2003. С. 169.
4. Рикёр П. Память, история, забвение : пер. с фр. М. : Изд-во гуманит. лит-ры, 2004. С. 128. (Французская философия XX века).
5. Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В.А. Исупов ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск : Ред.-издат. центр Новосиб. гос. ун-та, 2002. 154 с.
6. Куперштх Н.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 32–40.
7. Фоминых С.Ф., Сорокин А.Н. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Былые годы. 2013. № 29 (3). С. 32–37. URL: <http://oaji.net/articles/2014/7-1393249776.pdf>
8. Письма с фронта. 1941–1945 гг. : сб. документов. Казань : Гасыр, 2010. 232 с.
9. Алексей Андреевич Ляпунов / ред.-сост. Н.А. Ляпунова, Я.И. Фет ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т вычисл. мат. и мат. геофиз. Новосибирск, 2001. 523 с. (Наука Сибири в лицах).
10. Алексей Андреевич Ляпунов. 100 лет со дня рождения / ред.-сост.: Н.А. Ляпунова, А.М. Федотов, Я.И. Фет ; отв. ред. Ю.И. Шокин. Новосибирск : Гео, 2011. 587 с.
11. Воронцов Н.Н. Алексей Андреевич Ляпунов: очерк жизни и творчества, окружение и личность: к 100-летию со дня рождения А.А. Ляпунова. М. : Новый хронограф, 2011. 238 с.
12. Ляпунов Алексей Андреевич (1911–1973) / сост. Р.И. Кузьменко и Н.А. Ляпунова. М. : Наука. 1996. 89 с. (Материалы к библиографии ученых. Сер. математических наук; вып. 19).
13. Александров П.С. Страницы автобиографии. Ч. II // УМН. 1980. Т. 35, вып. 3 (213). С. 241–278.
14. Трусов Р. Это он, Ляпунов (письмо в редакцию) // Огонек. 1968. № 27. С. 9.
15. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA ; London : The MIT Press, 2002. 369 p.
16. Gerovitch S. "Mathematical Machines" of the Cold War: Soviet Computing, American Cybernetics and Ideological Disputes in the Early 1950s // Social Studies of Science. 2001. April. 31/2. P. 256.
17. Винер Н. Я – математик. М. : Наука, 1964. С. 218, 227, 238.
18. Розенблют А., Винер Н., Биглоу Дж. Поведение, целенаправленность и телеология // Винер Н. Кибернетика. М. : Наука, 1983. С. 297–307.
19. Claude Elwood Shannon. Collected Papers. IEEE Press. Р. xi–xxxiii.
20. Гнеденко Б.В. Учитель и друг // Колмогоров в воспоминаниях учеников / ред.-сост. А.Н. Ширяев. М. : МЦНМО, 2006. С. 142.
21. Долгов В.А. Китов Анатолий Иванович – пионер кибернетики, информатики и автоматизированных систем управления : науч.-биограф. очерк / под общ. ред. К.И. Курбатова. М. : КОС.ИНФ, 2010. С. 28–29.
22. Китов В.А., Шилов В.В. Точка отсчета истории отечественной кибернетики // Труды SORUCOM-2011. Развитие вычислительной техники и ее программного обеспечения в России и странах бывшего СССР : вторая Междунар. конф. Великий Новгород, 12–16 сентября 2011 г. / отв. ред. А.Н. Томилин. Новгород : Новгородский технопарк, 2011. С. 146.
23. Маркова Е.В. Кибернетический период творчества академика А.И. Берга // Аксель Иванович Берг / ред.-сост.: Я.И. Фет ; отв. ред. А.С. Алексеев. М. : Наука, 2007. С. 78–79.
24. Полетаев А.И. «Военная кибернетика», или Фрагмент истории отечественной «лженауки» // Очерки истории информатики в России / ред.-сост. Д.А. Постолов, Я.И. Фет. Новосибирск : Науч.-изд. центр ОИГТМ СО РАН, 1998. С. 516–517.
25. Коллинский Э.И. Установление контроля над научным сообществом как необходимое условие контроля над информацией. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/?id=3507> (дата обращения: 20 февраля 2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 мая 2015 г.

ALEKSEY ANDREEVICH LYAPUNOV: MATHEMATICIAN ON THE WAR

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 97–105. DOI: 10.17223/15617793/399/16

Krayneva Irina A. A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: cora@iis.nsk.su

Keywords: Great Patriotic War; history of mathematics; everyday life; cybernetics; Aleksey Andreevich Lyapunov; historical-oriented information system.

The article dwells on the wartime life of Aleksey Andreevich Lyapunov (1911–1973), a mathematician and a person of encyclopedic knowledge. The main source of the paper is Lyapunov's correspondence during 1941–1945. Lyapunov enriched science not only in the fields of the set theory, cybernetics and programming. His interests covered a wide range of problems in biology, geophysics, linguistics, philosophy, and pedagogic. Aleksey Andreevitch, a son of mathematician A.N. Lyapunov and a student of Academician N.N. Luzin, defended a PhD thesis and worked in the field of applications of the probability theory to the natural science and engineering. A nobleman by birth and a patriot, he rejected the opportunity to stay in reserve. He became a student of a military college, then a soldier and a platoon leader. After the end of the Second World War, he was a professor of the F. Dzerzhinsky Artillery Academy. He defended his doctoral thesis in 1950. As an active advocate of cybernetics, Lyapunov consolidated his followers and opened an interdisciplinary seminar on the problems of cybernetics and physiology at Moscow State University. In 1961, he moved from Moscow to Novosibirsk and became the head of the Cybernetics Department in the Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. A.A. Lyapunov was a founder and a scientific supervisor of the Physics and Mathematics School of Novosibirsk State University. In 1964, he was elected to the Academy of Sciences of the USSR as a corresponding member. In 1996, he was awarded a Computer Pioneer Medal. A.A. Lyapunov was drafted into the Army on March 17, 1942. He became a student of the Military Infantry School in the city of Vladimir. There was little demand for his mathematical skills but he took every opportunity to work in his field. His life in the military school was not easy as he was not fit for regular physical exercise. Lyapunov wished to go to artillery, because he realized that he would be more useful there as a mathematician. When appointed a leader of the topography and calculation artillery platoon, Lyapunov approved himself as an expert in the battle for Crimea. He discovered the influence of the Kursk Magnetic Anomaly on the gun-laying tools and performed the necessary calculations that had been previously ignored. Having solved the problem in the field of the technical cybernetics, Lyapunov took his first step toward his

post-war future. Getting familiarized with the papers of American scientists in cybernetics brought Lyapunov and his colleagues to the research in this field of science. Scientists A.N. Kolmogorov, A.I. Berg, I.A. Poletayev and A.I. Kitov, among others who had gained theoretical and practical skills in the management of automatic control mechanisms during the war, led Soviet cybernetics and influenced the development of other important areas in science and engineering.

REFERENCES

1. Repina, L.P., Zvereva, V. & Paramonova, M. (2013) *Istoriya istoricheskogo znanija* [The history of historical knowledge]. Moscow: Yurayt.
2. Repina, L.P. (1990) Sotsial'naya istoriya i istoricheskaya antropologiya: noveysie tendentsii v sovremennoy britanskoy i amerikanskoy medievistike [Social History and Historical Anthropology: the latest trends in contemporary British and American medieval studies]. In: *Odyssey. Chelovek v istorii. 1990* [Odyssey. Man in History. 1990]. Moscow: Nauka.
3. Ankermitt, F. (2003) *Narrativnaya logika. Semanticcheskiy analiz jazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
4. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
5. Ostashko, T.N. (2002) *Nauka i uchenye Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Science and teaching in Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
6. Kupershokh, N.A. (2014) West-Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR: projects and realities of the first half of the XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 2 (28). pp. 32–40. (In Russian).
7. Fominykh, S.F. & Sorokin A.N. (2013) Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War (1941–1945). *Bylye gody.* 29 (3) pp. 32–37. [Online]. Available from: <http://oaji.net/articles/2014/7-1393249776.pdf>. (In Russian).
8. Ibragimov, D.I. et al. (2010) *Pis'ma s fronta. 1941–1945 gg.: sb. dokumentov* [Letters from the front. 1941–1945: documents]. Kazan: Gasyr.
9. Lyapunova, N.A. & Fet, Ya.I. (2001) *Aleksey Andreevich Lyapunov*. Novosibirsk. (In Russian).
10. Lyapunova, N.A., Fedotov, A.M. & Fet, Ya.I. (2011) *Aleksey Andreevich Lyapunov. 100 let so dnya rozhdeniya* [Aleksey Lyapunov. The 100th anniversary of the birth]. Novosibirsk: Geo.
11. Vorontsov, N.N. (2011) *Aleksey Andreevich Lyapunov: ocherk zhizni i tvorchestva, okruzhenie i lichnost': k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Lyapunova* [Aleksey Lyapunov: sketch of the life and work, the environment and personality: the 100th anniversary of A.A. Lyapunov]. Moscow: Novyy khronograf.
12. Kuz'menko, R.I. & Lyapunova, N.A. (1996) *Lyapunov Aleksey Andreevich (1911–1973)*. Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Aleksandrov, P.S. (1980) *Straintsy avtobiografi. Ch. II* [Pages of autobiography. Part II]. *UMN.* 35:3(213). pp. 241–278.
14. Trusov, R. (1968) Eto on, Lyapunov (pis'mo v redaktsiyu) [It is him, Lyapunov (letter to the editor)]. *Ogonek.* 27. pp. 9.
15. Gerovitch, S. (2002) *From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
16. Gerovitch, S. (2001) “Mathematical Machines” of the Cold War: Soviet Computing, American Cybernetics and Ideological Disputes in the Early 1950s. *Social Studies of Science.* April. 31/2. pp. 253–287. DOI: 10.1177/0306312701031002006
17. Wiener, N. (1964) *Ya – matematik* [I am a mathematician]. Translated from English. Moscow: Nauka.
18. Rosenbluth, A., Wiener, N. & Bigelow, J. (1983) *Povedenie, tselenapravlennost' i teleologiya* [Behavior, focus and teleology]. In: Wiener, N. *Kibernetika* [Cybernetics]. Moscow: Nauka.
19. Shannon, C.E. (1993) *Collected Papers*. New York: IEEE Press.
20. Gnedenko, B.V. (2006) *Uchitel' i drug* [A teacher and a friend]. In: Shiryaev, A.N. (ed.) *Kolmogorov v vospominaniyah uchenikov* [Kolmogorov in the memoirs of his pupils]. Moscow: MTsNMO.
21. Dolgov, V.A. (2010) *Kitov Anatoliy Ivanovich – pioner kibernetiki, informatiki i avtomatizirovannykh sistem upravleniya: nauchno-biograficheskiy ocherk* [Kitov Anatoly Ivanovich, a pioneer of cybernetics, computer science and automated control systems: a biographical sketch]. Moscow: KOS. INF.
22. Kitov, V.A. & Shilov, V.V. (2011) [The benchmark in the history of domestic cybernetics]. *Trudy SORUCOM-2011* [Proceedings of SORUCOM-2011]. The second international conference “Development of computer technology and its software in Russia and in the former Soviet Union”. Veliky Novgorod. 12–16 September 2011. Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark. (In Russian).
23. Markova, E.V. (2007) *Kiberneticheskiy period tvorchestva akademika A.I. Berga* [The cybernetic period of work of Academician A.I. Berg]. In: Fet, A.I. (ed.) *Aksel' Ivanovich Berg* [Aksel Ivanovich Berg]. Moscow: Nauka.
24. Poletaev, A.I. (1998) “Voennaya kibernetika”, ili Fragment istorii otechestvennoy “Izhenauki” [“Military Cybernetics”, or fragment of the history of Russian “pseudoscience”]. In: Pospelov, D.A. & Fet, Ya.I. (ed.) *Ocherki istorii informatiki v Rossii* [Essays on the history of computer science in Russia]. Novosibirsk: OIGGM SO RAN.
25. Kolchinskiy, E.I. (2000) *Ustanovlenie kontrolya nad nauchnym soobshchestvom kak neobkhodimoe uslovie kontrolya nad informatsiyey* [Establishing control over the scientific community as a necessary condition for control over information]. [Online]. Available from: <http://www.opentextmn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/?id=3507>. (Accessed: 20th February 2015).

Received: 26 May 2015

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ РАЗВЕРСТКА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1921 гг.

Исследуются мероприятия советских и партийных органов Томской губернии в продовольственной сфере, основной целью которых являлась концентрация в руках губернских руководителей запасов хлеба для их последующей отправки в центральные регионы страны. Анализируется ход продовольственных заготовок, раскрываются методы их осуществления, включавшие, помимо принуждения, также идеологическую работу среди крестьянских масс. Оцениваются результаты продовольственной кампании, определяется степень их соответствия установленным для Томской губернии плановым показателям.

Ключевые слова: Сибирь; Томская губерния; продовольственная разверстка.

Одним из наиболее ярких проявлений политики «военного коммунизма» в Советской России являлось, как известно, решение продовольственного вопроса. Продовольственный кризис, разразившийся на территории обескровленного Советского государства, таил в себе смертельную угрозу для большевистской власти. Отсутствие хлебных запасов и, как следствие, нарастание голода могли неблагоприятно отразиться на политических настроениях пролетариата, являвшегося основной социальной опорой нового режима. Выход из сложившейся ситуации был найден большевиками в объявлении продовольственной разверстки, предусматривавшей изъятие необходимых продовольственных ресурсов, в первую очередь хлеба, в пользу голодающих регионов России. Юридически разверстка была закреплена 11 января 1919 г. в декрете Совета народных комиссаров [1. С. 292–294].

Сибирский край рассматривался центральным советским и партийным руководством как регион, в котором сосредоточены солидные запасы хлебных излишков. Исходя из этого, отчуждению продовольственных запасов из крестьянских хозяйств сибирских губерний придавалось особое значение.

Вопросам продовольственной политики в Сибири в годы «военного коммунизма» в отечественной историографии удалено значительное внимание. Наиболее полные сведения о продовольственных мероприятиях, проводимых сибирскими большевиками, содержатся в специальной работе В.И. Шишкина [2]. Ему же принадлежит энциклопедическая статья о продразверстке в Сибири [3. С. 706–707]. Вопросам продовольственных заготовок посвящены отдельные разделы в диссертационных исследованиях В.А. Прошина [4] и Е.В. Суворова [5]. Различные аспекты продовольственной политики на территории Сибирского региона, в том числе на Томской земле, отражены в ряде научных статей [6. С. 25–27; 7. С. 67–78; 8. С. 136–143; 9. С. 26–28]. Некоторая информация о продовольственной работе томских большевиков содержится в очерках истории Томской области [10. С. 287–288]. Однако комплексный взгляд на специфику продовольственных мероприятий в Томской губернии в период военного коммунизма на сегодняшний день все же отсутствует. В данной статье на основе архивных и опубликованных источников, а также исследовательской литературы раскрываются характер и особенности продовольственной разверстки в Томской губернии в период 1920–1921 гг.

В Сибири, в частности на Томской земле, продовольственные мероприятия начались практически сразу после ликвидации колчаковской диктатуры. Однако организовать разверстку в той мере, в какой она предусматривалась общероссийским декретом, не представлялось возможным ввиду отсутствия на первое время продовольственного аппарата [11. С. 42]. Исходя из этого, начатая продовольственная кампания носила добровольный характер и была ориентирована на свободную сдачу крестьянами излишков хлеба по твердым ценам. Так, в Томской губернии за сданный пуд пшеницы крестьянину полагалось 34 руб., ржи – 28 руб., овса и ячменя – 27 руб., проса – 26 руб. [12. 26 фев.]. Кроме того, по постановлению Сибревкома,енному еще в сентябре 1919 г., разрешалась свободная торговля на базарных площадях продуктами сельского хозяйства [11. С. 13]. В результате этих мероприятий к февралю 1920 г. общее количество заготовленного губернией хлебоффуража равнялось 149,8 тыс. пудов. Для сравнения, в Омской губернии эта цифра составила 2 345 тыс. пудов, Алтайской – 337,3, Енисейской – 103,4 тыс. пудов [2. С. 150].

Однако с течением времени сельское население утрачивало стимул к добровольной поставке сельскохозяйственных продуктов. Это было обусловлено тем, что денежные средства, получаемые крестьянами за сданный хлеб, не позволяли им приобретать необходимые промышленные товары вследствие значительного падения промышленного производства. Более того, политика «самотека» не могла удовлетворить все более возраставшие потребности центральной власти в сибирском хлебе [9. С. 26]. В этих условиях сибирское руководство приняло решение ввести разверстку, сохранив при этом возможность свободной торговли сельскохозяйственными продуктами. 11 февраля 1920 г. на заседании коллегии Томского губернского продовольственного комитета были утверждены объемы хлебной разверстки по четырем уездам губернии (табл. 1).

Из этого количества 40% необходимо было доставить к 10 марта, 20% – к 25 марта, 25% – к 1 июня и 15% – к 1 июля.

8 марта 1920 г. разверстка была назначена на Томский и Мариинский уезды. Так, Томский уезд обязан был поставить 100 тыс. пудов продовольственных хлебов и 700 тыс. пудов фуражных, Мариинский – 100 тыс. пудов продовольственных и 200 тыс. пудов фуражных хлебов [14. Л. 141].

Т а б л и ц а 1
Объем хлебной разверстки по четырем уездам
Томской губернии, в пудах (февраль 1920 г.) [13. Л. 23]

Наименование уезда	Объем взимаемого продовольственного хлеба	Объем взимаемого фуража
1. Новониколаевский	307 1350	3 797 700
2. Каинский	341 000	395 00
3. Кузнецкий	391 000	251 400
4. Щегловский	433 000	1 89 000
Итого	8 513 950	

Однако результаты продовольственной работы были далеки от ожиданий губернского и сибирского руководства. По установленным нами данным, к концу апреля количество заготовленного в губернии хлебоураха не превысило и миллиона пудов (табл. 2).

Т а б л и ц а 2
Объем заготовленного хлебоураха, в пудах
(конец апреля 1920 г.) [15. Л. 24 об.]

Наименование уезда	Объем заготовленного продовольственного хлеба	Объем заготовленного фуража
1. Томский	38 000	20 000
2. Новониколаевский	225 000	1 74 000
3. Каинский	66 000	14 000
4. Кузнецкий	45 000	23 000
5. Щегловский	73 000	24 000
6. Мариинский	51 000	51 000
Итого	804 000	

Причинами столь неудовлетворительного выполнения продовольственного плана, как отмечалось в докладе хлебоуражного отдела губпродкома, стали несвоевременное начало кампании, отсутствие денежных знаков, а также слабая подготовка продовольственных агитаторов [15. Л. 24].

В период с 12 по 16 апреля 1920 г. в Омске состоялось совещание губернских продовольственных комиссаров, посвященное анализу продовольственных мероприятий на территории Сибири. Отмечая неэффективность предпринимаемых мер в области изъятия продовольственных запасов, участники совещания приняли резолюцию, вводившую принудительную разверстку сельскохозяйственной продукции. Документ гласил, что «заготовка важнейших продовольственных продуктов системой самотека, наиболее выгодной кулацким элементам деревни и наименее обеспечивающей плодотворность продовольственной работы, признается вредной и должна быть всюду оставлена» [16. С. 280]. Месяц спустя Томский губревком значительно ограничил свободную торговлю сельскохозяйственными продуктами на территории губернии. Согласно опубликованному 15 мая 1920 г. заявлению право на свободную продажу муки, крупы, зерна, мяса и других продуктов получали лишь выполнившие разверстку жители волостей [12. 16 мая].

Главным руководящим органом в процессе выполнения разверстки являлся Народный комиссариат продовольствия. Он определял общий объем продовольственных поступлений от той или иной губернии, да-

вая задание соответствующим губпродкомам. Последние, в свою очередь, распределяли объем необходимых к отчуждению продуктов между уездами, устанавливая контакты с упродкомами. Наконец, упродкомы поручали выполнение плана разверстки волостным ревкомам, а волостные – сельским [17. Л. 121].

Согласно разработанной в Томской губернии в феврале 1920 г. инструкции по разверстке волостные ревкомы, получив соответствующий план разверстки, сообщали сельским ревкомам объем, срок и место сдачи хлеба и зерноураха. После этого сельские ревкомы приступали к учету всех имевшихся в данном селе хлебных излишков. При сдаче хлеба на ссыпные пункты крестьяне получали квитанцию с указанием причитавшихся им денежных сумм. Волостные и сельские ревкомы обязаны были организовывать охрану сдаваемого хлеба. Селения, не выполнившие разверстку, лишились права на получение промышленных товаров [18. Л. 19–19 об.].

Еще в октябре 1919 г. Сибирский революционный комитет заслушал на своем заседании вопрос о денежной компенсации крестьянам за доставку хлеба на ссыпные пункты. В результате было принято решение оплачивать доставку только в том случае, если расстояние, преодолеваемое крестьянами от своего села до ссыпного пункта, превышало 60 верст. Крестьянин получал 15 копеек с пудоверсты при доставке хлеба «на колесах» и 10 копеек – при доставке по санному пути [19. Л. 52].

Основываясь на резолюции, принятой Омским совещанием губпродкомиссаров, Томский губревком 24 мая 1920 г. издал приказ о проведении разверстки в губернии в принудительном порядке. Согласно приказу все владельцы необмолоченного хлеба обязаны были немедленно приступить к его обмолоту. Губернскому продовольственному комитету поручалось произвести мобилизацию незанятого полевыми работами населения или же командировать в места обмолота специальные обмолоточные отряды. При сопротивлении владельцев хлеба его обмолоту приказ предписывал осуществлять данную процедуру принудительно. Ответственность за указанные мероприятия возлагалась на волостные революционные и исполнительные комитеты, члены которых в случае неудовлетворительного хода кампании подлежали суду революционного трибунала [9. С. 26; 20. Л. 20–21].

В дальнейшем происходила активизация принудительных способов извлечения продовольственных запасов из крестьянских хозяйств. Так, в июне 1920 г. губернский продовольственный комиссар Ф.Н. Иванов-Павлов направил в губком партии телеграмму, в которой просил партийных руководителей приступить к решительному нажиму на владельцев хлеба, не останавливааясь перед «репрессивными мерами в отношении явно саботирующих волостей» [21. Л. 13].

В начале того же месяца Томское уездное продовольственное совещание обратилось в адрес революционного комитета с ходатайством об отправке в уезд трех воинских отрядов численностью по 20 человек каждый для оказания содействия в выполнении разверстки. Месяц спустя Томский губревком издал постановление о формировании постоянных вооружен-

ных продовольственных отрядов из членов коммунистической партии и профсоюзов [22. С. 170–171].

Однако, несмотря на все усилия, общий итог продовольственных заготовок был неудовлетворительным. К августу 1920 г. из сельских хозяйств Томской губернии было извлечено 3 423 тыс. пудов хлебоуражжа, что составило всего 35,6% от общего плана, равнявшегося 9 614 тыс. пудов [2. С. 179]. Одним из факторов, не позволивших увеличить объем разверстки, являлось недостаточное количество продовольственных работников. Об этом, в частности, заявлялось на заседании представителей уездных и районных организаций РКП(б), состоявшемся в июне 1920 г. [23. Л. 54 об.–55].

Другим результатом проведенной кампании явилось резко возросшее недовольство большевиками со стороны крестьянских масс. В начале июля 1920 г. крестьянские восстания вспыхнули в Новониколаевском и Томском уездах. Осенью сопротивление большевикам было оказано в Мариинском уезде [10. С. 291–292].

Вместе с тем продовольственное положение центральных регионов страны продолжало оставаться напряженным. В значительной мере обстановку осложнило засушливое лето, которое установилось в центральных районах России и привело к заметному снижению урожая [24. С. 346]. Изыскивая необходимые продовольственные ресурсы, Совет народных комиссаров 20 июля 1920 г. издал декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», согласно которому обмолот и передача всех свободных излишков хлеба государству объявлялись в текущий момент первоочередной обязанностью сибирского крестьянства. Ответственными за организацию разверстки становились местные советские органы. В отношении уклонявшихся от обмолота и сдачи излишков декрет предусматривал наказание в виде конфискации имущества и заключения в концентрационные лагеря [16. С. 288–289].

Убежденность высших советских и партийных руководителей страны в том, что «в Сибири насчитывается до сотни миллионов пудов хлеба...» [Там же. С. 289] обусловила назначение на Сибирь в продкампанию второй половины 1920–1921 гг. продовольственного задания в размере 110 млн пудов хлебоуражжа [2. С. 181]. Из этого количества 19 млн пудов предполагалось изъять из крестьянских хозяйств Томской губернии, что, разумеется, потребовало от губернского руководства предельной мобилизации всех сил и средств на нужды продовольственного дела [16. С. 322].

В сентябре 1920 г. партийными руководителями губернии было принято решение об организации широкой агитаторской работы среди крестьянских масс. С 25 сентября 1920 г. все партийные и советские работники губернии, способные принять участие в качестве докладчиков, агитаторов и пропагандистов в селах, объявлялись мобилизованными на все время продовольственной кампании. Без санкции губкома запрещались их отпуска и какие-либо перемещения в другие местности. От мобилизации освобождались лишь секретари партийных комитетов [9. С. 27; 25. Л. 26]. Спустя некоторое время губкомом было принято решение о передаче в распоряжение губпродкому для работы на

продовольственном фронте всех волостных партийно-советских инструкторов [2. С. 185–186].

Еще одним рычагом агитационного влияния на крестьян стали состоявшиеся в октябре 1920 г. на территории губернии районные беспартийные конференции на продовольственную тему. По подсчетам В.И. Шишкина, в них приняло участие 4 775 крестьян приблизительно от 200 волостей [Там же. С. 191].

В результате предпринятых усилий количество заготовленного губернией хлебоуражжа на сентябрь 1920 г. составило 669 тыс. пудов, на октябрь – 1 216 тыс. пудов, на ноябрь – 1 512 тыс. пудов, на декабрь – 4 243 тыс. пудов. В январе 1921 г. губерния имела 8 005 тыс. пудов, в феврале – 10 278, в марте – 11 851 тыс. пудов. К 1 апреля было заготовлено 12 565 тыс. пудов [Там же. С. 222].

Высокий темп продовольственной разверстки, а также стремление губернского руководства выполнить намеченный план приводили к концентрации в руках многих должностных лиц весьма широких полномочий, что неизбежно вело к злоупотреблениям властью. Так, примерно в декабре 1920 г. в губкоме партии поступило заявление от Чердатского сельсовета Чердатской волости Мариинского уезда, в котором были приведены факты вопиющего поведения уполномоченного Зырянской районной заготовительной конторы Хлебопашникова. Будучи крайне рассерженным ввиду отсутствия необходимых к отчуждению продовольственных излишков, Хлебопашников, по свидетельству чердатских сельчан, «садил в холодные амбары членов сельсовета всем составом» [26. Л. 90].

Стоит отметить, что не все входившие в состав Томской губернии территории обладали необходимыми хлебными запасами для их транспортирования в центр страны. Так, например, Нарымский край в силу суровых природных условий являлся практически бесхлебным и сам нуждался в «хлебной» помощи. В то же время рыбный промысел вследствие наличия в крае большого количества проток и речек позволял организовывать снабжение уездов губернии рыбой в обмен на поставку хлеба [27. Л. 38; 28. Л. 191 об.].

В марте 1921 г., согласно решению X съезда РКП(б), вызывавшая крайнее негодование крестьян продовольственная разверстка была заменена продовольственным налогом. Однако по указанию ЦК РКП(б) и коллегии Народного комиссариата продовольствия разверстка на территории Сибири временно сохранялась [4. С. 110]. В рядах советских и партийных руководителей Томской губернии такое решение вызвало весьма отрицательную реакцию. По их мнению, продолжение разверстки в условиях практически полного истощения хлебных запасов и массового недовольства крестьян являлось нецелесообразным. Тем не менее Сиббюро ЦК РКП(б) не согласилось с подобной точкой зрения и на заседании 10 апреля постановило продолжить отчуждение хлеба в губернии [29. С. 90].

Преодолевая сопротивление крестьян, продовольственные органы губернии заготовили в апреле 244 тыс. пудов хлебоуражжа, в мае – 40 тыс., в июне – 110 тыс. [16. С. 323]. К июлю 1921 г., когда разверстка в губернии была фактически прекращена, общее количество

изъятого у крестьян в текущую продовольственную кампанию хлебоуфраже составило 12 950 тыс. пудов. Данный результат свидетельствовал о выполнении поставленного плана на 68,2%. Недобор составил 6 041 тыс. пудов, или 31,6% [2. С. 222; 16. С. 322]. По сравнению с другими губерниями по количеству сосредоточенного зерноуфраже Томская губерния занимала третье место после Алтайской и Омской [16. С. 322].

Таким образом, продовольственную разверстку следует признать одним из наиболее существенных мероприятий, начатых большевиками в течение первых

месяцев с момента восстановления советской власти на Томской земле. Несмотря на то что продовольственным органам губернии в ходе заготовительных кампаний не удалось добиться стопроцентного выполнения планов разверстки, изъятие у сельского населения продовольственных запасов привело к практически полному опустошению крестьянских хозяйств и последующему голоду. В дальнейшем взаимоотношения губернских властных структур с крестьянским населением протекали уже в рамках взимания сменившего разверстку продовольственного налога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декреты советской власти. М., 1968. Т. IV: 10 нояб. 1918 г., 31 мар. 1919 г.
2. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985.
3. Шишкин В.И. Продразверстка // Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 2.
4. Прошин В.А. Политика «военного коммунизма» в Сибири (конец 1919 – июль 1921 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987.
5. Суворов Е.В. Социально-экономическое развитие сибирской деревни (конец 1919–1929 годы) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006.
6. Хенкен Е.М. К вопросу о продовольственной политике начала 20-х гг. (по материалам Новониколаевской губернии) // Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура: Первая областная науч.-практ. конф. краеведов : тез. докл. и сообщ. / отв. ред. Л.М. Горюшкин, В.А. Зверев. М., 1995. Ч. 2.
7. Прошин В.А. Свертывание свободной торговли в Сибири в условиях военного коммунизма (конец 1919 – начало 1921 гг.) // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск, 1999.
8. Выдрина О.В. Население Новониколаевского уезда в связи с продовольственной политикой в 1920–1922 гг. // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Сибархива. 8–9 июля 2010 г. / отв. ред. В.Д. Попов. Новосибирск, 2010.
9. Куренков А.В. Продовольственный вопрос в деятельности органов власти и управления Томской губернии (1920–1921 гг.) // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. материалов Рос. молодежной науч. конф. / под ред. П.П. Румянцева. Томск, 2011. Вып. 7.
10. Томская область: исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994.
11. Сибирская Вандея : документы / сост. В.И. Шишкин. 1919–1920. М., 2000. Т. 11.
12. Знамя революции (Томск). 1920.
13. Протокол заседания коллегии Томского губпродкома от 11 февраля 1920 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 7.
14. Протокол заседания коллегии Томского губпродкома от 8 марта 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 7.
15. Доклад о деятельности хлебоуфражного отдела Томского губпродкома от 8 мая 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 8.
16. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 г. : сб. докладов и материалов. Новосибирск, 1959.
17. Инструкция для сельских и волостных комячеек Томской губернии по выполнению разверстки. [1920 г.] // Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
18. Инструкция по разверстке в Томской губернии. Февраль 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 24.
19. Выписка из протокола заседания Сибревкома от 27 октября 1919 г. // ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 6.
20. Приказ Томского губревкома от 24 мая 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 153.
21. Телеграмма губпродкомиссара Ф.Н. Иванова-Павлова председателю Томского губкома РКП(б). [Июнь 1920 г.] // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 351.
22. Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть : сб. документов и материалов / сост. В.И. Марков. Томск, 1997.
23. Протокол Томского губернского совещания представителей уездных и районных организаций РКП(б). 7–8 июня 1920 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315.
24. Драма российской истории: большевики и революция / под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002.
25. Циркуляр Томского губкома РКП(б). [Сентябрь 1920 г.] // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
26. Заявление в Томский губком РКП(б) от членов Чердатского сельского совета Чердатской волости Мариинского уезда. [Декабрь 1920 г.] // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
27. Протокол заседания президиума Томского губисполкома от 26 ноября 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 12.
28. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1.
29. Кокоуллин В.Г. Переход от продразверстки к продналогу в Сибири (март – август 1921 г.) // Клио. 2011. № 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 февраля 2015 г.

THE SURPLUS APPROPRIATION SYSTEM IN TOMSK PROVINCE IN 1920–1921

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 106–110. DOI: 10.17223/15617793/399/17

Kurenkov Artem V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art_1987@inbox.ru

Keywords: Siberia, Tomsk Province, surplus appropriation system.

One of the first activities the Bolsheviks launched after the restoration of its power in Tomsk Province was the surplus-appropriation system. It is a withdrawal of surplus grain from the peasants in favor of the starving regions of Russia. In the first phase, surplus appropriation was voluntary in nature and focused on the free delivery by peasants of their food surpluses at fixed prices while maintaining free trade of agricultural products. However, due to the insufficient number of products peasants supplied, in May 1920, by a decision of the Provincial Revolutionary Committee compulsory surplus appropriation was introduced in the province. The result of the first half of the food campaign in 1920 was the collection of 3423 thousand poods of grain and fodder, which was only 35.6 % of the total plan. One reason for this result was the lack of food workers, which was announced at a meeting of representatives of county and district party organizations at the beginning of June 1920. During the second half of the food preparations in 1920–1921, farms of Tomsk Province were supposed to give 19 million poods of grain and fodder. This volume was largely due to

the tense food situation in the central regions of the country. Despite the decision of the X Congress of the Russian Communist Party of Bolsheviks on the transition to a food tax, the surplus appropriation system in Siberia and, in particular, in Tomsk Province continued. As a result of these efforts, by July 1921 the total amount of grain and fodder seized from peasants, was 12950 thousand poods. The plan was implemented by 68.2 %. The central governing body during the procurement activities was the Commissariat of Food. It appointed food jobs for a province giving appropriate instructions to the provincial food committee. The latter distributed the volume of products to be collected between counties establishing contacts with county food committees. They ordered to perform the surplus appropriation plan to volost authorities and volost authorities to rural authorities. Methods of surplus food collection from farmers included both persuasion and coercion. In particular, party and soviet workers of Tomsk Province were mobilized to participate as speakers and advocates in the villages. Regional non-party conferences on food were held. Coercive methods of the surplus appropriation system included the creation of armed food detachments and their sending with missions to the villages. For unsatisfactory results of the food campaign, members of the Volost Revolutionary Committee and executive committees could be subjected to the court of the Revolutionary Tribunal. The overall result of the food surplus appropriation in Tomsk Province was almost complete devastation of farms and subsequent famine. After the end of the surplus appropriation system, relationships of the provincial governing bodies with the peasant population consisted in the collection of a food tax that replaced surplus appropriation.

REFERENCES

1. Valk, S.N. et al. (eds) (1968) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [The decrees of Soviet power]. V. 4. Moscow: Gospolitizdat.
2. Shishkin, V.I. (1985) *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo v sibirskoy derevne (noyabr' 1919 – mart 1921 g.)* [Socialist construction in the Siberian village (November 1919 – March 1921)]. Novosibirsk: Nauka.
3. Shishkin, V.I. (2009) *Prodrazverstka* [Surplus appropriation]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. V. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri.
4. Proshin, V.A. (1987) *Politika "voennogo kommunizma" v Sibiri (konets 1919 – iyul' 1921 g.)* [The policy of “war communism” in Siberia (the end of 1919 – July 1921)]. History Cand. Diss. Tomsk.
5. Suverov, E.V. (2006) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye sibirskoy derevni (konets 1919–1929 gody)* [Socio-economic development of the Siberian village (end of 1919–1929)]. Abstract of History Dr. Diss. Kemerovo.
6. Khenkin, E.M. (1995) [On the issue of food policy in the early 1920s. (based on Novonikolayevsk Province)]. *Stranitsy istorii Novosibirskoy oblasti: lyudi, sobytiya, kul'tura* [The pages of history of Novosibirsk Oblast: people, events, culture]. Proc. of the first regional scientific-practical conference on local history. Pt. 2. Moscow. (In Russian).
7. Proshin, V.A. (1999) *Svertyanie svobodnoy torgovli v Sibiri v usloviyah voennogo kommunizma (konets 1919 – nachalo 1921 gg.)* [Collapsing of free trade in Siberia in conditions of war communism (the end of 1919 – beginning of 1921)]. In: Zverev, V.A. (ed.) “*Sibir’ – moy kray...:* problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya [“Siberia, my land”: problems of regional history and historical education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
8. Vydrina, O.V. (2010) [Population of Novonikolayevsk County in connection with the food policy in 1920–1922]. Proc. of the scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of Siberian Archive. 8–9 July 2010. Novosibirsk. (In Russian).
9. Kurenkov, A.V. (2011) [The food problem in governance and management of the Tomsk province (1920–1921)]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Questions of history, international relations and documentation]. Proc. of the Russian youth scientific conference. Is. 7. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
10. Zinov'ev, V.P. (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Oblast: historical essay]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Shishkin, V.I. (2000) *Sibirskaya Vendeya: dokumenty. 1919–1920* [Siberian Vendee: Documents. 1919–1920]. Moscow: Demokratiya.
12. *Znanya revolyutsii. 1920.*
13. Minutes of a meeting of the Board of Tomsk Provincial Food Committee on February 11, 1920. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-84. List 1. File 7. (In Russian).
14. Minutes of a meeting of the Board of Tomsk Provincial Food Committee on March 8, 1920. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-84. List 1. File 7. (In Russian).
15. Report on the activities of the Grain and Fodder Department of Tomsk Provincial Food Committee on May 8, 1920. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-84. List 1. File 8. (In Russian).
16. Anon. (1959) *Sibirskiy revolyutsionnyy komitet (Sibrevkom). Avgust 1919 – dekabr' 1925 g.* [Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). August 1919 – December 1925]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
17. Instruction for rural and township Committee groups in Tomsk Province to implement the surplus appropriation. [1920]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 19. (In Russian).
18. Instruction for the surplus appropriation in Tomsk Province. February 1920. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-84. List 1. File 24. (In Russian).
19. An extract from the minutes of the meeting of the Siberian Revolutionary Committee of October 27th, 1919. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-84. List 1. File 6. (In Russian).
20. Order of Tomsk Provincial Revolutionary Committee of May 24, 1920. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-53. List 1. File 153. (In Russian).
21. Telegram of Provincial Food Commissar F.N. Ivanov-Pavlov to the Head of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (b). [June 1920]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 351. (In Russian).
22. Markov, V.I. (1997) *Iz istorii zemli Tomskoy. 1917–1921. Narod i vlast'* [From the history of the land of Tomsk. 1917–1921. People and Power]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Minutes of the Tomsk provincial meeting of representatives of county and district organizations of the RCP (b). 7–8 June 1920. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 315. (In Russian).
24. Yakovlev, A.N. (ed.) (2002) *Drama rossiyskoy istorii: bol'sheviki i revolyutsiya* [A drama of Russian history: the Bolsheviks and the Revolution]. Moscow: Novyy khronograf.
25. Circular of Tomsk Provincial Committee of the RCP (b). [September 1920]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 2. (In Russian).
26. Statement to the Tomsk Provincial Committee of the RCP (b) from members of the Cherdatskaya village Council, Cherdatsky parish of Mariinsk County. [December 1920]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 6. (In Russian).
27. Minutes of the meeting of the Presidium of the Tomsk provincial executive committee of November 26, 1920. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. File 12. (In Russian).
28. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. File 1. (In Russian).
29. Kokoulin, V.G. (2011) *Perekhod ot prodrazverstki k prodnalogu v Sibiri (mart – avgust 1921 g.)* [The transition from surplus appropriation to a food tax in Siberia (March – August 1921)]. *Klio.* 7.

Received: 12 February 2015

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУРС РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

На основе анализа исторической литературы и источников исследуется влияние международных экономических связей на внешнеполитический курс России накануне Первой мировой войны. Автором выявлен дискурс по данному вопросу. Показано, что, во-первых, государственные займы размещались в странах – военно-стратегических союзниках, на них же приходилось более 70% возимого в Россию финансового капитала и инвестиций. Во-вторых, осуществлялась защита российского предпринимательства от иностранных конкурентов. В-третьих, внешнеполитический курс России формировался исходя из ее главных экономических и стратегических интересов на международной арене.

Ключевые слова: экономические связи; займы; инвестиции; финансовый капитал; военно-политические союзники; стратегические интересы.

Проблема внешнеэкономических факторов и их влияния на политику России перед началом Первой мировой войны на протяжении нескольких последних десятилетий является предметом анализа российских историков. Имеющийся комплекс исследований позволяет выявить научный дискурс о роли экономических факторов, и прежде всего ссудной и инвестиционной форм иностранного капитала, действовавшего в нашей стране, на внешнюю политику кануна мировой войны. Публикации, затрагивающие данную проблему, представлены такими видами историографических источников, как монографии, очерки, статьи, тезисы выступлений на научных конференциях.

Современные исторические исследования характеризуются рядом особенностей, во многом обусловленных применением разнообразных методологических подходов, следование которым напрямую определяет тематику работ и плюрализм взглядов на значение экономических факторов в развитии России. В трудах, написанных с позиций либеральной, материалистической, модернизационной, цивилизационной и других концепций, изучены различные экономические аспекты, обусловившие вступление России в военно-политический союз с Англией и Францией. В настоящее время модернизационный подход стал той теоретической парадигмой, которая активно применяется при изучении историко-экономической проблематики.

Исследование дискурса российских ученых основано на таких принципах, как историзм, ценностный подход, позволяющий выявить те факторы в прошлом, которые сохраняют значимость для современной исторической науки, а также, целостность историографического познания. Исследование авторских позиций проводится в контексте их идеино-политических взглядов, которые оказывают непосредственное влияние на интерпретацию фактов, мотивацию и содержание выводов. Кроме того, использован сравнительно-исторический, системно-структурный и ретроспективный анализ.

В настоящее время научный дискурс на страницах исторических трудов обусловлен не только необходимостью переосмысления как некоторых судьбоносных для нашей страны сюжетов прошлого, так и исторического опыта в целом, но и актуализацией про-

блемы адекватного применения методологических схем. С точки зрения И.В. Побережникова, именно сейчас на реальные модерные возможности России влияет решение вопросов формирования и эволюции акторов модернизации в контексте выработки и реализации ими модернизационных стратегий [1. С. 31].

По мнению современных отечественных историков, имперская модернизация, а затем мировая война, начавшаяся в 1914 г. в результате рокового стечения обстоятельств, явились закономерным результатом взаимодействия всего спектра международных отношений. При этом неизбежность крупномасштабного военного конфликта предопределило формирование двух блоков враждующих государств – Тройственного союза и Антанты. Глубокие экономические и политические противоречия между великими державами вызвали череду международных кризисов и локальных войн за переделами сфер влияния. Понятно, что Россия как важный актор международных отношений не могла оставаться в стороне от событий, затрагивавших ее национальные интересы. Исходя из них, правительство стремилось не допустить расширения военно-политической экспансии Германии, противостоять усилинию позиций Германской и Австро-Венгерской империй на Балканах. В начале XX в. особую остроту приобрел вопрос Черноморских проливов, поскольку нарушение режима проливов влияло на состояние российской экономики, ее динамизм и участие в мирохозяйственных связях. Большое значение для развития отечественной промышленности и торговли имело взаимодействие России со странами Западной Европы, а также Ближнего и Среднего Востока. Показательно, что с конца XIX в. основными российскими внешнеэкономическими партнерами являлись Англия, Германия и Франция, а в Азиатском регионе именно Англия и Германия были ее главными конкурентами, с которыми происходило длительное противостояние.

Во многих публикациях отмечено, что проблема политического урегулирования ситуации на Балканах была тесно связана с вопросом проливов. Боснийский кризис обусловил выработку российским правительством нового внешнеполитического курса с целью противодействия расширению австро-германской экспансии на Ближнем Востоке и Балканах путем со-

здания коалиции Балканских стран и обеспечения в регионе статус-кво. Однако, как отмечают современные авторы, политика организации Балканской конфедерации и сближения с Турцией не привела к усилению российских позиций в Константинополе и ослаблению германского влияния.

Закономерно, что в сложной, многоплановой и быстро меняющейся международной обстановке российская внешняя политика определялась факторами и военно-политического, и экономического характера, в частности развитием двусторонних отношений с европейскими державами. По мнению современных историков, концепция российской внешней политики базировалась на приоритетах обеспечения мира, стабильности и экономического роста. В начале XX в. результатом развития международных финансовых связей стало разделение стран на экспортующие и импортирующие капитал. Политика Российской империи была ориентирована на ввоз капитала с целью скорейшего преодоления кризиса 1900–1904 гг. и последовавшей за ним депрессии.

Историками установлено, что перед войной иностранный капитал играл заметную роль во многих отраслях отечественной экономики. При этом основной формой ввоза были государственные займы, а главным кредитором являлась Франция. В исследованиях современных ученых фигурируют цифры размаха внешнего долга перед Первой мировой войной. По разным оценкам, он составлял от 8 млрд руб. [2. С. 114] до 12,7 млрд руб. [3. С. 246]. Причины столь значительных различий специалисты склонны видеть в закрытости значительной части архивных документов, касающихся госдолга [4. С. 68–70]. С нашей точки зрения, расхождения в суммах во многом объясняются разнообразными методиками подсчета. Под внешним долгом традиционно авторами понимаются суммы государственных займов, но вопрос о включении процентов по обслуживанию этого долга учеными решается по-разному. Тем более что на финансовых рынках европейских государств размещались также гарантированные российским правительством железнодорожные и военные займы, а также займы городов и государственных земельных банков.

Необходимо подчеркнуть, что проблема воздействия внешних займов на ход социально-экономического развития страны и ее внешнюю политику является наиболее дискуссионной. Актуализация данного вопроса произошла во второй половине 1990-х гг. в связи с его обсуждением на высшем государственном и международном уровнях. Здесь достаточно четко прослеживается несколько точек зрения.

Так, либеральными авторами факт наличия огромного внешнего долга оценивается достаточно позитивно. Они считают, что европейские ссуды «послужили источником средств для индустриализации и позволили стабилизировать денежную систему страны» [5. С. 90–91]. В частности, А.В. Дмитриев в подтверждение своего мнения приводит официальную точку зрения российского правительства, изложенную в 1909 г. министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым о «безальтернативности европейских займов и

инвестиций» [6. С. 181]. Другой взгляд на ситуацию характеризуется тем, что во внешних займах видятся как «плюсы», так и «минусы»; к примеру, отмечается, что заем 1906 г. спас Россию от почти неминуемого финансового банкротства, но вынудил пойти на значительные экономические уступки главным кредиторам – Германии и Франции [2. С. 113].

Иная оценка проблемы госдолга присутствует в работах, созданных в русле модернизационного и цивилизационного подходов. Учеными установлено, что сумма, выплаченная иностранным владельцем российских фондов, за 1881–1913 гг. составила свыше 5 млрд руб., что более чем в полтора раза превысило прирост внешнего долга за это время [7. С. 102]. К.Н. Тарновский писал, что займы оказали пагубное воздействие на ход как социально-экономического, так и политического развития в предвоенный период, поскольку весьма значительные суммы выплачивались в качестве процентов по займам из бюджета, а это негативно отражалось на темпах роста национального дохода. По его наблюдению, после получения каждого займа правительство вынуждено повышало налоги [8. С. 73]. Историки также обратили внимание на то, что иностранные займы, превратились в инструмент, обеспечивающий перекачку накоплений от должника к кредитору. В свою очередь это позволяло кредиторам оказывать влияние и на экономическую политику, но и на военно-стратегические соглашения своих должников.

Заслугой современных исследователей стало изучение проблемы взаимозависимости уровня экономического развития и успешного решения внешнеполитических задач. Ученые связывают создание стабильной финансовой системы и конвертируемости российского рубля с ростом спроса на ценные бумаги российских предприятий и активизацией поступления британских, французских и бельгийских инвестиций в производственную и финансовую сферы.

Подчеркнем, что уже к началу XX в. активизировались европейские биржи в экспорте капитала в Россию. Одновременно усилилось влияние европейских банковских домов, сыгравших решающую роль в создании новой банковской системы России, поскольку они выступали учредителями коммерческих банков. По данным источников, из 19 крупнейших российских банков, действовавших накануне войны, в 11 присутствовал значительный западный капитал. На совокупную долю этих банков приходилось около 70% средств, что составляло более 3 млрд руб. [9. Л. 3].

По данным авторов, западные банки, действовавшие в нашей стране, совместно с российскими банками вырабатывали общую финансовую стратегию и создавали союзы для получения конкурентных преимуществ в борьбе с другими такими же группами с целью установления контроля над отдельными предприятиями и целыми промышленными отраслями. Показательно, что в период экономического подъема 1910–1913 гг. инициатива полностью принадлежала «антантовскому» капиталу [10. С. 92].

Кроме того, непосредственное участие европейский капитал принимал в железнодорожном строительстве,

что способствовало развитию всей российской экономики. Первоначально российская власть прибегла к займам во Франции, Великобритании и Нидерландах под целевые железнодорожные программы, с помощью этих займов к концу XIX в. было создано около 35 тыс. верст рельсовых путей. В результате в начале XX в. под влиянием железнодорожного бума новый импульс развития получили отечественная металлургия, машиностроение, легкая промышленность, производство стройматериалов и средств связи. Возникло несколько десятков новых специальностей, дававших работу сотням тысяч человек.

В предвоенные годы правительство предпринимало различные меры для привлечения российских и западных инвестиций в эту сферу. Масштабные проекты осуществлялись банковскими синдикатами и крупными международными банками. Так, синдикат, объединявший Петербургский, Парижский и Лионарский банки, финансировал создание нескольких железнодорожных веток на Западном и Северо-Восточном Урале, причем французский акционерный капитал составил 40% вложенных средств [11. С. 13]. Большую роль сыграл и Русско-Азиатский международный банк, основанный на капитале России, Франции и Нидерландов, он произвел строительство железнодорожных путей, связавших Средний и Восточный Урал [12. С. 124].

Расширение сети железных дорог благоприятно сказалось на развитии отечественной промышленности в предвоенный период. В ряде публикаций историки акцентируют внимание на обострении в первом десятилетии XX в. конкуренции между «германскими» и «кантантовскими» финансовыми группировками за осуществление строительства железных дорог на территории Российской империи и их последующий контроль. Ученые приходят к выводу о закономерном резком сокращении в 1908 г. участия германских банков в выпуске русских железнодорожных облигаций и переходе инициативы накануне мировой войны к французским и английским банкам [13. С. 9].

Следующим важным направлением внешнеэкономических связей являлась торговля, в которой основным российским партнером с XIX в. была Германия. Однако на рубеже веков, несмотря на наличие договора, произошло осложнение двусторонних отношений, поскольку Германская империя усилила свою торговую экспансию. В этой ситуации Россия установила антигерманские заградительные таможенные пошлины. Формальное разрешение взаимных претензий произошло в результате подписания торговой конвенции в 1904 г., что, тем не менее, не означало преодоления противоречий между странами.

В современной литературе значительное место уделено анализу роли прямых западных инвестиций и вопросу их отраслевого распределения. Согласно данным публикаций большие средства были направлены в нефтяную, электротехническую и хлопчатобумажную промышленность, однако более 2/3 всех западных капиталовложений поступило в горнодобывающую и металлообрабатывающую отрасли.

Учеными установлено, что объемы поступления предпринимательского капитала в российскую промышленность претерпевали значительные колебания в течение 1900–1914 гг. В период экономического кризиса начала века закономерно шел отток инвестиций, достигнув своего минимума во время революции 1905–1907 гг. Затем, после преодоления социально-политической нестабильности, начался рост европейских вложений в российские акционерные общества, пик которых по общим показателям вполне закономерно пришелся на этап предвоенного подъема 1909–1913 гг.

В своих исследованиях Б.В. Ананьевич, И.М. Бобович, В.И. Бобыкин А.В. Века, А.Г. Донгаров, И.В. Поткина и другие историки прослеживают динамику иностранных инвестиций в предвоенный период. На рубеже XIX–XX вв. средства, вложенные западноевропейским бизнесом в российскую промышленность, насчитывали примерно 900 млн руб., к 1913 г. их сумма достигла 1,5 млрд руб. [14. С. 180]. Далее, несмотря на военное время, страны Антанты произвели к началу 1917 г. инвестиций на 2,5 млрд руб. [10. С. 667]. По подсчетам специалистов, распределение средств между странами накануне войны выглядело следующим образом: французский капитал составлял чуть более 30%, британский – около 25%, германский – приблизительно 20%, бельгийский – 13% и американский – в районе 5% [Там же. С. 668]. Представляется закономерным, что именно на «кантантовский» капитал приходилось $\frac{3}{4}$ всех инвестиций. Что касается общей доли иностранных инвестиций в российскую экономику, то в 1917 г. она не превышала по различным отраслям 16–19% [15. С. 251].

Важное место западные инвестиции занимали в крупнейших промышленных российских регионах и стратегических отраслях. Так, по мнению ученых, особой привлекательностью для английских предпринимателей обладали добыча и обработка меди, золота и платины. Эти сведения подтверждаются историческими источниками, содержащими указания на то, что, кроме цветных и драгметаллов, британцы попутно разрабатывали железорудные и сланцевые месторождения [16. Л. 15]. Однако приоритетным направлением, конечно, оставалась цветная металлургия.

По данным уральских исследователей, британские финансово-промышленные круги для установления контроля в Кыштымском, Сысертьском и Таналыкском горнозаводских округах, богатых уникальными запасами меди с примесями драгоценных металлов, учредили одноименные корпорации [17. С. 122]. Наибольшего влияния добилось англо-американское объединение Гувера-Уркарта, которое при поддержке российских банков [18. С. 59] возводило на Южном Урале производственные мощности по переработке медной руды. Другая британская компания «Джонсон, Мэттей и Ко», специализировавшаяся на платине, скупила в России большую партию этого металла, что позволило ей войти в число мировых монополистов. В начале XX в. она уже устанавливала цены для уральских платинодобытчиков в связи с тем, что англичане имели на родине мощное аффинажное про-

изводство [19. С. 66]. Помимо этого, в литературе прослеживается британское участие в геологоразведке и техническом переоснащении предприятий.

Во многих публикациях рассмотрено участие и французских предпринимательских структур, которые в начале века проявили огромный интерес к российской золотоплатиновой отрасли. Одним из крупнейших игроков здесь стала «Платинопромышленная компания», которой удалось заключить договор с российским правительством о создании платиноочистительного производства в нашей стране. Однако соглашение компанией было нарушено, и аффинажный завод оказался построен в предместье Парижа [20. С. 20]. Активно участвовали в отрасли в предвоенный период также «Франко-бельгийская компания» и «Франко-бельгийское общество золотых приисков в Коккаре» [21. С. 160], которые продолжали свою деятельность даже в условиях начавшейся мировой войны.

Отмечая успехи в изучении роли иностранного капитала накануне Первой мировой войны, необходимо отметить его влияние в качестве катализатора на процессы акционирования и монополизации российской промышленности. Мы согласны с выводом В.П. Тимошенко о том, что российский опыт развития международных связей был удачным ответом на вызов времени, поскольку за имперскую индустриализацию была заплачена приемлемая цена [22. С. 124].

Важно подчеркнуть, что в начале XX в., в контексте развития внешнеэкономических связей, все четче вырисовывался российский внешнеполитический вектор. Проблема поиска союзников обострилась в 1905 г. ситуацией ослабления международного авторитета страны в результате неудачной Русско-японской войны и революции. В этих условиях аристократические и предпринимательские круги использовали все новые возможности влиять на формирование политического курса и выбор партнеров на мировой арене. Интерес российского бизнеса к внешней политике был во многом обусловлен экономическим фактором. Так, вопрос Черноморских проливов был важен для внешней торговли и развития передовых отраслей отечественной промышленности. Интенсивное взаимодействие с ведущими европейскими державами в банковской сфере и железнодорожном строительстве тоже вызывало стремление российских финансово-промышленных группировок использовать для достижения своих целей политические средства.

Историки обратили внимание, что в 1906 г. российское правительство одновременно вели переговоры с Англией и Германией. Однако в 1907 г. соглашение было подписано лишь с Англией, причем во многом благодаря поддержке Франции. Российская и Британская империи договорились о разграничении сфер влияния в Азии. Россия отказалась от претензий на Афghanistan, в обмен заручившись обещанием Англии оказать дипломатическую поддержку в решении вопроса Черноморских проливов для свободного прохода через них не только торговых, но и военных российских кораблей. Заключение в 1907 г. русско-английской конвенции стало важным шагом в формировании военно-политического союза России, Фран-

ции и Великобритании. При этом в случае осложнения отношений в Европе Петербург рассчитывал на поддержку Франции.

В период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. в очередной раз актуализировалась проблема Черноморских проливов. Для изменения режима проливов в свою пользу Россия вела активный диалог с Европой. Однако известие о том, что ценой вопроса является передача Австро-Венгрии балканских территорий, привело к усилению антигерманских настроений в стране и, как результат, к отставке главы МИД – А.П. Извольского. Новый руководитель внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонов являлся выразителем четко обозначившейся к 1910 г. тенденции к сотрудничеству со странами Антанты [23. С. 125]. Данный курс во многом был обусловлен расширением экономических связей России с Англией и Францией. Повлиять на выбор России союзников в Европе постаралась германская дипломатия, выразившая готовность способствовать преодолению российско-австрийских противоречий на Балканах. Во время Потсдамской встречи в октябре 1910 г. Николай II пошел навстречу Вильгельму II в решении экономических вопросов, но воздержался от каких-либо обязательств по европейским политическим проблемам.

Начиная с 1911 г. в соответствии с франко-русской военной конвенцией координация военной подготовки союзниц имела планомерный характер. В 1912 г. Франция и Англия заключили военно-морскую конвенцию. Летом 1912 г. Россия и Франция подписали аналогичную военно-морскую конвенцию. Все эти значимые дипломатические события способствовали укреплению Антанты.

Исходя из своей внешнеполитической концепции, после роковых выстрелов в Сараево 28 июня 1914 г., в первый период кризиса российская власть предприняла попытки предотвратить австрийский демарш [24. С. 396–397]. 11 июля в Петербурге был создан Совет министров, на котором император и МИД оценили ситуацию однозначно: «это европейская война» [25. С. 431]. Прогноз, к сожалению, оказался верным; уже 15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Еще через две недели вспыхнула Первая мировая.

Исследование роли внешнеэкономических факторов в контексте глобальной политики позволяет определить основные концептуальные подходы к данной проблеме. Историками развеяны представления о либеральной модели как идеальной для модернизационного процесса. Нам представляется обоснованным утверждение А.С. Сенявского о том, что имперская модернизация была порождена преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних обстоятельств. При этом, поскольку российское общество не созрело для подобной трансформации, именно государство формулировало цели, разрабатывало модель и создавало политические, правовые и даже экономические условия, необходимые для ее реализации [26. С. 10].

Подводя итог анализа влияния экономических связей на российскую внешнюю политику накануне Первой мировой войны, подчеркнем, что в работах отече-

ственных историков прослеживается наличие четкой взаимосвязи между политическим курсом и основными внешнеэкономическими партнерами России.

Во-первых, авторами установлено, что размещение государственных и железнодорожных займов осуществлялось главным образом в военно-стратегических странах-союзниках. Либеральными исследователями роль этих займов оценивается положительно, представители модернизационного и цивилизационного подходов убеждены в крайне негативном воздействии внешних займов на судьбу России, поскольку темпы роста внешнего долга обгоняли рост производимого национального продукта. По мнению историков, существует явная связь между увеличением поступления западных средств в непроизводственные сферы государства и ростом социально-политической нестабильности, приведшей к революционным событиям 1917 г.

Во-вторых, учеными с позиций различных концептуальных подходов доказано, что на страны Антанты приходилось более 70% ввозимого финансового и инвестиционного капитала. В-третьих, продемонстрировано, что важную роль играли факторы защиты национального предпринимательства от иностранных конкурентов, а также учитывалось значение Балкан в связи с их ключевым географическим положением, православным населением и ролью проливов Босфор и Дарданеллы в российской внешней торговле. Интересы отечественной бизнес-элиты самым тесным образом переплетались с внешней политикой. Таким образом, отечественные исследователи делают вывод о том, что внешнеполитический курс России формировался под воздействием ее главных экономических и стратегических интересов на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2014. Т. 1.
2. Бобович И.М. Экономическая история России. 1861–1914. СПб., 1996.
3. Мотревич В.П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2004.
4. Дьяконова И.А. Довоенный публичный долг Российской империи // Финансы. 1998. № 6. С. 68–70.
5. Мартюшов Л.Н., Мартюшова И.Л. Экономическая история России. Екатеринбург, 2003.
6. Золото и платина. 1909. № 8.
7. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997.
8. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России начала XX в. М., 1990.
9. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 19. Д. 1039. Л. 3.
10. Века А.В. История России. М., 2003.
11. Дмитриев А.В. Проблемы использования зарубежных инвестиций в экономике Урала. Екатеринбург, 1996.
12. Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
13. Ананич Б.В., Лебедев С.К. Участие банков в выпуске облигаций российских железнодорожных обществ (1860–1914 гг.) // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX в. Л., 1987.
14. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.
15. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.). М., 1982.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1622. Л. 15.
17. Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
18. Саполовская Л.В. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1993.
19. Рукосуев Е.Ю. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2004.
20. Моисеев Г.С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург, 2003.
21. Дмитриев А.В. Иностранный капитал на Урале // Урал. 1993. № 4. С. 157–178.
22. Тимошенко В.П. Прорыв в новую эпоху? Внешнеэкономические факторы в развитии хозяйства Урала на рубеже XIX – XX вв. Екатеринбург, 2008.
23. Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007.
24. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1935. Сер. 3. Т. IV.
25. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М., 1999.
26. Сенявский А.С. Индустриальная модернизация в Российской империи и СССР в XX в.: преемственность и противоположность // Урал индустриальный. Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв.: материалы XI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2013. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2015 г.

THE IMPACT OF ECONOMIC FACTORS ON RUSSIA'S FOREIGN POLICY ON THE EVE OF WORLD WAR I: THE DISCOURSE OF RUSSIAN SCHOLARS

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 111–116. DOI: 10.17223/15617793/399/18

Lazareva Elena V. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: levburo@mail.ru

Keywords: economic relations; loans; investment; financial capital; military and political allies; strategic interests.

The article investigates the scientific discourse on the issue of the impact of economic factors on the foreign policy of the Russian Empire on the eve of World War I. It is shown that this issue is relevant in Russian historiography in recent decades. Historians paid particular attention to the study of the basic form, extent and direction of financial and investment cooperation between Russia and the West. It was noted that the existing complex of historical publications is characterized by a number of peculiarities due to a variety of methodological approaches. In the works written from the standpoint of liberal, materialistic, modernization, civilization and other concepts, scholars examined the economic aspects that led to Russia's accession to the military-political alliance with Britain and France. The paper analyzes the impact of foreign loans, financial capital and direct investment in the foreign policy of our country's first fifteen years of the twentieth century. It was established that historians had analyzed the development of foreign economic relations of Russia with the dynamics of the political, economic and military international relations of the beginning of the century, as well as the internal situation in the country. The article concludes that, firstly, the placement of state and railway loans was mainly in

the military and strategic allies of Russia. Liberal scholars positively assess the role of these loans. Representatives of modernization and civilization approaches believe in a very negative impact of the external debt on the fate of Russia. In their view, the growth rate of the external debt outpaced the produced national product. Secondly, scholars proved that the Entente countries accounted for more than 70 % of imported financial and investment capital. Thirdly, it was demonstrated that an important issue was the protection of national businesses from foreign competition, taking into consideration the geopolitical role of the Balkans. Interests of Russian business elite were closely intertwined with foreign policy. An important outcome of the study is a conclusion about the impact of methodological approaches, the source base and other factors on the nature and assessment of the influence of the economic and strategic interests of Russia in the formation of its foreign policy in Russian research. According to local historians today, the imperial modernization, and then World War I, which began in 1914 as a result of a fatal combination of circumstances, were the natural result of the interaction of the entire spectrum of international relations.

REFERENCES

1. Poberezhnikov, I.V. (2014) Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii: postanovka problemy [Factors of the Russian imperial modernization: problem setting]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Urala v KhVII–KhKhI vv.* [Industrial Ural. Bakunin readings. Urals industrial modernization in the 18th–21st centuries]. Proc. of XII All-Russian scientific conference. V. 1. Ekaterinburg. (In Russian).
2. Bobovich, I.M. (1996) *Ekonicheskaya istoriya Rossii. 1861–1914* [The economic history of Russia. 1861–1914]. St. Petersburg.
3. Motrevich, V.P. (2004) *Ekonicheskaya istoriya Rossii* [The economic history of Russia]. Ekaterinburg: Sokrat.
4. D'yakonova, I.A. (1998) Dovoenny publichnyy dolg Rossiyskoy imperii [Pre-war public debt of the Russian Empire]. *Finansy*. 6. pp. 68–70.
5. Martyushov, L.N. & Martyushova, I.L. (2003) *Ekonicheskaya istoriya Rossii* [The economic history of Russia]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
6. *Zoloto i platina*. (1909). 8.
7. Anon. (1997) *Predprinimatel'stvo i predprinimateli Rossii ot istokov do nachala XX v.* [Entrepreneurship and entrepreneurs of Russia from its origins to the early twentieth century]. Moscow.
8. Tarnovskiy, K.N. (1990) *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii nachala XX v.* [Socio-economic history of Russia in the early twentieth century] Moscow.
9. The State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 19. File 1039. P. 3. (In Russian).
10. Veka, A.V. (2003) *Istoriya Rossii* [Russian history]. Minsk: Sovremennyy literator.
11. Dmitriev, A.V. (1996) *Problemy ispol'zovaniya zarubezhnykh investitsiy v ekonomike Urala* [Problems of use of foreign investment in the economy of the Urals]. Ekaterinburg.
12. Zaparyi, V.V. (2001) *Chernaya metallurgiya Urala XVIII–XX vv.* [Ferrous metallurgy of the Urals in the eighteenth to twentieth centuries]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
13. Anan'ich, B.V. & Lebedev, S.K. (1987) Uchastie bankov v vypuske obligatsiy rossiyskikh zheleznodorozhnykh obshchestv. (1860–1914 gg.) [The participation of banks in the bond issue of Russian railway companies. (1860–1914)]. In: *Monopolii i ekonomicheskaya politika tsarizma v kontse XIX – nachale XX vv.* [Monopolies and economic policy of tsarism in the late nineteenth – early twentieth centuries]. Leningrad.
14. Dongarov, A.G. (1990) *Inostrannyy kapital v Rossii i SSSR* [Foreign capital in Russia and in the Soviet Union]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
15. Buranov, Yu.A. (1982) *Aktsionirovanie gornozavodskoy promyshlennosti Urala (1861–1917 gg.)* [Corporatization of the mining industry in the Urals (1861–1917)]. Moscow: Nauka.
16. The State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 19. File 1622. P. 15. (In Russian).
17. Zaparyi, V.V. (2001) *Chernaya metallurgiya Urala XVIII–XX vv.* [Ferrous metallurgy of the Urals in the eighteenth to twentieth centuries]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
18. Sapogovskaya, L.V. (1993) *Ural'skaya gornozavodskaya promyshlennost' na rubezhe XIX–XX vv.* [Ural mining industry at the turn of the nineteenth and twentieth centuries]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
19. Rukosuev, E.Yu. (2004) *Zoloto i platina Urala: istoriya dobychi v kontse XIX – nachale XX vv.* [Gold and platinum Urals: history of mining in the late 19th – early 20th centuries] Ekaterinburg: NISO Uro RAN.
20. Moiseev, G.S. (2003) *Tsvetnaya metallurgiya Urala (1917–1945 gg.)* [Non-ferrous metallurgy of the Urals (1917–1945)]. Ekaterinburg: Post-Modern.
21. Dmitriev, A.V. (1993) *Inostrannyy kapital na Urale* [Foreign capital in the Urals]. *Ural*. 4. pp. 157–178.
22. Timoshenko, V.P. (2008) *Proryv v novyyu epokhu? Vneshneekonomicheskie faktory v razvitiu khozyaystva Urala na rubezhe XIX – XX vv.* [The breakthrough into a new era? External economic factors in the development of the Urals economy at the turn of the 19th and 20th centuries]. Ekaterinburg.
23. Kostrikova, E.G. (2007) *Rossiyskoe obshchestvo i vnesnyaya politika nakanune Pervoy mirovoy voyny. 1908–1914* [Russian society and foreign policy on the eve of the First World War. 1908–1914]. Moscow: IRI RAN.
24. Anon. (1935) *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma* [International relations in the era of imperialism]. Series 3. V. 4. Moscow: GSEI.
25. Anon. (1999) *Istoriya vnesnye politiki Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.* [History of Russian foreign policy. The end of the nineteenth – early twentieth centuries]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
26. Senyavskiy, A.S. (2013) [Industrial modernization in the Russian Empire and in the Soviet Union in the twentieth century: continuity and contrast]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI.* [Industrial Ural. Bakunin readings. Urals industrial modernization in the 18th–21st centuries]. Proc. of XII All-Russian scientific conference. V. 1. Ekaterinburg. (In Russian).

Received: 29 July 2015

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПОДДЕРЖКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА. 1991–2014)

После распада Советского Союза перед Российской Федерацией встала задача защиты и поддержки русского и русскоязычного населения бывших союзных республик, что связано с ухудшением их правового положения, а также ростом антирусских настроений на постсоветском пространстве. Деятельность в данной сфере была отнесена к компетенции федерального уровня власти, однако уже в 1990-е гг. начинается процесс включения в политику по поддержке зарубежных соотечественников российских регионов. В 2000-е гг. в Российской Федерации формируется тенденция расширения регионального аспекта. В данной статье определены основные направления региональной активности в данной сфере, а также причины недостаточной практической реализации политики по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, на примере регионов Сибирского федерального округа (СФО).

Ключевые слова: соотечественники; Сибирский федеральный округ; региональная политика.

В 1990-е гг. начинается процесс формирования политики Российской Федерации по поддержке соотечественников за рубежом как самостоятельного направления внешней политики государств. Это было связано с тем, что после распада СССР более 25 млн этнических русских оказались за пределами России в бывших союзных республиках, где начался процесс построения национальных государств и, как следствие, произошло ухудшение положения русского и русскоязычного населения как национального меньшинства. Деятельность в данной сфере была отнесена к компетенции федеральных органов государственной власти. Однако уже на начальном этапе определялась задача координации деятельности федеральных органов власти и органов власти субъектов Российской Федерации при реализации мероприятий и установлении связей с соотечественниками и их организациями за рубежом [1]. Среди субъектов приоритетная роль отводилась приграничным регионам, а также регионам, «чье титульное население составляет заметную часть в странах нового и традиционного для России зарубежья» [2] (национальным республикам). В 2000-е гг. субъектами политики в данной сфере становятся регионы вне зависимости от наличия границы с государствами проживания соотечественников. Актуальность изучения особенностей регионального уровня в сфере поддержки зарубежных соотечественников обусловлена важностью для национальных интересов России целенаправленной диаспоральной политики, интенсификации которой способствует расширение активности российских субъектов с учетом региональной специфики. Для этого необходимы, во-первых, выявление проблем, возникающих в процессе становления данной политики, и путей их преодоления, во-вторых, анализ исторического опыта как России, так и зарубежных государств, а также опыта регионов, первыми включившихся в осуществление деятельности в данном направлении.

Поддержка зарубежных соотечественников включает в себя многостороннее взаимодействие как непосредственно с самими соотечественниками, так и со странами их проживания. На основе Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотече-

ственников за рубежом», являющегося правовой основой государственной деятельности, можно выделить пять основных сфер взаимодействия с зарубежными соотечественниками: миграционную, правовую, социально-экономическую, культурно-образовательную и информационную [3].

Кроме того, в федеральных программах работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2006–2008 гг. [4], 2009–2011 гг. [5], 2012–2014 гг. [6] определяются также законодательное направление (формирование нормативной основы государственной политики поддержки соотечественников), консолидирующее (содействие консолидации общественных объединений соотечественников) и мониторинговое (проведение социологических и научных исследований о положении соотечественников).

В законодательстве отсутствует четкое разграничение компетенции федерального и регионального уровней в работе по поддержке соотечественников. Регионы могут осуществлять деятельность по всем обозначенным направлениям. Между тем, в соответствии с позицией Министерства иностранных дел Российской Федерации, приоритетом в региональной активности должно являться «решение гуманитарных проблем, развитие молодежных, спортивных связей, обмены художественными коллективами, бизнес-сотрудничество и т.д.» [7]. Кроме того, в отличие от федерального уровня, в условиях небольшого регионального бюджета на взаимодействие с соотечественниками эффективным может быть наличие у субъекта ограниченного количества стран сотрудничества (2–3 страны проживания соотечественников), а в крупных государствах – областей [7]. Таким образом, особенностью регионального аспекта государственной политики по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, является приоритет формирования устойчивых взаимоотношений с отдельными территориальными единицами, что позволит осуществлять более «адресную» поддержку.

Лидерами среди российских регионов в осуществлении политики по поддержке соотечественников являются г. Москва, г. Санкт-Петербург и Республика Татарстан. Однако уже со второй половины 1990-х гг. наблюдается расширение географии регионов-

субъектов политики в данной сфере. Для анализа особенностей региональной активности были взяты регионы Сибирского федерального округа (СФО): Алтайский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Кемеровская область, Красноярский край, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Республика Хакасия, Республика Тыва.

В региональной политике по поддержке соотечественников выделяются два основных направления: содействие их переселению на территорию России и организация взаимодействия с соотечественниками, проживающими за рубежом. Определяющим для сибирских регионов является первое из них. Из 12 регионов СФО 9 участвуют в Государственной программе содействия переселению соотечественников, принятой указом Президента 22 июня 2006 г. (в силу ряда социально-экономических причин – отсутствия крупных инвестиционных проектов, стратегически важного приграничного положения, уровня безработицы и конкуренции на рынке труда – в программе не участвуют Томская область, Республика Алтай, Республика Тыва). Приоритет данного направления объясняется стремлением к решению социально-экономических и демографических проблем путем привлечения рабочей силы. Так, при заполнении анкеты на участие в Госпрограмме соотечественник указывает свою профессию и квалификацию, что является определяющим при одобрении анкет (в зависимости от нужд в рабочей силе конкретного региона) и свидетельствует о доминировании «ресурсного подхода» к переселенцам [8].

«Ресурсный подход» обуславливает активное вхождение российских регионов в число участников Государственной программы содействия переселению соотечественников. По состоянию на 01 января 2015 г. в ней принимают участие 55 субъектов Федерации. На основе региональных программ субъектов можно сделать вывод о том, что основной проблемой для большинства регионов СФО-участников программы является недостаток квалифицированных кадров на фоне общего сокращения численности трудоспособного населения (в результате миграции или естественной убыли). В этих условиях привлечение в данные регионы соотечественников как лиц, имеющих большие социально-культурные возможности интеграции в российское общество, можно рассматривать как один из приоритетных вариантов в миграционном направлении решения проблем. Однако Госпрограмма не должна рассматриваться как основное решение социально-демографических проблем регионов, поскольку их актуальность требует интенсификации государственной деятельности по повышению трудовой привлекательности территорий среди коренного населения, а миграционное направление следует рассматривать как дополнительный метод улучшения социально-демографического положения регионов.

Если говорить о втором направлении региональной активности – в сфере организации взаимодействия с соотечественниками, проживающими за пределами России, – следует отметить, что среди регионов СФО отмечается меньшая интенсивность дея-

тельности. Исследователи отмечают зависимость масштабов региональной активности в данной сфере от географического положения, финансовых и организационных ресурсов, наличия опыта по приему и обустройству переселенцев, состояния межнациональных отношений, количественных и качественных показателей диаспоры (необходимость защиты и заинтересованность в сохранении связей с Россией) [9].

Страна отметить, что состояние межнациональных отношений представляется наиболее актуальным для национальных республик (прежде всего Северного Кавказа), а отсутствие опыта приема и обустройства переселенцев может быть восполнено перенятием опыта других регионов, прежде всего со схожими историческими реалиями и социально-экономическими характеристиками. Что касается количественных и качественных показателей российской диаспоры (сокращение количества и размытие идентичности вследствие миграции или ассимиляции), стоит принять во внимание тот факт, что, с одной стороны, положение соотечественников как национальных меньшинств в странах СНГ и Прибалтики, с другой – ослабление культурных связей с Россией и национальной идентичности с русскими и другими коренными российскими национальностями позволяют говорить о необходимости проведения и расширения взаимодействия с соотечественниками как для обеспечения их прав и свобод, так и для удовлетворения национальных интересов России. Сокращение числа представителей российской диаспоры должно рассматриваться как негативная тенденция, требующая интенсификации деятельности Российской Федерации, а не фактор, снижающий актуальность проведения политики в данной сфере.

Таким образом, основное сдерживающее влияние на развитие региональной активности в сфере поддержки соотечественников оказывает ограниченность финансовых ресурсов. Рассмотрение регионов в качестве источника софинансирования расширяет материальную базу государственной активности по поддержке зарубежных соотечественников. Однако отсутствие целевого финансирования со стороны федерального центра, а также недостаточное привлечение внебюджетных средств приводят к тому, что основная нагрузка возлагается на региональные бюджеты. В особенности это влияет на дотационные регионы, которые фактически оказываются неспособными осуществлять системную политику по поддержке соотечественников.

Кроме того, недостаточное вовлечение российских регионов связано с отсутствием исторического опыта деятельности регионов в данной сфере. Задача поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, стала актуальной для Российской Федерации после распада СССР. В 1990-е гг., несмотря на активизацию деятельности некоторых российских субъектов (прежде всего городов Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан), приоритет в данном направлении отдавался федеральному уровню, поскольку необходимым являлось создание межгосударственной правовой базы на постсоветском про-

странстве по вопросам обеспечения прав национальных меньшинств. Кроме того, в условиях ослабления центра и активизации деятельности регионов по расширению своих полномочий (в национальных республиках – вплоть до движения за суверенитет) приоритетным направлением национальной политики России становилось разрешение внутренних конфликтов. Со стороны регионов оказывалась поддержка в принятии и размещении беженцев и вынужденных переселенцев из стран бывшего СССР, из которых абсолютное большинство по национальности были русскими (76% в 1993 г., до 67 в 1994 г., 63 в 1995 г., 60–61 в 1996–1998 г., 55–58% в последующем [11]). Включение же регионов во внешнюю политику по поддержке зарубежных соотечественников является постепенным процессом, в ходе которого перенимается опыт как государственной активности на федеральном уровне, так и опыт иных субъектов.

Еще одним фактором является неполное оформление идеологии поддержки соотечественников. В первую очередь это связано с широтой существующего понятия «соотечественник», по которому в соответствии с ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в данную категорию могут быть отнесены бывшие граждане Российской империи, ССР и граждане Российской Федерации при наличии духовной и культурной связи с Россией [3]. Нечеткость определения вызывает критику как со стороны государственных деятелей, так и научного сообщества. С одной стороны, отмечается «вредность» этнического подхода с точки зрения «диаспоральной политики и практики взаимоотношений с соотечественниками» и необходимость «социокультурной общности с Россией» как основополагающего фактора включения в категорию соотечественника [12]. С другой стороны, отнесение к данной категории представителей титульных национальностей суверенных государств вызывает критику, связанную как с вмешательством во внутренние дела суверенных государств, так и актуальностью защиты преимущественно русского и русскоязычного населения в условиях курса на построение национальных государств на постсоветском пространстве. Размытость определения, в свою очередь, порождает дискуссии о методах поддержки (прежде всего финансовой составляющей). Данные противоречия в теоретической основе политики по поддержке соотечественников оказывают влияние на активность практической деятельности, в том числе на темпах включения субъектов РФ в реализацию политики в обозначенной сфере.

Основными направлениями взаимодействия с соотечественниками, не переселяющимися в Россию, для субъектов РФ являются культурно-образовательное, социально-экономическое и информационное. На основе нормативной базы, отчетностатистических и справочных материалов можно сделать вывод, что пять регионов СФО осуществляют деятельность по всем выделенным направлениям (Алтайский край, Республика Бурятия, Забайкальский край, Новосибирская область, Омская область). Для

большинства остальных регионов деятельность в данной сфере не является системной и представлена единичными мероприятиями. В Республике Алтай и Республике Тыва политика по поддержке зарубежных соотечественников не реализуется. В ряде регионов со второй половины 2000-х гг. разрабатываются планы мероприятий по работе с соотечественниками и ведомственные целевые программы (ВЦП), что позволяет говорить о тенденции к выделению деятельности в данной сфере в качестве отдельного направления внешнеполитической активности. ВЦП как «документы, содержащие комплекс скоординированных мероприятий, направленных на решение конкретной задачи подпрограммы государственной программы, а также измеряемые целевые индикаторы» [13] разработаны только в Алтайском крае (ВЦП «Поддержка и развитие связей с соотечественниками за рубежом» на 2009–2011 гг. и 2012–2014 гг.) и Томской области (ВЦП «Работа с соотечественниками» (2014–2016 гг.)). Отказ от разработки ведомственных целевых программ по поддержке зарубежных соотечественников во многом обусловлен недостатком финансовых средств, выделяемых бюджетами регионов. Планы мероприятий как официальные документы, задающие вектор региональной активности, разрабатываются в Забайкальском крае (2010–2012 гг., 2012–2014 гг.), Новосибирской области (2010–2011 гг., 2012–2014 гг.) и Республике Бурятия (2009–2011 гг.). В этих документах исполнителями мероприятий назначаются ведомства в пределах их компетенции (в сфере науки, образования, культуры, социальной политики). Следует отметить, что в Планах Новосибирской области и Забайкальского края выделены конкретные страны и области проживания российских соотечественников, с которыми планируется наиболее интенсивное взаимодействие (для Новосибирской области – Итальянская Республика и Китайская Народная Республика, для Забайкальского края – г. Эргуна (Внутренняя Монголия, КНР)), что соответствует приоритетам федерального уровня в реализации «адресной» поддержки соотечественников российскими регионами.

Лидерами из регионов СФО следует обозначить Алтайский край и Омскую область, где первые мероприятия по взаимодействию с российскими соотечественниками проводились еще во второй половине 1990-х гг. Так, в 1999 г. были выделены средства на содействие открытию в Павлодаре Благовещенского кафедрального собора, что способствует повышению культурно-религиозной самобытности православных соотечественников, в 2000-м гг. в санатории «Омский» прошли медицинское обследование 210 ветеранов из числа российских соотечественников Казахстана, Узбекистана, Киргизии, восьми ветеранам были проведены операции в Областной клинической больнице [10]. В Алтайском крае при содействии созданного в 1997 г. Совета по связям с соотечественниками более 50 выпускников школ Восточного Казахстана поступили в вузы г. Барнаула, организовывались гастроли творческих коллективов, проводились спортивные состязания с участием соотече-

ственников и т.д. Между тем в большинстве регионов политика по поддержке соотечественников не выделяется как отдельное направление внешнеполитической активности. Стоит отметить тесную связь данной политики, в особенности в области культуры, образования и языка, с общей деятельностью по установлению культурных связей между регионами и государствами. Однако следует понимать, что данные направления имеют различные цели. Целью установления культурных связей с зарубежными странами является распространение русского языка и культуры в мире, расширение интереса со стороны представителей других культур для развития процесса глобализации и преодоления разрыва между различными культурными традициями. Целью же политики по поддержке соотечественников за рубежом можно определить сохранение связей (прежде всего культурных) с исторической родиной у проживающих за ее пределами, но ощущающих свою принадлежность к культурной, языковой, религиозной и т.д. традиции России и ее населения. Это обуславливает необходимость ее выделения в качестве отдельного направления региональной политики. Обратная ситуация приводит, с одной стороны, к неполному использованию регионального потенциала, с другой – к трудностям, связанным с невозможностью целевого финансирования, и проблемам в распространении опыта деятельности среди других российских регионов.

В 2000-е гг. география взаимодействия со странами проживания устойчиво расширяется. Это является следствием, с одной стороны, появления новых коммуникационных возможностей (например, проведения онлайн-конференций или презентаций как с организациями соотечественников, так и на межрегиональном и межгосударственном уровнях), с другой – общего повышения активности внешнеполитической деятельности субъектов Российской Федерации. Основным географическим направлением для сибирских регионов является Центральная Азия (бывшие союзные республики Средней Азии, а также Китай и Монголия). В первую очередь это обусловлено наличием общих границ с рядом регионов, а также исторически сложившимся опытом политического, социально-экономического и культурного взаимодействия. В сфере миграции интерес соотечественников из данного региона обусловлен как исторически (так, в Омскую область возвращаются потомки выехавших в Казахстан в период освоения целинных земель), так и социально-экономически (большие возможности в сфере труда, получения образования). Кроме того, влияние оказывает и межэтническая ситуация в стране проживания, обуславливающая национальное самочувствие российских соотечественников. Однако регионы СФО устанавливают связи не только с государствами-членами СНГ и приграничными государствами, но и странами традиционного зарубежья. Так, Алтайский край активно сотрудничает с соотечественниками Италии, Ирландии, Германии, Монголии, в Омской области развиваются контакты с организациями соотечественников в Германии, в Забайкальском крае – в Австралии. Расширение

географии политики по поддержке зарубежных соотечественников является положительной тенденцией с точки зрения увеличения роли регионов СФО в реализации государственной политики в данной сфере, интенсификации внешнеполитических связей со странами традиционного зарубежья и укрепления трансграничного сотрудничества. Между тем, как отмечалось выше, государственный приоритет отдается более «адресной» поддержке соотечественников российскими регионами через преимущественное взаимодействие с двумя-тремя странами проживания. С этой точки зрения рассмотрение государств Центральной Азии как основных партнеров регионов СФО соответствует общей риторике государственной власти в отношении регионального аспекта политики по поддержке зарубежных соотечественников.

В условиях новизны проблемы поддержки соотечественников и отсутствия реального исторического опыта региональной активности в данной сфере взаимодействие между регионами приобретает особую актуальность. Исследователи отмечают, что «речь необходимо вести скорее о вертикальных каналах политических взаимодействий, чем о горизонтальной политической коммуникации» [14] (вертикальные каналы – преимущественно между федеральным центром и субъектами, горизонтальные – между субъектами). Данный приоритет представляется целесообразным на первом этапе развития региональных связей с зарубежными соотечественниками, когда Москва как регион, осуществляющий наиболее активную деятельность и имеющий самый длительный опыт, выступает неким координатором для регионов, недавно включившихся в политику в обозначенной сфере. Так, имели место примеры совместной работы Москвы с руководством Калининградской, Иркутской, Нижегородской, Смоленской областей [14].

Вместе с тем необходимость горизонтальных взаимодействий между регионами обуславливается приближенностью социально-экономических, исторических, климатических и других условий, оказывающих влияние на специфику региональной активности в сфере поддержки зарубежных соотечественников. Совокупность вертикальных и горизонтальных взаимодействий между российскими регионами по передаче и распространению опыта деятельности в рассматриваемой сфере является одним из важных условий расширения географии регионов, взаимодействующих с соотечественниками и странами их проживания.

Таким образом, уже с 1990-х гг. активизируется процесс привлечения российских регионов к государственной политике по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом. На примере регионов Сибирского федерального округа можно сделать вывод о повышении интенсивности данного процесса в 2000-е гг. Между тем отмечается недостаточный уровень реализации как предусмотренных нормативными материалами мероприятий, так и системности в осуществлении политики в данной сфере. Основными препятствующими факторами являются неполное оформление политики по поддержке

соотечественников в качестве отдельного направления региональной активности и слабое финансовое обеспечение со стороны федерального центра и внебюджетных источников. Кроме того, представляются недостаточными межрегиональные взаимодействия в области обмена опытом как между регионами СФО и федеральным центром (прежде всего Москвой как исторически первым российским субъектом, реализующим политику по поддержке зарубежных соотечественников), так и непосредственно между сибирскими регионами. В последнем случае необходим акцент на перенятие опыта Омской области и Алтайского края как лидеров среди регионов

СФО в проведении обозначенной политики. Повышение роли Москвы как координатора деятельности всех российских субъектов по поддержке соотечественников, с одной стороны, и регионов-лидеров в Сибирском федеральном округе – непосредственно сибирских регионов, – с другой, а также интенсификация горизонтальных взаимодействий между регионами со схожими социально-экономическими, демографическими, климатическими и другими условиями позволит осуществлять систематический обмен опытом региональной активности, и как следствие – обеспечить многостороннюю поддержку зарубежных соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом» от 31 августа 1994 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106359/, свободный.
2. Постановление Правительства РФ от 17.05.1996 г. № 590 «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106363/?frame=1, свободный.
3. Федеральный закон РФ от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». URL: <http://base.garant.ru/12115694/>, свободный.
4. Программа работы с соотечественниками за рубежом 2006–2008 гг. URL: <http://www.ruvek.ru/?module=docs&action=view&id=62>, свободный.
5. Программа работы с соотечественниками за рубежом 2009–2011 гг. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81532/?frame=1, свободный.
6. Программа работы с соотечественниками за рубежом 2012–2014 гг. URL: <http://www.ruvek.ru/?module=docs&action=view&id=452>, свободный.
7. Вклад регионов в налаживание связей с зарубежным Русским миром: интервью директора Департамента по работе с соотечественниками МИД РФ Александра Чепурина. URL: http://ricolor.org/rus/rus_mir/sootechestvenniki/2/, свободный.
8. Филиппов В.И. Переселение российских соотечественников из постсоветских государств: политico-правовой анализ : дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2011. 214 с.
9. Скринник В.М. Политика России в отношении соотечественников за рубежом: общегосударственный и региональный уровни : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 181 с.
10. Казанник А. Перекличка регионов. Боль соседей – наша боль // Парламентская газета. 2001. 11 октября.
11. Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневского. М. : КДУ, 2004. 257 с.
12. Матвеевцева Н.О. Эволюция социально-политического положения российской диаспоры в странах СНГ : дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 254 с.
13. Постановление Правительства РФ от 19 апреля 2005 г. № 239 «Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/188085/#ixzz3ZXl0W0S7>, свободный.
14. Золотова Л.В. Государственная политика по поддержанию русскоязычных диаспор на постсоветском пространстве и содействия добровольному переселению соотечественников в Россию : дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2009. 138 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 мая 2015 г.

SUPPORT FOR COMPATRIOTS LIVING ABROAD IN THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT (1991–2014)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 117–122. DOI: 10.17223/15617793/399/19

Naumova Natalya I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomin@yandex.ru

Bezgacheva Veronika V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikabezgacheva@mail.ru

Keywords: compatriots; Siberian Federal District; regional policy.

Support for Russian compatriots living abroad is a new direction of foreign policy of the Russian Federation, conditioned by the collapse of the Soviet Union and the deterioration of the Russian-speaking population in the ex-Soviet republics, as well as by the destruction of a single political, socio-economic, cultural and information space and the role of Russia in the former Soviet Union territory. Activities in this area were assigned to the federal level of government, but since the 1990s it was a trend to attract Russian districts and strengthen the regional dimension of the policy to support the compatriots abroad. The priority of regional activities in the humanitarian and socio-cultural spheres, as well as the establishment of strongest relationships with specific countries and regions of compatriots' residence will allow to provide a more "targeted" support than it is possible at the federal level. The example of the regions of the Siberian Federal District (SFD) showed that the main focus of regional activities in the interaction with compatriots is migration (through participation in a government program to facilitate the voluntary resettlement of compatriots living abroad in Russia). It is due to the desire to use labor and demographic resources of migrants to alleviate the regional socio-demographic problems (primarily, the reduction of the working-age population number). In the 2000s there is an intensification of the activities of SFD regions in support of compatriots living outside of Russia (mainly in the socio-cultural field). Meanwhile, regional activities in this direction seem to be insufficient, owing to the lack of historical experience of the activities, incomplete idea of the ideology of supporting compatriots, as well as the lack of financial support from the federal government and extra-budgetary sources. In addition, in most regions, the policy of compatriot support is not allocated as a separate foreign policy activity. This leads, on the one hand, to a reduced use of regional potential, on the other hand, to the difficulties in the reporting on the implementation of the policy of supporting compatriots abroad and the inability to target funding and experience sharing among other Russian regions. Despite this, a num-

ber of SFD regions already have some experience in this field. In order to intensify the exchange of experience between the Siberian regions, the government needs to form a system of vertical and horizontal relationships through an increase of the coordinating role of Moscow as the historically first Russian entity operating in this area. Secondly, Altai Krai and Omsk Oblast must become leaders among SFD regions. This, along with the strengthening of horizontal interactions between the Siberian regions caused by close socio-economic, historical, climatic and other conditions, will allow a systematic exchange of experience in regional activities, and, as a consequence, to provide comprehensive support to our compatriots abroad.

REFERENCES

1. Russian Federation Government. (1994) On measures to support compatriots abroad. Government Resolution of August 31, 1994. [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106359. (In Russian).
2. Russian Federation Government. (1996) On measures to support compatriots abroad. RF Government Resolution of 17.05.1996 no. 590. [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106363/?frame=1. (In Russian).
3. Russian Federation. (1999) Federal Law of 24.05.1999 no. 99-FZ. On the State Policy of the Russian Federation concerning compatriots abroad. [Online]. Available from: <http://base.garant.ru/12115694/>. (In Russian).
4. Russian Federation. (c. 2006) The program of work with compatriots abroad 2006–2008. [Online]. Available from: <http://www.ruvek.ru/?module=docs&action=view&id=62>. (In Russian).
5. Russian Federation. (c. 2009) The program of work with compatriots abroad 2009–2011. [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81532/?frame=1. (In Russian).
6. Russian Federation. (c. 2012) The program of work with compatriots abroad 2012–2014. [Online]. Available from: <http://www.ruvek.ru/?module=docs&action=view&id=452>. (In Russian).
7. Pushkina, I. (2008) *Vklad regionov v nalazhivanie svyazey s zarubezhnym Russkim mirom* [The regions' contribution to the establishment of relations with Russian world abroad]. Interview with Director of the Department for Relations with Compatriots of the Russian Foreign Ministry Alexander Chepurin. [Online]. Available from: http://ricolor.org/rus/tus_mir/sootechestvenniki/2.
8. Filippov, V.I. (2011) *Pereselenie rossiyskikh sootechestvennikov iz postsovetskikh gosudarstv: politiko-pravovoy analiz* [Resettlement of Russian compatriots from former Soviet republics: the political-legal analysis]. Political Sciences Cand. Diss. Bishkek.
9. Skrinik, V.M. (2004) *Politika Rossii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom: obshchegosudarstvennyy i regional'nyy urovni* [Russia's policy in respect of compatriots abroad: national and regional levels]. Political Sciences Cand. Diss. Moscow.
10. Vishnevskiy, A.G. (ed.) (2004) *Naselenie Rossii 2002. Desyatyy ezhегодny demograficheskiy doklad* [The population of Russia 2002. Tenth annual demographic report]. Moscow: KDU.
11. Matveytseva, N.O. (2007) *Evolyutsiya sotsial'no-politicheskogo polozheniya rossiyskoy diasporы v stranakh SNG* [The evolution of the socio-political situation of the Russian diaspora in the CIS]. Political Sciences Cand. Diss. Moscow.
12. Russian Federation Government. (2005) On approval of the Regulation on development, approval and implementation of departmental target programs (as amended). Russian Federation Government Resolution of 19 April 2005 no. 239. [Online]. Available from: <http://base.garant.ru/188085/#ixzz3ZXIoWOS7>. (In Russian).
13. Kazannik, A. (2001) Pereklichka regionov. Bol' sosedey – nasha bol' [Roll-call of regions. The pain of neighbors is our pain]. *Parlamentskaya gazeta*. 11 October.
14. Zolotova, L.V. (2009) *Gosudarstvennaya politika po podderzhaniyu russkoyazychnykh diaspor na postsovetskom prostranstve i sodeystviya dobrovol'nому pereseleniyu sootechestvennikov v Rossiyu* [State policy on the support of the Russian-speaking diaspora in the former Soviet Union and on facilitation of the voluntary resettlement of compatriots in Russia]. Political Sciences Cand. Diss. Rostov-on-Don.

Received: 13 May 2015

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА ЗАНЯТИЙ НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-075534).

Статья посвящена рассмотрению вопросов формирования статистических источников, содержащих персонифицированные данные о населении. Акцент сделан на учете занятий населения. Особое внимание уделено исследованию первичных статистических источников – переписных бланков, карточек, ведомостей и личных листков. Раскрываются особенности учета занятий при проведении переписей населения разного уровня.

Ключевые слова: статистические источники; учет занятых населения; переписи.

Во второй половине XIX в. происходит активный процесс формирования различных статистических документов, вызванный, с одной стороны, значительными изменениями в государственной сфере, с другой – развитием методов сбора данных. Одним из аспектов такого процесса становится необходимость персонального учета профессий и занятий, отражающего особенности экономического и социального состава населения страны, его профессиональную и социальную структуру. Сбором и систематизацией этой важнейшей социально-экономической информации занимались как государственные институты, так и всевозможные исследовательские общества. В результате деятельности этих учреждений возник обширный и разнообразный комплекс документов, которые можно определить как документы статистического учета населения или источники демографической статистики.

Ко второй половине XIX в. остро назрела проблема недостаточности сведений о населении, получаемых путем проведения ревизий и текущего учета. В связи с этим в 60-е гг. получают распространение переписи городов и отдельных губерний как основная форма получения достоверных сведений о численности населения и его социально-экономических характеристиках. Ситуация, связанная с изменением практики учета населения, усугубилась в 1870-е гг., когда встал вопрос о введении всеобщей воинской обязанности, для подготовки и реализации которой требовалась четкий учет военнообязанных и наличие точных сведений относительно их семейного положения [1]. От этого зависело предоставление льгот по отбыванию повинности для отдельных категорий крестьян. Данные, получаемые от ревизского учета населения, не отвечали реалиям времени, так как содержали сведения только о возможных налогоплательщиках. Многие крестьяне, числясь в сельских общинах, после реформы 1861 г. уже не проживали в своих деревнях. С отменой крепостного права изменился статус некоторых крестьян. Для решения назревших проблем волостным правлениям было предписано вести особые посемейные списки крестьянского населения [2. С. 8]. За ведение посемейных списков и правильность их содержания отвечал волостной старшина. Он обязан был ежегодно сверять посемейные списки с метрическими книгами и дополнять их новой информа-

цией, а когда ее внесение становилось затруднительным, заводили новый документ. Поэтому на практике скапливалось несколько списков, что вызывало путаницу при работе с ними. К тому же в посемейных списках акцент сделан только на учете главы семьи и ее мужском составе, что во многом повторяло данные ревизий. Поэтому ведение посемейных списков не решило проблему.

Предвидя такой исход решения проблемы, статистические отделения во главе с Центральным статистическим комитетом еще с 1860-х гг. начали проводить переписи населения. Их проведением занимались губернские статистические комитеты. В рамках этих мероприятий в каждом регионе формировались документальные массивы переписей (обследование, анкеты, карточки и другие статистические документы), не имеющие унифицированной формы и разрозненные по своему содержанию.

К таким мероприятиям можно отнести городские (однодневные или частные) переписи, проводимые в различных городах России. В плане фиксации занятий в первичных учетных документах интерес представляют переписи населения Петербурга. Подготовительные мероприятия начались сразу после отмены крепостного права и по своей сути напоминали административно-полицейский учет населения. Первая полноценная перепись населения Петербурга после отмены крепостного права была произведена в 1869 г. [3]. Для ее организации был утвержден комитет, куда входили представители городской управы, Центрального статистического комитета, полиции и отдельных должностных лиц. Комитетом были утверждены программные документы и перечень показателей, по которым проводился опрос. Впервые было решено расширить сроки переписи: в один день шел учет домов, в другой – жителей квартир. За несколько дней до начала переписи при непосредственном контроле полиции домохозяевам были розданы бланки, передававшиеся по одному квартирному листку каждому квартирохозяину. На первой странице такого листка были вопросы, касающиеся описания квартиры. На обороте в табличной форме перечислялись вопросы для жителей квартиры: имя и фамилия с указанием физических недугов; возраст; семейное положение; вероисповедание; сословная принадлежность; вид занятия; родной язык; грамотность; информация о

статусе пребывания в городе. Для больниц, учебных и военных учреждений были разработаны более упрощенные бланки (перечневые ведомости), информация о которых на сегодняшний момент отсутствует [4. С. 276]. Еще на момент сбора данных было выявлено большое количество неточностей, обусловленных как слабой организацией, так и халатным отношением со стороны счетчиков во время переписи. Свою специфику наложило и время ее проведения – зима. Был утерян ряд показателей, характеризующих занятия жителей. Так, отсутствовали данные о летних про мыслах, а следовательно, и о целом ряде видов занятий населения.

После учреждения в 1881 г. Статистического отделения при Городской управе Петербурга и в целях сбора обновленных статистических сведений решено было организовать новую перепись [5. С. 44–63]. Учитывая опыт прошлых обследований, был, впервых, утвержден развернутый план мероприятий, включающий обязанности всех задействованных лиц, а во-вторых, увеличен штат счетчиков. В переписных бланках увеличилось количество вопросов. Так, графа о занятиях была разделена на две самостоятельные графы – главные и побочные занятия. К заполнению ответа на вопрос содержалось небольшое руководство, согласно которому указывать нужно было все занятия, которые приносят доход. Занятия должны были указываться всеми членами семей, независимо от их отношения к главе дома. Отдельная информация приводилась для прислуго, которой необходимо было обозначать себя не «чернорабочими», а непосредственно «прислугой» с дальнейшей конкретизацией своей работы. Подобная рекомендация (обозначать помимо названия занятия конкретный вид или направление работ) касалась всех. Принципиально важную и новую информацию содержали и правила заполнения граф. Так, отсутствие сведений об имени, фамилии, возрасте, сословии и занятии трактовалось как умышленное скрытие информации во вред государству, определяя тем самым особую важность этих данных.

После проведения переписи 1881 г. организаторы объяснили причины введения в перечень учитывающих данных о населении графы о занятиях и руководства для их заполнения необходимостью приведения данных в более рациональный и качественный вид, которого ранее не было при проведении подобных мероприятий. Это нововведение было позаимствовано у европейских стран, была также взята за основу и последующая классификация занятий по германской системе с небольшими видоизменениями применительно к промышленности. Все самостоятельное население было разделено на три категории: промысловое; не имеющее промышленного заработка; не имеющее личного заработка. Параллельно шло деление на группы: хозяева, администрация, работники и одиночки. Население, не имеющее промыслового заработка, разделялось на две категории: служащие лица (занимающиеся квалифицированным трудом) и прислуго [4. С. 278–279].

В 1892 г. была проведена перепись населения Одессы, приуроченная к столетию города. Разработкой проекта переписи занимались Статистическое бюро Одессы и специально учрежденный статистический совет города, состоящий из лиц, непосредственно связанных со статистикой. На разработанных личных листках (переписных бланках) было решено писать имя и фамилию по желанию, что, по мнению организаторов, должно было повысить достоверность получаемых сведений. В то же время это отрицательно повлияло как на научную, так и на практическую ценность материалов переписи, исключив, в частности, такие направления их изучения, как генеалогические исследования и вопросы социально-профессиональной мобильности населения. В обязательный перечень вопросов входил и вопрос о занятии, но ввиду отсутствия особых рекомендаций по его заполнению результаты сбора сведений по этому пункту были неудовлетворительными. Во многих записях фигурировали ответы «служба», «мастеровой» без указания конкретных должностей, статуса и рода занятия. В графе «положение в промысле», помимо выделенных четырех категорий населения (за основу были взяты категории населения, выделенные при переписи Петербурга 1881 г.), добавлялась категория учеников. Это весьма незначительное добавление в дальнейшем существенно повлияло на результат. Формулировка здесь была следующей: «Если занимаетесь ремеслом, промыслом или торговлей, то хозяин вы, или служащий, или работник, подмастерье или ученик? Назовите вашу должность». Все эти перечисленные категории составляли отдельную группу лиц, которую при переписи Петербурга отнесли к рабочим. В этом отношении перепись Одессы имела большую точность при учете занятий и квалификации промыслового населения [4. С. 295–296].

В Барнауле в 1895 г. была проведена однодневная перепись населения (в ходе переписи заполнялись домовые и квартирные карточки). Обработка материалов данной переписи не проводилась, но по материалам Государственного архива Алтайского края установлено, что на каждого жителя заводилась отдельная карточка, где указывались различные сведения, в том числе был включен вопрос о роде занятий [6. С. 123]. Большую роль в организации переписи сыграло «Общество любителей исследования Алтая», которое оказывало финансовую поддержку при проведении однодневной переписи. Общество не только участвовало в организации и проведении переписи, но и, как свидетельствуют архивные материалы, вело переписку с отдельными статистическими организациями, а также с начальником Алтайского горного округа по вопросам проведения других статистических обследований. Члены общества неоднократно предлагали конкретные статистические мероприятия [7] и программы [8], занимались выработкой переписных анкет и бланков, не раз указывая на необходимость учета и регистрации занятий. К сожалению, большинство этих идей по различным причинам так и не были воплощены в жизнь.

На протяжении второй половины 60-х и вплоть до конца 90-х гг. по всей территории Российской империи были проведены десятки переписей городов, организованных губернскими статистическими комитетами и отделениями под непосредственным методическим руководством либо Центрального статистического комитета, либо Министерства внутренних дел (ими обязательно утверждались проекты переписей) [9. С. 5–7]. Большинство из них опиралось на опыт переписи Петербурга как наиболее образцовой. При этом не во всех городах придавали особое значение учету занятий.

Помимо городских переписей в 1980-х – 1990-х гг., были организованы и губернские переписи населения. Наиболее интересными из них в плане разработки и учета вопроса о занятиях были Прибалтийские (Эстляндия, Курляндия, Лифляндия). Интересны они и тем, что впервые были использованы изготовленные типографским способом личные листки, которые при городских переписях стали использоваться гораздо позже. Перечень вопросов состоял из 14 пунктов: имя и фамилия, пол, возраст, семейное положение, вероисповедание, национальность, разговорный язык, грамотность, занятие (главное и побочное), оседлость, место прописки, слепота, немота, умопомешательство.

Во многих уездах Российской империи проводились местные обследования населения, земель и имущества – земские подворные переписи. При этом главное внимание уделялось основным элементам крестьянского хозяйства. Для полноценного учета использовались две программы: по одной описывался каждый отдельный двор, по другой – селение. Первая программа предполагала сбор конкретных сведений, вторая – представление обобщенных характеристик [10. С. 67]. Таким образом, в ходе проведения подворных переписей формировались документы различного рода – пообщинные бланки и подворные карточки [11. С. 246].

Формуляры подворных переписей были различными для каждой губернии и зависели от целей и взглядов разработчиков программ переписей. Например, при организации земской подворной переписи в Черниговской губернии были использованы два вида бланков. Первый бланк содержал вопросы о составе семьи, численности душ, землевладении и распределении его по угодьям, а также о количестве наемных рабочих. Второй бланк включал в себя 13 вопросов, разработанных Международным статистическим конгрессом для демографических переписей.

Подобные программы переписей и, соответственно, первичные учетные документы были наиболее полными в отношении учета населения. К сожалению, широкого распространения в России они не получили, в первую очередь, из-за того, что сами же организаторы статистики признавали их слишком сложными. Ограничив свою задачу изучением экономического состояния, они отказались от подробной демографической характеристики каждого отдельного лица [11. С. 51–52]. И уже последующие бланки подворных переписей состояли только из обобщенных количественных описаний населения и хозяйства.

С середины 80-х гг. подворные переписи начинают терять свое значение. Их деактуализация была во многом вызвана тем, что с конца 1887 г. земству запрещалась подобная деятельность без разрешения министра внутренних дел, а программы подворных обследований должны были передаваться на утверждение статистического комитета Министерства внутренних дел [11. С. 54]. Последующие подворные переписи (оценочные и выборочные обследования) в абсолютном большинстве не содержали персональных данных, тем более сведений о занятиях населения.

Существенных недостатков всех статистических мероприятий, проводимых со второй половины XIX в., попытались избежать организаторы Первой всеобщей переписи населения. В 1895 г. было утверждено «Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи» [12], определяющее все работы по организации переписной компании. Общее руководство подготовкой и проведением переписи было возложено на Главную переписную комиссию. Согласно Положению были утверждены три формы переписных бланков и специальный переписной лист для инородческого населения формы АБ [13. С. 15]. В исследованиях по статистике встречается и упоминание о специальном переписном листе для инородческого бродячего населения – форма Г [4. С. 350]. К тому же существовали перечневые ведомости для учета воспитанников, учеников, монашеских лиц и военных.

Как уже было отмечено ранее, подготовительные работы к переписи населения начались задолго до ее начала. С 80–90-х гг. XIX в. активизировалась работа по разработке соответствующей документации, сопровождающей переписную кампанию. На начальном этапе формирования переписных документов можно говорить о весьма большом разнообразии проектов переписных форм. Но уже в начале 90-х Управляющий делами главной переписной комиссии Н.А. Тройницкий писал в официальных и личных письмах одному из разработчиков переписных бланков, члену Международного статистического комитета Д. Тимирязеву о наличии двух форм переписных листов и проекте инструкции счетчикам [14]. Впоследствии Д. Тимирязев в своих ответных письмах изложил некоторые замечания по формулировке графы по занятиям (столбец 14 а и б). Необходимо отметить, что высказанные соображения являлись весьма существенными. Д. Тимирязев, в частности, предвидел трудности в заполнении второстепенных занятий и в особенности занятий сельского населения, что впоследствии повлекло за собой естественные трудности в обработке статистической информации. Многие кустарные промыслы и торговые занятия населения были распространены только в отдельные сезонные периоды, поэтому население при опросе могло их не указывать, что в дальнейшем не давало бы полной и достоверной картины. В целях недопущения этой грубой ошибки Д. Тимирязев предлагал фиксировать комментарии к второстепенным занятиям или указывать особенности занятости населения. Кроме того, предлагалось разработать список главных на тот пе-

риод кустарных промыслов и торговых занятий, прилагаемый к инструкции счетчикам для облегчения заполнения опросных листов.

Отдельно на обсуждение комиссии выносился вопрос о заполнении занятий военного и морского ведомства. Основная проблема состояла в понимании формулировки «уволенный в запас». Здесь необходимо было разграничивать понятия «увольнение в запас флота» и «увольнение в запас армии», чтобы в дальнейшем избежать путаницы. Ряд членов главной переписной комиссии предлагали в отношении морского ведомства вообще не делать каких-либо отметок в графе о занятиях населения (речь идет об отставных офицерах, временных чиновниках и служащих), так как в случае военной ситуации перечисленных лиц флота не привлекали к службе. Кроме уточнения формулировок занятий, член переписной комиссии генерал-майор П.О. Щербов-Недедович настаивал на разработке и введении в действие отдельной формы переписного листа для нижних воинских чинов сухопутного и морского ведомства [14. Д. 12]. Впоследствии при обсуждении этого вопроса точка зрения генерал-майора не нашла поддержки остальных членов Главной переписной комиссии, и в дальнейшем к этому вопросу на заседаниях не возвращались.

Уже к 1895 г. в повестке заседаний речь идет о наличии трех переписных форм – А, Б, В. В течение еще нескольких месяцев шли корректировки отдельных пунктов и изменение количества столбцов графы 14 и титульного листа переписного бланка. Во-первых, предлагалось разделить графу на 2 столбца (главные и второстепенные занятия) и объединить общим заголовком «занятия, ремесло или промысел». Во-вторых, было предложение уточнить формулировку графы 14 – «должность, занятие, ремесло или промысел» и разделить ее на два столбца, только не по признаку главного или второстепенного занятия, а по месту работы – «в усадьбе» и «в оседлости». В конечном варианте внутренней стороны переписного бланка были учтены некоторые предложения по формулировке названий граф, и окончательный заголовок выглядел следующим образом: «занятие, ремесло, промысел, должность или служба», что наиболее полно отражало содержание графы. В итоге графа 14 была разделена по признаку места занятия и содержала два столбца: а) «главное, то есть то, которое доставляет главные средства для существования», б) «побочное или вспомогательное».

Что касается титульного листа и оборота последнего, то в корректурных листах отсутствовали некоторые реквизиты (отметка «бесплатно», виза счетчика и т.д.), не приводилась инструкция по заполнению листа [14. Д. 58]. В утвержденных формах бланков на титульном листе приводилась печатаная инструкция – «Правила для заполнения переписного листа», которая заканчивалась на обороте последнего листа.

Следует отметить, что хозяйственная ведомость (впоследствии названная переписным листом), была выбрана не случайно. При выборе между хозяйственной ведомостью и личным листком предпочтение было отдано первому варианту во многом потому, что

во-первых, она требует меньшего времени для заполнения, а во-вторых, обработку материала решено было проводить не посредством карточек, а при помощи электрических машин [4. С. 332]. Наличие нескольких форм для переписи населения объяснялось пестрым составом населения России и разными формами организации их жизни.

Список вопросов в уже утвержденных переписных листах выглядел следующим образом:

1. Фамилия (прозвище), имя, отчество или имена, если их несколько. Отметка о тех, кто окажется слепым на оба глаза, немым, глухонемым или умалишенным;
2. Пол;
3. Отношение к главе хозяйства;
4. Возраст;
5. Семейное положение;
6. Сословие и звание;
7. Место рождения (с указанием губернии, уезда, города);
8. Место прописки;
9. Место постоянного проживания;
10. Отметка об отсутствии или временного проживания;
11. Вероисповедание;
12. Родной язык;
13. Грамотность – а) умение читать и б) где обучался;
14. Занятие, ремесло, промысел, должность при службе – а) главное и б) 1. Побочное или вспомогательное и 2. Отношение к воинской повинности [15. Д. 1. Л. 5].

Незначительно формулировки вопросов и очередьность их написания на бланке были изменены на специальном бланке для инородческого населения, что было обусловлено упрощением процедуры записи данных.

В перечневых ведомостях по учету воспитанников, учеников, монахов и заключенных несколько отличались вопросы преимущественно по физическому описанию жилья [Там же. Д. 1371. Л. 2]. Также имели другую форму и формулировку граф перечневые ведомости для учета военнослужащих. Их особенностью было то, что, помимо фиксации должности или занятия по службе, отдельной графой указывалось занятие или ремесло до поступления на службу.

Если говорить об особенности фиксации занятий в переписных листах, то разработчики переписи подразумевали в ответе на этот вопрос необходимость указания на занятие, ремесло, промысел, службу или конкретную должность. Было также необходимо, чтобы опрашиваемое население указывало и свой статус в этом занятии (хозяин, при отце и т.п.). Особые рекомендации счетчикам заключались в отслеживании обобщенных ответов, т.е. без указания своего положения в занятии (примером обобщенных названий занятий могли служить ремесленник, рабочий, торговец). И статус, и само занятие (речь идет в основном о главных занятиях) фиксировали в одной графе (14а), что было не совсем удобно как при непосредственном заполнении, так и в период обработки сведений. Ло-

гично было бы разделить графу на два подпункта: в одном указывать занятие, в другом – положение в нем лица. Естественно, что положительную роль сыграли бы при сборе данных и наглядные рекомендации по заполнению или примеры заполненных форм. Что касается учета побочных занятий, то и на момент разработки переписных листов, и в последующих работах исследователей статистики был отмечен весьма неудачный способ фиксации.

На несовершенство сбора сведений профессионального характера при переписи населения 1897 г. указывал еще Б.П. Кадомцев, отмечая в своем исследовании, что вопрос о профессиональной принадлежности населения (в своей работе он отождествлял профессиональную принадлежность и занятия населения) при проведении переписи населения было уделено косвенное внимание. Место для фиксации занятий было выбрано весьма неудачно, в самом конце переписного листа, тем самым вопрос терялся в потоке собранных данных.

Соглашаясь с доводами Б.П. Кадомцева, все же отметим, что это была первая попытка сбора профессиональных сведений о населении в масштабах всей страны. До всеобщей переписи правительственный статистикой предпринимались меры по сбору сведений профессионального характера, например учет фабрично-заводских рабочих или учеты поземельной собственности, проходившие с 1870-х гг. Но все эти мероприятия давали лишь косвенные данные о профессиональном составе населения. Первая всеобщая перепись населения в этом плане давала куда более качественные данные, с одной стороны, проводился

опрос всего населения империи, с другой – учет шел по заранее разработанным унифицированным формам, что позволяло получить единообразные сведения о населении [13. С. 1–2].

Таким образом, начиная со второй половины XIX в. в ходе проведения статистических мероприятий разного уровня начинают повсеместно формироваться огромные массивы данных о демографическом, в том числе социально-профессиональном, составе населения. Исследование статистических документов позволило сделать вывод о том, что наиболее полно занятия и профессиональный статус населения отражались в документах при проведении переписных компаний. В программы переписей населения постепенно начинают включать вопросы, связанные с обязательным учетом занятий населения. Особое значение в плане учета сведений профессионального характера имеют материалы городских переписей населения периода 70–80 гг. Тем не менее большинство из них отличались разрозненностью формы и содержания. Единственная попытка изменить устоявшуюся ситуацию была предпринята при разработке и проведении Первой всеобщей переписи населения, когда наблюдаются наибольшие прогрессивные изменения в отношении фиксации профессий. Помимо разработки специальных бланков с вопросами о занятиях населения (главном и побочном), особый акцент делался на формировании законодательных источников (положение о переписи, инструкции разного рода, правила по заполнению листов), регламентирующих как ход подготовки и проведения мероприятий в целом, так и непосредственно учет профессиональной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. № 52983.
2. Россия. Госсовет. Департамент законов. Материалы. СПб., 1895. Т. 236.
3. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года / Издание Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1872–1875.
4. Плановский В.В. Народная перепись. СПб., 1898.
5. Гессен Ю.В. Как нас переписывали в Санкт-Петербурге – Петрограде до октября 1917 г. К 150-летию первой переписи населения // Клио. 2012. № 8. С. 44–63.
6. Скоба В.А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835–1919 гг. Барнаул, 2009.
7. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5664.
8. КГКУ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51.
9. Временник Центрального статистического комитета. 1890 г. № 16.
10. Славицкий Н.А. Земские подворные переписи (обзор методологии). М., 1961.
11. Велецкий С.Н. Земская статистика. Справочная книга по земской статистике : в 2 ч. Ч. 1: История и методология. М., 1899.
12. Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. 1895. Т. 15, № 11803.
13. Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года: Критико-статистический этюд. СПб., 1909.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 10.
15. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 августа 2015 г.

FORMATION OF THE SOURCES OF POPULATION EMPLOYMENT STATISTICS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 123–128. DOI: 10.17223/15617793/399/20

Nezhentseva Natalya V. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: neshenzewan@mail.ru

Keywords: statistical sources; keeping employment; census.

The article considers the issues of the formation of statistical sources containing personalized information on the population. Emphasis is placed on the account of employment. Particular attention is paid to the study of primary statistical sources: census forms, cards, leaflets and personal statements. The article describes the features of the account of employment during censuses of different levels. In the second half of the 19th century there is an active formation of statistical documents caused by significant changes in the

public sphere and the development of data collection methods. During this period, the long overdue problem of the lack of information about the population, obtained by carrying out audits and the current account, was urgent; therefore, the main sources of population data became censuses (municipal, provincial, homestead and general). The most informative population censuses in terms of employment account were in Petersburg in 1869 and 1881, and in Odessa in 1892. Censuses in provinces were also organized. The most interesting of them in terms of development and account of the issue of employment were the Baltic censuses. They are also interesting for they first used typographically made personal sheets, which urban censuses began to use much later. Census forms had separate parts for main and additional employment, which gives a more complete characterization of employment. Many counties of Russia had homestead censuses. Some census forms considered in detail the socio-demographic characteristics of the population, including employment. Unfortunately, these forms did not spread because they were too complicated. The First National Census organizers tried to avoid the significant shortcomings of statistical activities. Before that period, the fixation of data on employment of all inhabitants of a region had been episodic, the most full-scale account was implemented during the 1897 census. In addition to the development of special forms with questions on employment (main and additional), special emphasis was made on the formation of legal sources that regulated accounting of occupations. Thus, in the course of statistical activities at different levels huge amounts of data on the socio-professional composition of the population were formed. Research of statistical sources led to a conclusion that the most complete information on employment was reflected in the documents during the census campaigns. The census programs gradually started to include questions connected with the obligatory account of employment. Nevertheless, most of them had no coordination between form and content. The only attempt to change the situation was made in the development and implementation of the First National Census, when there were greatest progressive changes with regard to fixing employment.

REFERENCES

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Edition 2. V. 49. No. 52983.
2. State Council. (1895) *Rossiya. Gossovjet. Departament zakonov. Materialy* [Russia. State Council. Department of laws. Materials.]. V. 236. St. Petersburg.
3. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1872–1875) *Sankt-Peterburg po perepisi 10 dekabrya 1869 goda* [St. Petersburg census of 10 December 1869]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1872–1875.
4. Plandovskiy, V.V. (1898) *Narodnaya perepis'* [People's census]. St. Petersburg.
5. Gessen, Yu.V. (2012) Kak nas perepisivali v St. Petersburge – Petrograde do oktyabrya 1917 g. K 150-letiyu pervoy perepisi naseleniya [How they made a census in St. Petersburg – Petrograd until October 1917. On the 150th anniversary of the first census]. *Klio*. 8. pp. 44–63.
6. Skopa, V.A. (2009) *Istoriya razvitiya statistiki i statisticheskikh uchrezhdeniy Tomskoy gubernii v 1835–1919 gg.* [The history of the development of statistics and statistical agencies of Tomsk Province in 1835–1919]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
7. The State Archive of Altai Krai (KGKU GAAK). Fund 4. List 1. File 5664. (In Russian).
8. The State Archive of Altai Krai (KGKU GAAK). Fund 4. List 1. File 51. (In Russian).
9. *Vremennik Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta*. (1890) 16.
10. Svatitskiy, N.A. (1961) *Zemskie podvornye perepisi (obzor metodologii)* [Zemstvo homestead census (review of the methodology)]. Moscow: Gosstatizdat.
11. Veletskiy, S.N. (1899) *Zemskaya statistika. Spravochnaya kniga po zemskoy statistike: v 2 ch.* [Zemstvo statistics. Handbook of Zemstvo statistics: in 2 pts]. Pt. 1: *Istoriya i metodologiya* [History and Methodology]. Moscow: Izd-vo Sabashnikovykh.
12. Russian Empire. (1895) Polozhenie o pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [The regulation of the first national census of the Russian Empire in 1897]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Edition 3. V. 15. No. 11803.
13. Kadomtsev, B.P. (1909) *Professional'nyy i sotsial'nyy sostav naseleniya Evropeyskoy Rossii po dannym perepisi 1897 goda: Kritiko-statisticheskiy etyud* [Professional and social composition of the population of European Russia according to the 1897 census: the critical and statistical study]. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic Institute.
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1290. List 10. File 12. (In Russian).
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1290. List 10. File 58. (In Russian).
16. The State Archive in Tobolsk. Fund I417. List 2. File 1. P. 5. (In Russian).
17. The State Archive in Tobolsk. Fund I417. List 2. File 1371. P. 2. (In Russian).

Received: 06 August 2015

УДК 654.16 (571.56-37) (091)

В.Д. Петрова

ИЗ ИСТОРИИ РАДИОФИКАЦИИ ЯКУТИИ: АЛДАНСКАЯ РАДИОСТАНЦИЯ

На перспективное развитие радиофикации в Якутской Автономной Советской Социалистической Республике стимулирующее влияние оказало создание на её территории ведущей отрасли хозяйства союзного значения – промышленного треста «Алданзолото». Благодаря положительному разрешению вопроса строительства радиостанции Народным Комиссариатом почт и телеграфов страны началась планомерная работа научно-технической экспедиции по разработке и строительству Алданской радиостанции на магистральных линиях, организованная на основе сотрудничества с учеными Нижегородской радиолаборатории. В результате внедрения новых отечественных радиотехнических достижений были установлены регулярная радиосвязь отдалённого района с Якутском, Иркутском и Москвой, а также дополнительные выходы на Читу и Хабаровск.

Ключевые слова: Народный комиссариат почт и телеграфов СССР; радиостроительство; Нижегородская радиолаборатория; Алданская радиостанция.

В целях оперативного и одновременного оповещения страны о важнейших событиях дня Народный комиссариат почт и телеграфов РСФСР устанавливал с 1921 г. в городах сеть приемных радиостанций. С 1922 г. радиосеть начали перегруппировывать и приспосабливать для хозяйственной жизни страны, тем самым экономический подход в радиостроительстве заменял место стратегии. В результате изменения административно-территориального деления СССР в июле 1923 г. появился Народный комиссариат почт и телеграфов Союза ССР (далее Наркомпочтель, НКПиТ) на основе структуры Наркомпочтеля РСФСР, который продолжал аналогичную работу по установке радиостанций. Первым его руководителем был революционер и политический деятель И.Н. Смирнов. Наркомпочтель дал задание округам, в том числе Восточно-Сибирскому округу, срочно приступить к радиофикации населенных пунктов.

В тот период по заявке Наркомпочтеля страны для магистральной дальней связи с административным центром Сибири Новониколаевском и Петропавловском на Камчатке требовалось строительство промежуточной радиостанции на территории Якутской АССР. Согласно плану радиостроительства страны радиостанция должна была служить базой для всей северо-восточной окраины страны. Для перспективного индустриального развития любого региона в тот период был необходим ряд условий. Отличительной особенностью этих требований являлось наличие на территории Якутской АССР сырьевых ресурсов золота, добыча которого в силу природных и экономических условий в середине 20-х гг. доминировала над остальными промышленно-сырьевыми регионами, дающими значительный процент золота, добываемого в стране. Ряд дискуссионных вопросов промышленного освоения Якутии привлекал к себе внимание руководителей. Решения комиссии Высшего Совета народного хозяйства Союза ССР (далее ВСНХ) при Совнаркоме страны по обследованию золотопромышленного района с 22 января по 24 марта 1925 г. дали возможность расширить приисковую площадь и создать новые организационные формы ведения промышленного хозяйства государственного союзного значения. Алданские прииски являлись «пионером промышленности Якутии», помимо того, республика

сохраняла и пользовалась правом первооткрывателя. Руководствами страны и республики благоприятно решались задачи дальнейшего развития промышленности по добыче золота и укрепления экономического положения Автономной республики в лице золотоносного региона [1. Д. 59. Л. 206–221].

Представитель Якутии при Президиуме Всесоюзного ЦИК М.К. Аммосов добивался положительного разрешения вопроса строительства радиостанций на территории республики. Несмотря на трудное экономическое положение в стране и понимая необходимость первостепенного решения задач, принятых руководством республики, Совет Наркомпочтеля Союза ССР поддержал проект радиостроительства в республике, который имел не столько местное и сибирское значение, сколько общефедеральное. Предварительное соглашение народного комиссара почт и телеграфов СССР И.Н. Смирнова с представителем якутского правительства М.К. Аммосовым дало со стороны Наркомпочтеля дальнейшее разрешение на установку радиостанции в пос. Томмот. С другой стороны, якутское правительство обязалось перевозить грузы для строительства из Иркутска, подготовить необходимый строительный материал для мачтовых сооружений, построить необходимые здания под радиостанцию и жилой дом персоналу с обеспечением необходимой рабочей силой [1. Д. 150. Л. 5]. Ввиду огромной важности вопросов по расширению телеграфной, телефонной и радиосвязи на территории Якутской АССР Нарком почт и телеграфов страны по своей инициативе организовал в 1925 г. научно-техническую экспедицию по разработке и строительству радиостанции в пос. Томмот Алданского горнопромышленного округа, где открылся трест союзного значения «Алданзолото» с подчинением ВСНХ [2. Л. 31].

Круг проблем, которыми занимались учёные, инженеры, радиотехники Нижегородской радиолаборатории при Научно-техническом отделе ВСНХ, был обширен и чрезвычайно сложен. Будущее радиосвязи решалось и зависело от внедрения новых радиоконструкций. НКПиТ страны заканчивал капитальное переустройство всей сети приемных радиостанций, созданных ещё в период Гражданской войны. Для обеспечения успешной работы радиостанций по всей

территории Союза производилась установка аппаратов новейшей системы отечественного производства. В марте 1925 г. пионер радиотехники, исследователь Нижегородской радиолаборатории Наркомпочтеля М.А. Бонч-Бруевич совместно с инженером-радиофизиком В.В. Татариновым начинал опыты по связи на коротких волнах, работал над конструкциями по методу расчета коротковолновых направленных антенн. Михаил Александрович свои новые технические достижения хотел внедрить на магистральных линиях радиосвязи. По поручению М.А. Бонч-Бруевича радиоинженер П.А. Остряков приступил к установке связи на линии Томмот (Якутия) – Иркутск для организации регулярной радиосвязи Иркутска с Москвой, также для запасных выходов на Читу и на Хабаровск. Опыт, полученный от эксплуатации этих радиолиний, М.А. Бонч-Бруевич позже положил в основу разработанных им методов пользования волнами для бесперебойной связи на коротких волнах. На основе общих перспектив развития радиотехнического дела в Москве своевременно было создано и утверждено Советом труда и обороны акционерное общество для широковещания по радио. Его учредители – Наркомпочтель Союза ССР и Электротехнический трест заводов слабого тока при ВСНХ – разрешили установку коротковолновой радиостанции в северном золотопромышленном районе. Так началась деятельность научно-технической экспедиции по разработке и строительству радиостанции в Томмите [3. Л. 20–25].

Начальником союзной научно-технической экспедиции был назначен 38-летний инженер-радиотехник Наркомпочтеля страны Петр Алексеевич Остряков, один из авторов проекта «Декрета о частных радиостанциях», специалист своего дела. Он учился в инженерном училище вместе с М.А. Бонч-Бруевичем, окончил Николаевское инженерное училище по специальности офицер-связист для армейских радиотелеграфных станций. Занимался совместно с энтузиастом коротких волн М.А. Бонч-Бруевичем производством первых отечественных приемных радиоламп. Работал лаборантом радиолаборатории, инженером-конструктором, помощником начальника лаборатории, председателем Совета Нижегородской радиолаборатории в Москве. Вел интенсивную научную работу по изготовлению и исследованию дугового генератора.

П.А. Остряков с 1921 г. возглавлял радиостроительство в стране и получил мандат, дающий широкие полномочия в решении любых вопросов, касавшихся радиосвязи. Исследования инженеров Нижегородской радиолаборатории доказали, что замена длинноволновых станций коротковолновыми для поддержания связи на больших расстояниях экономила средства и позволяла осуществлять удобные перевозки станций к местам установки. Благодаря экспериментам инженеров-практиков В.В. Татаринова и П.А. Острякова была налажена связь Нижнего Новгорода и Москвы с отдаленными точками в стране Иркутском, Томском, пос. Томмот и прииском Незаметный Алданского промышленного округа, где были установлены передатчики, изготовленные в радиолаборатории.

Заместителем начальника союзной научно-технической экспедиции был назначен активный организатор Иван Дмитриевич Папанин. Тогда ему был 31 год. В детстве учился ремеслу; работал на заводах по изготовлению навигационных приборов, служил во флоте, активно участвовал в установлении советской власти в Севастополе. В 1922 г. перевелся в Москву. В 1923 г. демобилизовавшись, стал работать в системе Народного комисариата почт и телеграфов страны управляющим делами и начальником Центрального управления военизированной охраны. В 1923–1925 гг. проходил обучение на Высших курсах связи по направлению Наркомпочтеля. Затем в 1925 г. занялся строительством радиостанции в Якутии и проявил себя прекрасным организатором и человеком, которому можно было доверять решение сложных вопросов и который никогда не подведет, даже находясь в труднейших условиях.

Переговоры о дальнейшей деятельности научно-технической экспедиции по радиосвязи в Якутии были продолжены летом 1925 г. С июня началась переписка руководства республики с руководителями соответствующих учреждений и ведомств страны о строительстве радиостанции в Томмите [1. Д. 150. Л. 1–2]. Ответственный руководитель работ по организации связи в ЯАССР инженер П.А. Остряков предварительно общался с М.К. Амосовым по уточнению места для постройки радиостанции. Якутское правительство отметило необходимость постройки радио в Томмите на р. Укулан, где находились все окружные органы руководства, включая экономические, финансовые, социальные и др. Представители треста предпочли начать изыскание и строительство радиостанции и своевременно завершить работу к осени 1926 г., на что выделили средства. В свою очередь Наркомпочтель обеспечил проездные расходы всех членов экспедиции, а якутская сторона возместила транспортные расходы по перевозке радиогруза по р. Лене до Томмота. Руководство республики принимало участие в постройке станционных помещений в Томмите, обеспечивало стройматериалами и работниками. Уже в июне в Якутске первой навигацией прибыл груз с радиооборудованием, высланный ранее из Москвы. По приказу Наркомпочтеля инженер П.А. Остряков был направлен в Томмот сроком на два года для организации радиосвязи и составления плана радиофикации ЯАССР и с ним больше десятка квалифицированных специалистов по радиостроительству. К работе должны были приступить зимой 1925 г., чтобы закончить к осени 1926 г.

В далёкой местности Томмот строители должны были установить радиостанцию мощностью в 10 кВт с антенной, подвешенной на двух мачтах по 65 м, и силовой установкой с дизельным двигателем в 40 лошадиных сил. В сентябре 1925 г. отряд экспедиции в составе заместителя начальника экспедиции И.Д. Папанина отправился в дальний путь, на Север. Ехали поездом Дальневосточного экспресса от Московского вокзала до Иркутска, затем до станции Большой Невер. До места дислокации ещё тысячу километров ехали около тридцати суток на лошадях.

По дороге делали остановки в станционных зимовьях и приземистых избушках. Добрался И.Д. Папанин с техническими работниками до места зимой, когда стояли трескучие морозы. Имея большой опыт работы в других регионах по строительству радиостанций, состав первого отряда научно-технической экспедиции начал работу с огромным желанием создать на далеком Севере мощную радиостанцию. Наметили место для радиостанции около р. Укулан. Первым делом следовало создать материальную базу для строительства. Приступили к работе по подготовке мачтового устройства, расчистке от леса больших площадей для постройки радиостанции. Вырубили в тайге площадку, построили необходимые здания,озвели две деревянные мачты. Была произведена постройка общежития для радиослужащих, отремонтировано здание для станции [1. Д. 164. Л. 289 об.].

Заместителю начальника экспедиции И.Д. Папанину приходилось много ездить по организационным вопросам, добывая необходимые для строительства материалы, инструменты, питание для рабочих. Возил его на оленях молодой оленевод. Самое главное, для радиостанции нужно было построить котельную. Иван Папанин и несколько строителей ездили за котлом в Новониколаевск, нашли и доставили на железнодорожную платформу до Иркутска. Иркутск по тем временам был воротами на Восток, и все снабжение для Якутии и Лены шло исключительно через него, по трактам на Качуг, оттуда с помощью карбасов по р. Лена до Усть-Кута и дальше пароходами до Витима на Алдан. Груз при содействии Якутского пароходства был отправлен в сопровождении Рабиновича и Папанина по р. Лене в Томмот. Сроки строительства они сократили почти вдвое, но для этого пришлось всей экспедиции работать не жалея сил и времени. Отряд закончил строительную работу раньше срока. Чтобы не тратить лишних государственных денег и не дожидаться окончания работ специалисты-наладчики, техники-строители разделились на группы и отправились в обратную дорогу под руководством И.Д. Папанина. Оставшиеся специалисты-наладчики продолжали работу по монтажу.

Пока шла подготовительная работа в Томмите, в марте 1926 г. из состава экспедиционной партии прибыл в Якутию инженер-радиотехник П.А. Остряков. Согласно договоренности трест «Алданзолото» выделил два трактора для строительных работ. Необходимые для постройки материалы со станции Большой Невер Амурской железной дороги до места назначения планировали доставить на гусеничных тракторах. Этим тракторам, изготовленным в Ленинграде на заводе «Большевик», пришлось пройти 750 верст по глухой тайге. Вся дорога была покрыта льдом. Переход был рассчитан на 40 дней. Экспедиция держала связь с НКПиТ по проволочному телеграфу и по радио при помощи собственной станции, работавшей на коротких волнах. В последних телеграммах утверждалось, что экспедицией пройдено уже 125 верст. О тяжелых условиях дороги можно было судить хотя бы потому, что в некоторых случаях на прохождение одной версты затрачивались свыше 3 часов. Эти трак-

торы с прицепными телегами ехали медленно. Из-за плохой дороги их вынужденно оставили на половине пути, о чем сообщалось телеграмме в Якутск М.К. Аммосову [1. Д. 174. Л. 19].

О деятельности экспедиции по телеграфу сообщали руководителю Наркомпочтеля И.Н. Смирнову. Докладывали о проведенной подготовительной работе в Алданском округе, об участии руководителя республики М.К. Аммосова в организации работы по радиостроительству, о бесплатной доставке груза. Руководитель республики ясно представлял, какое большое влияние окажет строительство новой радиостанции на оживление экономической жизни Севера, так как за ней на очереди стояло строительство радиостанции в г. Якутске. Он всегда практически поддерживал ход строительства. Действительно, сам ездил на прииск Незаметный для встречи с руководителем Государственного банка А.С. Королевым, инженером П.А. Остряковым, председателем правления «Алданзолото» Ю.К. Краукле, а также с прибывшей комиссией Совета труда и обороны, Шахровым и Каминским. При активной поддержке руководства республики строительство своевременно было завершено. Осенью 1926 г. инженер П.А. Остряков из Томмота отправил телеграмму в Якутск М.К. Аммосову о том, что в конце сентября закончил монтаж радиостанции, и получил следующее задание из Москвы построить радиостанцию в г. Якутске [1. Д. 178. Л. 61].

В Томмote функционировала приемо-передающая радиостанция восточносибирского округа связи, принадлежавшая государственному золотопромышленному тресту «Алданзолото», которая как первая экспериментальная радиостанция по магистральной дальней связи работала по специальному назначению.

Очень велика была роль средств связи на территории золотодобывающего Алданского округа как одного из основных ключевых ресурсов в возрождении народного хозяйства. Руководства страны и республики того периода, уделив основное внимание организации в 1925 г. научно-технической экспедиции в Якутию, справедливо оценили социальные последствия функционирования системы связи, ее влияния на развитие производительных сил и становления региональных средств связи.

Таким образом, научно-техническая экспедиция Наркомпочтеля страны за два года с первых же дней своей деятельности заложила первоначальную программу развития радиотехнического дела на Севере, а также объединила технические силы страны в составе ученых-инженеров, пионеров-исследователей радиотехники Нижегородской радиолаборатории. Для скончайшей реализации технического задания и обеспечения надежной радиосвязью промышленного округа установили радиостанцию для соответствующей дальности действия на территории Якутской АССР. Для монтажа и оснащения приемо-передающих установок была использована только отечественная радиотехника, которой до этого не было.

Наряду с этим следует отметить, что в деятельности научно-технической экспедиции вместе с исследователями радиолаборатории работали строители,

монтажники, рабочие. Они оказали большое содействие в снабжении всеми необходимыми материалами, транспортом и в привлечении местных жителей к этой работе. Первый этап работы научно-технической экспедиции Наркомпочтеля в административно-хозяйственном, промышленно-экономическом

окружном центре Томмот Алданского промышленного округа Якутской АССР был завершен. Согласно плану по обеспечению радиосвязью окружных центров, имеющих важное экономическое и культурное значение в жизни республики, продолжалось строительство новой радиостанции в Якутске.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Саха (НАРС). Ф. 52. Оп. 1.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 5. Д. 1286.
3. РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 6. Д. 157.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 мая 2015 г.

FROM THE HISTORY OF RADIO SERVICE IN YAKUTIA: THE ALDAN STATION

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 129–132. DOI: 10.17223/15617793/399/21

Petrova Valentina D. Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North SB RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: petrova-vd@mail.ru

Keywords: People's Commissariat of Posts and Telegraphs USSR; radio-building; Nizhny Novgorod Radio; Aldan station.

In the early 1920s, to quickly and simultaneously alert the country about the most important events of the day, to ensure constant and reliable radio communications, the People's Commissariat of Posts and Telegraphs of the country outlined a plan for the rehabilitation of stations and construction of new ones in the major cities. The plan of radio communications was considered a matter of priority for the recovery of the economy. This is the reason why workers employed by radio stations were considered mobilized on the ground and not subject to draft, regardless of their age, for as long as they were building a station. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs instructed districts, including the East Siberian district, to immediately begin installation of radio for people. At that time, at the request of the country's People's Commissariat of Posts and Telegraphs, a construction of an intermediate station on the territory of Yakutia was required for long-distance communication with the main administrative center of Siberia Novonikolaevsk with Petropavlovsk on the Kamchatka Peninsula. In the mid-1920s gold was mined in Yakutia; its reserves, due to their natural and economic conditions, dominated the rest of the industry and raw materials regions in the country. Industrial development of Yakutia attracted the attention of the country's leaders. The Commission of the Supreme Council of National Economy of the USSR, on the basis of a survey of the Aldan gold-mining district, decided to establish an industrial trust of national importance and to begin work on the installation of radio communications. Despite the difficult economic situation in the country, the USSR Council of the People's Commissariat of Posts and Telegraphs supported the project of radio station construction in the republic. A preliminary agreement was signed between the People's Commissariat of Posts and Telegraphs of the USSR and the delegation of the Yakut Government. In 1925, at its own initiative, the People's Commissar of Posts and Telegraphs of the country organized a scientific technical expedition to design and construct the station, in close collaboration with scientists engineers of the Nizhny Novgorod Radio Laboratory which produced the latest system of domestic apparatuses. In 1925, radio pioneer, explorer of the Nizhny Novgorod Radio Laboratory of the People's Commissariat of Posts and Telegraphs M.A. Bonch-Bruevich started experiments on shortwave communication and wanted to introduce his new technical developments in the main radio communication lines. On his behalf, radio engineer P.A. Ostryakov agreed to install communication on the line between the Tommot (Aldan) mine and Irkutsk to organize regular radio communication between Irkutsk and Moscow, with an emergency exit to Chita and Khabarovsk. The head of the expedition was engineer P. Ostryakov, his deputy was active organizer I.D. Papanin. In a short time, a radio station was constructed for the early realization of the scientific and technical specifications to ensure reliable radio communication in the industrial trust of national importance. Only brand new domestic radiotechnics was used for the installation and equipping of receiving facilities. The experiments continued in 1925–1926 and identified a number of important advantages of shortwave stations. The first stage of the scientific technical expedition of the People's Commissariat of Posts and Telegraphs in Yakutia, organized according to the plan to install radio in district centers of important economic and cultural role in the life of the republic and the country, was completed.

REFERENCES

1. The National Archive of the Republic of Sakha (NARS). Fund 52. List 1. File 59. (In Russian).
2. The National Archive of the Republic of Sakha (NARS). Fund 52. List 1. File 150. (In Russian).
3. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 3429. List 5. File 1286. (In Russian).
4. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 3527. List 6. File 157. (In Russian).
5. The National Archive of the Republic of Sakha (NARS). Fund 52. List 1. File 150. (In Russian).
6. The National Archive of the Republic of Sakha (NARS). Fund 52. List 1. File 164. (In Russian).
7. The National Archive of the Republic of Sakha (NARS). Fund 52. List 1. File 174. (In Russian).
8. The National Archive of the Republic of Sakha (NARS). Fund 52. List 1. File 178. (In Russian).

Received: 24 May 2015

ОБСКИЕ УГРЫ В СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Предпринята попытка проанализировать взгляды историков второй половины XIX в. на актуальные вопросы положения и роли обских угров как представителей коренных народов Сибири в процессе включения Сибири в состав Российской государства. Затронуты аспекты древней истории обских угров, политики русского государства в отношении инородцев, взаимоотношения обско-угорского и русского этносов, идеи просвещения народа.

Ключевые слова: обские угры; ханты; манси; сибирские инородцы; коренные народы Сибири.

На протяжении XIX в. история Сибири оставалась одним из важных объектов научного изучения в российской историографии. Активные процессы и события, происходящие в экономической, социальной и культурной жизни Сибири XIX в., приводили к широкому изданию фонда летописных, документальных и законодательных источников по истории края. Этот период характеризуется наличием в сибирской историографии различных течений, подходов, взглядов на процесс освоения и включения Сибири в состав Российской государства. Накопленные сибирской историографией второй половины XIX в. знания о коренных народах Сибири представляют собой не только научный интерес, но и приобретают значимость в современных политических, социально-экономических, общественных и культурных процессах взаимодействия с представителями этноса. Расширение источниковедческой базы во второй половине XIX в. послужило основой для более пристального общественного внимания к историческому опыту взаимодействия, взаимовлияния русской и сибирской цивилизации, к проблемам и исторической судьбе малочисленных народов Сибири.

В первой половине XIX в. продолжилась традиция изучения коренных народов Сибири научными экспедициями (А. Гумбольдт, 1829 г.; А.Ф. Кашеваров, 1838 г.; А. Миддендорф, 1843–1844 гг.; М.А. Кастрен, 1841–1844, 1845–1849 гг.). Роль центра активного изучения истории, лингвистики, фольклора, этнографии сибирских народов играла Российская академия наук. В 1845 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское географическое общество, которое продолжило традицию исследования «инородческого населения» Сибири [1. С. 104]. Наряду с научным вниманием к истории Сибирского края интерес возникает и в среде сибирской интеллигенции. Вторая половина XIX в. характеризуется постановкой широких задач исследования, поворотом внимания к народоведению [2. С. 233]. В ряду общих естественнонаучных исследований Сибири, тема изучения коренных народов, их положения и включения в состав народонаселения Российской государства в трудах российских исследователей XIX в. начинает занимать одно из центральных мест. Большое поле деятельности в области изучения сибирских народов в данный период принадлежала этнографии (А.П. Щапов, П.А. Ровинский).

Как отмечал исследователь второй половины XIX в. А.Н. Пыпин, «...историческое изучение Сибири особо оживляется в последнее десятилетие XIX в.

Причина такого процесса состоит в том, что в прежние времена была возможна только одна внешняя, официальная история Сибири: теперь не только раскрывается многое, о чем прежде ходили только устные рассказы, но исследование старается проникнуть в те внутренние процессы, какие совершились в сибирской жизни под влиянием основных факторов – условий природных, племенных, бытовых и административных» [3. С. 366]. В сибирской историографии XIX в. обские угры продолжали упоминаться под названием остыков (ханты) и вогулов (манси). Исследования, посвященные изучению различных аспектов истории и жизни обских угров, представлены в контексте общих исследований сибирских народов.

Определение условий жизни обских угров, характер политики Московского государства, результаты и последствия правительственные действий, отношение самих групп инородцев к сложившимся условиям их покорения рассматривал в своем исследовании «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве» русский историк Н.Н. Фирсов. Хронологические рамки исследования охватывают период древней истории сибирских народов до первой четверти XVII в., времени официального вхождения народов ханты и манси в состав населения Российской государства.

Внимания заслуживает позиция Н.Н. Фирсова в отношении древней истории сибирских народов. Ученый отмечал, что население Великой Перми и Югорской земли в древнейшую эпоху находилось на более высокой степени благосостояния в сравнении с тем положением, в котором его нашло Московское государство» [4. С. 27], что подтверждается археологическими открытиями. Открытие Московским государством сибирских земель в XV–XVI вв. находит народы, населяющие эти земли, не в совсем диком состоянии [Там же. С. 28]. Общественное устройство большинства сибирских народов состояло в разделении на небольшие группы, роды во главе с князьями-начальниками. Были известны и образования более крупных союзов, в том числе федераций, под руководством общего вождя. Например, в противоположность князьям простым существовал великий пермский князь, у манси русские нашли, кроме князей обыкновенных, «большого князя». Организующую и связующую роль между коленами и родами играли жрецы и святыни [4. С. 28–29]. Ханты также были разделены на роды под руководством старшины, начальника, но крепкой связи между родовыми сою-

зами не было. Отсутствие кровной связи между союзами рождало равнодушие и отсутствие взаимопомощи, что способствовало, по мнению Н.Н. Фирсова, потере независимости и подчинению захватчикам, будь то русские или сибирские цари [4. С. 38].

В отношении распространения православной веры в Сибирских землях Н.Н. Фирсов считал, что христианизация инородцев успехов не имела, язычество и мусульманство преобладали в религиозных воззрениях сибирских народов [Там же. С. 218]. Среди причин отсутствия популярности православия среди иноверцев, исследователь отмечал «нехватку достойных церковнослужителей в сибирских церквях, их бездействие в деле проповедования евангелия, поведение самих мирян, которое противоречило идеалам православия, глубокий общественно-экономический кризис, который сложился еще в эпоху Ивана Грозного» [Там же. С. 223–224, 228].

Выступая в защиту сибирских народов, исследователь отмечал, что произвол служилых людей был направлен не только против собственности, но и личной свободы, чести и жизни инородцев. Обманывать и чинить произвол позволяла не только отдаленность от центральной власти, но и отсутствие грамотности среди инородцев. Гуманные, демократические, человеколюбивые законы и указы российского правительства оставались только на бумаге [Там же. С. 232–234].

В заключительных положениях своего исследования автор делает вывод, что основной интерес Московского государства был направлен на подчинение земель инородцев и расширение границ государства. Несмотря на то что правительство старалось защитить инородцев, рос произвол со стороны служилых людей и промышленников, что усугубляло их положение. Ясачные и другие повинности оставались основной обязанностью инородцев, а их выполнение отвечало интересам российской экономики.

В своем труде «Сибирь как колония» выдающийся русский публицист, общественный деятель и ученый Н.М. Ядринцев затрагивал не только проблемы сибирской истории, вопросы присоединения и освоения Сибири русскими людьми, но и уделял внимание сибирским народам. Рассматривая в исследовании освоение Сибири русскими, можно выделить две темы, посвященные сибирским народам: тема контактов, взаимодействия с русским населением и инородческий вопрос в политике Российского государства.

Отмечая различную степень смешения русских в процессе освоения Сибири с различными народностями, основываясь на трудах путешественников Г.А. Эрмана и М.А. Кастрена, Н.М. Ядринцев отмечал, что многие ясачные ханты и манси, проживающие по рекам Иртыш и Обь, вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусили и вошли в состав великорусского населения [5. С. 11]. По мнению Н.М. Ядринцева, с начала XVII в. славяно-русская народность в Западной Сибири более или менее подверглась непрерывному и продолжительному смешению с местными азиатскими племенами, особенно с манси, ханты, татарами, калмыками и киргизами [Там же. С. 13].

При определении степени влияния смешения славяно-русской народности с различными племенами Сибири Н.М. Ядринцев делил народы Сибири на две группы: наименее выгодные для смешения – низшие расы, и выгодные (индифференты) – равные и высшие. В такой классификации народов ханты и манси у исследователя занимают разные уровни развития. К наиболее низшим инородцам по типу культуры и образу жизни отнесены: ханты, самоеды, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгусы, коряки, чукчи и т.д. Это низшие представители финской и монгольской расы. К более развитым Н.М. Ядринцев относил тюрков, бухарцов и сартов, татар, манси, зырян [5. С. 31]. В Обдорском и Березовском краях смешение русских колонистов с хантами, самоедами, татарами доходит до того, что русские совершенно превращаются в инородцев [Там же. С. 14]. Смешение русского населения с местными племенами ученый оценивает как негативный фактор. Это находит отражение в изменениях привычек, вкусов: русские переходят к полигамии, к инородческим воззрениям на женщину; воспринимают шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрасудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, забывают русский язык и воспринимают инородческий [Там же. С. 44].

Рассмотрение государственной политики в определении исторической судьбы и положения коренного населения Сибири в исследовании Н.М. Ядринцева занимает одно из важных мест. По мнению исследователя, тема исследования аборигенной политики в Сибири и в XIX в. продолжала оставаться актуальной. Характер вопроса состоит в том, чтобы на «почве мирной жизни (сложившейся в Сибири к XIX в.) предстояло слагаться – иным гражданским отношениям, а русской политике изменить свои цели, зачислив инородческий элемент в число равноправных подданных» [Там же. С. 87].

Статистические исследования численности обских угров и других сибирских народов (Ю.А. Гагемейстер, К.А. Алквист, Г. Павлов, А.Ф. Миддендорф, Ф.О. Белянский) подтверждал факт положительного уменьшения численности ханты и манси [Там же. С. 90–91]. Н.М. Ядринцев разделял мнение ученых в определении причин вымирания сибирских народов: военные столкновения с русскими в период присоединения Сибири, межплеменные усобицы, различного рода эпидемии (оспа, тиф, сифилис), обеднение и упадок жизни (уменьшение угодий и промыслов, эксплуатация, голод) [Там же. С. 91–93, 95–96, 101].

Со времен завоевания Сибири, как отмечал Н.М. Ядринцев, «...правительство признавало необходимость оказывать покровительство завоеванным народам, указы твердили воеводам, чтобы они обращались “кротко” с покорившимися, и служилым людям повелевалось приказывать накрепко, чтобы они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, а собирали бы с них ясак ласкою и приветом» [Там же. С. 106–107]. К сожалению, гуманный взгляд российских правителей на гражданское положение инородцев в Сибири не

получил применения и притеснения инородцев не уменьшались [5. С. 107]. Даже положения Уложения об инородцах Сперанского 1822 г., который пытается ввести порядок в управлении инородцев, разделить их на разряды по образу жизни и дать им некоторые гарантии самоуправления, не могли осуществиться [Там же. С. 108]. Злоупотребления, безответные поборы, корыстные стремления, жестокие наказания, нечеловечное обхождение с инородцами государевыми людьми не позволяли навести ни малейшего порядка и справедливости в волостях и уничтожали всякие следы законности [Там же. С. 108]. Ясачные сборы мехами с инородцев стали с первого же раза, благодаря недобросовестности сборщиков, тягостью и разорением для инородца. Основная задача для правительства в устраниении злоупотреблений состоит в преобразовании системы сбора ясака в денежный сбор [Там же. С. 112].

В отношении духовного просвещения и приобщения к православной вере инородцев Сибири Н.М. Ядринцев, как и исследователь Н.Н. Фирсов, считал, что действия церкви не были успешными. Причины неудач миссионерской деятельности в Сибири Ядринцев видел, во-первых, в том, что только в XVIII в. активно происходит обращение инородцев в христианство. Особая роль в процессе по крещению ханты и манси принадлежала Филофею Лещинскому, который крестил аборигенов в 1712–1714 гг. Кроме того, утвердившиеся еще задолго до прихода русских в Сибирь восточные религии (мусульманство, буддизм) в среде коренного населения Сибири имели более прочное религиозное и общественное значение. В результате соперничества мы видим, что господство и преобладание не остается за православием; инородческие племена по своему мировоззрению более тяготели к восточным религиям, как и родством происхождения, языка и прочим, которое соединяло инородцев с магометянами-татарами и буддистами-монголами [5. С. 114].

Крещение значительного числа ханты и манси, как отмечал Н.М. Ядринцев, николько не укрепило их в православии. По наблюдениям многих ученых, путешественников, современников Ядринцева, ханты и манси признавались христианами номинально. «Две трети ханты, считающимися православными с первой четверти прошлого столетия, не отреклись от языческих понятий. Иконы лежат на заднем углу или под лавкой и вынимаются в редких случаях при приезде священника» [Там же. С. 115–116].

В отношении распространения просвещения среди инородцев со стороны русской народности ничего не было сделано. Ни системы инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. В XIX в. началось строительство миссионерских школ. В 1847 г. при кондинской миссии у ханты было создано 9 школ с 71 учащимся. Но факт деятельности школы остался только на бумаге. В кондинское духовное училище 10 мальчиков из числа ханты были зачислены принудительно при помощи земской полиции. «Преподавание велось дурно и небрежно и в следствии мальчики не получали долж-

ного образования» [5. С. 118]. Принудительное, насильственное навязывание образования в среде инородцев вызывало отторжение, сопротивление и нежелание воспринимать «блага цивилизации» [Там же. С. 119]. Решение этого вопроса заключается в необходимости ведения просвещения среди племен инородцев на родном языке и создания учебников с переводом. Просвещение на инородческом языке и знакомство с наукой, по мысли Ядринцева, не оттолкнет образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизит его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского. Образование инородца не должно порывать его связь со своим народом. Целью должно быть внушение любви к своему племени, его судьбе, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи, вырвать его и представить массе ту же нищету, несчастие и вымирание [Там же. С. 122].

В своих взглядах на инородческий вопрос и пути его решения Н.М. Ядринцев был убежден в необходимости сохранения сибирских племен, его образования. Признание гражданской и умственной жизни инородца есть не только их историческое право на общечеловеческое существование, но и исторический долг русской общественности, государства. «Разрешение этих вопросов находится в связи со многими законодательными мерами и культурными условиями, но еще более зависит от умственного развития самого русского населения в Сибири» [Там же. С. 124].

Русский генерал, исследователь, автор целого ряда работ по истории азиатской части России, в том числе и по истории Сибири, В.К. Андреевич, ссылаясь на работы Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, отмечал, что еще задолго до присоединения Сибири к России сибирские народы пермяки, манси и самоеды вели между собой торговлю. Первые попытки установить русское влияние в землях манси были связаны с военными походами (1499 г. поход в земли манси воевод князей С. Курбского и П. Ушатого) [6. С. 2]. В исследовании рассмотрены политические события, связанные с установлением власти хана Кучума в Сибири (1563 г.), поход Ермака и его дружины (1582 г.) в земли обских угров.

Появление русских людей в Сибири, как отметил В.К. Андреевич, ухудшило положение в ней инородцев. Многие факты процесса освоения сибирских земель дают основание, по мнению исследователя, считать, что сибирские инородцы к первой половине XVII в. находились в состоянии страха, вызванного действиями казаков и промышленниками, бродившими по тайге, вдоль рек [6. С. 158]. Исследователь акцентировал внимание на том, что в официальных документах начала XVII в. в обращениях к правительству сибирские народы часто жаловались на тяжелое экономическое положение, вызванное действиями промышленников. Для облегчения добычи зверя манси просили о свободной торговле железными орудиями, указывали на ущерб, который промышленники наносили звериному промыслу и лесу [7. С. 221]. Нашествие русских промышленников повлекло за

собой распространение новых болезней (сифилис, оспа) и как следствие вело к сокращению численности инородческих племен [7. С. 158].

Несправедливость и насилие сборщиков ясака вынуждало манси неоднократно обращаться к властям о приписании их тому или иному ясачному району [Там же. С. 167]. Отчаяние доводило инородцев до организации бунтов против произвола казаков. Число таких бунтов возросла в конце XVI – начале XVIII в.: в 1598 г. нарымские ханты, приведенные в отчаяние вымогательствами сургутских казаков, задумали разорить нарымский острог. Главой этого заговора был князь Басарга [Там же. С. 196]. В 1603 г. взбунтовались кетские ханты, в 1606 г. – обские, в 1607 г. сургутские ханты совместно с самоедами и манси задумали разорить город Березов, в 1608 г. восстали нарымские и кетские ханты [6. С. 196–197]. Во второй половине XVII в. российское правительство принимало административные меры по защите ясачного населения и запрещало воеводам и служилым людям обращать в холопство крещенных иноверцев, чинить вымогательства, проявлять жестокость в наказаниях. Сбор собольей казны и мягкой рухляди сопровождался кражами воевод и сборщиками ясака [Там же. С. 357].

Для сокращения вреда казны от поборов сибирских воевод российское правительство старалось увеличить срок их службы. Так, в 1695 г. было определено служить в сибирских городах не по 2 года, а по 4, 5 и 6 лет [Там же. С. 356]. Управление с помощью грабежа и притеснений толкало ясачных инородцев к уходу в другое государство (Китай), вызывало случаи убийства сборщиков ясака и доводило людей до самоубийств [8. С. 29].

Аналогично взглядам историков второй половины XIX в., современников Н.Н. Фирсова, Н.М. Ядринцева В.К. Андриевич считал, что первые попытки крещения инородцев в конце XVII в. успеха не имели, но встречались отдельные случаи принятия православия родовой знатью обских угров, князьями ханты и манси, членами их семей [Там же. С. 191]. Только с назначением Филофея Лещинского митрополитом Сибири в 1700 г. стала активно развиваться деятельность по распространению христианства среди инородцев Сибири и включения их в православную общину [Там же. С. 336].

В заключение В.К. Андриевич делал вывод, что «в начале XVIII в. Сибирь еще не могла считаться устроенной частью государства, но уже наметились те цели, которые правительство желало достичь. Сибирь предназначалась быть ссылочным местом и вошла в состав правительственный регалий. В силу последней её роли она подверглась научному исследованию раньше других местностей России» [Там же. С. 398].

Обобщающей работой по истории этнографии сибирских народов стал труд А.Н. Пыпина «История русской этнографии». Исследователь определил вопрос о народе, о древней истории сибирских народов актуальной темой для российского общества. Как отмечал сам автор, «...новейшая этнографическая история сибирских инородческих племен представляется

чрезвычайно запутанной. Низкая степень развития большинства из них; отсутствие памятников, которые могли бы свидетельствовать о совершившихся здесь переворотах; недостаток исследований их племени и языка в новейшее время, делали то, что в настоящее время этнографические отношения сибирских инородцев представляются нередко неясными и спорными» [3. С. 383].

Исследователь сибирских древностей Н. Попов, упомянутый в труде А.Н. Пыпина, отмечал, что Сибирь еще за несколько веков до начала нашего летоисчисления была населена разными народами и племенами. Сильнейшие из них теснили слабейших, покоряли их, истребляли или отодвигали куда-нибудь дальше на запад или на север. Некоторые из этих народов монголы, манжуры, татары – доныне продолжают крепко существовать и сохранять свои племенные черты; другие, загнанные в места суровые и неблагоприятные для жизни, хотя продолжают свое жалкое существование, но год от года становятся малочисленнее, как, например, сойоты, карагасы, койбалы, камасинцы, ханты, самоеды, якуты туруханские, чукчи и прочие, а некоторые в своих скитаниях уже давно вымерли, оставив после себя одни темные имена, как например асаны, котты, арины, омоки и др. [Там же. С. 380].

Размышляя о разных сторонах взаимоотношений русского населения и инородцев, А.Н. Пыпин, как и исследователь Н.М. Ядринцев, затрагивал тему племенного смешения народов. Отмечая в целом положительное влияние смешения европейских народов, смешение русского этноса с северо-западными инородцами Сибири, ханты, самоедами оказывало неблагоприятное влияние на русское население. Причина заключалась в нахождении инородцев в подавленном бытовом состоянии и отсутствии возможности развивать немногие культурные данные, которые еще были сохранены в их природе [Там же. С. 431].

Тему крещения обских угров в XVII–XVIII вв. рассматривал в своих исследованиях профессор Харьковского университета П.Н. Буцинский. Первые попытки миссионерской деятельности в деле распространения христианства в землях Югории, как и попытки принятия христианства представителями княжеской верхушкой обских угров, были неудачными и имели единичные случаи. Причины неудач П.Н. Буцинский находил в действиях самого российского правительства: «Преследуя экономические, материальные интересы, российское правительство на протяжении XVII в. не было заинтересовано в проповеди подданных иноверцев. Первые новокрещенные инородцы не могли служить примером для своих соплеменников» [9. С. 5–6].

Главная и неоспоримая роль шамана в религиозных воззрениях и культурах инородцев служила препятствием для проникновения в мировоззрение народа православных постулатов. Русские воеводы XVII в. и даже московское правительство верили в могущество шаманов. Для последователей шаманизма шаман имел высокий общественный статус, он выступал в роли врача, жреца и предсказателя. Его

могущество и авторитет были безусловными даже при совершении грубых ошибок [9. С. 30, 31]. Духовный православный раскол в Сибири в конце XVII – начале XVIII в. также вызвал трудности в деле распространения православия среди инородцев. В обществе раскол заявил о себе как воинствующий и пропагандирующий дерзость к господствующей церкви. Не почитались православные нормы, обряды [Там же. С. 47–48]. Большое влияние на духовные, религиозные взгляды инородцев Сибири оказывала мусульманская вера [Там же. С. 49]. Сибирская светская власть была самым сильным противников в деле распространения христианской веры между сибирскими инородцами. Новокрещенцы освобождались на три года от всяких податей, кроме ясака, холопы-инородцы могли стать свободными. Легче было эксплуатировать инородца-язычника, чем инородца-христианина [Там же. С. 87–88].

По мнению П.Н. Буцинского, главная роль в деле христианизации сибирских инородцев, ханты и манси принадлежала Петру Великому и духовному деятелю Филофею Лещенскому. Российское правительство и Русская православная церковь в начале XVIII в. были едины в понимании цели и средств христианизации сибирских народов – ханты и манси. Петр I хорошо понимал, что в деле распространения православия в сибирских землях инородцев необходимо проводить проповедь только их на родном языке. Для изучения монгольского языка и христианской проповеди была организована поездка монахов к монгольскому хану Кутухту [9. С. 43, 52]. Филофей считал, что распространение и утверждение христианства между иноверцами Сибири возможны с помощью образованных и энергичных деятелей из среды сибирского духовенства.

Встречи с духовными православными посланниками, миссионерами ханты и манси воспринимали с ожесточением, недоброжелательно, часто оказывали физическое сопротивление и готовы были защитить своих идолов и жизнью, и откупом. Слово пастыря, личные качества духовного просветителя Филофея Лещенского заставляли народы ханты и манси сомневаться в могуществе своих шаманов и богов. В сообществе, населяющем юрты, с приходом миссионеров, образовался раскол на тех, кто готов был принять христианство, и тех, кто сопротивлялся этому [Там же. С. 62–64, 66, 76]. И уже последующие миссии в земли инородцев не встречали ненависти и злобы, желающих принять христианство становилось больше.

В заключение автор подвел итоги деятельности Филофея Лещинского и указал дальнейшие направления политики государства в духовном просвещении инородцев. Во время всей миссионерской деятельности Филофей крестил до 30 тысяч сибирских инородцев обоего пола и устроил для новокрещенцев около 30 церквей. Легко было крестить инородцев, но утвердить полудиких людей в новой вере было чрезвычайно трудно.

В отношении принятия инородцами новой веры автор сочинения отмечал, что не сама христианская ре-

лигия побуждала их оставлять шаманизм или мусульманство, а прежде всего материальные выгоды, сопряженные с принятием христианства (денежное и хлебное жалованье, освобождение от платежа ясака и т.д.). Но новокрещенцы из числа инородцев были христианами только по имени; не будучи подготовлены к христианству, они и после крещения оставались язычниками [10. С. 112]. Для этого требовалось постоянное духовное попечение и поддержка в новой вере принявших христианство ханты и манси. Как инородцы легко крестились, также легко снова обращались к язычеству. Причина этого – отсутствие в волостях церквей, удаленность от юрт. Борьба с языческими обычаями и нравами была самым трудным делом, только просвещение могло искоренить их, но для просвещения инородцев требовалось время [9. С. 81, 84].

В заключение можно отметить, что история обских угров как представителей сибирских народов в сибирской историографии второй половины XIX в. представлена в общих исследованиях истории Сибири и её коренного населения. В целом исторические изыскания охватывали различные аспекты прошлого и настоящего положения сибирских народов. Основным предметом в изучении истории обских угров являются анализ и описание древней истории ханты и манси, положение народа, складывающиеся в процессе завоевания Сибири с приходом русского населения, взаимодействие со славяно-русской народностью, сохранение и решение проблем вымирания, предоставление гражданских прав, развитие образования и культурного просвещения.

Обращение к прошлому, к древней истории сибирских народов (Н.Н. Фирсов, А.Н. Пыпин) дает понимание общественного устройства ханты и манси, определение роли князей и шаманов в обществе, родового строя, торговых отношений с соседями. Использование сведений археологии в исследований опровергает взгляд на инородцев Сибири как на полудикие народы и доказывает, что сибирские племена в XV–XVI вв. находились на более высоком уровне развития.

В процессе завоевания Сибири и включения сибирских народов в состав населения Российской государства исследователями второй половины XIX в. (Н.Н. Фирсов, Н.М. Ядринцев, В.К. Андриевич) затрагивались вопросы тяжелого экономического положения (эксплуатация, порабощение) и нарушения общечеловеческих ценностей (свобода, честь, достоинство, жизнь) обских угров. Несмотря на правительственные меры, направленные на защиту коренного населения Сибири от произвола служилых людей, они оставались номинальными и не играли своей правозащитной роли. Выделяя проблему и причины сокращения численности коренного населения, в том числе и обских угров, отсутствует позиция исследователей в определении направлений и средств в решении данного вопроса. Общей актуальной темой научных изысканий для исследователей второй половины XIX в. выступает тема просвещения сибирских народов. Политика русской администрации и Русской православной церкви в отношении ду-

ховного просвещения инородцев должна носить планомерный, мирный характер. По мнению исследователей, строительство церквей в Сибири, появление школ для инородцев, издание книг на родном языке могли способствовать борьбе с языческими верованиями и привлечением инородцев к христианским нормам и обычаям. По мнению Н.М. Ядринцева, «...вопросы о дальнейшем существовании сибирских народов, предупреждении его вымирания, экономическом, культурном, административно-политическом (гражданском) положении, духовном развития и просвещения должны стать основными в политике Российского государства и опре-

делении той роли, которую должны сыграть народности в истории государства» [5. С. 87].

На смену понимания инородца как ясачноплательщика и объекта эксплуатации должно прийти общественное осознание и государственное признание сибирских народов равноправными подданными и наделение их гражданскими правами. Задача трудов историков второй половины XIX в. состояла в привлечении внимания широкой общественности к экономическим и социальным проблемам коренного населения Сибири, основной причиной которых считали влияние русской колонизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Т.А. Представления русских об инородческом населении Сибири во второй половине XIX – начале XX века (по материалам сибирских периодических изданий Русского географического общества) // Историческое исследование в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов регион. молодежной науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2007.
2. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. М. : Мысль, 1970 г. 252 с.
3. Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. Т. 4. 448 с.
4. Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань : Университетская типография, 1866. 269 с. URL: <http://www.knigafund.ru/books/119379/read#page2>, свободный (дата обращения: 08.01.2015).
5. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
6. Андриевич В.К. История Сибири. СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Ч. I. 220 с.
7. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири в XIX столетии (период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г.). СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Т. 6, ч. I. 298 с.
8. Андриевич В.К. История Сибири. СПб. : Типография и литография В.В. Комарова, 1889. Ч. II (период с 1660 года до воцарения Императрицы Елизаветы Петровны). 487 с.
9. Буцинский П. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков : Тип. Губернского правления, 1893. 93 с.
10. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее населянников : соч. : в 2 т / под ред. С.Г. Пархимовича; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. [Приложение к журналу «Лукич】. Т. 1. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2015 г.

OB-UGRIANS IN THE HISTORIOGRAPHY OF SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 133–139. DOI: 10.17223/15617793/399/22

Ryabkova Olesya A. Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: ksucha_surgu@mail.ru

Keywords: Ob-Ugrians; Khanty; Mansi; indigenous dwellers; indigenous dwellers of Siberia.

The article considers and analyzes works of domestic researchers, representatives of various public currents of historical thought of Siberian historiography of the second half of the 19th century devoted to research of the Ob-Ugrians, their role in the development and inclusion of Siberia into the Russian State, as well as to the determination of the official attitude to Siberian peoples. The history and position of the indigenous dwellers in Siberia prior to the beginning of the colonization policy of the Moscow State are considered by a representative of the bourgeois direction of historiography, N.N. Firsov. The administrative and patrimonial organization of the Khanty, determination of the leading role in the society of princes, shamans, identification of the reasons of failures of the Russian Orthodox Church in the Christianization of the natives are the main subjects of the research. A representative of the provincial direction, N.M. Yadrintsev, pays attention to the subject of interaction between Russian and Ugrian ethnoses. The researcher gives examples of developing relations, defines the extent of interference and further prospect of contacts. In his works, Yadrintsev touches upon the problem of acquisition of civil equality by the Siberian people, preservation of ethnoses, distribution of education among the indigenous dwellers of Siberia. Historian V.K. Andrievych, a representative of official historiography, noted the fact of negative influence of the colonization policy of the Russian State on the lives of the indigenous dwellers of Siberia. Russian development of the territories of Siberia and inclusion of the Siberian ethnoses in these processes led to the indigenous dwellers' loss of independence and their difficult economic situation. The increase in the number of armed revolts of the Ugrian people at the beginning of the 17th century was caused by the arbitrary treatment of soldiers and industrial people. A representative of conservative views on the process of colonization of Siberia, researcher P.N. Butsinsky, pays attention to the subject of the Russian Orthodox Church activity in the promotion of Orthodoxy in lands occupied by the Khanty and the Mansi. A big role in the spiritual and educational mission belonged to Peter the Great and Filofey Leshchinsky. The researcher sees the reason of failures of the spread of Christianity among the peoples of Siberia in unsystematic actions of the church and the state. The works of N. Firsov, N.M. Yadrintsev, V.K. Andrievych, P.N. Butsinsky and A.N. Pypin are devoted to the study of various aspects of ancient history of the Ob-Ugrians, determination of forms and nature of their contacts with the Russian ethnoses, assessment of actions of the Russian government concerning the indigenous dwellers in the course of the colonization policy of Siberia. Regarding the future development of the Siberian peoples, the problem of preservation of ethnoses and the idea of education of the peoples are pointed out.

REFERENCES

1. Kuznetsova, T.A. (2007) [Representations of mixed ethnic Russian population of Siberia in the second half of the 19th – early 20th century (on materials of the Siberian periodicals of the Russian Geographical Society)]. *Istoricheskoe issledovanie v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical research in Siberia: problems and prospects]. Proc. of a regional youth conference. Novosibirsk: Parallel'. (In Russian).

2. Mirzoev, V.G. (1970) *Istoriografiya Sibiri* [Historiography of Siberia]. Moscow: Mysl'.
3. Pypin, A.N. (1892) *Istoriya russkoy etnografii* [History of Russian Ethnography]. V. 4. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
4. Firsov, N. (1866) *Polozhenie inorodtsev Severo-Vostochnoy Rossii v Moskovskom gosudarstve* [The position of indigenous dwellers of the North-east Russia in the Moscow state]. Kazan: Universitetskaya tipografiya. [Online]. Available from: <http://www.knigafund.ru/books/119379/read#page2>. (Accessed: 08th January 2015).
5. Yadrinsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a colony]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
6. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Pt. I. St. Petersburg: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova.
7. Andrievich, V.K. (1889) *Istoricheskiy ocherk Sibiri v XIX stoletii (period ot smerti imperatrity Ekateriny II do 1806 g.)* [Historical Sketch of Siberia in the 19th century (the period from the death of Empress Catherine II to 1806)]. V. 6. Pt. I. St. Petersburg: Tip. i lit. V.V. Komarova.
8. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Pt. II. St. Petersburg: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova.
9. Butsinskiy, P.N. (1893) *Kreshchenie ostyakov i vogulov pri Petre Velikom* [Christianization of Ostyaks and Voguls under Peter the Great]. Khar'kov: Tip. Gubernskogo pravleniya.
10. Butsinskiy, P.N. (1999) *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov: soch. v 2 t.* [Settling of Siberia and the life of its first inhabitants: in 2 v.]. V. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.

Received: 04 September 2015

РОЛЬ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП ЧЕБОЛЬ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮЖНОЙ КОРЕИ В 1980–2000-е гг.

Исследуется влияние системы финансово-промышленных групп Южной Кореи на формирование и реализацию внешнеполитического курса страны, а также механизмы вовлечения южнокорейских концернов во внешнеполитические и внешнеэкономические процессы в период с начала 1980-х до 2000-х гг.

Ключевые слова: финансово-промышленные группы (ФПГ); внешняя политика; интеграционные процессы.

Система ФПГ чеболь в Южной Корее за время своего существования, несомненно, стала обладать не только значительной экономической и финансовой мощью, но и превратилась во влиятельного участника политических отношений не только в рамках страны, но и на международном уровне. К началу 1980-х гг. данная система уже полностью сформировалась и утвердила в качестве главной движущей силы развития экономики Южной Кореи, а также стала обладать достаточной самостоятельностью и ресурсной мощью для того, чтобы оказывать влияние на внешнюю политику страны, в то время как в начале своего пути южнокорейские чеболь лишь являлись проводником и инструментом для реализации внешнеполитического курса правительства Южной Кореи. В данной статье рассматриваются как механизмы вовлечения ФПГ чеболь в процесс реализации внешнеполитического курса, так и механизмы влияния южнокорейских концернов на внешнюю политику страны.

Для рассмотрения механизмов, с помощью которых правительство Южной Кореи вовлекало ФПГ в реализацию внешнеполитического курса, обратимся к историческим условиям и контексту, в рамках которого осуществлялось взаимодействие власти и южнокорейских концернов, и выделим наиболее значимые преобразования и события во внешней политике страны.

80-е гг. ХХ в. стали временем стабилизации и дальнейшего роста экономического положения Республики Корея, а также периодом активного формирования демократического режима в стране. Данный этап развития в основном приходится на время правления президента Чон Да Хвана, который, по оценкам историков, способствовал повышению престижа страны в мировом сообществе [1]. Среди наиболее значительных заслуг президента – успешное налаживание внешнеэкономических и внешнеполитических отношений с другими государствами. Отдельно следует упомянуть тот факт, что во время правления Чон Да Хвана Южная Корея была хозяйкой Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г. Кроме этого, президент сумел успешно наладить личные взаимоотношения с главами многих государств, посетив большое количество стран Африки, Восточной и Западной Европы [1].

Успехи во внешнеполитической деятельности, несомненно, являлись логичным следствием осуществления эффективной внутренней экономической

и социальной политики. Среди основных результатов правления Чон Да Хвана следует назвать снижение цен на наиболее распространенные товары потребления, а также профицитный баланс внешней торговли Южной Кореи в первый раз за все время ее существования. На протяжении 80-х гг. ХХ в. объем экспорта и импорта планомерно возрастал в среднем на 10,2% каждый год и в 1986 г. превысил 30 млрд долларов. Около 50% экспортной продукции пришлось на долю тяжелой и химической промышленности [1].

Как отмечают специалисты, столь впечатляющие успехи были во многом достигнуты за счет стратегии развития экспортноориентированной экономики страны под строгим контролем правительенного аппарата, а также благодаря продолжавшемуся росту крупных финансово-промышленных корпораций чеболь, тесно связанных с государством. 50 чеболь создавали 48% ВНП Республики Корея, а около 50% экспорта страны обеспечивалось за счет деятельности 30 крупнейших ФПГ. Число фирм, входящих в чеболь, только в 80-е гг. выросло с 450 до 800 [2]. Очевидно, что ФПГ играли главенствующую роль во внешнеэкономической деятельности, поскольку являлись основой и главной движущей силой экспортноориентированной стратегии страны и обеспечивали все внушительные показатели бурного роста, что, в свою очередь, способствовало повышению престижа Республики Корея, упрочению ее международного статуса и положения.

Что касается осуществления интеграционных процессов, то в указанный период идет активное освоение иностранных рынков. Южнокорейские ФПГ столкнулись со сложностями, связанными с дефицитом рынков сбыта внутри страны, а также с их небольшими размерами, что заставило корпорации искать решение данной проблемы вовне путем экспансии внешних рынков за пределами страны. Стремительное расширение рынков для реализации товаров обеспечило чеболь возможностями для качественного улучшения способов производства продукции, а также для роста объемов реализации товара.

Конец 80-х – начало 90-х гг. ХХ в. стало временем преобразований не только во внешней политике Республики Корея, но и во всем мире, поскольку данный период ознаменовал окончание холодной войны и распад bipolarной системы мира. Дальнейшее улучшение экономического и социального положения Южной Кореи способствовало упрочению ее между-

народного положения, а также постепенному усилению ее авторитета и влияния. В области внешней политики правительство Южной Кореи продолжало планомерно выполнять поставленные ранее задачи, связанные с укреплением ее международного престижа и постепенным вхождением в мировое экономическое, политическое и культурное сообщество. Важнейшим событием данного этапа стало вступление Южной Кореи в ООН в 1991 г.

Постепенно Южная Корея осваивает новые рынки. Ярким примером данной тенденции стал успех Южной Кореи в области автомобилестроения. Количество экспортированных автомобилей в 1987 г. составило свыше 500 тыс. Продукция Южной Кореи всегда отличалась высоким качеством и конкурентоспособностью, что подтверждается тем, что в начале 1990-х гг. востребованность экспортированных из Южной Кореи в США автомобилей «Эксел» превысила востребованность аналогичных марок из Японии [2]. Нужно заметить, что практически весь объем экспорта обеспечивался за счет деятельности чеболь, которые, следуя выбранной правительством модели, активно развивали технологии и производство.

Южнокорейский президент Ро Да У (1988–1993 гг.) продолжил внешнеполитический курс, начатый Чон Ду Хваном, а также начал активное налаживание дипломатических отношений со странами Восточной Европы в конце 80-х гг. Первыми из них стали в 1989 г. Венгрия и Польша, затем СССР [1].

В начале 90-х гг. активно развиваются отношения с Китаем, особенно после установления с ним дипломатических отношений в 1992 г. Вектор, направленный на укрепление отношений с Китаем и странами Восточной Европы в области внешнеполитической деятельности Южной Кореи, получил название «Северной политики». Основной целью осуществления данной политики являлось увеличение количества индивидуальных контактов, а также установление прочных внешнеэкономических отношений между различными предприятиями, как государственными, так и частными [1]. Такая направленность естественным образом подразумевала активное участие и главенствующую роль чеболь в реализации данной политики.

Важным событием во внешней политике начала нового тысячелетия стали переговоры между корейским президентом Ким Да Чжуном и премьер-министром Японии Ёсиро Мори, которые состоялись в сентябре 2000 г. Помимо обсуждения внешнеполитического курса Южной Кореи в отношении Северной Кореи, значительное внимание уделялось вопросам, связанным с экономическим сотрудничеством, в частности совместной деятельности в сфере высоких технологий, а также возможности заключения договора о свободной торговле между двумя государствами [3]. Таким образом, сохраняется тенденция, под влиянием которой значительное место в процессе выстраивания партнерских отношений с Японией уделяется интересам финансово-промышленных групп, поскольку именно представители данных групп в первую очередь были заинтересованы в заимствовании японского опыта в об-

ласти высоких технологий, а также в расширении торговых контактов с целью увеличения рынков сбыта своей продукции.

При президентстве Но Му Хена (2003–2008 гг.) вектор развития внешней политики в целом был сохранен. Следует отметить, что в данный период качественно новым образом развиваются отношения с Россией. В 2001 г. российский президент В. Путин впервые посетил Южную Корею с официальным визитом. Большое внимание на встрече уделялось развитию совместных проектов в транспортной сфере, в частности соединению Транскорейской и Транссибирской магистралей; также обсуждались вопросы совместной разработки месторождений и строительства нового промышленного комплекса в Находке [1]. Что касается подписания конкретных соглашений по результатам переговоров, то все они так или иначе были связаны с интересами южнокорейских концернов в данном регионе: Соглашение о намерениях по совместной разработке нефтяных месторождений на Камчатке и Сахалине, подписанное совместно Роснефтью и нефтяной компанией из Южной Кореи «Хангук Согью Конса», договоры, касающиеся строительства нефтеперерабатывающего комплекса с оценочной стоимостью свыше 1,5 млн долл. США, подписанные компаниями «Эл Джи Трейдинг» и государственной нефтяной компанией Татарстана, а также ряд других договоров о двустороннем сотрудничестве в сфере добычи и переработки нефтепродуктов [1].

С.О. Курбанов отмечает одну из тенденций внешней политики указанного периода: «На протяжении всего периода президентства Но Мухёна одним из важнейших направлений его внешнеполитической деятельности был поиск источников дополнительных энергоресурсов для стремительно развивающейся экономики Южной Кореи. В частности, это было одной из главных целей визита президента Республики Корея в Казахстан с 19 по 20 сентября 2004 г., во время которого обсуждался вопрос совместной разработки нефтяных месторождений в районе Каспийского моря» [1].

Данный пример наглядно иллюстрирует тот факт, что направленность внешней политики Южной Кореи в значительной степени определялась ФПГ чеболь, их интересами и потребностями. Развитие совместных проектов с Россией, а также поиск экономически выгодного партнерства в Восточной Европе и Азии был нацелен на удовлетворение насущных нужд южнокорейских корпораций, которые активно занимались освоением новых рынков и поиском новых источников энергоресурсов для обеспечения растущих производственных мощностей.

Основные изменения в области внешнеполитического курса времен правления Ли Мен Бака (2008–2013) касались ужесточения политики взаимоотношений с КНДР. В целом за это время укрепились отношения с США, а также началось активное сближение с Китаем. Кроме этого, южнокорейский президент уделял большое внимание налаживанию связей с Россией, в особенности в таких сферах как энергетика, космические технологии и высокие технологии. При-

оритетным направлением развития сотрудничества двух стран являлось осуществление масштабных проектов, действующих обширную инфраструктуру и направленных на удовлетворение ключевых потребностей вовлеченных в них регионов. Ярким примером такого сотрудничества служит проект объединения Транссибирской железной магистрали с южнокорейскими железными дорогами преимущественно с целью реализации перевозок грузов [1].

Китай приобрел большое экономическое и стратегическое влияние не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире, поэтому Республика Корея уделяет большое внимание грамотному выстраиванию отношений с КНР. В формировании и поддержании тесного сотрудничества с Китаем заинтересованы и крупные южнокорейские концерны с целью наращивания своего присутствия на растущем перспективном китайском рынке, постепенно продвигаясь от поставок комплектующих для дальнейшей дешевой сборки в Китае к экспорту высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью [4].

Во внешнеэкономической деятельности данный период времени не был безоблачным, поскольку на президентство Ли Мён Бака пришелся мировой кризис, который поставил под угрозу его амбициозные планы: добиться прироста ВВП на 7%, а также вывести страну на седьмую позицию в мировом экономическом рейтинге [5]. Как и прежде, государственный аппарат в кризисной ситуации опирался на ФПГ чеболь, и благодаря взаимным стараниям правительства и южнокорейских концернов уже в 2009 г. была преодолена рецессия, восстановлены потерянные годом раньше рабочие места. Южнокорейские автомобили, корабли, высококачественная сталь и электроника вернули прежние экспортные позиции и пробились на новые рынки.

После прихода к власти нового президента Пак Кын Хе в 2013 г. Республика Корея по-прежнему демонстрирует высокие показатели в сфере внешней торговли и Согласно большинству ожиданий внешняя политика при Пак Кын Хе не должна подвергнуться значительным изменениям [5]. Россия по-прежнему является важным стратегическим партнером для Республики Корея, существует ряд приоритетных областей сотрудничества двух стран в сфере экономики и торговли. Все крупные совместные проекты так или иначе относятся к сфере интересов ФПГ чеболь: создание современных предприятий в автомобилестроении, газопереработке, сфере информационных технологий, строительстве, освоении месторождений полезных ископаемых, электроэнергетике, лесопереработке, сельском и рыбном хозяйстве. Их главенствующую роль и интерес к развитию отношений с Россией отмечают российские эксперты Министерства экономического развития РФ: «Крупные южнокорейские компании готовы, при поддержке государства, на значительные долгосрочные капиталовложения в российскую экономику, включая не только сырьевые отрасли, но и перерабатывающую промышленность. Ведущие южнокорейские

концерны (SAMSUNG, LG, LOTTE, HYUNDAI и др.) уже накопили опыт деятельности в России и намерены его расширять» [6].

Процесс исторического развития Южной Кореи наглядно демонстрирует тот факт, что ФПГ чеболь со временем своего основания оказались тесно вовлечеными во внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность, поскольку ориентация экономического развития страны была направлена вовне, а главной движущей силой этого развития стали южнокорейские концерны. Чеболь стали местом приложения подавляющего большинства иностранных инвестиций, а также на протяжении всего времени существования Южной Кореи активно участвовали в создании и развитии двухсторонних экономических проектов на международном уровне. Практически все международные проекты Республики Корея напрямую связаны с интересами чеболь. Специфика осуществления модернизации изначально способствовала активному взаимодействию чеболь с иностранными государствами, а отсутствие конкурентов среди представителей мелкого и среднего бизнеса, а также значительные экономические и финансовые привилегии сделали их основными участниками внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности в стране.

Следует отметить, что в сфере внешней политики протекают процессы, идентичные тем, которые имели место в сфере социально-экономической и общественной деятельности Южной Кореи. Речь идет о постепенном и неуклонном возрастании роли чеболь во внешнеполитических и внешнеэкономических процессах в стране, несмотря на строгий правительственный контроль и зависимое положение корпораций на первоначальном этапе их развития. Тенденция, которая переместилась из сферы экономики и социальной политики в сферу внешней политики, заключается в том, что система ФПГ чеболь оказывается интенсивно вовлеченной во внешнеполитические процессы при взаимном и сложном влиянии правительенного аппарата на внешнеэкономическую деятельность южнокорейских концернов и наоборот. С одной стороны, ФПГ Южной Кореи ориентируются на выбранный правительством внешнеполитический курс, в особенности на первых этапах своего развития, но с другой стороны, с течением времени предприятия начинают оказывать все более заметное влияние на его дальнейшее развитие, трансформацию и реализацию.

Следует отдельно рассмотреть роль правительенного аппарата во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности чеболь и выделить механизмы, с помощью которых правительство вовлекало ФПГ в эту деятельность. Президент Пак Чжон Хи отклонил традиционную практику западных стран, заключающуюся в поощрении мелкого и среднего бизнеса, в связи с рядом объективных, по его мнению, причин. Президент считал, что специфические особенности Кореи, такие как меньшее трудолюбие по сравнению, например, с японцами, а также чрезвычайно высокий уровень коррупции сделают тактику отбора наиболее преданных и немногочис-

ленных друзей-бизнесменов более эффективной и действенной [8]. Существовал риск того, что компании, набираясь экономической мощи, попытаются выйти из-под контроля государства, но на тот момент президент был абсолютно уверен, что сможет управлять ситуацией и диктовать свои условия корейским концернам, которые он сам же и отбирал для этих целей.

В целом политика организации и развития финансово-промышленных групп в Корее никогда не являлась чисто экономическим направлением деятельности. Она была официально признана в качестве главной составляющей общего плана развития государства во время правления президента Пака [Там же].

Поскольку правительство рассматривало ФПГ как средство выстраивания внешнеполитического курса и важный фактор в сфере международных отношений, вся деятельность конгломератов, направленная на взаимодействие с другими странами, на начальной стадии их развития находилась под полным контролем правительства, что было нехарактерно для подобных корпораций в других странах.

Правительство оказывало решающее влияние на процесс привлечения иностранных инвестиций, и международное сотрудничество в данной сфере выстраивалось в строгом соответствии с правительственными планами развития. Так, все международные соглашения и займы в иностранных банках выдавались только после одобрения правительством. Не менее жестко государство контролировало и ситуацию с иностранным капиталом. Доказательством подчеркнуто строгого отношения к иностранным инвестициям и капиталовложениям служит тот факт, что объем прямых иностранных инвестиций в Южной Корее в период с 1967 по 1986 г. не превышал 2% от их совокупного объема. Основным решающим фактором при выборе правительством Южной Кореи надлежащего иностранного инвестора являлось его желание инвестировать в выбранные государством приоритетные отрасли развития. В связи с этим около 75% инвестиций приходилось на такие сферы, как электроника, машиностроение и химия [9].

Кроме этого, правительство Южной Кореи опиралось на систему ФПГ чеболь при осуществлении интеграционных процессов, поскольку их успешный и стремительный экономический рост, а также экспортноориентированная стратегия развития постепенно позволили им занять прочные позиции на международном рынке и по праву считаться ТНК. Однако следует заметить, что в полной мере этому названию соответствовало приблизительно 20 ФПГ, среди них «Эл Джি», «Лотте», «Самсунг», «Хендай», «Дэу», «Санкёнг», «Ссанъёнг» и др. [10]. Южнокорейские товары всегда отличали высокое качество и высокая конкурентоспособность, которые вкупе с зачастую агрессивной торговой политикой позволили ФПГ прочно и успешно закрепиться на мировых рынках, а также осуществлять активную деятельность за пределами страны. Стратегия экспансии внешних рынков стала основой для быстрого и успешного вхождения в мировое экономическое пространство. Следует отме-

тить, что активная и повсеместная организация совместных предприятий, а также открытие региональных офисов и представительств в различных странах и регионах мира, начиная с США и заканчивая странами Восточной Европы, стали немаловажной причиной рекордно быстрого освоения чеболь рынков разных стран. Это позволило ФПГ успешно обойти множество протекционистских преград практически во всех странах и рынках, где они закрепились [9].

Кроме этого, ФПГ активно используются правительством в качестве инструмента для налаживания связей с необходимыми внешнеполитическими партнерами. Как известно, Южная Корея претендует на роль регионального лидера в Юго-Восточной Азии. Правительство Южной Кореи уделяет значительное внимание налаживанию, развитию и укреплению активных дипломатических связей с различными государствами в данном регионе. Зачастую налаживание сотрудничества начинается не с обмена дипломатическими миссиями или установления политических контактов, а в первую очередь с освоения этих стран с помощью южнокорейских ФПГ. В рамках данной схемы корпорации предоставляют выгодные условия сотрудничества для определенной страны, заключают с ней торгово-экономические соглашения и начинают поставку своей продукции на ее рынок, тем самым налаживая первые контакты. В некоторых случаях рынки страны начинают попадать в зависимость от южнокорейских конгломератов. Далее по мере налаживания контактов со страной через ФПГ усиливается также социально-культурный обмен, расширяется спектр сотрудничества двух государств. Зачастую установлению прочных и эффективных взаимоотношений со странами-партнерами предшествует увеличение экспорта на рынок данной страны. В свое время именно таким образом происходило налаживание контактов Республики Корея с Сингапуром, Таиландом и многими другими государствами Юго-Восточной Азии. В какой-то мере данную политику можно сравнить с политикой неоколониализма европейских стран по отношению к некоторым африканским странам. Особенность южнокорейской схемы заключается в том, что политическое влияние достигается за счет экономических рычагов, основным из которых является экспансия ФПГ. Эта особенность также позволяет чеболь успешно отстаивать и защищать свои интересы.

Поскольку фактически предприятия стали основой корейского экономического чуда, они пользовались поддержкой правительства и населения страны в целом, что не могло не сказаться на повышении и упрочении их позиций. В процессе своего развития ФПГ чеболь приобрели большую независимость и стали активными участниками международной деятельности в Южной Корее. Именно южнокорейские концерны широко задействованы в организации и проведении многочисленных благотворительных акций и самостоятельно занимаются общественной деятельностью за рубежом.

ФПГ в Корее являются членами многих международных организаций и сами зачастую выступают ор-

ганизаторами различных форумов и собраний международного уровня, проводимых в Южной Корее. Национальный Комитет Организаций по защите прав потребителей, созданный в Корее преимущественно ФПГ чеболь, самостоятельно развернул широкомасштабную деятельность против американской компании «Эмвэй», что привело к международному вмешательству [9]. Международная комиссия Справедливой Торговли приняла ответные меры и заставила данную корейскую ассоциацию публично извиниться.

Многопрофильная и разветвленная структура чеболь позволяет им не только активно заниматься общественной деятельностью на мировом уровне, но и играть более значительную роль в сфере экономики и политики в международном масштабе. Поскольку ФПГ чеболь имеют филиалы по всему миру и обладают разветвленной сетью представительств, они напрямую взаимодействуют с принимающими странами и участвуют в выстраивании международного партнерства посредством совместных экономических, социальных и культурных мероприятий и договоренностей, тем самым внося значительный вклад в развитие и реализацию внешнеполитического курса Южной Кореи.

Кроме этого, ФПГ чеболь всегда играли активную роль в развитии инвестиционной политики на международном уровне. Во-первых, ФПГ чеболь сами являются наиболее крупным сосредоточением приложения инвестиций в Южной Корее. Именно сеть ТНК получает крупнейшие инвестиционные вложения из США, Японии и других стран. Во-вторых, сами ТНК также выступают в роли активных инвесторов капитала в другие страны, поскольку именно они регулируют и перекачивают огромные финансовые средства.

Таким образом, чеболь, являясь основой экономики Южной Кореи, оказывают весомое влияние на реализацию внешней политики и на международную деятельность РК, поскольку интересы и потребности южнокорейских ТНК всегда учитываются при формировании внешнеполитического курса страны. Тактика координации внешнеполитического курса в соответствии с интересами ТНК сложилась в Южной Корее исторически. Как упоминалось выше, приоритетными внешнеполитическими партнерами для Республики Корея всегда были страны, которые так или иначе способствовали развитию южнокорейских корпораций. И на каждом этапе исторического развития это была своя категория стран. В начале пути

развития РК это были в основном страны, которые впоследствии могли инвестировать в экономику Южной Кореи, такие как США или страны, в которых наукоемкие отрасли и высокие технологии были доминирующими отраслями экономики, например Япония. Что же касается периода с начала 80-х гг. XX в., то с этого времени Южную Корею начинают интересовать страны, способные обеспечить ФПГ более выгодные условия производства их продукции (страны с более дешевой рабочей силой), а также предоставить новые рынки сбыта, поскольку это время активного наращивания производственных мощностей чеболь и освоения ими новых рынков. К данной категории можно отнести страны Восточной Европы, Китай, некоторые менее развитые страны Юго-Восточной Азии. Также в этот список можно включить и Россию. На современном этапе большой интерес для Южной Кореи представляют страны, располагающие необходимыми энергоресурсами для обеспечения растущих потребностей чеболь. Среди таких стран следует отметить Саудовскую Аравию, ОАЭ, Россию, Казахстан и др.

Интересной особенностью внешней политики Южной Кореи является основа выбора внешнеполитических партнеров. Правительство страны всегда налаживало контакты и эффективные внешнеполитические отношения в большей степени не на основе сходного политического курса и идеологических установок либо общности исторического пути развития. Положение и специфика экономики Южной Кореи требовали от ее лидеров заботы в первую очередь об экономическом благе страны, воплощением которого всегда являлись ФПГ чеболь. Именно поэтому интересы ФПГ чеболь учитывались прежде всего.

Невозможно однозначно оценивать столь значимую роль ФПГ чеболь во внешней политике страны как явление положительное. Несмотря на значительные успехи на мировом рынке и высокие показатели экспорта, такое интенсивное влияние чеболь вызвало и ряд негативных последствий. Растущая сила чеболь приводила к усилению монополизма данных корпораций на международном уровне, а также препятствовала развитию свободной внутренней конкуренции и выходу на зарубежный рынок мелких и средних южнокорейских фирм. Кроме того, растущее влияние чеболь на мировом рынке не могло не усиливать их веру в свою исключительную значимость и безнаказанность, что только усугубляло проблемы коррупции, иерархии и клановости, присущие системе ФПГ чеболь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала ХХI в. URL: <https://lib.rus.ec/b/354628/read> (дата обращения 01.11.2014).
2. Син Хён Хвак. Южная Корея: нелегкий путь к процветанию // Проблемы Дальнего Востока. 1990. С. 19–24.
3. Азиатская библиотека. Анализ: японо-южнокорейские отношения в зеркале визита Ким Дэ Чжуна в Токио. URL: http://asiapacific.narod.ru/japan/jap_kor_relations.htm (дата обращения: 11.09.2014).
4. Воронцов А., Ревенко О. О внешней политике Кореи. URL: <http://www.rodon.org/polit-080327124827> (дата обращения 08.09.2014).
5. Наследницей генерала движет холодная твердость // В кризис.ру : экономическая интернет-газета. URL: <http://www.vkrizis.ru/news.php?news=4212&type=world&rub=soc> (дата обращения: 01.11.2014).
6. Внешнеэкономическая деятельность Республики Корея // Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития РФ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/about_kr/ved_kr/ (дата обращения: 01.11.2014).
7. Breen M. The Koreans. Who they are, what they want, where their future lies. Conglomerates. New York : Thomas Dunne Books, 2004. 145 p.
8. Cuttings B. Korea's Place in the Sun. Chapters 4 and 5: "The Passions" and "Collision". URL: <http://www.koreanwar-educator.org/> (дата обращения: 02.11.2014).

9. Экономическое развитие Южной Кореи // Сайт аналитических статей. URL: <http://www.huba.ru> (дата обращения: 01.11.2014).
10. Лан'ков А. Хаотические заметки корееведа. URL: <http://lib.ru/EMIGRATION/LANKOV/korea.txt> (дата обращения: 01.11.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2015 г.

THE ROLE OF FINANCIAL INDUSTRIAL GROUPS (CHAEBOL) IN FOREIGN ECONOMIC AND POLITICAL RELATIONSHIPS OF SOUTH KOREA IN 1980–2000

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 140–145. DOI: 10.17223/15617793/399/23

Sigida Yuliya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sigidagirl@yandex.ru

Keywords: financial industrial groups chaebol; foreign policy; integration process.

The system of financial industrial groups (chaebol) being the main driving force of economy in South Korea also plays a significant role in foreign economic and political activities of the country. First and foremost, Korean enterprises originally were an inseparable part of the foreign markets entry strategy and a basis for the development of export-led economy. Second, increasing its industrial, economic and financial possibilities chaebol started to obtain enough power to have a considerable and sometimes decisive impact on the formation of the foreign policy general line in South Korea. Key events in the sphere of foreign policy of South Korea in 1980–2000 and its most important transformations are analyzed in this article. The influence of specific traits of foreign policy transformation on the system of financial industrial groups chaebol, and how this influence determined the mechanisms of chaebol's involvement in the process of creation and maintaining of foreign economic and political relationships are also analyzed. The overwhelming majority of all trade agreements were made taking into consideration the interests of chaebol on each particular stage of their development. The transformation of Korean domestic companies into transnational and its systematic and smooth entrance into integration processes on a global scale determined its consistent and more intense engagement in the sphere of foreign policy. Special attention is paid to the connection of South Korean government and chaebol and government's impact on the integration policy and external contacts of Korean enterprises on the international level. Moreover, various mechanisms and possibilities chaebol used for establishing its active and independent participation in the sphere of foreign policy and economy are investigated in the article. In the end, with the increasing influence of chaebol, its priorities started to have a decisive impact in the process of forming the main foreign policy line of South Korea. Depending on a particular historical stage of development, the transformation of preferences related to choosing foreign partners and allies in accordance with the changing interests of chaebol is investigated in the article. Taking into consideration those preferences, most preferable groups of countries included countries with cheap labor force, countries with rapidly growing markets for products produced by Korean companies, oil and raw materials producing countries, etc. The absence of other significant and influential competitors defined the fact that only chaebol were able to become independent and active participants of foreign relationships in South Korea and managed to achieve great success in this sphere. However, their success and influence increased the negative consequences of their dominance in economy such as widespread bribes, clan systems, absence of free competition and stagnation of Korean companies.

REFERENCES

1. Kurbanov, S.O. (2009) *Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI v.* [History of Korea: from antiquity to the beginning of the 21st century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. [Online]. Available from: <https://lib.rus.ec/b/354628/read>. (Accessed: 01st November 2014).
2. Shin Hyun Hvak. (1990) *Yuzhnaya Koreya: nelekiy put' k protsvetaniyu* [South Korea: not an easy path to prosperity]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. pp. 19–24.
3. Asian Library. (n.d.) *Analiz: yapono-yuzhnokoreyskie otnosheniya v zerkale vizita Kim De Chzhuna v Tokio* [Analysis: Sino-South Korean relations in the mirror of Kim Dae Jung's visit to Tokyo]. [Online]. Available from: http://asiapacific.narod.ru/japan/jap_kor_relations.htm. (Accessed: 11th September 2014).
4. Vorontsov, A. & Revenko, O. (2008) *O vneschney politike Korei* [Foreign Policy of Korea]. [Online]. Available from: <http://www.rodon.org/polit-080327124827>. (Accessed: 08th September 2014).
5. V krizis.ru. (2012) *Naslednitsey generala dvizhet kholodnaya tverdost'* [Heiress of the General is driven by cold hardness]. [Online]. Available from: <http://www.vkrizis.ru/news.php?news=4212&type=world&rub=soc>. (Accessed: 01st November 2014).
6. Portal of foreign trade data of the RF Ministry of Economic Development. (c. 2010) *Vnesheekonomicheskaya deyatel'nost' Respubliki Koreya* [Foreign Economic Activity of the Republic of Korea]. [Online]. Available from: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/kr/about_kr/ved_kr/. (Accessed: 01st November 2014).
7. Breen, M. (2004) *The Koreans. Who they are, what they want, where their future lies. Conglomerates*. New York: Thomas Dunne Books.
8. Cumings, B. (19997) *Korea's Place in the Sun*. New York: W. W. Norton.
9. The site of analytical articles. (n.d.) *Ekonomicheskoe razvitiye Yuzhnay Korei* [The economic development of South Korea]. [Online]. Available from: <http://www.huba.ru/>. (Accessed: 01st November 2014).
10. Lan'kov, A. (2000) *Khaoticheskie zametki koreeveda* [Chaotic notes of a researcher of Korea]. [Online]. Available from: <http://lib.ru/EMIGRATION/LANKOV/korea.txt>. (Accessed: 01st November 2014).

Received: 04 September 2015

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЙСКОГО ЧАЕПИТИЯ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Приводится анализ некоторых аспектов ритуала чаепития на основе аутентичного текста, специально посвященного чаю, – «Чайного канона» Лу Юя, который был составлен во времена династии Тан в Китае, с переводом отдельных фрагментов текста. Автор предпринял попытку анализа содержания этих аспектов в контексте антропологических исследований, когда элементы ритуала рассматриваются не изолированно, а в контексте этнокультурного процесса. Также предпринимается попытка привлечь внимание исследователей к проблематике китайской чайной культуры.

Ключевые слова: «Чайный канон»; ритуал чаепития; Лу Юй; средневековый Китай.

Важность исследования ритуала для понимания механизмов развития этносоциальных процессов в изучаемом обществе была неоспоримо доказана предыдущими поколениями ученых, она не вызывает сомнений и не требует дальнейшего обоснования. М. Вильсон еще в середине XX в. в исследовании, посвященном изучению ритуала и символизма танзанийского племени ньякьюкса, справедливо заметила: «В изучении ритуала я вижу ключ к пониманию главного в строении человеческих обществ» [1. С. 240]. Ритуалу посвящали исследования многие ученые, такие как Тайлор, Леви-Стросс, Малиновский, Рэдклиф-Браун, Тэрнер, Ван-Геннеп, Веселовский, Топоров, Байбурина, Шерстова и многие другие.

Казалось бы, изучение ритуала для исследователя сегодня должно быть делом крайне простым: на данный момент мы располагаем глубоко проработанной поколениями ученых теорией ритуала, если такой термин уместно применить, богатым арсеналом методов исследования и безграничным океаном фактического материала. И все же изучение ритуала всегда ставит исследователя в затруднительное положение. В. Тэрнер, описывая свой путь изучения ритуала замбийского племени ндембу, отмечал: «Но одно дело – наблюдать, как люди совершают стилизованные движения или поют загадочные песни ритуальных представлений, и совсем другое – правильно понимать, что эти движения и слова означают для них» [2. С. 109]. Тэрнер же признавался, что за годы полевых работы они вместе с супругой накопили значительное количество материалов, не только собственно наблюдений, но и различных интерпретаций, которые предлагали как «ритуальные специалисты», так и «эксперты» «в области тайных знаний нескольких культов». И хотя эти интерпретации иногда разнились, «на деле они составляли скорее нормативную герменевтику культуры ндембу, чем вольные соединения эксцентрических взглядов различных личностей» [Там же. С. 111].

Без сомнения, в ходе полевых исследований всегда доводится сталкиваться с такими «соединениями эксцентрических взглядов». В качестве метода отфильтровать подобные интерпретации Тэрнер выбрал для себя «неоднократные и многосторонние проверки истолкования применяемых символов» [Там же]. Но

что делать с теми интерпретациями, которые не выдерживают подобных проверок? Ведь эти «соединения эксцентрических взглядов» все же остаются взглядом изнутри, даже если этот взгляд не имеет ничего общего с «каноническим» объяснением, он исходит из интерпретации данных символов носителем этой культуры. То, чего мы стремимся достичь, – это правильное понимание того, что «эти движения и слова означают для них». Но ведь различные личности с эксцентрическими взглядами – тоже «они». Конечно, здесь есть опасность, выражаясь словами К. Гирца, впасть в каббализм, когда «то, что кажется бессмысленным, полно скрытого смысла, если только у вас есть ключ» [3. С. 215]. Именно с такой трудностью мы сталкиваемся, обращаясь к изучению чайной церемонии в Китае.

На протяжении истории китайской чайной культуры технические приемы заваривания чая многократно менялись. Во-первых, это связано с совершенствованием технологии производства чая. Во-вторых, книги о чае составлялись литераторами и аристократами. Чайная культура высшего или образованного сословия (*вэнь жэнь ча*) значительно отличалась от простонародной чайной культуры (*минь цзянь ча су*). Профессор Ван Лин, например, определяет время появления чайной культуры (*ча вэнь хуа*) самой по себе временем, когда «представители господствующего класса и ученые превратили чаепитие в высшее наслаждение и в духовную силу, в результате чего превзошли ценность использования чая самого по себе» [4. С. 20]. Данное утверждение, безусловно, представляется весьма спорным, но это вопрос методологии изучения культуры. Нам важен сам факт того, что такое мнение существует. Простонародная же чайная культура всегда была, если можно так выразиться, проще, что не умаляет ее насыщенности и глубины. Даже не говоря о разных способах заваривания в среде аристократии и простого народа, этих двух разновидностей чайной культуры, синхронно практиковались разные способы заваривания чая. Лу Юй в «Ча цзин» (Чайный канон) указывал на наличие таких видов чая: «Чай, который пьют, бывает грубый, рассыпной, [в виде] пудры, [прессованный в виде] блина» [5. С. 25]. Приемы приготовления разных чаев, соответственно, также были различными.

Другой фактор, также усложняющий интерпретацию чайной церемонии, заключается в том, что на протяжении истории чайной культуры в литературе о чае авторы фиксировали лишь технические приемы его приготовления и оставляли внутреннее содержание и смысл самих действий несказанными. Однако «культура, – как писал профессор К. Гирц, – это носитель смыслов, посредством которых люди интерпретируют свой жизненный опыт и направляют свои действия...» [3. С. 171]. То есть то, что подлежит интерпретации, – это культурный подтекст, который «направляет действия» чайной церемонии. «Намерение, в таком случае, состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на одном варианте, как потенциальной точке входа в другие подобные “тексты”» [6. С. 289].

Говоря о технических приемах приготовления чая, на протяжении истории чайной культуры Китая, как уже было сказано, сформировалось бесконечное количество различных вариантов, существовавших синхронно и диахронно. И в то же время с точки зрения техники приготовления чая эти приемы можно разделить на два больших вида: варка и заваривание чая (здесь речь идет именно об употреблении чая в качестве напитка, поэтому мы не говорим о различных приемах приготовления чая, который употребляется в пищу). Варка чая является наиболее древним методом. Согласно мнению некоторых авторов, варка чая сформировалась на основе употребления чая в пищу и в качестве лекарственного отвара [7. С. 74]. Варить можно как свежие чайные листья, так и обработанные. Если чай прессованный, то его сначала измельчали в порошок, а затем варили. В древней энциклопедии, которая была составлена Чжан И во времена Троецарства (между 227 и 232 гг. н.э.) «Гуан я», приводится технология приготовления чая таким способом: «В [пределах округов] Цзин и Ба собирают листья и делают блины. Старые листья прессуют в блины при помощи рисовой пасты. [Когда] хотят варить, [чтобы] пить чай, сначала поджаривают [чай] над огнем, пока [он] не станет темно-красного цвета, [затем] перемалывают в порошок и кладут в фарфоровый сосуд, заливают кипятком, добавляют лук, имбирь и мандарин» [5. С. 28]. Хотя Чжан И не говорит, что после того, как чайный порошок залили водой, его кипятят, он употребляет термин чжсу (варить), который это подразумевает. Таким образом технология, им описанная, следующая: блин поджаривают на огне, пока его цвет не станет темно-красным, затем чай перетирают в порошок (*мо ча*), заливают горячей водой и варят вместе с различными добавками. Такой способ приготовления чая получил распространение не только на территории Китая, но и позже у тибетцев, монголов, уйгуров и других народов в Китае и за его пределами. В настоящее время этот способ с некоторыми изменениями остается популярным среди многих национальных меньшинств Китая. Среди очевидных преимуществ такого способа приготовления чая можно назвать его простоту и удобство: до времен династии Тан в Китае не было специализированной чайной посуды, использовалась либо повседневная посуда, либо посуда для употреб-

ления вина, как это описано, например, в «Оде чаю» Ду Юя (подробнее см.: [8. С. 165–168]). Чай, приготовленный таким образом, может стать едой, как, в частности, тибетская цзамба (каша на основе ячменной муки, смешанной с чаем и топленым ячным маслом), может употребляться с различными добавками, о которых речь шла выше, либо в чистом виде.

В дальнейшем мы будем рассматривать отдельные элементы чайного ритуала на основе материала, изложенного в первом исследовании, специально посвященном чаю, который стал каноническим и до сих пор пользуется большим авторитетом среди любителей и исследователей чайной культуры Китая. «Ча Цзин» (Чайный канон), согласно различным мнениям, был составлен в 758, 760, 764 либо 765 гг. эксцентричным поэтом Лу Юем (другое имя Хун Цзянь) и доработан в 775 и 780 гг. «Чайный канон» оказал немалое влияние на распространение чаепития в Китае и развитие чайной культуры в целом. Политик и интеллектуал Фэн Янь, живший во второй половине VIII – начале IX в., в разделе «Инь ча» (Питие чая) в шестом свитке своей книги «Фэн-ши вэнь цзянь цзи» (Записки господина Фэна о слышанном и виденном) так отзыается о произведении Лу Юя: «Из-за того, что Чанбо Сюн доработал книгу Хун Цзяня (имеется в виду “Чайный канон” Лу Юя), ча дао (путь чая) сильно распространился. Среди знати и сановников нет тех, кто не пил бы чай» [9. С. 51]. Сам же Лу Юй почитается как Чайный мудрец (*ча шэн*), Чайный святой-сянь (*ча сянь*) и даже как Бог чая (*ча шэнь*).

«Чайный канон» состоит из трех цюаней-свитков и десяти глав. Первая глава «Происхождение» описывает происхождение чая, внешний вид, различные названия, свойства, качество разных видов чайных листьев и т.д. Вторая глава «Инструменты» описывает различные инструменты для сбора и обработки чая. Третья глава «Производство» рассказывает о видах листьев и различных приемах сбора и производства чая. В четвертой главе «Посуда» описывается посуда для варки и пития чая, говорится о том, какая посуда лучше подходит, о том, как использовать различные предметы и об их влиянии на качество чайного настоя. В пятой главе «Варка» Лу Юй описывает процесс варки чая и дает рекомендации по выбору воды. Шестая глава «Употребление [чая]» рассказывает о различных тонкостях употребления чая. В седьмой главе «Факты, [связанные с чаем]» приводятся цитаты, связанные с чаем, из более ранних произведений, а также говорится о знаменитых любителях чая прошлого. Глава восьмая «[Места, из которых чай] исходит» описывает, где в Китае производится чай и какого качества. В девятой главе «[То, что можно] упустить» говорится, при каких обстоятельствах, от каких инструментов для производства и посуды для приготовления чая можно отказаться. В последней десятой главе «Иллюстрация [текста канона]» даются рекомендации, как и на чем написать текст канона и в каком месте вывесить на обозрение гостей. В настоящей статье анализ текста приводится по списку, приведенному в первом томе издания «Чжун хуа ча шу сюань цзи. Чжу ши бэнь» (Сборник избранных китайских произведений о чае с подстрочными комментариями).

С распространением чаепития и развитием чайной промышленности менялась технология производства, а вместе с ней и технология приготовления чая. В третьей главе «Чайного канона» Лу Юй так описывает технологию производства чая: «[Если] в тот день идет дождь – [чай] не собирают, [если] дождь не идет, [но] облачно – не собирают. [Если день] ясный – собирают [листья], пропаривают, перетирают, прессуют, просушивают, нанизывают [на нитку и] развешивают [чтобы] чай [окончательно] высох» [5. С. 8]. То есть собранные в безоблачную погоду чайные листья сначала обдают паром, затем размягченные над паром листья перетирают в порошок; далее чайный порошок прессуется в формы, сушится над огнем, нанизывается на нить и развешивается для окончательной просушки. И хотя Лу Юй с досадой отмечает, что в народе распространен способ варки чая с добавлением различных «ароматизаторов», он такой способ, очевидно, не поддерживал, так как называл такой чай «сточными водами из канавы» [Там же. С. 25]. Наряду с другими, описанными и самим Лу Юем способами приготовления чая, как, например, заваривание чайного порошка в кувшине, который он называет *ань ча*, он все же описывает способ варки (*чжу*) чая в главе 5, которая так и называется «Варка». Но тот способ варки уже представляет значительно более усовершенствованным.

В главе «Посуда» насчитывается 24 принадлежности, необходимые для приготовления чая, более того, девятую главу, которая описывает, как уже говорилось выше, в каких случаях можно обойтись без каких принадлежностей, автор заканчивает словами: «Но находясь в городе, в доме знатной семьи, если вам не достает одного из этих двадцати четырех [предметов] посуды – тогда от чая [лучше вообще] отказаться» [5. С. 43]. Как видно, ко временам Лу Юя уже не только существовали специальная чайная посуда и принадлежности, но ее отсутствие представлялось причиной отказаться от чаепития вообще, что указывает на высокую степень ритуализации процесса приготовления и употребления чая. В главе 12 комментария к «И-цзин» (Книга перемен) говорится: «То, что не имеет (досл. – выше) формы – называется *Дао*, то, что имеет (досл. – ниже) форму – называется сосудом» [10. С. 249]. Смысл этой фразы, которая традицией приписывается Конфуцию, безусловно, крайне широк, однако, помимо прочего, в ней подчеркивается та особая роль, которую выполняют предметы во время ритуала. Б. Малиновский отмечал: «...ручное применение оружия, орудия, магической безделушки или религиозного образа незаметно переходит в то, что можно было бы назвать умственным или духовным применением; то есть что материальные объекты глубоко укоренены в верованиях, традиционных установках и типах социальной организации племени» [11. С. 464].

Еще одной важной деталью, которая свидетельствует о том, что Лу Юй говорит не о некой единой для всего современного ему Китая чайной церемонии, а лишь об одном из ее вариантов, доступном для части его населения – аристократии, является упоминание о том, что именно находясь «в доме знатной се-

ми» не позволительно чаепитие в отсутствие хотя бы одной из перечисленных им принадлежностей.

Как уже было сказано о древней литературе о чае, что справедливо и для «Чайного канона», автор не дает подробных указаний, как должна проходить чайная церемония, скорее это конспект, некоторые наблюдения, которые важно учитывать тому, кто уже имеет определенные навыки исполнения чайной церемонии. Лу Юй выделяет девять важных частей чайной церемонии, которые он называет «девять трудностей»: «Всего в чае есть девять трудностей: первая – произвести; вторая – [уметь] отличить [хороший от плохого и т.д.]; третья – посуда; четвертая – огонь; пятая – вода; шестая – прожарить [чай над огнем]; седьмая – [растолочь чай в] порошок; восьмая – сварить [чай]; девятая – выпить [его]» [5. С. 25]. Характерно, что первые пять трудностей предвосхищают чайную церемонию, создают условия для возможности реализации самой чайной церемонии, однако являются неотъемлемыми ее частями.

Варка чая, согласно главе «Варка», начинается с прожаривания чая над горящими в жаровне углями. Затем чай необходимо перетереть в порошок. Лу Юй дает весьма подробные рекомендации о выборе углей для прожарки чая и приготовления воды. Далее он дает подробные инструкции по выбору воды для приготовления чая. Подчеркнутое внимание к выбору воды для приготовления чая – характерная черта древней литературы о чае. Собственно технология варки чая заключалась в том, чтобы дождаться нужного момента кипения воды и высыпать чайный порошок внутрь, затем дождаться кипения и снять с огня. Лу Юй говорит, что для одного чаепития следует использовать один шэн воды (во времена династии Тан он примерно равнялся 600 мл [12. С. 32]) и разделить его на три, максимум пять чаш: «Сваренный чай [следует выпить] первую, вторую и третью чаши, [максимум] четыре, пять чаш, [если только] не испытываешь сильной жажды, больше пить не следует» [5. С. 23]. Это замечание представляется весьма интересным и не может не напомнить об ограничении на употребление алкоголя, записанное в «Ли цзи»: «[Когда] благородный муж пьет вино, первый кубок выпивает с серьезным выражением [лица], второй кубок выпивает с мягким дружелюбным и почтительным выражением. [Согласно правилам] благопристойности, на третьем кубке [полагается] остановиться, [поэтому, выпив третий кубок, сановник] с радостным почтением уходит» [13. С. 442]. Далее Лу Юй пишет: «Самый крепкий ароматный чай – первые три чаши, самое большое [количество] не [должно] превышать пять чаш. Если количество гостей достигает пяти, [следует] использовать три чаши, [если] достигает семи, [следует] использовать пять чаш. Если гостей больше шести – не следует каждому [выделять] по чаше. Одному гостю чаши не хватит, [но] долгий вкус [чая] восполнит этот недостаток» [5. С. 26]. В первой главе «Чайного канона» мы встречаем замечание, которое помогает в осмыслении этого ограничения на количество употребляемого чая: «Если пить чай, природа его вкуса холодная, пить чай больше подходит людям

скромной натуры и высоких моральных качеств» [5. С. 4]. Представление это ко временам Лу Юя было уже устоявшимся, что делало употребление чая не просто наслаждением и эстетическим переживанием любования цветом настоя и обильной пены, но и своего рода социальным заявлением.

Ниже, в шестой главе «Употребление [чая]», говорится: «[Чтобы] утолить жажду – [следует] пить компот, [чтобы] прогнать тоску – [следует] пить вино, [чтобы] взбодриться и прогнать сон [следует] пить чай» [Там же. С. 24], что также указывает на то, что Лу Юй видел в чае не заурядный напиток, а нечто большее, определенное средство, наделенное функцией. Также пояснения «девять трудностей» чая, Лу Юй говорит: «Пить [чай] летом и не пить зимой – [это] не [означает] пить» [Там же. С. 26]. Это высказывание представляется весьма интересным: в южных районах Китая лето достаточно жаркое, и чай часто помогает жителям этих краев перенести дневной зной и утолить жажду. Как Лу Юй отмечал в приведенной выше цитате, «природа его вкуса холодная», благодаря чему, согласно представлениям традиционной китайской медицины, чай помогает утолить жажду и перенести жару. Однако зимой, когда зной сменяется холдом, нужны продукты с «теплым» или «горячим» вкусами. И все же Лу Юй говорит, что пить чай летом и не пить зимой – значит пить не правильно, требуя, таким образом, своего рода преданности любимому напитку. Как видно, в данном контексте чай также выступает не как вспомогательное средство адаптации к окружающей среде, но как некая практика более высокого порядка, которая налагает на адепта определенные обязательства. Это невысказанное, но имплицитно присутствующее заявление особенности чая среди других напитков Лу Юй подкрепляет перечислением в седьмой главе известных личностей, которые употребляли чай, начиная с Шэньнуна (Боже-

ственный земледелец, другое имя – Янь-ди), мифического императора-первопредка, и до современной ему династии. Авторитет этих личностей и тем более обожествленного правителя древних китайцев сам по себе констатировал незаурядность чая, а употребление его выступало способом приобщиться к ним, как говорил М. Элиадэ: «магические и фармацевтические свойства трав также обусловлены наличием небесного прототипа растения или же тем, что впервые травы эти были сорваны богом» [14. С. 51].

Объективные ограничения, которые ставит перед нами допустимый объем настоящей статьи, не позволяет нам провести более глубокий анализ средневекового китайского ритуала чаепития. Однако приведенных выше данных, кажется, вполне достаточно для того, чтобы показать, что чайная культура «выросла» из культуры Китая, что на протяжении истории культуры употребления чая выражала эстетические представления, чаяния и убеждения любителей этого напитка. И здесь, соответственно, мы подходим к весьма органическому выводу: анализ содержания ритуала чаепития и идей, связанных с ним, на протяжении истории является важным подспорьем в изучении культурного и этического процессов в Китае. Было бы легкомысленным утверждать, что именно чайная культура является важнейшим источником в подобных исследованиях, однако тот факт, что этот аспект жизни китайского общества до сих пор игнорируется исследователями, также является большим упущением. Дискурсивный взгляд на настоящую проблематику позволит не только отойти от сентиментально-эксцентрических суждений о содержании чайной культуры Китая, но и позволит нам увидеть, как идеи и представления обретают воплощение в привычном и повседневном акте. Не случайно так часто сегодня можно услышать в Китае фразу «Заваривать чай – это целая наука!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Wilson M. Nyakuksa ritual and symbolism // American Anthropologist Col. 56. 1954. Iss. 2.
2. Тэрнер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983.
3. Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004.
4. Van Lin. Лян цзинь чжи тан дай да инь ча чжи фэн куй Чжун го ча вэнь хуа да мин я куй син чэн (Традиции употребления чая со времени династии Цзинь до династии Тан, и появление и становление китайской чайной культуры) // Ча да ли ши куй вэнь хуа: 90 Хан чжу го цзи ча вэньхуа янь тао хуй лунь вэнь сюань / под ред. Ван Цзяян. Ханчжоу : Чжэцзян шэн чубаньшэ, 1991.
5. Чжун хуа ча шу сюань цзи. Чжу ши бэнь (Сборник избранных китайских произведений о чае с подстрочными комментариями) / под ред. Е Юй и Чин Чуаня. Пекин : Чжунгун цингуне чубаньшэ, 2005. Т. 1.
6. Kondo D. The way of tea: a symbolic analysis // Man. New Series. 1985. Vol. 20, № 2.
7. Дин Ишу. Чжун го инь ча фа лю бянь као (Исследование изменения способа употребления чая в Китае) // Нун е као гу (Журнал Археология сельского хозяйства). Наньчан : Изд-во журн. «Нун е као гу», 2003. № 2.
8. Швецов М.Н. «Ода чаю» Да Фу как источник по истории чайной культуры в раннесредневековом Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26).
9. Фэн Янь. Фэн-ши вэнь цзянь цзи цзю чжу (Записки господина Фэна о слышанном и виденном с комментариями) // Тан сун ши ляо би цзи цун кань (Собрание письменных исторических источников времен династий Тан и Сун). Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 2005.
10. Чжоу и чжу (Чжоу и с переводом и комментариями) / пер. и комм. Чжоу Чжэнью. Пекин : Чжунхуа шу цзюй, 2004.
11. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М. : РОССПЭН, 2004.
12. Цю Гуанмин. Чжунго гудай дулянхэн (Древнекитайские системы мер и весов). Пекин : Шану иньшугуань, 1996.
13. Люй Юнкай, Люй Южэнь. Ли цзи цюань и. Сяо цзин цюань и (Ли цзи с переводом на современный язык. Сяо цзин с переводом на современный язык). Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 2009. Т. 1.
14. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб. : Алтейя, 1998.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 мая 2015 г.

SOME ASPECTS OF THE TEA RITUAL IN MEDIEVAL CHINA IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL STUDIES

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 146–150. DOI: 10.17223/15617793/399/24

Shvedov Maxim N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shvedovmax@gmail.com

Keywords: Tea Classics; tea ritual; Lu Yu; medieval China.

The importance of studying rituals has been proven by past generations of scientists; therefore, it requires no further reasoning. We are lucky to rely upon the rich and well established research methodology and a huge collection of field research data. Nevertheless, rituals are still a source of numerous problems for those who intend to interpret the ritual and its symbolism. One of these problems is verification of the interpretation results. This problem becomes especially essential in case of the Chinese tea ritual. There are so many canonical and individual ways of explaining the meaning and purpose of the whole ritual and its different parts in particular that it may seem that there is actually no meaning at all. However, putting the tea ritual into the temporal and ideological context helps to observe the ritual from the outside as a holistic act. In this article, the author talks about the tea ritual as it appears in the Tea Classics of Lu Yu, a poet of the Tang dynasty, who composed his text in the second part of the eighth century. The book consists of ten chapters describing the origins of tea and tea drinking customs; tools that are used to produce and prepare tea; methods of picking leaves, their processing, brewing and drinking. The Tea Classics had a major influence upon the development of Chinese tea culture and remains of high value amongst tea lovers and researchers. Methods and techniques of tea preparation were changing along with the development of tea and related industries. Another important feature of Chinese tea culture is that during its history no unified tea ritual was developed. The tea ritual took different shapes and was filled with different meaning depending on the social strata and philosophical views of those who performed it. Though Lu Yu mentions different methods of tea preparation popular amongst regular people, he emphasizes his disapproval of these methods. At the same time, he mentions that the method he describes is appropriate among aristocrats. As well as other ancient books on tea, the Tea Classics does not provide any interpretation of the meaning of different aspects of the tea ritual, neither does he use the word ritual itself. Instead, Lu Yu gives some recommendations for those who already know how to make tea and perform the tea ritual. The attempt of analyzing some particular elements of the Tang dynasty tea ritual that was made in this article is to show researchers the depth of symbolism of the tea ritual to draw attention to this topic. One can see that methods of preparation and serving tea to guests are strongly ideologically engaged and culturally and temporally determined.

REFERENCES

1. Wilson, M. (1954) Nyakyuksa ritual and symbolism. *American Anthropologist*. 2. Col. 56.
2. Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Translated from English. Moscow: Nauka.
3. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
4. Wang Lin. (1991) Traditsii upotrebleniya chaya so vremenii dinastii Tszin' do dinastii Tan, i poyavlenie i stanovlenie kitayskoy chaynoy kul'tury [The tradition of tea consumption since the Jin Dynasty to the Tang Dynasty, and the emergence and formation of Chinese tea culture]. In: Van Tsyayyan. (ed.) *Cha de li shi yuy ven' khua: 90 Khan chzhu go tszi cha ven' khua yan' tao khuy lun' ven' syuan*. Hangzhou: Zhejiang shein chubanshe. (In Chinese).
5. Yu, E & Qin, Chuan. (eds) (2005) Sbornik izbrannyykh kitayskikh proizvedenii o chae s podstrochnymi kommentariyami) [Collection of selected works of Chinese tea with footnote commentary]. V. 1. Beijing: Zhongguo tsingtune chubanshe. (In Chinese).
6. Kondo, D. (1985) The way of tea: a symbolic analysis. *Man. New Series*. 20:2.
7. Din Ishou. (2003) Issledovanie izmeneniya sposoba upotrebleniya chaya v Kitae [The study of the change in the use of tea in China]. *Nun e kao gu* [Journal of Archaeology agriculture]. 2. (In Chinese).
8. Shvedov, M.N. (2013) “Ode to Tea” of Du Yu as a historical source on tea culture in early medieval China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija – Tomsk State University Journal of History*. 6 (26). pp. 165–168. (In Russian).
9. Feng Yan. (2005) Zapiski gospodina Fena o slyshannom i vidennom s kommentariyami [Notes of Mr. Feng about what he has seen and heard with comments]. In: *Sobranie pis'mennykh istoricheskikh istochnikov vremen dinasty Tan i Sun* [Collection of written historical sources since the Tang and Song dynasties]. Beijing: Zhonghua shutshuy. (In Chinese).
10. Liu Yuzhen. (2004) “*Chzhouskiye ritualy*” s perevodom na sovremennyy kitayskiy yazyk i kommentariyem [“Chou Rituals” translated into modern Chinese language and commentary]. Zhengzhou. (In Chinese).
11. Malinovskiy, B. (2004) *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* [Selected Works: Dynamics of Culture]. Moscow: ROSSPEN.
12. Qiu Guangming. (1996) *Drevnekitayskie sistemy mer i vesov* [Ancient Chinese system of weights and measures]. Beijing: Shang inshuguan. (In Chinese).
13. Lu Yongkang et al. (2009) *Li tszi s perevodom na sovremennyy yazyk. Syao tszin s perevodom na sovremennyy yazyk* [Li Chi, translated into modern language. Xiao Jing, translated into modern language]. V. 1. Guiyang: Guizhou chzhenmin chubanshe. (In Chinese).
14. Eliade, M. (1998) *Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost'* [The Myth of the Eternal Return. Archetypes and repeatability]. Translated from English. St. Petersburg: Alteyya.

Received: 26 May 2015

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В АВСТРАЛИИ (1991–2015 гг.)

Рассматривается значение интернационализации высшего образования, основные этапы развития правовой защиты иностранных студентов в Австралии в период с 1991 по 2015 г., место и значение отрасли международного образования в экономике Австралии.

Ключевые слова: система международного образования; Закон ESOS; CRICOS; Национальный кодекс; образовательные услуги для иностранных студентов; экспорт образовательных услуг.

Современное общество, общество знаний, чьим основным критерием и ценностью являются интеллектуальные ресурсы, основано на образовательном и научно-техническом развитии страны, общества, цивилизации в конечном итоге.

Процесс глобализации происходит неравномерно. Многие страны ушли далеко вперед, другие развиваются медленнее. Но процесс интеграции и международного взаимодействия в странах приводит к динамичному развитию отстающих стран и пополнению интеллектуальных ресурсов развитых.

Процесс мирового научного развития и взаимодействия основан, прежде всего, на развитии образования и науки. Взаимовыгодный обмен результатами интеллектуальной деятельности приводит к экономическому росту, развитию науки и техники, укреплению международных позиций стран участников этого процесса. Связи становятся прочнее, экономика устойчивее, а развитие постоянным. В такой ситуации находятся наиболее развитые страны Европы и Америки и с каждым годом набирающие свою силу страны Азии.

В основе обмена знаниями и передовыми технологиями стоят мировые интеграционные процессы в области образования. Сегодня ведущие страны с мировым опытом образовательной деятельности, такие как США, Англия, Франция, Финляндия, Германия, Китай и т.д. имеют немалый экономический доход от образовательной деятельности. Условия жесткой конкуренции в этой сфере приводят к развитию и все большему увеличению качества предоставляемых образовательных услуг и комфорtnого пребывания иностранного студента в стране.

Австралия занимает четвертое место в мире по привлекательности для иностранных студентов, уступая США, Великобритании и Франции [1].

Система международного образования Австралии имеет жесткие законодательные рамки. Все австралийские университеты имеют аккредитованные программы обучения, рассчитанные на иностранных студентов. Законы Австралии гарантируют качество образования и защиту студентов, прибывших из-за границы.

Экономические и geopolитические интересы Австралии связаны со странами Азиатско-тихоокеанского региона. На примере смещения направления экспорта и импорта это наиболее очевидно. Так, в 60-е гг. XX в. экспорт товаров и услуг был направлен в основном в Великобританию (23,5%), Японию

(22,4%), США (12,9%) и Европу (12,4%). Доля товаров и услуг, экспортруемых в Китай в те годы, составляла всего 7,7%. Спустя пятьдесят лет объемы экспорта в Китай составляют 36,7% (первое место в экспорте страны), со странами Азии – 28,3%, Японией – 18%. В то время как экспорт в Великобританию сегодня составляет 1,4%, Европу 4,1%, США 3,9% [2].

Так же, как и в экономике, в области получения образовательных услуг в 2014 г. основными потребителями стали студенты из Китая (26,7%), Индии (10,2%) и Вьетнама (4,8%) [3].

Являясь одной из ведущих стран мира с высоко развитой отраслью международного образования, Австралия сегодня имеет уровень дохода от экспорта образовательных услуг \$ 15,020 млрд, который занял третью строчку среди ведущих экспортных областей в 2013 г. [4]

Развитие международного образования в Австралии началось с реализации «Плана Коломбо» 1950 г., в соответствии с которым за счет государства субсидировалось обучение иностранных студентов. В период с 1960–1970-х гг. число иностранных студентов выросло примерно с 2 тыс. человек до 40 тыс. в 1990 г., и почти до 70 тыс. в 1994 г. [5] В основном это были представители Малайзии, Сингапура и Гонконга.

Рост численности студентов, приехавших в Австралию из-за границы привел к сокращению численности собственно австралийский студентов. В связи с этим в течение 1980–1990 гг. государство сокращает финансирование иностранных студентов, в результате чего в бюджете вузов образовался дефицит денежных средств и учебные заведения вынуждены были покрывать издержки за счет увеличения оплаты обучения иностранными студентами. Эти меры привели к тому, что Австралия становится единственной страной ОЭСР, которая в течение 1995–2001 гг. сократила государственные расходы на образование, но рост численности иностранных студентов при этом увеличился на треть [6].

В связи с увеличением объема промышленного производства в Азии с началом XXI в., в Австралии начинает резко возрастать спрос на профессионально-техническое образование и увеличивается число иностранных студентов в этой сфере. Количество обучающихся в области профессионально-технического образования в Австралии иностранных студентов с 2005 по 2009 г. возросло с 13,9 тыс. человек в 2005 г.

до 30,2 тыс. в 2009 г., средний темп роста численности составил 21% [7].

Увеличение численности иностранных студентов, резкое повышение спроса на профессионально-техническое образование к 2008 г. и тяжелая экономическая обстановка в мире привели к кризисной ситуации в области международного образования в Австралии, обнаружив слабое место в системе предоставления образовательных услуг иностранным гражданам – отсутствие достаточного контроля государства над частными учебными заведениями.

В течение 2008 г. было закрыто 14 колледжей в секторе профессионально-технического образования, более 7 тыс. иностранных студентов в связи с этим потеряли свои места в учебных заведениях [8].

Основную долю этих студентов составили уроженцы Китая и Индии. Китайские студенты в 2009 г. составляли порядка 24% всех иностранных студентов Австралии [9]. Мировой экономический кризис 2008 г. снизил спрос на образование в Австралии со стороны иностранцев, многие из которых были уже не в состоянии оплачивать свое обучение.

Кризис привел к обострению социальных проблем иностранных студентов, таких как транспорт, жилье, здравоохранение и пр. Например, иностранные студенты были в большинстве своем лишены доступного жилья и часто им приходилось жить в антисанитарных условиях или в перенаселенных квартирах. Медицинское обслуживание для иностранных студентов во многом уступало медицинским услугам, оказываемым австралийским студентам [10].

Все эти вопросы были вынесены на заседание круглого стола, созванного первым заместителем премьер-министра Джалией Гиллард в сентябре 2009 г. Эта дискуссия привела к ряду изменений в правительственной программе реформ [5].

В феврале 2010 г. правительством Австралии был рассмотрен вопрос о необходимости усовершенствования нормативно-правовой базы Закона ESOS 2000. Закон об образовательных услугах для иностранных студентов 2000 г. (Education Services for Overseas Students (ESOS) Act 2000) [11] – это расширенный закон ESOS от 1991 г., который является основой правовой защиты в области предоставления образовательных услуг иностранным студентам. В законе установлены стандарты обучения, рамки финансовой защиты иностранных студентов, пути и способы сопровождения иностранных студентов во время их обучения в Австралии. Закон направлен на сохранение репутации Австралии как поставщика качественных образовательных услуг [5].

Работая над решением сложившейся к 2010 г. кризисной ситуации, правительство Австралии планировало действия в нескольких направлениях. Во-первых, это поддержка иностранных студентов, которая должна обеспечиваться за счет качественно предоставляемой информации, деятельности агентств управления образованием, надежных механизмов защиты прав потребителей и создания поддержки студентов во время учебы и проживания в стране. Во-вторых, создалась необходимость учреждения госу-

дарственных органов, куда иностранные студенты могут обращаться с жалобами. В-третьих, постоянное качественное исследования образования должно регулировать сектор международного образования Австралии.

Парламент Австралии принимает поправки к Закону ESOS в марте 2010 года, согласно которым до 31 декабря 2010 года все образовательные учреждения, предоставляющие образовательные услуги иностранным студентам прошли переаттестацию по достаточно жестким критериям. Основная цель процесса перерегистрации – поднять качество образования, предоставляемое иностранным студентам и обеспечить защиту потребителей образовательных услуг от возможных нарушений со стороны учебных учреждений, предоставляющих образовательные услуги иностранным студентам [5].

В соответствии с Законом ESOS все образовательные учреждения должны быть зарегистрированы в Государственном реестре учебных заведений и курсов для иностранных студентов (Commonwealth Register of Institutions and Courses for Overseas Students, CRICOS) до 31 декабря 2010 г. Учебные заведения должны были доказать, что их основная цель – качественное образование и осуществление образовательной деятельности по заданным стандартам [12].

7 декабря 2010 г. был опубликован в порядке дискуссии документ «Реформирование ESOS: Консультации по созданию более сильного, простого, развивающегося международного образования в Австралии». Целью инициаторов дискуссии было выявление путей оценки рисков и поиск подхода к управлению регистрацией и постоянного осуществления мониторинга деятельности образовательных учреждений, предоставляющих образовательные услуги иностранным студентам и укрепление системы защиты обучения.

В сложившейся обстановке возникла необходимость выработки рекомендаций, способствующих упрощению и большей эффективности Закона ESOS и Национального кодекса для регистрирующих органов и поставщиков услуг в области образования и профессиональной подготовки для иностранных студентов от 2007 г. (National Code of Practice for Registration Authorities and Providers of Education and Training to Overseas Students 2007 (National Code)) [13].

От государственных органов, образовательных учреждений и других заинтересованных групп были получены более 50 материалов. Они были проанализированы и использовались правительством для подготовки законодательных актов.

Согласно законодательству, введенному в начале 2011 г., австралийский парламент уполномочен вводить санкции против образовательных учреждений, которые не соответствуют требованиям, установленным стандартами. Были разработаны механизмы, предоставляющие студентам альтернативные места обучения или возвращающие оплату за обучение в случае закрытия заведения, предоставляющего образовательные услуги [5].

Руководствуясь законом ESOS и Национальным кодексом [14], регулирующие органы и учреждения

обеспечивают контроль качества работы учебных заведений высшего и профессионально-технического образования. Эти государственные организации несут ответственность за регистрацию и перерегистрацию учебных заведений, а также аккредитацию и переаккредитацию учебных программ. К ним относятся:

- В области высшего образования – Бюро контроля качества и стандартов высшего образования (Tertiary Education Quality and Standards Agency, TEQSA) [15].

- В области профессионально-технического образования – Управление по вопросам качества профессионально-технической подготовки в Австралии (Australian Skills Quality Authority, ASQA) [16].

Эти независимые органы контролируют и регулируют деятельность университетов, и прочие образовательные учреждения, качество образовательных услуг и стандарты образования.

21 марта 2011 г. Парламентом Австралии приняты поправки к закону, которые приводили к дальнейшему укреплению регистрационных требований к учреждениям, предоставляющим образовательные услуги для иностранных студентов; введению единого подхода к управлению рисками в области регулирования международного образования; ограничению периода регистрации, предоставляемой поставщиком образовательных услуг; расширению списка нарушений, которые могут повлечь финансовые санкции; расширению роли омбудсмена Австралийского содружества для того, чтобы студенты могли получить доступ к независимому эксперенному механизму рассмотрения жалоб на учебное заведение [17].

Всего за период с 1991 по 2015 гг. в Австралийском законодательстве было принято 26 поправок, изменений и дополнений к закону ESOS, наибольшее количество которых приходится на период, после 2010 г., т.е. время укрепления законодательных рамок в области предоставления образовательных услуг иностранным студентам [18].

Еще одним результатом работы круглого стола с участием правительства и представителей международного студенческого сообщества Австралии, состоявшегося в 2009 г. было принятие правительством 29 октября 2010 года «Стратегии расширения прав иностранных студентов Австралии 2010–2014» (International Students Strategy for Australia 2010–2014). В результате были внесены корректизы в область регулирования работы образовательных учреждений. Этот документ содержит в себе основные положения и реальные пути их решения, необходимые для качественного улучшения сфер общественной жизни, с которыми приходится сталкиваться иностранному студенту во время его пребывания и обучения в Ав-

стралии. Это вопросы здравоохранения и безопасности, качества образования, защиты потребительских прав, рассмотрения жалоб, предоставления качественной и точной информации, касающейся обучения и пребывания иностранного студента в стране. Ответственность за реализацию данной политики возложена на министра образования и правительство штатов и территорий Австралийского содружества [19].

В Австралии действует ряд национальных студенческих объединений, которые готовы оказать помощь иностранным студентам, обучающимся в учебных заведениях страны. Это:

- Совет иностранных студентов Австралии (CISA) – представительный орган объединения иностранных студентов, обучающихся в аспирантуре, университетах, частных колледжах, интенсивных курсах английского языка [20].

- Австралийская федерация иностранных студентов (AFIS) оказывает помощь иностранным студентам в развитии и реализации их личностного потенциала в период их пребывания и обучения в Австралии [21].

Совет иностранных студентов Австралии был создан в 2010 г. как неполитическая, некоммерческая организация, представляющая интересы иностранных студентов на территории Австралии. На заседаниях круглых столов, проводимых Советом и правительством страны иностранные студенты имеют возможность напрямую обращаться и взаимодействовать с представителями государственной и законодательной власти [5].

Омбудсмен иностранных студентов (Overseas Students Ombudsman / OSO) рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты, обучаясь в Австралии. В каждом штате и территориях страны есть омбудсмены, к которым могут обращаться иностранные студенты [22].

Количество иностранных студентов, обучающихся в Австралии, значительно возросло за последние четверть столетия с менее чем 50 тыс. человек в 1991 г. [5] до более чем 453,5 тыс. человек в 2014 году [3].

Экспорт образовательных услуг – один из важных источников экономического развития Австралии. Он важен не только сам по себе, как один из основных элементов экономики, но и как обязательная составляющая процесса интернационализации высшего образования и интеграции в мировое сообщество. Поэтому правительство Австралии стремится укреплять правовую основу и регулирование этой отрасли, максимально защищая себя и тех, кто приезжает обучаться в Австралию. Эти меры приводят в возрастающему спросу на образовательные услуги и стабильному увеличению доходов страны в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global flow of tertiary-level students. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/international-student-flow-viz.aspx> (дата обращения: 16.11.2014).
2. Composition of trade Australia 2013–14 (p. 4). URL: <http://www.dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-fy-2013-14.pdf> (дата обращения: 28.03.2015).
3. International student numbers 2014. URL: <https://international.education.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/International%20Student%20Numbers%202014.pdf> (дата обращения: 28.03.2015).
4. Composition of trade Australia 2013 (p. 41). URL: <http://www.dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2013.pdf> (дата обращения: 28.03.2015).

5. International students – returning their investment Australia's reform program for international education. URL: <https://internationaleducation.gov.au/News/Latest-News/Documents/Colin%20Walters%20Going%20Global%202011%20AEI%20format%204%20May%20update.pdf> (дата обращения: 12.04.2015).
6. International education in Australia 2011: Crisis and opportunity. URL: http://www.cshe.unimelb.edu.au/people/marginson_docs/NEAS_ELT_ManagementConf%2012May2011_DOC.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
7. Transnational education in the public and private VET sector November 2012. URL: <https://internationaleducation.gov.au/research/research-snapshots/pages/default.aspx> (дата обращения: 17.05.2015).
8. International Education Crisis and the Failure of Private Providers. URL: <http://www.aeusa.asn.au/03ie.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
9. Australia's International Education Sector: From Boom to Bust. <http://www.chinaconnections.com.au/en/magazine/back-issues/76-may--june-2011/985-australias-international-education-sector-from-boom-to-bust> (дата обращения: 01.05.2015).
10. International students left in the shadows. URL: <http://www.theage.com.au/it-pro/international-students-left-in-the-shadows-20100527-whj1.html> (дата обращения: 17.05.2015).
11. Education Services for Overseas Students Act 2000 No. 164, 2000 as amended. URL: <http://www.comlaw.gov.au/Details/C2014C00350> (дата обращения: 18.04.2015).
12. Commonwealth Register of Institutions and Courses for Overseas Students (CRICOS). URL: <http://www.cricos.deewr.gov.au> (дата обращения: 28.03.2015).
13. Reforming ESOS: Consultations to build a stronger, simpler, smarter framework for international education in Australia. URL: http://www.acpet.edu.au/uploads/files/Reports_Submissions/2011/ACPET_Submission_to_Reforming_ESOS-Consultations_to_build_a_stronger,_simpler,_smarter_framework_for_international_education.pdf (дата обращения: 18.04.2015).
14. ESOS National Code. URL: <https://aei.gov.au/Regulatory-Information/Education-Services-for-Overseas-Students-ESOS-Legislative-Framework/National-Code/Pages/default.aspx> (дата обращения: 25.10.2014).
15. The Tertiary Education Quality and Standards Agency. URL: <http://www.teqsa.gov.au> (дата обращения: 25.10.2014).
16. Australian Skills Quality Authority. URL: <http://www.asqa.gov.au> (дата обращения: 18.04.2015).
17. Education Services for Overseas Students (Registration Charges) Amendment Bill 2011. URL: http://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_Legislation/Bills_Search_Results/Result?bId=r4610 (дата обращения: 18.04.2015).
18. Education Services for Overseas Students. URL: <http://www.comlaw.gov.au/Search/Education%20Services%20for%20Overseas%20Students> (дата обращения: 17.05.2015).
19. International Students Strategy for Australia 2010–2014. URL: http://archive.coag.gov.au/reports/docs/aus_international_students_strategy.pdf (дата обращения: 15.04.2015).
20. Council of International Students Australia. URL: <http://www.cisa.edu.au> (дата обращения: 04.02.2015).
21. Australian Federation of International Students. URL: <http://www.afis.org.au> (дата обращения: 10.05.2015).
22. The Overseas Students Ombudsman. URL: <http://www.oso.gov.au/about-us> (дата обращения: 04.02.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

THE MAIN ASPECTS OF LAW PROTECTION OF FOREIGN STUDENTS IN AUSTRALIA (1991–2015)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 151–155. DOI: 10.17223/15617793/399/25

Shusharina Marina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marina.metel@gmail.com

Keywords: international education; ESOS Act; CRICOS; National Code; educational services for overseas students; export of educational services.

Modern society is knowledge society, whose main criterion and value is intellectual resources based on the educational, scientific and technological development of the country, society and civilization in the end. The basis of the exchange of knowledge and advanced technology is the global integration processes in the field of education. Australia is ranked fourth in the world attractiveness for foreign students, after the United States, UK and France. The system of international education in Australia has a strict legislative framework. All Australian universities have courses designed for foreign students. In 2009, the Australian Government accepted the International Students Strategy For Australia 2010–2014. The Strategy includes the main provisions and practical ways of solving such problems as health and safety, education quality, consumer rights protection, foreign students' complaints, providing quality and exact information concerning foreign students' education and stay. In March 2010, the Australian Parliament adopted amendments to the ESOS Act (Education Services for Overseas Students Act), according to which all educational institutions that provide educational services to international students are required to make a new certification for quite strict criteria until December 31, 2010. In early 2011, new legislation was adopted according to which the Australian Parliament is empowered to impose sanctions against educational institutions that do not meet the requirements of the new standards. During the period from 1991 to 2015 there were released 26 amendments, changes and additions to the ESOS Act. Australia has a number of national associations and the student ombudsman institution providing assistance to foreign students in all social spheres and in the field of education. The number of foreign students studying in Australia has increased from less than 50,000 foreign students in 1991 to more than 453,500 people in 2014. Australia has a level of income from the export of educational services equal to \$ 15,020 billion, which ranks third among the leading exports in 2013. Export of educational services is an important source of economic development of Australia. It is important not as such, as one of the key elements of the economy, but also as an important part of higher education internationalization.

REFERENCES

1. Global flow of tertiary-level students. [Online]. Available from: <http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/international-student-flow-viz.aspx>. (Accessed: 16th November 2014).
2. Composition of trade Australia 2013–14. P. 4. [Online]. Available from: <http://www.dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-fy-2013-14.pdf>. (Accessed: 28th March 2015).
3. International student numbers 2014. [Online]. Available from: <https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/International%20Student%20Numbers%202014.pdf>. (Accessed: 28th March 2015).
4. Composition of trade Australia 2013. P. 41. [Online]. Available from: <http://www.dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2013.pdf>. (Accessed: 28th March 2015).
5. International students – returning their investment Australia's reform program for international education. [Online]. Available from: <https://internationaleducation.gov.au/News/Latest-News/Documents/Colin%20Walters%20Going%20Global%202011%20AEI%20format%204%20May%20update.pdf>. (Accessed: 12th April 2015).

6. International education in Australia 2011: Crisis and opportunity. [Online]. Available from: http://www.cshe.unimelb.edu.au/people/marginson_docs/NEAS_elt_ManagementConf_%2012May2011_DOC.pdf. (Accessed: 01st May 2015).
7. Transnational education in the public and private VET sector November 2012. [Online]. Available from: <https://internationaleducation.gov.au/research/research-snapshots/pages/default.aspx>. (Accessed: 17th May 2015).
8. International Education Crisis and the Failure of Private Providers. [Online]. Available from: <http://www.aeusa.asn.au/03ie.pdf>. (Accessed: 01st May 2015).
9. Australia's International Education Sector: From Boom to Bust. <http://www.chinaconnections.com.au/en/magazine/back-issues/76-may--june-2011/985-australias-international-education-sector-from-boom-to-bust>. (Accessed: 01st May 2015).
10. International students left in the shadows. [Online]. Available from: <http://www.theage.com.au/it-pro/international-students-left-in-the-shadows-20100527-whj1.html>. (Accessed: 17th May 2015).
11. Education Services for Overseas Students Act 2000 No. 164, 2000 as amended. [Online]. Available from: <http://www.comlaw.gov.au/Details/C2014C00350>. (Accessed: 18th April 2015).
12. Commonwealth Register of Institutions and Courses for Overseas Students (CRICOS). [Online]. Available from: <http://www.cricos.deewr.gov.au>. (Accessed: 28th March 2015).
13. Reforming ESOS: Consultations to build a stronger, simpler, smarter framework for international education in Australia. [Online]. Available from: http://www.acpet.edu.au/uploads/files/Reports_Submissions/2011/ACPET_Submission_to_Reforming_ESOS-Consultations_to_build_a_stronger,_simpler,_smarter_framework_for_international_education.pdf. (Accessed: 18th April 2015).
14. ESOS National Code. [Online]. Available from: <https://aei.gov.au/Regulatory-Information/Education-Services-for-Overseas-Students-ESOS-Legislative-Framework/National-Code/Pages/default.aspx>. (Accessed: 25th October 2014).
15. The Tertiary Education Quality and Standards Agency. [Online]. Available from: <http://www.teqsa.gov.au>. (Accessed: 25th October 2014).
16. Australian Skills Quality Authority. [Online]. Available from: <http://www.asqa.gov.au>. (Accessed: 18th April 2015).
17. Education Services for Overseas Students (Registration Charges) Amendment Bill 2011. [Online]. Available from: http://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_Legislation/Bills_Search_Results?ResultId=r4610. (Accessed: 18th April 2015).
18. Education Services for Overseas Students. [Online]. Available from: <http://www.comlaw.gov.au/Search/Education%20Services%20for%20Overseas%20Students>. (Accessed: 17th May 2015).
19. International Students Strategy for Australia 2010–2014. [Online]. Available from: http://archive.coag.gov.au/reports/docs/aus_international_students_strategy.pdf. (Accessed: 15th April 2015).
20. Council of International Students Australia. [Online]. Available from: <http://www.cisa.edu.au>. (Accessed: 04th February 2015).
21. Australian Federation of International Students. [Online]. Available from: <http://www.afis.org.au>. (Accessed: 10th May 2015).
22. The Overseas Students Ombudsman. [Online]. Available from: <http://www.oso.gov.au/about-us>. (Accessed: 04th February 2015).

Received: 25 May 2015

ПРАВО

УДК 343.98

Т.А. Алексеева

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА: ПОДДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА

Рассматривается возможность индивидуализации тактических приемов, направленных на установление психологического контакта и выявление ложных показаний. Дано характеристика представителей отдельных психологических типов, их поведения во время производства допроса. Обозначены тактические приемы установления психологического контакта и выявления ложных показаний в зависимости от принадлежности допрашиваемого к тому или иному психологическому типу.

Ключевые слова: допрос; поведение; психологический контакт; ложные показания; психологический тип.

Установление психологического контакта, изобличение ложных показаний допрашиваемого остаются актуальным вопросом в криминалистической тактике, решение которого возможно в том числе благодаря использованию знаний наук о человеке. Профессор Н.Т. Ведерников справедливо отмечает: «В последние годы, когда совершаются все более хорошо продуманные и хитроумные преступления, следователи должны быть вооружены разнообразными эффективными тактическими приемами проведения различных следственных действий, разработка которых невозможна без учета психологии лиц, совершающих преступления» [1. С. 167].

Наряду с биографическим методом изучения личности допрашиваемого [2] в последнее время все более часто используется метод типологии. В статье используется типологический подход акцентуированных личностей, адаптированный для криминастики профессором Р.Л. Ахмедшиным [3].

Рассмотрим модели поведения допрашиваемых лиц, принадлежащих к определенным психологическим типам, на предмет установления с ними психологического контакта и пресечения лжи.

Особенностями поведения *эпилептоида* являются склонность к конфликтам, агрессивность в проявлении эмоций. Представители рассматриваемого психологического типа требуют от других совершения различных действий, что часто проявляется в виде советов. Высказывается категорично, но часто не обосновано, не считает нужным объяснять свои поступки. Для эпилептоида большое значение имеет его роль, статус в обществе, мнение, которое должно быть авторитетным для всех.

Следователю для установления психологического контакта с эпилептоидом необходимо позволить допрашиваемому расположиться более удобно, подчеркнуть значимость его положения в обществе, жизненный опыт, роль в расследуемом деле, сделать акцент на необходимости именно его показаний, дать возможность сказать все, что он хочет, даже если это не совсем относится к делу, благодаря чему уменьшится и агрессия в поведении. Обычно эпилептоиды любят рассказывать подробности события несколько раз, особенно если спрашивают их мнение.

Во время лжи допрашиваемый-эпилептоид описывает обстоятельства, которые напрямую не связаны с преступным событием, например факты, предшествующие преступлению, или диалоги других участников, которые также не имеют особого значения для дела, рассуждают о преступлении в общем, без описания конкретных деталей.

В данном случае следователю имеет смысл задавать как можно больше уточняющих вопросов, указать на противоречие показаний, попросить повторить какие-то отдельные моменты или неоднократно задавать один и тот же вопрос. Кроме того, можно высказать сомнения в профессиональных навыках эпилептоида, что вызовет у допрашиваемого злость и агрессию по отношению к допрашивающему. В таком эмоциональном состоянии увеличивается вероятность ошибки и противоречий в показаниях допрашиваемого.

Для поведения *гипертима* характерны оптимистичность, приподнятость настроения, что выражается в смехе, шутках, историях, которые он рассказывает подробно, с перечислением всех деталей, нередко перебивая своего собеседника. Он всегда полон идей, причем они могут идти одна за другой и противоречить друг другу. Этот психологический тип любит извиняться и оправдываться, объясняя даже незнакомым людям причину какого-либо поступка. Гипертиму свойственна фамильярность, он часто переходит на «ты», нарушая дозволенные границы общения. Однако это не является знаком неуважения к собеседнику, он искренне считает, что со всеми можно общаться непринужденно, говоря все, что ему хочется.

Особое значение для гипертима имеют события, наполненные действием, поэтому для установления психологического контакта следователю рекомендуется обсудить с допрашиваемым последние новости, происходящие в городе, стране. С гипертимом можно достаточно быстро перейти на «ты», что подчеркнет доброжелательное отношение следователя.

Для указанного психологического типа характерно совмещение нескольких действий, перескакивание с темы на тему, незаконченный рассказ, переход к описанию другого события. Кроме того, допрашиваемому свойственно во время беседы задавать себе вопросы и самому же на них отвечать. Гипертиму проще вспоми-

нать и рассказывать о произошедшем событии через диалог, что может быть использовано следователем в случае допроса добросовестного допрашиваемого.

Содержание ложных показаний гипертима отличается большим объемом, многочисленными деталями, не относящимися к делу. Во время допроса рассматриваемый психологический тип может отвлекать внимание от своих слов, рассказывая о людях и обстоятельствах, косвенно имеющих отношение к делу, при этом подчеркиваются его участие в принятии верного решения, законопослушное поведение, в то время как вся ответственность за содеянное ложится на кого-то другого.

Для выявления ложных показаний в данном случае будет эффективен повторный допрос или допросы недобросовестного допрашиваемого, в процессе которых проще будет установить противоречия. В случае невозможности проведения повторного допроса следует попросить допрашиваемого как можно подробнее рассказать известную ему информацию по расследуемому делу несколько раз.

Истероиду свойственно самолюбование, все его поведение направлено на привлечение внимания к своей персоне. На допросе преимущественно сообщает информацию, в которой фигурирует сам, часто забывая сообщить об обстоятельствах, где его участие минимально [3. С. 47]. Представители истероидной акцентуации в общении часто прибегают к лести по отношению к одним людям и в то же время не стесняются давать личную негативную оценку другим.

Для установления психологического контакта с данным психологическим типом следователю надо акцентировать внимание на внешнем виде истероида, сделав комплимент или оценив выбор стиля, подчеркнуть важность его личного участия в расследуемом деле.

Если у следователя возникают подозрения в достоверности показаний, то допрашиваемому истероиду необходимо дать высказаться, чтобы он убедился, что его словам доверяют, что он полностью сконцентрировал внимание на себе. Необходимо отметить, что этот психологический тип по-другому называют «тип лжеца», истероиды очень хорошо лгут, часто сами верят в свою ложь. В данном случае подходящим тактическим приемом будет «допущение легенды», а также дополнительные вопросы по показаниям допрашиваемого.

Особенностью поведения *циклоида* является некоторая высокомерность в виде отстраненности, переоценка своих возможностей. Нежелание отвечать на вопросы следователя предопределяет реакцию в виде встречных вопросов со стороны допрашиваемого, усмешку или критику в адрес не лично следователя, а системы, к которой он принадлежит. Одновременно это средство подавления собеседника и навязывания своей линии проведения допроса.

Данному психологическому типу присущи рассмотрение обсуждаемого вопроса с разных точек зрения, многогранность, проведение сравнений, взгляд со всех сторон, некая широкоехватность. Кроме того, циклоиды хорошие стратеги, поэтому их поведение так или иначе затрагивает их дальнейшие действия.

Чтобы установить психологический контакт с допрашиваемым-циклоидом, следователю стоит избегать повторения вопросов или очевидной информации, которая может показаться циклоиду наивной. Следователь должен убедить циклоида в своей компетенции, заставить уважать себя как профессионала. Еще одним способом расположения к себе допрашиваемого данной акцентуации является уважительная позиция по отношению к независимости циклоида.

Недобросовестный допрашиваемый с самого начала может заранее сослаться на всевозможные препятствия, которые помешают ему вспомнить и отразить все обстоятельства дела: плохая память, зрение, время, которое прошло с момента совершения преступного события, тем самым обеспечивая себе пути для отхода, при этом циклоид постарается заверить следователя, что будет максимально помогать следствию.

Рекомендуется допрашивать циклоида одним из первых, чтобы у него не было возможности проанализировать имеющуюся у следователя информацию и выстроить достаточно убедительную версию события преступления.

Представители *застревающей* акцентуации очень хорошо соблюдают субординацию, потому в разговоре не будут перебивать собеседника, который старше их по возрасту или по статусу. В поведении руководствуются правилами, законами, представлениями о порядке. Застревающий очень внимательно относится ко времени, считая, что нельзя тратить его на бесмысленные действия, четко соблюдает установленный регламент в том или ином деле. Рассматриваемый психологический тип очень точен в своих выскакиваниях, дотошен в мелочах, ничего не будет утверждать, если не уверен в своих словах. Представители застревающей акцентуации большое значение придают надежности, правилам, принципам, подготовке, продуманности действий, самостоятельности, четко разграничивают, что можно делать, а что нельзя.

Следователю следует обращаться к застревающему только не «Вы», особое внимание уделить времени, на которое назначен допрос, и ни в коем случае не заставлять допрашиваемого ждать. С самого начала сориентировать допрашиваемого на необходимость выяснения фактов по расследуемому делу, не уходя в рассуждения и беседы, не относящиеся к событию преступления.

При даче ложных показаний застревающий пытается сохранять рассудительность, говорить то, что, по его мнению, правильно будет сказать в данной ситуации. Позиция застревающего в этом случае – «ничего не помню; логично, что не обратил внимание». Создается ощущение того, что человек испытывает чувство вины, оправдывается или даже обижается, что ему не верят, объясняет причины своих поступков, хотя при обычных обстоятельствах не считает это необходимым, так как знает, что все сделал правильно. Застревающий не сомневается в своей правоте, поэтому частые сомнения, высказанные в свой адрес, являются признаком лжи.

С большой долей вероятности недобросовестный допрашиваемый застревающей акцентуации подготов-

вит и продумает свои показания, поэтому наиболее эффективным способом разоблачения лжи в данном случае является последовательное описание не только самого преступного события, но и действий допрашиваемого до и после преступления. Кроме того, эффективным будет тактический прием рассказа допрашиваемым информации в обратном порядке.

Параноид характеризуется принципиальностью и категоричностью как во взглядах на жизнь, так и на людей. Ему свойственны идея самопожертвования ради отстаиваемых принципов или идея самоограничения. Информацию личного характера сообщает с большим неудовольствием, говорит очень кратко и неподробно, поэтому заводить с ним разговор о его жизни, увлечениях при первой встрече для установления контакта нецелесообразно. *Параноид*, наоборот, постараётся выяснить как можно больше информации о собеседнике, и сам будет задавать вопросы с тем, чтобы понять, можно ли в дальнейшем доверять этому человеку. Он не любит сплетничать и не переносит лести в свой адрес. Рассматриваемый психологический тип предпочитает разговаривать «по делу», ему свойственна конкретика. *Параноиду* важно выяснить причины происходящих событий, действий людей, чтобы обязательно сделать свои выводы.

Данный тип часто ассоциирует себя с группой единомышленников, оценивает людей по результатам их деятельности [3. С. 48], поэтому следователю необходимо показать свою принципиальную позицию в расследуемом деле, убедить допрашиваемого, что для него крайне важно, чтобы преступник был привлечен к ответственности.

В этом случае скрытия информации со стороны допрашиваемого допрос похож на противостояние двух людей, каждый из которых выполняет свою функцию: следователь – задает вопросы, допрашиваемый – коротко отвечает. *Параноиды* очень негативно воспринимают давление со стороны, поэтому могут замкнуться, замолчать или терпеливо отстаивать свою точку зрения, несмотря на доводы следователя. Эффективным способом преодоления лжи в данном случае будет предъявление имеющихся доказательств по расследуемому делу, убежденность самого следователя, что он добьется справедливости.

Конформный психологический тип характеризуется зависимостью от окружающих, застенчивостью, потребностью в авторитетном человеке, ему постоянно нужны поддержка и одобрение со стороны других людей. Неуверенность в себе может привести к заимствованию показаний, к сообщению информации, услышанной от других людей. Конформному бывает сложно высказывать и отстаивать свою точку зрения, он часто придерживается нейтралитета или принимает позицию большинства: «я, как все». Указанный психологический тип склонен к мечтательности, предпочитая представлять себя увереннее, лучше или более комфортные для него обстоятельства.

Следователю важно убедить допрашиваемого в своем расположении и доброжелательном отношении, поддержать при любых обстоятельствах, убедить его,

что вместе они со всем разберутся. Конформный – второй по эмоциональности психологический тип, поэтому следует выразить понимание и сочувствие к положению допрашиваемого.

Сообщение ложных показаний сопровождается у конформного проявлением чрезмерного волнения, что находит отражение в попытках оправдать себя в лице следователя. В показаниях конформного прослеживаются многочисленные противоречия, при указании на которые допрашиваемый может еще больше раз волноваться и запутаться. Характерной чертой указанного психологического типа является игнорирование в показаниях самого преступного события, описание его максимально кратко, в то время как обстоятельства до и после преступления описываются достаточно подробно, с перечислением многочисленных деталей.

В данном случае следователю целесообразно солаться на авторитетного для допрашиваемого человека, сказав, что тот не одобряет ложь, скрытие информации и создаваемых препятствий для правосудия. Еще одним способом пресечения лжи в показаниях конформного является убеждение его о полном сотрудничестве и сообщении всей информации со стороны других лиц, причастных к событию преступления.

Представители *шизоидной* акцентуации постоянно погружены в свои мысли, размышления, поэтому создается впечатление некоторой отстраненности от мира. Шизоиды немногословны, склонны к глубинности мышления, у них отличные аналитические способности, быстро устают при длительном общении. Размышления рассматриваемого психологического типа, помимо глубины, носят сумбурный, отрывистый характер: излагая свои мысли, он может оборвать их и переключиться на другие идеи или вовсе замолчать, продолжая размышлять про себя.

С силу своей замкнутости шизоид на психологический контакт идет, только если видит откровенность следователя [3. С. 47]. В связи с этим целесообразна доброжелательная модель поведения следователя, рассказ о фактах своей биографии во время анкетной стадии.

При сообщении ложной информации шизоиды прибегают к ответам на вопросы при помощи жестов, например кивания, тем самым, исключая речевое общение, либо повторяют слова следователя. Следователь в случае допроса недобросовестного допрашиваемого должен минимизировать свои пояснения по делу, ограничившись вопросами, отслеживая жесты, мимику и психофизиологические реакции допрашиваемого.

Сензитив является самым эмоциональным из психологических типов, всегда чувствует свою причастность к событиям, с которыми он сталкивается, легко понимает и описывает чувства других людей, искренне переживая за них. Описывая обстоятельства дела, может заплакать. Большое значение уделяет взаимоотношениям людей; рассказывая о событии, передает свои чувства, предчувствия, переживания.

Следователю для установления психологического контакта важно выразить понимание тех чувств, которые испытывает допрашиваемый, выслушать его,

вести себя уверенно, показать готовность решить все проблемы.

Сензитиву стыдно лгать, он предпочитает искренне высказывать все, что думает, а если лжет, то старается быстрее проговорить информацию, содержащую ложь. Поэтому следователь может прибегнуть к изобличению лжи, прямо сказав допрашиваемому, что ему известно о недостоверности сообщаемых сведений.

Поведение *гипотима* обусловливается малой активностью, медлительностью, малой эмоциональностью. Особенностью представителей данной акцентуации является сочетание высокой самооценки и пессимистичного восприятия окружающей действительности. Причем пессимизм не сопровождается недовольством или агрессией, гипотим заранее знает, что все плохо и бессмысленно, поэтому ничему не удивляется и не выражает негодования.

Допрашиваемого, принадлежащего к данному психологическому типу, необходимо сориентировать

на то, что допрос будет недолгим, не затягивать саму процедуру допроса. Вопросы желательно должны быть короткими, следующими один за другим.

Гипотим при нежелании давать показания свои действия объясняет тяжелым положением, безысходностью, судьбой, однако не с целью вызвать жалость, а для того, чтобы подчеркнуть, что выбора у него не было.

Следователь должен убедить допрашиваемого в бессмыслии утаивания информации, в полной уверенности, что преступление будет раскрыто независимо от его показаний, что никто не уйдет от ответственности.

Одной из тенденций в криминалистической тактике является индивидуализация тактического приема. Типологический подход позволяет не только определить типовую модель поведения допрашиваемого, но и на этом основании сделать вывод о типовых свойствах личности допрашиваемого с тем, чтобы детализировать тактические приемы и провести индивидуальное правомерное воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 1. 240 с.
2. Юань В.Л. Биографический метод как базовый метод изучения личности допрашиваемого перед допросом // Проблемы использования криминалистических знаний в правоприменительной деятельности. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 112–114.
3. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 сентября 2015 г.

INDIVIDUALIZATION OF TACTICS IN THE PRODUCTION OF INTERROGATION: MAINTAINING PSYCHOLOGICAL CONTACT

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 156–159. DOI: 10.17223/15617793/399/26

Alekseeva Tatyana A. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

Keyword: interrogation; behavior; psychological contact; false testimony; psychological type.

Interrogation is a complex investigative action, as the result of interrogation is largely dependent on the ability of the investigator to win the interrogated and, accordingly, obtain the necessary information. The problem of establishing psychological contact has been of interest to forensic scientists until now. The difficulty of making contact during the preliminary investigation, communication under other circumstances is complicated by the fact that examination is treated as a kind of a duel with the investigator which the interrogated hopes to win in hope to either completely withdraw from the intended criminal responsibility, or in some way mitigate their responsibility. The investigator also often tries to achieve the highest possible result at the initial interrogation, which is not always possible and does not logically follow from the current investigation situation. Psychological contact is an interaction between the investigator and the person giving testimony, the purpose of which is to provide information the investigator is interested in that can be obtained from the analysis of both speech and facial expressions, gestures. Establishing psychological contact is a long process, preparation for which begins in the preliminary stages of investigative communicative actions with the definition of personal characteristics of the person giving testimony. For the most efficient use of tactics in the production of interrogation and establishment of psychological contact, in particular, an individual approach is required, that is, the tactics have to be adjusted depending on personal qualities, psychological type of the interrogated. This specification will lead to the improvement of interrogation methods, enhance tactical exposure of the investigator on the interrogated person and, therefore, increase the likelihood that the chosen tactic will work. Another way to establish psychological contact in the interrogation is the typological approach, according to which the investigator may choose a tactic topic for conversation for each of the personality types with a view to establish contact with the interrogated.

REFERENCES

1. Vedernikov, N.T. (2014) *Izbrannye trudy* [Selected works]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Yuan', V.L. (2014) [Biographical method as the basic method of studying a person being questioned before the interrogation]. *Problemy ispol'zovaniya kriminalisticheskikh znanii v pravoprimeñitel'noy deyatel'nosti* [Problems of using forensic knowledge in law enforcement]. Proceedings of the scientific conference dedicated to the 30th anniversary of the Department of Criminology of TSU Law Institute. Tomsk. 30 January – 1 February 2014. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112–114. (In Russian).
3. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [The tactics of communicative investigative actions]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 04 September 2015

Р.Л. Ахмедин

ПОИСКОВЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируется криминалистическая природа поисковых следственных действий. Данная статья является этапом решения криминалистической задачи по оптимизации тактического потенциала поисковых следственных действий. Основной идеей статьи является существование двух тактических стратегий расследования – поисковой и коммуникативной. Преимуществом поисковой стратегии является её тесная связь с использованием специальных познаний как следствия удачного проявления поискового следственного действия. Недостатком поисковой стратегии выступает её энергозатратность.

Ключевые слова: поиск; следственное действие; осмотр места происшествия; обыск; освидетельствование; криминалистическая тактика.

Поисковые следственные действия в системе следственных действий. Многоаспектность процесса расследования предполагает наличие широкого спектра инструментария, способствующего достижению криминалистически значимых задач. Таковым инструментарием выступают, прежде всего, следственные действия, которые могут быть сгруппированы в относительно схожие блоки. Учитывая деятельностную природу криминалистической тактики как раздела, приоритетно аккумулирующего информацию о следственных действиях, классификацию следственных действий целесообразно произвести исходя из содержательного аспекта приоритетной деятельности при их совершении. Таким образом, все следственные действия делятся на пять основных групп.

1. Коммуникативные следственные действия – допрос, очная ставка. Отметим, что допрос в силу своей природы остается наиболее распространенным следственным действием [1. С. 179].

2. Поисковые следственные действия – следственный осмотр (осмотр места происшествия, осмотр трупа), освидетельствование, обыск, выемка.

3. Экспериментальные следственные действия – следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверка показаний на месте. Иногда данную группу следственных действий называют смешанной, так как она содержит элементы двух предыдущих групп (элемент расспроса и наблюдения).

4. Блокирующие следственные действия – наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

5. Исследовательское следственное действие – экспертиза (хотя отнесение экспертизы, даже только в плане назначения, к следственным действиям достаточно спорно).

В группе поисковых следственных действий основным, без сомнения, является следственный осмотр, на исследовании которого мы в основном и сконцентрируемся, не игнорируя и иные поисковые следственные действия.

Тактико-криминалистическая ценность поисковых следственных действий. Без сомнения, выбравшая целостную систему следственных действий, криминалистическая наука ориентирована на исполь-

зование этой системы в полном объеме. Однако даже поверхностный анализ материалов уголовных дел показывает, что в подавляющем большинстве случаев в них нет сбалансированности всего спектра следственных действий, которая вытекала бы из системной природы криминалистической тактики.

Анализ материалов уголовных дел демонстрирует существование в них достаточно четко выраженной тактической специализации. В основу тактики расследования положен или допрос, или следственный осмотр. Естественно, речь идет не о полном отрицании значимости допроса в тактико-поисковой и следственного осмотра в тактико-коммуникативной стратегии расследования [2. С. 140–155], а только о значительном количественном доминировании соответствующего следственного действия в структуре расследования.

Тактико-коммуникативная стратегия, базирующаяся на постановке акцента в расследовании на такое следственное действие, как допрос, обладает такими преимуществами, как доступность, оперативность и экономичность. Очная ставка как проверочная форма полученных в процессе коммуникативных следственных действий криминалистически значимой информации выступает конечной формой рассматриваемой стратегии.

Анализ соотношения коммуникативных и поисковых следственных действий, проводимых следователями, показывает явное доминирование количества коммуникативных следственных действий, даже без учета того факта, что значительная доля поисковых следственных действий была неэффективной из-за нерезультативности последних в силу необнаружения следов преступления.

Тактико-поисковая стратегия, базирующаяся на постановке акцента в расследовании на такое следственное действие, как следственный осмотр, обладает такими преимуществами, как эффективность, надежность и научность. Экспертное исследование как проверочная форма полученных в процессе поисковых следственных действий криминалистически значимой информации выступает конечной формой рассматриваемой стратегии. Напомним, что тактико-поисковая стратегия противопоставлялась тактико-коммуникативной еще со времен зарождения криминастики. Так, аргументация в пользу тактико-

поисковой стратегии сводилась к тому, что не нужно слишком много ожидать от «следопроизводителей, забывая, что интеллектуальные средства, которые по запрещению пыток остаются для них единственными дозволенными, мало могут действовать на людей грубых, бесчувственных и, нередко, весьма хитрых, какими по большей части бывают тяжкие и, следовательно, наиболее опасные преступники» [3. С. 115]. Целесообразность получения исходной для расследования преступлений информации в процессе реализации тактико-поисковой стратегии отмечалась и российскими исследователями XIX в. [4. С. 8].

Без сомнения, любой исследователь-теоретик будет прав, заявляя о необходимости сбалансированности этих стратегий в рамках расследования преступления. Естественно, это благое пожелание полностью соответствует критерию целесообразности, но оно фактически не реализуемо в контексте факторов как ограничения расследования по времени, так и ограничения ряда профессиональных способностей следователя.

Надеяться на сбалансированность стратегии расследования также наивно, как и на отсутствие профессиональной деформации у работников правоохранительных органов. И то и другое – объективная закономерность, пусть и не очень приятная.

Несмотря на то что тактико-коммуникативная стратегия обладает рядом вышеназванных преимуществ, экспертное заключение, будучи результирующей тактико-поисковой стратегии в силу своих особенностей, делает тактико-поисковую стратегию более эффективной. Данная эффективность проистекает из особенностей статуса экспертного заключения как доказательства.

Статус экспертного заключения как доказательства не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Статья 17 УПК РФ («Свобода оценки доказательств») декларирует оценку доказательств судьями и присяжными заседателями по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (п. 1 ст. 17 УПК РФ), а также отсутствие заранее установленной силы у каких-либо видов доказательств (п. 2 ст. 17 УПК РФ).

Напомним, что, предоставляя оценку доказательств внутреннему убеждению, закон вместе с тем предписывает определенные правила формирования этого убеждения, а для многих решений также и форму выражения результатов этой оценки в принятом решении. Сказанное обеспечивает сочетание при оценке доказательств субъективного фактора – внутреннего убеждения – и объективного фактора – совокупности рассмотренных доказательств. В теории права оценка доказательств по внутреннему убеждению именуется свободной оценкой доказательств, в отличие от формальной теории доказательств, в которой сила и значение доказательств формализованы, т.е. определяются в законе, и судьям оставалось только проанализировать, имеется ли необходимое количество доказательств для признания лица виновным. Исходя из логики формализации, данные доказательства ранжировались на совершенные и несовершен-

ные. Совершенного доказательства считалось достаточно для обвинения. К таким относились, например, признание своей вины подсудимым, а также свидетельство эксперта.

Лишняя доказательства установленной силы, мы формально создаем возможность оценить каждое доказательство по его собственной природе, принадлежности к определенному виду доказательств, а также обнаружить противоречие или совпадение между сведениями из разных источников. Однако действительно ли *de facto* существует возможность оценки всех видов доказательств по внутреннему убеждению судьи?

Напомним, что в описательно-мотивированной части как оправдательного (п. 4 ч. 1 ст. 305 УПК РФ), так и обвинительного приговора (п. 2 ст. 307 УПК РФ) необходимо, помимо прочего, изложить мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. Мотивация отказа, естественно, должна быть аргументирована, иначе теряется весь смысл рассматриваемых статей. Возможна ли подобная аргументация в отношении заключения эксперта, которое судья посчитал целесообразным отвергнуть?

В случае, когда речь идет о заключении эксперта, способен ли судья объективно убедительно объяснить, почему он отвергает доказательства, если не способен в полной мере понимать закономерности их природы? Напомним: сама необходимость обращения к носителю специальных знаний возникает именно в силу того, что у иных участников процесса этих знаний не хватает, они не способны сделать конкретные и обоснованные выводы, анализируя ряд обстоятельств.

Конечно, в рамках ст. 282 УПК РФ по ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения, но вероятность получения дополнительной информации, как показывает практика, невысока. Назначение же повторной экспертизы мало того, что затягивает продолжительность рассмотрения дела в суде, так еще и формирует ситуацию, когда на руках у судьи будут содержательно различающиеся экспертные заключения, объективность которых суд опять же будет оценивать не имея на то достаточных познаний.

Недостаточная мотивация отказа от признания экспертного заключения является потенциально достаточно причиной для последующего обжалования судебного решения. Естественно, количество возвращенных дел не является фактическим, но является внешним показателем профессионализма судьи, что работники суда осознают и стараются снизить. Человеческий фактор выступает как один из базовых, часто предопределяя поведение профессионалов, несмотря на декларируемые принципы, а порой, как видно из сказанного, и правовые нормы. Сказанное позволяет утверждать, что даже в современном российском уголовном процессе нельзя категорически отрицать действие системы, описанной в теории формальных доказательств. Понятно, что подобный фор-

мализм присутствует только *de facto*, но даже этого достаточно, чтобы говорить об особенном статусе экспертного исследования в процессе предварительного расследования.

Для следователя значимо утверждение, что если экспертное исследование *de facto* обладает порой особенной доказательственной ценностью, в процессе предварительного расследования, при выработке оптимальной стратегии расследования преступления, необходимо опираться на тактико-поисковую стратегию, объективно обуславливающую большое количество экспертиз.

История криминалистического исследования поисковых следственных действий. Поисковые следственные действия по древности, без сомнения, уступают коммуникативным, ведь элементы процедуры проведения коммуникативных, в отличие от поисковых, следственных действий отражены во многих исторических источниках. Сказанное обусловлено тем, что долгое время допрос был основным способом получения информации в процессе раскрытия преступлений.

В истории развития поисковых следственных действий можно выделить достаточно четкие периоды, характеризующиеся разнонаправленностью организации рассматриваемых феноменов как способа познательной деятельности.

– Поисковые действия в Древнем мире. Здесь необходимо обратить внимание не столько на ранние формы процессуальной регламентации проведения следственных действий, сколько на четко обозначененный интерес к психофизиологическим реакциям, сопровождающим ложные показания. Именно в силу того, что судебное рассмотрение было фактически следствием замещающим, рассматривались в основном показания участников, поисковые следственные действия ввиду удаленности от места рассмотрения дела были энергозатратными для судьи, а следовательно, необходимость в их оптимизации была невысокой. Таким образом, можно констатировать невысокий уровень протокриминалистических рекомендаций в рассматриваемый период.

– Поисковые действия в эпоху Античности. В данный период правовая регламентация заменяет протокриминалистические рекомендации относительно всех практикуемых следственных действий. Отход от рекомендаций в пользу регламентации стал результатом того, что в процессе расследования опытных «стражей» заменили юристы-чиновники, традиционно обладающие невысокой степенью профессиональных навыков, если они не сводились к воспроизведению заученных норм [5. С. 6–7]. Неудивительно, что несколько эфемерная материя криминалистической организации поисковых мероприятий не вызвала интерес у rationalной культуры античных чиновников.

– Поисковые следственные действия в раннем Средневековье (инквизиционный процесс). На рассматриваемом историческом этапе пытка становится основным приемом воздействия на подследственного, хотя, конечно, нельзя сводить инквизиционный процесс только к пытке. Как интенсивное интеллектуаль-

ное познание процесса преступления в период Античности было заменено формализацией процедуры, так в период Средневековья оно было заменено пыткой. Пытка как легкий, преисполненный искушения способ получения доказательств затормозила, пусть и эмпирическое, развитие криминалистической тактики. Два центральных вектора развития тактики (формализация и пытка) – два тупиковых направления. И снова неудивительно, что несколько эфемерная материя криминалистической организации поисковых мероприятий не вызвала интерес у примитивной культуры средневековых палачей.

– Поисковые следственные действия в позднем Средневековье в рамках розыскного (параллельного с инквизиционным) процесса отражали дуализм рассматриваемого периода. Так как суть розыскного процесса состоит в том, что судья, наряду со своими функциями, осуществлял функции обвинительные и следственные, объективно, что «в розыском уголовном процессе было обращено внимание на тактику судебного разбирательства» [6. С. 12–15]. Для розыскного процесса характерно наличие формальных доказательств. Сейчас концепция формальных доказательств юридической общественностью полагается архаизмом. Следует ли отмечать, что исключительно доктринальные установки способствуют признанию современной юридической наукой нелепой мысли уравнивания познавательной ценности показаний, полученных на допросе, от лица, находящегося в состоянии стресса и заключения эксперта, при условии оценки их доказательственной ценности лицом (судьей), как правило, не знакомым ни с психологией допрашиваемого, ни с областью знания эксперта. Естественно, мы далеки от мысли о возврате, в рамках розыскного процесса, к идею доминирования признания в системе доказательств, но сама идея формализации различных доказательств кажется нам соответствующей уровню науки XXI в. Пытка же в рамках розыскного процесса – это всего лишь следствие дальнейшего падения профессионального уровня участников расследования, явившейся причиной замены юриста-чиновника Античности на аристократа-начальника Средневековья.

В отношении поисковых следственных действий не стоит рассматривать Средневековье как образец отсталости и мракобесия. Проиллюстрируем данный тезис, основываясь на истории нашей страны. Вспомним, что именно в этот период (Уставная книга Разбойного приказа Соборного уложения 1649) появляется процедура повального обыска (пусть объективно и имеющего отношение к допросу) и обыска окольными людьми. Обыск окольными людьми, в частности, применялся в случае необходимости установления количества сожженного разбойниками имущества. Можно утверждать, что обыск окольными людьми содержал в себе некоторые признаки обыска в современном его понимании ввиду направленности на обнаружение конкретных предметов, имеющих значение для расследования преступления.

Ранее в «Русской Правде» (XI в.) детально описывался процесс «свода», который опирался на факт

обнаружения пострадавшим или его родственниками своего имущества у недобросовестного владельца. Понятно, что обнаружение происходило в непроцессуальных формах обыска и не имело жесткого содержательного разграничения с коммуникативными действиями [7. С. 10].

Соборное уложение 1649 г. детально регламентирует процесс «личиного», т.е. изъятия вещественных доказательств «из-под замка». Отметим, что сам институт личиного, имеющий прямую аналогию с современным обыском, личным обыском и выемкой [Там же. С. 28–29], был известен задолго до Соборного уложения. «Поличное – то, что выймут из клети из-за замка, а найдут во дворе или пустой хоромине, а не за замком что, то не поличное» (Белозерская грамота. 1488 г. Ст. 11).

Конечно необходимо признать, что упомянутые исторические примеры есть свидетельства скорее уголовно-процессуального, а не криминалистического исследования поисковых следственных действий, но даже это прогрессивно по сравнению с ранее рассмотренными историческими периодами. Справедливости ради отметим и существовавшие однозначно криминалистические тенденции развития тактики поисковых следственных действий, например, выражавшиеся в рекомендации оформления результатов поиска в виде приложений-карт и приложений-схем. Так, в XVI в. чертежи по уголовным и гражданским делам составляли значительно чаще. При рассмотрении земельных споров они стали чуть ли не постоянным явлением [8. С. 5].

– Поисковые следственные действия в современный период. Состязательный процесс формально декларирует независимость суда, но в чистом виде встречается только в классической британской судебной системе, характеризующейся предельно неоднозначной практикой precedента. Неудивительно, что в современных цивилизованных странах доминирует смешанный уголовный процесс, представляющий собой состязательное построение судебного разбирательства с одновременным существованием на досудебном этапе розыскного процесса с присущими ему письменной формой, тайной предварительного следствия, разумными возможностями защиты обвиняемого на предварительном следствии. Именно объективная направленность смешанного процесса, его объективность предопределили взрывоподобное развитие криминалистической тактики, задействующей современное знание о личности. Представляется, что современная криминалистическая наука прошла этап исследования сущности-природы-понятий и объективно должна перейти к разработке новых и мониторингу старых комплексов тактических рекомендаций проведения поисковых следственных действий. К сожалению, сказанное не всегда соответствует современным тактико-криминалистическим исследованиям.

Понятие, цель и задачи поисковых следственных действий. Как и в отношении иных следственных действий, законодатель не дает определения ни одного поискового следственного действия. На наш взгляд, это еще один признак бессилия перед решени-

ем проблемы формализации уголовно-процессуальными способами той разноспектной деятельности, что формирует материю следственного действия. Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве понятия и регламентации такого базового поискового следственного действия, как осмотр места происшествия, некоторые криминалисты считают пробелом законодательства [9. С. 161]; о данной проблеме говорилось еще на заре становления отечественной криминастики [10. С. 134]. Хотя мы допускаем, что отсутствие понятий поисковых следственных действий может быть логически аргументировано.

Фактически поисковые следственные действия – это следственные действия, которые заключаются в получении следователем в процессе поиска на пространственно ограниченной территории сведений, имеющих значение по делу, с занесением их в протокол.

Поисковые следственные действия справедливо относятся к числу самых эффективных и одновременно технически и организационно сложных следственных действий. О громадном потенциале поисковых следственных действий писал еще К. Миттермайер, указывая, что материальные следы преступления «суть как бы немые свидетели, которых посылает само Провидение затем, чтобы из мрака, где скрыл хитрый преступник свое деяние, проник луч, могущий озарить душу судьи и показать ему след, ведущий к виновному» [3. С. 128].

Очень часто при недостаточности материально-фиксированных доказательств показания допрашиваемых становятся основой обвинительного заключения. Возможность манипулирования показаниями процессуальных участников традиционно составляет основу арсенала представителей защиты и обвинения в суде.

Несмотря на то что мы являемся сторонниками доказательств, полученных в процессе поисковых и исследовательских следственных действий, не признавать доступность и экономичность коммуникативных следственных действий мы не можем. Впрочем, также невозможно не признавать практическую целесообразность и научную состоятельность способов обнаружения, изъятия и фиксации следов преступления, носящих материально-фиксированную природу.

В уголовно-процессуальной, криминалистической и судебно-психологической литературе поисковые следственные действия как самостоятельное понятие, обособляющее группы следственных действий, фактически не рассматриваются. В свое время В.П. Колмаков под осмотром предлагал понимать «восприятие, исследование, оценку и фиксацию состояния, свойства и признаков материальных объектов, связанных с расследуемым событием, производимым непосредственно следователем с участием указанных в законе лиц» [11. С. 18]. Данное определение осмотра совершенно не содержит разграничения названного следственного действия с обыском, поэтому, как нам видится, является достаточно спорным, однако содержательно оно в значительной степени отображает природу поискового следственного действия.

Зарубежные исследователи в определении поисковых следственных действий также не характеризуются единством, хотя целесообразность термина *crime scene analysis* (анализ картины преступления) ими не оспаривается. Кстати, напомним, что данный термин содержательно наиболее близок термину «исследование места происшествия» из отечественной криминалистики.

Поисковые следственные действия – содержательно очень сложные следственные действия, а их информационная ценность для расследования крайне высока, что постоянно актуализирует исследовательские усилия криминалистов.

Для понимания криминалистической природы поисковых следственных действий необходимо учитывать следующие обстоятельства.

1. Поисковые следственные действия являются разновидностью познавательной деятельности.

2. Познавательная деятельность в процессе поисковых следственных действий происходит в режиме поиска, сопровождающегося непосредственным личным восприятием следователем обстановки или фрагментов обстановки преступного события. Рассматриваемые следственные действия носят ярко выраженный поисково-познавательный характер. Особенностью поисковой деятельности в процессе производства поисковых следственных действий выступает исходящая от следователя инициатива. Поисковые следственные действия, выступая преимущественно первоначальными следственными действиями, объективно характеризуются наличием незначительного объема информации, имеющей значение для расследования преступления, у следователя, его расследующего.

3. Познавательная деятельность в процессе поисковых следственных действий характеризуется ретроспективной направленностью.

4. Познавательная деятельность следователя в процессе поисковых следственных действий регулируется рядом уголовно-процессуальных норм.

Таким образом, поисковые следственные действия – это формализованная поисково-познавательная деятельность следователя во взаимодействии с оперативными работниками, экспертами и специалистами, имеющая ретроспективную направленность.

В целях установления единства в понимании целеполагающих категорий необходимо раскрыть цель и задачи поисковых следственных действий. Словарь русского языка под целью понимает то, к чему стремятся, что надо осуществить, а под задачей – то, что требует исполнения разрешения [12].

Общая задача как эвфемизм, обозначающий цель поискового следственного действия, очень близка к определению цели осмотра, данного Е.Е. Центровым: «получение процессуально закрепленной информации об обстоятельствах произошедшего события, объектах и лицах, имеющих к нему отношение, их связях и взаимодействиях» [13. С. 390]. При конечном формулировании цели поискового следственного действия необходимо учесть, что:

– криминалистическую значимость (например, для выдвижения следственных версий) имеет не только

процессуально закрепленная информация, а любая, полученная в процессе проводимых следственных действий (например, интуитивно осознаваемая, сформировавшаяся на основании ассоциаций);

– в формулировке цели должно быть указание на ограничение от сходного круга понятий в контексте общей характеристики условий, в частности указание на поисковую деятельность;

– необходимо ограничить предметную сферу поиска границами события преступления, т.е. свести его к установлению обстоятельств преступного события и признаков, устанавливающих личность преступника.

Таким образом, под целью поискового следственного действия целесообразно понимать получение в процессе поиска криминалистически значимой информации о событии преступления и личности преступника.

Цель следственного действия достигается посредством решения комплекса задач. Относительно числа и содержания задач в отечественной криминалистике единства не достигнуто. Мы полагаем, что комплекс задач поискового следственного действия всегда сводится к необходимости:

- 1) восприятия обстановки преступления;
- 2) анализа результатов восприятия;
- 3) изъятия следов преступления;
- 4) фиксации результатов воспринятого и изъятого.

Недостаточно убедительны аргументы о неактуальности выделения задачи фиксации как свойственной всем следственным действиям. Выделенные здесь задачи относятся к группе так называемых общих задач поисковых следственных действий, что не исключает совпадения некоторых из них с задачами иных следственных действий.

Выделение групп общих, частных и конкретных задач образует систему методологического триединства в контексте комплекса задач. Понятно, что на данный момент наиболее актуальна разработка комплексов частных групп задач применительно к уникальным особенностям обстановки поиска. Комплекс частных задач, свойственных поисковым следственным действиям при расследовании отдельных видов преступлений, проистекает из особенностей структуры криминалистической характеристики этих видов преступлений.

Учет группы задач в контексте конкретного поискового следственного действия – еще только намечающаяся для научного решения проблема. Но нами уже неоднократно отмечалось, что задача разработки рекомендаций, имеющих в своей основе психотипологическое знание, выступит тем средством, которое позволит перевести процесс принятия решения в конкретном поисковом следственном действии с уровня бытового на уровень научный.

Виды поисковых следственных действий. Поисковая деятельность как явление многомерна и характеризуется широким видовым спектром. Так, различают следующие криминалистически значимые виды рассматриваемых следственных действий:

- по последовательности проведения – первичные, повторные, дополнительные;
- по субъекту проведения;

— в зависимости от складывающихся взаимоотношений с контрагентом — поисковые следственные действия в ситуации психологического противодействия (с явным и неявным соперничеством) и поисковые следственные действия в ситуации отсутствия психологического противодействия.

Вопросы классификации отдельных следственных действий продолжают интересовать исследователей-криминалистов и отражают объективность научно-исследовательского интереса к затронутой проблеме. Несмотря на это отметим, что полагаем дискуссионными попытки классификации отдельных видов поисковых следственных действий:

- на проводимые с участием сведущих лиц и без такового участия, исходя из основания использования специальных познаний;
- с изъятием следов преступления и без изъятия на основании факта результативности.

Сомнительность в научной состоятельности вышеназванной классификации проистекает из её ориентированности не на природу рассматриваемых следственных действий, а на факты порочной практики расследования отдельных преступлений.

При криминалистическом исследовании содержания поисковых следственных действий наиболее значим элемент их содержания, а не процессуальной регламентации, которая, как и любая правовая регламентация, выступает явлением временным, а значит, слабо объективизируемым. На основании сказанного

можно выделить еще одну, на наш взгляд, наиболее актуальную для криминалистики классификацию поисковых следственных действий, в которой в зависимости от содержательных особенностей поиска (предмет, условия) выделяют:

- осмотр места происшествия;
- осмотр трупа;
- осмотр предмета — вещественного доказательства;
- освидетельствование;
- обыск места проживания;
- личный обыск;
- выемка.

Отметим, что неактуальность выделения в криминалистике следственного осмотра, включающего, в частности, различные вариации, признана еще в период становления криминалистической науки. Действительно, недопустимо «сливать в одну категорию разнородные по существу следственные акты: осмотры и освидетельствования, повторяя ошибку дореволюционного законодательства» [10. С. 134].

Также необходимо отметить, что с точки зрения поисковых мероприятий (организации, содержания и результативности) криминалистического отличия между осмотром места происшествия и осмотром участка местности фактически не наблюдается. Отличия же осмотра жилища и осмотра места происшествия в жилище носят не криминалистическую, а уголовно-процессуальную природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1. 205 с.
2. Криминалистика : учеб. для слушателей правовых вузов / сост.: Н. Бобров и др.; общ. ред. Б.С. Ошеровича, М.С. Строговича ; под ред. А.Я. Вышинского. Кн. 1 : Техника и тактика расследования преступлений. М. : Советское законодательство, 1935. 251 с.
3. Жиряев А. Теория улик. Дерпт : Тип. Г. Лаакманна, 1855. 226 с.
4. Инструкция чинам полиции округа Санкт-Петербургской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений в двух частях. СПб., 1882.
5. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 294 с.
6. Порубов Н.И. Из истории допроса // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 2 (26). С. 12–15.
7. Сичинский Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX в. Челябинск : Челябинский юрид. ин-т МВД РФ, 2002. 116 с.
8. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. 213 с.
9. Статкус В.Ф. Осмотр места происшествия (правовые, организационные и технико-криминалистические проблемы). М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. Т. 2. 166 с.
10. Громов В.У. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений). М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1926. 288 с.
11. Колмаков В.П. Следственный осмотр. М. : Юрид. лит., 1969. 196 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 18-е изд. М. : Рус. Яз., 1987. 796 с.
13. Криминалистика : учеб. / под ред. Н.П. Яблокова. 2-е изд. М. : Юрист, 2001. 718 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 сентября 2015 г.

SEARCH ACTIONS IN THE SYSTEM OF INVESTIGATIVE ACTIONS: A FORENSIC ASPECT

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 160–166. DOI: 10.17223/15617793/399/27

Akhmedshin Ramil L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: search; investigative action; crime scene analysis; rummage; muster; forensic tactics.

The multidimensional nature of the investigation process requires a wide range of tools to facilitate solving forensically significant problems. These tools are, first of all, investigative actions which can be grouped in a relatively similar blocks. Given the active nature of the forensic tactics as a section that primarily accumulates information on investigative actions, it is expedient to classify investigative actions based according to the types of priority activities in their performance. Thus, all investigative actions are divided into five main groups: 1) communicative actions, i.e. questioning, confrontation (questioning by its very nature is the most common investigative action); 2) search actions, i.e. investigative inspection (inspection of the crime scene, examination of the corpse), inspection, search, seizure; 3) experimental actions, i.e. investigative experiment, presentation for identification, verification of testimony on the spot; sometimes this group of actions is called mixed, because it contains elements of two previous groups (elements of questioning and observation); 4) blocking actions, i.e. seizure of postal and telegraph administration, monitoring and recording of

conversations, getting information about the connections between subscribers and (or) subscriber units; 5) research actions, i.e. examination (though classifying examination, even in terms of its purpose, as investigative actions is quite controversial). In search actions, without a doubt, investigative examination is basic. Along with other search actions, its study is the purpose of the article. In the forensic investigation of search investigative actions, their most significant element is the content, rather than the procedural regulation which, like any legal regulation, is a temporary phenomenon, and, therefore, is poorly objectified. Based on the above, the author offers another classification of search actions most relevant for criminology. Depending on the content of the search (object, conditions), there are the following actions: 1) crime scene analysis; 2) examination of the corpse; 3) physical evidence analysis; 4) muster; 5) residence search; 6) body search; 7) seizure. Investigative examination, including its particular variations, is recognized irrelevant to forensics as early as during the formation of forensic science. Also, it should be noted that in terms of search events (organization, content and effectiveness) the difference between the forensic examination of the crime scene and of the site is not actually observed. Differences between residence inspection and examination of the crime scene in a home are not of forensic but of criminal-procedural nature.

REFERENCES

1. Vedernikov, N.T. (2014) *Izbrannye trudy* [Selected works]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bobrov, N. et al. (1935) *Kriminalistika: uchebnik dlya slushateley pravovykh vuzov* [Forensic science: the textbook for students of law schools]. Book 1: *Tekhnika i taktika rassledovaniya prestupleniy* [Technique and tactics of crime investigation]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo.
3. Zhiryaev, A. (1855) *Teoriya ulik* [The theory of evidence]. Derpt: tip. G. Laakmanna.
4. Murav'ev, N.N. (1882) *Instruktsiya chinam politsii okruga S.-Peterburgskoy sudebnoy palaty po obnaruzheniyu i issledovaniyu prestupleniy v dvukh chastyakh* [Guidelines for County Police ranks of the St. Petersburg Chamber of Appeal in detection and investigation of crimes in two parts]. St. Petersburg.
5. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [The tactics of communicative investigative actions]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Porubov, N.I. (2008) Iz istorii doprosa [From the history of interrogation]. *Vestnik kriminalistiki*. 2 (26). pp. 12–15.
7. Sichinskiy, E.P. (2002) *Ugolovnyy sysk Rossii v X – nachale XX vv.* [Criminal investigation in Russia in the 10th – early 20th centuries]. Chelyabinsk: Chelyabinsk Law Institute of RF Interior Ministry.
8. Krylov, I.F. (1963) *Sudebnaya ekspertiza v ugolovnom protsesse* [Forensics in the criminal process]. Leningrad: Leningrad State University.
9. Statkus, V.F. (2001) *Osmotr mesta proishestviya (pravovye, organizatsionnye i tekhniko-kriminalisticheskie problemy)* [Inspection of the crime scene (legal, organizational, technical and forensic issues)]. V. 2. Moscow: State Forensic Science Center of the Russian Interior Ministry.
10. Gromov, V.U. (1926) *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie (teoriya i tekhnika rassledovaniya prestupleniy)* [Enquiry and preliminary investigation (the theory and techniques of crime investigation)]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
11. Kolmakov, V.P. (1969) *Sledstvennyy osmotr* [Investigative inspection]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
12. Ozhegov, S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 18th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
13. Yablokov, N.P. (2001) *Kriminalistika* [Forensic science]. 2nd ed. Moscow: Yurist.

Received: 04 September 2015

МЕХАНИЗМ ГОМЕОСТАЗА В СИСТЕМЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Механизм гомеостаза применителен не только к физиологии, но и к психологии личности. С момента рождения человек вынужден приспосабливаться к условиям окружающей среды, избирая наиболее удобный способ взаимодействия с ней. Этот способ реализуется все чаще, повторяясь и становясь привычным для личности, закладываясь в основу системы ее взаимоотношений с окружающей средой, определяя жизненный сценарий, который будет реализовываться им с учетом та-кой системы.

Ключевые слова: подготовка к допросу; личность; допрашиваемый; биографический метод; гомеостаз; адаптация; биография.

Криминалистическое исследование личности допрашиваемого связано с необходимостью обеспечения эффективности подготовки и достижения целей допроса, одновременно с этим оно сопряжено с рядом трудностей, которые проявляются в процессе ее реализации.

При множестве различных подходов, с позиции которых рекомендуется проводить криминалистическое исследование личности допрашиваемого, в криминалистической науке имеется единство понимания того, что, во-первых, личность допрашиваемого криминалистически целесообразно изучать, во-вторых, личность допрашиваемого поддается изучению и, в-третьих, чем в более полном объеме личность допрашиваемого изучена, тем больше возможностей при подготовке к ее допросу и тем выше вероятность того, что криминалистически значимые задачи и цели будут решены и достигнуты.

Обратим внимание на второй пункт, согласно которому личность допрашиваемого является познаемой и она поддается изучению при имеющихся в современной науке научных методах познания.

Существующие в распоряжении психологической, криминалистической и ряде других наук о человеке сведения дают возможность утверждать, что личность подчиняется определенным закономерностям и знание этих закономерностей позволяет познавать личность, выстраивая сведения о ней в систему.

Из биологической науки и физиологии известно, что для существования любого живого организма необходима энергия. Всякая энергия исчерпывается, потребляясь и расходуясь, на поддержание существования живого организма. Чтобы восполнить израсходованные запасы энергии, ее необходимо потреблять. Использование энергии живыми организмами связано с потреблением органических веществ и соединений, которое известно всем как процесс питания.

Человек является живым организмом, что обоснованно распространяет на него обозначенную закономерность.

Говоря о психологической составляющей человека, т.е. о его личности, нельзя не сказать о ее связи с физиологической составляющей. По существу, первичной функцией, которую личность исполняет по отношению к организму, является обслуживание его потребностей и поддержание его состояния на уровне, допускающем существование. Остальные функции

уже следуют за ней, поскольку иначе человек постоянно стремился бы реализовать свой творческий потенциал, познавать и самовыражаться, игнорируя базовые физиологические потребности: голод, нужду и сон, что в конечном итоге привело бы к расстройству его здоровья, падению работоспособности и гибели.

Данное утверждение подтверждается тем фактом, что вне тела личность не существует.

С самого рождения личность приобретает навыки выживания в окружающей среде, поскольку это продиктовано жизненной необходимостью.

Механизмом, который позволяет сбалансировать человеческие возможности и потенциал с факторами окружающей среды, является гомеостаз. Его существование обусловлено рядом следующих закономерностей:

1. Существование живого организма без энергии невозможно.
2. Энергия расходуется на поддержание жизни организма.
3. Дефицит энергии приводит к проблемам и расстройствам здоровья, а впоследствии к необратимой утрате жизнеспособности живым организмом.
4. Восполнение энергии требует поиска, добычи и потребления ресурсов, которые способны эту энергию восстанавливать.
5. В условиях ограниченности ресурсов (их объем может варьироваться и зависит от окружающей среды, в которой проживает человек, что, однако, не делает их запасы неисчерпаемыми), непрерывного расхода энергии (энергия расходуется постоянно, вопрос лишь в скорости процесса расхода) с течением времени требуется оптимизация процесса поиска, добычи и потребления ресурсов, которые являются источниками энергии, необходимой для существования живого организма.

Проблема оптимизации решена эволюцией человека посредством наличия у него механизма гомеостаза. С момента рождения и в процессе развития человек имеет генетическую предрасположенность к определенной совокупности того или иного вида деятельности.

Именно по этой причине уже в детстве разница в способностях у детей очевидна: у одних проявляется склонность к музыке, у других – к работе с мелкими предметами, у третьих – к рисованию и т.д. Процесс развития и взросления сопровождается осознанием

человеком своих возможностей для их реализации. С учетом факторов окружающей среды он развивается так, что у него формируется совокупность привычек достигать удовлетворения своих потребностей тем или иным способом, обеспечивая свою жизнеспособность.

Общество является наиболее распространенной средой, в которой рождается, развивается и проживает человек. Члены общества потенциально способны влиять на удовлетворение человеком своих потребностей и обеспечение существования. Подобное может, в разной степени, как способствовать реализации им привычного образа жизни и взаимодействия с обществом, так и противоречить.

За примером можно обратиться к традиционной семье, где есть ребенок младенческого возраста.

В младенчестве дети не обладают навыком речи, физически еще не способны обеспечить себе выживание и зависимы от членов общества. Чаще всего это родители и другие родственники ребенка.

Является бесспорным факт, что вне общества новорожденный имеет незначительные шансы на выживание. Чтобы сообщить о необходимости потребности, он использует крики, плач и различные звуки.

В процессе развития ребенок учится самостоятельно говорить, двигаться, приобретая навыки, необходимые для самостоятельного выживания. При этом формируется его индивидуальность, выражаясь в походке, движениях, голосе и особенностях его речи [1. С. 159]. Вместе с тем, даже освоив речь, он все равно будет периодически прибегать к эффективному ранее способу общения – крику, плачу и т.д. Особенность, когда ему в чем-то отказывают, ограничивают или что-то запрещают.

В дальнейшем способы взаимодействия человека с внешним миром становятся привычными из-за периодических повторов. Именно они становятся оптимальными, характерными и, чаще всего наименее энергозатратными для личности, в разной степени проявляясь в ее биографии. Обретение новых эффективных форм взаимодействия является непривычным, более того, на их приобретение и отработку также требуется энергия. К примеру, некоторые факты из биографии личности могут оказывать значительное влияние на ее поведение при допросе. Из вышеизложенного следует, что из всех доступных личности жизненных сценариев будет реализовываться отражающий наиболее привычные способы существования в окружающей среде.

Таким образом, гомеостаз проявляется в жизненном сценарии личности человека как наиболее привычный для него способ взаимодействия с окружающей средой и людьми, обеспечения жизнеспособности и выживания посредством достижения целостности, стабильности и удовлетворенности физиологических и психологических потребностей.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию проведения опроса среди работающих граждан о сохранении, увеличении или уменьшении размера заработной платы без изменений условий, места и характера работы. Располагая достаточными знаниями о закономерностях осуществления личностью своей

жизнедеятельности, ее организации, можно с уверенностью утверждать, что подавляющее большинство согласилось бы увеличить размер своей зарплаты. В большинстве случаев такой вариант ответа согласуется с психологической стабильностью людей. Очевидность результата предполагаемого опроса вытекает из того, что деньги являются универсальным ресурсом, легко конвертируемым в любое благо, которое удовлетворяет как физиологические, так и психологические потребности человека.

Другим примером может служить нежелание большинства жителей крупных мегаполисов жить в деревне, где им понадобится приобретать навыки ухода за скотом, растениями и огородом. Упомянутых навыков у горожан нет в силу отсутствия подобной необходимости в условиях проживания в крупном мегаполисе: окружающая среда выдвигает своим обитателям совершенно иные требования. Данный пример не относится к тем, кто имеет свой дачный участок или в прошлом проживал в деревне.

Центральным источником информации о личности допрашиваемого является его биография.

Основным преимуществом биографии по сравнению с другими источниками криминалистически значимой информации о личности допрашиваемого являются наибольшая целостность, хронологическая структурированность и, как следствие, системность отраженных в ней сведений. Биография фиксирует основные векторы развития личности допрашиваемого, позволяя выявить причинно-следственные связи между его решениями в определенных жизненных моментах, событиями и его реакциями на них, отражение тех или иных факторов окружающей среды, обстоятельств, ситуаций в организации им своей жизнедеятельности.

Все это создает необходимые условия для исследования генезиса личности допрашиваемого, привычной для него системы взаимоотношений, понимания и взаимодействия с окружающим миром и с людьми, а также характерного для него способа организации своей жизнедеятельности.

Наиболее эффективным методом криминалистического исследования личности допрашиваемого является биографический. Данный метод позволяет работать с биографическими фактами, систематизировать их, анализировать, выявляя закономерности и причинно-следственные связи между ними и, что самое важное, отвечать на вопрос: «Какие свойства личности предопределили данный выбор?» [2. С. 168]. Являясь целой системой, в которой не только содержится набор данных о личности допрашиваемого, но еще и отражены закономерности проявления механизма гомеостаза, адаптации и организации своей жизнедеятельности для решения криминалистических задач и достижения криминалистически значимых целей, обозначенный метод имеет значительное преимущество перед другими методами криминалистического исследования личности допрашиваемого.

Постулируемое утверждение базируется на имеющихся у биографического метода преимуществах и недостатках: несмотря на ощутимый объем данных о

личности допрашиваемого, вероятности их полного или частичного искажения и (или) утраты и ряда других сложностей, именно этот метод в большей степени дает целостную картину о генезисе личности допрашиваемого.

В современной криминалистической науке биографический метод изучен в недостаточной степени, несмотря на то, что еще в советское время профессор Н.Т. Веденников неоднократно писал о нем [3. С. 240].

Биографический факт, после которого условия жизни личности допрашиваемого существенно изменяются (выбор места обучения, места жительства, места работы, брак, развод, совершение общественно значимых действий, вступление в различные организации и т.п.), представляет наибольший интерес. Выстроив в систему подобные моменты, можно выявить закономерности функционирования механизма гомеостаза применительно к адаптации человека в условиях окружающей среды, в обществе, привычные для него формы приспособления к различным фактам окружающей среды и организации своей жизне-

деятельности, выражающиеся в реализации им наиболее оптимального жизненного сценария.

Каждый выбор, который человек делает, решение, которое он принимает, настойчивость, с которой он реализует принятное решение, отражает свойства его личности, выстраиваясь в целостную биографическую картину, в которой проявляется реализация им своего жизненного сценария и которую можно выявить и исследовать посредством биографического метода.

Таким образом, механизм гомеостаза в системе биографического метода криминалистического исследования личности имеет основополагающее значение. Это связано с существованием механизма гомеостаза, который позволяет изучать личность допрашиваемого с ретроспективной точки зрения, что неоднократно обосновывалось выше, но и предоставляет возможность для построения моделей наиболее возможных вариантов действий с ее стороны. Последнее позволит еще на этапе подготовки к допросу спрогнозировать характерные реакции личности на различные методы психологического воздействия на допросе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378.
2. Ахмедшин Р.Л. Юридическая психология: курс лекций. Томск : Эль Контент, 2011. 228 с.
3. Веденников Н.Т. Избранные труды. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 1. 250 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 сентября 2015 г.

THE MECHANISM OF HOMEOSTASIS IN THE BIOGRAPHICAL METHOD OF FORENSIC INVESTIGATION OF THE PERSONALITY

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 167–169. DOI: 10.17223/15617793/399/28

Yuan Vladimir L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: it-rigon@mail.ru

Keywords: preparation for interrogation; personality; the interrogated; biographical method; homeostasis; adaptation; biography.

Forensic investigation of the personality of the interrogated is connected with the need which ensures the effectiveness of preparation and the achievement of purposes of the interrogation, but, at the same time, it involves a number of difficulties which appear in the process of its implementation. The data available to the psychological, forensic and a number of other human sciences allow to assert with confidence that a personality obeys certain laws and knowing these laws allows a person to get to know this personality forming a system out of this information. It is well known from biology and physiology that the existence of any living organism needs energy. Any energy is exhausted, being consumed and spent on the maintenance of a living organism. To compensate for the spent energy reserves it is necessary to consume. Consumption of energy for living organisms is associated with the consumption of organic substances which is known to all as the nutrition process. A human being is a living organism to whom the designated pattern is logically extended. Since birth a person acquires skills to survive in the environment since it is dictated by the need for survival. The mechanism that allows a person to balance the available opportunities and potential environmental factors is the mechanism of homeostasis. The manifestation of the mechanism of homeostasis in life of a human being is caused by a number of the following laws: firstly, the existence of a living organism without energy is impossible; secondly, the energy is spent on maintaining the existence of a living organism; thirdly, lack of energy leads to problems and health disorders and, subsequently, to the irreversible loss of the viability of a living organism; fourthly, replenishing energy requires exploration, production and consumption of resources which are capable of restoring this energy; fifthly, in the conditions of resources being finite, the passage of time and continuous flow of energy (consumption of energy is constant, the only question is the flow rate), it is required to optimize the process of exploration, production and consumption of resources which are the sources of energy needed for the existence of a living organism. From the moment of birth and in the further development process a person has a genetic predisposition to a certain set of a particular type of activity. In this regard it is clear that homeostasis is reflected in the life scenarios of the interrogated as the most familiar way of interacting with the environment and people in solving the problems of their existence, viability and survival by achieving integrity, stability and satisfaction of physiological and psychological needs.

REFERENCES

1. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic description of richness of content as a structural element of speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 159–161. (In Russian).
2. Akhmedshin, R.L. (2011) *Yuridicheskaya psikhologiya: kurs lektsiy* [Legal psychology: lectures]. Tomsk: El' Kontent.
3. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected works]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 05 September 2015

ЭКОНОМИКА

УДК 658

З.А. Авласко

ВЫБОР БИЗНЕС-МОДЕЛИ КАК ПЛАТФОРМЫ УСПЕШНОГО ВНЕДРЕНИЯ ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА

Определены особенности текущего развития сельскохозяйственной отрасли в России и выявлен их системный характер. Ключевыми факторами выхода сельского хозяйства из кризиса определяются ориентация предприятий на эффективное управление рыночным поведением и ресурсами, а также внедрение современных методов управления на базе процессного подхода. В статье подчеркивается важность выбора бизнес-модели при внедрении процессного подхода. Выделены ключевые зоны для внедрения новых методов управления и организации бизнес-модели предприятия.

Ключевые слова: бизнес-процессы; бизнес-модель; управление рыночным поведением; процессный подход; агропромышленный комплекс.

Введение

Глобальные изменения на международном рынке и в геополитической ситуации 2014 г. подчеркнули необходимость развития в России собственного производства во всех сферах экономики. Одной из важнейших задач является развитие агропромышленного комплекса страны. По данным прогноза Института конъюнктуры аграрного рынка [1], в 2015 г. этот сектор экономики будет находиться под воздействием крайне противоречивых факторов, что снизит и без того слабый темп прироста.

Для создания платформы устойчивого роста в этом секторе необходимо обеспечить внедрение наиболее эффективных методов управления предприятиями. Стремительное развитие информационных технологий, глобализация конкуренции и изменение поведения потребителей в мире существенно повышают значимость управления рыночным поведением предприятия. В его основе должна находиться сбалансированная система управления цепочкой создания и предоставления ценности клиентам и потребителям, в которой, помимо самого предприятия, участвуют и другие рыночные агенты – поставщики, продавцы, посредники. Таким образом, предприятию необходимо создать взаимоувязанную систему управления не только своей деятельностью, но и деятельностью рыночных агентов, для этого наиболее эффективным будет использование процессного подхода.

Постановка проблемы

Исторические особенности развития агропромышленного сектора в большей степени определяют текущий облик отрасли, чем текущие природные условия и ресурсная обеспеченность, на долю России приходится всего лишь 1,5% в мировом агропромышленном производстве. Несмотря на постепенный незначительный прирост сектора за последнее десятилетие, эксперты оценивают потери и упущенную выгоду в секторе как 25–70 млрд долл. США в год [2] и прогнозируют замедление темпов роста в ближайшие годы [1–3]. Прежние драйверы роста – инвестиции

агрохолдингов в производство с высокой доходностью и быстрой окупаемостью (свиноводство, птицеводство, выращивание сахароносов, риса, зерновых культур) – исчерпаны. В текущем состоянии сектора можно отметить:

- сохранение нетипичной по международным меркам структуры (многоукладность);
- существенную зависимость от импорта и государственной кредитной политики и субсидирования;
- сокращение капиталоемких направлений (мясное и молочное скотоводство, садоводство, выращивание овощей в закрытом грунте, производство бахчевых культур);
- проблемы, связанные с подготовкой кадров и научным обеспечением сектора, производством сельскохозяйственной техники и обеспечением генетическим материалом [1–3].

Производительность труда и эффективность использования ключевых факторов производства сохраняются на низком уровне, а государственное регулирование отрасли не обеспечивает желаемых темпов прироста. Кроме того, отрасль обременена естественными факторами, усложняющими ее развитие:

- отсутствие стандартной схемы производства;
- необходимость принятия решений на основе множества факторов;
- невозможность полного контроля качества исполнения основных технологических операций;
- зависимость от погодных условий;
- неэластичность реагирования на условия и требования рынка.

Управление на основе процессного подхода

Анализ работы крупных предприятий агропромышленного комплекса показывает [4], что для успешного развития важное значение имеют не только природно-климатические условия, но и эффективность использования ресурсов и управление рыночным поведением предприятия. Наиболее результативным в текущей ситуации будет использование процессного подхода к управлению. Основными факторами, подталкивающими руководство предприятия к

внедрению процессного подхода, в сельском хозяйстве являются:

- снижение конкурентоспособности продукта, потеря доли рынка, снижение темпов развития предприятия и прочие кризисные явления в деятельности предприятия;
- повышение эффективности использования ключевых факторов производства и ресурсов;
- необходимость эффективного управления цепочкой создания ценности и цепочками поставок;
- необходимость в оперативном получении точной информации о деятельности для управления предприятием;
- необходимость в улучшении качества продукции;
- отсутствие развитых каналов продаж продукции.

Несмотря на важность и сложность проблем, решаемых при внедрении процессного управления, практика внедрения процессного подхода в целом по России показывает [5], что происходит смещение акцентов в бизнес-моделирование текущих процессов без поступательной эволюции бизнес-модели предприятия. В этом случае на предприятии в разы повышается документированность процедур, возрастают знания о процессах, происходит упорядочение внутреннего взаимодействия, улучшается производственный менеджмент, однако стоимость внедрения этого не покрывает, поскольку в стратегическом смысле эффективность деятельности предприятия на рынке существенно не меняется.

Основными факторами, препятствующими внедрению процессного управления, являются низкая компетентность руководителей предприятий и подразделений в вопросах рыночного управления и низкая активность специалистов маркетинга в вопросах стратегического управления предприятием. Таким образом, получается, что внедрение процессного подхода базируется не на управлении процессами генерирования ценности для клиентов, а на позиции производственного менеджмента как и в прошлом столетии [5–6]. В сфере же сельского хозяйства ситуация более неблагоприятная с точки зрения зрелости систем управления, поскольку часто отсутствуют не только целевые блоки системы управления предприятия, но и она сама в целом. Это приводит подчас к парадоксальным ситуациям на рынке: продукция у производителя присутствует, целевая аудитория испытывает потребность, но рынок удовлетворить эту потребность не может.

Решение данного вопроса возможно при создании полноценной системы управления предприятия, которая базируется на современных методах управления. Использование процессного подхода наиболее целесообразно, поскольку в основе его методологии лежит осознанное управление процессом создания ценности для потребителя.

Таким образом, можно сказать, что вопрос повышения эффективности работы сельскохозяйственного предприятия носит системный характер и для его решения необходимо кардинально изменить вектор развития – вывести на новый уровень бизнес-процессы,

влияющие на управление рыночным поведением. Для этого необходимо создать то ядро, что генерирует ценность для потребителя – бизнес-модель сельскохозяйственного предприятия.

Этапы внедрения процессного подхода

Поскольку бизнес-моделирование – это всего лишь способ отображения текущих и проектируемых процессов предприятия для повышения результативности деятельности, то платформой успешного внедрения процессного подхода необходимо назвать разработку бизнес-модели, которая должна включать в себя всесторонний анализ деятельности предприятия. Таким образом, общая схема работы по внедрению процессного подхода как проекта будет состоять из нескольких этапов (рис. 1).

Результирующим показателем разработки бизнес-модели будет являться повышение эффективности управления рыночным поведением предприятия и как следствие этого, устойчивое обеспечение жизнедеятельности и эволюции процессов по созданию ценности для потребителей.

Этап 1. Анализ внешней и внутренней среды предприятия, как и последующих этапов, может осуществляться самостоятельно или с привлечением внешних экспертов. Цель этого этапа – выявить факторы (производственные и управленческие технологии, предпочтения потребителей, тренды и пр.), позволяющие обеспечить покупательскую удовлетворенность текущей и перспективной целевой аудитории. Поскольку значимость результатов этапа во внедрение процессного подхода велика, то необходимо обратить внимание на следующие факторы риска:

- отсутствие достоверной информации о рынке, продукте, технологиях;
- переоценка своего рыночного положения и продукта;
- низкая квалификация персонала при сборе и анализе необходимой информации;
- отсутствие достоверной системы управленческого учета;
- влияние стекхолдеров на результаты исследований.

Для полноценного проведения этапа рекомендуется провести исследования по следующим направлениям (рис. 2).

Процесс исследования внешней и внутренней среды достаточно подробно изучен [7, 8]. Наиболее важными направлениями исследований для сельскохозяйственных предприятий при изучении внешней среды – производственные и управленческие технологии, цепочки поставок и каналы продаж, маркетинговые стратегии; при исследовании внутренней среды – управление рыночным поведением и продажами, себестоимость продукции и ее составляющих, ключевые ресурсы и преимущества.

Этап 2. Аудит текущей бизнес-модели проводится, используя результаты предыдущего этапа. Цели этапа – выявить проблемные зоны, проверить адекватность требованиям рынка и утвердиться в эффективности бизнес-модели.

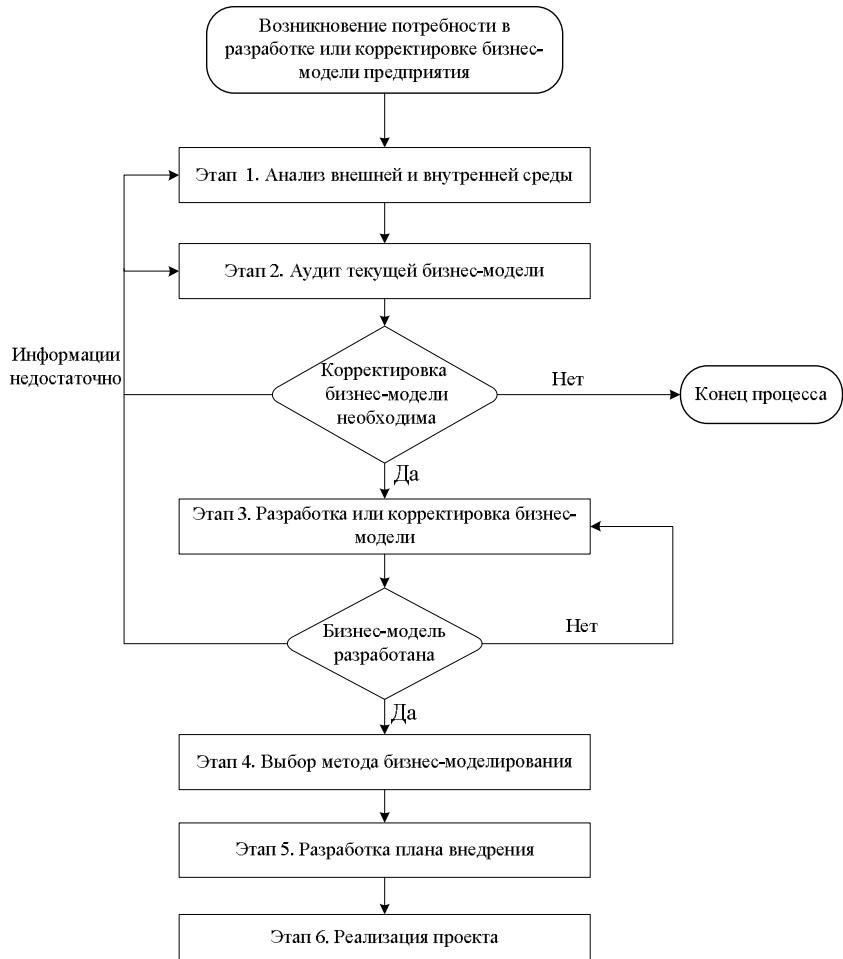

Рис. 1. Общая схема по внедрению процессного подхода

Внешняя среда	Текущая ситуация в отрасли и положение предприятия
	Опыт предприятий отрасли в ведущих странах мира
	Ассортиментный портфель, конкурентный анализ
	Производственные и управленческие технологии
	Текущая и перспективная целевая аудитория
	Цепочки поставок и каналы продаж
	Маркетинговые стратегии
	Макро-тенденции (экономические, политические, экологические, законодательные и проч.)
Внутренняя среда	Ключевые ресурсы и преимущества
	Финансовые показатели деятельности
	Результативность процессов, подразделений
	Себестоимость продукции и ее составляющих
	Производительность труда, кадровая политика и корпоративная культура
	Аудит производственных технологий и оборудования
	Управление рыночным поведением и продажами

Рис. 2. Основные направления для проведения исследований

Этап 3. При необходимости разработки или доработки текущей модели рекомендуется создание смешанной команды сотрудников с привлечением сторонних специалистов из смежных отраслей, представителей текущей или перспективной целевой аудитории. Цель этапа – создать бизнес-модель, обеспечивающую возможность эффективного управления рыночной деятельностью предприятия в текущем и перспективном периоде (1–3 года) для достижения установленной нормы прибыли через наиболее оптимальную комбинацию ключевых ре-

сурсов, преимуществ и процессов создания ценности для потребителя.

Анализ бизнес-моделей международных корпораций показывает [9], что успешность заключается не только в применении революционных технологий и создании новых продуктов, но и достаточно часто в применении новых подходов в организации функционирования ключевых зон (рис. 3), для обеспечения повышения ценности предложения для потребителя либо достижения синергетического эффекта работы с несколькими зонами.

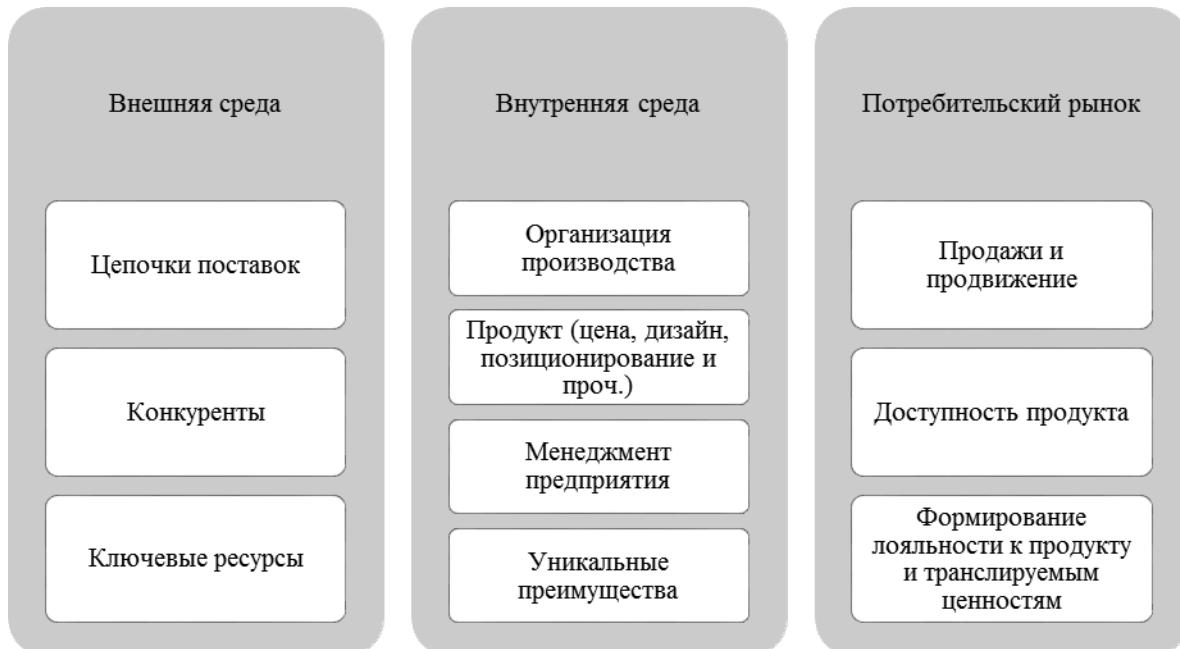

Рис. 3. Ключевые зоны повышения результативности бизнес-модели

В связи с низким уровнем развития системы управления в целом сельскохозяйственным предприятием необходимо методично и последовательно прорабатывать все выявленные ключевые зоны повышения результативности бизнес-модели, в первую очередь, уделяя внимание сектору «Потребительский рынок» и «Внутренняя среда». Полноценное развитие этих зон и периодическое возвращение на этапы 1–3 станут фундаментом создания устойчивой и успешно развивающейся системы управления, которая, функционируя, позволит достичь положительных тенденций в развитии сельскохозяйственного предприятия.

Этапы 4–6. Далее следуют этапы отображения новой бизнес-модели через средства моделирования. Выбор средств и методов зависит как от самой модели, так и от возможностей предприятия. Тема внедрения процессного подхода серьезно исследована [6, 10].

Выходы. Таким образом, первоначально необходимо сосредоточиться на анализе текущей ситуации и повышении ценности своего предложения либо на его создании через ключевые зоны повышения результативности. Впоследствии необходимо, исходя из сформулированного предложения, осуществить под-

бор необходимой бизнес-модели для успешного донесения этой ценности для потребителя. При этом желательно внести новые подходы в управление и организацию ключевых зон. В совокупности это позволит создать оптимальную бизнес-модель, которая далее найдет свое отражение в моделировании при реинжиниринге бизнес-процессов предприятия, что позволит существенно повысить эффективность внедрения процессного подхода и результативность деятельности предприятия на рынке.

Исходя из специфики предприятий агропромышленного комплекса, внедрение процессного подхода в управление рыночным поведением позволит обеспечить планомерное движение к повышению устойчивости предприятия к внешним рыночным факторам, повысить качество управления цепочками поставок и обеспечить эффективную обратную связь с потребительскими рынками. Структуризация управления рыночным поведением также даст существенный толчок к развитию новых производственных цепочек, межрегиональных и кластерных структур, что позволит существенно повысить эффективность деятельности всего агропромышленного сектора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет Института конъюнктуры аграрного рынка «Итоги 2014 г. и перспективы 2015 г.». URL: <http://www.ikar.ru/lenta/524.html> (дата обращения: 15.01.2015).

2. Семёнов В.А., Прудников А.Н. Аналитическая записка о состоянии агропромышленного сектора Российской Федерации Комитета ТППРФ по развитию агропромышленного комплекса. URL: <http://www.tpprf.ru/ru/interaction/committee/komagro/#analiticheskie-materialy> (дата обращения: 20.01.2015).
3. Исследование международной компании Ernst&YoungGlobalLimited «Обзор агропромышленного комплекса Российской Федерации за 2012–2013 годы». URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus/\\$FILE/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus/$FILE/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus.pdf) (дата обращения: 12.09.2014).
4. Рейтинги крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции России (2006–2008 гг.). М. : ВИАПИ им. А.А. Никонова; Энциклопедия российских деревень, 2009. С. 152.
5. Всяких Е.И., Зуева А.Г., Носков Б.В., Киселев С.П., Сидоренко Е.В., Слюсаренко А.И., Треско И.А. (общая редакция). Практика и проблематика моделирования бизнес-процессов. М. : ДМК Пресс ; Компания Айт, 2008. 246 с. : ил. (Серия «ИТ-Экономика»).
6. Репин В.В., Елиферов В.Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов / В. Репин, В. Елиферов. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 544 с.
7. Маркетинг и сбыт / Петер Винкельман. М. : Издательский Дом Гребенникова, 2006. 668 с.
8. Маркетинговые исследования. Инструкция по применению / И.С Березин. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. 383 с.
9. Остервальдер А. Построение бизнес-моделей: Настольная книга стратега и новатора / А. Остервальдер, И. Пинье ; пер. с англ., 3-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
10. Ротер М. Учтесь видеть бизнес-процессы: Практика построения карт потоков создания ценности / Майкл Ротер, Джон Шук ; пер. с англ., 2-е изд. М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. 144 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 27 августа 2015 г.

THE CHOICE OF A BUSINESS MODEL AS A PLATFORM FOR THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE PROCESS APPROACH

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 170–174. DOI: 10.17223/15617793/399/29

Avlasko Zamira A. Krasnoyarsk State Agricultural University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: avlasko_z@mail.ru
Keywords: business processes; business model; management of market behavior; process approach; agro-industrial complex.

The global market is pushing our country to build a strong domestic production sector. Russian agricultural sector develops unsteadily, and occupies only 1.5 % of the world's agricultural production. Experts estimate the losses and profits in the sector as 25–70 billion dollars per annum and forecast a slowdown in the coming years. The possibility of rapid growth in the sector is almost exhausted. Experience of large agricultural enterprises shows that an important factor in increasing the effectiveness is market behavior management and efficient use of resources. In this situation the enterprise management system must undergo significant changes, and it is necessary to use modern methods to enhance manageability. The practice of implementation of the process approach in Russia shows that there is a need for a focus on the better efficiency of the enterprise in the market. To do this, an important step is to create a balanced business model which, in a subsequent period, will be reflected by modeling tools in regulatory documentation. In general terms, the scheme of the process approach implementation will consist of several stages: 1) analysis of the internal and external environment; 2) audit of the current business model; 3) development or adjustment of the business model; 4) choice of the method for business modeling; 5) development of an implementation plan; 6) implementation of the project. At the same time, it is necessary to pay attention to the completeness and adequacy of research because it is the basis for making strategic decisions. Based on the information gathered during the development, it is necessary to ensure the application of approaches, new or unused by competitors, to the organization of the key areas (supply chain, relationships with competitors, key resources, production management, product, company management, unique benefits, sales and promotion, product availability, formation of loyalty to the product and translated values). Because of the nature of agricultural enterprises, the introduction of the process approach to the management of market behavior will ensure systematic improvement of the enterprise's sustainability to external market factors, improve the quality of supply chain management and provide effective feedback from the consumer market. Structuring of market behavior management will also give a significant boost to the development of new production chains, inter-regional and cluster structures, which will significantly increase the efficiency of the whole agricultural sector.

REFERENCES

1. Institute for Agricultural Market. (2014) Report of the Institute for Agricultural Market “The results of 2014 and prospects for 2015”. [Online]. Available from: <http://www.ikar.ru/lenta/524.html>. (Accessed: 15th January 2015). (In Russian).
2. Semenov, V.A. & Prudnikov, A.N. (2014) *Analiticheskaya zapiska o sostoyanii agropromyshlennogo sektora Rossiyskoy Federatsii Komiteata TPPRF po razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa* [Analytical note on the state of the agricultural sector of the Russian Federation of the RF Chamber of Commerce Committee for development of agriculture]. [Online]. Available from: <http://www.tpprf.ru/ru/interaction/committee/ko-magro/#analiticheskie-materialy>. (Accessed: 20th January 2015).
3. Ernst & YoungGlobalLimited. (2014) *Obzor agropromyshlennogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii za 2012–2013gody* [Review of the agro-industrial complex of the Russian Federation for 2012–2013]. [Online]. Available from: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus/\\$FILE/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus/$FILE/EY-Russia-agricultural-sector-survey-2014-rus.pdf). (Accessed: 12th September 2014).
4. Anon. (2009) *Reytingi krupneyishikh proizvoditeley sel'skokhozyaystvennoy produktu Rossii (2006–2008 gg.)* [Ratings of the largest agricultural producers in Russia (2006–2008)]. Moscow: VIAPi im. A.A. Nikonova, Entsiklopediya rossiyskikh derevень.
5. Vsyakikh, E.I. et al. (eds) (2008) *Praktika i problematika modelirovaniya biznes-protsessov* [Practice and problems of business process modeling]. Moscow: DMK Press; Moscow: Kompaniya AyTi.
6. Repin, V.V. & Eliferov, V.G. (2013) *Protsessnyy podkhod k upravleniyu. Modelirovaniye biznes-protsessov* [The process approach to management. Business process modeling]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
7. Winkelmann, P. (2006) *Marketing i sbyt* [Marketing and Sales Promotion]. Translated from English. Moscow: Izdatel'skiy Dom Grebennikova.
8. Berezin, I.S. (2012) *Marketingovye issledovaniya. Instruktsiya po primeneniyu* [Marketing research. Instructions for use]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
9. Osterwalder, A. & Pine, Y. (2012) *Postroenie biznes-modeley: Nastol'naya kniga stratega i novatora* [Business model construction: Handbook for strategist and innovator]. Translated from English. 3rd ed. Moscow: Al'pina Publisher.
10. Rother, M. & Shook, J. (2008) *Uchites' videt' biznes-protsessy: Praktika postroeniya kart potokov sozdaniya tsennosti* [Learn to see business processes: The practice of mapping the value stream]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Al'pina Biznes Buks.

Received: 27 August 2015

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ АИРР КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Проводится кластеризация регионов АИРР в зависимости от показателей инновационного развития с использованием корреляционного, факторного и кластерного анализа. Выявляются четыре региональные модели инновационного развития, описываются их особенности, преимущества и недостатки. Делается вывод о взаимодополняемости данных моделей и возможности реализации подхода «открытых инноваций» на межрегиональном уровне. Предлагается формирование межрегиональной инновационной политики с целью повышения эффективности инновационной деятельности в каждом регионе на основе синергизма региональных инновационных потенциалов.

Ключевые слова: кластеризация регионов; инновационная политика; Ассоциация инновационных регионов России; региональные модели инновационного развития.

Введение

Актуальность исследования развития инновационных систем в пространственном разрезе для России обусловлена высоким уровнем дифференциации потенциалов инновационного развития регионов страны. Кроме того, эволюционные изменения свойств инновационного процесса [1] и распространение подходов к управлению инновационной деятельностью на основе открытости [2] (формировании разнонаправленных потоков результатов инновационной деятельности между хозяйствующими субъектами с учетом комплементарности их ресурсов) диктуют необходимость пересмотра и совершенствования подходов к региональной и национальной инновационной политике.

По инициативе регионов сформировалась межрегиональная площадка – Ассоциация инновационных регионов России (АИРР¹), для которых инновационное развитие является приоритетом региональной политики.

Такая форма сотрудничества регионов представляется научный интерес с точки зрения анализа возможностей для межрегионального взаимодействия в сфере инновационной деятельности, т.е. реализации принципа открытости в управлении региональными инновационными процессами.

Большинство существующих методик оценки инновационного развития регионов АИРР [3] нацелены на разделение регионов по условным группам – сильные, средние, слабые – на основе подсчета интегральных показателей. Однако они построены лишь на количественном сравнении и не позволяют отразить содержательную составляющую инновационного развития той или иной группы регионов. Результаты применения данных методик существенно зависят от набора показателей, которые подчеркивают достоинства одних региональных моделей и недостатки других. Предложенный в статье вариант кластеризации² регионов АИРР преследует цель описать различные модели регионального инновационного развития (выделенные группы регионов) не по принципу сильнее–слабее или лучше–хуже, а содержательно описать их особенности, преимущества и недостатки.

Кластерный анализ данных о результатах инновационного развития регионов АИРР

1. Кластеризация показателей инновационного развития регионов АИРР. В качестве основного метода кластеризации показателей использован факторный анализ, который позволяет построить факторное пространство инновационного развития регионов и провести кластеризацию регионов [4] в зависимости от особенностей их инновационного развития.

Необходимость применения факторного анализа для построения модели обусловлена тем, что используемые на практике показатели инновационного развития регионов являются корреляционно зависимыми и не формируют систему базисных показателей инновационного развития региона. Поскольку система базисных показателей формируется из корреляционно-независимых факторов, образованных группами корреляционно-связанных исходных показателей, то в результате применения данного анализа появляется возможность оценить влияние каждого фактора на структуру и динамику инновационного развития региона.

Для построения факторной модели инновационного развития регионов АИРР использовались показатели, представленные в табл. 1.

В данном исследовании использованы многомерные статистические методы: корреляционный, факторный, дисперсионный и кластерный анализ [2–5]. Статистический анализ проводился в системе STATISTICA 6 [6–12]. Информационной статистической базой исследования являются показатели инновационного развития регионов АИРР (табл. 2).

Корреляционный анализ показателей инновационного развития регионов АИРР выявил значимые (табл. 3) корреляционные связи разных пар показателей (табл. 4–5).

Поскольку выявлены значимые корреляционные связи разных пар показателей, то при проведении кластеризации показателей в качестве меры близости показателей было использовано корреляционное расстояние (1 – г Пирсона). Графические результаты кластерного анализа показателей по АИРР за 2012 г. представлены на дендрограмме (рис. 1). Устойчивыми (методы Варда, полной связи, взвешенного попарного среднего

и невзвешенного попарного среднего) можно считать формирование 3 корреляционно связанных групп пока-

зателей: $\Phi_1 = \{11+23+14+22\}$, $\Phi_2 = \{31+33+12\}$, $\Phi_3 = \{13+42\}$.

Таблица 1

Группировка показателей, характеризующих инновационное развитие регионов АИРР

Основанные группы показателей		Показатели, характеризующие инновационное развитие регионов АИРР											
1. Базовые показатели развития инновационной экономики		1.1. Доля инновационных товаров, работ, услуг в ВРП, %											
		1.2. Доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками в экономически активном населении региона, %											
		1.3. Валовой региональный продукт, млн руб.											
		1.4. Интенсивность затрат на технологические инновации, %											
2. Показатели результативности инновационной деятельности		2.1. Объем инновационных товаров, продукции, работ, услуг, млн руб.											
		2.2. Объем инновационных товаров, продукции, работ, услуг на одну инновационно активную организацию, млн руб.											
		2.3. Удельный вес инновационных товаров, продукции, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %											
3. Показатели состояния сферы интеллектуальной собственности		3.1. Коэффициент изобретательской активности											
		3.2. Выдача охранных документов (патентов), ед.											
		3.3. Суммарный рейтинг региональных вузов, вошедших в ТОП-100 вузов России (по версии Эксперт РА) и по критерию «Инновации» (по версии «Национальный рейтинг универ.»)											
		3.4. Количество используемых патентов, ед.											
4. Показатели технологической обеспеченности		4.1. Число созданных (разработанных) передовых производственных технологий, ед.											
		4.2. Число используемых передовых производственных технологий, ед.											

Таблица 2

Стандартизированная база показателей инновационного развития регионов АИРР за 2012 г.

Код	Регион	11	12	13	14	21	22	23	31	32	33	34	41	42
1	Алтайский край	-0,85	-1,19	-0,52	-0,41	-0,66	-0,82	-0,76	-0,92	-0,64	-0,66	-0,65	-1,12	-0,84
2	Иркутская обл.	-0,92	-0,61	-0,19	-0,50	-0,64	-0,74	-0,90	-0,73	-0,64	0,28	-0,61	1,76	-1,20
3	Калужская обл.	-0,22	1,88	-0,59	-0,40	-0,50	-0,20	-0,51	-0,56	-1,05	-1,28	-0,78	1,15	-0,65
4	Красноярский край	-0,68	-0,58	0,21	0,07	-0,31	-0,38	-0,66	-0,26	0,15	0,00	0,72	0,93	-0,57
5	Липецкая обл.	0,76	-0,69	-0,58	0,43	-0,22	0,65	0,29	-1,09	-1,18	-1,06	-0,60	-1,12	-0,44
6	Новосибирская обл.	-0,60	1,24	-0,26	-0,31	-0,45	-0,72	-0,17	0,29	0,48	0,45	-0,63	0,54	-0,43
7	Пермский край	0,09	-0,04	-0,05	-0,09	0,24	-0,10	-0,12	-0,11	0,32	0,12	2,02	-0,18	0,49
8	Респ. Башкортостан	-0,39	-0,56	0,18	-0,62	-0,00	-0,34	-0,33	-0,36	0,84	-0,27	-0,02	-0,84	1,47
9	Респ. Мордовия	1,47	-0,90	-0,73	0,47	-0,41	0,44	1,80	-1,06	-1,26	-0,46	-0,90	-0,84	-0,38
10	Респ. Татарстан	1,27	-0,16	0,43	0,19	2,45	0,47	1,24	1,20	2,33	1,28	1,99	1,37	0,86
11	Самарская обл.	2,10	0,38	-0,01	3,17	2,10	3,04	2,02	0,64	1,10	1,00	0,86	-0,12	1,62
12	Томская обл.	-0,82	1,71	-0,51	-0,43	-0,65	-0,75	-0,89	2,24	0,22	1,95	-0,66	-1,01	-0,76
13	Тюменская обл.	-0,97	-0,95	3,24	-0,92	-0,41	-0,56	-1,01	-0,53	-0,58	-0,53	-0,24	-0,73	1,62
14	Ульяновская обл.	-0,24	0,45	-0,63	-0,65	-0,54	0,01	-0,01	1,24	-0,10	-0,82	-0,51	0,21	-0,80

Таблица 3

Категории значимости парных коэффициентов корреляции

Категория значимости	Незначимо	Слабозначимо	Статистически значимо	Сильнозначимо	Высокозначимо
Уровень значимости	$p > 0,10$	$0,10 > p > 0,05$	$0,05 > p > 0,005$	$0,005 > p > 0,0005$	$0,0005 > p$
Коэффициент корреляции	$r, R < 0,46$	$0,46 < r, R < 0,53$	$0,53 < r, R < 0,70$	$0,70 < r, R < 0,81$	$0,81 < r, R$

Таблица 4

Матрица парных коэффициентов корреляций параметрического Пирсона (выделены значимые на уровне $p < 0,050$)

Перем.	11	12	13	14	21	22	23	31	32	33	34	41	42
11	1,00	-0,06	-0,22	0,81	0,74	0,88	0,97	0,04	0,28	0,15	0,37	-0,05	0,38
12	-0,06	1,00	-0,32	0,02	-0,01	0,00	-0,07	0,60	0,16	0,31	-0,11	0,26	-0,20
13	-0,22	-0,32	1,00	-0,18	0,12	-0,10	-0,24	-0,08	0,14	0,01	0,22	-0,05	0,64
14	0,81	0,02	-0,18	1,00	0,67	0,94	0,78	0,08	0,28	0,30	0,32	-0,04	0,36
21	0,74	-0,01	0,12	0,67	1,00	0,73	0,70	0,33	0,78	0,48	0,75	0,23	0,63
22	0,88	0,00	-0,10	0,94	0,73	1,00	0,83	0,11	0,29	0,16	0,35	-0,06	0,48
23	0,97	-0,07	-0,24	0,78	0,70	0,83	1,00	0,08	0,31	0,18	0,31	-0,04	0,35
31	0,04	0,60	-0,08	0,08	0,33	0,11	0,08	1,00	0,63	0,73	0,27	0,11	0,07
32	0,28	0,16	0,14	0,28	0,78	0,29	0,31	0,63	1,00	0,69	0,73	0,28	0,53
33	0,15	0,31	0,01	0,30	0,48	0,16	0,18	0,73	0,69	1,00	0,41	0,14	0,18
34	0,37	-0,11	0,22	0,32	0,75	0,35	0,31	0,27	0,73	0,41	1,00	0,27	0,52
41	-0,05	0,26	-0,05	-0,04	0,23	-0,06	-0,04	0,11	0,28	0,14	0,27	1,00	-0,21
42	0,38	-0,20	0,64	0,36	0,63	0,48	0,35	0,07	0,53	0,18	0,52	-0,21	1,00

Таблица 5

Матрица парных коэффициентов корреляций рангового Спирмена (выделены значимые на уровне $p < 0,050$)

Перем.	11	12	13	14	21	22	23	31	32	33	34	41	42
11	1,00	0,24	-0,24	0,78	0,68	0,90	0,96	0,06	0,15	0,03	0,21	0,01	0,45
12	0,24	1,00	-0,16	-0,01	-0,00	0,09	0,16	0,69	0,42	0,29	-0,02	0,38	-0,05
13	-0,24	-0,16	1,00	-0,10	0,50	-0,07	-0,24	0,28	0,65	0,48	0,74	0,27	0,56
14	0,78	-0,01	-0,10	1,00	0,57	0,63	0,74	-0,13	0,05	0,21	0,13	-0,01	0,31
21	0,68	-0,00	0,50	0,57	1,00	0,76	0,65	0,13	0,51	0,24	0,74	0,13	0,82
22	0,90	0,09	-0,07	0,63	0,76	1,00	0,88	0,03	0,11	-0,11	0,39	0,07	0,53
23	0,96	0,16	-0,24	0,74	0,65	0,88	1,00	0,11	0,21	0,06	0,24	-0,02	0,43
31	0,06	0,69	0,28	-0,13	0,13	0,03	0,11	1,00	0,77	0,62	0,39	0,29	0,15
32	0,15	0,42	0,65	0,05	0,51	0,11	0,21	0,77	1,00	0,72	0,69	0,26	0,51
33	0,03	0,29	0,48	0,21	0,24	-0,11	0,06	0,62	0,72	1,00	0,32	0,25	0,24
34	0,21	-0,02	0,74	0,13	0,74	0,39	0,24	0,39	0,69	0,32	1,00	0,24	0,55
41	0,01	0,38	0,27	-0,01	0,13	0,07	-0,02	0,29	0,26	0,25	0,24	1,00	-0,08
42	0,45	-0,05	0,56	0,31	0,82	0,53	0,43	0,15	0,51	0,24	0,55	-0,08	1,00

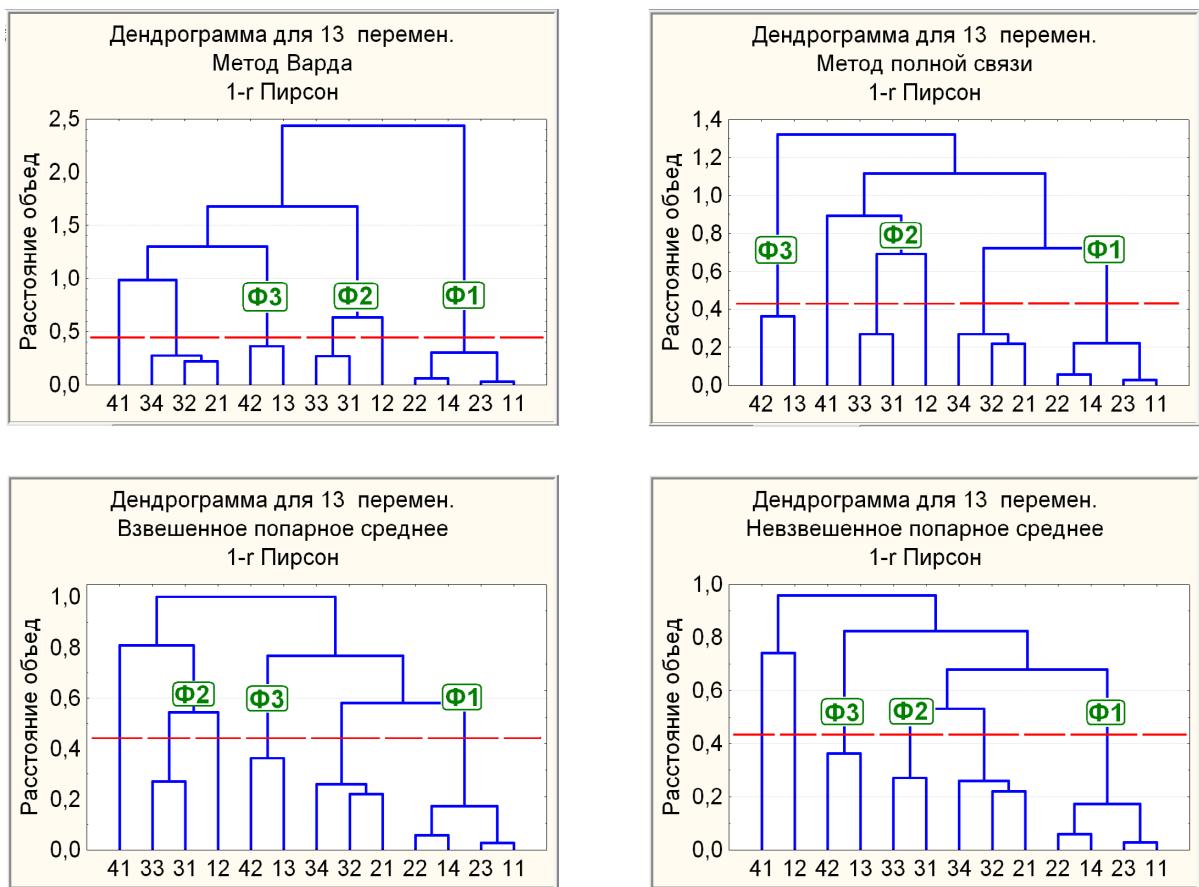

Рис. 1. Дендрограмма корреляционной матрицы показателей инновационного развития регионов АИРР за 2012 г.

Преимуществом кластерного анализа является то, что он позволяет выявлять не только высокозначимые парные корреляции индикаторов внутри основных групп, но и значимые ($1 - r \leq 1 - 0,576 = 0,424$ – критическое значение для группы из 14 регионов при уровне значимости 0,05 выделено на рис. 1 горизонтальной пунктирной прямой) межгрупповые кластеры показателей АИРР, т.е. факторы для построения базиса оценки инновационного развития регионов АИРР.

С помощью факторного анализа построена 3-факторная модель показателей инновационного развития регионов АИРР за 2012 г. (табл. 6). Жирным шрифтом

выделены наиболее значимые факторные нагрузки (частные коэффициенты корреляции), которые позволяют по совокупности показателей интерпретировать значимые факторы. В нижней строке приведены весовые коэффициенты факторов. Факторные показатели развития регионов АИРР за 2012 г. представлены в табл. 7.

Значимые факторы, составляющие базис инновационного развития регионов АИРР за 2012 г., представлены в табл. 8. В результате проведения факторного анализа из 13 исходных показателей сформировано 3 значимых фактора.

Таблица 6
Факторные нагрузки показателей инновационного развития
регионов АИРР за 2012 г.

Код показателя	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
11	0,971	0,035	0,030
12	-0,073	0,58	-0,554
13	-0,264	-0,021	0,846
14	0,912	0,111	0,002
21	0,713	0,504	0,410
22	0,945	0,073	0,090
23	0,944	0,055	0,004
31	0,010	0,872	-0,141
32	0,257	0,816	0,394
33	0,136	0,822	0,060
34	0,332	0,52	0,55
41	-0,083	0,43	-0,115
42	0,369	0,146	0,816
Общ. дис.	4,478	3,189	2,361
Доля общ.	0,344	0,245	0,182

Таблица 7
Стандартизированные значения факторных показателей
для регионов АИРР за 2012 г.

Код региона	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	-0,530	-1,067	-0,120
2	-0,817	-0,120	-0,463
3	-0,302	-0,252	-1,234
4	-0,483	0,133	0,243
5	0,731	-1,466	-0,410
6	-0,548	0,691	-0,691
7	0,006	0,334	0,674
8	-0,322	-0,192	1,025
9	1,194	-1,478	-0,662
10	0,773	1,809	1,064
11	2,576	0,636	0,327
12	-0,892	1,571	-1,151
13	-1,127	-0,791	2,290
14	-0,260	0,192	-0,891

Таблица 8
Значимые взвешенные факторы инновационного развития регионов АИРР за 2012 г.

Код фактора	Расшифровка кодов	Вес	Экономическая интерпретация факторов
11+14+ +22+23+21	Доля инновационных товаров, работ, услуг в ВРП, %; объем инновационных товаров, продукции, работ, услуг, млн руб.; интенсивность затрат на технологические инновации, %; объем инновационных товаров, продукции, работ, услуг на одну инновационно активную организацию, млн руб.; удельный вес инновационных товаров, продукции, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %	0,34	Отражает результативность функционирования инновационного сектора (инновационных компаний) в регионах
31+32+ 33+12+ +34+41	Коэффициент изобретательской активности, выдача охранных документов (патентов), ед.; суммарный рейтинг региональных вузов, вошедших в ТОП-100 вузов России по критерию «Инновации»; доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками в экономически активном населении региона, %; количество используемых патентов, ед.; число созданных (разработанных) передовых производственных технологий, ед.	0,25	Отражает результативность функционирования сферы исследований и разработок, а также интеллектуальной собственности в регионах
13+42+ +34	Валовой региональный продукт, млн руб.; число используемых передовых производственных технологий, ед.; количество используемых патентов, ед.	0,18	Отражает зависимость итогового экономического эффекта экономики от объема коммерциализированных технологий и объектов интеллектуальной собственности в регионах
$\Sigma = 0,77$			

2. Кластеризация регионов АИРР. Для кластерного анализа [2, 5, 9] инновационного развития регионов АИРР был выбран метод полной связи в качестве правила объединения регионов. В качестве меры близости регионов используется расстояние Чебышева. Для наглядности был использован метод дендрограмм (рис. 2), который позволяет графически проиллюстрировать кластеризацию регионов АИРР по уровню инновационного развития за 2012 г.

На древовидной диаграмме представлены регионы, которые по мере «движения» вправо объединяются и формируют группы (кластеры). Каждый узел диаграммы (рис. 4) представляет объединение групп регионов, а положение узлов на горизонтальной оси определяет расстояние, на котором объединены соответствующие группы. В зависимости от выбора расстояния объединения можно получить соответствующее количество групп регионов, однородных по совокупности 3 факторов: Ф1, Ф2 и Ф3.

Наряду с методом древовидной кластеризации применяется метод К-средних, проводящий классификацию регионов по заданному количеству групп и позволяющий оценить ее качество в рамках дисперсионного анализа.

Применение метода К-средних позволяет группировать регионы с целью минимизации изменчивости внутри групп и максимизации изменчивости между ними.

В данном исследовании в 3-факторной модели {Ф1, Ф2, Ф3} показателей инновационного развития регионов АИРР предлагается 4-кластерная модель регионов (рис. 3), высокозначимая по совокупности 3 факторов согласно многомерному критерию λ – Уилksa.

Применение дисперсионного анализа позволило осуществить оценку значимости кластеризации регионов по каждому фактору (табл. 9).

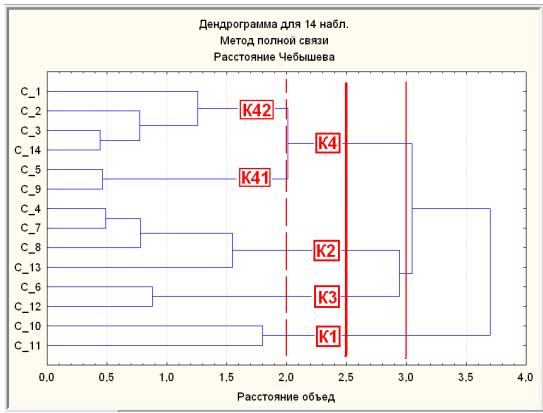

Рис. 2. Дендрограмма регионов АИРР за 2012 г.

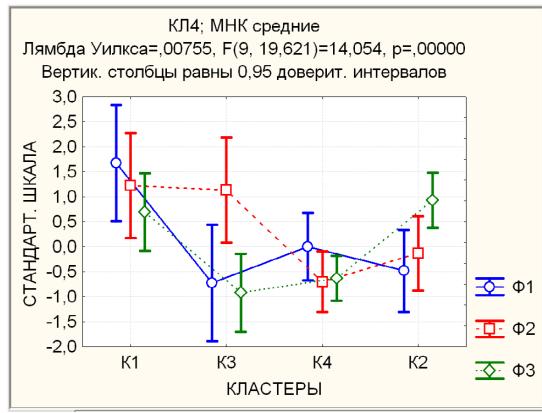

Рис. 3. Линейные графики кластерных средних с 95%-ми доверительными интервалами для каждого фактора

Таблица 9

Результаты дисперсного анализа группировки регионов АИРР по каждому фактору за 2012 г.

Фактор	SS _{между}	ss _м	SS _{внутри}	ss _в	F	Значим. p
Ф1	7,57021	3	5,42979	10	4,647335	0,027757
Ф2	8,53939	3	4,46061	10	6,381337	0,010874
Ф3	8,50871	3	2,43364	10	11,65431	0,001329

Оценка значимости различий групповых средних значений факторных целей в дисперсионном анализе основана на сравнении компоненты дисперсии, обусловленной межгрупповым разбросом ($SS_{\text{между}}$ – суммой квадратов отклонений групповых средних от общей средней по АИРР или межгрупповой суммой квадратов отклонений), и компоненты дисперсии, обусловленной внутригрупповым разбросом ($SS_{\text{внутри}}$ – суммой квадратов отклонений значений факторных показателей для регионов (рис. 3) от групповых средних или внутригрупповой суммой квадратов отклонений). Согласно нулевой гипотезе о равенстве средних всех групп средняя межгрупповая дисперсия ($SS_{\text{между}}$, деленная на соответствующее число степеней свободы ss_m) будет практически совпадать со средней внутригрупповой ($SS_{\text{внутри}}$, деленная на ss_v). Полученные средние дисперсии можно сравнить с помощью F -критерия, проверяющего, действительно ли отношение средней межгрупповой дисперсии к средней внутригрупповой значимо больше 1. В рассматриваемом случае (рис. 5, табл. 6) параметрический F -критерий показывает, что различие между 4 групповыми средними значимо в разной степени: статистически значимо по Ф1 (на уровне $p \approx 0,028$) и Ф2 ($p \approx 0,011$), а по Ф3 ($p \approx 0,0013$) – сильнозначимо. Непараметрический (ранговый) критерий Краскела – Уоллиса смягчает эти оценки: до слабо значимого уровня ($p \approx 0,092$) по Ф1, статистически значимо по Ф2 ($p \approx 0,031$) и Ф3 ($p \approx 0,019$).

В рамках дисперсионного анализа (методом множественных сравнений) можно выделить для каждого фактора однородные (различающиеся незначимо, т.е. на уровне значимости $p > 0,10$) группы кластеров, расположенные в порядке убывания кластерных средних (рис. 4).

– Ф1: {K1}, {K4, K2, K3}. При этом K1 статистически значимо ($0,005 < p \approx 0,007 < 0,05$)

отличается от K4 по параметрическому F -критерию и слабо значимо ($0,05 < p \approx 0,09 < 0,10$) по ранговому критерию Краскела – Уоллиса;

– Ф2: {K1, K3}, {K2, K4}. При этом K1 статистически значимо ($0,005 < p = 0,042 < 0,050$) отличается от K2 по параметрическому F -критерию и слабо значимо ($0,05 < p \approx 0,06 < 0,10$) по ранговому критерию Краскела – Уоллиса;

– Ф3: {K2, K1}, {K4, K3}. При этом K1 статистически значимо ($0,005 < p = 0,008 < 0,050$) отличается от K4 по параметрическому F -критерию и статистически значимо ($0,005 < p = 0,045 < 0,050$) по ранговому критерию Краскела – Уоллиса.

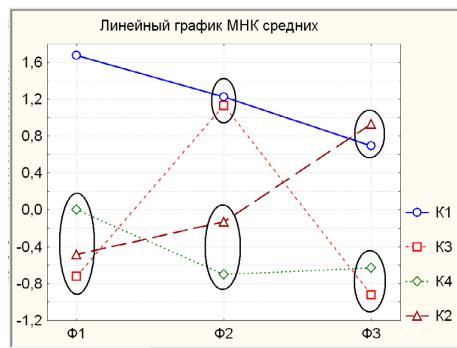

Рис. 4. Однородные группы кластерных средних для каждого фактора

Проведенная качественная классификация (табл. 7) детальным образом прописывает структуру кластерной модели регионов АИРР, проводя измерения различий 4 кластеров в номинальной шкале по совокупности 3 факторов.

По итогам кластеризации на уровне 4-кластерной модели регионов АИРР были определены четыре основные группы (табл. 10).

Таблица 10

Группировка регионов АИРР за 2012 г.

Группа	Регионы
K 1	Республика Татарстан, Самарская область
K 2	Красноярский, Пермский края, Республика Башкортостан, Тюменская область
K 3	Новосибирская, Томская области
K 4	Алтайский край, Иркутская область, Калужская, Ульяновская, Липецкая области, Республика Мордовия

Таблица 12

Характеристика региональных моделей инновационного развития (АИРР в 2012 г.)

Особенности модели	Преимущества и недостатки (риски) модели
1. Модель промышленных инновационно активных регионов (Республика Татарстан, Самарская область)	
Доминируют инновационные промышленные предприятия, которые отличаются наличием собственной мощной производственной базы. Основной источник генерации инноваций – промышленный сектор. Основные структуры, занимающиеся исследованиями и разработками, – специализированные подразделения предприятий. Разработки осуществляются в ответ на запросы рынка, тем самым повышается вероятность их массового производства, реализации и потребления на внутреннем и внешнем рынке (превалируют элементы модели инновационного процесса G2 «подтягивание спросом»). Выступают и производителем и потребителем инноваций в одном лице. В то же время отмечаются высокая инновационная активность в экономике, результативность инновационного сектора и патентная активность. Доминируют двунаправленные потоки РИД	Преимущества: наличие развитой производственной базы; более высокая вероятность успешного массового инновационного производства, реализации и потребления на рынке; более короткий инновационный процесс, минимизация временного лага от идеи до внедрения; принадлежность большей части объектов интеллектуальной собственности предприятиям, что способствует более эффективному их использованию; относительная независимость от других производителей и потребителей инноваций Недостатки (риски): более низкая мобильность крупных промышленных предприятий; свертывание программ долгосрочных стратегических фундаментальных исследований и разработок; преобладание улучшающих («микроинноваций», «псевдоинноваций»), маркетинговых инноваций, что не может служить основой качественного инновационного роста; ограниченные возможности адаптации к радикальным технологическим изменениям, фундаментальным долгосрочным тенденциям НТП
2. Модель промышленных регионов, обеспечивающих спрос на инновации (рынок) (Красноярский, Пермский край, Республика Башкортостан, Тюменская область)	
Традиционно промышленные регионы, в основе экономики которых находятся машиностроение, энергетика, авиастроение, металлургия и другие отрасли, требующие существенных производственных мощностей. Доминируют промышленные предприятия, которые в незначительной степени занимаются самостоятельным производством инноваций, но обеспечивают спрос на них. В отличие от регионов первой модели, не отличаются высокими показателями инновационной деятельности и качества научно-образовательного комплекса. Доминирует направление потока РИД «снаружи–внутрь»	Преимущества: наличие развитой производственной базы; более высокая вероятность успешного массового инновационного производства, реализации и потребления на рынке; более короткий инновационный процесс, минимизация временного лага от идеи до внедрения; принадлежность большей части объектов интеллектуальной собственности предприятиям, что способствует более эффективному их использованию, наличие возможностей для быстрого развития собственных инновационных процессов Недостатки (риски): более низкая мобильность крупных промышленных предприятий; свертывание программ долгосрочных стратегических исследований и разработок; преобладание улучшающих («микроинноваций», «псевдоинноваций»), маркетинговых инноваций, что не может служить основой качественного инновационного роста; ограниченные возможности адаптации к радикальным технологическим изменениям, фундаментальным долгосрочным тенденциям НТП; ориентация на поиск готовых технических решений, а не на их создание, что обуславливает технологическую зависимость
3. Модель регионов с развитым научно-образовательным комплексом (Томская, Новосибирская области)	
Доминируют малые инновационные предприятия при вузах, НИИ, ОЭЗ, основанные на передовых разработках, не предлагающие существенных производственных мощностей. Основной источник генерации инноваций – НОК. Основные структуры, занимающиеся исследованиями и разработками, – вузы, научно-исследовательские структуры, МИПы. Разработки осуществляются исходя из фундаментальных научных предпосылок (превалируют элементы модели инновационного процесса G1 «технологический толчок»). В то же время отмечаются высокая инновационная активность в экономике, высокое качество вузов и их исследовательская активность. Модель с актуализированным институтом интеллектуальной собственности, высокой изобретательской и патентной активностью. Доминируют направление потока РИД «изнутри–наружу»	Преимущества: фундаментализм исследований в НОК, что обеспечивает возможность создания прорывных инноваций и, следовательно, опережающего инновационного развития; более высокий уровень развития человеческого капитала; возможность обеспечения технологической независимости региона; более высокая мобильность малых инновационных компаний, высокое качество НОКа, создание и владение существенным объемом интеллектуальных прав (объектов интеллектуальной собственности), что обуславливает возможность формирования интеллектуальной ренты. Недостатки (риски): существенный временной лаг между возникновением идеи и реализацией на рынке; обособленность инновационного процесса от общепроизводственного; игнорирование характеристик рыночного спроса (отсутствие связи разработок с рынком), что обуславливает риск невостребованности продукта; необходимость наличия и содержания сети развитых институтов трансфера технологий, содержание и функционирование которых требует высоких затрат; зависимость от покупателей (рынка сбыта) разработок и, следовательно, внутренней и внешней рыночной конъюнктуры
4. Смешанная догоняющая модель инновационного развития регионов (Алтайский край, Иркутская, Калужская, Ульяновская, Липецкая области, Республика Мордовия)	
Регионы, которые по показателям инновационного развития не могут быть однозначно отнесены к какой-либо из вышеперечисленных моделей. Не имеют выражено развитого одного сектора инновационной экономики (промышленность или НОК). Как правило, отличаются средними или низкими результатами инновационной деятельности относительно остальных регионов АИРР. Отдельные регионы потенциально тяготеют в одной из вышеперечисленных моделей, однако для формального отнесения к ним требуется более четкий курс инновационной политики с упором на определенные источники генерации инноваций и сектора	Могут быть выражены любые из перечисленных преимуществ и недостатков при тяготении к соответствующей модели. Общие недостатки: менее активная инновационная деятельность, невысокий уровень развития НОК, нацеленность на модернизацию производств (догоняющий тип развития), зависимость от производителей инноваций

3. Экономическая интерпретация и обсуждение результатов. Результаты кластерного анализа позволяют говорить о наличии нескольких моделей инновационного развития среди регионов АИРР:

1. Модель промышленных инновационно активных регионов (Республика Татарстан, Самарская область) – основной источник генерации инноваций – промышленный сектор.

2. Модель промышленных регионов, обеспечивающих спрос на инновации («рынок») (Красноярский край, Пермский край, Республика Башкортостан, Тюменская область).

3. Модель регионов с развитым научно-образовательным комплексом (Томская, Новосибирская области) – основной источник генерации инноваций – научно-образовательный комплекс.

4. Смешанная догоняющая модель инновационного развития регионов (Алтайский край, Иркутская область, Калужская область, Ульяновская область, Липецкая область, Республика Мордовия).

Преимущества и недостатки моделей являются взаимонивелируемыми при взгляде на АИРР как единый субъект инновационной деятельности. Особенности различных моделей инновационного развития позволяют каждому региону достигать эффективной инновационной деятельности на основе взаимодополняемости ресурсов в случае, если каждый регион вы-

полняет свою функцию (роль), определенную моделью инновационного развития. Так, промышленные регионы имеют возможность привлекать прорывные технологии, разработки; регионы с развитым НОК имеют стабильный рынок сбыта для разрабатываемых технологий; регионы со смешанными догоняющими моделями получают расширенные возможности для развития. Подобные взаимные интересы и особенности инновационного развития регионов образуют фундамент и являются предпосылкой для реализации подхода открытых инноваций в АИРР с применением различных его форм и инструментов.

В результате в регионах АИРР существуют объективные экономические предпосылки для реализации подхода открытых инноваций в виде взаимодополняемых региональных моделей инновационного развития и виде потребностей регионов в повышении эффективности инновационной деятельности.

Таким образом, проблема межрегиональной дифференциации в сфере инновационной деятельности может быть трансформирована в дополнительный источник развития регионов на основе формирования межрегиональной инновационной политики, целью которой является активизация и повышение эффективности инновационной деятельности во всех регионах на основе синергизма использования региональных потенциалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АИРР создана в 2010 г. с целью содействия эффективному инновационному развитию регионов-участников. В настоящее время в АИРР входят 14 регионов: Республики Башкортостан, Татарстан, Мордовия, Алтайский, Красноярский, Пермский края, Иркутская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Самарская, Томская, Тюменская и Ульяновская области.

² Информационно-аналитическую базу анализа составляет статистическая информация об инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации за 2012 г. (результаты федерального статистического наблюдения Федеральной службой государственной статистики) по формам:

– № 4 – инновация «Сведения об инновационной деятельности организации» (годовая);
– № 2 – МП инновация «Сведения о технологических инновациях малого предприятия» (1 раз в 2 года за нечетные годы).
– № 1 – технология «Сведения о создании и использовании передовых производственных технологий» (годовая).

³ Теснее соприкасаются друг с другом в пространстве наиболее весомые факторные цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурец Ю.С. Эволюция моделей управления инновационным процессом // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 4. С. 125–139.
2. Бурец Ю.С. Теоретико-методологические аспекты подхода открытых инноваций: сущность, формы, инструменты, модель // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-3. С. 705–711.
3. Унтура Г.А., Есикова Т.Н., Зайцев И.Д., Морошкина О.Н. Проблемы и инструменты аналитики инновационного развития субъектов РФ // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 81–100.
4. Акерман Е.Н., Михальчук А.А., Трифонов А.Ю. Типология регионов как инструмент со-организации регионального развития // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 126–131.
5. Сошиникова Л.А., Тамашевич В.Н., Убебе Г., Шеффер М. Многомерный статистический анализ в экономике. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 598 с.
6. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Теория вероятностей и прикладная статистика. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. Т. 1. 656 с.
7. Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы. М. : Финансы и статистика, 1998. 352 с.
8. Дюран Б., Одэлл П. Кластерный анализ. М. : Статистика, 1977. 128 с.
9. Каплан А.В. и др. Решение экономических задач на компьютере. СПб. : Питер, 2004. 600 с.
10. Боровиков В.П. Statistica. Искусство анализа данных на компьютере. СПб. : Питер, 2003. 688 с.
11. Боровиков В.П., Боровиков И.П. Statistica. Статистический анализ и обработка данных в среде Windows. М. : Филинъ, 1997. 608 с.
12. Халафян А.А. Statistica 6. Статистический анализ данных. М. : ООО «Бином-Пресс», 2008. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 16 сентября 2015 г.

CLUSTERING OF AIRR REGIONS AS A PREREQUISITE OF INTERREGIONAL INNOVATION POLICY

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 175–182. DOI: 10.17223/15617793/399/30

Akerman Elena N. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aker@tomsk.gov.ru

Mihalchuk Aleksandr A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aamih@rambler.ru

Burets Yuliya S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: buretsys@tomsk.gov.ru

Keywords: regional clustering; innovation policy; Association of Innovative Regions of Russia; regional innovation models.

The relevance of studying innovation systems in the spatial context of Russia is due to high differentiation of innovative potential in the country. In addition the evolutionary changes in the properties of the innovation process are responsible for the spread of open innovation approaches (formation of innovation multidirectional flows between business entities, taking into account the complementarity of their resources), which dictates a need to revise and improve approaches to the regional and national innovation policy. Russia formed an association of regions (grassroots initiative) for which innovative development is a priority of regional policy: the Association of Innovative Regions of Russia (AIRR). This form of regional cooperation is interesting from the scientific point of view, in particular, as analysis of opportunities for inter-regional cooperation in the innovation field, i.e. implementing openness in the regional innovation processes management. The article proposes a version of AIRR regions clustering, which aims to describe the different models of regional innovation development (specified groups of regions) and their features, advantages and disadvantages. The main method of indices clustering was factor analysis which allows constructing a quotient space of regions' innovative development and conduct regions' clustering, depending on the characteristics of their innovative development. Using factor analysis, a 3-factor model of innovative development indicators of AIRR regions (for the year 2012) was built. According to the results of clustering at the level of a 4-cluster model of AIRR regions, four main groups (regional models) were identified: industrial innovation-active regions, regions with a developed scientific and educational complex, industrial regions which provide demand for innovation, and a mixed catching model. This article describes the features, advantages and disadvantages of the regional models. Advantages and disadvantages of the models neutralize each other when looking at AIRR as a single entity innovation. Features of various innovation models allow each region to achieve effective innovation on the basis of complementarity of resources if each region performs its function (role). It is concluded that the problem of regional disparities in the field of innovation can be transformed into an additional source of regional development through the establishment of inter-regional innovation policy which aims to strengthen and enhance the effectiveness of innovation in all regions based on the use of regional synergy potentials.

REFERENCES

1. Burets, Yu.S. (2014) Evolution of the innovation process management models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Economics*. 4. pp. 125–139. (In Russian).
2. Burets, Yu.S. (2014) Theoretical and methodological aspects of the open innovation approach: nature, forms, tools, model. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and Entrepreneurship*. 12-3. pp. 705–711. (In Russian).
3. Untura, G.A. et al. (2014) Problemy i instrumenty analitiki innovatsionnogo razvitiya sub"ektorov RF [Problems and analytic tools of innovative development of subjects of the Russian Federation]. *Vestnik NGU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 14:1. pp. 81–100.
4. Akerman, E.N., Mikhalkchuk, A.A. & Trifonov, A.Yu. (2010) Regional typology as instrument of co-organization of regional development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 126–131. (In Russian).
5. Soshnikova, L.A. et al. (1999) *Mnogomernyy statisticheskiy analiz v ekonomike* [Multivariate statistical analysis of the economy]. Moscow: YuNITI-DANA.
6. Ayvazyan, S.A. & Mkhitaryan, V.S. (2001) *Teoriya veroyatnostey i prikladnaya statistika* [Probability theory and applied statistics]. V. 1. Moscow: YuNITI-DANA.
7. Dubrov, A.M., Mkhitaryan, V.S. & Troshin, L.I. (1998) *Mnogomernye statisticheskie metody* [Multivariate statistical methods]. Moscow: Finansy i statistika.
8. Durand, B. & Odell, P. (1977) *Klasternyy analiz* [Cluster analysis]. Moscow: Statistika.
9. Kaplan, A.V. et al. (2004) *Reshenie ekonomicheskikh zadach na komp'yutere* [The solution of economic problems on a computer]. St. Petersburg: Piter.
10. Borovikov, V.P. (2003) *Statistica. Iskusstvo analiza dannykh na komp'yutere* [The art of data analysis on the computer]. St. Petersburg: Piter.
11. Borovikov, V.P. & Borovikov, I.P. (1997) *Statistica. Statisticheskiy analiz i obrabotka dannykh v srede Windows* [Statistica. Statistical analysis and data processing for Windows]. Moscow: Filin".
12. Khalafyan, A.A. (2008) *Statistica 6. Statisticheskiy analiz dannykh* [Statistica 6. Statistical analysis of the data]. Moscow: Binom-Press.

Received: 16 September 2015

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ ДИСБАЛАНСОВ

Статья посвящена анализу структуры мировой банковской системы как основного звена системы мирохозяйственных связей в условиях нарастающих темпов роста глобализации. Рассмотрен феномен двойственного характера влияния глобализационных процессов на устойчивое развитие экономики в различных странах. Представлен обзор распределения основных потоков банковского капитала в современном мире. Определены дисбалансы в мировой банковской системе. Формирование целостной сбалансированной мировой банковской системы в условиях естественно-стихийного развития – путь перехода на качественно новый этап развития мировой экономики.

Ключевые слова: мировая банковская система; трансформация; глобализация; финансовая либерализация; структурный кризис.

Сущность процесса глобализации мировой экономики является предметом интенсивных исследований и научных споров в современном мире. Однако важность изучения данного процесса все более возрастает – имеет не только теоретическое, но и практическое экономическое значение. Сохраняются различные подходы не только к самому понятию термина «глобализация», но и к временным рамкам его возникновения в процессе развития мирохозяйственных связей.

На рубеже 1980–1990-х гг. понятие «глобализация» приобрело новое звучание: вслед за популяризатором данного термина, известным американским экономистом К. Омэ, в книге «Мир без границ» (1990) данное понятие стали применять для обозначения качественно новых черт и характеристик развития мирового хозяйства, его современного состояния, отличающегося от предыдущих этапов эволюции. Относительная новизна объекта исследования, а также сложность и комплексность процессов, происходящих в мировой экономике, не позволяют в настоящее время прийти к единому пониманию определения процесса глобализации в мировой экономике [1. С. 1–2].

Есть позиции известных экспертов и экономистов, например В. Танзи, отрицающих не только новизну процесса глобализации: «В нынешней волне глобализации нет ничего нового, и в прошлом были периоды, когда потоки товаров и капиталов росли быстро и доля их в ВВП была такой же высокой, как сейчас» [2. Р. 3]. Есть и те, кто отрицают и сам процесс глобализации как объект в мировом масштабе, например Н. Симонии: «Самое малое, три четверти населения земного шара вообще не имеют представления о том, что существует глобализация» [3. С. 35].

По мнению В. Кузнецова, «суть глобализации состоит в том, что увеличилось число субъектов международных отношений, в то время как раньше, в эпоху собственно международных отношений, будь они политическими или культурными, все связи обязательно проходили через национальное государство. Сейчас на международную арену вышли, помимо государств, международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные компании, даже отдельные личности типа Сороса, способные влиять на общемировые процессы» [4. С. 51].

Рассматривая понятие «глобализация» с точки зрения природы движущих сил, мнения научных и политических кругов также являются противоречивыми и неоднозначными. С одной стороны, глобализация рассматривается как объективный, закономерный процесс вовлечения во всемирные связи экономических, политических, культурных и иных отношений. С другой стороны, она трактуется как искусственно насаждаемое явление, которое формируется под давлением развитых наций и экономически могущественных государств, а также транснациональных корпораций (ТНК) и транснациональных банков (ТНБ), в целях решения собственных проблем и реализации в глобальном пространстве собственных эгоистических интересов [5. С. 21].

Безусловно, в корнях современной экономической глобализации прослеживаются черты искусственно внедренного явления, насаждения либеральных подходов, лежащих в основе идеологии всех развитых стран в 80-90-е гг. Например, либерализация на основе «Вашингтонского консенсуса», которая прошла далеко от построенных идеальных планов международных группировок, разработавших данные идеи. Анализ масштабов последствий реформ для некоторых стран (Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, России) позволяет судить о том, что «Запад так продвигал программу глобализации, чтобы обеспечить себе пропорционально большую долю выгод за счет развивающихся стран» [6. С. 25]. Переход к рыночной экономике и вовлечение в процесс глобализации не дали обещанного эффекта для России и большинства других стран, которые переходили от коммунизма к рыночной экономике [Там же. С. 24].

Кроме того, переход Восточной Европы и бывших стран СССР к рыночной экономике, финансовая либерализация в странах Азии, Латинской Америки и Африки – все это требовало значительного укрепления банковских структур, прибегая к методам, разработанным международными организациями, которые в основной своей массе были стандартными для всех и не учитывали специфику экономики каждой из вышеназванных групп стран.

При всех существующих противоречиях и недостатках экономической глобализации доминирующей остается тенденция к всемирной экономической инте-

грации, означающей новую, высшую ступень экономического единства мира.

Одной из особенностей современного этапа глобализации экономики является то, что ведущая роль переходит от сферы реальной экономики в сферу финансов. Это соответствует, как считается, переходу развитых стран от индустриального к постиндустриальному обществу – его информационной форме (к «информационному обществу»). Действительно, финансовая область выступает в качестве важнейшего фактора, обеспечивающего динамику мирохозяйственных связей [7. С. 187].

Либерализация финансовой деятельности привела к отмене ограничений для входа на национальные банковские рынки кредитных организаций – нерезидентов; открыла больше возможностей для развития заграничной филиальной сети банков и формирования международного банковского бизнеса. По мере смягчения ограничений вес зарубежных кредитных организаций на национальных рынках финансовых услуг постоянно растет. Естественно, что появление новых соперников, причем, как правило, это очень мощные учреждения, усиливает накал борьбы в рамках как ценовой, так и неценовой конкуренции, одновременно приводя к активизации процессов концентрации и консолидации банковского капитала на национальном рынке.

В 70–80-е гг. XX в. произошла трансформация крупнейших банков в транснациональные. Отличие ТНБ от национального крупного банка состоит, прежде всего, в наличии крупной зарубежной институциональной сети, переносе за границу не только активных операций, но и части собственного капитала, в связи с чем сеть ТНБ активно используется для получения банковской прибыли за рубежом. Таким образом, ТНБ стали важным элементом мирового рынка ссудных капиталов, валютных операций и всей системы международных экономических отношений.

Во многом процесс финансовой либерализации в международном масштабе связан с выстраиванием новой финансовой архитектуры в мире. Мировой опыт показывает, что на иностранный рынок приходят в основном крупные банки, чему есть ряд обоснованных причин:

1) крупные банки занимают на национальной арене достаточно большую долю рынка, им необходимо далее расширять свою деятельность и диверсифицировать риски за пределами национальной географической границы;

2) выход на рынок за рубежом требует значительных капитальных вложений, в данном случае «эффект масштаба» приобретает существенное значение;

3) необходимо помнить о транснациональных корпорациях как о крупных клиентах международных банков, банкам необходимо расширять свою сферу и предоставлять услуги там, где это удобно их клиентам;

4) крупным банкам в основном свойственны высокодоходные и высокорисковые операции по управлению портфелями, что особо актуально и востребовано в странах с переходной экономикой.

Открывая границы банковских национальных систем для поступления иностранного банковского капитала, государства руководствуются рядом принципов, прежде всего, это:

- 1) создание благоприятной среды для притока иностранных инвестиций;
- 2) увеличение уровня конкуренции в целях стимулирования банковского бизнеса;
- 3) иностранный банковский капитал рассматривается как канал притока инвестиций в другие отрасли;
- 4) появление иностранных банков ассоциируется с импортом современных технологий.

Основным поводом появления иностранных банков на новых рынках является возможность получать прибыль, при этом иностранные банки ориентируются на перспективы развития экономики: рост ВВП, инфляцию, безработицу, конкуренцию, капитализацию. Заинтересованность иностранных банков будет тем больше, чем более открыта и более расположена к трансформационным преобразованиям банковская система.

Отличительной чертой мировой экономики на современном этапе является активное нарастание потоков международного движения банковского капитала, что является главным фактором ускорения процесса глобализации. В целях расширения бизнеса иностранный банковский капитал развитых стран активно заполняет ниши банковских секторов постсоциалистических и развивающихся стран. В научной литературе данный факт обозначается как угроза для устойчивости банковского сектора данных групп стран, особенно в период кризисов, когда происходит массовый отток иностранного банковского капитала из страны.

Действительно, степень воздействия иностранного банковского капитала на устойчивость банковских систем стран с переходной и развивающейся экономикой раскрывается с наступлением глобальных кризисов. Так, в период трансформационных преобразований модели мировой экономики в странах с переходной экономикой началась активная экспансия иностранных банков как ключевая мера в целях поддержания устойчивости банковского сектора. Данная мера была рекомендована международными регулирующими органами: «Всемирный банк и Международный валютный фонд рекомендовали ускорить трансформационные процессы перехода от планово-командной экономики к рыночной посредством приватизации и либерализации рынка капитала» [8. С. 103]. В последующем данные рекомендации вызвали критику у многих экономистов, в том числе у ведущего экономиста Всемирного банка Дж. Стиглица, который считал данные проблемы основной причиной кризиса 90-х гг.

Безусловно, ужесточение конкуренции со стороны крупных иностранных банков и ТНБ – это серьезный риск для национальных банков. Национальным заемщикам в определенный момент становится выгоднее использовать дешевые ресурсы, которые предоставляют крупные иностранные банки.

Несмотря на вышеприведенные положения, именно крупные банки, являясь одним из решающих субъектов глобализации, сформировали всеохватывающий гло-

бальный финансовый рынок, который, с одной стороны, обеспечивает динамику и экспансию мировой хозяйственной деятельности, а с другой стороны, выйдя на уровень современных информационно-коммуникационных технологий (виртуализация экономик), в значительной мере обособляется от реальной экономики, функционируя по собственным (имманентным) закономерностям [6. С. 183]. Крупные банки являются двигателем процесса глобализации в рамках трансформации мировой банковской системы.

Мировая банковская система является своего рода нервной системой мирового хозяйственного механизма. Изучение эволюции развития, структуры и опыта функционирования мировой банковской системы позволяет глубже проникнуть и понять систему мирохозяйственных связей.

Идея глобальной системы, или глобальной экономической (финансовой системы), является абстрактной. Это больше взгляд на мир, чем модель поведения. Анализ перехода между системами и подсистемами, между макро- и микроуровнями позволяет определить системный комплекс целостного механизма [8. С. 103].

Под системой обычно понимают организованные тела материальных или нематериальных вещей, объединенных в какой-либо форме регулярного взаимодействия или взаимозависимости. Это определяет финансовую или банковскую систему, также как солнечную и нервную системы [Там же. С. 104].

Прежде чем рассматривать банковскую систему в рамках глобального аспекта, необходимо иметь представление о базовых понятиях «банк», «система», «банковская система», имеющих основополагающее значение для дальнейшей трактовки понятия «мировая банковская система».

Множество различных трактовок базового понятия «банк» различаются, поэтому существует целый спектр понятий определения «банковская система».

В европейской практике банковская система часто понимается как совокупность различных видов банков и банковских институтов, выполняющих функции кредитования и приема вкладов. В практике США под банковской системой нередко понимаются тип, структура и метод функционирования банков штата или страны в целом [9. С. 16–17].

В научной литературе выделяют два традиционных подхода к трактовке понятия «банковская система»: 1) с точки зрения определения уровней банковской системы (Центральный Банк, коммерческие банки); 2) с точки зрения определения уровней в соответствии с банковским законодательством страны (например, в США – национальный и штатный уровень банковской системы).

С точки зрения унифицированной банковской терминологии понятие «банковская система» различают в узком и широком смысле.

В узком смысле банковская система – это совокупность элементов (макроуровень – Центральный банк, органы надзора; микроуровень – банки, небанковские кредитные организации).

Назначение узкого подхода к понятию «банковская система» состоит в том, чтобы методологически верно построить структурную модель банковской системы в соответствии со стратегическими целями развития страны, иерархию конкретных элементов в институциональном аспекте [9. С. 17].

В широком смысле банковская система представляет собой сложную целостную систему, которая состоит из совокупности элементов с учетом их достаточности и взаимодействия; является саморазвивающимся целым; в процессе своего развития проходит последовательные этапы усложнения и дифференциации в определенные исторические периоды; тесно взаимодействует с внешней средой как единое целое, одновременно выступая как подсистема более общего образования – финансовой (и экономической) системы страны.

Мировая банковская система в современной литературе определяется как система, имеющая четырехслойную структуру:

- 1) наднациональные банки и финансовые организации, работающие под эгидой международных организаций;
- 2) центральные банки, как правило, контролирующие деятельность национальных коммерческих банков;
- 3) глобальные ТНБ, которые имеют широкую разветвленную систему дочерних банков. Значительная часть капитала ТНБ выведена из-под юрисдикции центральных банков, регулирующих их деятельность;
- 4) коммерческие банки, которые составляют более 90% в удельном весе системы всех банков [Там же. С. 21–22].

Таким образом, мировая банковская система является:

- 1) сложной, состоящей более чем из двух элементов;
- 2) органичной – имеет целостную иерархичную структуру, сложившуюся в результате развития мирохозяйственных связей;
- 3) непрерывно развивающейся – трансформируется на определенных этапах развития истории;
- 4) состоящей из совокупности взаимодействующих элементов в мировом масштабе – международные экономические организации, центральные банки, ТНБ, коммерческие банки;
- 5) усложняющейся в процессе своего исторического развития – элементы включаются в новые связи, в рамках процесса интеграции видоизменяется финансовая архитектура;
- 6) тесно взаимодействующей с внешней средой как подсистема мировой финансовой системы и, в более широком масштабе, мировой экономической системы.

В ходе исторического развития в рамках процесса глобализации мировая банковская система подвергается «трансформации», несмотря на то, что некоторые страны уже в течение 25 лет переживают затянувшиеся трансформационные процессы, тем не менее, комплексная теория трансформации все еще не сложилась. В научной литературе термин «трансформация» означает переход системы в новое состояние под воз-

действием движущих сил – внешних и внутренних факторов, позволяющих качественно изменить систему в соответствии с потребностями постоянных изменений в мире.

Учитывая вышеизложенное, многие ведущие экономисты рассматривают экономическую глобализацию как игру, в ходе которой возникают новые возможности и новые угрозы, требующие своевременного реагирования на основе построения грамотной государственной политики.

История показывает, что конкурентный рынок отесняет слабых участников на периферийные позиции, ставит их в подчиненное положение. В неменьшей степени это относится и к конкуренции на глобальном рынке. Рыночные силы сами по себе не способны серьезно изменить положение страны в мировом хозяйстве, в особенности если это положение является неблагоприятным и страна не является страной-лидером, то не обойтись без государственного регулирования в части формирования структуры и направлений мирохозяйственных связей экономики [1. С. 27].

В целом современное состояние мировой банковской системы оценивается экспертным сообществом как нестабильное [10 С. 4]. Новейшие кризисные ситуации складываются под большим, может быть, преувеличивающим влиянием глобализационных процессов, а потому мировая капиталистическая экономика сохраняет все меньше рациональности: дело, как пишет Г. Колодко в книге «Мир в движении», «прежде всего в отсутствии глобальных механизмов саморегуляции,

которые должны защищать систему от ее самоуничтожения» [11. С. 10].

На современном этапе развития мирохозяйственных связей крайне важно определять роль национальных регуляторов, несмотря на то, что регулирование на национальном уровне противоречит качественно новому этапу функционирования мировой экономики. Ведь если рынки становятся глобальными, то и исправление глобальных провалов рынка оптимально осуществлять на межнациональном / наднациональном уровне [1. С. 25]. Международные институциональные структуры стремятся стабилизировать ситуацию, однако их действия носят хаотичный и противоречивый характер [7. С. 18]. Проблема, с которой столкнулась мировая экономика, так и не решена, а именно структурный кризис мировой банковской системы (основой структурных кризисов является действие закона неравномерного развития).

Формирование целостной сбалансированной мировой банковской системы в условиях естественно-исторического развития – это основная ступень перехода на качественно новый этап развития мировой экономики, на высшую ступень экономического единства мира, однако об этом целесообразно говорить лишь в теории. В настоящий момент необходимо учитывать неоднозначность и разновекторность влияния трансформационных процессов на экономику различных групп стран в условиях нарастающих темпов роста глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобализация мирового хозяйства : учеб. пособие / под ред. М.Н. Осьмовой, А.В. Бойченко. М. : ИНФРА-М, 2006. VIII, 376 с.
2. Globalisation and Future of Social Protection. IMF Working Paper. WP. 2000. № 12. Р. 3.
3. Симония Н. Глобализация и неравномерность мирового развития // МЭиМО. 2001. № 3. С. 35.
4. Кузнецов В. Актуальные вопросы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 5. С. 51.
5. Филипенко А.С. Экономическая глобализация: истоки и результаты. М. : Экономика, 2010. 511 с.
6. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М. : Мысль, 2003. С. 25.
7. Лось В.А., Ursula A.D., Demidov F.D. Глобализация и переход к устойчивому развитию. М. : Изд-во РАГС, 2008. 316 с.
8. Banking and the Global system / William G. Curran Woodhead-faulkner. Cambridge, 1979. Р. 103–104.
9. Национальные банковские системы : учеб. / под общ. ред. проф. В.И. Рыбина. М. : ИНФРА-М, 2009. 528 с.
10. Шестопалова О.О. Трансформация мировой банковской системы в условиях глобальных дисбалансов // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 94 (10). С. 4.
11. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? / Г.В. Колодко; вводная глава Р.С. Гринберга. М. : Магистр, 2011. 176 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 октября 2015 г.

ORGANIZATION OF THE WORLD BANKING SYSTEM IN THE CONDITIONS OF FINANCIAL IMBALANCE

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 183–187. DOI: 10.17223/15617793/399/31

Vasina Margarita Yu. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasina.margarita2013@yandex.ru

Keywords: global banking system; transformation; globalization; financial liberalization; structural crisis.

This article describes the analysis of the structure of the global banking system as the main part of the system of the world economic relations in the conditions of the globalization increasing economic growth. Explanation of the concept “global banking system” is given; its main elements are identified. The phenomenon of the dual nature of the impact of globalization processes on the sustainable development of the economies of the world is defined. Economic globalization in the world economic development is not only a kind of wealth booster, but also stimulator of challenges, threats and damages the world economic community faces. The essence of the supranational level and the need for supranational regulation of the global economy in the face of international organizations becomes apparent on the background of these processes. If markets become global, the failures of the markets will become global and regulation will be implemented optimally at the global level. One of the features of the current economic globalization is that the leading role transfers from the real economy to the financial system. The financial sector, global in scale, and the banking sector in particular, as a “nervous” system of the international economy gains dynamism of the development. Until recently, economic events, especially the global financial crisis of 2008–2009, political decisions on the world stage worsen the problem of global imbalances. Less developed countries are highly vulnerable in relation to the growing influx and at a certain stage of the stream

homewards. The main directions of the bank-international capital flows are emphasized, owing to which imbalances in the global banking system are identified. The role of national regulators in the globalized world is emphasized, in spite of the fact that regulation at the national level is contrary to the approaching of a qualitatively new stage in the global economy, it is of utmost importance for the sustainable development of the economy at present. Formation of an integral balanced global banking system under the conditions of spontaneous development is the main stage of transition to a qualitatively new stage of the world economy development, to a higher level of economic unity of the world, but for the present one may speak of it only in theory. Right now it is necessary to take into account the ambiguity and multidirectional influence of transformation processes on the economies of different groups of countries in terms of the increasing growth rate of globalization.

REFERENCES

1. Os'mova, M.N. & Boychenko, A.V. (eds) (2006) *Globalizatsiya mirovogo khozyaystva* [The globalization of the world economy]. Moscow: INFRA-M.
2. IMF. (2000) Globalisation and Future of Social Protection. *IMF Working Paper. WP. 12.*
3. Simonya, N. (2001) Globalizatsiya i neravnomernost' mirovogo razvitiya [Globalization and uneven global development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations. 3.*
4. Kuznetsov, V. (1999) Aktual'nye voprosy globalizatsii [Topical issues of globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations. 5.*
5. Filipenko, A.S. (2010) *Ekonomicheskaya globalizatsiya: istoki i rezul'taty* [Economic globalization: the origins and results]. Moscow: Ekonomika.
6. Stiglitz, J. (2003) *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: The alarming tendencies]. Translated from English by G.G. Pirogov. Moscow: Mysl'.
7. Los', V.A., Ursul, A.D. & Demidov, F.D. (2008) *Globalizatsiya i perekhod k ustoychivomu razvitiyu* [Globalization and the transition to sustainable development]. Moscow: RAGS.
8. Curran, W. (1979) *Banking and the Global system*. Cambridge: Woodhead-Faulkner.
9. Rybin, V.I. (ed.) (2009) *Natsional'nye bankovskie sistemy* [The national banking systems]. Moscow: INFRA-M.
10. Shestopalova, O.O. (2013) Modern global financial and economic crisis and its influence on selected countries of the world. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU. 94(10).* (In Russian).
11. Kolodko, G.V. (2011) *Globalizatsiya, transformatsiya, krizis – chto dal'she?* [Globalization, Transformation, Crisis: What Next?]. Moscow: Magistr.

Received: 12 October 2015

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ В РЕСУРСОДОБЫВАЮЩЕМ РЕГИОНЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-36-50325 мол_нр.

В статье получает практическое развитие в системе социальных технологий предложенная ранее авторами концепция социализации экономики знаний в ресурсодобывающем регионе. Существующие технологии социализации анализируются на двух уровнях: мезо- и микроэкономическом. В экономике знаний предлагается дополнить их такой новой технологией, как управление знаниями.

Ключевые слова: экономика знаний; морально-этическая экономика; ресурсодобывающий регион; ресурсодобывающее предприятие; корпоративная социальная ответственность; социальная отчетность; социальное партнерство; управление знаниями.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы развернуть технологии социализации на двух уровнях анализа – мезо- и микроэкономическом: описать существующие на уровне предприятия социальные технологии (корпоративная социальная ответственность, корпоративная социальная политика, социальная отчетность), дополнить их новой (управление знаниями), а затем методом аналогии адаптировать к региональному срезу экономики знаний.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

– выявить социально-экономическую природу ресурсодобывающего предприятия путем анализа используемых им социальных технологий в условиях формирования экономики знаний с учетом региональной специфики;

– определить в рассматриваемом контексте управление знаниями (далее – УЗ) как новую социальную технологию на уровне ресурсодобывающего предприятия;

– выделить социальные технологии экономики знаний на уровне ресурсодобывающего региона.

В условиях становления экономики знаний в ресурсодобывающем регионе практика управления на этом уровне и на уровне ресурсодобывающего предприятия нуждается в таких современных методах освоения социального пространства, как технологизация. Объектом последней являются работники предприятий и отдельные группы регионального социума. Социальные технологии сегодня рассматривают как «интеллектуальный научноемкий ресурс, использование которого позволяет не только изучить и предсказать различные социальные перемены, но и активно влиять на практическую жизнь с помощью регулирования заработной платы, повышения мотивации труда, а также получать эффективный прогнозируемый социальный результат» [1. С. 6].

К распространенным в настоящее время на ресурсодобывающих предприятиях социальным технологиям можно отнести корпоративную социальную политику, осуществляемую в формах социальной ответственности бизнеса, составление социальной отчетности, а также реализацию социального партнерства. Концептуальные подходы к определению и оценке

функционирования, эффективности корпоративной социальной политики, методология ее исследования раскрыты в работах [2–4]; проблемы, возможности, перспективы реализации в России и проблемы изменения корпоративной социальной ответственности – в работах [5, 6].

Корпоративная социальная ответственность – одна из форм социальных технологий, суть которой состоит в добровольном финансировании собственниками предприятий общественно необходимых и значимых нужд с целью формирования благоприятной социальной среды ведения бизнеса, снижения социальных рисков и вероятности возникновения конфликтов. Вместе с тем наряду с социально-экономическими интересами действуют и морально-этические нормы, согласно которым часть материальных ресурсов направляется на оказание безвозмездной помощи нуждающимся. Требования общества обеспечить нормальную жизнь каждого человека объективно предъявляются и обладателям собственности как «держателям „избыточных“ ресурсов» [7. С. 28], имеющим в силу этого возможность оказывать материальную помощь. Таким образом «хозяйственные расчеты подкрепляются нормативными ожиданиями и неформализованными представлениями о социальной ответственности» [Там же. С. 29] бизнеса. Поскольку последний – часть социума, он должен быть социально ответствен по своей природе. Для того чтобы быть действенной, социальная ответственность компании должна идти изнутри, основываясь и на коммерческих интересах, и на морально-нравственных, этических принципах и ценностях.

Рассматривая зависимость между степенью социальной ответственности и величиной бизнеса, можно утверждать, что крупный бизнес в регионе должен быть более ответствен, чем средний и малый. Это обусловлено близостью крупного бизнеса к государству, природным ресурсам, возрастающей ролью крупных корпораций в экономике страны в условиях дефицита государственного бюджета. Более того, поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства на территориях присутствия крупной компании является одним из направлений реализации ее социальных программ и проектов. Проекты направле-

ны на «создание условий для развития малого и среднего бизнеса как сферы альтернативной занятости в моногородах и средства активизации местного сообщества. В рамках проектов организуется обучение инициативных жителей, желающих открыть собственное дело, проводится экспертное сопровождение проектов, выдаются гранты на открытие или развитие бизнеса» [8. С. 108]. Средний бизнес выполняет свои социальные обязательства преимущественно на городском уровне: от налоговых отчислений и создания новых рабочих мест до организации культурно-массовых мероприятий.

Также следует различать социальную ответственность по этапам развития бизнеса. На начальном этапе малого бизнеса достаточно уплачиваемых налогов, создаваемых новых рабочих мест, регулярно выплачиваемой работникам заработной платы. Следующий этап предполагает заключение между администрацией и сотрудниками предприятий коллективных договоров. В них должны быть предусмотрены социальные гарантии в виде расширенного по сравнению с указанным в Трудовом кодексе Российской Федерации пакета. Для градо- и бюджетообразующих предприятий социальная ответственность подразумевает вложение средств в развитие социальной инфраструктуры населенного пункта и решение широкого спектра социально значимых проблем.

Развитие корпоративной социальной ответственности возможно в рамках гибких, «мягких», неиерархических организационных структур, которые предлагаются в современной социально-экономической литературе. Строго иерархический характер управления в любых сферах, исторически сложившийся в России, существенно снижает уровень самостоятельности и ответственности индивида перед обществом, но не перед руководством. Очевидно, что решение этой проблемы возможно лишь при условии ослабления жесткой иерархии, развития необходимых человеческих качеств и ценностей. Иерархия ценностей здесь представляется более результативной, чем иерархия управления. Следуя иерархии ценностей, человек отстаивает высшие, по его представлению, ценности, объединяясь на этой почве с другими людьми. Деятельность созданных таким образом социальных групп смягчает поведение представителей традиционных иерархических структур. Последние нередко существуют лишь ради собственных корпоративных коммерческих интересов. Так, например, ценности ОАО «Угольная компания “Кузбассразрезуголь”¹ (далее УК «Кузбассразрезуголь»), расставленные по приоритету [9], выглядят следующим образом:

- стабильное производство и высокое качество продукции;
- обеспечение безопасных условий труда для работников Компании;
- ведение производственного процесса с учетом природоохранных мероприятий;
- социальная ответственность.

Как видно, даже в такой социально ответственной компании, как УК «Кузбассразрезуголь» (что

будет показано ниже), на первом месте находится производство, а социальная ответственность – на последнем.

На наш взгляд, следует различать социальную ответственность собственников и менеджеров предприятия (личную моральную ответственность перед обществом) и корпоративную социальную ответственность, во многом упрощающую задачу индивидуумов в этой сфере. Собственник должен быть образцом нравственного ориентира: важно, чтобы своим поведением он демонстрировал приверженность принципу высшей ценности человеческой личности. Осознание им социальной ответственности показывает понимание сущности жизни социума, членом которого он является, и роли в ней каждого человека. Помещая личность человека в центр своей системы ценностей, собственник и на практике будет следовать этой морально-этической норме, действовать не столько добровольно-принудительно (добровольно – по форме, принудительно – по существу), сколько добросовестно (по совести).

Ценностные ориентации – главные основания личности человека с позиции соблюдения им норм социальной ответственности. В этом суть понятия «социально-ответственное мышление». Именно общественные ценности должны быть мерилом при выборе решений бизнесменом. Социально-ответственное мышление определяется культурой, традициями, образом жизни народа. Сегодня в российских регионах оно возвращается к дореволюционному миропониманию, нередко опираясь на религиозно-патриархальные традиции православия. По нашему убеждению, благотворительность – это скорее личное дело каждого человека, чем общественное или корпоративное. Она идет от сердца, осуществляется по совести, а не в виде «социального откупа» или «социального подкупа» перед выборами. Однако есть и другая точка зрения: например, В.В. Радаев рассматривает оказание помощи как способ самоутверждения и поддержания статуса; способ подчинения, установления ресурсной зависимости [7. С. 29–30]. Согласившись помогать обществу, бизнесмены рассчитывают на соответствующее лояльное отношение к ним власти. Благотворительность не должна основываться на настойчивых «рекомендациях» власти оказать помощь в решении тех или иных социальных проблем. В настящее время «плановый» подход бюрократии к благотворительности на практике является попыткой увязать этот добровольный процесс с реальным пополнением бюджета.

Среди основных направлений спонсорской и благотворительной помощи УК «Кузбассразрезуголь» можно отметить следующие [10]:

1. Безвозмездная передача угля для центров социального обслуживания населения, церковных приходов, управлений ЖКХ городов Кемеровской области, общественных организаций.

2. Помощь семьям погибших шахтеров, в том числе финансирование затрат на обучение в вузах детей из таких семей.

3. Спонсирование праздничных мероприятий, связанных с проведением областного Дня шахтера в кузбасских городах.

4. Помощь правоохранительным органам и учреждениям здравоохранения в укреплении материально-технической базы; различным общественным организациям; пострадавшим от стихийных бедствий в виде поставки благотворительного угля, перечисления средств на ремонтные работы и строительство нового жилья.

5. Организация благотворительных акций, направленных на сбор средств для дорогостоящего лечения детей и сбор вещей первой необходимости для нуждающихся; участие в ежегодной областной благотворительной акции «Помоги собраться в школу».

6. Поддержка юных дарований: организация благотворительных выставок картин.

Как видно из приведенного перечня, социально ответственная ресурсодобывающая компания стремится удовлетворить конкретно выраженную в регионе социальную потребность доступными ей средствами, выделяя три основные темы – общественную сферу, культурное наследие и поддержку семей работников.

Основные направления благотворительной деятельности СУЭК² в 2011–2013 гг. сформулированы в более общем виде [8]:

- оказание помощи ветеранам, инвалидам, пенсионерам, многодетным и малообеспеченным семьям и их общественным объединениям;

- финансовая поддержка учреждений здравоохранения, приобретение современного медицинского оборудования, пропаганда здорового образа жизни, финансирование и реализация оздоровительных программ;

- финансовая поддержка учреждений культуры, образования;

- оказание финансовой помощи в организации и проведении мероприятий, связанных с празднованием общегосударственных, профессиональных, региональных и местных праздников;

- поддержка детско-юношеского спорта, финансирование ремонтно-строительных работ в спортивных учреждениях, приобретение спортивного оборудования и инвентаря, организация и проведение соревнований среди молодежи, инвалидов и иных слоев населения, организация трудовых молодежных отрядов;

- поддержка строительства и ремонта этнокультурных и религиозных объектов, поддержка инициатив по сохранению национальных культур, поддержка программ и мероприятий, направленных на содействие духовному развитию человека.

Такая расширительная трактовка благотворительности практически не отличает ее от корпоративной социальной ответственности, обезличивает оказывающую помощь как со стороны ее получателя, так и со стороны мецената.

В группе факторов развития корпоративной социальной ответственности не последнее место занимает обязательная нравственно-этическая компонента, ко-

торая позволяет трансформировать добрые намерения, идеи и слова в социально-ответственные действия. Поскольку многие работники аппарата управления сформировались и состоялись как личности в среде общего социума, их чувство социальной ответственности является достаточно зрелым. Поэтому только интеллектуально-нравственное воспитание в обществе, срабатывающее как принцип поведения на всех уровнях социума, может гарантировать выдвижение таких людей на руководящие должности.

Повышение социальной ответственности предприятий и их владельцев неразрывно связано с ростом нравственной ответственности в обществе. Сегодня на региональном уровне и уровне предприятий формируется этика ответственности перед обществом, перед его членами. Общие человеческие ценности представляют собой гуманистические основания мотивации социальной ответственности собственников и менеджеров предприятий, работающих как субъекты морально-этических отношений на конкретной территории.

Экономика знаний основана на системе морально-этических и культурных ценностей. Поэтому социальные технологии являются ее естественным неотъемлемым инструментарием. Среди них выделим обучение руководителей (менеджеров), следование стандартам социальной отчетности, социальное партнерство.

В развитии корпоративной социальной ответственности немалая роль, на наш взгляд, принадлежит обучению руководителей (менеджеров) предприятия социальному ответственному поведению. Цели обучения – формирование в бизнес-сообществе интереса к вопросам социальной ответственности и благотворительности; привлечение его членов к планированию и реализации социальных программ; поощрение социальных инициатив бизнесменов и предпринимателей; информирование общественности о социальных инициативах компаний. Реализация программы обучения возможна на базе институтов дополнительного профессионального образования ведущих региональных вузов. Это действенный инструмент расширения социальной перспективы каждого промышленного предприятия. Их собственники совместно с менеджерами инициируют локальное социальное обучение в своем ближайшем окружении: семье, среди деловых партнеров, коллег и друзей. Обязательной является задача формирования в процессе обучения у собственников и менеджеров социальной ответственного менталитета, принципиально иного по сравнению с имеющимся у них сегодня. Это обусловлено тем, что такой менталитет во многом определяет сознание и последующее поведение.

Другой важный инструмент, который следует использовать в развитии корпоративной социальной ответственности, – следование стандартам социальной отчетности. Он дает предприятиям развитых экономик ряд ощутимых преимуществ, включающих улучшение финансовых показателей, повышение объема продаж, привлечение и сохранение клиентов, бизнес-партнеров, рост производительности труда

работников, создание дополнительных возможностей для привлечения и сохранения персонала, а также расширение доступа к инвестиционному капиталу. Социальная отчетность влияет на деловую репутацию, решения инвесторов, рейтинги, позволяет компании анализировать текущие производственно-финансовые задачи в широком социально-экономическом контексте. Обязательность и публичность социальной отчетности позволяют каждому члену общества видеть, на что потрачены деньги, повышают прозрачность этой сферы, а значит, и доверие к компаниям. Например, СУЭК начал регулярную публикацию социальной отчетности в 2006 г., первым в российской угольной отрасли. Ниже приведено содержание пятого Социального отчета СУЭК за 2011–2013 гг. объемом более 150 страниц с раскрытием разделов, имеющих непосредственное отношение к предмету данного исследования.

1. Обзор деятельности.

2. Управление.

3. Экономическая устойчивость и эффективность.

4. Социальная результативность и человеческий капитал: основные направления и результаты деятельности по управлению персоналом в 2011–2013 гг., приоритеты, политики, управление, характеристики персонала и занятости, мотивация и оплата труда, социальная поддержка персонала, обучение и развитие, взаимодействие с профсоюзами, корпоративная культура, приоритеты на будущее.

5. Промышленная безопасность и охрана труда: подход к промышленной безопасности и охране труда, приоритеты, политики, управление, обеспечение противоаварийной устойчивости, обеспечение аэробиологической безопасности, управление рисками производственного травматизма, охрана здоровья и профилактика профессиональных заболеваний, культура безопасности, приоритеты на будущее.

6. Экологическая результативность: безопасность и эффективность. Раздел включает основные направления и результаты деятельности в области экологической безопасности в 2011–2013 гг., приоритеты, политики, управление, снижение негативного воздействия на окружающую среду, рекультивацию земель, рациональное использование и очистку сточных вод, снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, обращение с отходами, потребление энергии и энергоэффективность, приоритеты на будущее.

7. СУЭК и регионы: партнерство для устойчивого развития. В разделе описаны региональный профиль, социальная деятельность в регионах: приоритеты, политики, управление, фонд СУЭК-РЕГИОНАМ, диалог с заинтересованными сторонами, развитие государственно-частного партнерства в решении социально-экономических задач в регионах, основные социальные программы 2011–2013 гг., примеры реализованных проектов благотворительной помощи, приоритеты на будущее.

Кроме того, в отчете приведены восемь приложений: социальная отчетность СУЭК, индекс стандартных элементов отчетности, структура Компании, диалоги с заинтересованными сторонами в 2011–2013 гг.:

темы и результаты, информация о наградах СУЭК, независимое заверение отчетности в области устойчивого развития, свидетельство об общественном заверении в Совете Российского союза промышленников и предпринимателей (далее РСПП), форма обратной связи.

Анализируя социальный отчет СУЭК, можно отметить, что он соответствует подходу «триединого итога» [11. С. 32]: компания отражает в нем свою экономическую жизнеспособность, экологическую результативность и социальную ответственность. Отчет выполнен с использованием рекомендаций руководства GRI (Global Reporting Initiative) по отчетности в области устойчивого развития в версии 3.1 с учетом отраслевого расширения MMSS для горнодобывающих и металлургических компаний. Он содержит информацию по всем стандартным элементам отчетности, раскрывает подходы менеджмента компании в отношении основных аспектов, а также полностью или частично раскрывает 53 показателя результативности по всем аспектам отчетности. Это отвечает уровню применения «В+». Процесс публичной отчетности в целом соответствует рекомендациям AA1000 SES (2011). Для верификации и аудита отчета СУЭК использует стандарты верификации AA1000 APS (2008) и AA1000 AS (2008), а также стандарты «Глобальной инициативы по отчетности» (GRI). В качестве независимой стороны СУЭК привлекает таких внешних верификаторов, как Совет РСПП, ЗАО «Бюро Веритас Сертификейшн Русь» (Bureau Veritas Certification), которые обеспечивают достоверность предоставляемой информации. Нефинансовая отчетность компаний как индикатор социальной ответственности рассмотрена в работе [12].

Наиболее явно взаимовлияние социальной ответственности микро- и мезоуровней проявляется в форме социального партнерства. Развитие системы социального партнерства на региональном уровне исследуется в работе [13]. Основной принцип социальной деятельности ресурсодобывающих компаний в регионах – выстраивание партнерских отношений со всеми заинтересованными сторонами, прежде всего с региональными органами власти. Базой таких отношений являются ежегодно подписываемые соглашения о социально-экономическом сотрудничестве [14]. Направления партнерства в рамках этих соглашений определяются задачами социального развития конкретной территории и общими принципами корпоративной социальной ответственности. В рамках социально-экономических соглашений компании поддерживают образование, здравоохранение, развитие культуры и спорта, жилищное строительство, благоустройство населенных пунктов.

Так, в УК «Кузбассразрезуголь», ведущей социально ориентированный бизнес, перечень социальных льгот и гарантий, предоставляемых сотрудникам компании (17,6 тыс. чел.), членам их семей, пенсионерам (бывшим работникам предприятий), закреплен в Коллективном договоре между ОАО «УК «Кузбассразрезуголь» и Кемеровской территориальной организацией Российской независимого профсоюза работни-

ков угольной промышленности. Наряду с этим компания ежегодно с 2000 г. участвует в подписании соглашений о социально-экономическом сотрудничестве с администрацией Кемеровской области. Документ содержит взаимные обязательства сторон, касающиеся всех сфер жизни населения территории [9].

СУЭК является постоянным участником Федерального отраслевого соглашения по угольной промышленности РФ (далее Соглашение) и с октября 2012 г. входит в состав учредителей Общероссийского отраслевого объединения работодателей угольной промышленности (ОООРУП). В составе ОООРУП они приняли активное участие в формировании положений Соглашения на 2013–2015 гг. По результатам заключения отраслевого соглашения был разработан типовой проект коллективного договора, на основе которого обеспечено заключение коллективных договоров предприятий. Цель создания типового проекта – выработка единой политики по обеспечению социальных гарантий работникам. В 2011–2013 гг. соглашения были заключены с администрацией Кемеровской области. Основными направлениями развития государственно-частного партнерства стали модернизация шахтерских моногородов, развитие сферы ЖКХ и жилищное строительство, модернизация учреждений начального и среднего образования, объектов спорта [8].

Социально ответственными также являются основные нефтедобывающее и нефтехимическое предприятия другого ресурсодобывающего региона – Томской области – ОАО «Томскнефть» [15] и ООО «Томскнефтехим» [16]. Теоретические аспекты корпоративной социальной политики и соответствующий опыт российских компаний нефтегазового комплекса освещены в работе [17]. Особое внимание «Томскнефть» уделяет промышленной и экологической безопасности, социальной и экономической поддержке деятельности региона, обеспечивает гарантированный социальный пакет для своих работников, членов их семей и пенсионеров, ведет активную работу по созданию достойных условий труда на производстве. В рамках единой социальной политики «Томскнефтехим» реализует комплекс программ, направленных на постоянное обучение, создание комфортных и безопасных условий труда, предоставление медицинского страхования. В сфере экологии и промышленной безопасности внедряются современные технологии, позволяющие существенно повысить надежность оборудования и снизить нагрузку на окружающую среду. Помимо этого, «Томскнефтехим» реализует программы социального спонсорства и благотворительности, которые направлены на поддержку молодежи, детей и ветеранов труда. В ежемесячном рейтинге социальной ответственности российских компаний, составленном Агентством политических и экономических коммуникаций в июле 2015 г. [18], владеющая 50% акций ОАО «Томскнефть», ОАО «НК «Роснефть» заняла 6-е место; материнская компания ООО «Томскнефтехим» ПАО «СИБУР Холдинг» – 28-е место; собственный ОАО «УК «Кузбассразрезуголь» ООО «УГМК-Холдинг» – 23-е место;

ОАО «СУЭК» – 36-е место. Таким образом, все перечисленные компании ресурсодобывающих Томской и Кемеровской областей, по мнению экспертов, имеют либо очень высокий, либо высокий уровень социальной ответственности.

Приведенные выше примеры использования инструментов социализации ресурсодобывающими компаниями позволяют перейти к выявлению социально-экономической природы ресурсодобывающего предприятия. В условиях формирования экономики знаний это предполагает установление тех его особенностей, которые радикально изменяют социально-экономическую природу предприятия. Контентный анализ специальной литературы позволил выявить следующие особенности:

- возрастание роли в материальном производстве научных знаний, воплощаемых в инновациях;
- становление производителей знаний основным субъектом социально-трудовых отношений на предприятиях экономики знаний;
- изменение доминанты содержания трудового процесса с «трудоинтенсивных» на «знанияинтенсивные» [19];
- перевод организационных структур управления с жестко иерархических на «мягкие», гибкие структуры, обеспечивающие обмен знаниями.

Таким образом, перспективы экономического и социального развития ресурсодобывающего предприятия все больше зависят от применения в производстве научных знаний, принадлежащих работникам предприятия. Поэтому приоритетное значение современные руководители должны придавать управлению человеческими, а не финансовыми и материальными ресурсами.

Человеко-ориентированное управление направлено на поиск способов повышения интеллектуального уровня работников: рост их профессиональных знаний и умений для работы в современной экономике. В этом, по нашему мнению, заключается новая социальная роль бизнеса. Ее осуществлению в большой степени может способствовать создание новой системы социально-трудовых отношений на предприятии. Именно реализация этих отношений обеспечивает как повышение производительности труда, так и формирование особой социальной среды трудового взаимодействия. Они сопровождают технологизацию бизнес-процессов через рабочие процессы и интеллектуализацию труда, нацелены на улучшение качества трудовой жизни.

Социально-экономическая природа ресурсодобывающего предприятия в условиях становления экономики знаний состоит в том, что, с одной стороны, такое предприятие активно влияет на социализацию экономики через формирование новой модели социально-трудовых отношений, основанной на общих ценностях. С другой стороны, само предприятие испытывает мощное влияние процессов социализации, поскольку является открытой системой.

Только разработка и внедрение системы технологий социализации экономики знаний одновременно на двух уровнях – ресурсодобывающего предприятия и

ресурсодобывающего региона – приведут к повышению ценности личности работника, создадут условия для его всестороннего развития.

Технологию социальной деятельности М. Марков предлагает рассматривать в двух аспектах: как *систему знаний* (здесь и далее курсив авторов) об организации действительности, связанную с выполнением этапов, операций, методов, действий и т.п. по формированию общественных явлений, и как технологизацию этих знаний в процессе деятельности, которая выражается в трудовых действиях людей, соответствующих требованиям конкретных, специфических социальных структур [20. С. 57–58]. Опираясь на эти подходы, можно признать идентичность социальных технологий и УЗ со стороны знания.

Со стороны управления социальные технологии рассматриваются как управляемые технологии: в социологической литературе имеется расширительная трактовка социальной (гуманитарной) технологии, когда она практически идентифицируется с управлением³ [21]. Установленное соответствие УЗ этим двум сторонам позволяет нам считать УЗ современной социальной технологией, необходимой для развития экономики знаний. Анализ применяемых в настоящее время на ресурсодобывающих предприятиях Кемеровской области технологий социализации показывает отсутствие выделенной из управления персоналом самостоятельной технологии УЗ, необходимой для становления и развития экономики знаний.

Развитие социально-трудовых отношений в экономике знаний непосредственно связано с процессом управления знаниями. Следует признать, что сегодня интересы таких субъектов социально-трудовых отношений, как владельцев знаний и умений, и собственников физического и финансового капиталов, нередко не совпадают. Последние не стесняются присваивать результаты интеллектуального труда первых, зачастую не оформленные по разным причинам в качестве объектов интеллектуальной собственности.

М.И. Туган-Барановский в своих исследованиях пришел к следующему выводу: «Под эксплуатацией человека человеком мы понимаем точно так же использование личности человека в определенных внешних для нее целях в ущерб ее интересам. Такое использование осуждается нашим моральным сознанием. Почему же? Очевидно, потому, что мы признаем личность человека священной и верховной целью в себе; потому что человек никогда не должен служить в чьих-либо руках средством для чего-либо, для себя постороннего. Идея равенства, равнозначности человеческой личности лежит в основе понятия эксплуатации человека человеком» [22. С. 119]. Несмотря на то что данное положение не опирается на теорию ценности (стоимости), оно вполне отражает социальный характер наемного труда и показывает, что исчезновение собственности на человеческую личность, атрибутом которой является знание, означает отсутствие чьей-либо еще собственности на знания, кроме самого наемного работника.

Истинной целью управления знаниями в современных компаниях является капитализация знаний

наемных работников, т.е. превращение этих знаний в собственность владельца финансового и физического капитала предприятия. Несоответствие целей управления знаниями на различных уровнях является главной причиной затруднений, которые возникают при внедрении технологии управления знаниями как в России, так и за рубежом. Свести их к минимуму можно, только если опираться на гуманистический подход к знанию, рассматриваемый нами как основа социализации. В российской практике гуманизация управления знаниями должна реализовываться, прежде всего, в повышении величины добавленной стоимости за счет увеличения в ней доли заработной платы наемных работников. Кроме того, необходимо законодательно закрепить за предприятием социальную обязанность непрерывного обучения работников, а за самими работниками – их естественное право собственности на знания и право на их развитие. Иными словами, требуется расширить положение классического гуманизма о естественном праве труда на новый объект – знание [23].

Технология УЗ сегодня выступает важным фактором формирования знаниевой модели социально-трудовых отношений, соответствующей экономике знаний. Суть понятия технологии состоит в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть растиражирована для решения схожих задач.

Модель социально-трудовых отношений ресурсодобывающего предприятия в экономике знаний должна представлять собой результат сочетания специфики фактора УЗ и использования природных ресурсов. Если проблема разработки социальных технологий управления знаниями персонала многонациональной организации поставлена в работе [24], то аналогичная проблема в ресурсодобывающей компании, насколько нам известно, не поднималась. Управление знаниями рассматривается в основном как феномен, имеющий отношение к отраслям и производствам, для которых характерны так называемые высокие технологии, разрабатываемые на базе конкретных научных исследований. Однако практика развития ресурсодобывающих отраслей опровергла такой узкий подход к эффективному управлению, доказав, что не может быть современных отраслей, производств и компаний, которые не используют интеллектуальные ресурсы в производстве и методах управления им. Интеллектуальные процессы – это непременное условие развития всех сфер деятельности в экономике знаний.

Управление знаниями как социальная технология – это способ сформировать компанию как коллектив людей, работающих совместно для того, чтобы постоянно совершенствоваться, узнавая все время что-то новое. Для этого работники должны осознавать значение своего обучения и обмена знаниями в компании, а менеджеры и собственники обязаны создавать для этого все необходимые условия, так как управление знаниями – неотъемлемая часть инфраструктуры современной компании. Внедрение управления знаниями как социальной технологии возможно только при условии создания в компании культуры

командного духа, доверия и сотрудничества. Этому будет способствовать система оценки работы и вознаграждения за обмен знаниями, возможности доступа работников к перспективным бизнес-планам и проектам, программам кадрового обеспечения и обучения персонала. Иными словами, для эффективного внедрения управления знаниями как социальной технологии, прежде всего, необходим открытый и честный стиль управления персоналом в компании. Главное в управлении знаниями, как и в социальной политике, – не технологизация, а совместно работающие люди. Необходимость в обмене знаниями вытекает из взаимодействия людей. Технология, даже самая совершенная, лишь облегчает любое управление, эффективность его зависит только от знаний и поведения людей.

Если признать УЗ социальной технологией, то следует дополнить социальную отчетность разделом по УЗ. В него надо включить программы обучения и результаты их реализации, выделенные из раздела «Социальная результативность и человеческий капитал», а также специфические показатели по управлению знаниями. Такой обновленный документ будет отражать новые принципы социальной отчетности в экономике знаний. Публикация отчетов с разделом по УЗ позволит формировать базы знаний со свободным доступом к эталонным решениям в этой сфере, принятым наиболее успешными компаниями. Творческий ввод в свою деятельность их практического опыта позволит другим предприятиям продемонстрировать социуму готовность участвовать в развитии экономики знаний по всем ее направлениям, включая науку, просвещение, здравоохранение, экологию.

Дополнительный вклад ресурсодобывающих предприятий в соблюдение прав человека будет демонстрировать введение в социальную отчетность в части «Права человека» показателей по обеспечению права работников на знания – важнейшего права в экономике знаний, отсутствующего сегодня в отчете. Таким образом, введение раздела по УЗ – это не просто структурное переформатирование отчета, это изменение по существу, соответствующее экономическим и социальным преобразованиям, связанным с распространением научных знаний. Сделать социальное направление деятельности компании знание- и человеко-направленным – это значит сделать его более эффективным и гуманистическим.

Управленческая технология «УЗ» в условиях становления и развития экономики знаний может и должна выполнять следующие социальные функции: обмен информацией, знаниями; обучение и подготовка работников к инновационной деятельности; привлечение ученых и специалистов к комплексному решению задач жизнедеятельности человека труда. Современной эффективной формой обмена знаниями являются корпоративные университеты. Однако наличие корпоративного университета компании в одном регионе подрывает связи с местными вузами других регионов присутствия, на базе которых тогда необходимо открывать филиалы корпоративного университета для поддержки местной системы образова-

ния. Например, корпоративный университет СУЭК – центр управления знаниями – является ключевым звеном корпоративного обучения, обеспечивающим непрерывное повышение квалификации всех групп сотрудников [8].

Социальные функции УЗ на региональном уровне можно вменить предложенному ранее в работе [25] Региональному центру управления знаниями. Для этого в систему управления надо включить социальную подсистему со своей методикой решения задач социализации экономики знаний ресурсодобывающего региона. Наименование подсистемы, перечень входящих в нее работ и расчетов, перечень информации, формы входных и выходных документов, описание социально-экономической сущности задачи составит содержание паспорта социальной подсистемы как одного из важнейших разделов Паспорта механизма формирования экономики знаний в ресурсодобывающем регионе. В результате сформируется экономика с развитой социальной системой, полностью отвечающая гуманистическим принципам экономики знаний.

Общее значение социальных технологий для практической деятельности предприятия объясняется тем, что предприятие при их использовании: 1) открывает для себя новую сферу усилий и воздействия, расширяет свое социально-экономическое пространство; 2) получает доступ к использованию дополнительных ресурсов, связанных с жизнедеятельностью как своих работников, так и региональных сообществ; 3) осваивает новый инструментарий экономической деятельности, предоставляемый корпоративной социальной ответственностью. Иными словами, получает новый экономический ресурс в виде морально-нравственного капитала (МНК), социального капитала.

Методика расчета экономических потерь от недопользования МНК на макро- и микроуровне приведена в работе [26]. Полагаем, что данная методика может быть использована на региональном уровне с соответствующим набором региональных показателей, определение и расчет которых представляют собой предмет самостоятельного исследования. Здесь же отметим важность сочетания моральной и материальной мотивации руководителей.

Рыночный экономический императив сегодня является определяющим фактором развития в бизнес-сообществе. Именно он действительно побуждает членов последнего действовать по принципам коммерческих процессов и в социальной сфере. Материальная мотивация в случае корпоративной социальной ответственности во многом определяется интересами долгосрочной перспективы бизнеса. Затраты бизнеса на корпоративную социальную ответственность – это не лишние «хлопоты», они предотвращают будущие социальные проблемы и риски региона. Поэтому их следует рассматривать как социальные инвестиции. Промышленные предприятия, осуществляя социальные инвестиции, рассчитывают на достижение устойчивых позитивных изменений в обществе на территории интересов своего бизнеса и достигают их. Они могут вносить вклад в развитие общества через социальное инве-

стирование в улучшение качества жизни населения и его среды обитания.

Руководители крупных компаний, одни через осознание социальной ответственности, другие в рамках маркетинговой стратегии, инвестируют часть прибыли в региональные социальные программы, развивая культуру социального инвестирования. Так, технологии социализации на микроуровне тесно переплетаются с технологиями социализации на мезоуровне. Например, модель социального проекта – программа «Школа социального предпринимательства» – реализуется СУЭК с 2012 г. Ее целями являются: создание благоприятных условий, способствующих созданию и устойчивому функционированию малых и средних предприятий социальной направленности; обеспечение устойчивого развития территории; создание благоприятной социально-культурной среды в результате увеличения предложения товаров и услуг; создание новых возможностей занятости населения; повышение эффективности решения социальных проблем в регионах присутствия. Социальные эффекты для такой территории, как г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области, выражаются в следующем [8]:

- получение городом дополнительных инвестиций на решение социальных проблем;
- расширение возможностей муниципальных учреждений социальной сферы города, привлечение дополнительных средств на их развитие;
- открытие: ледового зала «Спартак»; кабинета гидротерапии; медицинского центра «Альтернатива»; акушеро-гинекологического кабинета;
- установка спортивных и спортивно-игровых комплексов;
- реализация проекта по предоставлению фитнес-услуг для женщин;
- открытие Музея занимательной науки и техники;
- открытие агентства праздников (реализует возможность занятости трудных подростков, стоящих на учете в правоохранительных органах).

Существенное место в группе факторов развития социальной ответственности на обоих уровнях занимает экологическая компонента. Экология – важнейший компонент качества жизни. Между экономикой и экологией в обществе знания не может быть противоречия, так как его важнейший принцип – изначально бережное отношение к экосистеме как одному из региональных ресурсов. Владельцы и руководители предприятий должны активно и регулярно – через СМИ и встречи с общественниками – обсуждать и согласовывать свои экологические программы на территории ведения бизнеса.

Экологическое направление деятельности СУЭК, например, предусматривает уменьшение негативного воздействия на окружающую среду (минимизация экологических рисков; меры по сохранению биоразнообразия и компенсации нанесенного ущерба окружающей среде; рациональное использование природных ресурсов), а также взаимодействие с заинтересованными сторонами [8]:

– открытость экологической информации, повышение уровня информированности заинтересованных сторон о природоохранной деятельности компании;

– распространение инициативной экологической отчетности;

– участие общественности и органов местного самоуправления в подготовке, обсуждении, принятии, реализации решений в области охраны окружающей среды;

– учет прав коренных малочисленных народов на ведение традиционного образа жизни и сохранение исконной среды обитания.

Перенос социальных технологий предприятия на регион методом аналогии представляется возможным, потому что «в демократической системе территориальной организации социума регионы выступают в качестве равноправного субъекта социально-экономических отношений и наделены собственностью, имуществом и правами для реализации социально-экономических интересов населения регионов – создания необходимых условий для его социального воспроизводства» [1. С. 7]. Здесь, на конкретной территории, долговременные интересы власти, общества и бизнеса совпадают. Технологии социализации на региональном уровне направлены на развитие кадрового потенциала региона; защиту законных прав граждан, включая право на знание; обеспечение занятости населения путем создания рабочих мест, отвечающих требованиям экономики знаний; мотивацию бизнеса к повышению социальной ответственности вплоть до политики протекционизма. Последняя состоит, например, в обеспечении приоритета социально ответственным компаниям при получении государственного финансирования, при проведении конкурсов на государственные закупки товаров, работ и услуг.

Предприятия СУЭК, помимо Кузбасса, работают в Мурманской области, Красноярском, Хабаровском, Забайкальском и Приморском краях, республиках Бурятия и Хакасия. Они являются градообразующими для 11 городов и поселков; общая численность населения территорий, на жизнедеятельность которого они оказывают существенное влияние, превышает 700 тыс. чел. Разработка, реализация и обновление социальных программ компаний основываются на непрерывном мониторинге развития этих территорий.

Анализ данных, полученных путем проведения комплексных социологических исследований, позволяет оценивать результативность проводимых программ и формировать дальнейшие направления социального инвестирования. На это направлен комплекс мер, включающий выстраивание системы привлечения бюджетных и внебюджетных средств; выстраивание партнерских отношений с региональными администрациями; повышение квалификации работников учреждений социальной инфраструктуры и работников органов местного самоуправления с целью использования и развития новых финансовых и организационных возможностей; выстраивание взаимодействия с партнерскими организациями, заинтересован-

ными в развитии социальной инфраструктуры территории.

Ресурсодобывающие компании реализуют программы и проекты, направленные на формирование благоприятной социальной среды в регионах своего присутствия, создание новых возможностей для запуска современных механизмов развития территорий, повышения их социальной и инвестиционной привлекательности. Одним из таких механизмов нам представляется механизм формирования в ресурсодобывающем регионе экономики знаний, инструментом которого является социальная технология управления знаниями. Последняя не только коренным образом изменяет социально-экономические отношения, но и повышает производительность труда. В ресурсодобывающих регионах рост производительности труда под воздействием УЗ выгоден еще и потому, что приводит к подорожанию ограниченных природных ресурсов (энергетических и земельных) по сравнению с удешевляющимися товарами, создаваемыми трудом.

Региональные органы власти должны создавать благоприятные институциональные условия для социально-ответственного бизнеса, объективно оценивать его активность в этой сфере. Процесс институциализации социальной ответственности корпораций на уровне региона является принципиально новым, требующим отдельного исследования. Очевидно, что в этом процессе определяющую роль играют региональные органы власти, которые обеспечивают перенесение корпоративных принципов социальной ответственности на уровень региона, гармонизируя тем самым социально-трудовые отношения. Региональные руководители регулярно призывают промышленников и бизнесменов не забывать о социальной ответственности, называя принцип социальной ответственности «ключевым индикатором оценки бизнеса» [27].

Повышение эффективности региональной экономики мерами корпоративной социальной ответственности возможно в следующих взаимообразных формах:

– субсидии из регионального бюджета социально-ответственным предприятиям малого и среднего бизнеса на открытие производств в моногородах – местах с высоким уровнем безработицы; организация курсов повышения квалификации своих работников;

– субсидии социально-ответственных предприятий работникам на повышение их квалификации; освоение ими новой техники и технологий.

Социальная ответственность любого уровня начинается в первую очередь с соблюдения законодательства, которое является юридической основой ее развития. Соблюдение российского и международного законодательства – фундаментальная обязанность хозяйствующего субъекта и неотъемлемая часть социальной ответственности. Важнейшие для экономики, бизнес-сообщества и социума региональные законодательные акты должны проходить предварительную экспертную оценку. СУЭК, например, ведет разработку предложений к законодательным проектам, попадающим в сферу его интересов. Содержание предложений призвано урегулировать проблему отсутствия в законодательных нормативных актах, действующих на территории РФ, переходных и регулирующих положений, учитывающих современные условия труда. Так, в 2011–2013 гг. СУЭК принимал участие в разработке предложений по специальной оценке условий труда, которая с 2014 г. действует взамен ранее существовавшей аттестации рабочих мест [8].

Такие взаимные действия ресурсодобывающих компаний и органов региональной власти, направленные на системную социализацию экономики знаний, дают возможность делать ресурсодобывающий регион более привлекательным для предпринимателей, инвесторов и работников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ УК «Кузбассразрезуголь» – лидер угледобывающей отрасли: по объему угледобычи компания занимает 1-е место в Кузбассе и 2-е место в России. На долю компании приходится 25% объема угля, добываемого в Кузбассе [9].

² СУЭК – ОАО «Сибирская угольная энергетическая компания» – крупнейший производитель и экспортер угля в России и одна из ведущих угледобывающих компаний мира. В компании, представленной в восьми регионах России и десяти странах мира, работают более 33,5 тыс. чел., обеспечивающих добычу, обогащение, транспортировку и сбыт угля [8].

³ Однако, в отличие от управлеченческих технологий, направленных на технологические процессы на предприятии, гуманитарные технологии направлены, прежде всего, на человека как главный ресурс предприятия. Работники развиваются как члены коллектива предприятия, как члены социальных групп, включенных в него, и как отдельные личности. Главной функцией управления как гуманитарной технологии признается конструирование трудового коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я.А. Маргуляна. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. 436 с.
2. Нехода Е.В., Раковская В.С. Корпоративная социальная политика: концептуальные подходы к определению и оценке функционирования // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 4. С. 49–55.
3. Нехода Е.В., Раковская В.С., Минигулова Г.С. Корпоративная социальная политика: методология исследования // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 119–126.
4. Нехода Е.В. Корпоративная социальная политика: подходы к оценке эффективности // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2014. № 5. С. 309–315.
5. Нехода Е.В., Раковская В.С. Реализация корпоративной социальной ответственности в России: проблемы, возможности, перспективы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-14707> (дата обращения: 15.05.2015).
6. Нехода Е.В. Корпоративная социальная ответственность: проблемы измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Экономика. 2014. № 4. С. 93–103.

7. Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланы // Экономическая социология. 2004. Т. 5, № 5. С. 20–34.
8. Корпоративный социальный отчет СУЭК за 2011–2013 годы. URL: http://www.suek.ru/assets/uploads/sites/9/2014/09/Korporativnyj_socialnyj_otchet_2011-2013_.pdf# (дата обращения: 03.08.2015).
9. УК «Кузбассразрезуголь». Наши ценности. URL: <http://www.kru.ru/ru/value/> (дата обращения: 03.08.2015).
10. УК «Кузбассразрезуголь». Благотворительность. URL: <http://www.kru.ru/ru/value/blago/> (дата обращения: 03.08.2015).
11. Хачатуров-Тавризян Е.А. Менеджер, предприниматель, стейкхолдер: кто из них формирует социальные задачи бизнеса?! // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 6. С. 29–36.
12. Нехода Е.В. Нефинансовая отчетность компаний как индикатор социальной ответственности и благополучия человека в организации // Общество и непрерывное благополучие человека : сб. науч. трудов междунар. науч. симп. Томск : Том. политехн. ун-т, 2014. С. 234–243.
13. Беззубко Л.В., Нехода Е.В. Развитие системы социального партнерства на региональном уровне: опыт межстранового исследования (на примере России и Украины) // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 4 (36). С. 115–120.
14. Курбатова М.В., Трофимова Ю.В. Соглашения о сотрудничестве органов власти и бизнеса и их роль в развитии региона (на примере Кемеровской области) // ЭКО. 2015. № 2. С. 151–162.
15. Томскнефть / Социальная ответственность. URL: <http://www.tomskneft.ru/social-responsibility/> (дата обращения: 06.08.2015).
16. ООО «Томскнефтхим». Социальная ответственность. URL: <http://www.sibur.ru/tnhk/social/> (дата обращения: 06.08.2015).
17. Нехода Е.В. Корпоративная социальная политика: теоретические аспекты и опыт российских компаний нефтегазового комплекса // Траектории реформирования российской экономики : материалы Междунар. экон. симпозиума, посвящ. 50-летию экон. ф-та ТГУ. Томск : Том. гос. ун-т, 2014. С. 364–373.
18. Рейтинг социальной ответственности российских компаний в июле 2015 года. URL: http://www.aprescom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=1999 (дата обращения: 07.08.2015).
19. Павлов М.Ю. Изменения в социально-экономической природе корпорации в процессе генезиса постиндустриального общества : дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2001.
20. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М. : Прогресс, 1982. 266 с.
21. Удаличова М.В. Социология управления: учеб. пособие. Москва ; Новосибирск : Инфра-М ; НГАЭиУ, 1999. 144 с.
22. Корнейчук Б. Этическая экономия М.И. Туган-Барановского и вызовы глобального развития (К 150-летию со дня рождения ученого) // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 116–128.
23. Жернов Е.Е. Знание в процессе гуманизации современной фирмы : дис. ... канд. экон. наук. Кемерово, 2006.
24. Горюхова Е.Ю. Социальная технология управления знаниями в многонациональной организации : дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2012.
25. Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе (на примере Кемеровской области) / под ред. И.Б. Золотых, Е.Е. Жернова. Москва ; Кемерово : Российские университеты, Кузбассвязьиздат – АСТШ, 2013. 345 с.
26. Нирафея О. Морально-нравственный капитал: проблемы оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8. С. 25–33.
27. Официальный сайт губернатора Челябинской области. Дубровский: «Принцип социальной ответственности для меня ключевой индикатор оценки бизнеса». URL: <http://gubernator74.ru/news/dubrovskiy-princip-socialnoy-otvetstvennosti-dlya-menyanya-klyuchevoy-indikator-ocenki-15390> (дата обращения: 10.08.2015).

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 30 августа 2015 г.

TECHNOLOGIES OF KNOWLEDGE ECONOMY SOCIALIZATION IN A RESOURCE EXTRACTION REGION

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 188–198. DOI: 10.17223/15617793/399/32

Zhernov Evgeny E. Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: eugjernov@mail.ru

Nekhoda Evgeniya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sheyna@sibmail.com

Keywords: knowledge economy; moral and ethical economics; resource extraction region; resource extraction enterprise; corporate social responsibility; social statements; social partnership; knowledge management.

The authors set the goal to analyze the existing technologies of meso- and micro-economies socialization in a resource extraction region by examples of Tomsk and Kemerovo Oblasts from the perspective of the knowledge economy formation, and to supplement these technologies with an adequate new one. To achieve the goal of the study the following problems are set and solved. 1. The socio-economic nature of resource extraction enterprise is revealed. In the knowledge economy it is determined by the growing role of implementation in material production of the scientific knowledge owned by employees. The authors admit that today the interests of such subjects of social and labor relations as the knowledge holders and the owners of physical and financial capital often do not coincide. As a result, knowledge of employees is appropriated by the owners of enterprises and declared as “the knowledge of the company”. Accordingly, ostensibly for its effective use, the technology of knowledge management based on information and communication technologies is developed. However, the authors consider the capitalization of the knowledge of employees, i.e. its conversion into the ownership of the business owner, to be the true purpose of knowledge management of modern companies. Thus, it is ascertained that the development of social and labor relations in the knowledge economy is directly related to the process of knowledge management. 2. For the first time knowledge management is defined as a new technology of socialization of a resource extraction enterprise and a resource extraction region as a whole. It is proved that in the modern economy there are no efficient industries and enterprises which ignore intellectual resources in the production. Knowledge management as a social technology at the micro level is a way to form a company as a collective of people with advanced scientific knowledge in their field. The authors realize that technologization only makes it easier to manage. The essence of knowledge management is not technologization, but people working together and exchanging their knowledge in this process. The authors hope that the development of technologies of knowledge economy socialization in a resource extraction region will contribute to the advance of theoretical research in the field of economic sociology and sociology of management, will provide practical assistance to regional authorities, the heads of state and commercial enterprises in the development of programs and projects to improve the efficiency of production and economic activity, to increase the quality of life in the regions.

The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 15-36-50325 мол_нр.

REFERENCES

1. Margulyan, Ya.A. et al. (2010) *Sotsial'nye tekhnologii upravleniya obshchestvom: regional'nyy uroven'* [Social technologies of society governance: regional level]. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Management and Economics.
2. Nekhoda, E.V. & Rakovskaya, V.S. (2011) Corporate social policy: conceptual approaches to the definition and evaluation of the functioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 4, pp. 49–55. (In Russian).
3. Nekhoda, E.V., Rakovskaya, V.S. & Minigulova, G.S. (2012) Corporate social policy: research methodology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 355. pp. 119–126. (In Russian).
4. Nekhoda, E.V. (2014) [Corporate social policy: approaches to evaluation of the effectiveness]. *Upravlenie chelovecheskimi resursami – osnova razvitiya innovatsionnoy ekonomiki* [Human resources management – the basis of development of innovative economy]. 5. pp. 309–315 (In Russian).
5. Nekhoda, E.V. & Rakovskaya, V.S. (2014) Implementation of corporate social policy in Russia: problems, opportunities, perspectives. *Sovremen-nye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 5. [Online]. Available from: <http://www.science-education.ru/119-14707>. (Accessed: 15th May 2015). (In Russian).
6. Nekhoda, E.V. (2014) Corporate social responsibility: the measurement problems. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika – Herald of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Economics*. 4, pp. 93–103. (In Russian).
7. Radaev, V.V. (2004) Economic and sociological alternative of Karl Polanyi. *Ekonicheskaya sociologiya – Economic sociology*. 5 (5). pp. 20–34. (In Russian).
8. SUEK. (2014) *Korporativnyy sotsial'nyy otchet SUEK za 2011–2013 gody* [SUEK Corporate social report 2011–2013]. [Online]. Available from: http://www.suek.ru/assets/uploads/sites/9/2014/09/Korporativnyj_socialnyj_otchet_2011-2013_.pdf#. (Accessed: 03rd August 2015).
9. Coal Company “Kuzbassrazrezugol” (n.d.) UK “Kuzbassrazrezugol”. *Nashi tsennosti* [Coal Company “Kuzbassrazrezugol”]. Our values. [Online]. Available from: <http://www.kru.ru/ru/value/>. (Accessed: 03rd August 2015).
10. Coal Company “Kuzbassrazrezugol” (n.d.) UK “Kuzbassrazrezugol”. *Blagovoritel'nost'* [Coal company “Kuzbassrazrezugol”]. Charity. [Online]. Available from: <http://www.kru.ru/ru/value/blago/>. (Accessed: 03rd August 2015).
11. Hachaturov-Tavriyan, E.A. (2004) Menedzher, predprinimatel', steykkholder: kto iz nich formiruet sotsial'nye zadachi biznesa?! [Manager, an entrepreneur, stakeholder: who of them forms the social goals of business?!]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom – Management in Russia and abroad*. 6. pp. 29–36.
12. Nekhoda, E.V. (2014) [Non-financial statements of companies as an indicator of social responsibility and human well-being in an organization]. *Obshchestvo i nepreryvnoe blagopoluchie cheloveka* [Society and the continuous well-being]. Proc. of the international scientific symposium “Society and continued well-being”. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 234–243. (In Russian).
13. Bezzubko, L.V. & Nekhoda, E.V. (2011) Razvitie sistemy sotsial'nogo partnerstva na regional'nom urovne: opyt mezhstrannovogo issledovaniya (na primere Rossii i Ukrayiny) [Development of the system of social partnership at the regional level: the experience of cross-country studies (Russia and Ukraine instance)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Proceedings of the Ural State Economic University*. 4. pp. 115–120.
14. Kurbatova, M.V. & Trofimova, Yu.V. (2015) Soglasheniya o sotrudnichestve organov vlasti i biznesa i ikh rol' v razvitiu regiona (na primere Kemerovskoy oblasti) [Agreements on cooperation of the authorities and the business and their role in the development of the region (Kemerovo Oblast instance)]. *EKO*. 2. pp. 151–162.
15. Tomskneft'. (n.d.) *Sotsial'naya otvetstvennost'* [Social Responsibility]. [Online]. Available from: <http://www.tomskneft.ru/social-responsibility/>. (Accessed: 06th August 2015).
16. Tomskneftekhim Ltd. (n.d.) *OOO “Tomskneftekhim”*. *Social'naya otvetstvennost'* [Tomskneftekhim Ltd. Social responsibility]. [Online]. Available from: <http://www.sibur.ru/tnhk/social/>. (Accessed: 06th August 2015).
17. Nekhoda, E.V. (2014) [Corporate social policy: theoretical aspects and experience of Russian oil and gas companies]. *Traektorii reformirovaniya rossiyskoy ekonomiki* [Reformation paths of the Russian economy]. Proc. of the international economic symposium dedicated to the 50th anniversary of the TSU Faculty of Economics. Tomsk: Tomsk State University. pp. 364–373. (In Russian).
18. Agency for Political and Economic Communications. (2015) *Reyting sotsial'noy otvetstvennosti rossiyskih kompaniy v iyule 2015 goda* [Social responsibility rating of Russian companies in July 2015]. [Online]. Available from: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=1999. (Accessed: 07th August 2015).
19. Pavlov, M.Yu. (2001) Izmeneniya v sotsial'no-ekonomicheskoy prirode korporatsii v protsesse genezisa postindustrial'nogo obshchestva [Changes in the socio-economic nature of the corporation under genesis of postindustrial society]. Economics Cand. Diss. Moscow.
20. Markov, M. (1982) *Tekhnologiya i effektivnost' sotsial'nogo upravleniya* [Technology and efficiency of social management]. Moscow: Progress.
21. Udal'tsova, M.V. (1999) *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management]. Moscow–Novosibirsk: Infra-M, Novosibirsk State Academy of Economics and Management.
22. Cited by: Korneychuk, B. (2014) Eticheskaya ekonomiya M.I. Tugan-Baranovskogo i vyzovy global'nogo razvitiya (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [Ethical economy of M.I. Tugan-Baranovski and the challenges of global development (On the 150th anniversary of the birth of the scientist)]. *Voprosy ekonomiki*. 12. pp. 116–128.
23. Zhernov, E.E. (2006) *Znanie v protsesse gumanizatsii sovremennoy firmy* [Knowledge in the process of humanization of the modern firm]. Economics Cand. Diss. Kemerovo.
24. Gorokhova, E.Yu. (2012) *Sotsial'naya tekhnologiya upravleniya znaniami v mnogonatsional'noy organizatsii* [Social technology of knowledge management in multinational organization]. Sociology Cand. Diss. Moscow.
25. Zolotykh, I.B. & Zhernov, E.E. (eds.) (2013) Formirovaniye ekonomiki znanii v resursodobyyayushchem regione (na primere Kemerovskoy oblasti) [Formation of the knowledge economy in the resource extraction region (Kemerovo Oblast instance)]. Moscow–Kemerovo: Rossiyskie universitetы, Kuzbassvuzizdat – ASTSh.
26. Nifaeva, O. (2014) Moral'no-nrvastvennyy kapital: problemy otsenki [Moral and ethical capital: the evaluation problems]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 8. pp. 25–33.
27. Official website of Chelyabinsk Region Governor. (2014) Dubrovskiy: “Printsip sotsial'noy otvetstvennosti dlya menya klyuchevoy indikator otsenki biznesa” [Dubrovsky: “The principle of social responsibility is a key indicator of business to me”]. [Online]. Available from: <http://gubernator74.ru/news/dubrovskiy-princip-socialnoy-otvetstvennosti-dlya-meny-a-klyuchevoy-indikator-ocenki-15390>. (Accessed: 10th August 2015).

Received: 30 August 2015

НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Для оценки эффективности налоговой системы и налоговой политики государства требуется целый комплекс критериев. Однако практически не существует прямых показателей, однозначно характеризующих результативность налоговой системы, поэтому при оценке ее эффективности используются косвенные макроэкономические показатели. Одним из базовых оценочных аспектов налоговой политики государства является проблема регулирования налоговой нагрузки и выявления степени ее воздействия на экономическую эффективность хозяйствующих субъектов. В связи с этим важнейшей финансовой проблемой государства становится определение границ оптимального размера налоговой нагрузки.

Ключевые слова: налог; налоговая политика; налоговая нагрузка; налогообложение; налоговое регулирование; налоговая система.

Налог как форма принудительного изъятия части совокупного дохода общества в бюджет государства отражает все достоинства и недостатки конкретного экономического пространства и конкретной системы государственного устройства и управления [1. С. 15].

Налоги рассматриваются государственными структурами не только как источник, обеспечивающий формирование финансовых ресурсов для реализации основных функций государства, но и как инструмент управляющего воздействия, который позволяет организовать процессы распределения созданного обществом дохода. Необходимость рационализации процессов управления предусматривает выработку как общих направлений, так и технических приемов в использовании налоговых отношений. Совокупность таких действий, последовательно осуществляемых в течение определенного промежутка времени, обозначается понятием «налоговая политика» [2. С. 153].

Налоговая политика страны как один из методов государственного регулирования социально-экономического развития общества должна быть направлена на достижение его целевых ориентиров в совокупности с другими методами и формами государственного регулирования. А в составе целевых ориентиров первостепенным признается обеспечение прогресса в развитии общества за счет улучшения качества жизни, качества окружающей среды и экономического роста. Следовательно, целевые ориентиры налоговой политики предусматривают и гармонизацию интересов участников налоговых отношений, и стимулирование реинвестиций в национальную экономику, и рациональное природопользование, и эффективное администрирование, борьбу с уклонением от уплаты налогов, оптимальное «вписывание» в международную финансово-экономическую систему в части привлечения налогоплательщиков и финансовых средств и многие другие цели [3. С. 162].

Практика централизации налоговых поступлений, имеющаяся в России на текущий момент, с одной стороны, повышает финансовую устойчивость государства, с другой – снижает темпы развития наиболее успешных регионов и муниципалитетов, усредняя уровень экономического развития и сдерживая тем самым потенциальный экономический рост регионов

и муниципалитетов, обладающих для этого всеми необходимыми предпосылками [4. С. 39].

Эффективность налоговой политики и налоговой системы в целом – понятие достаточно сложное и многоаспектное.

Под эффективностью налоговой системы в широком смысле понимается ее способность выполнять возложенные на нее функции. Это означает, что налоговая система может быть признана эффективной лишь в том случае, если она отвечает следующим общим (основным) требованиям [5]:

– обеспечивает поступление налогов в бюджет в объемах, достаточных для выполнения государством своих экономических, социальных и общественно-политических функций;

– обеспечивает финансовые условия для возобновления воспроизводственных процессов на расширенной основе (средства, остающиеся после уплаты налогов, должны быть достаточными для сохранения и развития производства в реальном секторе экономики);

– способствует решению наиболее важных общегосударственных задач, определенных в социально-экономической политике государства в качестве приоритетных и нашедших соответствующее отражение в налоговом законодательстве.

Говоря об эффективности применяемой системы налогов, необходимо рассматривать ее во взаимосвязи с рыночным хозяйствованием, акцентируя внимание на полученном эффекте на уровне государства, отраслей хозяйственного комплекса, отдельных субъектов различных организационно-правовых форм, а также населения и учитывая при этом прямой и косвенный эффекты, полученные экономикой и обществом после воздействия налогов [6. С. 40].

Таким образом, для оценки эффективности налоговой системы и методов налогового регулирования требуется целый комплекс критериев. Однако практически не существует прямых показателей, однозначно характеризующих результативность налоговой системы, поэтому при оценке эффективности используются косвенные макроэкономические показатели. В расчет при этом принимается динамика следующих показателей:

– удельного веса общей суммы налогов в валовом внутреннем продукте;

- уровня бюджетного дефицита по отношению к валовому национальному продукту;
- объемов общественного производства в целом и по отраслям;
- объемов капитальных вложений;
- финансовых результатов в целом по экономике и по отраслям;
- уровня инфляции и т.д.

Главным недостатком этих показателей является наличие множества факторов, под воздействием которых они формируются, поэтому при анализе экономических вопросов на макроуровне чрезвычайно трудно определить роль именно налоговой системы в развитии данных процессов.

Эффективность в узком смысле – это оптимальные внутрисистемные характеристики, свидетельствующие о наличии высоких потенциальных возможностей для выполнения налогами своих функций. Наиболее важными внутрисистемными характеристиками, предопределяющими эффективность или неэффективность налоговой системы, являются:

- общий уровень налогообложения;
- роль отдельных видов налогов и налоговых групп в формировании доходов бюджета;
- соотношение прямых и косвенных налогов; налогов с физических и юридических лиц;
- стабильность налогового законодательства;
- дифференциация ставок налогообложения и ее обоснованность;
- система льгот и ее соответствие приоритетам социально-экономической политики государства и интересам налогоплательщиков;
- характер системы санкций;
- уровень сложности расчета налогооблагаемой базы;
- наличие лазеек для ухода от налогообложения;
- качественный уровень налогового законодательства и т.д.

Приведенный перечень количественных и качественных характеристик налоговой системы показывает, что ее эффективность предопределется, прежде всего, внутрисистемным состоянием [7. С. 28–29].

Измерителем качества налоговой системы в целях эффективного государственного налогового планирования и регулирования может служить уровень налоговой нагрузки. В связи с этим центральной макроэкономической проблемой любого государства становится определение границ оптимального размера налоговой нагрузки [6. С. 58].

Оптимальный уровень налогообложения (объективная сторона) задается границами, возможностями и потребностями воспроизведения предприятий (индивидуальных функционирующих капиталов), их крупных промышленно-финансовых структур и общественного хозяйства в целом. Чем меньше в императивном порядке изымается финансовых ресурсов из общего их объема, которым располагает реальная экономика, тем больше возможностей для производственного экономического роста, однако в реальности необходимость в значительном перераспределении

финансовых ресурсов от предприятий диктуется самой экономикой. Это вызывается не только политическими факторами (потребности обороны, безопасности, управления), но и структурными производственными факторами, необходимостью вложений в «человеческий капитал», территориально-региональными причинами, социальными потребностями. Нужды быстрого, ускоренного формирования производственной инфраструктуры, требующей огромной и быстрой концентрации капитала, также вызывают необходимость крупных перераспределительных процессов в экономической системе страны.

Воспроизводство в государстве в целом вызывает и сопровождается образованием целого круга социальных потребностей, связанных с социальной ориентацией экономики («социальное рыночное хозяйство»), с затратами на содержание безработных и т.д. Эти функции общественный капитал передает в значительной степени на общий финансовый фонд – государственный бюджет. Следовательно, объективные пропорции и объемы финансовой аккумуляции ресурсов предприятий посредством налоговой системы задаются сложной совокупностью производственных и социальных факторов.

Государство формирует налоговую систему исходя из своих интересов. Во-первых, решаются задачи бюджетного характера и формирования бюджетных, внебюджетных финансовых фондов специального (целевого) назначения. Во-вторых, через налоговую систему государство воздействует на экономику, проводит ту или иную политику экономического роста, инвестиций, дотаций и социальной ориентации; система налогов используется государством как регулирующий инструмент, инструмент управления экономикой, как важная часть хозяйственного механизма [8].

Таким образом, эффективность налогового регулирования может характеризоваться количественными (долей налогов в ВВП, удельным весом различных налогов как в общей сумме налоговых поступлений, так и в ВВП, пропорциями распределения налогов между различными уровнями бюджетной системы) и качественными показателями (рост рентабельности производства и инвестиций, повышение благосостояния хозяйствующих субъектов и граждан, финансовая самодостаточность территорий (субъектов федерации и муниципальных образований) [9].

Один из важнейших аспектов налоговой политики государства – это проблема регулирования налоговой нагрузки и выявления степени ее воздействия на экономическую эффективность предприятий.

Зависимость между усилением налоговой нагрузки и суммой налоговых доходов, поступающих в бюджет, еще в начале второй половины XX в. установил Артур Лаффер. Именно А. Лаффер обосновал, что только снижение налоговой нагрузки стимулирует предпринимательскую деятельность и предпринимчивость. Рост доходов бюджета в этом случае осуществляется за счет увеличения производства и расширения на этой основе налогооблагаемой базы.

Налоговая нагрузка (бремя, гнет) – это обобщающий показатель, характеризующий роль налогов в

жизни общества и определяемый как отношение суммы налогов к совокупному национальному продукту. Соглашаясь с мнением Е.Н. Евстигнеева, можно сказать, что показатель налоговой нагрузки отражает ту часть произведенного обществом продукта, которая перераспределяется посредством бюджетных механизмов [10].

Как отмечают многие авторы, в Российской Федерации не существует единого термина, характеризующего влияние налоговой системы на хозяйственную деятельность предприятия и его финансовое состояние. Для отражения данного влияния часто применяются следующие понятия: «налоговая нагрузка», «налоговое бремя», «совокупное налоговое изъятие», «налоговый пресс», «бремя обложения» и т.д. Категория «налоговая нагрузка» по-разному трактуется представителями экономической мысли [11]. По сути, как отмечает О.Ф. Пасько, эти понятия являются синонимичными словосочетаниями, имеющими сходные по смыслу значения, но различные оттенки лексического толкования [12. С. 23–29].

В целом под термином «налоговая нагрузка» понимают обобщенную количественную и качественную характеристику влияния обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации на финансовое положение предприятий-налогоплательщиков.

В.С. Занадворов определил данные обязательные платежи как требования по регулярным выплатам экономических агентов в государственные фонды, которые рассматриваются как совокупность инструментов государства, позволяющих ему конкретизировать общее бюджетное решение о совокупном объеме доходов, обеспечивающих необходимые расходы общественного сектора [Там же].

С экономической точки зрения налоговая нагрузка – это та часть произведенного продукта, которая перераспределяется с помощью налога как единственного законного средства изъятия части прибыли предприятия, не носящего характер наказания. Некоторые зарубежные экономисты определяют налоговую нагрузку как меру экономических ограничений, создаваемых отчислением средств на уплату налога.

До недавних пор в отечественной экономической литературе не делалось различий между понятиями «налоговое бремя» и «налоговая нагрузка», оба эти понятия в равной мере использовались в качестве характеристики налоговой системы как на макро-, так и на микроуровне. В настоящее время в научной литературе прослеживается общемировая тенденция к разделению понятий «налоговое бремя» и «налоговая нагрузка» в соответствии с традиционным делением на макро- и микроэкономику.

Существуют и иные точки зрения на соотношение терминов «налоговое бремя» и «налоговая нагрузка». Например, доктор экономических наук А.В. Боброва, для определения оптимального налогового бремени плательщиков в теории налогов для социально-ориентированной налоговой системы разделяет понятия «налоговая нагрузка» и «налоговое бремя» следующим образом: налоговая нагрузка – это совокупность всех налогов и сборов, уплачиваемых конкретным пла-

тельщиком, абсолютная величина, а налоговое бремя – относительная, частное от деления налоговой нагрузки на финансовый показатель деятельности предприятия. Первая не характеризует тяжесть налогообложения, так как для ее оценки необходимо располагать всей совокупностью параметров деятельности плательщика. Налоговое бремя свободно от детального факторного анализа и может быть установлено как оптимальная величина для категории плательщиков и каждого из них [13. С. 169–170].

В настоящее время в Российской Федерации не разработано общепринятой методики исчисления не только абсолютной, но и относительной величины налоговой нагрузки предприятий. Как отмечают С.И. Чужмарова и А.И. Чужмаров, известны методы определения налогового потенциала, уровня налоговой нагрузки населения, эффективной налоговой ставки, доли налогов в ВВП, исчисляемые на базе основных показателей экономики страны и характеризующие налоговую нагрузку на макроуровне. В то же время нет единого мнения в отношении методологии определения этого показателя на микроуровне, т.е. на уровне организаций [Там же. С. 198].

В научной литературе встречаются методики определения налоговой нагрузки на экономические субъекты, которые различаются использованием того или иного количества налогов, включаемых в расчет, а также определением базового показателя деятельности предприятия, с которым соотносится сумма налогов.

Методика расчета налоговой нагрузки должна содержать общий подход к количественной и качественной оценке влияния обязательных платежей на финансовое состояние предприятия и не должна зависеть от особенностей процесса налогообложения, особенностей построения той или иной налоговой системы. Цель методики – дать возможность сравнения тяжести налогового бремени как для предприятий, действующих в условиях одной налоговой системы, так и для предприятий, находящихся в разных налоговых системах, т.е. в условиях разных стран.

При этом сложность создания унифицированного подхода возрастает в связи с тем, что внутри каждой налоговой системы существуют несколько вариантов (режимов) налогообложения в зависимости от условий и характера деятельности предприятия, в частности от разной отраслевой принадлежности, масштабов деятельности, организационно-правовых форм и т.д.

Налоговая нагрузка предприятия зависит от множества факторов, в число которых входят виды хозяйственной деятельности и формы ее осуществления, налоговый режим, организационно-правовая форма предприятия, особенности ведения налогового и бухгалтерского учета, закрепленные в учетной политике предприятия. Каждый фактор имеет варианты значения, выбор которых зависит от законодательно установленных ограничений. Каждый вариант налогообложения характеризуется соответствующим перечнем обязательных платежей в бюджетную систему, который можно определить термином «налоговое поле», введенным В.С. Занадворовым [12. С. 23–29].

Экономическая теория определяет налоговую нагрузку, с точки зрения макроэкономики, как отношение общей суммы налоговых сборов к валовому национальному продукту. Налоги и сборы, формирующие современную налоговую систему РФ, различаются по объектам обложения и источникам уплаты. Поэтому в микроэкономике неправомерно, на наш взгляд, обезличенное применение понятия «налоговая нагрузка» без соотнесения суммы налога с конкретным финансово-экономическим показателем – объектом обложения налога или источником его уплаты. Термин «налоговая нагрузка» является относительным показателем, так как соотносит налоговые суммы с определенным финансовым показателем. Именно такое соотнесение величин дает возможность провести сопоставительный анализ налоговых изъятий за отдельные периоды времени у отдельных предприятий или у предприятий разных отраслей.

Таким образом, налоговая нагрузка представляет собой величину воздействия налогов и на экономику в целом и на отдельного налогоплательщика, в частности, определяемую как сумма налогов, уплачиваемая государству. Ее расчет возможно осуществлять на макро- и микроуровне. Налоговая нагрузка на макроуровне – это нагрузка на экономику (группы однородных предприятий или отрасли) и работающее население страны; на микроуровне – нагрузка на организацию или физическое лицо.

Налоговая нагрузка на экономику в целом рассчитывается как отношение всех поступивших в стране налогов к созданному валовому внутреннему продукту. Экономический смысл этого показателя состоит в оценке

доли ВВП, перераспределенной с помощью налогов, а также налогоспособности экономики в целом. Налоговую нагрузку на население мировая практика оценивает также на микроуровне и на макроуровне: с одной стороны, как уровень налогообложения отдельного работника, а с другой, – как уровень налогообложения населения в целом. В зарубежной налоговой практике важным аспектом является сравнительная оценка налоговой нагрузки на население и домохозяйства как субъекта налоговых отношений. Налоговая нагрузка населения в целом определяется как отношение всех уплаченных на душу населения налогов к среднедушевому его доходу, включая денежную оценку полученных им материальных благ [7. С. 36–37].

Таким образом, совершенствование налоговой политики должно предусматривать, с одной стороны, снижение налоговой нагрузки и решение наиболее важных для бизнеса вопросов (ликвидация барьеров, препятствующих развитию инвестиций), а с другой – большую «прозрачность» налогоплательщиков для государства, соблюдение законодательных ограничений налогового администрирования и сужение возможностей для уклонения от налогообложения [14. С. 175].

Развитие налоговой системы и налоговой политики зависит от многих объективных и субъективных факторов ввиду того, что они находятся под воздействием экономических интересов общества. Эффективная налоговая система и грамотная налоговая политика государства в современной экономической жизни отражают уровень экономической и политической зрелости общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Ю.Н., Парубов А.И. О соотношении понятий «налоговая политика» и «налоговое регулирование» // European Social Science Journal. 2015. № 2 (53). С. 15–21.
2. Поролло Е.В., Казаков В.В. Налоговая политика и ее влияние на общественное развитие // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 153–156.
3. Гринкевич Л.С. Налоговая политика Российской Федерации на современном этапе // Траектории реформирования российской экономики : материалы Междунар. экон. Симп., посвящ. 50-летию экономического факультета ТГУ. Томск, 16–22 октября 2013 г. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 161–166.
4. Ярцева И.Ю., Казаков В.В. Механизмы инвестиционного использования неналоговых доходов как альтернатива муниципальным заемствованиям // Проблемы учета и финансов. 2014. № 1 (13). С. 39–45.
5. Пасько О.Ф. Налоговое регулирование экономического развития предприятий : дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. 178 с.
6. Пешкова Е.П., Казаков В.В., Пешкова А.А., Вардересян Л.В., Чумаченко Е.А. Налоговое планирование и прогнозирование в системе управления налогообложением: макро- и мезоэкономический аспекты. Томск : Изд-во НТЛ, 2009. 188 с.
7. Гринкевич Л.С., Иванова Ю.Н. Развитие методов налогового регулирования деятельности предприятий АПК. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 152 с.
8. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятий : учеб. / под ред. проф. В.Я. Позднякова. М. : ИНФРА-М, 2014. 617 с.
9. Грибкова Н.Б. Налоги в системе государственного регулирования экономики России : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 439 с.
10. Евстигнеев Е.Н., Викторова Н.Г. Основы налогообложения и налогового законодательства. СПб. : Питер, 2005. 256 с.
11. Чипуренко Е.В. Налоговая нагрузка предприятия: анализ, расчет, управление. М. : Налоговый вестник, 2008. 464 с.
12. Пасько О.Ф. Определение налоговой нагрузки на организацию // Налоговый вестник. 2009. № 22. С. 23–29.
13. Налоги в условиях экономической интеграции / под ред. проф. В.С. Барда и проф. Л.П. Павловой. М. : КноРус, 2004. 288 с.
14. Поролло Е.В., Казаков В.В. Налоговый контроль и налоговое администрирование в системе принципов эффективного и ответственного управления общественными финансами // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 172–175.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 14 октября 2015 г.

TAX LOAD AS A MEASURE OF THE TAX POLICY EFFICIENCY OF THE STATE

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 199–203. DOI: 10.17223/15617793/399/33

Ivanova Yuliya N. Altai Institute of Financial Management (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ivanov-family74@mail.ru

Kazakov Vladimir V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prorectorsv@mail.ru

Keywords: income tax; tax policy; tax burden; tax; tax regulation; tax system.

Tax as a form of forced seizure of part of the total income of the society in the state budget reflects all of the pros and cons of the specific economic space and a particular polity and governance. Taxes are considered by governmental bodies not only as a source of providing formation of financial resources for the implementation of the basic functions of the State, but also as an instrument of control action, which allows organizing the society's income distribution. Talking about the effectiveness of the current tax system, it is necessary to consider it in conjunction with market management, focusing on the impact at the levels of the state, sectors of the economic complex, individual subjects of various organizational-legal forms, the population, and taking into account the direct and indirect effects of economy and society obtained after exposure to taxes. A measure of the quality of the tax system in order to effectively do the state tax planning and management can be the level of the tax burden. The optimal tax level (objective) sets by the boundaries, capabilities and needs of companies' reproduction (individual functioning capitals), their major industrial and financial structures and social economy in general. The fewer financial resources are mandatorily withdrawn from the total amount available to the real economy, the greater the opportunities for production growth are, but in reality, the need for a significant redistribution of financial resources from enterprises is dictated by the economy. In general, the term "tax burden" refers to the synthesis of the qualitative and quantitative characterization of the impact of compulsory payments to the budget system of the Russian Federation on the financial situation of the enterprises-taxpayers. Currently, the Russian Federation has a generally accepted methodology for calculating not only absolute but also relative value of the tax burden of enterprises. The complexity of creating a unified approach is increasing due to the fact that inside each of the tax systems, there are several options of taxation depending on the circumstances and character of the enterprise's activities, in particular, on the type of industry, scope, organizational and legal forms, etc. Thus, the tax burden is the amount of taxes and the impact on the economy as a whole and on individual taxpayers, defined as the amount of taxes paid to the state.

REFERENCES

1. Ivanova, Yu.N. & Parubov, A.I. (2015) About a ratio of the concepts "tax policy" and "tax regulation". *European Social Science Journal*. 2 (53). pp. 15–21. (In Russian).
2. Porollo, E.V. & Kazakov, V.V. (2009) The fiscal policy and its effect on the social development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 319. pp. 153–156. (In Russian).
3. Grinkevich, L.S. (2014) [The tax policy of the Russian Federation at the present stage]. *Traektorii reformirovaniya rossiyskoy ekonomiki* [Reformation paths of the Russian economy]. Proc. of the international economic symposium dedicated to the 50th anniversary of the TSU Faculty of Economics. Tomsk: Tomsk State University. pp. 161–166. (In Russian).
4. Yartseva, I.Yu. & Kazakov, V.V. (2014) Mechanisms of investment use of non-tax revenues as alternative to municipal borrowings. *Problemy ucheta i finansov – Problems of Accounting and Finance*. 1 (13). pp. 39–45. (In Russian).
5. Pas'ko, O.F. (2004) *Nalogovoe regulirovanie ekonomiceskogo razvitiya predpriyatiy* [Tax regulation of economic development of the enterprises]. Economics Cand. Diss. Moscow.
6. Peshkova, E.P. et al. (2009) *Nalogovoe planirovanie i prognozirovanie v sisteme upravleniya nalogoblozheniem: makro- i mezoekonomicheskiy aspekty* [Tax planning and forecasting in the taxation management system: macro- and mesoeconomic aspects]. Tomsk: NTL.
7. Grinkevich, L.S. & Ivanova, Yu.N. (2014) *Razvitiye metodov nalogovogo regulirovaniya deyatel'nosti predpriyatiy APK* [Development of methods of tax regulation of the activities of agricultural enterprises]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Pozdnyakov, V. Ya. (2014) *Analiz i diagnostika finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiy* [Analysis and diagnostics of financial and economic activity of enterprises]. Moscow: INFRA-M.
9. Gribkova, N.B. (2005) *Nalogi v sisteme gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki Rossii* [Taxes in the system of state regulation of the Russian economy]. Economics Dr. Diss. Moscow.
10. Evstigneev, E.N. & Viktorova, N.G. (2005) *Osnovy nalogoblozheniya i nalogovogo zakonodatel'stva* [Fundamentals of taxation and tax legislation]. St. Petersburg: Piter.
11. Chipurenko, E. V. (2008) *Nalogovaya nagruzka predpriyatiya: analiz, raschet, upravlenie* [The tax burden of the enterprise: analysis, calculation, management]. Moscow: Nalogovyy vestnik.
12. Pas'ko, O.F. (2009) Opredelenie nalogovoy nagruzki na organizatsiyu [Determination of the tax burden on the organization]. *Nalogovyy vestnik*. 22. pp. 23–29.
13. Bard, V.S. & Pavlova, L.P. (2004) *Nalogi v usloviyakh ekonomiceskoy integratsii* [Taxes in terms of economic integration]. Moscow: KnoRus.
14. Porollo, E.V. & Kazakov, V.V. (2009) The taxation control and the taxation administration in the system of principles for the efficient and responsible management of the public finance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 325. pp. 172–175. (In Russian).

Received: 14 October 2015

РОЛЬ И ПОТЕНЦИАЛ МАЛЫХ ГОРОДОВ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Рассматриваются роль и проблемы малых городов с учетом их места в системе расселения в регионе. Показана неравномерность размещения малых городов в территориальной структуре Краснодарского края. Исследовано положение малых городов края, показаны проблемы и возможности их развития. Выявлена необходимость разработки мер для поддержки малых городов. Предложено создание Региональной ассоциации поддержки малых городов Краснодарского края.

Ключевые слова: малые города; система расселения; проблемы малых городов; меры поддержки малых городов; Региональная ассоциация поддержки малых городов Краснодарского края.

Большинство населения нашей страны сегодня проживают в городах. В экономическом плане города обеспечивают концентрацию экономических ресурсов, способствуют развитию экономических и социальных отношений, оказывают самое активное влияние на социально-экономическое развитие региона. Вместе с тем это влияние неоднородно и во многом зависит от размера и типа города. Хотя в характере жизнедеятельности городов можно выделить много общего, их собственное социально-экономическое положение, уровень влияния на окружающую территорию различаются.

Особой категорией городов являются малые города. Их особая роль проявляется в том, что малые города сильнее, чем крупные городские пункты, интегрированы в жизнь сельской местности. Малые города играют те же функции для близлежащих поселений, что и крупные мегаполисы в регионе, являясь центрами экономической, социальной, культурной, политической жизни территорий. Влияние таких городов далеко выходит за пределы их административных границ, особенно оно велико на уровне небольших сельских сообществ [1].

В настоящее время развитие малых городов России происходит медленно и сложно. Здесь рельефно проявляются многочисленные экономические, социальные, политические и другие проблемы. Некоторые малые города справляются с ними, приобретают «новое дыхание», другие балансируют на грани выживания, третьи деградируют, превращаясь в села. Серьезной проблемой является постепенное исчезновение многих сельских населенных пунктов в связи с оттоком жителей в более крупные города, т.е. происходит «обездлюдование» определенных территорий.

Следует отметить, что в свое время, будучи главой Минэкономразвития, Эльвира Набиуллина заявила, что правительство считает необходимым сворачивание государственных функций в малых и средних городах.

В России слишком много неперспективных, неконкурентоспособных малых и средних городов, постепенно пустеющих из-за оттока жителей в мегаполисы. В этой связи бюджетная поддержка малых и средних городов неэффективна и нецелесообразна. Куда правильнее, по мнению бывшего министра экономики, потратить деньги на развитие городов-миллионников. Таким образом, государство решило

снять с себя ответственность за поддержание на должном уровне жизни в малых городах [2].

Однако, во-первых, в России сейчас пустеют не только малые города, сколько в большей степени сельские населенные пункты. Во-вторых, как полагают специалисты, кризис малых городов – это вовсе не результат их будто бы недостаточной конкурентоспособности, а следствие ошибок реформирования страны и политики централизации финансовых ресурсов, которая проводилась и продолжает проводиться в нашей стране [3].

Многие малые города – это активно действующее, развивающееся социально-экономическое сообщество людей. Эти люди любят свои города и не желают их покидать. Малые города для окружающей сельской местности – незаменимые локальные центры. Их функция – обслуживать прилегающие населенные пункты. В малых городах концентрируется та бюджетная сфера, которая позволяет поддерживать для сельского населения и для жителей самих малых городов доступность здравоохранения и профессионального образования. В малых городах размещены основные предприятия, транспортные узлы, кроме того, такие города имеют традиционно более удобное географическое положение. В отношениях с более крупными городами малые выступают в роли посредников между городом и деревней [4]. Комплекс этих проблем и противоречий обусловил необходимость рассмотрения роли и потенциала малых городов в развитии региона.

Современные города, в том числе и малые, представляют сложную урбанизированную территорию, которая часто формируется из целой группы населенных мест, связанных воедино общими экономико-территориальными (производство) и социально-территориальными (системы расселения) связями. Это прочные связи, определяющие условия миграции населения и размещения производств, проявляются и на региональном уровне, определяя условия для развития экономических и социальных процессов на региональном уровне.

В этой связи малые города представляют собой одновременно и пространство размещения отраслевого и территориального производства, и форму группового расселения людей, и конкретную сферу их жизнедеятельности.

В Краснодарском крае городская сеть по сравнению с другими регионами Южного федерального округа относительно невелика и насчитывает 26 городов, из них 11 малых городов (численность населения до 50 тыс. чел.); 3 крупных, 1 большой и 11 средних. Основная масса горожан (56,17%) сосредоточена в крупных городах. В больших городах проживает 6,4% населения края, в 11 средних – 23,81% и в 11 малых городах – 13,57% населения края (рис. 1).

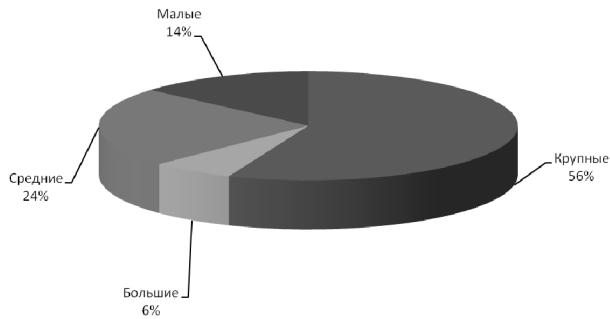

Рис. 1. Распределение городского населения Кубани по видам городов (по Классификации ГК РФ), 2014 г. [5]

Что касается территориальной структуры малых городов, то для сложившейся сети малых городов Краснодарского края характерна их крайняя неравномерность в размещении.

В советские годы Краснодарский край не отличалась высоким уровнем урбанизации из-за слабого развития промышленности и ставки на развитие

сельского хозяйства. Так, за период 1920–1936–2014 гг. в городах Краснодарского края проживало соответственно 3,8% и 15%, а к 2014 г. – 52,77% населения края.

Городское население Краснодарского края постоянно изменяется. Так, одни города развиваются опережающими темпами (например, Краснодар, Новороссийск, Сочи). Другие находятся в состоянии застоя (например, Апшеронск, Гулькевичи, Кропоткин, Курганинск, Новокубанск, Темрюк), трети теряют свое население и постепенно превращаются в села (Крымск, Лабинск, Приморско-Ахтарск).

В территориальной организации расселения Краснодарского края есть своя особенность. Она заключается в высокой концентрации административных, финансовых, промышленных и торговых предприятий в одном городе региона – Краснодаре и фактически остаточном подходе к развитию малых и средних городов, что обусловило моноцентрический характер краевой системы расселения. При моноцентрической сети городских поселений, при которой на фоне равномерного распределения небольших городов выделяется один центр – Краснодар.

Результатом быстрого увеличения городского населения Краснодарского края стало значительное повышение плотности населения, которое в 2014 г. составляло 71,59 тыс. чел на 1 км². Плотность городского населения на 1 км² сильно различается в городах разного типа (табл. 1).

Таблица 1

Численность и плотность населения городов Краснодарского края [5, 6]

№ п/п	Город	Численность жителей, чел.	Площадь, км ²	Плотность населения, чел./км ²
Крупные (250–1 000 тыс. чел.)				
1	Краснодар	893 347	841,4	1 061,7
2	Сочи	468 184	3 506,1	133,5
3	Новороссийск	313 307	834,9	375,2
Большие (100–250 тыс. чел.)				
4	Армавир	191 799	279,2	686,9
Средние (50–100 тыс. чел.)				
5	Анапа	66 776	981,9	68,0
6	Белореченск	52 608	1 326,6	39,7
7	Геленджик	65 059	1 227,5	53,0
8	Ейск	85 855	143,5	598,3
9	Кропоткин	80 030	98,7	810,8
10	Крымск	57 125	1 601,2	35,7
11	Лабинск	61 195	1 870,7	32,7
12	Славянск-на-Кубани	65 115	2 198,6	29,6
13	Тимашевск	52 953	1 506,4	35,2
14	Тихорецк	59 981	76	789,2
15	Туапсе	63 185	33,4	1 891,8
Малые (до 50 тыс.)				
16	Абинск	36 607	1 624,1	22,5
17	Апшеронск	40 199	2 443,2	16,5
18	Горячий Ключ	33 459	1 755,6	19,1
19	Гулькевичи	34 479	1 394,5	24,7
20	Кореновск	41 330	1 425,9	29,0
21	Курганинск	48 534	1 538,9	31,5
22	Новокубанск	35 042	1 822,4	19,2
23	Приморско-Ахтарск	31 740	2 503,6	12,7
24	Темрюк	38 780	1 956,5	19,8
25	Усть-Лабинск	42 355	1 511,3	28,0
26	Хадыженск	22 246	2 443,2	9,1

Одним из показателей, характеризующих сеть городских поселений, является среднее расстояние между населенными пунктами (L). Оно определяется по формуле (1):

$$L = \sqrt{\frac{S}{n}} \quad (1),$$

где L – среднее расстояние между населенными пунктами; S – площадь рассматриваемой территории; n – число поселений.

Данный показатель (L) для городов края составляет 53,88 км, что свидетельствует о достаточно разветвленной сети городских поселений (табл. 2).

Таблица 2
Среднее расстояние между городами Краснодарского края

Площадь региона	Число городов	Среднее расстояние между городами
75,5 тыс. км ²	26	53,88 км

Определение основных направлений развития малых городов нужно осуществлять с учетом их места и роли в системе расселения в регионе. Следует, прежде всего, оценивать их положение по отношению к цен-

тру системы расселения – городу Краснодару. Оно определяется не только территориальной удаленностью, но и характеристиками транспортных коммуникаций и выражается в минутах транспортной доступности (МТД).

В пределах систем расселения в зависимости от степени близости крупного города-центра складываются пояса расселения, существенно отличающиеся по основным социально-экономическим и структурно-планировочным параметрам.

По условиям территориального расположения относительно центра краевой системы расселения малые города могут быть отнесены к одному из поясов «поясов расселения» по времени (минутам) транспортной доступности (МТД):

- первый пояс – радиус транспортной доступности 30–45 МТД;
- второй пояс – 45–90 МТД;
- третий – более 90 МТД (табл. 3, рис. 2).

Положение малого города в одном из трех поясов расселения определяет многие параметры его развития: величину, темпы роста, функции и др., а также влияет на характер его планировочной структуры.

Таблица 3
Показатель транспортной доступности между краевым центром и малыми городами Краснодарского края (МТД) [6]

Город – краевой центр	Малые города	МТД	Пояс расселения
Краснодар	Горячий ключ	~ 45 мин	1
	Кореновск	~ 45 мин	1
	Усть-Лабинск	~ 45 мин	1
	Абинск	~ 60 мин	2
	Апшеронск	< 90 мин	2
	Хадыженск	> 90 мин	2
	Гулькевичи	> 90 мин	3
	Курганинск	> 90 мин	3
	Новокубанск	> 90 мин	3
	Приморско-Ахтарск	> 90 мин	3
	Темрюк	> 90 мин	3

Малые города Краснодарского края распределяются по поясам расселения следующим образом.

В первом поясе краевой системы расселения располагаются три малых города: Горячий Ключ, Кореновск и Усть-Лабинск. Между этими городами и городом Краснодаром возникли тесные экономические, культурно-досуговые и иные связи. Например, население Усть-Лабинска, Кореновска и Горячего Ключа в значительной степени трудоустроено в городе Краснодаре.

Для жителей Краснодара эти города также имеют особое значение. Например, Горячий Ключ является излюбленным местом туризма выходного дня, когда жители края едут в предгорья для отдыха на открытом воздухе. В Усть-Лабинске располагаются рыболовецкие базы, посещаемые краснодарцами, а также дачные массивы. Аналогична ситуация и в Кореновске. Немалую роль играют строительство и развитие скоростных трасс от Краснодара к Горячему Ключу (М-4 «Дон»), от Краснодара до Кореновска (М-4 «Дон»), от Краснодара до Усть-Лабинска (М-27), что способствует формированию благоприятных социально-экономических условий для развития этих малых городов.

Ко второму поясу расселения относятся также три города: Абинск, Апшеронск, Хадыженск. Для них характерны межселенные связи двойного характера: с одной стороны, с центром системы расселения – Краснодаром, а с другой – с окружающей их территорией. Трудовая миграция в направлении Краснодара в этом поясе выражена слабо. При этом значительно возрастает роль данных городов как обслуживающих и организующих центров сельскохозяйственной деятельности, что обусловлено особенностями аграрной специализации экономики Краснодарского края.

Остальные пять малых городов Краснодарского края располагаются в третьем поясе доступности. Они характеризуются относительно ограниченными связями с Краснодаром. Эти города выступают в качестве важных районных центров. Здесь практически отсутствует трудовая миграция в направлении Краснодара, напротив, эти города сами являются центрами притяжения трудовых ресурсов с прилегающими территориями. Их относительная удаленность от экономических, деловых, культурных центров Краснодарского края создает условия для развития в них собственных финансовых, производственных и социально-культурных объектов.

Рис. 2. Карта-схема поясов расселения малых городов Краснодарского края. Горизонтальный малый эллипс – 1-й пояс расселения; вертикальный малый эллипс – 2-й пояс расселения; горизонтальный большой эллипс – 3-й пояс расселения

В системах расселения исследователи отводят большое внимание лучевой структуре систем расселения и в частности транспортных лучей [6].

При этом необходимо учитывать сопутствующие транспортным магистралям линии инженерных коммуникаций, объединяющиеся в «жгуты инфраструктуры». Вдоль них формируются урбанизированные полосы, а свободные территории – зоны преимущественного развития сельского хозяйства и сельского расселения.

В Краснодарском крае можно выделить такие полосы. Они проходят в двух направлениях: с севера на юг вдоль трассы М4 «Дон» и с востока на запад вдоль реки Кубань.

В первом случае транспортный луч обеспечивает поддержку таких малых городов, как Кореновск и Горячий Ключ. Во втором случае луч идет вдоль старой линии станичных укреплений времен Екатерины II – от Гулькевичей до Крымска. Однако во втором случае транспортный луч выражен менее сильно.

Вообще транспортная доступность способна выступать в роли фактора, стимулирующего или огра-

ничающего потенциальные возможности развития малых городов в системе расселения. То есть положение относительно магистральной сети железных и автомобильных дорог, водных путей, аэропортов и прочих транспортных сооружений способно оказывать самое непосредственное воздействие на возможности развития малых городов.

Более высоким уровнем потенциала системы расселения обладают такие малые города, как Кореновск, Горячий Ключ, а также (хотя и в меньшей степени) Гулькевичи, Усть-Лабинск, Абинск, Крымск. Наоборот, малые города, находящиеся в отдалении от транспортных лучей, например Приморско-Ахтарск, Ейск, Хадыженск, имеют меньший потенциал развития. Фактически эти города находятся «на отшибе». Их удаленность от крупных экономических центров и одновременно транспортных магистралей создает серьезные проблемы для их социально-экономического развития.

Специфика малых городов Краснодарского края характеризуется сохраняющимся преобладанием зна-

чения сельскохозяйственной функции. Малые города, особенно районные центры, играют важную роль в сельской экономике своих территорий. Здесь концентрируются основные сельскохозяйственные производства прежде всего сельхозпереработка. В результате выполнения малыми городами «столичных» функций прилегающих сельских территорий и уси-

лившейся тенденции к развитию сферы услуг и социальной сферы, возрастает их значимость в качестве развивающихся «местных» социально-культурных центров соответствующих территорий. В принципе структура экономики малых городов Краснодарского края достаточно однотипна, хотя, безусловно, имеются определенные различия (рис. 3).

Рис. 3. Структура основных отраслей экономики малых городов Краснодарского края за 2013 г. (итог по 11 малым городам) [7, 10]

При анализе структуры экономики малых городов края был использован показатель «численность занятых» в различных отраслях (на основе баланса трудовых ресурсов). Следует отметить сложности получения необходимых информационных данных для исследования состояния малых городов Краснодарского края. Из 11 малых городов края только один – Горячий Ключ – является муниципальным образованием городской округ. Остальные 10 малых городов – это городские поселения в составе муниципальных районов. Официальная статистика представляет данные по городским округам и муниципальным районам, но по городским и сельским поселениям она крайне ограничена.

Среди всех отраслей малых городов Краснодарского края особо выделяется сочетание двух: сельского хозяйства и социальной сферы.

Ведущая роль в сельском хозяйстве принадлежит, прежде всего, тем городам, которые расположены в сельской местности: Абинск, Гулькевичи, Кореновск, Курганинск, Новокубанск, Усть-Лабинск, Хадыженск, удельный вес занятых в сельском хозяйстве здесь колеблется от 38,1 в г. Кореновске до 26,5 в г. Хадыженске.

В структуре социальных отраслей экономики малых городов Краснодарского края преобладает сфера образования, где занято более половины всех работников бюджетной сферы (в среднем 50–55%).

Промышленность в малых городах развита незначительно и связана в основном с пищевой переработкой. В последние годы эта отрасль экономики развивается достаточно интенсивно.

К перспективной отрасли малых городов Краснодарского края относится туризм. Известно, что туризм во всем мире является крупнейшей и наиболее динамично развивающейся отраслью мирового хозяйства, занимающей первое место в мировом экспорте товаров и услуг. Исходя из того, что хотя бы некоторые малые города Краснодарского края, например Горячий Ключ, Приморско-Ахтарск, Темрюк, обладают туристическими возможностями, они могут стать важной частью

как регионального, так и российского туризма. Опираясь в своем развитии на четыре основных направления: экотуризм, охота и рыбалка; исторические места и культурный туризм; курорт и оздоровительный туризм, они могут стать тем звеном, которое может решить проблемы своих малых городов.

Таким образом, малые города Краснодарского края нельзя, на наш взгляд, отнести к отсталым, депрессивным. Все они имеют свою специфику и результаты развития, в то же время все вынуждены преодолевать как общие, так и специфические проблемы, особенно в настоящее время. Независимо от причин, определяющих современное положение малых городов, их функции в поддержке и развитии прилегающих сельских территорий крайне важны.

Возникает объективная необходимость разработки эффективных мер поддержки малых городов. Такие меры должны учитывать специфику малых городов, а также быть достаточно гибкими для реагирования на возникающие в них проблемы.

Учитывая имеющийся в России и за рубежом опыт создания таких систем поддержки и развития малых городов, можно предложить в качестве институциональной меры создание Ассоциации поддержки малых городов.

Региональная ассоциация поддержки малых городов Краснодарского края может формироваться в виде некоммерческого партнерства со статусом юридического лица. В Ассоциацию могут входить все города имеющие статус малых, т.е. население до 50 тыс. чел.

Целями Региональной ассоциации поддержки малых городов Краснодарского края могут быть:

- активизация экономических процессов в малых городах края;
- организационная, консультационная и методическая поддержка администраций малых городов Краснодарского края;
- координация деятельности малых городов в сфере социально-экономического развития;
- информационная поддержка малых городов;

- налаживание и поддержание связей с органами публичного управления на региональном уровне;
- поддержка межмуниципальной кооперации на уровне малых городов региона.

Реализация данных направлений потребует создания организационной структуры – Региональной ас-

социации поддержки малых городов Краснодарского края в виде отделов, обеспечивающих реализацию ее целей ассоциации.

Возможная организационная структура Региональной ассоциации поддержки малых городов Краснодарского края представлена на рис. 4.

Рис. 4. Организационная структура Региональной ассоциации поддержки малых городов Краснодарского края

Общее руководство осуществляется высшим органом управления Ассоциации – Общим собранием членов ассоциации. Членами Ассоциации, входящими в собрание, являются представители малых городов – участников ассоциации. Через них Ассоциация осуществляет взаимодействие с администрациями малых городов, входящими в состав Ассоциации.

Кроме этого, в общее собрание членов Ассоциации могут включаться представители региональной администрации, депутаты Законодательного собрания Краснодарского края, прочие известные личности. Эта мера направлена на улучшение взаимодействия малых городов с мероприятиями региональной социально-экономической политики. Включение представителей власти также имеет смысл в качестве улучшения контакта руководства малых городов с вышеупомянутой властью.

В высшем органе управления Ассоциации определяются основные направления ее работы, стратегические, текущие и оперативные цели, осуществляется контроль над деятельностью всех малых городов – членов Ассоциации.

Исполнительным органом Региональной ассоциации поддержки малых городов Краснодарского края должна стать коллегия директоров. Директор возглавляет один из отделов Ассоциации и управляет его работой на основании решений, принятых общим собранием членов Ассоциации.

Коллегия директоров осуществляет проектирование, координацию и поддержку социальных и экономических программ муниципалитетов – членов Ассоциации, проводят исследования социально-экономических проблем развития малых городов, а также общий мониторинг социально-экономического положения малых городов, проводят оценку возможных негативных сценариев их развития и т.п.

В состав Региональной ассоциации поддержки малых городов Краснодарского края входят отделы, соответствующие основным направлениям ее деятельности:

- экономический;
- организационный;
- координационный отдел в сфере межмуниципального сотрудничества;
- отдел внешних связей и PR.

Каждый из отделов имеет несколько подразделений и своего директора. Каждый отдел возглавляет директор, входящий в состав исполнительного органа Ассоциации. Из членов коллегии (директоров) один избирается в качестве Председателя коллегии и возглавляет её. Коллегия и Председатель коллегии непосредственно подчиняются общему собранию членов ассоциации.

Одной из задач Региональной ассоциации поддержки малых городов Краснодарского края должно стать содействие экономическому развитию малых городов. Известно, что малые города постоянно испытывают нехватку финансовых средств, инвестиций. Как следствие, экономика малых городов развивается медленнее экономик крупных городов. Сегодня малым городам нужна помочь в поиске инвестиционных ресурсов, в разработке собственных экономических программ развития. Все это должен обеспечить экономический отдел Региональной ассоциации поддержки малых городов.

Главное направление его деятельности должно строиться вокруг поиска и разработки эффективных механизмов привлечения экономических ресурсов и содействия развитию местных экономик. Здесь может использоваться опыт других малых городов, отдел может привлекать внешних экспертов, научные организации и т.п.

Главное направление деятельности организационного отдела Ассоциации заключается в формировании условий для успешного взаимодействия малых городов по самым разным вопросам. Это и формирование механизмов вовлечения малых городов в совместные экономические и социальное проекты, и сопровождение этих проектов, и координация, коммуникация между администрациями малых городов и др.

Разработка и реализация социально-экономических программ – достаточно сложная сфера деятельности для малых городов. Ограниченнность собственных ресурсов значительно сдерживает их возможности по самостоятельному решению экономических и социальных проблем территории. Решение проблемы видится в сфере межмуниципального сотрудничества и кооперации малых городов как с соседними муниципалитетами, так и друг с другом, а также с вышестоящими органами власти.

Однако, несмотря на очевидную необходимость межмуниципальной кооперации, она оказывается иногда достаточно сложным делом для администрации малых городов. Во-первых, это время, которого постоянно не хватает у работников небольших городских администраций, во-вторых, это проблемы ведомственного взаимодействия.

Решить эти проблемы должен координационный отдел в сфере межмуниципального сотрудничества, создаваемый на базе Региональной ассоциации поддержки малых городов.

Целями деятельности координационного отдела в сфере межмуниципального сотрудничества являются оказание помощи администрациям малых городов в налаживании партнерских отношений с другими муниципальными администрациями, а также в согласовании их усилий целях совместного решения имеющихся социально-экономических проблем территорий. Условно данный отдел можно назвать «министерством иностранных дел», в задачи которого входит налаживание взаимовыгодных отношений с внешними партнерами малого города.

Важным и неотъемлемым компонентом современной политической деятельности являются связи с общественностью. Для обеспечения этой деятельности в структуре Региональной ассоциации поддержки ма-

льных городов Краснодарского края может быть создан Отдел внешних связей и PR.

Целями деятельности такого подразделения должно стать налаживание внешних связей между малыми городами и инвесторами, органами власти всех уровней, населением, предпринимателями и другими заинтересованными субъектами. Данный отдел может осуществлять моделирование сайта Ассоциации поддержки малых городов, предоставлять исчерпывающую информацию об основных социально-экономических и политических событиях, происходящих в малых городах региона.

Важным направлением деятельности такого подразделения должно стать предоставление информации инвесторам о текущем экономическом положении городов, характеристиках населения, местных ресурсов, имеющихся землях, хозяйственных помещениях.

Также значимым направлением должна стать подготовка аналитической информации о потребностях местных экономик, спросе на товары и услуги. Населению должна предоставляться информация о состоянии местных рынков труда, имеющихся рабочих местах, уровне заработной платы, ценах на жилье, состоянии коммунальной сферы.

Деятельность такого отдела крайне важна, поскольку на него возлагается обязанность заявить всему миру о существовании малых городов, об их проблемах, обратиться к внешним участникам с достоверной информацией о возможностях их экономического развития. Кроме сайта, отдел может использовать рекламу по телевидению, в газетах и журналах, по радио.

Таким образом, предлагаемая Ассоциация может играть роль основного институционального звена поддержки малых городов в регионе.

Эта роль включает вовлечение в Ассоциацию и её деятельность малых городов Краснодарского края, правовую, организационную, информационную поддержку их деятельности в социально-экономической сфере, выстраивание отношений с властью, инвесторами и населением в сфере экономического и социального развития малых городов. Создание такой Ассоциации будет, безусловно, способствовать развитию всего Краснодарского края.

ЛИТЕРАТУРА

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 14 октября 2015 г.

THE ROLE AND POTENTIAL OF SMALL TOWNS IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION (A CASE STUDY OF KRASNODAR KRAI)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 204–211. DOI: 10.17223/15617793/399/34

Lavrova Tatiana G. State University of Kuban (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: Lavrova.tg@mail.ru

Keywords: small towns; settlement system; problems of small towns; support measures for small towns; Regional Support Association; small towns ties of Krasnodar Krai.

The article describes the role of small towns and the problems with regard to their place in the system of settlement in the region. It is shown that there is an uneven distribution of small towns in the territorial structure of Krasnodar Krai. The necessity of developing measures to support small towns is stated. The author studied the situation of the small cities in the region, the possibility of their development, and revealed a need to develop a system of measures to support small towns. The establishment of the Regional Association for the small cities of Krasnodar Krai is proposed.

REFERENCES

1. Filippov, Yu.V. & Avdeeva, T.T. (2011) *Osnovy razvitiya mestnogo khozyaystva* [Fundamentals of the local economy]. 2nd ed. Moscow: Logos.
2. Union of Towns of the Russian Federation. (c. 2011) *Nuzhny li Rossi ee malye goroda?* [Does Russia need its small towns?]. [Online]. Available from: smgrf.ru/glava-mine-konomrazvitiya-zayavila-chto-v-rossii-slishkom-mno. (Accessed: 12th July 2015)
3. Kazakov, V.V. (2013) Systems approach to study of innovation processes in regional economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 367. pp. 111–116.
4. Union of Small Towns of the Russian Federation. (2012) *Sokhranim Rossii malye goroda. Zayavlenie Soyuzu malykh gorodov Rossiyskoy Federatsii. 21.03.212* [Save the small Russian town. Statement of the Union of Small Towns of the Russian Federation]. [Online]. Available from: smgrf.ru/zayavlenie-soyuza-malyh-gorodov-rf/. (Accessed: 07th July 2015).
5. Wikipedia. (2014) *Krasnodarskiy kray* [Krasnodar Krai]. 2014. [Online]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wik/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9. (Accessed: 02 August 2015).
6. Markov, E.M. (1980) *Malye goroda v sistemakh rasseleniya* [Small towns in the settlement systems]. Moscow: Stroyizdat.
7. The official website of the territorial body of the State Statistics Service of Krasnodar Krai “The database of municipal statistics”. [Online]. Available from: <http://krsdstat.ru/>. (Accessed: 18th July 2015). (In Russian).
8. Krasnodarstat. (2013) *Sotsial'no-ekonomiceskoe polozhenie gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh rayonov Krasnodarskogo kraya* [Socio-economic situation of the city and municipal districts of Krasnodar Krai]. Krasnodar: Krasnodarstat.
9. The official website of the Administration of Krasnodar Krai. (n.d.) *Lenta novostey Krasnodarskogo kraya* [News of Krasnodar Krai]. [Online]. Available from: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/section/11>. (Accessed: 05th June 2014).
10. Krasnodarstat. (2014) *Krasnodarskiy kray v tsifrakh* [Krasnodar Krai in numbers]. Krasnodar: Krasnodarstat.

Received: 14 October 2015

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ КАДРОВ КАК КАТАЛИЗАТОР РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Выявлен дисбаланс требований роста производительности труда и эффективности системы подготовки рабочих кадров. Теоретически обосновано понятие «компетенции производительного труда рабочего», определена иерархия целей роста производительности труда и функций системы подготовки рабочих кадров, что обусловило влияние системы подготовки рабочих кадров на рост производительности труда. Сформирована модель системы подготовки рабочих кадров, максимизирующая резервы роста производительности труда посредством использования компетентностного и иерархического подходов.

Ключевые слова: система подготовки; рабочие кадры; рост производительности труда; компетенции.

Деиндустриализация современной российской экономики в рамках стратегии импортозамещения предполагает инициирование и выполнение новых масштабных национальных программ и проектов. В 2013 г. на высшем государственном уровне впервые было заявлено о необходимости реализации неоиндустриальной доктрины развития экономики и создании 25 млн высокотехнологичных рабочих мест. Ключевым индикатором выполнения программы определен целевой прирост производительности труда на уровне 8%, однако в настоящее время он составляет 3,5%. Подобное состояние отражает совокупность накопленных последствий негативной тенденции снижения темпов производительности, которая обозначилась с конца советского периода и распространилась на рыночный период экономического развития страны. Межстрановое сравнение темпов роста производительности труда отклоняет отечественную экономику на заключительное место по сравнению с Японией, США, странами Западной и Восточной Европы, БРИК. Даже в таких относительно успешных отраслях, как нефтедобыча, электроэнергетика, сталелитейная промышленность и жилищное строительство, отставание производительности труда от США составляет в среднем 75% [1]. Если исключить из анализа причин снижения производительности труда глобальные макроэкономические факторы, то очевидной составляющей падения производительности труда стало тотальное снижение качества трудовых ресурсов. А в отношении промышленных предприятий произошло и резкое количественное сокращение квалифицированного состава работников, прежде всего это коснулось рабочих профессий. Согласно выводам исследования НИУ – Высшая школа экономики, доля предприятий, заявивших о незакрытой потребности в навыках хотя бы одной группы работников, составляет 30% [2].

Следствием данного обстоятельства является неспособность предприятий выполнять существующие заказы (известно, что разрыв между плановым и фактическим разрядом работ более 0,4 приводит к абсолютной потере качества продукции). Известно, что 92% российских предприятий в этом случае ощутят нехватку квалифицированных работников, однако только 33% российских предприятий предоставили своим квалифицированным рабочим формальное обучение в течение года. По данному показателю Россия существенно отстает даже от стран Восточной Европы.

Польше, например, данный показатель составляет 47%, в Чехии – 62%, в Словакии – 80% [3].

Усугубление дефицита на фоне потери качества рабочих кадров произошло и по вектору системы образования, прежде всего начального и среднего профессионального образования, которое оказалось в наибольшей степени затронутого кризисными явлениями и многочисленными реформами, во многом носящими точечный несистемный характер. Ряд последовательно протекавших глобальных и локальных кризисов значительно снизили эффективность корпоративных и отраслевых систем подготовки рабочих, между тем в части так называемого дуального образования наша страна имела мощный опыт реализации системы подготовки « завод – техникум – вуз», реализуемый в каждом крупном промышленном центре. По направлению обеспечения предприятий квалифицированными специалистами руководителями уже сделано достаточно много успешных шагов, среди которых целевая подготовка в вузах, Президентская программа подготовки управленческих кадров, проекты корпоративных университетов, меры бюджетной поддержки инженерно-технического высшего образования. В то время как проблема количественного и качественного дефицита рабочих кадров давно осознана на всех уровнях, только недавно она начала получать действенную поддержку государства и самих предприятий. Знаковыми проектами стали вхождение нашей страны в движение WSI (Мировой чемпионат рабочих профессий), проект развития дуального образования – все эти движения реализуются на основе принятой в 2013 г. Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 г.

Следует признать, что адаптация успешного зарубежного опыта в контексте следования заявленным стратегическим государственным ориентирам не сможет обеспечить выполнения амбициозных целей роста производительности труда без надлежащей научно-обоснованной базы методической поддержки развития системы подготовки рабочих кадров.

Целью работы является теоретический анализ актуальных исследований в области производительности труда и подготовки работников, позволивший разработать методические положения формирования системы подготовки рабочих кадров как катализатора роста производительности труда.

Задачи исследования следующие:

– представление уточненного понятия «производительность труда» на основе содержательно-категориального анализа современных исследований в этой области;

– установление и обоснование приоритетного влияния фактора подготовки рабочих кадров на рост производительности труда за счет развития компетентностного и иерархического подхода, концепции резервов роста производительности труда, анализа теоретических оснований формирования системы подготовки работников;

– определение базовых методических положений структурной модели системы подготовки рабочих кадров с учетом актуальных теорий и концепций обучения и развития работников.

В основу исследования заложены фундаментальные положения и методы классической теории производительности труда, теории факторов производства, теории предельной производительности, концепций научной организации труда и человеческих отношений, теории социализации трудовых отношений, теории внутреннего рынка труда, теории человеческого капитала, теории образовательных сигналов, теории карьерной мобильности, теории взаимовлияния институтов рынка труда и системы обучения, концепции компетенций работников.

Основными подходами к исследованию являются системный, иерархический и компетентностный, которые позволяют сформировать совокупность компонентов структурной модели системы подготовки рабочих кадров, обуславливающую рост производительности труда.

В качестве гипотезы исследования выдвигается тезис о максимизации резервов роста производительности труда за счет разработки структурной модели системы подготовки рабочих кадров, обеспечивающей взаимосвязь элементов подготовки на индивидуальном и организационном уровнях.

Активное развитие научного знания в области экономики труда привело к появлению новых концептуальных взглядов ученых на проблему роста производительности труда в индустриальной экономике и экономике переходного периода. Развернутое представление об общехозяйственных, отраслевых и корпоративных моделях и механизмах роста производительности труда, инструментах оценки производительности изложено в работах таких российских исследователей, как Б.М. Генкин, Ю.П. Кокин, Л.И. Абалкин, В.М. Зубов, В.В. Воротникова, А.Н. Семенова, В.В. Фильев, П.Ф. Петроченко, И.А. Лясников, М.Г. Назаров, В.С. Князевский, Л.Г. Соколова, И.В. Краснопевцева, Ю.М. Маркова и др. Измерению и росту производительности труда на макроэкономическом уровне, а также формированию и оценке программ и технологий управления производительностью труда на промышленных предприятиях посвящены работы зарубежных ученых К. Курасавы, И. Кабаяси, И. Масааки, М. Тадаро, Дж. Дилана, М. Мескона, А. Хедоури, Э. Денисона, Я. Мондена, Р. Хейлбронера, Л. Туру и др.

В ходе выполнения исследования автором изучены труды отечественных ученых в области формирования системы обучения работников, среди которых А.Я. Кибанов, Б.М. Генкин, В.Е. Гимпельсон, А.А.Н. Лейбович, Ю.Г. Одегов, Р.И. Капелюшникова, А.П. Егоршин, Л.В. Лабунский, М.И. Магура, Е.В. Маслова, А.В. Павлуцкий, Н.В. Дворянских, С.А. Карташова, Т.Н. Лобанова, Р.П. Колесова, Г.Г. Меликьян, О.Н. Бородина, С.В. Шекшня и др. Значимые результаты научных исследований в области начального и среднего профессионального образования, являющиеся фундаментальной методологической основой формирования системы подготовки рабочих кадров, изложены в трудах П.Ф. Анисимова, Ф.Е. Довженко, Н.Н. Захарова, М.В. Никитина, А.М. Петровой, Г.М. Романцева, М.С. Савиной, Е.В. Ткаченко и др. Проблемы обучения и профессионального развития персонала, оценки эффективности обучения нашли методологическое отражение в работах зарубежных ученых: М. Армстронга, Г. Десслера, П. Шейла, Г. Кельпериса, Э. Майклза, К. Арджириса, М.Х. Мескона, Ш.Р. Премо, М. Уэйна, Д. Киркпатрика, Я. Фитц-ЕНца, Д. Филипса, Р. Тайлера, Берда, П. Кирнса, Б. Аарона и др.

В то же время особая роль системы подготовки рабочих кадров как фактора обеспечения роста производительности труда нуждается в особом научном обосновании и детальном рассмотрении с позиций теории и методических положений экономики труда.

В основу гипотезы исследования нами заложено представление об уточненном содержании понятия «производительность труда». Проведенный автором существенно-категориальный анализ исследований таких авторов, как П.Ф. Петроченко, И.А. Лясников, М.Г. Назаров, В.С. Князевский, Л.Г. Соколова, И.В. Краснопевцева, Ю.М. Маркова, выделяет следующие параметры современной трактовки понятия «производительность труда»:

– производительность труда включает наряду с количественными также качественные характеристики результата труда;

– результат производительного труда ограничен предельной величиной необходимого объема и качества продукции;

– производительность труда обеспечивается, в том числе, и за счет интеллектуальной составляющей качества рабочей силы.

Необходимо отметить, что изученные определения в полной мере относят подготовку работников к ключевым факторам производительности труда, так как в них выделяются составляющие интеллектуализации и качества производительного труда, формируемые в ходе подготовки. Однако, на наш взгляд, введение в содержание понятия «производительность труда» категории «компетенции рабочего» определяет в концептуальном виде взаимосвязь категорий «производительность труда» и «система подготовки рабочих кадров». При этом предлагается следующее уточнение: рост производительности труда может быть определено выражен в «компетенциях производительного труда», под которыми автор понимает дина-

мическую комбинацию знаний, умений, опыта и способности их применять для достижения роста производительности труда на рабочем месте. Компетенции производительного труда рабочего рассматриваются автором как конечный результат подготовки и точная детерминанта, которая выражает готовность рабочего к росту производительности труда и позволяет корректно оценить изменение этой готовности по результатам подготовки.

Необходимость синтеза понятий производительности труда и компетенций производительного труда рабочего подтверждается данными социологического исследования системы подготовки рабочих кадров, проведенного автором на двух крупных промышленных предприятиях Красноярского края: АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнева и АО «Красноярский завод синтетического каучука». Объем выборки составил 421 человек из числа рабочих указанных предприятий. В ходе анкетирования был выявлен приоритет взаимосвязи результатов подготовки рабочих с ростом заработной платы. Профессиональное развитие и карьерный рост ненамного отстают от стремления увеличить заработную плату. Производительность труда как результат подготовки имеет минимальную по сравнению с указанными параметрами значимость для рабочих (16% в среднем по двум предприятиям), что отнюдь не означает отсутствие стремления рабочих к производительному труду. Выполнение экономических показателей выработки или трудоемкости должно восприниматься рабочим как индивидуальная выгода, выраженная в росте зарплаты, профессионализма и карьеры. В этом случае компетенции производительного труда рабочего выступают одновременно как элемент системы подготовки и как элемент измерения производительности труда по итогам подготовки, так как их оценка по поведенческим индикаторам носит линейный характер и может обусловить рост карьеры и вознаграждения рабочего.

Выполнение задачи по максимизации резервов роста производительности труда за счет подготовки рабочих кадров обусловило проведение теоретического анализа взглядов различных исследователей на понятие системы подготовки работников, что позволило выделить следующие положения для постановки концептуальной основы усовершенствованной модели подготовки рабочих кадров:

1. Система подготовки определяется А.Я. Кибановым как разновидность системы обучения наряду с системой повышения квалификации и системой переподготовки работников. И если обучение трактуется как основной путь получения профессионального образования [4], то подготовка работников связывается с целевым обучением, конечная цель которого – обеспечение предприятия достаточным количеством работников, чьи профессиональные качества в полной мере соответствуют стратегическим целям организации [5].

2. Система подготовки (англ. Vocational Education and Training System) трактуется как: а) организация обучения профессиональных кадров через различные формы получения профессионального образования; б)

ускоренная форма освоения профессиональных компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых функций [6].

3. Подготовка осуществляется с целью получения рабочей профессии или специальности, т.е. связана с непосредственной деятельностью работника на рабочем месте [7]. При этом некоторые авторы предполагают, что подготовка новых рабочих должна ориентироваться на профессии простого труда [8].

4. Система подготовки определяется как совокупность организационно-методических элементов процесса обучения [4] и основана на циклической модели обучения: от определения потребностей к составлению плана и программ обучения, внедрению результатов обучения и оценке эффективности.

5. Подготовка как подсистема в системе обучения основана на стратегическом плане, бизнес-плане, корпоративных ценностях и корпоративных компетенциях, что связывает результаты подготовки со стратегическими и маркетинговыми целями компании [9].

6. Система подготовки интегрирует подсистемы индивидуального, бригадного, ступенчатого и курсового обучения, нацеленного на овладение рабочими сравнительно несложной специальностью. Акцент в подобной трактовке сущности системы ставится на последовательном усложнении методов подготовки на фоне повышения эффективности подготовки. Так, индивидуальный и бригадный методы подготовки признаются менее эффективными в силу ограничений квалификации наставников и отсутствия системных технических и общекультурных знаний. При этом ступенчатое и курсовое обучение по единым учебным планам, последовательно реализуемым курсам в рамках приобретения какой-либо рабочей профессии, признается более эффективной формой подготовки [10].

В своем исследовании мы основываемся на положении о системе подготовки как структурированной совокупности элементов целевого обучения для приобретения работником соответствующей рабочей профессии и разряда, что в полной мере соответствует теоретическим представлениям А.Я. Кибанова, А.Н. Лейбовича, А.П. Егоршина. В то же время система подготовки должна ориентироваться на стратегические цели предприятия и, в частности, на цели роста производительности труда. Тогда возникает необходимость в формировании системы подготовки исходя из современного представления о квалифицированном рабочем как о работнике, владеющем сложной конкурентоспособной профессией, прошедшем профессиональную подготовку или получившем среднее профессиональное образование и имеющем квалификационный разряд, соответствующий 4–5-му уровню квалификации [11]. Актуальность и обоснованность введенного ранее понятия «компетенции производительного труда рабочего» подтверждаются наличием понятия «компетенции» в трактовке системы подготовки работников группы исследователей под руководством А.Н. Лейбовича.

Процессный подход – один из наиболее актуальных с точки зрения формирования концептуальных основ роста производительности труда в современной постиндустриальной экономике, может выступать теоретической основой разработки методики реализа-

ции усовершенствованной модели системы подготовки, нацеленной на рост производительности труда.

По нашему мнению, компетентностный подход к формированию системы подготовки рабочих кадров способен обусловить рост производительности труда по четырем параметрам:

1. Включение в кластер корпоративных и социально-личностных компетенций рабочего специальных компетенций готовности к производительному труду, например, видение и развитие резервов роста производительности труда, понимание целей развития предприятия, стремление к достижению результата, готовность к изменениям, ориентация на качество рабочих процессов, самостоятельность в работе, способность к межличностному пониманию в команде, готовность к сотрудничеству в команде, работоспособность, способность к анализу рабочих процессов и др. Именно такое представление квалификационных требований к рабочему обеспечит его «подключение» к «цепочке создания ценности», формируя новый тип социально-трудовых отношений – переход от отношений конфронтации, конкуренции и соперничества к отношениям солидарности, доверия, партнерства, равноправного сотрудничества, взаимной ответственности [12].

2. Выработка плана, структуры и содержания программ подготовки рабочих последовательно согласовываются с моделью компетенций рабочего, тем самым обеспечивая необходимое качество и эффективность подготовки в контексте роста производительности труда. Так, в структуру учебного плана подготовки может быть включен новый для системы подготовки курс «Калькулятор производительности труда на рабочем месте». С позиций активизации вышеуказанных социально-трудовых отношений при подготовке рабочих необходимо применять методы коучинга, кросс-функциональных проектных команд, внутренних и партнерских мастер-классов.

3. Ресурсное обеспечение программ подготовки должно также полностью отвечать требованиям состава компетенций в моделях компетенций рабочих. В отношении производственного оборудования, используемого в процессе подготовки, необходимо ориентироваться на три типа высокотехнологичных рабочих мест:

– машинное рабочее место (основная работа выполняется машиной, а управление ею и вспомогательная работа осуществляются рабочим);

– автоматизированное рабочее место (основная работа выполняется машиной, вспомогательные работы механизированы частично или полностью);

– аппаратурное рабочее место (оснащено специальным оборудованием, в котором производственные процессы осуществляются путем воздействия на предмет труда тепловой, электрической или физико-химической энергии) [13].

Организационной формой решения наиболее актуальной проблемы ресурсного обеспечения программы подготовки рабочих кадров становится активизация отношений государственно-частного партнерства при создании образовательных кластеров. В систему государственно-частного партнерства наряду с государственными структурами и органами местного самоуправле-

ния, образовательными структурами работодателей должны войти организации среднего профессионального образования. Подобный формат отношений позволит привлечь в систему подготовки поток инвестиционных ресурсов для модернизации средств подготовки, сохранения и привлечения новых кадровых ресурсов – наставников и мастеров производственного обучения.

4. Адекватная целям роста производительности труда оценка эффективности системы подготовки рабочих кадров. Поуроневое шкалирование поведенческих индикаторов в модели компетенций (в рамках исследования предлагается использовать 5-уровневую шкалу индикаторов) дает возможность оценить изменение компетенций по результатам подготовки. В свою очередь, с позиций мотивационных теорий ожиданий и справедливости достигнутый уровень компетенций необходимо и возможно соотнести с присвоением рабочему разряда, ростом постоянного и переменного вознаграждения, развитием карьеры.

В целях подтверждения гипотезы исследования компетентностный подход к обоснованию роли системы подготовки рабочих кадров как катализатора роста производительности труда предлагается дополнить иерархическим подходом к структуризации системы подготовки рабочих кадров.

Следуя логике исследования, можно проследить последовательный переход индивидуальных целей роста производительности труда, выраженных в росте дохода, профессионализма и карьеры, к организационным целям роста производительности, которые, на наш взгляд, целесообразно определить на основе классической формулировки резервов роста производительности труда в виде резервов использования средства производства и резервов использования рабочей силы. Следует учитывать, что для предприятия как субъекта хозяйственной системы на микроуровне важно достижение роста совокупной производительности труда [14]. Признание приоритета иерархического подхода в определении целей роста производительности труда распространено на декомпозицию функций системы подготовки рабочих кадров:

– индивидуальные цели производительности труда обеспечиваются за счет прироста компетенций производительного труда рабочего;

– цели роста совокупной производительности труда на микроуровне производственного подразделения обеспечиваются такими функциями системы подготовки, как обеспечение необходимого разряда работ, высвобождение производственной мощности и сокращение цеховой себестоимости за счет издержек на оплату труда (в совокупности, таким образом, происходит высвобождение резервов использования средства производства и рабочей силы);

– на организационном микроуровне цели роста совокупной производительности труда в виде стратегических возможностей диверсификации производства, интенсивного роста через развитие продукта, сокращения сроков вывода новых изделий на рынок достигаются посредством таких функций системы подготовки, как сокращение дефицита рабочих профессий, высвобождение производственной мощности и рабочей силы.

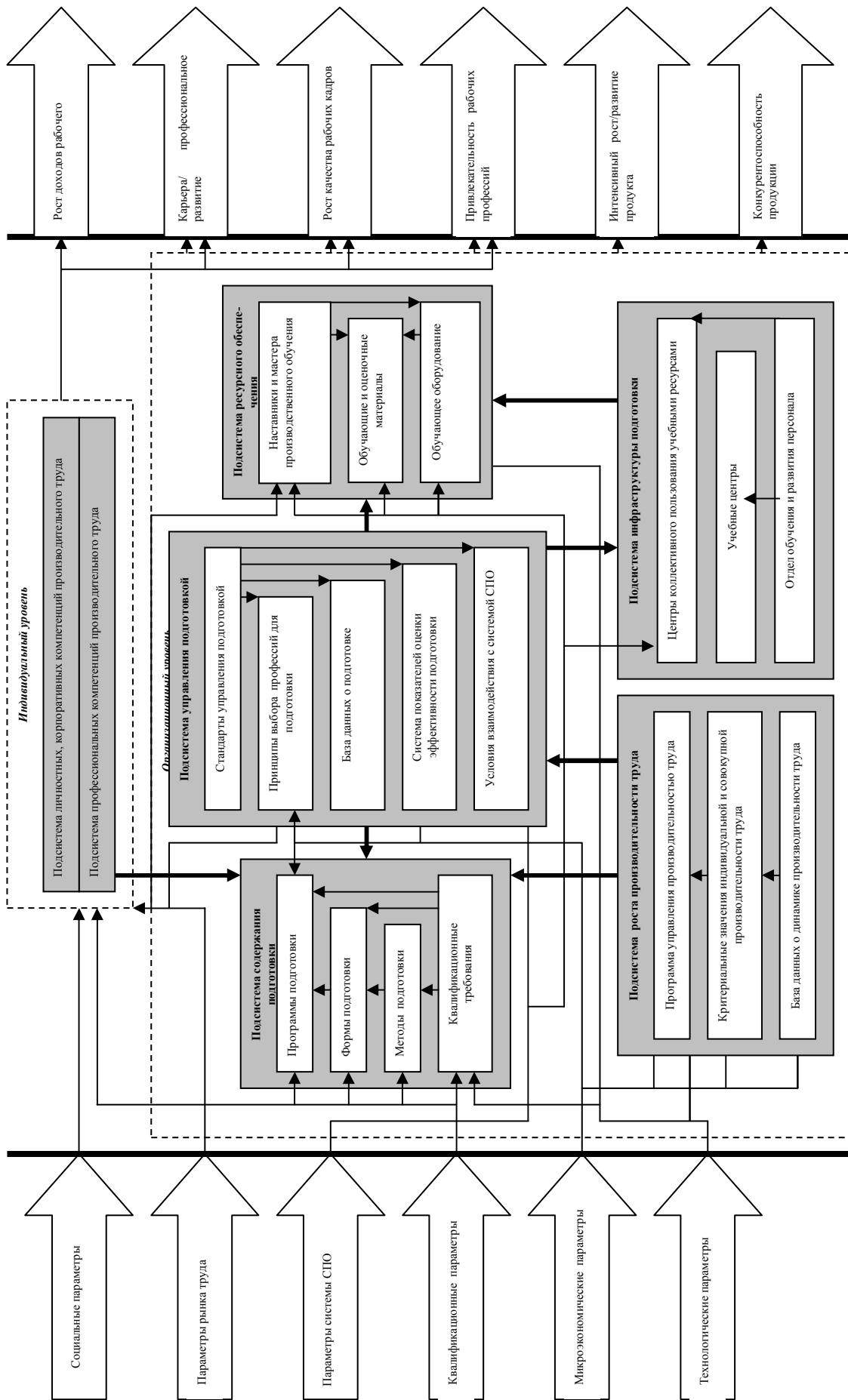

Рис. 1. Структурная модель системы подготовки рабочих кадров как фактор роста производительности труда

Таким образом, вышеизложенные подходы позволили выделить ряд компонентов, составляющих основу усовершенствованной модели системы подготовки рабочих кадров, нацеленной на рост производительности труда (рис. 1).

Входные параметры, которые задаются при решении задач на модели системы подготовки, следующие:

1. Социальные параметры, которые, с одной стороны, определяют необходимость расширения кластера корпоративных и социально-личностных компетенций производительного труда компетенциями командного сотрудничества, партнерства, доверия и открытого информационного обмена. С другой стороны, необходимо осознавать объективную социальную реальность, сложившийся и принимаемый обществом уровень отношения к труду и социальным отношениям на производстве.

2. Параметры рынка труда определяют так называемый пул найма рабочих, который, как было отмечено ранее, во-первых, дефицитен, во-вторых, крайне неоднороден по качеству, что определит входящий уровень компетенций рабочих. Также, исходя из принципа целевой направленности подготовки, нужно учитывать, что рынок труда в настоящее время содержит значительный дисбаланс между спросом и предложением на определенные рабочие профессии, что задает стартовые условия для подсистемы содержания подготовки и ряда других подсистем.

3. Параметры системы СПО, которыми в модели принимаются количественные и качественные характеристики профильных техникумов, колледжей и лицеев, имеющийся опыт реализации совместных с предприятием программ подготовки. Новая для российской экономики бизнес-модель территориальной кластерной организации бизнеса, обеспечивающая на сегодня наибольший прирост производительности труда в промышленности, находит свое отражение в создании территориальных образовательных кластеров, ориентированных на стратегические потребности крупных предприятий, холдингов и государственных корпораций. Концептуальная проработка схемы территориального образовательного кластера с интегрированной в нее системой подготовки рабочих кадров предприятия в части модернизации инфраструктуры подготовки является дополнительной задачей исследования.

4. К квалификационным параметрам отнесены глобальные процессы развития системы подготовки рабочих кадров, среди которых Лиссабонский, Копенгагенский и Туринский процессы, в основе которых выявление основных проблем и тенденций в области профессионального образования и обучения, обеспечение прозрачности, транспарентности и привлекательности профессиональной подготовки для молодежи и т.д. Также квалификационные требования к содержанию подготовки и составу компетенций рабочего диктуют такие элементы Национальной системы квалификаций, как Национальная рамка квалификаций, система профессиональных стандартов, система независимой оценки и сертификации квалификаций.

5. В микроэкономические параметры включаются Программа управления производительностью труда, которая будет коррелировать с подсистемами содержания подготовки и управления подготовкой по таким составляющим подготовки, как включение в учебный план подготовки специальных курсов и мастер-классов внешних и внутренних экспертов по практике лучших решений в области производительности труда; выявление точек резонансного роста (подразделений, матричных структур предприятия) для реализации пилотного проекта роста производительности труда, анализ динамики и определение критериальных значений роста производительности труда.

6. Технологические параметры задают резервы роста производительности труда в Программе управления производительностью, определяют состав обучающего оборудования и, соответственно, стандарты и содержание подготовки.

Подсистемы подготовки структурированы на основе иерархического подхода на индивидуальном и организационном уровнях. Организационный уровень образует подсистема роста производительности труда, которая наряду с подсистемой управления подготовкой и подсистемами компетенций рабочего (индивидуальный уровень) определяет подсистему содержания подготовки, подсистему инфраструктуры и ресурсного обеспечения.

Выходные параметры, значения которых являются искомыми при решении задач на модели системы подготовки, декомпозированы на индивидуальный и организационный уровень. Подсистемы компетенций производительного труда на индивидуальном уровне определяют индивидуальные выходы в виде роста доходов, карьеры и профessionализма. Дуальная природа таких результирующих параметров модели, как рост качества рабочих кадров и привлекательность рабочих профессий, связана с их проявлением на командном уровне производственного результата. Организационный уровень выходов связан с совокупной производительностью труда и максимизацией резервов использования средств производства и рабочей силы – здесь результирующими выходами, достигаемыми за счет преобразований в рамках модели, являются возможность стратегического роста и укрепление конкурентоспособности предприятия.

Изложенные методические положения позволяют подтвердить представленную выше гипотезу исследования в части следующих выводов:

– синтез понятий «производительность труда» и «компетенции рабочего» позволяет обусловить рост производительности труда результатами подготовки, выраженными в изменении компетенций производительного труда рабочего;

– изменение компетенций производительного труда должно обусловить рост заработной платы и карьерный рост рабочего, что составляет индивидуальный уровень целей роста производительности труда и, соответственно, индивидуализирует функции системы подготовки рабочих кадров;

– на организационном уровне функции системы подготовки отождествляются с микроэкономическими целями роста совокупной производительности труда, которые максимизируют резервы использования средств производства и рабочей силы, создают условия для стратегического развития и конкурентоспособности продукции предприятия;

– использование компетентностного и иерархического подхода, во-первых, обосновывает обусловленность роста производительности труда подготовкой рабочих кадров, во-вторых, создает концептуальную основу для формирования усовершенствованной системы подготовки рабочих кадров, модель которой предложено структурировать и взаимосогласовать по подсистемам корпоративных, социально-личностных и профессиональных компетенций рабочего на индивидуальном уровне и подсистемам

роста производительности труда, управления подготовкой, содержания подготовки, ресурсного обеспечения и инфраструктуры подготовки на индивидуальном уровне.

Таким образом, иерархическое единство функций системы подготовки, целей роста производительности труда в модели системы подготовки рабочих кадров обеспечивает экономически обоснованный на организационном уровне, мотивированный с индивидуальной и командной точки зрения рост производительности труда. Предложенная модель системы подготовки рабочих кадров способна выступать катализатором роста производительности труда, отвечая современному уровню социально-трудовых отношений, требованиям модернизации производства в части создания необходимых квалификаций рабочих, готовых к высокопроизводительному труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бюджет.ru Трудовые отношения*. URL: <http://buject.ru/article/240998.php> (дата обращения: 12.02.2015)
2. *Роцин С.Ю., Васильев К. Дефицит навыков в России: вызовы для системы образования в условиях перехода к инновационной экономике*. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/10/11/1246974900/20121009-Vasiliev.pdf> (дата обращения: 10.01.2015).
3. *Колесникова О.А., Рыжикова Р.В. Кадровые проблемы российской промышленности – где выход?* // Демоскоп. № 391–392.
4. Управление персоналом организации : учеб. пособие / под ред. А.Я. Кибанова. 4-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М, 2010. 695 с.
5. *Маслов Е.В. Управление персоналом предприятия : учеб. пособие / под ред. П.В. Шеметова*. Москва : ИНФРА-М ; Новосибирск : НГАЭиУ, 1999. 312 с.
6. *Словарь-справочник современного российского профессионального образования* / авторы-составители: В.И. Блинов, И.А. Волошина, Е.Ю. Есенина, А.Н. Лейбович, П.Н. Новиков. М. : ФИРО, 2010. Вып. 1. 19 с.
7. *Егоршин А.П. Управление персоналом : учеб. для вузов. 4-е изд., испр. Н. Новгород : Нимб, 2003. 720 с.*
8. *Одегов Ю.Г. Управление персоналом : учеб. для вузов / Ю.Г. Одегов, П.В. Журавлев*. М. : Финстатинформ, 1997. 877 с.
9. *Петровская О.А. Система обучения персонала как управляемый ресурс организации* // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 2. С. 188–194.
10. *Василенкова Н.В. Совершенствование системы подготовки высококвалифицированных рабочих кадров для судостроительной отрасли Астраханского региона* // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 4. С. 95–99.
11. *Разработка и применение профессиональных стандартов: словарно-справочное пособие / авт.-сост.: А.Н. Лейбович, И.А. Волошина, П.Н. Новиков, В.М. Зуев, О.Д. Прянишникова и др.* М. : Пере, 2014. 33 с.
12. *Нехода Е.В. Теоретические и методологические аспекты исследования социально-трудовых отношений*. Томск : Изд-во ТГУ, 2007. С. 200.
13. *Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Доктрина высокотехнологичных рабочих мест в российской экономике / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова*. М. : Эдитус, 2013. 124 с.
14. *Соколова Л.Г. Управление производительностью труда на различных уровнях хозяйствования : автореф. дис. ... д-ра экон. наук*. Иркутск, 2004. 30 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 27 августа 2015 г.

THE SYSTEM OF PERSONNEL TRAINING AS A CATALYST FOR PRODUCTIVITY GROWTH

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 212–219. DOI: 10.17223/15617793/399/35

Podverbnykh Ulyana S. Siberian State Aerospace University n.a. Academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: verba07.90@mail.ru

Keywords: preparation system; personnel; labor productivity growth; competencies.

It was revealed that there is an imbalance between the growth of work performance and the efficiency of the human capital training system. The definition of “work performance competency” is explained as a dynamic combination of knowledge, skills, experience, and practical ability to achieve the goal of increasing work performance. Work performance competencies were included in the cluster of corporate, social, personal, and professional competencies. The author considered these competencies as a final result of training. Furthermore, work performance competencies show that an employee is ready for the future growth of his/her performance efficiency. This also allows tracking the changes of the readiness of each individual. The hierarchy of the goals growth of work performance was determined as a subsequent transition of individual goals of the work performance. The individual goals are known as changes in competencies, growth of the income, professionalism and career. In the author’s opinion, it is worthwhile to define these factors on the basis of the classic formulation of human capital growth reserves. Human capital reserves refer to the combination of production resources utilization and human capital employment. To define growth of work performance goals with a hierarchical approach, it is needed to decompose it into three major functions of the human capital training: 1) individual goals of work performance are achieved with increment of work performance competencies; 2) work performance goals within a team and a production unit are achieved with major functions of the human capital training system (such as a required category of tasks, disengagement of production capacity, and reduction of factory cost due to human capital expenses); 3) on the micro level of an organization, common work performance goals, such as strategic possibilities of the production diversification, intense growth through the product development, and reduction in time of product releases on the market. These work performance goals are achieved through the two major functions of the training system: reduction in deficiency in professions, and production capacity and human capital disengagement.

The model of the human capital training system has been developed in order to maximize the reserves of production efficiency growth through the utilization of a competence and hierarchy approach. The model structures and matches subsystems of corporate, social, personal, and professional competencies of an employee on the individual level and subsystems of the growth of human capital capacity, training management, resource capacity, and training infrastructure on the enterprise level.

REFERENCES

1. Byudzhet.ru. (n.d.) *Trudovye otnosheniya* [Labor relations]. [Online]. Available from: <http://bujet.ru/article/240998.php>. (Accessed: 12th February 2015).
2. Roshchin, S.Yu. & Vasil'ev, K. (2012) *Defisit navykov v Rossii: vyzovy dlya sistemy obrazovaniya v usloviyakh perekhoda k innovatsionnoy ekonomike* [Skills deficit in Russia: challenges for the education system in the transition to an innovation economy]. [Online]. Available from: <http://www.hse.ru/data/2012/10/11/1246974900/20121009-Vasiliev.pdf>. (Accessed: 10th January 2015).
3. Kolesnikova, O.A. & Ryvkina, R.V. (2009) Kadrovye problemy rossiyskoy promyshlennosti – gde vykhod? [Human Resource problems of Russian industry: where is the solution?]. *Demoskop*. 391–392
4. Kibanov, A.Ya. (ed.) (2010) *Upravlenie personalom organizatsii* [Human Resource management of the organization]. 4th ed. Moscow: INFRA-M.
5. Maslov, E.V. (1999) *Upravlenie personalom predpriyatiya* [Human Resource management of the enterprise]. Moscow: INFRA-M; Novosibirsk: NGAEiU.
6. Blinov, V.I. et al. (2010) *Slovar'-spravochnik sovremennoogo rossiyskogo professional'nogo obrazovaniya* [Dictionary of Modern Russian professional education]. Is. 1. Moscow: FIRO.
7. Egorshin, A.P. (2003) *Upravlenie personalom* [Human Resource Management]. 4th ed. N. Novgorod: Nimb.
8. Odegov, Yu.G. & Zhuravlev, P.V. (1997) *Upravlenie personalom* [Human Resource Management]. Moscow: Finstatinform.
9. Petrovskaya, O.A. (2009) Sistema obucheniya personala kak upravlencheskiy resurs organizatsii [The system of personnel training as a management resource of the organization]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 188–194.
10. Vasilenkova, N.V. (2010) Sovremenstvovanie sistemy podgotovki vysokokvalifitsirovannykh rabochikh kadrov dlya sudostroitel'noy otrassli Astrakhanskogo regiona [Improving the system of training of highly qualified personnel for the shipbuilding industry of the Astrakhan region]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 4. pp. 95–99.
11. Leybovich, A.N. et al. (2014) *Razrabotka i primenenie professional'nykh standartov: slovarno-spravochnoe posobie* [The development and application of professional standards: a reference-book]. Moscow: Pero.
12. Nekhoda, E.V. (2007) *Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty issledovaniya sotsial'no-trudovykh otnosheniy* [Theoretical and methodological aspects of the study of social and labor relations]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Balatskiy, E.V. & Ekimova, N.A. (2013) *Doktrina vysokotekhnologichnykh rabochikh mest v rossiyskoy ekonomike* [The doctrine of high-tech jobs in the Russian economy]. Moscow: Editus.
14. Sokolova, L.G. (2004) *Upravlenie proizvoditel'nostyu truda na razlichnykh urovnyakh khozyaystvovaniya* [Performance management at different levels of administration]. Abstract of Economics Dr. Diss. Irkutsk.

Received: 27 August 2015

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 303.8

Ж.В. Волкова, О.Н. Калачикова, Д.Ю. Король, А.А. Полонников, А.В. Солоненко

ИССЛЕДОВАНИЕ ERGO ОБРАЗОВАНИЕ

*Исследование (№ НУ 8.1.91.2015) выполнено при поддержке Программы
«Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015–2016 гг.*

Анализируются предпосылки, условия и направления трансформации процедур производства гуманитарного знания, обеспечивающего реализацию образовательных инноваций в исследовательском университете. В первой части изложения на материале сопоставительного анализа этнографического, конверсационного и микроэтнографического подходов формулируются принципы организации и реализации инновационно-ориентированного образовательного исследования. Во второй части статьи в центре рассмотрения оказывается метод case study, адаптация которого к задачам инновационно-го развития университета позволяет конкретизировать его конститутивы, формы реализации и параметры оценки эффективности.

Ключевые слова: микроанализ; идиографическая стратегия исследования; образовательная инновация; взаимосозидающее сообщество; поэтическое отношение; педагогизация исследования; дивергентная коммуникация.

Введение

Ситуация становления восточно-европейских университетов обусловлена рядом обстоятельств, которые не только принципиально изменяют место и роль образовательных исследований, но и рождают ряд вопросов, связанных с гуманитарным и педагогическим знанием, содержанием образовательных процессов и способами их реализации. Открывшиеся перед университетами перспективы – выход на мировой образовательный рынок, резкое изменение информационной среды, развитие конкурентных практик корпоративного обучения – побудили восточно-европейские университеты к поиску качественно иных форм самоопределения и действия.

Одним из ответов на вызов современной ситуации стало событие исследовательского университета, переосмыслившего характер науки, отказавшегося от позиции Абсолютного Наблюдателя, сделавшего ставку на превращение научного знания в механизм инновационного преобразования социума и культуры, фактор определения будущего сообществ, показатель их современности.

Необходимость рождения новых форм научного опыта бросает вызов сложившимся практикам образования и образовательным исследованиям, которые оказываются перед задачей самоизменения, превращения в открытые системы, функционирующие как генеративные среды, способные порождать и качественно новые знания, и новые формы практического участия в окружающей жизни. Другими словами, инновационная ситуация бросает образованию и наукам об образовании инновационный вызов.

Во избежание недоразумений для начала внесем в употребление слова «инновация» одно различие: «инновации в образовании» мы будем отличать от «образовательных инноваций» [1. С. 6–7]. Первые связаны с внедрением в педагогический процесс разного вида новшеств (внеобразовательных изобрете-

ний, например, компьютеров и обучающих программ, инструментов, методических приемов и форм), которые оптимизируют функционирующую педагогическую практику, не затрагивая ее сущности; вторые означают системную реорганизацию самого образования, изменение его ориентаций и организационного порядка.

Конечно, ограниченный объем публикации не позволяет полностью охватить всю область проблем и отношений, заключенных в категории «образовательные инновации». В этом изложении мы будем делать акцент на изучении науками об образовании учебных вербальных интеракций в академических группах, формируя в ходе анализа современных исследований этого уровня принципы и критерии, которым должна соответствовать образовательная теория межличностного взаимодействия, претендующая на инновационно-порождающий статус. Выбор этого плана анализа обусловлен допущением, согласно которому ключом к управлению образовательными инновациями является доступ к микроуровню функционирования образовательных процессов, которые (в идеале) должны быть когерентны и синхронны университетским изменениям тактического и стратегического уровня.

Методологическое преимущество

Ведущая функция методологии в некотором смысле «геодезическая» – это разметка. Последняя связана с пространственным воображением, создающим места, куда дальнейшее исследование может осуществить содержательные вклады. Сопутствующая – регулятивная. Ее задача состоит в формулировании правил поведения «на игровом поле», определение которых, как правило, атрибутируется логике. Разметочная и нормативная работа в обеих своих частях обычно опираются на прототипы. Так же поступим и мы. В первом случае обратимся к микроэтнографическому опыту образовательных исследований, во вто-

ром – к практикам case study, с опорой на которые мы проясним общие контуры искомого исследовательского поведения. Оппонируя близкородственным научным опытам – этнometодологии и разговорному анализу, мы совершим очерк программы гуманитарных исследований, которая, с нашей точки зрения, наиболее близка задачам инновационного развития образования.

В микроэтнографии (microethnography) принято основополагающее положение, согласно которому «люди действуют по ситуации, которую они одновременно и создают» [2. Р. IX]. Ее методологическая платформа связана с теорией коммуникации, культурными исследованиями, гуманистической лингвистикой, антропологией, литературоведением и поэтикой, но прежде всего с этнometодологией и разговорным анализом. Этот подход ориентирован на изучение языкового и социального взаимодействия, предполагая, что все, совершающееся людьми во взаимодействии друг с другом, является сложным, неоднозначным, во многом неопределенным, затрагивает вопросы социальной идентичности, власти, широкие социальные и культурные процессы. Более того, социальные и культурные феномены «живут» и изменяются в условиях микрокоммуникации, а «каждое коммуникативное событие предоставляет его участникам возможность для создания новых смыслов, новых социальных отношений и нового будущего» [2. Р. XVI].

Привилегированной областью микроэтнографического интереса выступает образовательная повседневность. В центре внимания ученых этого круга находится дискурс (использование языка) преподавателей и студентов, коды научных текстов и учебников, коммуникация родителей и педагогов. Язык выступает и объектом изучения, и средством обучения, и предметом педагогической манипуляции (чтение и письмо). Одновременно он реализуется и как средство исследования. Микроэтнографы настаивают на том, что язык не является простым «прозрачным» средством передачи информации. Любое использование языка (разговорное, письменное, электронное и т.д.) включает в себя комплекс социальных, культурных, политических, когнитивных и лингвистических процессов и контекстов. Считается, что в разговоре, чтении и письме человек одновременно и отражает, и формирует свою идентичность. В сложном семиозисе учебной коммуникации ее участники «конструируют социальную идентичность, осваивают способы взаимодействия с другими людьми, приобретают или поддерживают свой статус, осваивают культурно приемлемые способы мышления, решения проблем, учатся оценивать и чувствовать» [2. Р. XVII].

Особенностью микроэтнографического взгляда является специфическое полагание предметной реальности, в котором наиболее заметны два картографических приема: масштабирование и ситуативизация. Первый – масштабирование – устанавливает мерность анализа, что в микроэтнографическом случае совпадает с молярностью аналитического предмета. Микроэтнографа интересуют не столько макросоциальные процессы и связи, сколько их иновыражение в актах

межличностной коммуникации, в которых, по мнению микроэтнографов, эти процессы и связи только и могут быть обнаружены. Молярный уровень исследования предполагает ремасштабирование, оптическое преобразование привычки рассмотрения образовательных феноменов в стратегическом, методическом или субъектоцентрированном залоге. «Изменяя масштаб, – писал П. Рикёр, – мы вовсе не видим те же вещи крупнее или мельче... Мы видим разные вещи... Это ряды, различные по своей конфигурации, по причинно-следственным связям» [3. С. 297]. Микроэтнографическая оптика, так же как и «исследовательский окуляр» разговорного аналитика или этнometодолога, сосредоточен на иллоктивной силе высказываний, их серийной связанности и контекстуальной обусловленности. Солидаризуясь с Х. Саксом в его критике социологической установки в том, что «язык, используемый людьми, составляет описание другой формы их поведения» [4. С. 44], и разделяя этнometодологические предпосылки, связанные с индексичностью¹ значений, их связанностью с а) с актуальным контекстом, б) практическим действием [5. С. 18], сторонник микроэтнографического подхода ориентирован не столько на идентификацию (распознавание) особенностей момента коммуникации и его отображение в аналитических категориях, как его научные «родичи», сколько на креацию актуальной и потенциальной событийности. Событие – это то, что противостоит автоматизму повседневности, стандарту и гомогенности. Концентрация на событии – ключевой методологический императив микроэтнографии Д. Блума.

Другими словами, если масштабирование предметной реальности сторонниками разговорного анализа и этнometодологического подхода, также располагающего предметность на микроуровне, осуществляется с помощью своего рода «прозаической» оптики, то микроэтнограф организует свой аппарат (и язык) по преимуществу «поэтически». Прозаическая установка в родственных микроэтнографии подходах не случайна, а производна от задачи установления того, «что есть на самом деле». Поэтический взгляд интендирован не тем, что есть, а тем, что должно быть. В этом он оказывается прямым выражителем педагогического интереса.

Функциональное определение научно-поэтического отношения дал в свое время американский социальный конструкционист Кеннет Джерджен (Gergen). В его изложении, которое авторы настоящей статьи разделяют, идея поэтической установки может быть выражена несколькими тезисами²:

1. Поэтическое отношение нарушает рутинный порядок. Знак (слово, образ, жест) внедряется в текущую последовательность естественных значений, срывает с них покров повседневности и создает для участников взаимодействия новые измерения понимания, суждения и действия.

2. Поэтическое отношение открывает путь креативному воображению, фантазии, смыслопорождению в целом, иначе, чем принято, позиционируя настоящее.

3. Поэтическое отношение обладает эстетическим единством, вызывая у его участников чувство возвышенности, симметрии, гармонии и внутреннего ритма [6. С. 222].

Таким образом, три измерения поэтического отношения, выделенные Джердженом, – катализическое, имагинативное и эстетическое – в полной мере могут выступать главной отличительной чертой поэтического дискурса.

Это значит, что границу (хотя и проницаемую) в отношении образовательного семиозиса между этнотипологией и разговорным анализом, с одной стороны, и микроэтнографией (нашим подходом), с другой, мы проводим по принципиальным основаниям. То есть она реализуется «как различие между старым и новым языком, а не между словами, которые подходят миру и которые ему не подходят» [7. С. 52]. «Прозаический» язык этнотипологов и разговорных аналитиков тяготеет к сущностным определениям, связанным с корреспондентской истиной и внелингвистической (хотя и тесно связанной с языком) реальностью. «Поэтический» язык микроэтнографов определяется сингулярной ориентацией методологии, «выхватывающей» из повседневной неразличенности отдельные коммуникативные факты, амплифицирующей их и превращающей в видимые смысложизненные события.

Вторая методологическая операция – «ситуатизация», – в свою очередь, связана с апологией настоящего, ограничением действия культурно-исторических предикатов, повышением ценности здесь и сейчас происходящего взаимодействия. В отношении отмеченного ограничения примером может служить аналитический антиисторизм Фердинанда де Соссюра: «В шахматной партии любой позиции присуще то особое свойство, что она становится независимой от предшествующих событий; иными словами, становится не “более или менее” безразлично, а совершенно безразлично, каким путем возникла эта позиция. Поэтому зритель, который с самого начала следит за ходом партии, не имеет ни малейшего преимущества перед тем наблюдателем, который приходит посмотреть на партию в ее критический момент. Также никто не станет описывать позицию, смешивая то, что есть, с тем, что было, даже с тем, что было всего лишь десять секунд тому назад» [8. С. 99].

Процедура ситуатизации выдвигает дефиниции ситуации, определяемые / переопределяемые самими участниками взаимодействия (как вербально, так и поведенчески) на передний план аналитического внимания. В отношении определения ситуации необходимо сделать небольшое уточнение. Его задача состоит в преодолении интеллектуализма, идущего от известной теоремы Томаса, согласно которой определение реальности, принимаемое участниками ситуации, реально по своим последствиям [9]. Между тем в этой правдоподобно звучащей теореме есть одна неясность, она касается трактовки категории «определение». Для Томаса это исключительно когнитивный акт, вербально нагруженный, обусловленный осмыслением ситуационных элементов. Мы же предлагаем

рассмотреть еще один способ ситуационного дефинирования – определение действием. В микроэтнографии определение действием трактуется как сигнал контекстуализации, маркирующий для другого (других) ту или иную редакцию ситуации. Сигналы контекстуализации обусловлены тем, что люди, взаимодействуя друг с другом, ведут себя таким образом, что их «намерение» может быть понято другими участниками события [2. Р. 8]. Преподаватель, например, занявший место за кафедрой, сигнализирует присутствующим студентам о приближении начала лекции. Те, в свою очередь, принимают подобающие слушателям позы, достают писчие принадлежности, открывают конспекты. Так во взаимодействии участников конструируется учебная ситуация. «В отличие от слов, которые можно обсуждать в отрыве от контекста, значения контекстуализации являются неявными» [2. Р. 131].

Изучение ситуатизации предполагает выполнение определенных техник, удерживающих исследователя в ситуационных границах. Исследователь ситуационного метода Адель Кларк прямо указывает на эти приемы, называя среди них «подробное описание» и «подробный анализ» [10. Р. xxii]. Среди теоретических средств локализации аналитической ситуации А. Кларк предлагает использовать категорию «ситуатированное знание» (situated knowledge)» [10. Р. 22]. Этот тип знания, в отличие от этнотипологического индексного значения, включает не только действия изучаемых ученым акторов (студентов и преподавателей), но и положение о том, что действительная «ситуация» создается совместно и участниками интеракции, и, что самое главное, исследователем. Последнее обстоятельство существенно проблематизирует бытующую в классической экспериментальной гуманистике установку на воспроизведимость условий, процессов и данных научных изысканий.

Подведем промежуточные итоги. Подход, к построению которого мы приступили в настоящей работе, предполагает реализацию трех взаимосвязанных положений.

Первое из них может быть названо «онтологическим». Онтологическим в смысле полагания микрореальности. Образование рассматривается нами исключительно как дискурсивная конструкция, включающая означающие действия, движения, нечеловеческие условия, а также активность исследователя, участвующего наряду с другими факторами в семиогенезе образовательных ситуаций.

Второе положение связано с гносеологией и ориентирует исследователя на поэтическую реализацию исследовательского отношения. Поэтическая реализация, в свою очередь, означает презумпцию экспериментального действия перед концептуальными решениями.

Третье положение касается технологии анализа и сообразуется не только с манипуляциями в области дискурса образования, но и с использованием коммуникативных средств (устной речи, письменных текстов, электронных образов) для организации исследовательских процедур.

Праксиологический акцент

Организационно-педагогическая сторона обсуждаемого подхода связана с микроэтнографическим императивом «концентрации на событии», что выражается в реализации двух аспектов событийности. Первый касается квантификации изучаемого материала, когда в зоне внимания находится не весь доступный обзору ученого массив данных, а некоторые его фрагменты, отбор которых подчинен исследовательской прагматике, в данном случае образовательных изменений. Так, например, анализируя стенограмму дискуссии, разговорный аналитик работает по всему ее полу, обобщая данные в виде трансситуативных закономерностей – «структур повседневных разговоров» [11. S. 42–58], тогда как сторонник микроэтнографического исследования, обозрев первично весь полученный материал, будет выделять в нем исключительно инновационные моменты, либо факторы, блокирующие их возникновение, стремясь при этом к локализации и уникализации своих выводов. Микроэтнограф исходит из того, что интеллектуальные точки материала не тождественны его физической структуре, и задача исследования состоит в том, чтобы сделать эти объекты видимыми. В сингулярной репрезентации анализируемых событий и состоит, по убеждению микроэтнографов, задача социально-гуманитарного исследования [2. Р. 235–236]. Выделенные в ходе исследования дискурсивные элементы представляют собой событийные возможности.

Второй аспект событийности связан с характером функционирования интерактивного образовательного сообщества. Особенностью взаимодействия участников академической группы, как правило, является его совместно-индивидуальный характер. В социологии Э. Дюркгейма такого рода сообщество принято называть «механическим» [12. С. 105]. Механические единства характеризуются атомарными относительно устойчивыми позициями их членов, отсутствием эффектов агрегации. Возникновение системного качества учебной коммуникации означает ее переход от «механического» единства к «органическому» [12. С. 128]. Важнейшей особенностью «органического» единства является его особое состояние, не сводимое к простой сумме элементов множества, высокая взаимозависимость включенных в коммуникацию позиций, превращение академической группы во «взаимосозидающее сообщество» [13. С. 90]. Возникновение образовательного сообщества является показателем образовательной событийности.

Ориентация на реализацию в образовании событийной стратегии обнаруживает острую дефицитарность сложившихся методов гуманитарных исследований. Это обусловлено главным образом тем, что в сфере изучения образовательных отношений долгое время абсолютным преимуществом пользовались номотетические методологии, реализующие позитивистские ценности, связанные с поиском внеситуативных сущностей, применением устойчивых категориальных систем и приемов формализации исследо-

вательских данных. Научный процесс такого типа использует для своего конституирования производственные метафоры, а его рефлексивные структуры для оценки исследовательской эффективности апеллируют к средствам стандартизации и унификации, подведения всего эмпирического материала «под общий знаменатель». При этом уникальные, сингулярные явления, такие как рождение образовательных инноваций, оказываются, как правило, вне исследовательской оптики или получают статус статистически незначимых данных. Номотетической стратегии в образовательных исследованиях может быть атрибутирован девиз: «Достичь единства многообразия!».

Ориентация на изучение условий рождения в образовании инновационного опыта обнаруживает ограниченную применимость сложившихся практик гуманитарных исследований. В этой ситуации взоры ученых все чаще обращаются к ресурсам качественных идиографических методологий и исследовательским приемам, способным выступить факторами инициирования инновационных процессов.

К решению задач сингулярного и креативного типа, как нам представляется, может быть адаптирован известный гуманитарным ученым опыт анализа случая (case study). Рассмотрим данное положение более подробно.

Case study часто трактуют как метод получения уникального знания для ориентации в конкретной жизненной ситуации. Считается, что его данные обладают всеми необходимыми атрибутами прикладного знания, неотделимого от ситуации его применения. При этом нередко звучат сетования на то, что практика данного метода у разных исследователей «означает разные вещи в разное время и в разных контекстах» [14. Р. IX] или просто означает антитезу традиции количественных изысканий [15; 16. Р. 36].

Американскому социологу Р. Стейку принадлежит попытка типологизации стратегий case study. Он полагает, что существует три способа использования концепта «случай»: 1) случай как самоцель (intrinsic case study) – понимание сути явления; 2) инструментальный случай (instrumental case study) – прояснение чего-то при помощи данного случая или нескольких случаев посредством этого; 3) собирательный случай (collective case study) – способ обобщения [17. S. 124]. В качестве отдельного типа Стейк рассматривает педагогический анализ случая (teaching case study), связанный с целями обучения. В целом все отмеченные выше способы исследовательской утилизации метода case study реализуются в рамках традиционной гуманитарной программы, пределы которой методолог Д. Бромли обозначил как «систематическое расследование события или набора событий, связь которых должна быть описана и объяснена» [18. Р. 302]. Чисто исследовательская ориентация методологии case study даже в тех случаях, когда изучается непосредственно образование, прямое влияние научной стратегии на образовательные процессы не выделяет и не учитывает.

Между тем, с точки зрения реализуемого в настоящей статье подхода, исследование, связанное с изучением образовательных отношений, вольно или не-

вольно утверждает и определяет тот или иной педагогический режим. Педагогический психолог, исследующий, например, структуру учебной деятельности студентов, самим фактом ее изучения выступает в формирующей позиции, утверждая деятельностную редакцию образовательных отношений (картины мира), инструментальную связь участников образовательного взаимодействия (отношения с другими), ценность личностного выбора как источника индивидуального поступка (отношения с собой). Точно так же ученый, проводящий в университетской аудитории социологический опрос, часто неосознанно передает студентам образцы научного взаимодействия, учит коммуникативным приемам структурирования аудиторного пространства и времени, отношению к текстам и пр.

Социально-психологический механизм такой формы трансляции опыта проясняется с помощью сформированного А. Шюцем положения о соотношении в обыденном взаимодействии «систем релевантностей и взаимозаменяемости перспектив» [19. С. 15]. В той мере, какой образование оказывается связанным с типизирующими взаимодействием участников (рассказыванием – слушанием, показыванием – рассматриванием и др.), оно захватывается процессом оповедневивания. Этот термин заимствован нами в исследованиях феноменолога Б. Вальденфельса, который приписывал ему значение «обживания», «освоения традиций», «закрепления норм». «В конечном счете, оповедневивание затрагивает все сферы, включая науку, искусство, религию, так как они лишь в институализации принимают форму, способную продолжительно существовать и сохранять традиции» [20. С. 46]. Оповедневивание, кроме уже отмеченного выше, ведет к сближению образовательного и внеобразовательного порядков, когда регулятивы обыденной жизни начинают распространяться и на образование. Его превращение во фрагмент обыденной реальности нельзя рассматривать как некую интервенцию внеположенных образованию сил. Важно подчеркнуть, что оповедневивание является следствием устойчивого воспроизведения практик учебного взаимодействия, что не может не происходить в результате педагогической ориентации на разного рода стандарты и меритористские³ условности. К важнейшему из следствий оповедневивания можно отнести и утверждение в образовании шюцевского правила взаимности перспектив. Этот тезис в меньшей степени касается того, о чём говорит преподаватель или сообщает учебное пособие, а в большей соотносим с реализуемыми ими правилами, общими принципами поведения. Оповедневивание обеспечивает смысловую общность образования для его участников, которая, в свою очередь, не обязательно предполагает понимание студентами сообщения преподавателя, но делает принципиально предсказуемыми и контролируемыми ими учебные условия. Это же является важным условием образовательного воспроизводства и одновременно фактором, блокирующим образовательные инновации.

Между тем, как показывают исследования Г.Н. Прозументовой, «образовательная инновация – это “угроза” системе, место неявной “смуты” и появ-

ления явной оппозиции. Образовательной инновации, по определению, уготована прописка на периферии системы и статус маргинального, незаконного действия в системе. Значит, управление — это выращивание из потенциала “незаконных” инициатив ресурса развития и очеловечивания системы образования» [1. С. 8]. Отметим в связи со сказанным, что уже первые опыты реализации образовательных инноваций, несмотря на исходно положительное отношение к ним студентов и преподавателей, обнаруживают немало трудностей. Студенты, в частности, оказавшись перед лицом открытых заданий (инструкций, представляющихся им недостаточно определенными), проявляют неуверенность в своих способностях, разочарованность в преподавателях, отказываются от сотрудничества с экспериментаторами и от работы, требующей от них продуктивной активности. В свою очередь преподаватели высказывают опасения по поводу утраты ими контроля над учебными событиями, а также сетуют на несоответствие знаний студентов нормативным требованиям. Они не склонны поддерживать их автономию, жалуются на беспорядок в аудитории, который, по их мнению, мешает сопредельным академическим группам. В то время как по данным экспериментаторов, изучавших стенограммы занятий, шум в аудитории носил продуктивный характер [21].

Анализ ситуации современного образовательного исследования в становящемся исследовательском университете позволяет заключить, что его организация должна подчиняться нескольким практическим требованиям.

Во-первых, противостоять воспроизведству образовательных отношений и процессам оповедневивания, ориентироваться на проблематизацию автоматизмов образования, стимулирование в нем тенденций к либерализации и трансформации.

Во-вторых, утверждать значимость внутриобразовательных задач, видеть в динамике учебного дискурса реализацию инновационно-образовательных целей.

В-третьих, побуждать участников образовательного взаимодействия к инновационному творчеству, в том числе и в плане создания новых форм образования и исследования.

В пользу выбора case study в качестве подходящей инновационно-образовательной формы говорит такая его особенность, как чувствительность к нетипичному, уникальному. Американский методолог науки Дж. Раули приводит на этот счет своего рода генетический аргумент, отмечая, что «case study полезен прежде всего на ранних стадиях исследования, когда необходимо обнаружить новые перспективы, ответить на вопросы “Как?” и “Почему?”» [21. Р. 16]. Социолог Бромли вообще склонен называть case study основанием (bedrock) последующих научно-гуманитарных изысканий [18. Р. 352].

Важнейшей особенностью данной методологии является ее уникализирующая направленность, которая позволяет видеть каждый отдельный образовательный случай не как подструктуру единого мира, подмножество множества, а как самостоятельное це-

лое, паритетное другим образовательным мирам. С этой точки зрения case study «помогают увидеть в капле воды море... Но именно эти капли воды открывают горизонты моря: позволяют представить, как зарождается и происходит становление нового качества... как из прецедентов появляются новые стратегические приоритеты» [22. С. 10].

Таким образом, использование метода case study в целях реализации образовательных инноваций оказывается связанным с рядом его трансформаций. Одна из них обусловлена необходимостью педагогизации аналитической процедуры, подчинения ее образовательным задачам. В их числе моделирование в обучении нестабильных условий, побуждающих участников взаимодействия к совместному упорядочиванию (определению) образовательной ситуации; их мотивирование на коммуникативное самоэкспериментирование и самоанализ.

Вторая трансформация связана с преодолением установки методологического индивидуализма, свойственного многим исследовательским опытам анализа случая, превращением процедуры case study в предмет общественного соучастия. При этом, разумеется, акцент в коллективной аналитической работе должен делаться не на установлении согласованной редакции случая, а на конфликте интерпретаций, столкновении практических позиций и обнаружении качественно различных практико-образовательных перспектив. Исследовательская коммуникация в этом случае участвует в создании дивергентной среды, в которой разность потенциалов взаимодействующих позиций становится одним из условий рождения инноваций.

Заключение

Образовательное микроуровневое исследование в изменяющемся университете – лишь один из факторов его трансформации. Эффективность анализа представленного типа в конечном итоге зависит не только от качества осуществляемой исследователь-

ской работы, но и от многих сопутствующих обстоятельств. В их числе и устойчивость действующей образовательной традиции, и характер связи с университетскими изменениями тактического и стратегического уровней, и, наконец, наличие политической воли в проведении программ case study, без которой сопротивление изменениям не может быть преодолено. Последнее имеет особое значение на начальной стадии опытных работ, сообразующихся с проблематизацией действующих образовательных условий, разрывом привычных связей, периодически возникающей неопределенностью, т.е. действием переменных, вне которых новая самоорганизация участников образования просто невозможна.

Работа на молярном уровне образования, несмотря на подвижность и изменчивость дискурсивных форм, относится к числу долговременных предприятий, нацеленных на культурную перенормировку. И если на стратегическом уровне, например, для инновационного успеха часто достаточно принятия соответствующего управленческого решения, то микроуровневые трансформации, будучи «медленными изменениями», должны быть обеспечены необходимым темпоральным, организационно-педагогическим и управленческим ресурсом.

Особенностью предложенной здесь версии гуманистического анализа является его направленность на образовательные отношения как на свой ведущий предмет. Интерес гуманистического исследователя концентрируется в имманентной области образовательных интеракций, к продуцированию которых причастен и он сам. Из этого следует специфическая самореферентность метода case study, его склонность отвечать скорее на «внутренние», сформированные условиями образовательной коммуникации вызовы, чем на «внешние». Но именно это качество само обращенности является необходимым предусловием выработки новых педагогических целей, рождения новых образовательных форм, нового качества участия университетского образования в общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термином «индексность» Г. Гарфинкель отделял круг высказываний, зависящих от актуального pragmatischen контекста, от «объективных» выражений, тех, которые деконтекстуализированы. Значение «индексных» выражений зависит от обстоятельств использования и «связано с тем, кто говорит, а использование зависит от отношения говорящего к тому объекту, к которому относится слово. Время для временного индексного выражения релевантно тому, что оно обозначает» [5. С. 13].

² Дано в нашей интерпретации (авт.).

³ Мериторизм – педагогическая идеология, «связывающая социальный статус индивида с документированными фактами его академической успешности» [23. С. 106].

ЛИТЕРАТУРА

1. Прозументова Г.Н. Экспертиза образовательных инноваций в практике гуманитарного управления // Экспертиза образовательных инноваций / под ред. Г.Н. Прозументовой. Томск : Том. гос. ун-т, 2007. С. 5–17.
2. Bloom D. Discourse Analysis & The Study of Classroom Language & Literacy Events – A Microethnographic Perspective / D. Bloom, S. Power, B. Morton, S. Otto, N. Shuart-Faris. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Mahwah, New Jersey London, 2005. 328 p.
3. Рикёр П. Память, история, забвение : пер. с фр. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
4. Сакс Х. Социологическое описание // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 43–53.
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнотехнологии : пер. с англ. СПб. : Питер, 2007. 336 с.
6. Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика : пер. с англ. Минск : БГУ, 2003. 232 с.
7. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность : пер. с англ. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
8. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / пер. с фр.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. М. : Прогресс, 2000. 274 с.
9. Томас У. Неприспособленная девушка // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI, вып. 3 (№ 50). С. 61–77.
10. Clarke A. Situational Analysis. Grounded Theory After the Postmodern Turn. Thousand Oaks, California : Sage, 2005. 408 p.

11. Rancew-Sikora D. Analiza konwersacyjna jako metoda badania rozmów codziennych. Warszawa, 2007. 142 s.
12. Дюргейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. Л.Б. Гофмана. М. : Наука, 1990.
13. Шоттер Дж. Конструирование «ресурсных или взаимосодействующих» сообществ: внедрение новой (диалогической) практики в наши практики // «Коммуникативный поворот» современного образования : сб. науч. ст. Минск : Пропилеи, 2004. С. 90–137.
14. Sikes P. Series editor's preface // Bassey M. Case Study Research in Educational Settings. Buckingham; Philadelphia : Open University Press, 1999. S. VIII–XII.
15. Hammersley M. Unreflective Practice? Case Study and the Problem of Theoretical Inference. URL: <http://www.lancs.ac.uk/fss/events/hecu5/docs/Hammersley.pdf>.
16. Edwards D.J.A. Types of Case Study Work: A Conceptual Framework for Casebased Research // Journal of Humanistic Psychology. 1998. № 38. P. 36–70.
17. Stake R.E. Studium przypadku // Ewaluacja w edukacji / red. L. Karpowicz. Warszawa, 1997. S. 120–143.
18. Bromley D.B. The Case Study Method in Psychology and Related Disciplines. Chichester : John Wiley&Sons, 1986. 366 p.
19. Штоц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.
20. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социо-логос. М. : Прогресс, 1991. С. 39–50.
21. Watters J.J., Ginns I.S. Development of a Learning Community in a Science Classroom. URL: <http://eprints.qut.edu.au/1702/1/1702.pdf>
22. Rowley J. Using Case Studies in Research // Management Research News. 2002. Vol. 25, № 1. P. 16–27.
23. Melosik Z. Uniwersytet i społeczeństwo. Dyskursy wolności i władzy. Kraków : Impuls, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 4 сентября 2015 г.

RESEARCH ERGO EDUCATION

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 220–227. DOI: 10.17223/15617793/399/36

Volkova Zhanna V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: volkovazhanna08@ya.ru

Kalachikova Olga N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga_kalach@mail.ru

Karol Dzmitry Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Belarusian State University (Minsk, Belarus). E-mail: korol@bsu.by

Palonnikau Aliaksandr A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Belarusian State University (Minsk, Belarus). E-mail: alexpolonnikov@gmail.com

Solonenko Alexandra V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: test-oxf-russ@yandex.ru

Keywords: microanalysis; ideographic strategy of research; educational innovation; mutually enabling community; poetic attitude; pedagogization of research; divergence in communication.

The article develops the key theses of the school of thought on humanities-based research on educational innovations created by Galina Prozumentova, professor of Tomsk State University. The central point of Professor Prozumentova's research program is, as the authors of the article believe, the thesis of a deep inner connection between education and the research method applied by a scholar. The article is devoted to the development of the presented thesis. In the first part of the article, according to the communicative approach principles for educational research (defined by G. Prozumentova), the authors' attention is drawn to the analysis and adaptation of D. Bloom's microethnographic method. The method determines educational communication in molar and productive categories. According to D. Bloom, the main product of effective communication is an educational event which discovers unprecedented opportunities of self-modification for the event participants. The convergence of G. Prozumentova's and D. Bloom's scholarly positions is the main theoretical result of the authors' textual experiment. The second result presented in the text is the critical review of case study application practices in educational research. This topic was of much interest for G. Prozumentova in her last years of research work. The second part of the article is devoted to the determination of the conditions and principles of case study ideology application for the objectives of innovation and education development. Among the conditions one can mention the necessity of pedagogization of case study analytical procedures, adaptation of the procedures to educational goals, drawing not only on methodological individualism as the case study core but on case study as a collaborative activity. As the authors believe, in such a collaborative activity conflict of interpretations, clash of participants' positions and discovered diverse practical and educational prospective should take the central stage. In this situation research communication contributes to formation of divergent communicative environment. In this environment difference in participants' potentials and positions becomes a source of innovations emerging. The emphasis of the article is in the authors' conviction that educational innovations development is the key factor allowing a university to play the decisive part in its region's and country's innovative development and to identify university's regional uniqueness and international competitiveness.

This research carried out in 2015–2016 was supported by The Tomsk State University Academic D.I. Mendeleev Fund Program grant (no. HY 8.1.91.2015).

REFERENCES

1. Prozumentova, G.N. (2007) Ekspertiza obrazovatel'nykh innovatsiy v praktike gumanitarnogo upravleniya [Examination of educational innovation in the practice of humanitarian management]. In: Prozumentova, G.N. (ed.) *Ekspertiza obrazovatel'nykh innovatsiy* [Examination of educational innovation]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bloom, D. et al. (2005) *Discourse Analysis & The Study of Classroom Language & Literacy Events – A Microethnographic Perspective*. New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Mahwah.
3. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French by I.I. Blauberg et al. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
4. Sachs, H. (2006) Sotsiologicheskoe opisanie [Sociological descriptio]. Translated from English by A. Korbut. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 5:1. pp. 43–53. (In Russian).
5. Garfinkel, H. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. Translated from English by Z. Zamchuk, N. Makarova, E. Trifonova. St. Petersburg: Piter.
6. Gergen, K. (2003) *Sotsial'nyy konstruktzionizm: znanie i praktika* [Social constructionism: knowledge and practice]. Translated from English by A.M. Korbut. Minsk: Belarusian State University.

7. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony and Solidarity]. Translated from English by I.V. Khestanova, R.Z. Khestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
8. Saussure, F. de. (2000) *Zametki po obshchey lingvistike* [Notes on general linguistics]. Translated from French by P.B. Narumov. Moscow: Progress.
9. Thomas, W. (2009) *Neprisposoblennaya devushka* [The Unadjusted Girl]. Translated from English by V.G. Nikolaev. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. XI:3 (50). pp. 61–77.
10. Clarke, A. (2005) *Situational Analysis. Grounded Theory After the Postmodern Turn*. Thousand Oaks, California: Sage.
11. Rancew-Sikora, D. (2007) *Analiza konwersacyjna jako metoda badania rozmów codziennych*. Warsaw: Wydawnictwo Trio.
12. Durkheim, E. (1990) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of Sociology]. Translated from French by L.B. Gofman. Moscow: Nauka.
13. Shotter, J. (2004) Konstruirovaniye “resursnykh ili vzaimosodeystvuyushchikh” soobshchestv: vvedenie novoy (dialogicheskoy) praktiki v nashi praktiki [Construction of “resource or mutual assistance” communities: the introduction of new (dialogic) practice in our practices]. In: Gerasimova, V.A. et al. (eds) *“Kommunikativnyy poverot” sovremennoego obrazovaniya* [“Communicative turn” of modern education]. Minsk: Propilei.
14. Sikes, P. (1999) Series editor’s preface. In: Bassey, M. *Case Study Research in Educational Settings*. Buckingham; Philadelphia: Open University Press.
15. Hammersley, M. (2010) Unreflective Practice? Case Study and the Problem of Theoretical Inference. [Online]. Available from: <http://www.lancs.ac.uk/fss/events/hecu5/docs/Hammersley.pdf>.
16. Edwards, D.J.A. (1998) Types of Case Study Work: A Conceptual Framework for Casebased Research. *Journal of Humanistic Psychology*. 38. pp. 36–70.
17. Stake, R.E. (1997) Studium przypadku. In: Karpowicz, L. (ed.) *Evaluacja w edukacji*. Warsaw: Oficyna Naukowa.
18. Bromley, D.B. (1986) *The Case Study Method in Psychology and Related Disciplines*. Chichester: John Wiley&Sons.
19. Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: The world glowing with the sense]. Translated for German and English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
20. Waldenfels, B. (1991) *Povednevnost' kak plavil'nyy tigl' ratsional'nosti* [Daily life as a melting pot of rationality]. Translated from German. In: Vinokurov, V.V. & Filippov, A.F. (eds) *Sotsiologos* [Socio-logos]. Moscow: Progress.
21. Watters, J.J. & Ginnis, I.S. (1999) *Development of a Learning Community in a Science Classroom* [Online]. Available from: <http://eprints.qut.edu.au/1702/1/1702.pdf>.
22. Rowley, J. (2002) Using Case Studies in Research. *Management Research News*. 25: 1. pp. 16–27.
23. Melosik, Z. (2009) *Uniwersytet i społeczeństwo. Dyskursy wolności i władzy*. Kraków: Impuls.

Received: 04 September 2015

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОСЕМАНТИКИ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ В ТРАНСКУЛЬТУРАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Исследование особенностей ценностно-смыслоевой и когнитивной сферы инновационно и предпринимательски ориентированной молодежи» № 13-06-00592а.

Представлены результаты исследования особенностей конструктов и концептов в коммуникативных мирах транскультуральной и сибирской групп инновационно ориентированной молодежи, полученные с помощью методов качественного психосемантического анализа. Выявлены универсальная тенденция к децентрации коммуникативной психосемантики в отношении команды и дефицит психосемантической активности творческого потенциала. Обнаружена актуальная проблема формирования креативной лидерской позиции.

Ключевые слова: коммуникативный мир; ценностно-смыслоевой концепт; категориальный фактор; психосемантическая децентрация; креативное лидерство; предпринимательски ориентированная молодежь.

Статья является прямым продолжением работы, посвященной пилотному транскультуральному исследованию [1] психосемантики личностно значимых коммуникативных миров инновационно и предпринимательски ориентированной молодежи.

Постановка проблемы

В данной работе мы хотим акцентировать преемственность и холистические принципы в исследованиях экспириентального типа. Имеются в виду не просто традиционные эмпирические исследования или эксперименты, а исследования, посвященные непосредственному качественному анализу и самоанализу любого значимого опыта индивидуальных и коллективных субъектов. Решение этой проблемы в кросскультурных исследованиях, прежде всего, связано с максимальным преодолением культурозависимости и культуроцентричности используемых исследовательских методик. В упомянутой статье мы обосновали возможность решения этой проблемы с помощью проективной методики психосемантического графа (МПСГ) [1].

Здесь мы продолжаем поиск и проверку универсальных транскультуральных факторов для обеспечения *сравнимости и преемственности* кросскультурных исследований в рамках предлагаемого метода. Холистический принцип анализа при этом предельно операционализируется: мы хотели хотя бы на первоначальных этапах оттолкнуться от психосемантических категориальных факторов, выявленных в предыдущем исследовании транскультуральной группы, и обнаружить их присутствие в группе российско-сибирского региона (г. Томск).

Мы также заостряем проблему преодоления статистического формализма и механицизма с помощью качественного содержательного психосемантического анализа *экспириентальных* данных. Решение ее видится в последовательном применении коммуникативного [2], нарративного [3] и психосемантического [4] подходов в контент-анализе и концептуальной герменевтике транскультуративных тенденций в

личностных коммуникативных мирах [1]. Для понимания преемственности и транзитивности психосемантики персональных и транскультуральных коммуникативных миров индивидуальных и социальных субъектов мы должны акцентировать внимание на *интерсубъективности* и, следовательно, *транскультуральности* ценностно-смыслоевых концептов и экспириентальных конструктов в силу их культурно-исторической природы. Это является основанием рамочной гипотезы данного исследования о *возможном социо- и психосемантическом транскультуральном резонансе спонтанно возникающих концептов и конструктов в горизонтах всех возможных коммуникативных сетей*. При этом движение резонанса мы имеем в виду не только в ракурсе его генезиса в концепции Р. Шелдрейка [5], сколько в смысле творческого *поэзиса* в контексте перспективных изменений [6]. Такой концептуальный ход нас приближает к концепции синхронистичности К. Юнга [7]. Концепция транскультурального психосемантического резонанса может существенно динамизировать концепт синхронистичности как холархической гармонизации мира при его понимании в качестве творческой эмердженции.

Поскольку концепты и конструкты являются основными единицами анализа в нашем кросскультурном исследовании, это позволяет осуществить принципиальный переход от *внешней бессубъектной* статистики к субъектной качественной аналитике и герменевтике, *приближающей нас к реальности*. Научное значение объективирующего физикалистского исследования, ставшее эталоном, явно преувеличено. Люк Бенуас в этой связи приводит слова Эддингтона: «То, что мы называем фактом, – это интерпретация некоего наблюдения... Физика изучает не неисповедимые качества материи, а показания аппаратуры, которые имеют не большее отношение к качеству, чем номер телефона к абоненту» [8. С. 119]. Как бы ни показалось кому-то парадоксальным, но, проникая в концептуальную психосемантику субъекта, мы приближаемся к реальности больше, чем с помощью «точного» прибора.

В связи с вышеочертенной проблемой и гипотезой в данной работе решались следующие задачи:

- проверка актуальности категориальных факторов и релевантности базовых ценностно-смысовых конструктов, обнаруженных в транскультуральной группе, для предпринимателей Сибирского региона России;
- сравнение сходства и различия соотношений психосемантической емкости этих факторов у предпринимателей транскультуральной и российско-сибирской групп в различных ракурсах анализа;
- анализ особенностей тенденций психосемантической динамики групп с различной степенью включенности в предпринимательство в российско-сибирском регионе;
- поиск общих тенденций развития молодежного предпринимательства в транскультуральном масштабе.

1. Сравнительный анализ результатов пилотного исследования психосемантики коммуникативных миров транскультуральной и российско-сибирских групп с разным отношением к предпринимательству

В первом пилотном исследовании транскультуральной группы из 12 стран мы обнаружили возможность группировать все когнитивные конструкты, полученные с помощью МПСГ, во-первых, на уровне ценностно-смысовых концептов коммуникативных миров (ЦСК К-миров) («Я как лидер» и «Члены моей команды»); во-вторых – на уровне *категориальных факторов*, получивших понятийно-тематическую определенность в известных научных исследованиях и публикациях. Оказалось возможным распределить весь набор конструктов психосемантики указанных ценностно-смысовых концептов по шести категориальным факторам: «Коммуникативная компетентность» [9], «Лидерство – Суперлидерство» [10], «Интеллектуальная культура» [11], «Личностные особенности» [12], «Деловые качества» [13, 14], «Творческий потенциал» [15].

Поскольку транскультуральная группа состояла всего из 16 человек, мы в предыдущей статье обосновали гипотезу о том, что в рамках концепции транскультурального психосемантического резонанса факт появления нового конструкта не менее важен, чем частота его встречаемости. Эта гипотеза соответствует осуществляющему нами переходу от традиционной статистико-экспериментальной исследовательской парадигмы к герменевтико-экспириентальной, кото-

рая по-сути не противоречит первой, но может существенно расширить диапазон психосемантических исследований.

Понимая, что для малых групп качественный объем репертуара конструктов зависит от их численности, мы подобрали российско-сибирскую группу (г. Томск) также в количестве 16 человек. Поскольку нам не удалось в традиционном смысле выровнять эту группу по независимым переменным (прежде всего по возрасту и полу), решаясь на сравнение обеих групп, нам пришлось заострить критическую гипотезу, сформулированную в начале работы. Иными словами, нам придется проверять, действительно ли экспириентальная парадигма, восстанавливающая статус индивидуального опыта, дает большее приближение к реальности, чем традиционный статистический подход. Хотя единицы анализа – конструкты – образуют статистически значимый объем (100–120 ед.), мы принципиально не стали рассматривать их в статистическом смысле, т.е. в качестве «песчинок», на масце которых построена традиционная статистика «нормального распределения». Мы понимаем конструкты скорее как *моменты* или «центры» (Т.Д. Шарден) холистического и холархического транскультурального психосемантического поля.

Российско-сибирская группа (РСГ) оказалась ощутимо старше (22–50 лет) и в основном мужского пола (3 женщины и 13 мужчин): отчасти это связано с особенностями сибирского бизнеса, но нас в этом контексте интересуют перспективы в опыте предпринимательства – какие тенденции могут оказаться трансгендерными и надвозрастными. В таком экспириентальном аспекте важно уже то, что соответствия шести категориальных факторов двум ЦСК значимых К-миров «Я как лидер» и «Члены моей команды», обнаруженные в транскультуральной группе (ТКГ), оказались эквивалентными. Конечно, соотношения психосемантических емкостей (разнообразие конструктов) категориальных факторов в различных ракурсах и кластерах имеют различия, но, главное, что сходство весьма существенно.

Оказалось возможным сравнивать ТКГ и РСГ по двум сходным ракурсам: ЦСК «Лидер – Команда» и 2) опыт предпринимательства (большой – небольшой).

Качественно-количественные данные представлены в таблицах сходства-различия по ЦСК, категориальным факторам и ракурсам (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Разность между психосемантическими ёмкостями факторов по ракурсу ЦСК К-миров
«Я как лидер» и «Члены моей команды» между ТКГ и РСГ**

№ п/п	Категориальный фактор	A. Общее	В. Я как лидер	C. Члены моей команды	Сумма S
1	Коммуникативная компетентность	2	7	5	14
2	Лидерство – Суперлидерство	2 (2,1)	2 (-1,3)	-1 (-2,1)	3 (-1,5)
3	Интеллектуальная культура	1	4	-1	4
4	Личностные особенности	-3	0	-10	-13
5	Деловые качества	0	-20	-29	-49
6	Творческий потенциал	2	0	-1	1
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	4	-7	-37	-40

Разность в табл. 1 получалась вычитанием из данных ТКГ (как эталонной группы) данных РСГ, поэтому ми-

нусы означают преобладание семантической емкости в ЦСК РСГ по соответствующим факторам. По фактору

«Лидерство – Суперлидерство» здесь, как и в предыдущей статье, первая цифра означает суммарное значение; в скобках первая цифра означает конструкты лидерства,

вторая – суперлидерства. В данном случае речь идет об относительных числах, означающих преобладание семантической емкости у ТКГ или РСГ.

Таблица 2

Разность между психосемантическими ёмкостями факторов по ракурсу опыта у предпринимателей в ТКГ и РСГ (по тем же ЦСК)

№ п/п	Категориальный фактор	Я как лидер				Члены моей команды			
		A. (о)	B. (БО)	C. (НО)	S	A. (о)	B. (БО)	C. (НО)	S
1	Коммуникативная компетентность	0	-1	3	2	0	-1	4	3
2	Лидерство – Суперлидерство	1 (1,0)	-3 (-1,-2)	5 (2,3)	3 (1,2)	0	-1 (2,1)	-1	-2 (2,1)
3	Интеллектуальная культура	1	1	1	3	0	0	-1	-1
4	Личностные особенности	-5	-9	1	-13	-1	-13	-6	-20
5	Деловые качества	0	-23	0	-23	0	-35	1	-34
6	Творческий потенциал	0	2	0	2	0	1	0	1
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	-3	-33	10	-26	-1	-49	-3	-53

Примечание. А. (о) – общее; В. (БО) – большой опыт, С; (НО) – начальный опыт.

Из первичных таблиц ТГК и РСГ, из которых получены данные «таблиц разниц», при детальном рассмотрении следует ожидаемый вывод. Конкретные количественные конфигурации наполненности конструктами различных категориальных факторов по различным ракурсам выглядят мозаично многообразными, но *количество исходных (однонаправленных) тенденций соотношений психосемантических емкостей* (при сопоставлении обеих пар таблиц) явно больше, чем непохожих (разнонаправленных) тенденций. Сопоставление таблиц ТГК и РСК по ЦСК К-миров выявило общие тенденции в четырех категориальных факторах из шести; по увеличению опыта предпринимательства всего обнаружилось шесть общих и четыре разнонаправленные тенденции.

Здесь мы пока не представляем множества различных тенденций, требующих обстоятельного исследования и анализа. Обратим внимание на особенно актуальные проблемные моменты – это наиболее низкий уровень представленности психосемантики «Суперлидерства», «Интеллектуальной культуры» и «Творческого потенциала». Поскольку эти факторы, объединяясь, имеют принципиальное значение в перспективе развития *креативного лидерства*, мы рассмотрим эту проблему в последней части работы.

Сейчас остановимся на *основных различиях* ТКГ и РСГ, представленных в табл. 1 и 2, выраженные по наиболее психосемантически емким факторам «Личностные особенности» и «Деловые качества». Поскольку ТКГ рассматривается как *потенциально эталонная*, то из ее данных вычитались данные РСГ. Следовательно, увеличение отрицательных величин в ЦСК «Члены моей команды» говорит об ощущимом увеличении психосемантической емкости указанных факторов у представителей РСГ. Учитывая сложные «зеркальные» и «комплементарные» отношения между ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды», это увеличение или сдвиг психосемантической емкости в сторону команды можно обозначить как феномен или *тенденцию децентрации*, преодоления эгоцентризма и развитие принятия в поле коммуникативных отношений членов команды, другими словами, принятие их в поле своей идентичности и ответственности.

Существенно, что эта тенденция проявляется в РСГ как в целом, так и с увеличением опыта предпринима-

тельства. Это отличие РСГ может быть связано как с возрастным фактором (РСГ в среднем старше), так и с особенностями сибирской ментальности. Впрочем, созвездие интра- и интерперсональных К-миров «Я как лидер» и «Члены моей команды» очень многогранное. Эти психосемантически емкие хронотопы личности могут образовывать как прогрессивные К-отношения (открытые, эмпатические, альтруистические, креативные), так и регрессивные (закрытые, защитные, эгоцентрические, диффузные проекции и интроекции). Поэтому нужен более детальный анализ *динамики децентрации* в рассматриваемых К-мирах. Этот анализ мы предпринимаем в рамках более комплексного исследования групп молодежи, дифференцированных по разной степени включенности в предпринимательство. Это важно, прежде всего, для понимания перспектив развития креативного лидерства, ориентированного на раскрытие и поддержку творческих лидерских инициатив членов своей команды.

2. Анализ результатов комплексного исследования личностных и психосемантических особенностей молодежи г. Томска с различной степенью включенности в предпринимательство

В комплексном исследовании мы выделили четыре группы предпринимателей г. Томска в возрасте от 20 до 35 лет.

Первая группа – «*опытные предприниматели*» – занятие предпринимательской деятельностью от 5 до 17 лет.

Вторая группа – «*начинающие предприниматели*» – занятие предпринимательской деятельностью от 3 месяцев до 5 лет.

Третья группа – «*будущие предприниматели*» – активно планирующие заниматься предпринимательской деятельностью.

Четвертая группа – «*непредприниматели*» – молодежь, заявившая о нежелании заниматься предпринимательской деятельностью.

Эти группы объединяются в две группы: «имеющие опыт предпринимательства» и «неимеющие опыта предпринимательства».

В данном исследовании к основному методу и стратегии психосемантического анализа были добав-

лены еще две личностно-ориентированные методики – «Самоактуализационный тест – САТ», который является адаптированным вариантом опросника личностных ориентации Э. Шострома (Personal Orientation Inventory – POI) и измеряет самоактуализацию как многомерную характеристику (авторы адаптированного варианта – Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика и М.В. Кроз), а также психосемантическая методика «Диапазон приемлемости», построенная на идее традиционной методики «Предлагаемое сходство противоположностей» (Assumed Similarity Ofop-Posite – ACO) [16].

Поскольку, как и в пилотном исследовании, набирались случайные номинальные (статистически не значимые) группы (по 8 человек в каждой), также проводился сравнительный анализ сходства и различия качественных тенденций.

2.1. Личностные особенности групп молодежи с различной включенностью в предпринимательство

Анализ начинаем с методик, традиционно претендующих на исследование личностно-устойчивых характеристик. Это прежде всего САТ, который, с одной стороны, может быть отнесен к классу традиционных тестовых опросников, с другой – он ближе всего по характеру нашего исследования, поскольку не редуцирует максимально характер ответов респондентов (да – нет, верно – неверно), но дает на выбор психосемантически сложные ситуации, лишенные признаков «социальной желательности». При этом из 14 шкал были выбраны 4 наиболее соответствующие целям исследования: шкала ценностных ориентаций (Sav), которая измеряет, в какой степени человек разделяет ценности, присущие самоактуализирующейся личности; шкала познавательных потребностей (Cog), которая определяет стремление к приобретению знаний об окружающем мире; шкала синергии (Sy), которая измеряет способность человека к целостному восприятию мира и людей, к пониманию связей противоположностей; шкала креативности (Cr), характеризующая творческую направленность личности.

Как и ожидалось, опросник дает наименее чувствительные к особенностям респондентов результаты, в то же время они являются качественно существенными. Так, по шкале ценностных ориентаций самый высокий уровень оказался у респондентов группы «начинающие

предприниматели». Здесь «синдром неофита» вполне понятен. Остальные группы по этому показателю не обнаружили различий. Идентичная ситуация обнаруживается и относительно шкалы познавательных потребностей, где самый высокий показатель также оказался у респондентов группы «начинающие предприниматели», что подтверждает позитивный оптимизм и высокую поисковую активность планирующих начать свое дело. По шкале синергии наименьший показатель у респондентов группы «не предпринимателей»; остальные также не различаются, находясь в среднем диапазоне. Это хорошо подтверждает потенциал жизнелюбия, чувствительности и принятия неожиданных противоречий жизни у людей, связывающих свою жизнь с инновационным предпринимательством. По шкале креативности более высокий показатель обнаружен у групп «опытных предпринимателей» и «будущих предпринимателей»; у остальных показатель на среднем уровне. Здесь подтверждается необходимость наставничества со стороны опытных и особой романтической сензитивности к этому у будущих предпринимателей.

Методика «Диапазон приемлемости», использованная в исследовании, являясь личностной, уже может быть отнесена к группе *психосемантических*, причем в ключе коммуникативно-нarrативного подхода. Основываясь на идеи Ф. Фидлера – определения степени авторитарности как личностно-значимого качества лидера через суммарную разность оценок наиболее предпочитаемых и непредпочитаемых партнеров из своего круга общения, – мы модифицировали эту методику, избавившись от нормативного списка оцениваемых качеств. Эту проективную задачу мы предоставили самому респонденту – назвать до 10 важных именно для него человеческих качеств. Тем самым мы освободились от культурной и временной зависимости методики, сделав ее транскультуральной и трансвременной [17]. Оценки самого предпочитаемого, самого непредпочитаемого и себя проводились по 11-балльной субъективной шкале (от -5 до +5). Поскольку респонденты называли однополярные качества, минусовые оценки означали переход к оцениванию качества, противоположенному названному.

Ключевые тенденции, выявленные в комплексном исследовании, находятся в пространстве гипотез этого проекта, качественный смысл которых формулируется на основе анализа данных табл. 3.

Таблица 3

Диапазон приемлемости: авторитарность и самооценка

Подгруппы	Основные группы			
	Предприниматели		Непредприниматели	
	БО	НО	Планируют	Не планируют
Уровень авторитарности	+107	+96	+233	+191
Уровень самооценки	-34	-14	-37,5	-67
Количество конструктов	68	73	80	76

Примечание. БО – большой опыт, НО – начальный опыт.

В табл. 3 оставлены суммарные, а не усредненные по респондентам значения оценок, так как это релевантнее и ближе к качественному анализу не метрических шкал, а количественное равенство

групп (по 8 человек) делает эти условные числа легко сравнимыми.

По основному показателю группа предпринимателей показала существенно более низкую автори-

тарность (более чем в 2 раза) по сравнению с группой непредпринимателей. Все четыре подгруппы проявили при этом достаточно адекватную и реалистичную самооценку: «Самого предпочитаемого» оценивали выше, чем себя, но в разной степени. Можно сказать, что у предпринимателей самооценка в пределах скромности, предрасполагающей к открытости новому опыту (от референтных личностей), а у группы непредпринимателей она существенно ниже (более чем в 2 раза), что может означать уже тенденцию к неуверенности (в том числе в самоэффективности). «Синдром неофита» в группе начинающих предпринимателей проявился в том, что они стремились назвать максимум критериальных качеств человека, при том что опытные ограничивались их «реалистичным» набором: 6–8 качеств.

Сопоставляя данные по методике «Диапазон приемлемости» и САТ, видим, что они подтверждают конструктную валидность друг друга, и, таким образом, их релевантность предмету – у наиболее авто-

ритарных личностей (непредпринимателей) – оказалась наименее выражена синергия.

2.2. Особенности психосемантической направленности коммуникативных миров молодежи с различной степенью включенности в предпринимательство

В российско-сибирской группе г. Томска оказалось возможным применить МПСГ *полностью* в отличие от транскультуральной группы, поскольку у респондентов не возникло проблем с заполнением матрицы связей между конструктами ЦСК.

Поэтому мы можем анализировать не только соотношения психосемантических емкостей по факторам ЦСК и ракурсам, но и сравнивать *структурные характеристики ЦСК* по соотношению типов обнаруженных связей.

Начнем с качественного анализа тенденций психосемантических емкостей факторов ЦСК по схемам, реализованным выше (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение психосемантической емкости категориальных факторов у респондентов с большим и начальным опытом предпринимательской деятельности в ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды» у группы предпринимателей

№ п/п	Категориальные факторы	Я как лидер				Члены моей команды			
		A. (о)	B. (БО)	C. (НО)	S	A. (о)	B. (БО)	C. (НО)	S
1	Коммуникативная компетентность	2	7	2	11	2	3	2	7
2	Лидерство	1	3	0	4	0	0	0	0
3	Интеллектуальная культура	0	5	3	8	0	3	2	5
4	Личностные особенности	4	19	22	55	8	21	12	41
5	Деловые качества	0	4	3	7	1	7	6	14
6	Творческий потенциал	0	1	3	4	1	0	2	3
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	7	39	33	89	12	34	24	70

Примечание. А. (о) – общее; В. (БО) – большой опыт; С. (НО) – начальный опыт.

В группе предпринимателей в целом (с большим и начальным опытом) *центрация* на себе как лидере доминирует над децентрацией (в отношении команды) по пяти категориальным факторам из шести, кроме фактора «Деловые качества». Требования серьезного отношения к делу в отношении сотрудников больше, чем к себе, видимо, правдоподобны. Так же как и в предыдущих исследованиях, обнаруживается дефицит творческого потенциала. В результате можно говорить, что это является универсальной актуальной проблемой подготовки молодых предпринимателей в транскультуральном масштабе.

В подгруппах предпринимателей с различным опытом тенденции более разнообразны:

- с опытом происходит общий рост психосемантической емкости ЦСК, что вполне естественно;
- с опытом также обнаружен рост именно лидерской коммуникативной компетенции, который, однако, будучи тоже естественным, выглядит «запоздалым» в сравнении с транскультуральной группой (в ней он отмечен как «синдром неофита»);
- с накоплением опыта также обнаруживается рост децентрации в сторону команды по доминирующему во всех исследованиях категориальному фактору «Личностные особенности», что вселяет оптимизм относительно формирования креативного лидерства у будущих предпринимателей;
- дефицит творческого потенциала с ростом опыта остается пока фатальным, что также позволяет видеть

актуальную проблему креативного лидерства в предпринимательской среде.

В группе непредпринимателей (см. табл. 5) также выделяются несколько общих тенденций, отличающихся их от предпринимателей:

- они склонны переоценивать предполагаемую команду по коммуникативной культуре и лидерским качествам; здесь нельзя говорить о децентрации, поскольку у них нет собственно предпринимательского опыта;

- психосемантически они озабочены только своей интеллектуальной культурой.

Сами непредприниматели отчетливо отличаются между собой по подгруппам «мотивированных» – планирующих начать предпринимательство и «немотивированных» – не планирующих такого рода деятельность:

- *немотивированные* больше сосредоточены на проблеме лидерства, а деловые качества и творческий потенциал хотели бы видеть в предполагаемой команде;

- *мотивированные* отличаются предположительной децентрацией по интеллектуальной культуре, личностным особенностям и лидерству в отношении команды; это можно понять как *романтическую проницательность* – они угадывают то, что могло бы стать прогрессивным направлением развития их предпринимательской позиции и культуры.

До сих пор в результатах исследования основными единицами анализа, агрегирования и сопоставления были элементарные конструкты, простейшие по вербальной презентации, но разнообразные и глубокие по метафорическому смыслу. Поэтому они объединялись

в семантически когерентные категориальные факторы, хорошо представленные как в научной литературе, так и в обыденном сознании, что облегчило анализ и интерпретацию важных качественных тенденций в росте концептуальной сферы предпринимателей.

Таблица 5

Соотношение психосемантической ёмкости категориальных факторов у высокомотивированных и низкомотивированных к предпринимательской деятельности респондентов в ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды» у группы непредпринимателей

№ п/п	Категориальные факторы	Я как лидер				Члены моей команды			
		A. (о)	B. (+м)	C. (-м)	S	A. (о)	B. (+м)	C. (-м)	S
1	Коммуникативная компетентность	1	2	1	4	3	3	1	7
2	Лидерство – Суперлидерство	0	0	3 (1,2)	3 (1,3)	0	3 (3,0)	0	3 (3,0)
3	Интеллектуальная культура	0	1	3	4	0	2	1	3
4	Личностные особенности	0	20	10	40	9	14	9	32
5	Деловые качества	1	0	2	3	1	1	6	8
6	Творческий потенциал	0	0	2	2	1	0	2	3
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	2	23	21	56	14	23	19	56

Примечание. А. (о) – общее; В. (+м) – высокая мотивация; С. (-м) – низкая мотивация.

Сейчас мы предприняли попытку качественного структурного анализа развития концептосферы предпринимателей на основе сравнения степени выраженности четырех «простейших с виду» (что важно для респондента) типов связей конструктов. В матричной модели МПСГ на пересечении строк и столбцов таблицы, обозначающих один и тот же набор названных конструктов, респонденты указывали любой из четырех типов возможных связей:

- «+», если конструкты положительно связаны, «созвучны»;
- «–», если конструкты связаны отрицательно, противоречат друг другу;
- «+ –», если каким-то образом переживаются обе тенденции;
- «0», если респондент не чувствует никакой связи [1].

В основе нашей рабочей модели интерпретации лежит представление о транскумуникативной природе и способе существования концептуализации жизни, интенсивно растущих ценностно-смысовых концептов и креативного «наполнения» их *конструктивными когнициями*. Транскумуникальность концепта как «смыслового зародыша» чревата противоречивостью, обуславливающей его развитие [6].

1. Связи, не содержащие противоречий, относятся к *когнитивному уровню* организации опыта. Положительные связи конструктов характеризуют их *консистентность* (сближение, скоррелированность); «ну-

левые», или отсутствующие, связи характеризуют *индифферентность* конструктов (в рамках ЦСК).

2. Связи, содержащие противоречия («отрицательные»), характеризуют *концептуализации* конфигураций конструктов. При этом:

– связи, описываемые одновременно положительными и отрицательными тенденциями, можно назвать традиционно *амбивалентными*, или, в динамическом смысле, *мерцающими*;

– связи, определенно выражающие противоречия в конфигурациях важных конструктов, являются тенденциально напряженными. Их можно обозначить как *развивающие* или *ассимилирующие*, активно осваивающие противоречия.

Таким образом, операциональная модель *перехода* концептуальных интуиций и смыслов в когнитивные конструкты и конструкции по критерию типа связи в простейшем виде такова:

Развивающие концепты («–»).

Амбивалентные концепты («+ –»).

Индифферентные конструкты («0»).

Консистентные конструкты – конструкции («+»).

Здесь мы рассматриваем лишь соотношения их объемов в группах с разной степенью вовлеченности в предпринимательство без дифференциации по категориальным факторам. Пока мы ограничиваемся выяснением наиболее общих структурных тенденций (табл. 6).

Таблица 6

Сравнительный анализ психосемантического структурирования ЦСК в группах с различной степенью включенности в предпринимательство

Частота	Группа предпринимателей (с опытом предпринимательства)				S	Группа непредпринимателей (без опыта предпринимательства)				S		
	«Я как лидер»		«Члены моей команды»			«Я как лидер»		«Члены моей команды»				
	БО	НО	БО	НО		ПЛ	НПЛ	ПЛ	НПЛ			
	52	54	48	52		206	46	49	49			
n «+»	227	165	147	248	787	184	224	245	185	838		
n «–»	22	35	31	14	102	14	8	9	2	33		
n «+–»	22	49	25	24	120	17	4	15	8	44		
n «0»	33	73	47	8	161	41	56	24	39	160		

Примечание. БО – большой опыт; НО – начальный опыт; S – сумма; ПЛ – планируют свой бизнес; НПЛ – не планируют свой бизнес.

Обнаруживаемые тенденции на всех четырех уровнях оказываются сложно нелинейно дифференцированными.

Развивающая концептуализация обнаруживает с ростом опыта децентрацию в направлении команды; при этом центрируется в лидерской позиции тех, кто лишь планирует предпринимательство. Она также центрируется в лидерстве у предпринимателей с начальным опытом, но находит псевдодецентрацию в группе непланирующих предпринимательство. В предыдущих разделах отмечено, что такой тип децентрации связан скорее с переоцениванием команды или перекладыванием на нее ответственности.

Амбивалентная концептуализация обнаруживает также с ростом опыта децентрацию в отношении команды, а также центрацию на собственном лидерстве у тех, кто только планирует предпринимательство. При этом центрация на себе наблюдается у новичков и псевдодецентрация – у не планирующих предпринимательство.

Таким образом, в обоих типах концептуализации обнаруживаются сходные тенденции соотношения центрации и децентрации в группах с разной степенью включенности в предпринимательство. Правдоподобие найденных тенденций вполне объяснимо для каждой группы и подчеркивает специфику развития их концептосфер.

Индифферентные конструкты остаются центрированы как у планирующих предпринимательство, так и у опытных. Такая же центрация сохраняется и у не планирующих предпринимательство вообще. Этим они подтверждают свою действительную «индифферентность». И только у новичков индифферентные конструкты обнаруживают тенденцию к децентрации, что может означать реальный сдвиг в когнитивной сфере личности неофита.

Консистентные конструкты или консistentная конструктивность также имеет разнонаправленные тенденции. Она децентрирована у планирующих предпринимателей и обратно центрируется с ростом опыта. Парадоксальным образом она также имеет тенденция к центрации у тех, кто вообще не планиру-

ет предпринимательство, но децентрируется у «оптимистичных» новичков (сохраняющих «розовые очки» в отношении членов команды).

Заключение. Оптимистичный рациональный вывод заключается в том, что анализ структурных тенденций дает весьма правдоподобные и одновременно труднообъяснимые тенденции, требующие более тщательных исследований. К этому нас может вдохновить главный результат анализа – *в целом в группе предпринимателей концептуализация оказалась в три раза интенсивней, чем в группе непредпринимателей*. При этом переход концептуальных интуиций в конструктивные когниции разнонаправлен, нелинеен и требует рассмотрения дополнительных факторов.

Основная гипотеза исследования, о том, что в предпринимательстве существенно повышается концептуальная интуиция при достаточно неопределенном ее переходе в конструктивные когниции, соотносится с одним из главных результатов предыдущего анализа психосемантики ЦСК – дефицитом творческого потенциала и суперлидерства (авторитет, вдохновляющее влияние, харизма). В связи с этим перспективным представляется следующая гипотеза: для эффективного генерирования и реализации прорывных венчурных инновационных проектов нужно специально готовить предпринимателей с выраженным *потенциалом креативного лидерства в региональном и транскультуральном масштабе*. Мы заметили слабые симптомы проявления этого феномена у молодежи, только планирующей заняться предпринимательством. Проблеме формирования креативных лидеров мы посвятим следующие работы, но отметим простую и хорошо ощущенную нами симптоматику креативного лидерства. Те, кто испытал пиковые переживания, связанные с реализацией свободной творческой инициативы, почувствовали ее вкус, намного легче могут интуитивно угадывать и прогнозировать ее у других членов команды и легко доверить им такую же инициативу, как однажды они смогли доверить ее самим себе. В этом перспектива развития креативной атмосферы и креативной среды университетского образования в целом как условие развития творческого предпринимательства молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Пилотное исследование транскультуральной психосемантики личностно значимых коммуникативных миров инновационно и предпринимательски ориентированной молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 211–219.
2. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
3. Кроссли М.Л. Нarrативная психология. Самость, психологическая травма и конституирование смыслов. Харьков : Гуманитарный Центр, 2013. 284 с.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М. : ЭКСМО, 2010. 480 с.
5. Sheldrake R. The Science Delusion: freeing the spirit of enquiry. London : Hodder&Stoughton, 2012. 392 p.
6. Кабрин В.И. Транскомуникабельность ценностно-смысловых концептов и когнитивно-конструктивных решений творческой личности (введение в поэтический антропопоззис) // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 158–176.
7. Юнг К.Г. Синхронистичность. М. : РЕФЛ-БУК ; Ваклер, 1997. 314 с.
8. Бенус Л. Знаки, символы и мифы. М. : Астрель ; ACT, 2006. 158 с.
9. Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг: избранные труды. М. : Смысл, 2007. 686 с.
10. Бенодас Т.В. Психология лидерства. СПб. : Питер, 2009. 448 с.
11. Иванова В.П. Феноменология интеллектуальной культуры: общие характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 132–137.
12. Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея, В.В. Архангельской. М. : ACT ; Астрель, 2009. 624 с.
13. Covey S. Principle-Centered Leadership. New York : Summit, 1991, P. 40–47.
14. O'Toole J. Leading Change: The Argument for Values-Based Leadership. New York : Ballantine, 1996. P. 23–24.

15. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2012. 448 с.
16. Fiedler F.E. Leader Attitudes and Group Effectiveness. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1958. 302 p.
17. Кабрин В.И. Комплекс психологических практик развития потенциала достижений. Томск, 2011. 80 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 12 августа 2015 г.

COMPARATIVE RESEARCH OF PSYCHOSEMANTICS OF BUSINESS DEVELOPMENT TENDENCIES IN THE SIBERIAN REGION IN A TRANSCULTURAL CONTEXT

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 228–235. DOI: 10.17223/15617793/399/37

Kabrin Valery I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kabrin@list.ru

Smetanova Yulia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smetanova@mail.ru

Zvezdina Ekaterina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kastar16@mail.ru

Keywords: communicative world; axiological and semantic concept; categorial factor; psychosemantic decentration; creative leadership; youth focused enterprise.

The results of research of features of constructs and concepts in the communicative worlds of transcultural and Siberian groups of innovatively focused youth received by means of methods of the qualitative psychosemantic analysis are presented in the article. The universal tendency to a decentration of communicative psychosemantics concerning teams, and deficiency of psychosemantic activity of creative potential are revealed. The topical problem of a creative leader position formation is found. In this work, the following problems were solved: – check of the relevance of categorial factors and of the basic axiological and semantic constructs found in the transcultural group for entrepreneurs of the Siberian region of Russia; – comparison of similarities and distinctions of the ratios of these factors psychosemantic capacity in entrepreneurs of the transcultural and Russian-Siberian groups in various aspects of analysis; – analysis of features of tendencies of the psychosemantic dynamics of groups with various degrees of business inclusion in the Russian-Siberian region; – search of the general tendencies of youth business development on a transcultural scale. The optimistic conclusion is that the analysis of the structural tendencies gives very plausible tendencies that, at the same time, are difficult to explain, which demands more careful research. Such research can be inspired by the main result of the analysis: in general, the group of entrepreneurs has thrice more intensive conceptualization, than the group of non-entrepreneurs. At that, the transition of conceptual intuitions to constructive cognition is multidirectional, not linear, and demands consideration of additional factors. The main hypothesis of the research is that in business conceptual intuition significantly increases upon its rather uncertain transition to constructive cognition. The hypothesis corresponds to one of the main results of the previous analysis of axiological and semantic concepts psychosemantics: deficiency of creative potential and superleadership (authority, inspiring influence, charisma). In this regard, the following hypothesis is challenging: for effective generation and implementation of breakthrough venture innovative projects, it is necessary to specifically train entrepreneurs with an expressed potential of creative leadership on regional and transcultural scales. The authors noticed weak symptoms of manifestation of this phenomenon in the youth only planning to start businesses. The authors outline simple, yet well notable symptoms of creative leadership. Those who experienced peak experiences connected with realization of a free creative initiative felt its taste can intuitively guess and predict it in other members of a team much easier, and it is easy to entrust them the same initiative as they once could entrust themselves. This is the prospect of development of the creative atmosphere and the creative environment of university education in general as a condition of development of creative business of youth.

REFERENCES

1. Kabrin, V.I., Smetanova, Yu.V. & Zvezdina, E.A. (2015) Pilot research of transcultural psychosemantics of personally important communicative worlds of innovationand entrepreneurship-oriented youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 211–219. (In Russian).
2. Kabrin, V.I. (2005) *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya* [Communicative world and trans-communicative potential of life of the individual: theory, methods, research]. Moscow: Smysl.
3. Crossley, M.L. (2013) *Narrativnaya psichologiya. Samost', psikhologicheskaya travma i konstituirovanie smyslov* [Selfness, psychological trauma and the constitution of meaning]. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr.
4. Petrenko, V.F. (2010) *Osnovy psikhosemantiki* [Basics of psychosemantics]. Moscow: EKSMO.
5. Sheldrake, R. (2012) *The Science Delusion: freeing the spirit of enquiry*. London: Hodder&Stoughton.
6. Kabrin, V.I. (2014) Transcommunication of valuable-semantic concepts and cognitive-constructive decisions of the creative personality (introduction in noetic anthropopoiesis). *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 54. pp. 158–176. (In Russian).
7. Jung, K.G. (1997) *Sinkhronistichnost'* [Synchronicity]. Moscow: REFL-BUK, Vakler.
8. Benuas, L. (2006) *Znaki, simvolы i mify* [Signs, symbols and myths]. Moscow: Astrel'. AST.
9. Petrovskaya, L.A. (2007) *Obshchenie – kompetentnost' – trening: izbrannye trudy* [Communication – Competence – Training: Selected Works]. Moscow: Smysl.
10. Bendas, T.V. (2009) *Psikhologiya liderstva* [Leadership Psychology]. St. Petersburg: Piter.
11. Ivanova, V.P. (2010) Phenomenology of intellectual culture: general characteristic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 334. pp. 132–137. (In Russian).
12. Gippenreiter, Yu.B., Puzyrey, A.A. & Arkhangel'skaya, V.V. (eds) (2009) *Psikhologiya lichnosti* [Personality Psychology]. Moscow: AST: Astrel'.
13. Covey, S. (1991) *Principle-Centered Leadership*. New York: Summit.
14. O'Toole, J. (1996) *Leading Change: The Argument for Values-Based Leadership*. New York: Ballantine.
15. Il'in, E.P. (2012) *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity and talent]. St. Petersburg: Piter.
16. Fiedler, F.E. (1958) *Leader Attitudes and Group Effectiveness*. Urbana, IL: University of Illinois Press.
17. Kabrin, V.I. (2011) *Kompleks psikhologicheskikh praktik razvitiya potentsiala dostizheniy* [The complex of psychological practices of achievement potential development]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 12 August 2015

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОМОТОРНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ДЕТЕЙ 11–12 ЛЕТ

Рассматриваются показатели психомоторной подготовленности детей 11–12 лет, отражающие интегративное влияние двигательной деятельности на их психическое и физическое развитие, а также физическую подготовленность. Обосновываются контрольные упражнения и тесты, которые можно применять для изучения содержания психомоторной подготовленности детей среднего школьного возраста для повышения качества процесса физического воспитания и спортивной тренировки при формировании теоретических физкультурно-спортивных знаний, двигательных умений и навыков. Приводятся результаты корреляционного анализа психомоторной подготовленности детей, объясняющие взаимосвязи показателей физического развития, подготовленности, психических процессов и функционального состояния нервно-мышечного аппарата детей среднего школьного возраста.

Ключевые слова: психофизическое состояние; психомоторика; физическая подготовленность; дети среднего школьного возраста; корреляционные связи.

Современные социально-экономические условия предъявляют все более высокие требования не только к физической, но и к психической сфере человека. Внедрение инновационных технологий изменяет характер двигательной активности человека [1]. Все более важными становятся такие качества, как быстрота и точность движений, их своевременность, согласованность и экономичность, хорошо развитая кинестезия и т.п. Другими словами, в современных условиях необычайно возрастает роль центральных механизмов управления и организации движений. Двигательный анализатор получает все возрастающую нагрузку не столько как орган движений, сколько как один из важнейших органов чувств [2].

В основе любой двигательной деятельности лежит сложная совокупность проявления психических и физических качеств. Каждая попытка дифференцировать эту совокупность, т.е. разложить ее в целях облегчения методических приемов изучения на отдельные психические и двигательные составляющие, неминуемо ведет к существенному искажению ее целостных свойств [3].

В настоящее время физическое воспитание рассматривается с позиций чисто двигательных потенций человека без изучения взаимосвязей между психикой и моторикой. Поэтому слабо разработаны методологические и теоретические основы психомоторной подготовленности человека. Контроль этой стороны деятельности является обязательной частью процесса физического воспитания детей и подростков. Результаты такого контроля служат основанием для многих управлений и педагогических решений при реализации государственных, альтернативных и региональных программ по физическому воспитанию и спортивной тренировке школьников и студентов на разных этапах педагогического процесса [4].

Уровень психомоторной подготовленности школьников определяется, с одной стороны, двигательными возможностями индивида (уровнем развития физических качеств и фондом двигательных навыков), с другой – умением рационально реализовать имеющийся двигательный потенциал при решении различных сенсомоторных задач. Основным интегративным показателем психомоторной подготов-

ленности (ПМП) является результат психомоторных действий. Однако, вероятно, возможны и другие показатели: коэффициент реализации полезности и экономичности действий, показатель резервных возможностей и др. [5].

Совершенствование программных и нормативных основ системы физического воспитания и рационализация методики повышения уровня физической подготовленности различных контингентов населения требуют углубления и расширения знаний о структуре моторики человека на разных этапах онтогенеза. Поэтому психические и моторные компоненты деятельности должны рассматриваться и оцениваться во взаимосвязи, в их диалектическом единстве [6].

Теоретическая основа исследования базируется на научных идеях целостного человеческого развития, управления движениями и функциональными системами, взаимосвязей физического и психического развития человека [4, 7].

В исследовании А.С. Шпортова показано, что сенситивным периодом для развития психомоторики является возраст детей 8–12 лет в соответствии с возрастной периодизацией человека, так как в этот период происходит ускоренное развитие жизненно важных функциональных систем организма детей (сердечно-сосудистой, дыхательной, нервной) [8].

В связи с этим **цель исследования** заключалась в изучении структуры и содержания психомоторной подготовленности детей 11–12 лет на основе выявления взаимосвязи психических и моторных качеств для совершенствования системы обучения и физического воспитания школьников.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 117 детей в возрасте 11–12 лет. Из них 51 мальчик и 66 девочек.

Исследование психофизиологических функций детей проводилось при помощи аппарата «НС-ПсихоТест» (производитель ООО «Нейрософт», Россия, г. Иваново).

Анализ результатов тестирования проводился с использованием программы Statistica 8.0 фирмы Statsoft. Сравнение психомоторных качеств детей среднего школьного возраста при оценке распределения признака в группах осуществлялось при помощи

критерия Шапиро–Уилка. Так как проводился анализ двух независимых выборок, в которых был выявлен ненормальный вид распределения, использовался непараметрический критерий Манна–Уитни. Для выявления взаимосвязи психических и моторных качеств в структуре моторики детей использовался факторный и корреляционный анализ.

Анализировались следующие психомоторные показатели детей: длина тела, масса тела, динамометрия

(правая рука), динамометрия (левая рука), жизненная емкость легких, частота сердечных сокращений, бег 60 м, прыжок в длину с места, тест на самооценку личности, интеллектуальный тест в области физической культуры и спорта, тест на самооценку эмоциональной устойчивости, теппинг-тест (число ударов), тест «таблицы Шульте» (психическая устойчивость), зрительно-моторная реакция (скорость сенсомоторных реакций), тест координационометрия (количество касаний) (табл. 1).

Т а б ли ц а 1

Характеристика тестов, включенных в программу исследования психомоторной подготовленности детей

Характеризуемые стороны моррофункционального развития организма	Показатели (тесты)	№ теста	Единицы измерений	Направление лучшего показателя
Физическое развитие	Длина тела	1	см	—
	Масса тела	2	кг	—
	Динамометрия (правая рука)	3	кг	>
	Динамометрия (левая рука)	4	кг	>
	Жизненная емкость легких	5	мл	>
	Частота сердечных сокращений	6	усл. ед	—
Физическая подготовленность	Бег 60 м	7	с	<
	Прыжок в длину с места	8	см	>
Психические процессы	Тест на самооценку личности	9	балл	—
	Интеллектуальный тест (знания в области физической культуры и спорта)	10	балл	>
	Тест на самооценку эмоциональной устойчивости	11	балл	—
Функциональное состояние нервно-мышечного аппарата	Теппинг-тест (число ударов)	12	усл. ед.	>
	Тест «Таблицы Шульте» (психическая устойчивость)	13	балл	>
	Зрительно-моторная реакция (скорость сенсомоторных реакций)	14	мс	<
	Тест координационометрия (количество касаний)	15	усл. ед	<

Примечание. < – лучше меньший показатель; > – лучше больший показатель.

Результаты и их обсуждение. Полученные данные и их краткий анализ характеризуют особенности различий показателей психомоторной подготовленности девочек и мальчиков. Не меньшее значение в этом

же плане имеет и сравнительный анализ абсолютных показателей отдельных проявлений психомоторной подготовленности испытуемых того и другого пола (табл. 2).

Т а б ли ц а 2

Средние показатели психомоторной подготовленности мальчиков и девочек 11–12 лет

Показатель	Мальчики	Девочки	Разница, %	P
Длина тела, см	136,5±4,4	136,7±7,1	100	0,3
Масса тела, кг	35,8±3,5	35,5±7,7	99	0,1
Динамометрия (правая рука), кг	14,8±3,1	10,5±2,4	71	0,1
Динамометрия (левая рука), кг	15,1±2,9	10,6±3	70	0,8
Жизненная емкость легких (ЖЕЛ), мл	2743,3±161,1	2680,5±147,9	98	0,06
ЧСС, уд./мин	79,6±7,1	78,8±5,9	99	0,2
Бег 60 м, с	11,8±1,4	12,3±1,5	104	0,9
Прыжок в длину, см	152,8±7,1	147,7±8,9	97	0,8
Самооценка, баллы	3,3±2,1	3,4±2,4	103	0,1
Теоретические знания в области физической культуры и спорта, баллы	5,7±1,8	5,6±1,6	98	0,1
Эмоциональная устойчивость, баллы	12,4±2,7	12,7±2,7	102	0,2
Теппинг-тест, число ударов за 30 с	162,3±11,7	164,4±19,5	101	0,1
Таблицы Шульте, балл	1±0,2	1±1,1	100	0,9
Зрительно-моторная реакция (ЗМР), скорость сенсомоторных реакций, мс	346,8±52,6	335,6±58,4	97	0,9
Координационометрия, количество касаний	48,5±19	50,8±21,1	105	0,9

Примечание. Разница вычислена в процентах (показатели мальчиков приняты за 100%).

При исследовании различий показателей психофизической подготовленности мальчиков и девочек в возрасте 11–12 лет при помощи непараметрического метода математической статистики U-критерия Манна–Уитни достоверных различий не выявлено, тогда

как по процентному соотношению показатели мальчиков и девочек различны (табл. 2).

Например, такие показатели, как длина и масса тела, ЖЕЛ, ЧСС, бег 60 м, прыжок в длину, теоретические знания в области физической культуры и спорта,

самооценка, эмоциональная устойчивость, теппинг-тест, психическая устойчивость, зрительно-моторная реакция (ЗМР) и координационометрия у девочек и мальчиков 11–12 лет различий либо не имеют, либо они несущественны (табл. 2).

Вместе с тем показатели динамометрии правой и левой кисти у мальчиков и девочек 11–12 лет различаются на 29 и 30% соответственно (табл. 2). Это обусловлено тем, что в этом возрасте у мальчиков

больше развивается мышечная сила в отличие от девочек.

По результатам корреляционного анализа психомоторной подготовленности детей среднего школьного возраста показатель № 1 (длина тела) имеет высокую положительную взаимосвязь с массой тела ($R = 61$), силой правой и левой кисти ($R = 53$) и среднюю взаимосвязь со скоростно-силовыми качествами (прыжок в длину с места ($R = 46$)) (табл. 3).

Таблица 3

Матрица коэффициентов корреляции показателей психомоторной подготовленности детей 11–12 лет

№ теста	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1		61	53	57	6	-16	5	46	1	15	-3	20	21	-21	-1
2			51	61	12	-5	-	-3	15	15	8	25	63	-28	8
3				72	4	15	10	20	2	5	3	15	22	-18	-7
4					13	-1	7	7	12	18	9	5	49	-15	3
5						-48	-75	22	-4	18	17	34	-17	-35	19
6							45	-16	-2	-10	-18	-25	-13	28	-9
7								-22	16	-18	-23	-40	22	53	-23
8									3	8	7	26	-39	-27	-5
9									-4	3	14	9	-1	-9	
10										19	10	11	-26	9	
11											-3	-16	-6	49	
12												1	-58	11	
13													-6	-1	
14														5	
15															

Примечание. Коэффициенты корреляции умножены на 100; «—» означает отсутствие достоверной связи; достоверность для пятипроцентного уровня значимости $R = 0,22$, однопроцентного уровня значимости $R = 0,28$.

Длина тела прямо пропорционально зависит от массы тела (чем больше длина тела, тем больше его масса). Следует отметить, что с увеличением длины тела масса тела увеличивается не только из-за жирового, но и костного и мышечного компонентов тела. С увеличением длины тела, как сказано выше, увеличивается и мышечный компонент тела, следовательно, увеличивается сжимающая сила мышц кисти. Уровень проявления скоростно-силовых качеств детей 11–12 лет (прыжок в длину с места) прямо пропорционально зависит от соматометрических данных тела, в данном контексте речь идет о длине конечностей, так как дальность полета тела зависит от начальной скорости и угла вылета. Поэтому с ростом длины конечностей увеличивается сила отталкивания мышц ног, а также уровень кинестетико-дифференциальных способностей детей, что согласуется с данными, полученными другими исследователями [9].

Корреляционный анализ психофизической подготовленности детей выявил, что показатель № 2 (масса тела) у детей данной возрастной группы имеет высокую положительную взаимосвязь с показателями силы правой ($R = 51$) и левой ($R = 61$) кисти, с показателями психической устойчивости ($R = 63$) и низкую взаимосвязь с результатами теппинг-теста (быстрота одиночного движения) ($R = 25$), а также среднюю отрицательную взаимосвязь с показателями скорости сенсомоторной реакции ($R = -28$) (табл. 3).

Известно, что сила мышц имеет прямую зависимость от количества мышечных волокон, т.е. от толщины мышцы (диаметра физиологического сечения).

Отсюда следует, что сила кисти зависит от развития массы мышечного компонента человека. Способность выполнять движения с максимальной частотой во многом определяется работой нервно-мышечного аппарата, следовательно, его функциональное состояние влияет на время двигательной реакции, способность к максимально быстрому началу движения, способность к максимально быстрому выполнению одиночного движения, способность выполнять движения с максимальной частотой [10].

Результаты показателя № 3 (динамометрия правой кисти) детей 11–12 лет имеет высокую положительную взаимосвязь с показателем динамометрии левой кисти ($R = 72$) (табл. 3). Напряжение, развиваемое той или иной группой мышц, является функциональной характеристикой двигательного анализатора и рассматривается как показатель общего физического развития, поэтому в исследовании взаимосвязи силы правой и левой кисти наблюдается высокая степень взаимосвязи.

В результате исследования выявлено отрицательно высокое влияние показателя № 5 (ЖЕЛ) на результаты бега на 60 м ($R = -75$), средне-отрицательное влияние на ЧСС ($R = -48$) и зрительно-моторную реакцию ($R = -35$), а также средне-положительное влияние на быстроту одиночного движения (теппинг-тест) ($R = 34$). Бег 60 м в зоне максимальной мощности относится к анаэробному режиму работы мышц, поэтому высокая ЖЕЛ имеет высокий коэффициент корреляции с результатами бега на 60 м; чем больше ЖЕЛ, тем меньше (лучше) результат бега на 60 м.

Известно, что у здорового ребенка 11–12 лет в норме частота сердечных сокращений (ЧСС) состав-

ляет от 60 до 100 ударов в минуту. ЧСС более 100 ударов в минуту называется тахикардией. При длительной тахикардии у больных значительно страдает общее состояние, они жалуются на чувство сердцебиения, боль в области сердца, выраженную слабость, раздражительность, снижение трудоспособности. В результате постоянного увеличения ЧСС происходят выраженные гемодинамические нарушения как общего, так и коронарного характера. Если у человека ЧСС меньше 60 ударов в минуту, такое состояние называется «брадикардией». Нередко брадикардия диагностируется у спортсменов, людей хорошо тренированных, выполняющих физическую работу.

У детей 11–12 лет установлено положительно высокое влияние показателя № 6 (ЧСС) на результаты бега на 60 м ($R = 45$), среднее влияние на скорость сенсомоторной реакции ($R = 28$) и среднеотрицательное влияние на скорость одиночного движения ($R = -25$) (табл. 3). ЧСС, как сказано выше, свидетельствует об общей тренированности организма человека, поэтому среди данных показателей имеется взаимосвязь.

Исследование показало, что самооценка личности не имеет значительных взаимосвязей ни с одним из исследуемых показателей физического развития, подготовленности, психических процессов и функционального состояния нервно-мышечного аппарата детей 11–12 лет (см. табл. 3).

В ходе исследования выявлена положительная взаимосвязь координации движений с эмоциональной устойчивостью личности ($R = 49$) (табл. 3). Полученные нами данные согласуются с результатами исследований других авторов, в которых показано, что можно преодолевать или ослаблять отрицательное действие эмоций. Одним из основных приемов подавления отрицательной эмоции является вызов эмоциональной реакции противоположного знака, т.е. положительной. Следовательно, в этих случаях нужно переключение на другой вид деятельности,

например на физический труд или спортивные упражнения. В процессе эмоционального развития эмоциональные реакции формировались в тесном взаимодействии с мышечной деятельностью. Внезапное психическое возбуждение требовало непосредственной готовности сердечно-сосудистой и мышечной систем к немедленной реакции. Исследования показали, что после формирования навыков управления эмоциями с помощью физических упражнений в условиях эмоциональных воздействий устранилась скованность движений и существенно нормализовались вегетативные реакции. При этом также имело место достоверное повышение устойчивости двигательных и психических функций (координации движения, быстроты в действиях, распределения и переключения внимания, улучшения памяти) [3, 5, 6].

Заключение. В жизни человека двигательная деятельность – фактор активной биологической стимуляции, совершенствования механизмов адаптации, физического развития. В процессе сложного взаимодействия человека с окружающей средой (экологической, социальной) огромную роль играет двигательная активность, являющаяся важнейшим пограничным биологическим звеном, связывающим различные вегетативные и психические функции в организме детей.

Структура психомоторной подготовленности детей 11–12 лет характеризуется совокупностью психических и моторных свойств личности. Выявлена взаимосвязь показателей психомоторной подготовленности детей данного возраста. В процессе исследования нами установлены взаимосвязи морфометрических и функциональных показателей, а также психофизических изменений организма детей.

Результаты исследования могут найти применение при оптимизации отбора средств, методов и форм работы по физическому воспитанию детей среднего школьного возраста, совершенствовании его программной и нормативной базы на разных этапах онтогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурханов А.И. Важное звено здоровьесберегающего образования // Физическая культура в школе. 2012. № 1. С. 103–114.
 - Луконин Ю.В., Поляков А.М., Шеенко Е.И. Классификация уровней потребности в физической культуре и здоровом образе жизни // Физическая культура в школе. 2011. № 7. С. 86–94.
 - Туровский И.М. Психомоторная подготовленность человека: структура, онтогенез, практика. Тула: Изд-во ТГПУ имени Л.Н. Толстого, 2012. 350 с.
 - Загревская А.И. Актуализация кинезиологического потенциала студентов в условиях физкультурно-спортивного образования // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2015. № 1. С. 28–30.
 - Ильин Е.П. Психомоторная организация человека : учеб. СПб. : Питер, 2003. 386 с.
 - Панфилов О.П., Туровский И.М., Борисова В.В., Завьялов В.И. Структура психомоторики и сенситивные проявления двигательных способностей детей // Теория и практика физической культуры. 2012. № 12. С. 38–41.
 - Баранцев С.А. Кинематическая структура основных естественных локомоций детей и подростков: закономерности формирования и технологии совершенствования : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002. 680 с.
 - Шпортов А.С. Формирование психомоторных способностей на уроках физической культуры у детей среднего школьного возраста // Психология XXI века : сб. статей. СПб.: Питер, 2012. С. 54–60.
 - Александров Ю.И. Психофизиология. СПб.: Питер, 2004. С. 45–62.
 - Горст Н.А., Горст В.Р. Функциональные характеристики индивидуально-типологических различий студентов. Астрахань : Астрахан. ун-т, 2007. 142 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 17 сентября 2015 г.

THE STRUCTURE AND CONTENT OF PSYCHOMOTOR PREPAREDNESS OF CHILDREN AGED 11–12

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 236–240. DOI: 10.17223/15617793/399/38

Sosunovsky Vadim S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim_sergeevich@sibmail.com

Keywords: psychophysical state; psychometric; physical fitness; children of secondary school age; correlation.

Scientific and technical progress, significantly transforming the conditions of life and activity, makes higher demands not only to the physical but also to the mental sphere of the person. Technological innovation changes the nature of the motor activity of the person. Such qualities as speed and accuracy of movements, their timeliness, consistency and effectiveness, well-developed proprioception are becoming increasingly important. The psychomotor level of preparedness is determined, on the one hand, by the movement of the individual (level of physical qualities development and motor skills), ability to efficiently implement the existing motor potential in solving various sensory and motor tasks. The main integrative indicator of the psychomotor preparedness is the result of psychomotor actions. However, there may be other possible indicators: the coefficient of the action usefulness and efficiency implementation, the reserve capacity. Improvement of the program and regulatory framework of the physical education system, and rationalization of the methods of increasing physical preparedness of different population groups require broader knowledge of the structure of human motility at different stages of ontogenesis. Therefore, mental and motor components of activity should be considered and evaluated in connection, in their dialectical unity. To identify the roles and relationships of mental and motor qualities in the structure of motor skills of children the following indicators have been chosen: body length, body weight, dynamometry (right hand), dynamometry (left hand), lung capacity, heart rate, 60-meter run, long jump, test on a person's self-esteem, intellectual test in the field of physical culture and sports, self-test of emotional stability esteem, tapping test (number of taps), Schulte tables (mental stability), visual-motor reaction (speed of sensory and motor reactions), coordination test (number of touches). No differences in the indicators of boys and girls aged 11–12 received by non-parametric methods of mathematical statistics of the Mann–Whitney U test were detected, whereas in terms of the performance the indicators of boys and girls are different. In the research, the author established the relationship of the studied morphometric parameters and functional and psycho-physical changes in a child's body. It is revealed that the psychomotor preparedness of children of secondary school age is related to speed and accuracy of complex motor responses, adequacy of the perception of their own movements and of external conditions, volume and distribution of attention, ability to think logically, with motor memory.

REFERENCES

1. Burkhanov, A.I. (2012) Vazhnoe zveno zdorov' esberegayushchego obrazovaniya [An important element of health-education]. *Fizicheskaya kul'tura v shkole*. 1. pp. 103–114.
2. Lukomin, Yu.V. et al. (2011) Klassifikatsiya urovney potrebnosti v fizicheskoy kul'ture i zdrorovom obraze zhizni [The classification of the level of need in physical education and healthy lifestyles]. *Fizicheskaya kul'tura v shkole*. 7. pp. 86–94.
3. Turevskiy, I.M. (2012) *Psikhomotornaya podgotovlennost' cheloveka: struktura, ontogenet., praktika* [Psychomotor preparedness of the person: structure, ontogeny, practice]. Tula: Tula State Pedagogical University.
4. Zagrevskaya, A.I. (2015) Aktualizatsiya kineziologicheskogo potentsiala studentov v usloviyah fizkul'turno-sportivnogo obrazovaniya [Actualization of kinesiology potential of students in terms of sports and sports education]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 1. pp. 28–30.
5. Il'in, E.P. (2003) *Psikhomotornaya organizatsiya cheloveka* [Psychomotor organization of the person]. St. Petersburg: Piter.
6. Panfilov, O.P. et al. (2012) Strukturna psikhomotoriki i sensitivnye proyavleniya dvigatel'nykh sposobnostey detey [The structure of the psychomotor and sensitive manifestation of motor abilities of children]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 38–41.
7. Barantsev, S.A. (2002) *Kinematiceskaya struktura osnovnykh estestvennykh lokomotsiy detey i podrostkov: zakonomernosti formirovaniya i tekhnologiya sovershenstvovaniya* [The kinematic structure of the main natural locomotion of children and adolescents: the laws governing the formation and perfection of technology]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
8. Shportov, A.S. (2012) Formirovaniye psikhomotornykh sposobnostey na urokakh fizicheskoy kul'tury u detey srednego shkol'nogo vozrasta [Formation of psychomotor abilities at lessons of physical training of children of secondary school age]. In: Berezovskaya, R.A. (ed.) *Psichologiya XXI veka* [Psychology of the 21st century]. St. Petersburg: Piter.
9. Aleksandrov, Yu.I. (2004) *Psikhofiziologiya* [Psychophysiology]. St. Petersburg: Piter.
10. Gorst, N.A. & Gorst, V.R. (2007) *Funktional'nye kharakteristiki individual'no-tipologicheskikh razlichiy studentov* [Functional characteristics of individual and typological differences of students]. Astrakhan: Astrakhan State University.

Received: 17 September 2015

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 556.1

B. Баярмаа

АГРОКЛИМАТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УРОЖАЙНОСТЬ (ЗАПАДНЫЕ СОМОНЫ СЭЛЭНГИЙСКОГО АЙМАКА, МОНГОЛИЯ)

Представлены агроклиматические ресурсы в западных сомонах Сэлэнгийского аймака. К ним относятся сомоны Баруунбурэн, Зуунбурэн, Орхонтуул, Орхон, Цагааннуур, Тусиг, Хушаат, Сант, Сайхан. По агроклиматическому районированию исследуемый регион относится к умеренному поясу. Земледелие возможно в теплое время года. В посевах доминируют пшеница, картофель, овощи, в более южных районах – плодовые, ягодники. Климат существенно влияет на формирование урожая сельскохозяйственных культур. Он в значительной мере определяет средний уровень урожайности, ее межгодовую изменчивость и пространственную структуру национального и мирового сельскохозяйственного производства. В статье показаны результаты исследований метеорологических данных трех метеостанций Сэлэнгийского аймака: Орхон, Орхонтуул, Цагааннуур с вычислением гидротермического коэффициента (ГТК), коэффициента увлажнения (КУ) и индекса биологической эффективности климата (БЭК), а также корреляционной зависимости урожайности с ГТК.

Ключевые слова: температура воздуха; осадки; гидротермический коэффициент; коэффициент увлажнения; биологическая эффективность климата; урожайность.

Вопросы современного устойчивого развития регионов приобрели особую актуальность в последние десятилетия, когда климатические характеристики и агроклиматические ресурсы начали испытывать значительные изменения. Поэтому проблема анализа изменений температурного режима воздуха в приземном слое атмосферы, режима атмосферных осадков и других природно-климатических характеристик регионов, связанных с глобальным потеплением климата, а также исследования возможных последствий этих изменений с целью адаптации к ним природной и социально-экономической сферы в последние годы приняли острый характер. Решение этой актуальной проблемы связано с разработкой эффективных методов детальной оценки и использования агроклиматических ресурсов.

Известно, что совокупность метеорологических факторов, включая в первую очередь тепло и влагу, формирует агроклиматические ресурсы территории, определяющие условия производства и продуктивности сельскохозяйственных культур [1]. Целью нашего исследования является оценка пространственно-временной изменчивости агроклиматических условий на территории района исследования в период с 1994 по 2013 г., приходящийся на наиболее активную фазу глобального потепления, а также корреляционных связей между урожайностью зерновых культур и отдельными показателями температурно-влажностного режима региона. В качестве характеристик теплового и влажностного состояния природной среды в первую очередь рассматривались следующие показатели: гидротермический коэффициент Г.Т. Селянинова (ГТК), коэффициент увлажнения (КУ), индекс биологической эффективности климата (БЭК), предложенный Н.Н. Ивановым.

По агроклиматическому районированию исследуемый регион относится к умеренному поясу. Лето дождливое, зима сухая. Земледелие возможно в теплое время года. В посевах доминируют серые хлеба, пшеница, зернобобовые, картофель, овощи, в более теплой части плодовые, ягодники.

Район исследования. Западные сомоны Сэлэнгийского аймака находятся в северной части Монго-

лии и граничат с аймаками Булган, Орхон-Уул, Дархан-Уул, Төв и Россией (рис. 1). Территория западных сомонов Сэлэнгийского аймака занимает площадь 19,9 тыс. км², это 44,8% всей территории Сэлэнгийского аймака. По физико-географическому районированию исследуемая нами площадь входит в средневысотный горный район бассейна Орхона и Сэлэнги Хангайско-Хэнтэйской горной области. На территории исследования преобладают ландшафты горной тайги, горной лесостепи и сухой степи. Наибольших высот горы здесь достигают на юге (2500 м), наименьшие высоты – у выхода Сэлэнги из МНР (менее 600 м), в среднем же абсолютная высота гор этой области равна примерно 1500–2000 м, а долин 800–1200 м.

Исходные материалы. В качестве исходных данных для расчета гидротермического коэффициента Г.Т. Селянинова (ГТК), коэффициента увлажнения (КУ), индекса биологической эффективности климата (БЭК) использовались сведения о температуре воздуха, количестве осадков и относительной влажности трех метеорологических станций: Орхон, Орхонтуул, Цагааннуур за период с 1994 по 2013 г. [8].

Данные урожайности зерновых культур, картофеля, овощей в сомонах Орхон, Орхонтуул, Цагааннуур получены за период с 1994 по 2013 г. [9].

Методы исследования. Для оценки степени увлажнения и засушливости вегетационного периода широкое применение получил индекс Г.Т. Селянинова, который вычисляется по формуле

$$\text{ГТК} = \frac{10 \sum P}{\sum T_{>10^\circ C}},$$

где $\sum P$ – сумма осадков (мм) и $\sum T_{>10^\circ C}$ – сумма среднесуточных температур ($^\circ C$) за период с $T \geq 10^\circ C$. Разной степени увлажнения соответствуют следующие градации: $\text{ГТК} < 0,4$ – очень сильная засуха; $0,4 \leq \text{ГТК} < 0,5$ – сильная засуха; $0,5 \leq \text{ГТК} < 0,7$ – средняя засуха; $0,7 \leq \text{ГТК} \leq 1,0$ – недостаточное увлажнение; $1,0 < \text{ГТК} \leq 2,0$ – достаточное увлажнение; $\text{ГТК} > 2,0$ – переувлажнение.

Коэффициент увлажнения находится как отношение годового количества осадков (P , мм) к годовой испаряемости (E , мм), которую получают суммированием значений испаряемости за каждый месяц года ($E_{\text{мес}}$), рассчитываемой по формуле Н.Н. Иванова:

$$E = 0,0018(25 + t)^2(100 - f),$$

где t – среднемесячная температура воздуха, °C; f – среднемесячная относительная влажность воздуха, %.

Индекс биологической эффективности (БЭК) представляет собой произведение суммы активных температур $T > 10^{\circ}\text{C}$ в сотнях градусов ($0,01 \sum T_{>10}$) на коэффициент увлажнения (КУ):

$$\text{БЭК} = (0,01 \sum T_{>10}) \cdot \text{КУ}.$$

БЭК обобщает важнейшие климатические параметры – атмосферные осадки, температуру и относительную влажность воздуха, рассматриваемые в их

годовом ходе, а также годовую теплообеспеченность – и хорошо выражает общий экологический фон. Зоне экологического оптимума соответствует БЭК порядка 22.

Результаты исследования. В табл. 1 представлено распределение ГТК, рассчитанное за май – август для трех метеорологических станций по годам в период с 1994 по 2013 г.

Согласно данным табл. 1 в сомоне Орхонтуул в 2002 г. была сильная засуха (0,50), но в 2013 г. – переувлажнение (1,65), среднее значение – достаточное увлажнение (1,06). В сомоне Орхон в 2002 г. была сильная засуха (0,41), но в 2013 г. – переувлажнение (2,17), среднее значение – достаточное увлажнение (1,14). В сомоне Цаганнуур в 1997 г. было достаточное увлажнение (1,70), но в 2002 г. была сильная засуха (0,59), среднее значение – достаточное увлажнение (1,05).

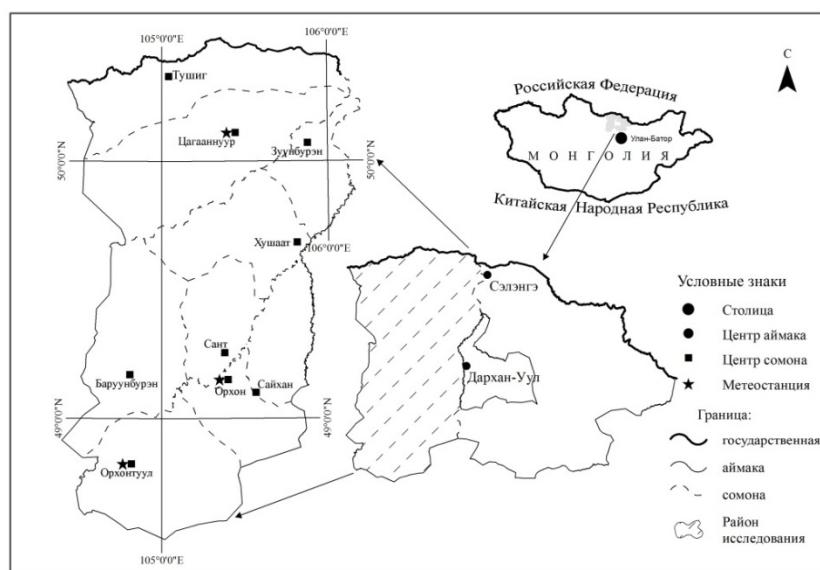

Рис. 1. Географическое положение района исследования

Гидротермический коэффициент в период с 1994 по 2013 г.

Таблица 1

Год	Орхонтуул	Орхон	Цаганнуур	Среднее
1994	1,55	1,19	1,35	1,36
1995	0,98	0,78	0,98	0,91
1996	0,70	0,92	0,70	0,78
1997	0,98	1,54	1,70	1,41
1998	1,27	1,28	1,01	1,19
1999	1,08	0,87	0,92	0,96
2000	0,95	0,87	1,15	0,99
2001	0,76	1,00	1,04	0,93
2002	0,50	0,40	0,59	0,50
2003	0,72	1,24	1,04	1,00
2004	0,95	0,81	0,95	0,90
2005	0,71	1,04	0,90	0,88
2006	1,08	1,19	1,27	1,18
2007	1,16	1,05	1,28	1,16
2008	1,35	1,62	1,05	1,34
2009	1,56	1,44	1,06	1,35
2010	1,04	0,98	0,96	0,99
2011	1,13	1,03	0,77	0,98
2012	1,20	1,33	1,06	1,19
2013	1,65	2,17	1,28	1,70
Среднее	1,31	1,39	1,03	1,24

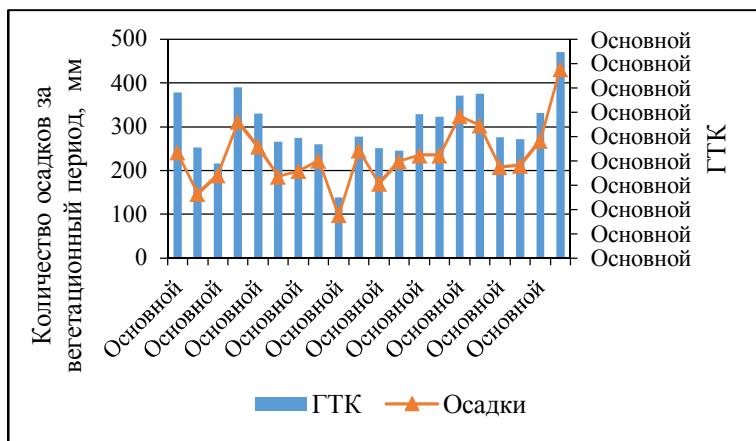

Рис. 2. Межгодовая изменчивость осредненного значения ГТК и осадков по территории в вегетационный период за 1994–2013 гг.

На рис. 2 представлено осредненное значение ГТК и осадков по исследуемой территории за вегетационный период. ГТК более тесно связан с осадками, чем с температурой воздуха. Коэффициент корреляции между урожайностью зерновых

культур и ГТК для исследуемого района составил в сомоне Орхон 0,34, в сомоне Орхонтуул 0,49, в сомоне Цаганнуур 0,15, то есть погодные условия могут оказывать влияние на формирование урожайности.

Таблица 2

Значения коэффициента увлажнения и индекса биологической эффективности для трех сомонов за 1994–2013 гг.

Годы	Орхонтуул		Орхон		Цаганнуур		Среднее КУ	Среднее БЭК
	КУ	БЭК	КУ	БЭК	КУ	БЭК		
1994	1,14	23,20	0,89	17,90	0,69	13,70	0,91	18,27
1995	1,26	23,40	0,50	9,50	0,58	11,00	0,78	14,63
1996	0,52	10,60	0,43	8,70	0,33	6,40	0,43	8,57
1997	0,73	14,90	0,65	13,10	0,66	13,10	0,68	13,70
1998	0,59	11,80	0,63	12,60	0,34	6,40	0,52	10,27
1999	0,48	10,00	0,37	8,00	0,36	7,60	0,40	8,53
2000	0,61	13,50	0,43	9,90	0,56	12,30	0,53	11,90
2001	0,48	10,30	0,48	10,60	0,48	10,40	0,48	10,43
2002	0,17	4,00	0,14	3,80	0,22	5,20	0,18	4,33
2003	0,31	6,20	0,64	12,60	0,40	7,80	0,45	8,87
2004	0,55	11,50	0,34	7,10	0,53	6,90	0,47	8,50
2005	0,35	7,50	0,42	8,90	0,28	5,80	0,35	7,40
2006	0,64	12,70	0,60	11,80	0,62	12,00	0,62	12,17
2007	0,78	17,60	0,45	10,10	0,75	16,30	0,66	14,67
2008	0,76	15,30	0,66	13,30	0,49	9,90	0,64	12,83
2009	0,91	18,70	0,63	13,20	0,64	12,90	0,73	14,93
2010	0,55	11,30	0,39	8,20	0,59	12,20	0,51	10,57
2011	0,64	12,90	0,44	9,00	0,27	5,30	0,45	9,07
2012	0,59	11,70	0,61	12,30	0,44	8,50	0,55	10,83
2013	0,89	17,60	1,14	22,70	0,59	11,40	0,87	17,23
Среднее	0,65	13,24	0,54	11,17	0,49	9,76	0,56	11,39

Согласно данным табл. 2, максимально приближенным к оптимуму, является показатель биологической эффективности климата, который на станции Орхонтуул составил 23,4 (1995 г.). В сомоне Орхон – 22,7 (2013 г.), в Цаганнуре – 16,3 (2007 г.), среднее его значение по территории исследования – 11,4. Коэффициент увлажнения в сомоне Орхонтуул в 1995 г. был 1,26 (достаточное увлажнение), но в 2002 г. – 0,17 (недостаточное увлажнение), среднее значение – 0,65 (умеренное увлажнение). В сомоне Орхон в 2002 г. было скудное увлажнение (0,14), но в 2013 г. – достаточное увлажнение (1,14), среднее значение – 0,54 (недостаточное увлажнение). В сомоне Цаганнур в

2002 г. было скудное увлажнение (0,22), но в 2007 г. – умеренное увлажнение (0,75), среднее значение – 0,49 (недостаточное увлажнение).

На рис. 3 представлено осредненное по территории значение КУ и БЭК. Максимальное осредненное значение показателя биологической эффективности достигало 18,3 (1994 г.), минимальное – 4,3 (2002 г.). Максимум коэффициента увлажнения составил 0,91 (1994 г.), минимум – 0,18 (2002 г.).

Следует также отметить, что средние значения сумм активной температуры по сомонам уменьшаются от 2080°C (1994–2003 гг.) до 2043°C (2003–2013 гг.) при среднем значении за 1994–2013 гг. 2064°C.

На рис. 4 показано, что минимальные значения сумм активной температуры воздуха составили 1886°C (1995 г.), максимум – 2376°C (2002 г.).

Количество осадков за вегетационный период: минимум – 118 мм (2002 г.), максимум – 334 мм (2013 г.).

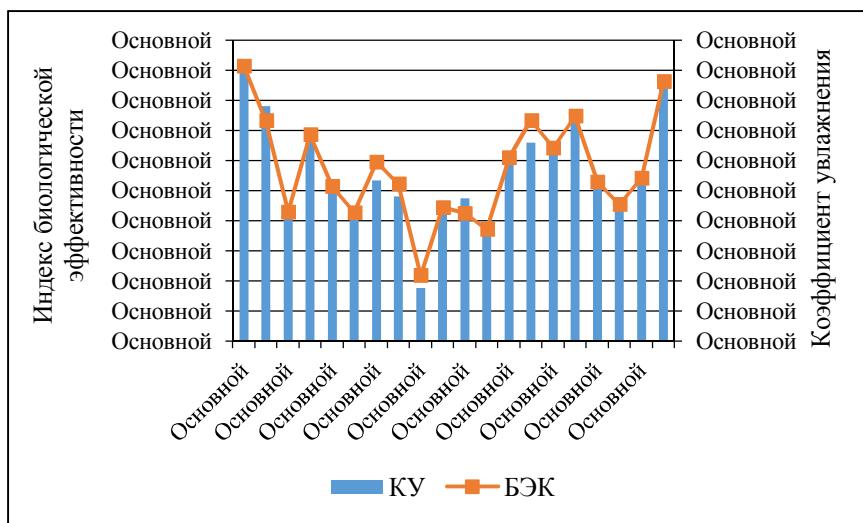

Рис. 3. Межгодовая изменчивость осредненного значения по территории коэффициента увлажнения (КУ) и индекса биологической эффективности (БЭК) за 1994–2013 гг.

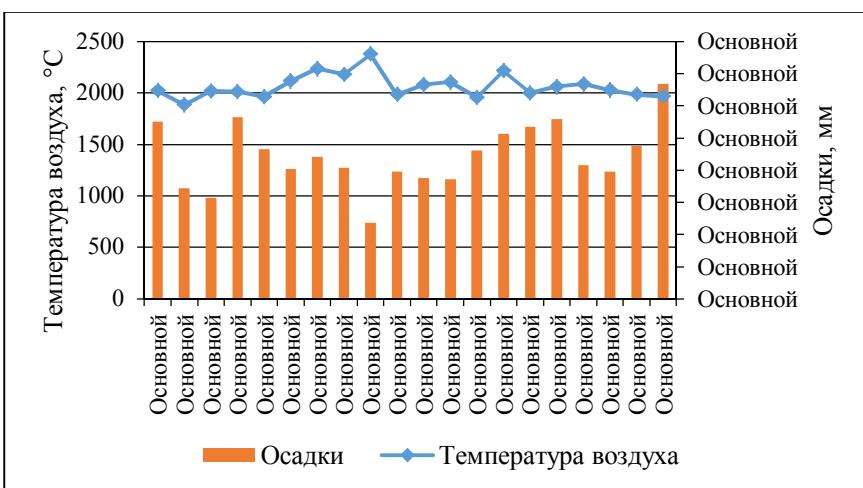

Рис. 4. Межгодовые изменения температуры воздуха ($^{\circ}\text{C}$) и количества атмосферных осадков за вегетационный период 1994–2013 гг., мм

Рис. 5. Межгодовые изменения урожайности зерновых культур и картофеля за 1994–2013 гг., ц/га

На рис. 5 показано, что значение урожайности зерновых культур в 2005 г. было 1,7 ц/га, но в 2012 г. (18,3 ц/га), картофеля в 2002 г. (44,7 ц/га), но в 2011 г. (170,3 ц/га).

Как видно из рис. 4–5, в последнее двадцатилетие наблюдается незначительное уменьшение температуры воздуха и увеличение количества атмосферных осадков в вегетационный период, а также увеличение урожайности.

Таблица 3

Урожайность и агроклиматические ресурсы в разные периоды сельскохозяйственного сезона за 1994–2013 гг.

Год и параметры статистич. обработки	Температура воздуха, °С		Количество выпавших осадков, мм		ГТК	Урожайность, ц/га		
	средняя годовая	май – август	за год	май – август		Зерновые культуры	Картофель	Овощи
1994	0,9	16,5	360,2	241	1,36	10,5	80,1	70,9
1995	1,0	15,3	240,0	147	0,91	10,0	105,3	84,4
1996	-0,2	16,4	206,0	190	0,78	7,6	80,7	102,7
1997	0,6	16,4	315,5	312	1,41	9,5	79,2	72,3
1998	1,3	15,9	319,6	255	1,19	4,1	86,3	96,5
1999	1,3	17,2	264,3	186	0,96	5,6	65,7	108,9
2000	0,2	18,2	295,4	199	0,99	6,1	93,2	124,7
2001	0,1	17,8	261,5	223	0,93	7,1	86,2	100,5
2002	1,4	19,3	197,1	98	0,50	5,1	44,9	79,3
2003	-0,2	16,2	275,8	246	1,00	7,2	114,0	118,4
2004	0,5	17,0	263,2	170	0,90	8,3	108,2	121,2
2005	-0,6	17,1	247,7	222	0,88	1,7	80,3	111,0
2006	0,4	15,9	291,9	235	1,18	14,4	164,7	157,7
2007	2,3	18,0	304,7	234	1,16	8,2	141,3	171,9
2008	1,0	16,3	313,3	325	1,34	14,7	145,9	143,8
2009	0,4	16,8	342,5	303	1,35	12,8	159,7	162,0
2010	-0,8	17,0	253,3	208	0,99	14,1	137,5	136,0
2011	-0,2	16,5	252,2	211	0,98	12,0	170,3	129,5
2012	-1,1	16,1	312,8	268	1,19	18,3	123,4	119,9
2013	-0,2	16,0	392,1	432	1,70	10,5	128,0	125,8
Среднее	0,4	16,8	285,5	235,2	1,1	9,4	109,7	116,9
Ср. кв. отклонение	0,7	0,7	39,3	50,0	0,2	3,3	29,7	22,5
г зерновых культур	-0,31	-0,43	0,34	0,36	0,45			
г картофеля	-0,21	-0,38	0,33	0,41	0,43			
г овощей	-0,04	0,01	0,22	0,29	0,25			

Примечание. r – коэффициент корреляции.

В табл. 3 представлен коэффициент корреляции, который показывает тесноту связи между метеорологическими факторами и изменением урожайности. Для исследуемого периода в западных сомонах Сэлэнгийского аймака коэффициент корреляции урожайности зерновых культур с годовой суммой осадков в среднем составил 0,34; с осадками за период май – август – 0,36; с температурой за период май – август – в среднем –0,43; т.е. наибольшая роль в формировании урожая принадлежит увлажненности в первую половину вегетационного периода. Коэффициент корреляции между урожайностью зерновых культур и ГТК в исследуемом районе составил –0,45, с картофелем –0,43, овощами –0,25.

Выходы. В целом агроклиматические условия в западных сомонах Сэлэнгийского аймака в период 1994–2013 гг. несколько улучшаются: хотя наблюдается незначительное уменьшение температуры воздуха и увеличение количества осадков в вегетационный период, индекс биологической эффективности и урожайность увеличиваются.

Таким образом, современные изменения агроклиматических ресурсов в регионе благоприятно сказываются на урожайности зерновых культур. Выявленна тенденция роста продуктивности сельскохозяйственных культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Переведенцев Ю.П., Шарипова Р.Б., Важснова Н.А. Агроклиматические ресурсы Ульяновской области и их влияние на урожайность зерновых культур // Вестник УдГУ. Сер. Биология. Науки о Земле. 2012. № 2. С. 120–126.
- Статистический справочник Сэлэнгийского аймака, 2010 г. Сухбаатар, 2011. 150 с.
- Шашко Д.И. Агроклиматические ресурсы СССР. Л. : Гидрометеоиздат, 1985. 245 с.
- Мировой агроклиматический справочник / ред. Г.Т. Селянинов. Л. : Гидрометеоиздат, 1937. 411 с.
- Иванов Н.Н. Показатель биологической эффективности климата // Известия РАН. Сер. Геогр. 1999. № 3. С. 86–92.
- Педь Д.А. О показателе засухи и избыточного увлажнения // Труды ГМЦ. 1975. Вып. 156. С. 19–39.
- Мещерская А.В. О показателе засух и урожайности зерновых культур // Метеорология и гидрология. 1988. № 2. С. 91–98.
- Институт метеорологии и гидрогеологии Монголии. Метеорологические данные по станциям Орхон, Орхонтуул, Цагааннуур. 1994–2013 гг. Улаанбаатар, 2014.
- Администрация Сэлэнгийского аймака. Данные по урожайности сельскохозяйственных культур. 1994–2013 гг. Сухбаатар, 2014.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 июля 2015 г.

AGRO-CLIMATIC RESOURCES AND THEIR EFFECTS ON CROP PRODUCTIVITY (ON WESTERN SOUMS OF SELENGE PROVINCE, MONGOLIA)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 241–246. DOI: 10.17223/15617793/399/39

Bayarmaa Vandangombo. Mongolian Academy of Science (Ulaanbaatar, Mongolia), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m_bayarmaa@yahoo.com; vbayarmaa@mail.ru

Keyword: air temperature; precipitation; hydrothermal coefficient; coefficient of moisture expansion; index of biological effectiveness of climate; productivity.

The paper presents the agro-climatic resources in western soums of Selenge Province. They include Baruunburen, Zuunburen, Orkhontuul, Orkhon, Tsagaannuur, Tushig, Khushaat, Sant and Saikhan soums. They are located in the north part of Mongolia, bordering with Bulgan, Orkhon-Uul, Darkhan-Uul and Central provinces, and with Russia as well. The territory of western soums of Selenge Province covers 19,900 km². It accounts for 44.8 % of all territories (areas) of Selenge Province. As for agro-climatic zoning, the region belongs to the temperate zone. Summers are rainy and winters are dry. Arable farming is possible during warmer months throughout the year. Wheat, potatoes and vegetables are major crops; fruit and berries dominate in the warmer part. The climate plays an essential role in crop production. It largely determines the average productivity, its inter-annual variability, and the spatial structure of the national and global agricultural production. Climate and weather conditions significantly affect agricultural production. Integrated hydro-meteorological indicators that determine the growth and development of cultivated plants are widely used in agro-meteorological developments. The article demonstrates the results of the study of meteorological data of the three meteo stations of Selenge Province: Orkhon, Orkhontuul and Tsagaannuur with the calculation of hydrothermal coefficient (HTC), coefficient of moisture expansion (CME), index of biological effectiveness of the climate (BEC) as well as correlated dependent productivity with HTC. HTC is more closely connected with precipitation than air temperature. Correlation coefficient between productivity of cultivated plants and HTC has been 0.34 in Orkhon soum, 0.49 in Orkhontuul soum, 0.15 in Tsagaannuur soum, i.e. the weather conditions have an effect on productivity formation. For the period under study on average the correlation coefficient of grain yields with the annual precipitation has been 0.34; with precipitation in the period of May–August 0.36; with temperature in the period of May–August 0.43; i.e. the greatest role in formation of the harvest belongs to moisture in the first half of the vegetation growing season. Correlation coefficient between productivity of crops and HTC has been 0.45 for crop, 0.43 for potatoes, 0.25 for vegetables in the region.

REFERENCES

1. Perevedentsev, Yu.P., Sharipova, R.B. & Vazhnova, N.A. (2012) Agroklimaticheskie resursy Ul'yanovskoy oblasti i ikh vliyanie na urozhaynost' zernovykh kul'tur [Agroclimatic resources of Ulyanovsk Oblast and their impact on the yield of grain crops]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Biologiya. Nauki o Zemle*. 2. pp. 120–126.
2. Selenge Province. (2011) *Statisticheskiy spravochnik Selengiyskogo aymaka, 2010 g.* [Statistical Handbook of Selenge Province, 2010]. Sukhbaatar.
3. Shashko, D.I. (1985) *Agroklimaticheskie resursy SSSR* [Agroclimatic resources of the USSR]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
4. Selyaninov, G.T. (ed.) (1937) *Mirovoy agroklimaticheskoy spravochnik* [World's agro-climatic handbook]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
5. Ivanov, N.N. (1999) Pokazatel' biologicheskoy effektivnosti klimata [The index of the biological effectiveness of the climate]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 3. pp. 86–92.
6. Ped', D.A. (1975) O pokazatele zasukhi i izbytochnogo uvlazhneniya [Index of drought and excess moisture]. *Trudy GMTs*. 156. pp. 19–39.
7. Meshcherskaya, A.V. (1988) O pokazatele zasukh i urozhaynosti zernovykh kul'tur [Index of drought and grain yields]. *Meteorologiya i gidrologiya*. 2. pp. 91–98.
8. Institute of Meteorology and Hydrogeology of Mongolia. (2014) *Meteorologicheskie dannye po stantsiyam Orkhon, Orkhontuul, Tsagaannuur. 1994–2013 gg.* [Meteorological data of stations Orkhon, Orkhontuul, Tsagaannuur. 1994–2013]. Ulaanbaatar.
9. Administration of Selenge Province. (2014) *Dannye po urozhaynosti sel'skokhozyaystvennykh kul'tur. 1994–2013 gg.* [Data on crop yields. 1994–2013]. Sukhbaatar.

Received: 22 July 2015

Д.А. Соколов, О.Э. Мерзляков, Е.А. Доможакова

ОЦЕНКА ЛИТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГУМУСОНАКОПЛЕНИЯ В ПОЧВАХ ОТВАЛОВ КАМЕННОУГОЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ СИБИРИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 14-34-50963.

Статья посвящена решению важной проблемы, возникающей при оценке экологического состояния техногенных ландшафтов, – определению содержания углерода педогенных органических веществ (гумуса) в обогащенных углистыми частицами почвах. Авторами предложен подход, позволяющий определять литогенный потенциал гумусонакопления как максимально возможное содержание гумуса в почвах. Выявлены зональные закономерности формирования литогенной основы гумусонакопления в зависимости от выраженности аридности или гумидности климата.

Ключевые слова: техногенные ландшафты; почвообразовательные процессы; органическое вещество почв; эволюция почв; эмбриоземы.

Введение

Проблеме определения содержания педогенного органического вещества (гумуса) и его накопления в почвах техногенных ландшафтов в настоящее время во всем мире уделяется немало внимания [1–3]. Особенно эта проблема актуальна для техногенных объектов, представленных отвалами угольных разрезов, где почвообразующие породы характеризуются смесью, содержащей значительное количество углистых частиц, окисление которых сопровождается образованием ряда соединений, обладающих канцерогенными, мутагенными и тератогенными свойствами.

Известны попытки установить содержание гумуса на «угольном фоне» с использованием радиоуглеродных [2, 3] и оптических методов [4], тяжелых жидкостей [5], окислительного фракционирования [1, 6], определения среднего содержания углерода по профилю [7] и седиментационного разделения [8]. Принято считать, что достаточно достоверные данные получаются при помощи радиоуглеродных методов [9]. Однако их использование остается дорогостоящим и трудоемким, делая невозможным определение содержания педогенного органического вещества при проведении массовых анализов [10]. Несмотря на значительный интерес, проявляемый в мировой литературе к оценке гумусового состояния почв отвалов каменноугольных разрезов, работы, посвященные этому вопросу, часто проводятся без учета особенностей органоминеральных взаимодействий педогенного органического вещества и литогенной основы почв.

Учитывая, что 95–97% педогенного органического вещества в почвах связывается с минеральной частью [11–13], возникает необходимость в оценке возможности к накоплению гумуса почвами. С этой целью в данной работе нами предпринята попытка, посредством оценки литогенного потенциала гумусонакопления выявить зональные закономерности аккумуляции педогенных органических веществ в почвах отвалов каменноугольных месторождений Сибири.

Принципы, объекты и методы исследований

Весьма часто в почвоведении при оценке какого-либо признака используют термин «потенциал». Впервые этот термин стали применять при оценке окислительно-восстановительного или кислотно-щелочного состояния почв. Поначалу данное слово носило исключительно физический смысл и характеризовало силовое поле, возникающее в почвах в процессе их функционирования [14]. Несколько позже термин стали употреблять в гидрофизике почв [15], где под ним подразумевалась затраченная на перемещение влаги работа. Параллельно с этим слово «потенциал» стало употребляться как отражение совокупности почвенных свойств, выступающих в качестве определенного ресурса [16]. Более широкий смысл термин «потенциал» приобрел в почвоведении, когда им стали выражать также скрытые или в неполной мере реализованные условия почвообразования [17]. В частности, для процессов гумусонакопления употребляется словосочетание «почвообразующий потенциал климата» [18]. Такое понимание этого термина, закрепившееся в отечественном почвоведении, позволило его использовать и при оценке других условий, определяющих процессы образования и аккумуляции гумуса в почве. В первую очередь – при характеристике не менее важной для гумусонакопления литогенной основы [19]. Для удобства ее количественной оценки был предложен *литогенный потенциал гумусонакопления (ЛПГ)*, под которым понимается способность минеральной части почвы аккумулировать максимально возможное количество органического вещества при наиболее благоприятных условиях гумусонакопления. Из данного определения следует, что для оценки ЛПГ исследуемых объектов важны два критерия – количество и качество тонкодисперсных частиц, с которыми взаимодействует органическое вещество.

Поскольку для Сибири максимально гумусированными автоморфными почвами принято считать тяжелосуглинистые выщелоченные черноземы Кузнецкой котловины [20, 21], то и расчет ЛПГ для почв техногенных ландшафтов следует проводить, опираясь на

свойства черноземов. Максимальное содержание гумуса в выщелоченных черноземах составляет 12%. При этом стабилизация такого количества гумуса в почвах обеспечивается благодаря наличию тонкодисперсных фракций (физической глины) гидрослюдисто-монтмориллонитового состава, содержание которых составляет в среднем 55%. Исходя из этого, литогенный потенциал гумусонакопления можно выразить по следующей формуле:

$$ЛПГ = R(\varnothing) \cdot R(m.\phi.) \cdot R(p.c.),$$

где ЛПГ – литогенный потенциал гумусонакопления, %; R(∅) – максимальное количество гумуса в эталонной почве. В данном случае за эталонную почву принимается тяжелосуглинистый выщелоченный чернозем с содержанием гумуса 12%.

K (т.ф.) – коэффициент специфичности исследуемых почв по содержанию тонкодисперсных фракций. Рассчитывается как отношение содержания физической глины в исследуемой почве к содержанию таковой в черноземе, т.е. к 55. Измеряется в долях от 1.

K (п.с.) – коэффициент специфичности исследуемых почв по поглотительной способности минеральной части, в долях от 1. Рассчитывается как отношение поглотительной способности почвообразующих пород техногенных ландшафтов (техногенного элювия) к таковой черноземов (лессовидных суглинков). Измеряется в долях от 1.

Объектами исследования послужили эмбриоземы, сформировавшиеся на поверхности старых (более 20 лет) отвалов каменноугольных разрезов Сибири. На исследуемых территориях были отмечены инициальные, органо-аккумулятивные, дерновые и гумусово-аккумулятивные эмбриоземы. Как указывают авторы используемой нами классификации [22], каждому типу эмбриоземов соответствует определенная стадия почвообразования. Поскольку добыча каменного угля открытым способом в Сибири ведется в нескольких регионах и техногенные ландшафты занимают довольно большую площадь (100–300 тыс. га по разным оценкам), климатические условия формирования эмбриоземов неоднородны. Для изучения были выбраны эмбриоземы автономных позиций, расположенных в гумидном и субгумидном (горно-таежная и лесостепная зоны Кемеровской области), с semiаридном (степи Хакасии), а также аридном и аридном экстраконтинентальном климате (степи Тувы) (табл. 1). Общность геологических условий залегания каменных углей обусловила сходство почвообразующего субстрата, представленного, как правило, техногенным элювием осадочных пород (аргиллитов, алевролитов, песчаников). В состав элювия часто входит до 10 и более процентов угля [23]. Такой субстрат способствует формированию сильнокаменистых эмбриоземов: в их гранулометрическом составе существует более 70% каменистых фракций и менее 10% глинистых частиц.

Для расчета коэффициентов специфичности определение содержания тонкодисперсных фракций осуществлялось методом Н.А. Качинского [26]. Однако,

поскольку применение седиментометрических методов при работе с углесодержащими образцами дает искусственное увеличение содержания тонких фракций и, как следствие, расчетное утяжеление гранулометрического состава [27], то для корректировки полученных данных учитывалось также содержание органического углерода во фракции физической глины. Помимо исследуемых почв, содержание тонких частиц определялось и в почвообразующих породах (лессовидных суглинках и техногенном элювии).

Коэффициенты специфичности по поглотительной способности оценивались по значениям ёмкости катионного обмена, определяемой методом Бобко–Аскинази–Алешина в модификации ЦИНАО [28]. Емкость катионного обмена определялась в образцах лессовидных суглинков, взятых с борта Листвянского угольного разреза Кемеровской области, а также в образцах безуглистого техногенного элювия, выступающего в качестве почвообразующей породы для рассматриваемых объектов. Эталоном при оценке возможностей эмбриоземов к гумусонакоплению были выбраны тяжелосуглинистые выщелоченные черноземы Кузнецкой котловины, которые принято считать максимально гумусированными автоморфными почвами для Сибири [20, 21].

Результаты и обсуждение

Рассматривая гранулометрический состав мелкозема и фракционный состав крупнозема как показатели, характеризующие условия гумусонакопления, следует обратить внимание на то, что в момент формирования отвалов почвообразующие породы представляют собой хаотическую смесь из обломков различного материала [29]. При этом количество способных образовывать органоминеральные комплексы частиц в материале отвалов редко превышает 10% [30]. В почвах их содержание может изменяться в зависимости от скорости и типа выветривания обломочного материала. Выраженное накопление тонкодисперсных частиц происходит только в процессе химической, биохимической, реже биофизической дезинтеграции [31].

Расчет коэффициентов специфичности по содержанию тонкодисперсных фракций показал, что при всей исходной хаотичности литогенной основы почвообразующих пород в гранулометрическом составе почв существуют определенные различия, которые носят закономерный характер. Проявляется это, впервых, в эволюционном ряду: коэффициенты специфичности увеличиваются в органоаккумулятивных эмбриоземах по сравнению с инициальными и далее – в дерновых и гумусово-аккумулятивных. Во-вторых, существуют различия в географическом ряду. Коэффициенты максимальны в почвах территорий, для которых индекс аридности (Ia) близок к 0, и уменьшаются по мере усиления аридности и гумидности климата. Отмечается, что специфичность исследуемых почв по содержанию тонкодисперсных фракций определяется в большей степени эволюцией почв, а в меньшей – климатиче-

скими условиями их формирования. Исключение составляют почвы, сформированные в условиях гумидного климата ($I_a = -0,40$), что, по всей видимости,

связано с проявлением здесь элювиальных процессов, интенсивно протекающих в автоморфных почвах данной климатической зоны [32].

Таблица 1
Климатические условия гумусонакопления в почвах исследуемых объектов

Показатель	Название углеразреза				
	Ольгерасский	Листвянский	Черногорский	Чаданский	Каа-Хемский
Геоморфологический район	Кузнецкий Алатау	Кузнецкая котловина	Минусинская котловина	Хемчикская котловина	Центрально-Тувинская котловина
Тип климата	Гумидный	Субгумидный	Семиаридный	Аридный	Аридный экстраконтинентальный
Сумма температур выше 10, °C	1 500–1 700	1 700–1 900	1 900–2 000	2 100–2 200	2 100–2 200
Среднегодовая температура, °C	–0,1	2,1	1,6	–2,0	–1,3
Осадки за год, мм	750–1 400	400–500	250–300	220–270	170–250
Индекс аридности, I_a^*	–0,40	–0,10	0,15	0,20	0,51
Эмбриоземы **	Инициальные, органо-аккумулятивные	Инициальные, дерновые, органо- и гумусово-аккумулятивные	Инициальные, органо-аккумулятивные, дерновые	Инициальные, органо-аккумулятивные	Инициальные, органо-аккумулятивные

* I_a – индекс аридности, рассчитывался как $\log_{10} (E/P)$, где E – средняя многолетняя испаряемость с открытой водной поверхности, P – средняя многолетняя сумма осадков [24].

**Перечислены типы почв, встречающиеся на отвалах каменноугольных разрезов районов исследований [25].

Таблица 2
Коэффициенты специфичности эмбриоземов по содержанию тонкодисперсных фракций

Индекс аридности	Эмбриоземы			
	инициальные	органо-аккумулятивные	дерновые	гумусово-аккумулятивные
–0,40	0,05	0,07	0,09	–
–0,10	0,13	0,16	0,29	0,45
0,15	0,16	0,29	0,33	–
0,20	0,10	0,25	–	–
0,50	0,07	0,16	–	–

Поскольку литогенный потенциал гумусонакопления определяет не только содержание в почвах тонкодисперсных частиц, но и их способность взаимодействовать с органическим веществом [33], была предпринята попытка дать качественную оценку почвообразующим породам исследуемых объектов. Как известно, основным источником тонкодисперсных фракций в почвах каменноугольных отвалов являются аргиллиты, алевролиты и песчаники [29, 31].

Несмотря на то что тяжелые фракции этих пород представлены преимущественно кварцем и слюдами, а легкие – рудными минералами, цементирующий их материал представлен глинистыми частицами. Доля цемента от объема породы колеблется в пределах 65–70% у аргиллитов, 15–35% у алевролитов и 5–20% у песчаников. Как указывает Ф.К. Рагим-заде [34], преобладающими минералами во фракции $<0,001$ мм аргиллитов, алевролитов, а также лессовидных суглинков Кузнецкого каменноугольного бассейна являются гидрослюды и монтмориллонит, сопутствующими – хлорит, каолинит и кварц. Соотношение этих минералов в тонкодисперсной фракции, а также ее содержание и формирует поглоти-

тельную способность почвообразующих пород техногенных ландшафтов.

Результаты исследования показали, что значения емкости поглощения различных образцов почвообразующих пород черноземов (лессовидных суглинков) варьируют в достаточно широких пределах – от 15 до 30 мг-экв. на 100 г субстрата. Однако если учитывать при этом содержание физической глины, т.е. оценивать абсолютную ЕКО, то значения будут иметь существенно меньший разброс. Так, если максимальные значения относительной ЕКО могут превышать минимальные вдвое, то при учете содержания физической глины это отношение сокращается до 1,5 раза.

Оценивая поглотительную способность безуглистого техногенного элювия, можно заметить, что значения относительной ЕКО имеют существенно больший разброс по сравнению с образцами лессовидных суглинков – от 1,3 до 3,5 раза. В то же время интервал значений абсолютной ЕКО не превышает 1,3. Полученные данные показывают, что исследуемые образцы лессовидных суглинков и техногенного элювия имеют близкие значения абсолютной ёмкости катионного обмена, хотя для первых характерны более значительные колебания между минимальны-

ми и максимальными показателями. Возможно, отмеченная особенность является следствием того, что вынесенные на поверхность вскрышные породы, являясь продуктом метаморфизации осадков лагунных и прибрежно-морских отложений, имеют сравнительно однородный минералогический состав тонкодисперсной части [35, 36]. В отличие от них, в

формировании лессовых отложений Кузнецкой котловины, как указывает С.С. Трофимов [20], принимали участие как продукты выветривания пород, лежащих в основе Кузнецкого Алатау и Салаира, так и продукты эолового седиментогенеза, характеризующиеся несколько более высокой степенью зрелости минеральной части.

Таблица 3
Отношение емкости поглощения к содержанию тонкодисперсных фракций в образцах лессовидных суглинков

Номер образца лессовидного суглинка	ЕКО, мг-экв на 100 г	Содержание		Отношение ЕКО/содержание фракции < 0,01 мм
		фракции < 0,01 мм, %	C _{опр.} , %	
1	26,5	59,8	0,32	0,44
2	30,2	60,1	0,29	0,51
3	15,4	36,5	0,31	0,42
4	17,4	52,7	0,38	0,33
5	25,4	55,1	0,51	0,46
HCP 05	2,21	0,33	0,21	—

Таблица 4
Отношение емкости поглощения к содержанию тонкодисперсных фракций в образцах мелкозема техногенного элювия

Углеразрез	ЕКО, мг-экв на 100 г	Содержание		Отношение ЕКО/содержание фракции < 0,01 мм
		фракции < 0,01 мм, %	C _{опр.} , %	
Ольжерасский	14,5	29,0	0,64	0,50
Листвянский	18,0	38,3	0,59	0,47
Черногорский	11,5	25,6	0,44	0,45
Чаданский	4,9	12,7	0,28	0,39
Каа-Хемский	6,6	16,0	0,33	0,41
HCP 05	1,31	0,46	0,21	—

Проведенные исследования по определению поглотительной способности почвообразующих пород техногенных ландшафтов Сибири показали, что их емкость катионного обмена при схожем гранулометрическом составе соответствует таковой пород, на которых сформированы принятые за эталон тяжелосуглинистые выщелоченные черноземы. Это обстоятельство говорит о сходстве минералогического состава тонкодисперсной части почвообразующих пород не только в пределах Кузнецкого угольного бассейна [33], но и других месторождений каменных углей Сибири. По этой причине при дальнейшем расчете ЛПГ поправочный коэффициент на величину поглотительной способности принимался за 1.

Таким образом, оценив содержание тонкодисперсных фракций и поглотительную способность почвообразующих пород, получается, что для почв, сформированных на поверхности отвалов каменноугольных разрезов Сибири, литогенный потенциал гумусонакопления пропорционален содержанию в них тонкодисперсных фракций.

При расчете значений ЛПГ было установлено, что наименьшим потенциалом обладают инициальные эмбриоземы (рис. 1). Максимальное количество гумуса, которое могут накопить эти почвы, составляет от 0,6 до 2%. По сравнению с ними, органоаккумулятивные и дерновые эмбриоземы имеют более высокие значения: от 1,8 до 3,5% и от 3,5 до 4,0% соответственно. Максимальным литогенным потен-

циалом гумусонакопления (5,5%) характеризуются гумусово-аккумулятивные эмбриоземы.

Оценивая зональные особенности распределения значений ЛПГ, следует отметить, что наименьшим потенциалом обладают эмбриоземы, сформированные в условиях гумидного климата ($Ia = -0,40$). Благодаря тому что интенсивность процессов выноса тонких частиц из верхней части профиля преобладает над интенсивностью процессов дезинтеграции, ЛПГ всех типов почв остается на уровне инициального эмбриозема. Полученные данные позволяют понять, почему в данной природно-климатической обстановке на поверхности техногенных ландшафтов, даже если и формируются дерновые и гумусово-аккумулятивные эмбриоземы, они со временем уступают место органоаккумулятивным (рис. 1) [25].

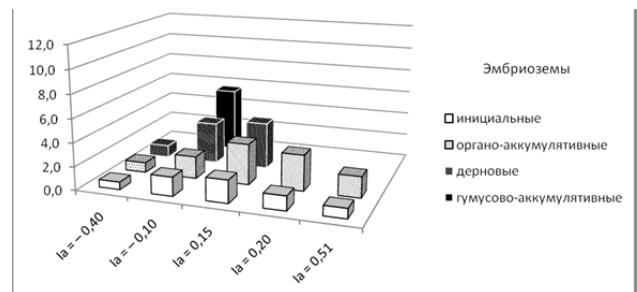

Рис. 1. Литогенный потенциал гумусонакопления эмбриоземов каменноугольных разрезов Сибири, %

В меньшей степени сказываются элювиальные процессы на гумусонакоплении в почвах, сформированных в условиях субгумидного климата ($Ia = -0,10$). Здесь это заметно только в инициальных и органо-аккумулятивных эмбриоземах, ЛПГ которых не превышает 2%. В дерновых эмбриоземах, т.е. почвах с более развитым органопрофилем, элювиальные процессы уже практически не влияют на гумусонакопление. В гумусово-аккумулятивных эмбриоземах величина ЛПГ уже максимальна, что проявляется морфологически, при формировании в профиле соответствующего горизонта, и обеспечивается легкосуглинистым гранулометрическим составом субстрата.

В почвах техногенных ландшафтов степных районов литогенный потенциал гумусонакопления снижается по мере возрастания индекса аридности. Наиболее ярко выражена эта закономерность в инициальных эмбриоземах, где на значениях ЛПГ, помимо снижения интенсивности дезинтеграции пород, сказывается также и дефляция.

Таким образом, несмотря на то что в процессе выполнения работы не ставилась цель определить содержание гумуса в исследуемых почвах, полученные результаты позволяют прогнозировать максимально возможные его значения в сложившихся условиях почвообразования. В итоге использование даже такого приближенного показателя, как литогенный потенциал гумусонакопления (ЛПГ), открывает новые возможности для проведения исследований по оценке экологического состояния и ресурсного потенциала почв техногенных ландшафтов.

Выводы

Проведенные исследования по оценке ЛПГ и выявлению зональных закономерностей возможной аккумуляции педогенных органических веществ в исследуемых почвах показали следующее:

1. Величина литогенного потенциала гумусонакопления почв отвалов каменноугольных месторождений Сибири пропорциональна содержанию в них тонкодисперсных фракций.

2. Значения литогенного потенциала гумусонакопления имеют определенные количественные интервалы для каждого типа эмбриоземов и возрастают в эволюционном ряду. Наименьшим потенциалом обладают инициальные эмбриоземы – от 0,6 до 2%. Органо-аккумулятивные и дерновые эмбриоземы имеют значения от 1,8 до 3,5% и от 3,5 до 4,0% соответственно. Максимальным ЛПГ характеризуются гумусово-аккумулятивные эмбриоземы, около 5,5%.

3. Наиболее благоприятные условия для формирования литогенной основы гумусонакопления складываются в районах с индексом аридности, близким к 0 (субгумидный и semiаридный климат). По мере усиления аридности и гумидности климата значения ЛПГ снижаются.

4. Литогенный потенциал гумусонакопления определяется в большей степени стадией эволюции почв, а в меньшей – климатическими условиями их формирования. Исключение составляют гумидные районы, где ЛПГ всех типов почв остается на уровне инициальных эмбриоземов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schmidt M.W.I., Skjemstad J.O., Czimczik C.I., Glaser B., Prentice K.M., Gelinas Y., Kuhlbusch T.A.J. Comparative analysis of black carbon in soils // Global Biogeochemical Cycles. 2001. № 15. P. 163–167.
2. Rumpel C., Balesdent J., Grootes P., Weber E., Kogel-Knabner I. Quantification of lignite- and vegetation-derived soil carbon using ¹⁴C activity measurements in a forested chronosequence // Geoderma. 2003. № 112. P. 155–166.
3. Ussiri D.A.N., Lal R. Method for determining coal carbon in the reclaimed minesoils contaminated with coal // Soil science society of America journal. 2008. № 72. P. 231–237.
4. Brodowski S., Ameling W., Haumaier L., Abetz C., Zech W. Morphological and chemical properties of black carbon in physical soil fractions as revealed by scanning electron microscopy and energy-dispersive X-ray spectroscopy // Geoderma. 2005. № 128. P. 116–129.
5. Фаткулин Ф.А. Органическое вещество молодых почв техногенных экосистем Кузбасса : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1988. 17 с.
6. Соколов Д.А. Оксидительно-восстановительные процессы в почвах техногенных ландшафтов : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2009. 17 с.
7. Семина И.С. Оценка и рациональное использование природных ресурсов для рекультивации почв в горно-таежной зоне Кузбасса : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2011. 19 с.
8. Соколов Д.А. Специфика определения органических веществ педогенной природы в почвах техногенных ландшафтов Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2012. № 2. С. 17–25.
9. Morgenroth G., Kretschmer W., Scharf A., Uhl T., Fettweis U., Bens, O., Hutt R.F. ¹⁴C measurement of soil in post-mining landscapes // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. 2004. № 223. P. 568–572.
10. Ussiri D.A.N., Lal R. Methods for determination of coal carbon in reclaimed minesoils // Geoderma. 2014. № 214. P. 155–167.
11. Кононова М.М. Органическое вещество почвы. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 314 с.
12. Lutzow M., Kogel-Knabner I., Ludwig B., Matzner E., Flessa H., Ekschmitt K., Guggenberger G., Marschner B., Kalbitz K. Stabilization mechanisms of organic matter in four temperate soils: development and application of a conceptual model // Journal of Plant Nutrition and Soil Science. 2008. № 171. P. 111–124.
13. Артемьевича З.С. Органическое вещество и гранулометрическая система почвы. М. : ГЕОС, 2010. 240 с.
14. Кононова М.М. ОВ потенциал как метод характеристики почвенных условий при различных способах орошения // Почвоведение. 1932. № 3. С. 365–376.
15. Воронин А.Д. Структурно-функциональная гидрофизика почв. М. : МГУ, 1984. 204 с.
16. Переверзев В.Н. Агрокологический потенциал оккультуренных подзолистых почв как основа устойчивого земледелия на Севере // Ресурсный потенциал почв – основа продовольственной и экологической безопасности России. СПб. : Изд. Дом СПбГУ, 2011. С. 86–87.
17. Шоба С.А., Герасимова М.И., Таргульян В.О., Урусевская И.С., Алябина И.О., Макеев А.О. Почвообразующий потенциал природных факторов // Генезис, география и экология почв. Львов, 1999. С. 90–92.
18. Почвообразующий потенциал климата для процесса гумусонакопления. Масштаб 1:35 000 000 / М.И. Герасимова, И.О. Алябина, И.С. Урусевская и др. // Федеральный атлас Природные ресурсы и экология России. М. : НИА Природные ресурсы, 2002. С. 82–83.
19. Гуркова Е.А. Специфика внутренней структуры элементов кольцевой зональности почвенного покрова Центрально-Тувинской котловины // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 184–188.

20. Трофимов С.С. Экология почв и почвенные ресурсы Кемеровской области. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1975. 300 с.
21. Хмелев В.А., Танасиенко А.А. Почвенные ресурсы Кемеровской области и основы их рационального использования. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. 477 с.
22. Курачев В.М., Андоханов В.А. Классификация почв техногенных ландшафтов // Сибирский экологический журнал. 2002. № 3. С. 255–261.
23. Андоханов В.А., Соколов Д.А. Фракционный состав окислительно-восстановительных систем почв отвалов каменноугольных разрезов // Почвоведение. 2012. № 4. С. 453–457.
24. Dai X.F., Jia X., Zhang W.P., Bai Y.Y., Zhang J.Y., Wang Y., Wang G.X. Plant height-crown radius and canopy coverage-density relationships determine above-ground biomass-density relationship in stressful environments // Biology Letters. 2009. № 5. P. 571–573.
25. Соколов Д.А., Андоханов В.А., Кулижский С.П., Доможакова Е.А., Лойко С.В. Морфогенетическая диагностика процессов почвообразования на отвалах каменноугольных разрезов Сибири // Почвоведение. 2015. № 1. С. 106–117.
26. Качинский Н.А. Механический и микроагрегатный состав почвы, методы его изучения. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.
27. Кулижский С.П., Коронатова Н.Г., Артымук С.Ю., Соколов Д.А., Новокрещеных Т.А. Сравнение методов седиментометрии и лазерной дифрактометрии при определении гранулометрического состава почв естественных и техногенных ландшафтов // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2010. № 4. С. 21–31.
28. ГОСТ 17.4.4.01 – 1984 «Охрана природы. Почвы. Методы определения ёмкости катионного обмена».
29. Рагим-заде Ф.К. Техногенные элювии вскрышных пород угольных месторождений Сибири, оценка их пригодности для восстановления почвенного покрова : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1977. 22 с.
30. Соколов Д.А., Кулижский С.П., Доможакова Е.А., Госсен И.Н. Особенности формирования почв техногенных ландшафтов в различных природно-климатических зонах юга Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 225–229.
31. Кусов А.В. Гранулометрическая диагностика внутристочечного выветривания обломочного материала в техногенных ландшафтах // Сибирский экологический журнал. 2007. № 5. С. 837–842.
32. Соколов Д.А., Кулижский С.П., Лойко С.В., Доможакова Е.А. Использование сканирующей электронной микроскопии для диагностики процессов почвообразования на поверхности отвалов каменноугольных разрезов Сибири // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2014. № 3. С. 36–52.
33. Травникова Л.С. Закономерности гумусонакопления: новые данные и их интерпретация // Почвоведение. 2002. № 7. С. 832–843.
34. Рагим-заде Ф.К. Почвообразующие породы техногенных ландшафтов // Экология и рекультивация техногенных ландшафтов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1992. 305 с.
35. Угольная база России. Том III. Угольные бассейны и месторождения Восточной Сибири (южная часть). М. : ООО «Геоинформцентр», 2002. 488 с.
36. Угольная база России. Том II. Угольные бассейны и месторождения Западной Сибири (Кузнецкий, Горловский, Западно-Сибирский бассейны; месторождения Алтайского края и Республики Алтай). М. : ООО «Геоинформцентр», 2003. 604 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 июля 2015 г.

ESTIMATION OF LYTHOGENE POTENTIAL OF HUMUS ACCUMULATING IN SOILS OF COAL-MINE DUMPS OF SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 247–253. DOI: 10.17223/15617793/399/40

Sokolov Denis A. Institute of Soil Science and Agrochemistry SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sokolovdenis@mail.ru

Merzlyakov Oleg E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: molege@mail.ru

Domozhakova Evgenia A. Tuvan Institute for the Exploration of Natural Resources SB RAS (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: sollygeoennet@mail.ru

Keywords: man-caused landscapes; soil-forming processes; soil organic matter; evolution of soils; embryozems.

This paper is devoted to the solution of a problem arising at estimating the ecologic condition of man-caused landscapes: determination of paedogene organic substance (humus) carbon content in soils enriched with coal partitions. Basing on a thesis that almost all paedogene organic substance in soils is connected with the mineral part, the authors offer an approach that allows determining the lythogene potential of humus accumulating as the maximum possible humus content. The goal of research is identify the zonal regularity of paedogene organic substance accumulating in soils of coal-mine dumps of Siberia by estimating lythogene potential of humus accumulating. Young soils of man-caused landscapes formed on the surface of coal-mine dumps and widely presented in different regions of the Siberian Federal District were the objects of research. Soils of autonomic positions of man-caused landscapes located in humid, sub-humid (mountain-taiga and forest-steppe zones of Kemerovo Oblast), semi-arid (steppe of Khakassia), arid and arid extra-continental (steppe of Tuva) climate were analyzed. The research shows that values of lythogene potential of humus accumulating in soils of coal-mine dumps of Siberia are proportional to the content of fine-dispersed fractions, and related to certain intervals for each soil type. An increase of value of the lythogene potential of humus accumulating is registered in the evolution line. Initial embryozems have minimum potential (from 0.6 to 2 %). Organic-accumulating and turf embryozems have the following values of potential: from 1.8 to 3.5 % and from 3.5 to 4.0 % respectively. Humus-accumulating embryozems are characterized by the maximum potential value of about 5.5 %. It is shown that best conditions for lythogene humus accumulating base formation are in regions with the aridity index of about 0 (sub-humid and semi-arid climate). Values of lythogene potential of humus-accumulating decrease when aridity or humidity increases. It is observed that lythogene potential of humus accumulating is determined by soil evolution stage and climate conditions. Humid regions are an exception, because the potential of all soil types stays at the level of initial embryozems. Thus, results of the research allow forecasting maximum values of humus content in soils under certain conditions. The use of such index as lythogene potential of humus accumulating creates new opportunities for research of ecologic conditions and resource potential of soils in man-caused landscapes.

REFERENCES

1. Schmidt, M.W.I. et al. (2001) Comparative analysis of black carbon in soils. *Global Biogeochemical Cycles*. 15. pp. 163–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.1029/2000GB001284>
2. Rumpel, C. et al. (2003) Quantification of lignite- and vegetation-derived soil carbon using ¹⁴C activity measurements in a forested chronosequence. *Geoderma*. 112. pp. 155–166. DOI: 10.1016/S0016-7061(02)00302-6

3. Ussiri, D.A.N. & Lal, R. (2008) Method for determining coal carbon in the reclaimed minesoils contaminated with coal. *Soil Science Society of America Journal*. 72. pp. 231–237. DOI: 10.1016/j.geoderma.2013.09.015
4. Brodowski, S. et al. (2005) Morphological and chemical properties of black carbon in physical soil fractions as revealed by scanning electron microscopy and energy-dispersive X-ray spectroscopy. *Geoderma*. 128. pp. 116–129. DOI: 10.1016/j.geoderma.2004.12.019
5. Fatkulin, F.A. (1988) *Organicheskoe veshchestvo molodykh pochv tekhnogennykh ekosistem Kuzbassa* [The organic matter of soil of young man-made ecosystems of Kuzbass]. Abstract of Biology Cand. Diss. Novosibirsk.
6. Sokolov, D.A. (2009) *Okislitel'no-vosstanovitel'nye protsessy v pochvakh tekhnogennykh landshaftov* [The redox processes in soils of man-made landscapes]. Abstract of Biology Cand. Diss. Novosibirsk.
7. Semina, I.S. (2011) *Otsenka i ratsional'noe ispol'zovanie prirodnnykh resursov dlya rekultivatsii pochv v gorno-taiezhnoy zone Kuzbassa* [Assessment and management of natural resources for the remediation of soils in mountain taiga zone of Kuzbass]. Abstract of Biology Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Sokolov, D.A. (2012) Specificity of determination of paedogenic organic substances in soils of man-caused landscapes of Kuzbass. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*. 2. pp. 17–25. (In Russian).
9. Morgenroth, G. et al. (2004) 14C measurement of soil in post-mining landscapes. *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research*. 223 pp. 568–572. DOI: 10.1016/j.nimb.2004.04.105
10. Ussiri, D.A.N. & Lal, R. (2014) Methods for determination of coal carbon in reclaimed minesoils. *Geoderma*. 214 pp. 155–167. DOI: 10.1016/j.geoderma.2013.09.015
11. Kononova, M.M. (1963) *Organicheskoe veshchestvo pochvy* [Soil organic matter]. Moscow: USSR AS.
12. Lutzow, M. et al. (2008) Stabilization mechanisms of organic matter in four temperate soils: development and application of a conceptual model. *Journal of Plant Nutrition and Soil Science*. 171. pp. 111–124. DOI: 10.1002/jpln.200700047
13. Artem'eva, Z.S. (2010) *Organicheskoe veshchestvo i granulometricheskaya sistema pochvy* [The organic matter of soil and grading system]. Moscow: GEOS.
14. Kononova, M.M. (1932) OV potentsial kak metod kharakteristiki pochvennykh usloviy pri razlichnykh sposobakh orosheniya [The redox potential as a method of the characteristics of the soil conditions in the various methods of irrigation]. *Pochvovedenie*. 3. pp. 365–376.
15. Voronin, A.D. (1984) *Strukturno-funksional'naya gidrofizika pochvy* [Structural and functional hydrophysics of soil]. Moscow: Moscow State University.
16. Pereverzev, V.N. (2011) Agroekologicheskiy potentsial okul'turennyykh podzolistykh pochv kak osnova ustoychivogo zemledeliya na Severe [Agroecological potential of cultivated podzolic soils as the basis for sustainable agriculture in the North]. In: Aparin, B.F. (ed.) *Resursnyy potentsial pochv – osnova prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti Rossii* [The resource potential of the soil as the basis of food and environmental safety of Russia]. St. Petersburg: Izd. Dom St. Petersburg State University.
17. Shoba, S.A. et al. (1999) [Soil-forming potential of natural factors]. *Genetika, geografiya i ekologiya pochv* [Genesis, geography and ecology of soils]. Proc. of the International Conference. Lvov. 16–18 September 1999. Lvov: Lvov State University. pp. 90–92. (In Russian).
18. Gerasimova, M.I. et al. (2002) Pochvoobrazuyushchiy potentsial klimata dlya protsessa gumusonakopleniya. Masshtab 1:35 000 000 [The soil-forming potential of climate for humus accumulation process]. In: NIA Prirodnye resursy. *Federal'nyy atlas Prirodnye resursy i ekologiya Rossii* [Federal atlas of Natural Resources and Ecology of Russia]. Moscow: NIA Prirodnye resursy.
19. Gurkova, E.A. (2009) Specificity of internal structure of ring zonalities' elements of soil cover in the Central-Tuva hollow. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 321. pp. 184–188. (In Russian).
20. Trofimov, S.S. (1975) *Ekologiya pochv i pochvennye resursy Kemerovskoy oblasti* [Soil ecology and soil resources of Kemerovo Oblast]. Novosibirsk: Nauka.
21. Khmelev, V.A. & Tanasienko, A.A. (2013) *Pochvennye resursy Kemerovskoy oblasti i osnovy ikh ratsional'nogo ispol'zovaniya* [Soil resources of Kemerovo Oblast and the basis of their rational use]. Novosibirsk: SB RAS.
22. Kurachev, V.M. & Androkhanov, V.A. (2002) Classification of Soils of Technogenous Landscapes. *Sibirskiy ekologicheskiy zhurnal – Contemporary Problems of Ecology*. 3. pp. 255–261. (In Russian).
23. Androkhanov, V.A. & Sokolov, D.A. (2012) Fraktsionnyy sostav okislitel'no-vosstanovitel'nykh sistem pochv otvalov kamennougol'nykh razrezov [Fractional composition of redox systems of soil dumps of coal mines]. *Pochvovedenie*. 4. pp. 453–457.
24. Dai, X.F. et al. (2009) Plant height-crown radius and canopy coverage-density relationships determine above-ground biomass-density relationship in stressful environments. *Biology Letters*. 5. pp. 571–573.
25. Sokolov, D.A. et al. (2015) Morfogeneticheskaya diagnostika protsessov pochvoobrazovaniya na otvalakh kamennougol'nykh razrezov Sibiri [Morphogenetic diagnosis of soil formation processes in the dumps of coal mines in Siberia]. *Pochvovedenie*. 1. pp. 106–117.
26. Kachinskiy, N.A. (1958) *Mekhanicheskiy i mikroagregatnyy sostav pochvy, metody ego izucheniya* [Mechanical and microaggregate soil composition, methods of its study]. Moscow: USSR AS.
27. Kulizhskiy, S.P. et al. (2010) Comparison of the sedimentation method and the laser-diffraction analysis during determination of soil texture of natural and technogenic landscapes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*. 4. pp. 21–31. (In Russian).
28. State Standart. GOST 17.4.4.01 – 1984. *Okhrana prirody. Pochvy. Metody opredeleniya emkosti kationnogo obmena* [The Nature Conservation. Soils. Methods for determination of cation-exchange capacity].
29. Ragim-zade, F.K. (1977) *Tekhnogennyye eluvii vskryshnykh porod ugor'nykh mestorozhdeniy Sibiri, otsenka ikh prigodnosti dlya vosstanovleniya pochvennogo pokrova* [Man-made eluvium of overburden of coal deposits in Siberia, assessment of their suitability for the restoration of soil]. Abstract of Biology Cand. Diss. Novosibirsk.
30. Sokolov, D.A. et al. (2012) Soil forming features under different environmental conditions in anthropogenic landscapes of south Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 364. pp. 225–229. (In Russian).
31. Kusov, A.V. (2007) Granulometric Diagnostics of Intersoil Erosion of Detritus in Man-Caused Landscapes. *Sibirskiy ekologicheskiy zhurnal – Contemporary Problems of Ecology*. 5. pp. 837–842. (In Russian).
32. Sokolov, D.A. et al. (2014) Using electronic scanning microscopy for diagnostics of soil-forming processes on the surface of coal-mine dumps in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*. 3. pp. 36–52. (In Russian).
33. Travnikova, L.S. (2002) Zakonomernosti gumusonakopleniya: novye dannye i ikh interpretatsiya [Laws of humus accumulation, new data and their interpretation]. *Pochvovedenie*. 7. pp. 832–843.
34. Ragim-zade, F.K. (1992) Pochvoobrazuyushchie porody tekhnogennykh landshaftov [Soil-forming rocks of man-made landscapes]. In: Gadzhiev, I.M. et al. *Ekologiya i rekultivatsiya tekhnogennykh landshaftov* [Ecology and remediation of man-made landscapes]. Novosibirsk: Nauka.
35. Cherepovskiy, V.F. (ed.) (2002) *Ugol'naya baza Rossii* [Coal base of Russia]. V III. *Ugol'nye basseyny i mestorozhdeniya Vostochnoy Sibiri (yuzhnaya chast')* [Coal basins and deposits in Eastern Siberia (south part)]. Moscow: Geoinformatsentr.
36. Cherepovskiy, V.F. (ed.) (2003) *Ugol'naya baza Rossii* [Coal base of Russia]. V. II. *Ugol'nye basseyny i mestorozhdeniya Zapadnoy Sibiri (Kuznetskiy, Gorlovskiy, Zapadno-Sibirskiy basseyny; mestorozhdeniya Altayskogo kraja i Respubliki Altay)* [Coal basins and deposits of Western Siberia (Kuznetsk, Gorlovka, the West Siberian Basins, deposits of Altai Krai and the Altai Republic)]. Moscow: Geoinformatsentr.

Received: 22 July 2015

ЧЕТВЕРТИЧНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КОЖАМЖАР (ПАВЛОДАРСКАЯ ОБЛАСТЬ, КАЗАХСТАН)

Описано новое местонахождение ископаемых млекопитающих в Павлодарском Прииртышье. Оно находится в 120 км севернее г. Павлодар на левом берегу р. Иртыш. В аллювиальных отложениях тобольского возраста у п. Кожамжар обнаружены остатки *Elasmotherium sibiricum*, *Mammuthus ex gr. trogontherii-chosaricus*, *Bison* sp. Отдельно, в отложениях позднего неоплейстоцена, обнаружены зубы *Mammuthus primigenius*. Череп сибирского эласмотерия по размерам превосходит черепа из Восточной Европы. Нижняя челюсть слона по размерам и морфологии зубов последней смены очень близка к таковым для *Mammuthus trogontherii chosaricus*.

Ключевые слова: Павлодарское Прииртышье; средний неоплейстоцен; прииртышский фаунистический комплекс; *Mammuthus ex gr. trogontherii-chosaricus*; *Elasmotherium sibiricum*; морфология.

Введение

Остатки ископаемых млекопитающих позднего кайнозоя на территории Павлодарской области встречаются очень часто, но неравномерно. Чаще всего их можно встретить на песчаных отмелях или в обнажениях речных террас. Возрастной интервал известных местонахождений охватывает время от позднего миоцена до голоцен. Наиболее многочисленными являются местонахождения млекопитающих среднего и позднего неоплейстоцена. К отложениям среднего неоплейстоцена в Павлодарском Прииртышье приурочены такие местонахождения, как Пятерыжское и Григорьевка. Предположительно из отложений среднего неоплейстоцена происходят остатки крупных млекопитающих в разрезах у п. Ямышево, Жана-Аул и между пп. Моисеевка и Железинка, для этих местонахождений требуется уточнение видового состава и положения в разрезах. Сборы остатков четвертичных млекопитающих из отложений надпойменных террас р. Иртыш активно проводились в 1950–1970-х гг. сотрудниками лаборатории палеозоологии Института зоологии (г. Алматы) и несколькими геологическими организациями, которые отправляли собранные материалы на определение в Геологический институт РАН (г. Москва). Значительный и часто уникальный материал представлен в Павлодарском областном краеведческом музее [1]. Новые сборы осуществляют сотрудники Павлодарского государственного педагогического института (ПГПИ), Павлодарского дома географии и Томского государственного университета. В настоящее время коллекция Музея природы ПГПИ является самой многочисленной среди музеев г. Павлодара и располагает остеологическим материалом из нескольких местонахождений, включая фрагмент скелета *Mammuthus trogontherii* (Pohlig) из Пятерыжского [2] и значительный материал из Григорьевки [3]. Настоящая работа посвящена анализу новых находок остатков крупных млекопитающих из местонахождения Кожамжар.

Принятые в работе сокращения: ГИН – Геологический институт РАН (г. Москва, Россия), ИЗ – Институт зоологии (г. Алматы, Республика Казахстан); МП

ПГПИ – Музей природы Павлодарского государственного педагогического института (г. Павлодар, Республика Казахстан); ПИН – Палеонтологический институт РАН (г. Москва, Россия); СКМ – Саратовский краеведческий музей (г. Саратов, Россия); знак «С» перед числовым значением в таблицах указывает на неполный промер кости.

Географическое и геологическое положение местонахождения Кожамжар

Разрез четвертичных отложений находится на левом берегу р. Иртыш в 120 км северо-западнее г. Павлодар, непосредственно ниже по течению от п. Актогай (до 1995 г. назывался Краснокутск) до с. Кожамжар Актогайского района (рис. 1). Протяженность разреза составляет около 8 км. При обследовании разреза в 2011 и 2015 гг. было отмечено, что берег р. Иртыш активно подмывается ниже п. Актогай и около с. Кожамжар и обнажается цокольная терраса р. Иртыш. Наиболее обнаженные части разреза имеют координаты у п. Актогая – 53°01'02" с.ш., 75°57'40" в.д., у с. Кожамжар – 53°01'59" с.ш., 75°52'18" в.д. Средняя часть разреза протяженностью около 4 км в настоящее время не подмывается (представлена задернованными осипами) и удалена от русловой части Иртыша до 300–500 м. Строение разреза в обоих обнажениях идентично. В нижнем по течению обнажении (у с. Кожамжар) местные жители отмечают находки костных остатков, большая часть которых утеряна. Ранее этот разрез был описан Р.А. Зиновой [4] под названием «Рассвет» (по названию существовавшего здесь совхоза), в геологических источниках местонахождение млекопитающих известно также под названием Краснокутск, по привязке части сборов костного материала. К.Ж. Жылкибаев [5] отмечает находку нижнего левого зуба хозарского слона, сделанную М.Б. Куюнцем в 1964 г. около п. Жданово (в настоящее время с. Ленинградское) в 1 км ниже по течению от п. Актогай. Б.С. Кожамкулова [6] отмечает находки нескольких костей бизона из Краснокутска.

Рис. 1. Географическое положение местонахождения у с. Кожамжар (Павлодарская область)

Описываемые ниже остатки млекопитающих поступили в Музей природы Павлодарского государственного педагогического института осенью 2010 г. Собственно сами сборы были сделаны жителем с. Кожамжар К.С. Хайруллиным в 1988–1989 гг. в «нижнем» по течению обнажении. Остатки залегали на глубине 7 м от верхнего края террасы, на границе крупнозерни-

стых ожелезненных песков с линзами мелко-среднезернистых песков слоя 7 и перекрывающих их горизонтально-косослоистых песков слоя 6 (рис. 2). Ниже приведено составленное нами описание разреза четвертичных отложений в обнажении у с. Кожамжар. Эта часть разреза имеет более крутое обнажение и меньше осипей; сверху вниз обнажаются:

Литологический состав и особенности залегания слоев

Мощность, м

1	Почвенный слой, гумусированный, плотный, темно-коричневого цвета	0,4
2	Лёссовидный суглинок, светло-коричневый, плотный, не слоистый, пористый, с вертикальной отдельностью (хорошо держит стенку), слабо карбонатизирован, местами с тонкими прослойками мелкозернистого песка. Нижняя граница резкая, ровная	0,8
3	Серо-коричневые супеси, в нижней части переходят в пески горизонтально слоистые с чередованием зернистости от мелкозернистой к среднезернистой и цветовыми изменениями от светло-коричневых к рыжевато-коричневым, ожелезненным. Нижняя граница четкая, но неровная	1,0–1,5
4	Серые крупнозернистые пески с включением мелкой гальки (до 5 мм), с горизонтальной и косой слоистостью, невыдержаные по простирианию, выклинивающиеся и имеющие раздувы	0,1–0,6
5	Пески разнозернистые, светло-коричневые с тонкой слабо наклонной слоистостью	1,0–1,5
6	Горизонтальные и косослоистые пески, мелкозернистые с переслаиванием с крупнозернистыми песками и галечниками (до 1,5–2 см). Косослоистые серии имеют мощность до 10–15 см. Окраска песков часто меняется от серого к рыжему цвету. Нижняя граница резкая ровная. На границе слоя найдены остатки крупных млекопитающих.	2,8
7	Крупнозернистые пески с мелкой галькой, насыщенные окислами железа и окрашенные в ржаво-бурый цвет. Нижняя граница резкая, ровная	0,1–0,2
8	Массивные, плотные, сизые, голубовато-серые глины с четкой тонкой горизонтальной ленточной слоистостью, мягкие, легко режутся инструментом, вязкие, местами переслаивающиеся с алевритами. Верхние 8–10 см глин на контакте с песками пропитаны окислами Fe, окрашены в коричневый цвет и стали хрупкими, легко крошаются. При высыхании глины становятся светло-серыми, почти белыми, очень твердыми. В нижней части слоя на плоскостях напластования отмечаются тонкие прослойки светло-серого песка, а также развитие тонких уплотнений из гидроокислов железа. Встречаются лепешкообразные включения сидерита. Уходят под урез воды	9,5

Общая высота террасы от уреза воды составляет от 16,5 до 17,3 м при меженном уровне. Описанное обнажение имеет четко выраженное двухуровневое строение. Нижнюю часть составляет слой 8, представленный озерными слоистыми глинистыми осадками, преимущественно сизой и голубовато-серой окраски. По данным Р.А. Зиновой [7], глины составляют отложения краснокутской (= качирской) свиты самого конца верхнего плиоцена. Глины с размывом перекрыты разновозрастными четвертичными отложениями, слагающи-

ми третью надпойменную террасу. Разрез между п. Актогай и п. Кожамжар выделен в качестве стратотипа краснокутской свиты [7]. З.А. Сваричевская и М.С. Тэн [8] определяют возраст краснокутской свиты как среднеплиоценовый. Возраст этих отложений, в соответствии с данными Р.А. Зиновой [4], по малакофуне и спорово-пыльцевым спектрам оценивается в настоящее время как эоплейстоценовый и сопоставляется с верхним подгоризонтом кочковского горизонта [9] и ашшеронским региоярусом.

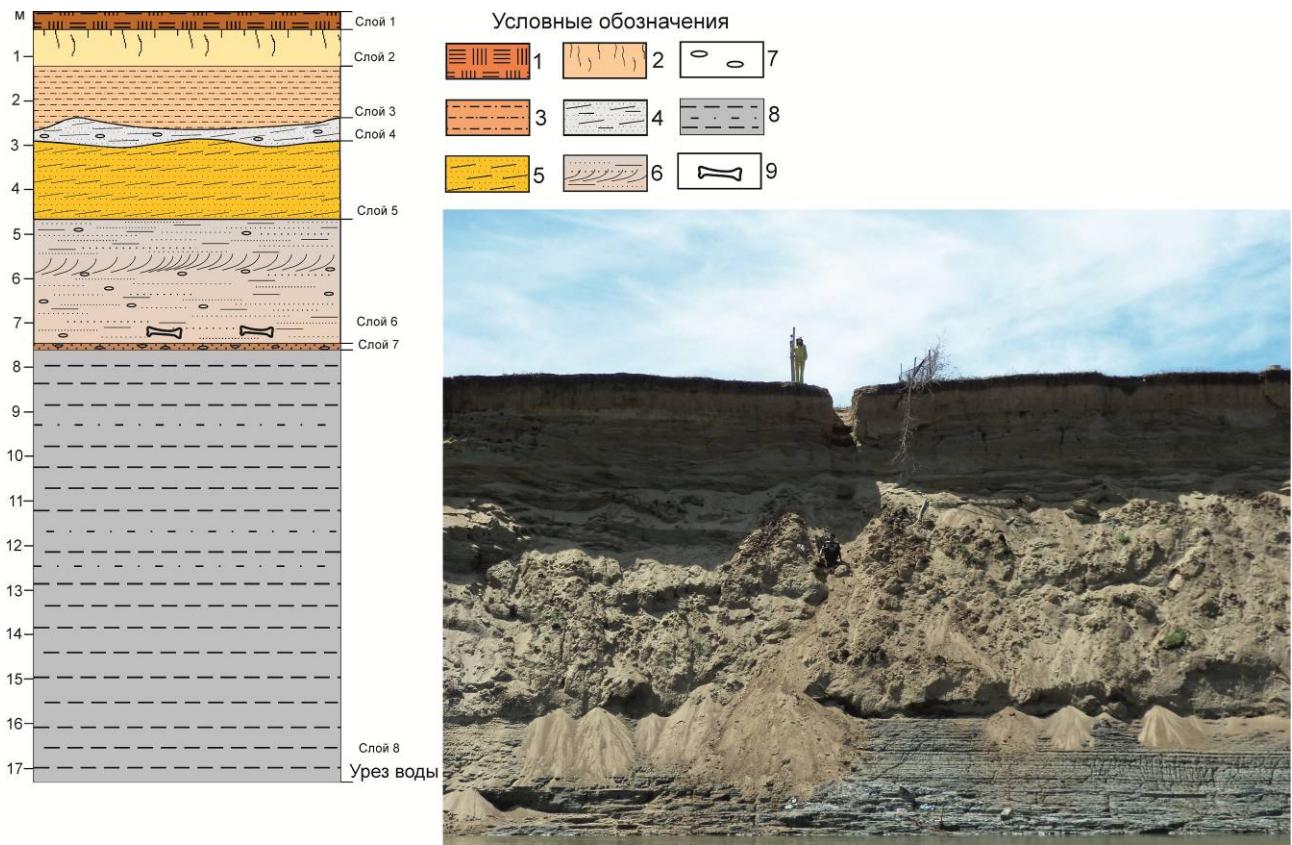

Рис. 2. Общий вид и схема разреза четвертичных отложений р. Иртыш у п. Кожамжар (Павлодарская область):

- 1 – почвенно-растительный слой;
- 2 – лёссовидный суглинок;
- 3 – суглинки и супеси;
- 4 – пески с горизонтальной и косой слоистостью;
- 5 – косослоистые пески;
- 6 – разнозернистые, переслаивающиеся пески;
- 7 – галька;
- 8 – сизые глины с включениями алевритов;
- 9 – остатки млекопитающих

Верхнюю часть разреза составляют залегающие с размывом аллювиальные отложения среднего–верхнего неоплейстоцена (слои 2–7). Возраст костеносных слоёв 6 и 7 (по описанию разреза, сделанному Р.А. Зиновой в 1967 г., это слои 9–11 в точке наблюдения 42) соотносится нами с отложениями тобольского горизонта. Из этих слоев получены остатки *Elasmotherium sibiricum*, *Mammuthus* ex gr. *trogontherii-chosaricus*, *Bison* sp., которые будут описаны ниже. Основной акцент в своих исследованиях Р.А. Зинова делала на спорово-пыльцевых данных, а остатки млекопитающих ею отмечены вскользь, с указанием общего видового состава из нескольких предположительно одновозрастных местонахождений: «*Equus* sp., очень крупная форма с примитивными признаками, сближающими ее с *Equus steinheimensis* Reich, а также остатки *Cervus* ex gr. *elaphus* L., *Capreolus* sp., *Megaloceros* sp., *Cervidae* (cf. *Rangifer*), *Mammuthus* cf. *trogontherii* Pohl, *Palaeoloxodon* cf. *antiquus* (Falc.)» [4. С. 101]; со ссылкой на определения Э.А. Вангенгейм. При этом на схеме разреза у Краснокутска ею отмечена привязка этих остатков, собранных на глубинах 5–7 м., но преимущественно в средней части толщи песков (слой 9 по Р.А. Зиновой, рис. 2) к отложениям среднего неоплейстоцена. В коллекциях ГИН хранятся остатки бизонов и зубы слонов из сборов Р.А. Зиновой и Всесоюзного гидрогеологического треста. Степень их минерализации и сохранность аналогичны костям, полученным

нами из этого слоя. Раковины моллюсков представлены *Corbicula fluminalis* (Müll.). Семенная флора, полученная Р.А. Зиновой из диагональных песков, представлена *Azolla interglacialica* Nikit., *Potamogeton vaginatus* Turcz., *P. filiformis* Pers., *Carex* sp., *Chenopodium album* L., *C. rubrum* L., *Heleocharis palustris* (L.), *Limananthemum hymphoides* (L.) и соответствует тобольскому межледниковью. В спорово-пыльцевом спектре преобладают древесные растения (*Pinus* более 70%, *Betula* около 20%), травянистые представлены маревые, полынью, в меньшей степени сложноцветными.

На границе слоев 3 и 4 обнаружены два зуба «типичного» *Mammuthus primigenius* Blum. (табл. 3), имеющих меньшую минерализацию и небольшие отличия в цвете от костей из слоя 6. Слои 3 и 4 залегают с размывом, не выдержаны по простирианию, что в совокупности с зубами «типичных мамонтов» позволяет определить время их формирования как поздний неоплейстоцен.

Материал и методы исследования

Остеологические материалы представлены следующими экземплярами:

- нижняя челюсть (МП ПГПИ экз. 1523/2011-ХЯ) слона переходного типа из группы *Mammuthus* ex gr. *trogontherii-chosaricus* с двумя зубами последней смены m3 (МП ПГПИ экз. 1519-1/2011 и экз. 1519-2/2011);

– череп (МП ПГПИ экз. 1521/2011-ХЯ) сибирского эласмотерия *Elasmotherium sibiricum* Fischer 1808;

– два верхних зуба мамонта: предпоследней смены M2 (МП ПГПИ экз. 1520-1/2011) и последней смены M3 (экз. 1520-2/2011) *Mammuthus primigenius* (Blumenbach 1799);

– фрагмент рогового стержня (МП ПГПИ экз. 1522/2011-ХЯ) бизона *Bison* sp.

Для оценки общего видового состава местонахождения и анализа стратиграфического положения использованы коллекции ГИН № 305, 895.

Для сравнения использованы опубликованные материалы по трогонтериевому слону и сибирскому эласмотерию.

Методика. Промеры нижней челюсти трогонтериевого слона взяты по А.В. Шпанскому и др. [10]. Промеры черепа сибирского эласмотерия брались по А.А. Хромову [11] с дополнениями А.В. Шпанского. Для описаний и измерений зубов слонов использована методика, изложенная в работе И.А. Дуброво [12], для определения смены зубов использована методика А.В. Шера и В.Е. Гарутта [13].

Описание остатков

Полученные материалы имеют разную сохранность: череп эласмотерия и нижняя челюсть трогонте-

риевого слона имеют сломы, но не несут следы окатывания, погрызов, шелушения, окрашены в красно-коричневый цвет; верхние зубы мамонта менее минерализованы и отличаются цветом, имеют серо-коричневую окраску; рог бизона имеет незначительные следы окатанности, сильно минерализован, во многих местах развиты пятна окислов марганца или железа.

Mammuthus ex gr. trogontherii-chosaricus

Остатки трогонтериевого слона представлены нижней челюстью МП ПГПИ экз. 1523/2011-ХЯ с двумя зубами последней смены т3 (МП ПГПИ экз. 1519-1/2011 и экз. 1519-2/2011) (рис. 3). Нижняя челюсть имеет среднюю степень сохранности, у нее отсутствуют обе восходящие ветви, отломлены лингвальные стенки альвеол и подбородочный отросток. Челюсть некрупных размеров (табл. 1), горизонтальные ветви толстые, раздутые, центральная поверхность горизонтальных ветвей относительно ровная со слабым прогибом вверх в средней части (рис. 3, б). Симфиз относительно высокий. Передние концы сг. mentalis резкие валикообразные. Высота горизонтальной ветви по переднему краю альвеолы значительно выше, чем по заднему краю. На бокальной стороне горизонтальной ветви находится одно подбородочное отверстие, расположенное перед передним корнем зуба. Угол расхождения горизонтальных ветвей около 75°.

Рис. 3. Нижняя челюсть слона *Mammuthus ex gr. trogontherii-chosaricus* из местонахождения Кожамжар МП ПГПИ экз. 1523/2011-ХЯ:
а – вид сверху; б – вид сбоку

Таблица 1

Размеры нижних челюстей *Mammuthus trogontherii*

Промеры, мм	Кожамжар МП ПГПИ 1523 2011	Пятерыжск П2002.1149 [2]	Усть- Тарка ИАЭ № 18 [10]	Азов I [14]
Длина горизонтальной ветви	C425	480	472	
Высота горизонтальной ветви по переднему краю альвеолы	190	235	240	
То же по заднему краю	160	171	169	187
Толщина горизонтальной ветви (наиб.)	C155	180	194	174
Расстояние между горизонтальными ветвями по переднему краю альвеол (внутри)	60?	70	85	
Наибольшее расстояние между внешними стенками горизонтальных ветвей (по заднему краю)	C513	640	577	620
Расстояние между зубами (спереди, наим.)	70	67	68	
Расстояние между зубами сзади (по срединным осям)	230	185	200	
То же наибольшее по бокальным сторонам зубов	298	275	282	
Высота симфиза	96	93	112	
Передне-задний его поперечник (вместе с подбородочным отростком)	C101	160	150	

В нижней челюсти функционировали зубы последней смены т3 средней степени стертости – передние пластины стерты до корня, а задние только затронуты стиранием, талон еще не начал стираться. Жевательная поверхность зубов слабо вогнутая в поперечной плоскости. Пластины широкие с раздувами в средней части. Тип стирания пластин (– . –). Эмаль умеренно толстая с волнистыми складками. Размеры зубов приведены в табл. 2. Аналогичную сохранность и толщину эмали

(2–2,2 мм) имеют зубы (ГИН 305/64 и 895/44а), собранные Р.А. Зиновой и геологами Всесоюзного гидро-геологического треста. Еще один зуб т3 (ИЗ 3515/64-П) отмечает К.Ж. Жылкибаев [5]. Его морфометрические данные включены в общий размерный ряд зубов *M. chosaricus* [5. Табл. 11]. Крайние значения по частоте пластин на 10 см (7–8,5 шт.) и толщина эмали (2–2,5 мм) хорошо сопоставимы с параметрами зубов описанной нами нижней челюсти.

Таблица 2

Размеры коренных зубов т3 *Mammuthus trogontherii* из местонахождений Западно-Сибирской равнины и Европы, мм

Промеры	Кожамжар МП ПГПИ		<i>Mammuthus trogontherii trogontherii</i>			<i>Mammuthus trogontherii chosaricus</i>		
	Пятерыжск МП ПГПИ [2]	Вест Рантон [15]	Азов 1 [14]	Черный Яр [16]	Р. Оряя [17]	Чембакчино [18]		
	m3 sin <u>1519-1</u> 2011	m3 dex <u>1519-2</u> 2011	m3 dex sin П2002.1149	m3 dex sin 1992.36	m3 dex sin AM3 № КП-21081	m3 dex; sin КП 4874	m3 dex; sin ОФ-909	m3 dex sin ХМ-10398
Длина коронки	200	210	215; 225	430	418	258; 252	C. 190; с. 195	315
Наибольшая ширина коронки	100	93	85,5; 91,2	104	91	98; 97	C. 84; с. 75	80
Наибольшая высота коронки	115	110	–	167	168			145
Общее количество пластин	12 + талон	12 + талон	12, 13	21	22	18	13 + ?	22
Частота пластин на 10 см	6,5–7	6–6,5	6	5,25	5,9	6; 5,5	6,5–8	5,75
Толщина эмали	2,0–2,3	2,0	1,8–2,5–3,1	2,0–2,3–2,7	2,2–2,4	1,8–2,1	1,8–2,1	1,9

Сравнение зубов слона из Кожамжара с зубами слонов из других местонахождений показало, что по показательным характеристикам – частота пластин на 10 сантиметров и толщина эмали – зубы слона из Кожамжара более прогрессивны, чем у типичных *Mammuthus trogontherii trogontherii* из Западной Сибири и Европы, и приближаются к показателям, характерным для *M. trogontherii chosaricus* Dubrovo.

Mammuthus primigenius Blum.

Остатки мамонта представлены двумя верхними зубами М2 и М3 МП ПГПИ экз. 1520-1/2011 (рис. 4) и экз. 1520-2/2011 (табл. 3). Размеры и ключевые морфологические параметры зубов являются типичными для *Mammuthus primigenius* из казахстанских местонахождений.

Elasmotherium sibiricum Fisch.

Фрагмент черепа МП ПГПИ экз. 1521/2011-ХЯ представлен лобно-затылочной частью (рис. 5), передняя часть черепа отломлена на уровне средней линии куполообразного возвышения. Скуловые дуги отломлены у основания, также отломлен левый затылочный выступ. Засуставные отростки конусообразные, располагаются на расстоянии 220 мм от затылочных мышцелков. Затылочные мышцелки крупные, овальные. Вскрытое сломом куполообразное возвышение показывает, что его внутренняя часть

представлена крупноячеистой костной тканью и значительно пневматизирована. Толщина кости в верхней части возвышения составляет от 5 до 10 мм, а в боковых частях 10–15 мм. Внешняя поверхность куполообразного возвышения сильно шероховатая, имеет многочисленные борозды и канавки, что указывает на значительный индивидуальный возраст животного. Затылочный гребень хорошо развит и имеет форму раздвоенного ласточкиного хвоста. Угловые части затылочного гребня расходятся под прямым углом, массивные, бугристые, сильно нависающие над затылочными мышцелками. Плоскость затылочной кости сильно изогнута (выпуклая) в нижней части (над затылочным отверстием) и плавно переходит в очень гипертрофированные длинные и широко расположенные боковые затылочные бугры. Крайние точки затылочных бугров выходят за ширину скуловых дуг и дают наибольшую ширину черепа. Задняя поверхность бугров неровная с многочисленными острыми гребешками и бугорками. Лингвальная часть затылочных бугров направлена в стороны и вперед, параллельно задней части скуловой дуги. Такое строение делает глубоко посаженными ушные каналы животного. Верхнюю часть затылочной плоскости (между угловыми частями затылочного гребня) занимает крупное углубление округлой формы (горизонтальный диаметр 63 мм).

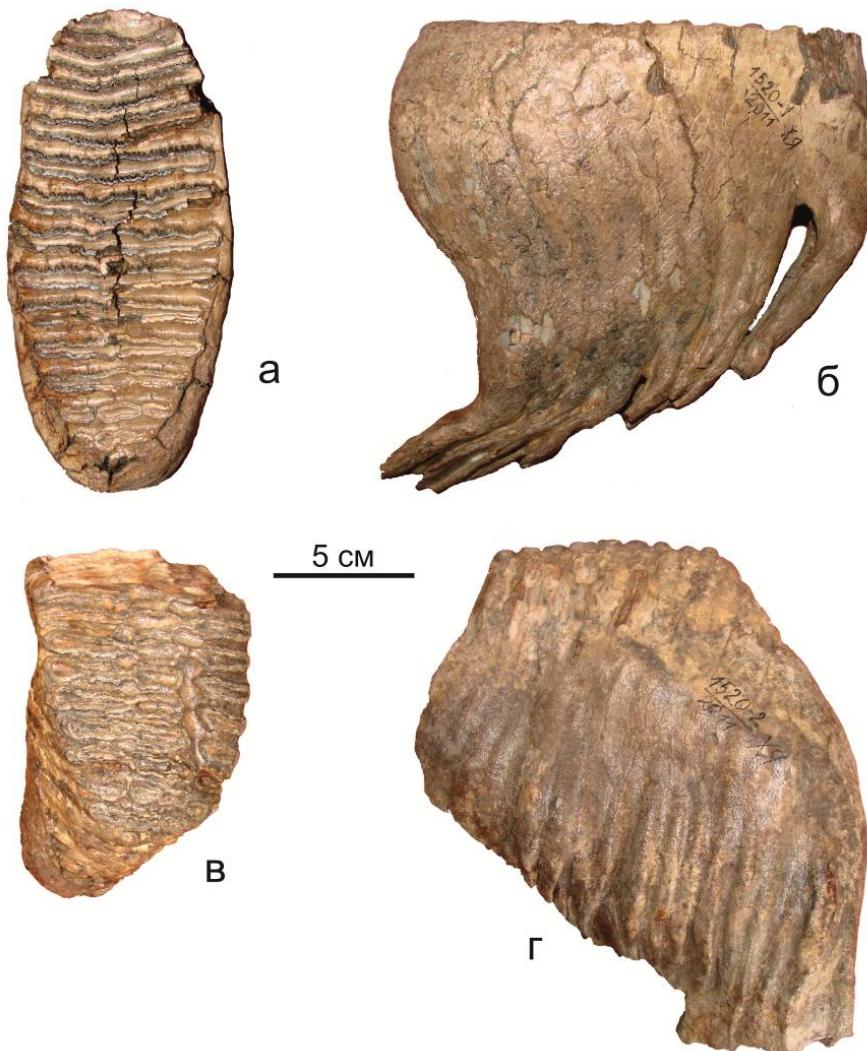

Рис. 4. Верхние зубы *Mammuthus primigenius* из местонахождения Кожамжар: а – М2 (МП ПГПИ экз. 1520-1/2011) с оклюзальной поверхностью; б – он же сбоку; в – М3 (МП ПГПИ экз. 1520-2/2011) с оклюзальной поверхности; г – он же сбоку

Таблица 3

Размеры верхних коренных зубов *Mammuthus primigenius* из некоторых местонахождений Казахстана, мм

Промеры	Павлодарская область Кожамжар МП ПГПИ		г. Алма-Ата, угол улиц Ленина и Кирова [5]	г. Усть- Каменогорск [5]	г. Павлодар (при строительстве Мясокомбината) [5]
	М2 1520-1 2011	М3 1520-2 2011	М3 3519 52-Ал	М2 или М3 Б/№ колл.	М2 3490 53-П
Длина коронки	180	–	122	140	135
Наиб. ширина коронки	79	80	68	78	75
Наиб. высота коронки	130	150	40	95	60
Общее кол-во пластин	13 + талон	>17	–	12	11
Частота пластин на 10 см	8–9	12	10	9	8
Толщина эмали	1,8	1,5–2,0	1,5	1,1–1,5	1,5

В табл. 4 представлены промеры черепов *Elasmotherium sibiricum* (рис. 5) из местонахождения Кожамжар и из восточноевропейских местонахождений. Несмотря на фрагментарность черепа, по многим признакам – длина мозгового отдела, ширина в затылочных гребнях, ширина куполообразного возвышения, расстояние от края затылочных мышцелков до вершины засуставного отростка – данный экземпляр хорошо сопоставим с че-

рами сибирского эласмотерия. При этом размеры экземпляра из Кожамжара значительно превосходят размеры восточноевропейских эласмотериев.

Фрагмент рогового стержня (МП ПГПИ экз. 1522/2011-ХЯ) бизона представлен дистальной половиной, отломленной по косой. Рог принадлежал крупному животному, сохранившийся фрагмент имеет длину 337 мм по хорде (рис. 6).

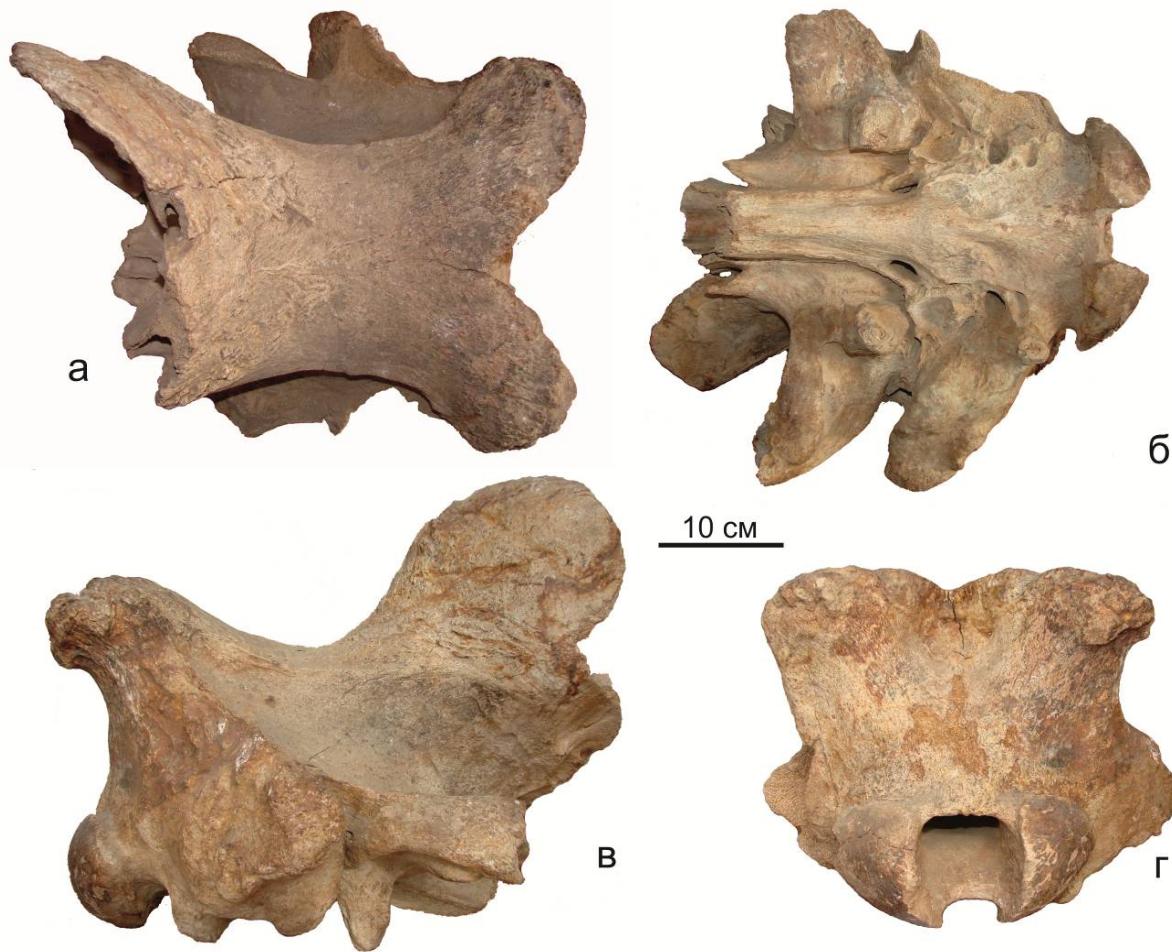

Рис. 5. Фрагмент черепа (1521/2011 XЯ) *Elasmotherium sibiricum* из Кожамжара:
а – вид сверху; б – вид снизу; в – вид справа; г – вид сзади

Таблица 4
Промеры черепов *Elasmotherium sibiricum* из местонахождения Кожамжар и из Восточной Европы

№ п/п	Промеры, мм	Краснокутск (1521/2011 XЯ)	ПИН [19] n = 2	Сарепта СКМ 8470 [11]	Сарепта ЗИН РАН [11]
1	Длина мозгового отдела (от нижнего края затылочного отверстия до орбитальной линии)	340	–		
2	Ширина в затылочных гребнях	324	322,0; 237,0	251	310
3	Расстояние между mastoидными отростками изнутри	120	–		
4	Ширина в предглазничных выростах	–	457,0; 328,0		
5	Ширина в склеровых дугах	C415	423,0; 270,0		
6	Минимальная ширина лобных костей за куполообразным возвышением	188	142,0; 140,0	167	163
7	Ширина куполообразного возвышения в основании	C295, расчетное 340	262	248	260
8	Высота затылочного отверстия	68	70,0; 58,0	57	63
9	Ширина затылочного отверстия	70–72	62,0; 58,0	54	65
10	Длина затылочных мышцелков (высота)	103,98	107,0; 85,0	72	96
11	Ширина затылочных мышцелков	240	182,0; 155,0	~230	~240
12	Расстояние от края затылочных мышцелков до вершины засуставного отростка	260	–		
13	Ширина basisphenoideum	60	–		
14	Ширина paraspheenoideum	–	–		
15	Наименьшая ширина затылка	298		225	267
16	Наибольшая ширина затылка в околосатылочных буграх (выступах)	470		376	447
17	Наименьшая высота затылка (от верхнего края затылочного отверстия)	200		130	180
18	Наибольшая высота затылка	258			
19	Ширина по внешним краям суставных поверхностей для нижних челюстей	382			

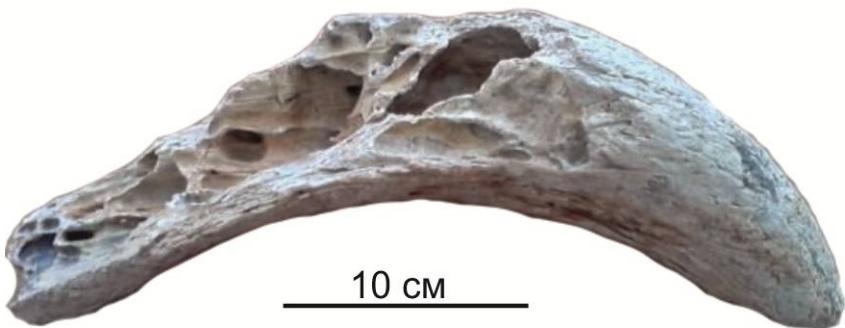

Рис. 6. Роговой стержень МП ПГПИ экз. 1522/2011-ХЯ *Bison* sp.

Обсуждение и результаты

Местонахождение Кожамжар содержит относительно небольшое количество остатков млекопитающих (около 20 костей, вместе с материалами Р.А. Зиновой и К.Ж. Жылкибаева), но их видовая принадлежность и хорошая привязка позволяют провести сравнение полученного комплекса с уже известными местонахождениями Павлодарского Прииртышья и дать оценку стратиграфического положения изученного тафоценоза. Из основания песчаной толщи (слои 6 и 7) получены нижняя челюсть с зубами *Mammuthus* ex gr. *trogontherii-chosaricus* и фрагмент черепа *Elasmotherium sibiricum*. Эти виды имеют большое стратиграфическое значение: *M. trogontherii* относится к ортостратиграфической линии мамонтоидных слонов, а *E. sibiricum* принадлежит к парастратиграфической группе носорогов, имеющей большое значение для юга Западной Сибири, Казахстана и юга Восточной Европы. Биохронологическое сопоставление мамонтоидных слонов (*Archidiskodon-Mammuthus*) и рода *Elasmotherium* для юга Восточной Европы проведено А.К. Швыревой [20]. По ее данным, *E. sibiricus* существовал в раннем – среднем неоплейстоцене и входил в состав тиранспольского, сингильского и хазарского фаунистических комплексов Восточной Европы. За это время он сосуществовал с *M. trogontherii* *trogontherii* в раннем неоплейстоцене (тиранспольский комплекс) и *M. trogontherii* *chosaricus* в среднем неоплейстоцене (сингильский и хазарский комплексы).

В Центральном и Северном Казахстане (юг Западно-Сибирской равнины) остатки эласмотерия достаточно многочисленны. Б.С. Кожамкулова [21] отмечает 30 местонахождений раннего неоплейстоцена. На территории Павлодарского Прииртышья остатки эласмотерия известны из 4 местонахождений: Подпук, Моисеевка–Железинка, Григорьевка и Кожамжар. Указанная Е.И. Беляевой [22] находка позвонка и лучевой кости очень крупной особи эласмотерия у с. Черноярка до сих пор не имеет описания как геологического положения, так и собственно костного материала, а поэтому ее использование для анализа затруднительно.

Остатки эласмотерия в Казахстане Б.С. Кожамкулова [21, 23] связывает с кошкурганским фаунистиче-

ским комплексом раннего неоплейстоцена, в состав которого входили *Equus mosbachensis*, *E. (Asinus) hydrenthus*, *Stephanorhinus kirchbergensis*, *Paracamelus gigas*, *Cervalces latifrons*, *Bison schoetensacki*, *Soergelia* sp. [23]. Найдки эласмотерия – фрагмента черепа в Кожамжаре, нижних челюстей и зубов в Григорьевке – приурочены к отложениям тобольского горизонта среднего неоплейстоцена. В обоих местонахождениях остатки эласмотерия встречены совместно с остатками слона, близкого к хазарскому *M. ex gr. trogontherii chosaricus*. Эти данные хорошо согласуются с данными А.К. Швыревой [20] по Восточной Европе для среднего неоплейстоцена. В Григорьевке *E. sibiricus* и *M. trogontherii chosaricus* найдены в составе прииртышского фаунистического комплекса [3] – *Bison priscus*, *Megaloceros giganteus ruffi*, *Camelus knoblochi*, *Saiga borealis* и др. Видовой состав Кожамжара и Григорьевки очень хорошо сопоставляется с сингильским фаунистическим комплексом Восточной Европы [24, 25].

Сложнее обстоит дело с находками остатков эласмотериев в отложениях палеоплейстоцена (гелазия) в разрезе между Подпуком и Лебяжьим [26, 27]. Наиболее многочисленные находки посткраниальных остатков и фрагментов зубов сделаны у Лебяжьего. Здесь они сочетаются с остатками *Homo*
therium sp., *Eucyon minor*, *Archidiskodon meridionalis gromovi*, *Equus livenzovensis*, *Paracamelus cf. gigas*, *Eucladoceros* sp. и др., входящими в состав подпук-лебяжинского комплекса, и сопоставляются с MN 17 зоной млекопитающих. Видовая принадлежность этих остатков до сих пор не определена. Но И.В. Вислобокова отмечает сходство остатков с типичным *E. sibiricus*. Для палеоплейстоцена (гелазия) Восточной Европы А.К. Швыревой [28, 29] выделен *E. chaprovicum*, к которому отнесена часть находок эласмотериев, ранее относимых к *E. caucasicum* [19]. Для Восточной Европы время существования *E. chaprovicum* соотнесено с распространением *Archidiskodon meridionalis gromovi*. Для Лебяжинского местонахождения отмечается аналогичное сочетание.

Из малоизученных отложений, обнажающихся между Моисеевкой и Железинкой, известны остатки крупных млекопитающих очень разного геологического возраста. Остатки эласмотерия представ-

лены костями дистальных отделов конечностей, что сильно затрудняет их видовое определение. Кости сильно минерализованы и имеют некоторое сходство с материалом из Лебяжьего. Вопрос о систематическом положении носорога из Лебяжьего и Моисеевки является очень актуальным для биостратиграфии и палеозоогеографии. Он осложняется присутствием в Моисеевке остатков носорога рода *Stephanorhinus* (в Павлодарском областном

краеведческом музее хранится фрагмент сильно минерализованной нижней челюсти с двумя зубами (неопубликованные данные)). Особенность и сложность анализа остатков этих носорогов из Моисеевки заключается в том, что это первое совместное нахождение *Elasmotherium* и *Stephanorhinus*. Поэтому здесь особое значение приобретает точность определения видовой принадлежности носорогов и их положения в разрезе.

ЛИТЕРАТУРА

- Шпанский А.В. Скелет гигантского оленя *Megaloceros giganteus giganteus* (Blumenbach, 1803) (Mammalia, Artiodactyla) из Павлодарского Прииртышья // Палеонтологический журнал. 2014. № 5. С. 81–98.
- Шпанский А.В., Алиясова В.Н., Титов С.В., Смагулов Т.Н. Новая находка степного слона *Mammuthus trogontherii* Pohlig (Proboscidea, Elephantidae) в Павлодарском Прииртышье (Республика Казахстан) // Бюлл. МОИП. Отд. геол. 2008. Т. 83, вып. 3. С. 52–62.
- Шпанский А.В., Пересветов Г.Ю., Алиясова В.Н., Титов С.В. Новые находки остатков четвертичных млекопитающих в Павлодарском Прииртышье // Бюлл. Комис. по изучению четвертичного периода. М. : ГЕОС, 2007. Вып. 67. С. 97–99.
- Зинова Р.А. Плиоцен севера Центрального Казахстана : материалы для корреляции разрезов Белоруссии и Казахстана. Минск : Наука и техника, 1982. 149 с.
- Жылкибаев К.Ж. Древние слоны Казахстана. Алма-Ата, 1975. 132 с.
- Кожамкулова Б.С. Антропогеновая ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1969. 149 с. I-XXXIV таблиц.
- Зинова Р.А. Стратиграфия средне-верхнеплиоценовых и нижне-среднеплиоценовых отложений Центрального Казахстана // Советская геология. 1973. № 2. С. 59–70.
- Сваричевская З.А., Тэн М.С. История среднеплиоцен-четвертичного осадконакопления в Павлодарском Прииртышье // Четвертичный период Сибири. М. : Наука, 1966. С. 32–38.
- Унифицированная стратиграфическая схема четвертичных отложений Западно-Сибирской равнины. Новосибирск : СНИИГГиМС, 2000. 64 с. Прил.
- Шпанский А.В., Васильев С.К., Печерская К.О. Трогонтериевый слон *Mammuthus trogontherii* (Pohlig 1885) из Омского Прииртышья // Палеонтологический журнал. 2015. № 3. С. 81–102.
- Хромов А.А. Об остатках эласмотериев из фондов Саратовского краеведческого музея // Палеонтологический журнал. 1999. № 1. С. 116–122.
- Дуброво И.А. Древние слоны СССР // Труды ПИН. 1960. Т. 85. 79 с.
- Шер А.В., Гарутт В.Е. О методике определения генераций коренных зубов вымерших слонов // Труды ЗИН АН СССР. 1985. Т. 131. С. 93–103.
- Байгушева В.С., Гарутт В.Е. Скелет степного слона *Archidiskodon trogontherii* (Pohlig, 1885) из северо-восточного Приазовья // Плейстоценовые млекопитающие Северной Евразии. Труды ЗИН АН СССР. 1987. Т. 168. С. 21–37.
- Lister A.M., Stuart A.J. The West Runton mammoth (*Mammuthus trogontherii*) and its evolutionary significance // Quaternary International. 2010. Vol. 228. P. 180–209.
- Дуброво И.А. Систематическое положение слона хазарского фаунистического комплекса // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1966. № 32. С. 63–74.
- Гарутт В.Е. Скелет хазарского мамонта *Mammuthus cf. chosaricus* Dubrovo из среднеплейстоценовых отложений р. Орыя (бассейн р. Камы) // Вопросы стратиграфии и корреляции плиоценовых и плейстоценовых отложений северной и южной частей Предуралья. Уфа, 1972. Вып. 2. С. 35–55.
- Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Бородин А.В., Зиновьев Е.В., Некрасов А.И., Трофимова С.С. Трогонтериевый слон Нижнего Иртыша. Екатеринбург : Волот, 2004. 243 с.
- Титов В.В. Крупные млекопитающие позднего плиоцена Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 262 с.
- Shvyreva A.K. On the importance of the representatives of the genus *Elasmotherium* (Rhinocerotidae, Mammalia) in the biochronology of the Pleistocene of Eastern Europe // Quaternary International. 2015. in press.
- Кожамкулова Б.С. Позднекайнозойские копытные Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1981. 144 с.
- Беляева Е.И. Некоторые данные о четвертичной фауне млекопитающих реки Иртыша // Труды ПИН. 1935. Т. 4. С. 149–157.
- Kozamkulova B.S. *Elasmotherium sibiricum* und sein Verbreitungsgebiet auf dem Territorium der UdSSR // Quartarpalaontologie. 1981. № 4. Р. 85–91.
- Ильина С.А., Шпанский А.В. Местонахождения млекопитающих прииртышского фаунистического комплекса в Павлодарской области // Современные проблемы географии и геологии : материалы III Междунар. науч.-практич. конф. с элементами школы семинара для студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск : Изд-во ТГУ, 2014. С. 669–673.
- Шпанский А.В. Стратиграфическое положение Прииртышского фаунистического комплекса // Фундаментальные проблемы квартара: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы VI Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. 19–23 октября 2009 г. Новосибирск, 2009. С. 640–643.
- Orlov J.A. Neue Funde fossiler Säugetiere in Sibirien // Труды Геологического музея АН СССР. 1930. Т. 7. С. 159–166.
- Vislobokova I.V. The Pliocene Podpusk-Lebyazh'e mammalian faunas and assemblage, Western Siberia // Palaeontographia Italica. 1996. № 83. Р. 1–23.
- Швырёва А.К. Ископаемые носороги эласмотериев. Ставрополь. гос. объедин. краевед. музей, 1995. 104 с.
- Швырёва А.К. Эласмотерий из хапровского фаунистического комплекса // Fauna Ставрополья. Ставрополь, 2004. Вып. 12. С. 162–167.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 15 сентября 2015 г.

THE QUATERNARY MAMMALS FROM KOZHAMZHAR LOCALITY (PAVLODAR REGION, KAZAKHSTAN)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 254–264. DOI: 10.17223/15617793/399/41

Shpansky Andrey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpansky@ggf.tsu.ru

Ilyina Svetlana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpansky@ggf.tsu.ru

Aliysova Valentina N. Pavlodar State Pedagogical Institute (Pavlodar, Kazakhstan). E-mail: aliasova@mail.ru

Keywords: Pavlodar region; Middle Pleistocene; Irtysh faunal assemblage; *Mammuthus ex gr. trogontherii-chosaricus*; *Elasmotherium sibiricum*; morphology.

The paper describes a new location of fossils of large mammals in Pavlodar region. It is located 120 km north of Pavlodar on the left bank of the Irtysh River. The most exposed parts of the section have coordinates 53°01'02" N, 75°57'40" E at v. Aktogay, 53°01'59" N, 75°52'18" E at v. Kozhamzhar. Remains of *Elasmotherium sibiricum*, *Mammuthus ex gr. trogontherii-chosaricus*, *Mammuthus primigenius* and *Bison priscus* are found in the alluvial deposits of the Tobolsk age in the Kozhamzhar locality. The bones lie at a depth of about 7 meters. The Siberian elasmotherium skull has no facial section. The skull from the Kozhamzhar locality is bigger in size compared with the skull from Eastern Europe. The lower jaw of the elephant in size and in teeth morphology of the last change is very similar to that of *Mammuthus trogontherii chosaricus Dubr.* These species are of great stratigraphic significance: *M. trogontherii* refers to the orthostratigraphic line of mammothoid elephants and *E. sibiricum* belongs to the parastratigraphic group of rhinos which is of great importance to the south of Western Siberia, Kazakhstan and the South Eastern Europe. The elasmotherium remains are sufficiently numerous in the Central and Northern Kazakhstan (south of the West Siberian Plain). B.S. Kozhamkulova (1981) observed 30 locations of Early Neopleistocene. The remains of elasmotherium in Pavlodar region are known from four locations: Podpusk, Moiseevka-Zhelezinka, Grigorievka and Kozhamzhar. Kozhamkulova connects the remains of the Siberian rhinoceros in Kazakhstan with the Koshkurgansk faunal assemblages of Early Neopleistocene. The finds of elasmotherium in Kozhamzhar, earlier in Grigorievka, are confined to the deposits of the Tobolsk horizon of Middle Neopleistocene. In both locations the remains of elasmotherium were found together with the remains of an elephant close to *M. ex gr. trogontherii chosaricus*. These data agree well with the data of Shvyreva (Shvyreva, 2015) for Eastern Europe for Middle Neopleistocene. In Grigorievka *E. sibiricus* and *M. trogontherii chosaricus* were found in the composition of the Irtysh faunal assemblage (Shpansky et al., 2007): *Bison priscus*, *Megaloceros giganteus rufi*, *Camelus knoblochi*, *Saiga borealis*, and others. The species composition of Kozhamzhar and Grigorievka is very well compared with the Singilskiy faunal assemblage of Eastern Europe (Shpansky, 2009).

REFERENCES

1. Shpansky, A.V. (2014) Skelet gigantskogo olenya Megaloceros giganteus giganteus (Blumenbach, 1803) (Mammalia, Artiodactyla) iz Pavlodarskogo Priirtysh'ya [The skeleton of a giant deer Megaloceros giganteus giganteus (Blumenbach, 1803) (Mammalia, Artiodactyla) of the Pavlodar Irtysh region]. *Paleontologicheskiy zhurnal – Paleontological Journal*. 5. pp. 81–98.
2. Shpansky, A.V. et al. (2008) Novaya nakhodka stepnogo slona Mammuthus trogontherii Pohlig (Proboscidea, Elephantidae) v Pavlodarskom Priirtysh'e (Respublika Kazakhstan) [The new find of the steppe elephant Mammuthus trogontherii Pohlig (Proboscidea, Elephantidae) in the Pavlodar Irtysh region (Kazakhstan)]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel geologicheskiy – Bulletin of Moscow Society of Naturalists*. 83:3. pp. 52–62.
3. Shpansky, A.V. et al. (2007) Novye nakhodki ostatkov chetvertichnykh mlekopitayushchikh v Pavlodarskom Priirtysh'e [New finds of remnants of the Quaternary mammals in the Pavlodar Irtysh region]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the Commission for Quaternary Research]. Is. 67. Moscow: GEOS. pp. 97–99.
4. Zinova, R.A. (1982) *Plotsen severa Tsentral'nogo Kazakhstana: Materialy dlya korrelyatsii razrezov Belorussii i Kazakhstana* [The Pliocene of the north central Kazakhstan: Materials for the correlation of sections of Belarus and Kazakhstan]. Minsk: Nauka i tekhnika.
5. Zhylkibaev, K.Zh. (1975) *Drevnie slony Kazakhstana* [Ancient elephants of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
6. Kozhamkulova, B.S. (1969) *Antropogenovaya iskopaemaya teriofauna Kazakhstana* [Anthropogenic fossils of theriofauna of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
7. Zinova, R.A. (1973) Stratigrafiya sredne-verkhneplotsenovyykh i nizhne-sredneplotsenovyykh otlozheniy Tsentral'nogo Kazakhstana [Stratigraphy of the Middle-Upper Pliocene and Lower-Middle Pliocene deposits of Central Kazakhstan]. Sovetskaya geologiya. 2. pp. 59–70.
8. Svarichevskaya, Z.A. & Ten, M.S. (1966) Iстория среднеplotsen-chetvertichnogo osadkonakopleniya v Pavlodarskom Priirtysh'e [The history of Middle Pliocene-Quaternary sedimentation in the Pavlodar Irtysh region]. In: Saks, V.N. (ed.) *Chetvertichnyy period Sibiri* [The Quaternary of Siberia]. Moscow: Nauka.
9. Babushkin, A.E. et al. (2000) *Unifitsirovannaya stratigraficheskaya skhema chetvertichnykh otlozheniy Zapadno-Sibirskoy ravniny* [A unified stratigraphic scheme of the Quaternary deposits of the West Siberian Plain]. Novosibirsk: SNIIGGiMS.
10. Shpansky, A.V., Vasil'ev, S.K. & Pecherskaya, K.O. (2015) Trogonterievyy slon Mammuthus trogontherii (Pohlig 1885) iz Omskogo Priirtysh'ya [Mammuthus trogontherii (Pohlig 1885) of the Omsk Irtysh region]. *Paleontologicheskiy zhurnal – Paleontological Journal*. 3. pp. 81–102.
11. Khromov, A.A. (1999) Ob ostaikkakh elasmoteriev iz fondov Saratovskogo kraevedcheskogo muzeya [Elasmotherium remains from the funds of the Saratov regional museum]. *Paleontologicheskiy zhurnal – Paleontological Journal*. 1. pp. 116–122.
12. Dubrovo, I.A. (1960) Drevnie slony SSSR [Ancient elephants of the USSR]. *Trudy Paleontologicheskogo instituta AN SSSR*. 85.
13. Sher, A.V. & Garutt, V.E. (1985) O metodike opredeleniya generatsiy korennykh Zubov vymerших slonov [On the method of determination of generations of molars of extinct elephants]. *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR*. 131. pp. 93–103.
14. Baygusheva, V.S. & Garutt, V.E. (1987) Skelet stepnogo slona Archidiskodon trogontherii (Pohlig, 1885) iz severo-vostochnogo Priazov'ya [The skeleton of a steppe elephant Archidiskodon trogontherii (Pohlig, 1885) from the north-east of Azov region]. Pleystotsenovye mlekopitayushchie Severnoy Evrazii [Pleistocene mammals of Northern Eurasia]. *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR*. 168. pp. 21–37.
15. Lister, A.M. & Stuart, A.J. (2010) The West Runton mammoth (*Mammuthus trogontherii*) and its evolutionary significance. *Quaternary International*. 228. pp. 180–209. DOI: 10.1016/j.quaint.2010.07.032
16. Dubrovo, I.A. (1966) Sistemicheskoe polozhenie slona khozarskogo faunisticheskogo kompleksa [Systematic position of Khazar elephant faunal assemblage]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the Commission for Quaternary Research]. Is. 32. Moscow: GEOS. pp. 63–74.
17. Garutt, V.E. (1972) Skelet khazarskogo mamonta Mammuthus cf. chosaricus Dubrovo iz srednepleystotsenovyykh otlozheniy r. Or'ya (basseyen r. Kamy) [The skeleton of Khazar mammoth Mammuthus cf. chosaricus Dubrovo from Middle Pleistocene deposits of the Orya River (Kama R. basin)]. *Voprosy stratigrafii i korrelyatsii plotsenovyykh i pleystotsenovyykh otlozheniy severnoy i yuzhnay chastej Predural'ya* [Issues of stratigraphy and Pliocene and Pleistocene sediments correlation of the north and south Cis-Ural region]. Is. 2. Ufa: BFAN SSSR. pp. 35–55.
18. Kosintsev, P.A. et al. (2004) *Trogonterievyy slon Nizhnego Irtysha* [The Trogontherium of the Lower Irtysh]. Ekaterinburg: Volot.

19. Titov, V.V. (2008) *Krupnye mlekopitayushchie pozdnego plotsena Severo-Vostochnogo PriaZov'ya* [Late Pliocene large mammals of North-Eastern Azov]. Rostov-on-Don: YuNTs RAN.
20. Shvyreva, A.K. (2015) On the importance of the representatives of the genus *Elasmotherium* (Rhinocerotidae, Mammalia) in the biochronology of the Pleistocene of Eastern Europe. *Quaternary International*. 379. pp. 128–134. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.03.052
21. Kozhamkulova, B.S. (1981) *Pozdnekaynozyskie kopytnye Kazakhstana* [Late Cenozoic ungulates of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
22. Belyaeva, E.I. (1935) Nekotorye dannye o chetvertichnoy faune mlekopitayushchikh reki Irtysha [Some data on the Quaternary mammal fauna of the Irtysh]. *Trudy Paleontologicheskogo instituta AN SSSR*. 4. pp. 149–157.
23. Kozamkulova, B.S. (1981) *Elasmotherium sibiricum* und sein Verbreitungsgebiet auf dem Territorium der UdSSR. *Quartarpalaontologie*. 4 pp. 85–91.
24. Il'ina, S.A. & Shpansky, A.V. (2014) [Locations of mammals of the Irtysh faunal assemblage in Pavlodar Oblast]. Sovremennye problemy geografii i geologii [Modern problems of geography and geology]. Proc. of the III International scientific-practical conference with the elements of school-workshops for students, graduate students and young scientists. Tomsk: Tomsk State University. pp. 669–673. (In Russian).
25. Shpansky, A.V. (2009) [Stratigraphic position of the Irtysh faunal assemblage]. *Fundamental'nye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnye napravleniya dal'neyshikh issledovanii* [Fundamental problems of the Quaternary: results of the study and the main directions for further research]. Proc. of the VI All-Russian Conference on Quaternary Research. 19–23 October 2009. Novosibirsk. pp. 640–643.
26. Orlov, J.A. (1930) Neue Funde fossiler Säugetiere in Sibirien. *Trudy Geologicheskogo Muzeya AN SSSR*. 7. pp. 159–166.
27. Vislobokova, I.V. (1996) The Pliocene Podpusk-Lebyazh'e mammalian faunas and assemblage, Western Siberia. *Palaeontographia Italica*. 83. pp. 1–23.
28. Shvyreva, A.K. (1995) *Iskopaemye nosorogi elasmoterii* [Fossil *Elasmotherium* rhinoceroses]. Stavropol: Stavropol'skiy gos. ob"edin. kraeved. muzei.
29. Shvyreva, A.K. (2004) Elasmoteriy iz khaprovskogo faunisticheskogo kompleksa [Elasmotherium of Khapry faunal assemblage]. *Fauna Stavropol'ya*. 12. pp. 162–167.

Received: 15 September 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЛАСКО Замира Атхамовна – аспирант кафедры маркетинга Красноярского государственного аграрного университета. E-mail: avlasko_z@mail.ru

АКЕРМАН Елена Николаевна – д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента Томского политехнического университета; профессор кафедры государственного и муниципального управления Томского государственного университета. E-mail: aker@tomsk.gov.ru

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – ассистент кафедры геоинформатики и кадастра Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

АЛИЯСОВА Валентина Нурмагамбетовна – канд. культурологии, начальник Управления науки Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан). E-mail: alijasova@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БАЯРМАА Вандангомбо – аспирант кафедры географии Томского государственного университета. E-mail: vbayarmaa@mail.ru

БЕЗГАЧЕВА Вероника Викторовна – студентка исторического факультета Томского государственного университета. Email: nikabezgacheva@mail.ru

БУЛГАКОВА Марина Геннадьевна – зав. сектором воспитания Института развития образования Иркутской области; соискатель кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета. E-mail: marina.bulgakova.1969@mail.ru

БУРЕЦ Юлия Сергеевна – аспирант кафедры менеджмента Томского политехнического университета. E-mail: bourets@yandex.ru

БУТЕНКО Мария Александровна – аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: mariyabut@mail.ru

ВАСИНА Маргарита Юрьевна – аспирант кафедры государственного регулирования экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва). E-mail: vasina.margarita2013@yandex.ru

ВАСИЛОВСКАЯ Екатерина Андреевна – аспирант кафедры философии Красноярского государственного аграрного университета. E-mail: catharsis09@yandex.ru

ВОЛКОВА Жанна Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры управления образованием Томского государственного университета. E-mail: volkovazhanna08@ya.ru

ВОРОБЬЁВ Дмитрий Олегович – ассистент кафедры философии Оренбургского государственного медицинского университета. E-mail: dratsolonechack@mail.ru

ГЕГЕР Алексей Эдуардович – канд. социол. наук, ст. науч. сотр. сектора социологии науки и инноваций Социологического института Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: ageger@gmail.com

ГЕГЕР Светлана Александровна – мл. науч. сотр. сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: svetlana.geger@gmail.com

ГЛУХОВ Вячеслав Сергеевич – аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vyacheslavglukhov@gmail.com

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ДОМОЖАКОВА Евгения Александровна – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории биоразнообразия и геоэкологии Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кызыл). E-mail: sollygeoennet@mail.ru

ЖЕРНОВ Евгений Евгеньевич – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово). E-mail: eugjernov@mail.ru

ЗВЕЗДИНА Екатерина Андреевна – магистрант кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: kastar16@mail.ru

ЗОЛОТАРЕВА Наталья Владимировна – канд. ист. наук, инженер-исследователь научно-инновационной лаборатории «Современные музеиные и экскурсионно-туристические технологии» Томского государственного университета. E-mail: Natashik@sibmail.com

ИДИАТУЛЛОВ Азат Корбангалиевич – канд. ист. наук, доцент кафедры географии Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

ИЛЬИНА Светлана Анатольевна – аспирант кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: saliu@list.ru

КАЛАЧИКОВА Ольга Николаевна – канд. пед. наук, зав. лабораторией проектирования инновационных процессов в образовании, доцент кафедры управления образованием Томского государственного университета. E-mail: olga_kalach@mail.ru

КАБРИН Валерий Иванович – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: kabrin@list.ru

КОЗЛОВА Анастасия Евгеньевна – студентка педиатрического факультета Оренбургского государственного медицинского университета. E-mail: k_philosopher@orgma.ru

КОЗЛОВА Дина Сергеевна – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dina.my-mail@yandex.com

КОЛЕВА Галина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОНЕВ Кирилл Александрович – аспирант кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: konev-k-92@rambler.ru

КОРОЛЬ Дмитрий Юрьевич – науч. сотр. лаборатории проектирования инновационных процессов в образовании Томского государственного университета; методист Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета (г. Минск, Белоруссия). E-mail: korol@bsu.by

КОРОТКОВА Светлана Александровна – канд. ист. наук, доцент департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: korotkova_s_a@mail.ru

КРАЙНЕВА Ирина Александровна – канд. ист. наук, науч. сотр. лаборатории систем автоматизированного проектирования и автоматизации сверхбольших интегральных схем Института систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: cora@iis.nsk.su

КРЫЛОВА Вера Климентьевна – канд. искусствоведения, ст. науч. сотр. сектора истории Якутии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). E-mail: kvkpressgur@mail.ru

КУРЕНКОВ Артем Валериевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: art_1987@inbox.ru

ЛАВРОВА Татьяна Георгиевна – доцент, канд. экон. наук, доцент кафедры организации и планирования местного развития факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. E-mail: Lavrova.tg@mail.ru

ЛАЗАРЕВА Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: levburo@mail.ru

ЛОЗОВАЯ Лидия Анатольевна – канд. ист. наук, директор Комплекса музеев Томского политехнического университета. E-mail: lidia-na1985@mail.ru

ЛЯКИН Василий Евгеньевич – соискатель кафедры философии Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: barrister_office@mail.ru

МЕРЗЛЯКОВ Олег Эдуардович – канд. биол. наук, доцент кафедры почвоведения и экологии почв Томского государственного университета. E-mail: molege@mail.ru

МИХАЛЬЧУК Александр Александрович – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры высшей математики и математической физики Томского политехнического университета. E-mail: aamih@rambler.ru

НАУМОВА Наталья Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: tominin@yandex.ru

НЕЖЕНЦЕВА Наталья Владимировна – ассистент кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: neshenzewan@mail.ru

НЕХОДА Евгения Владимировна – д-р экон. наук, зав. кафедрой системного менеджмента и экономики предпринимательства Томского государственного университета. E-mail: sheyna@sibmail.com

ПЕТРОВА Валентина Дмитриевна – соискатель сектора Арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). E-mail: petrova-vd@mail.ru

ПОДВЕРБНЫХ Ульяна Сергеевна – аспирант кафедры международного кадрового и проектного управления Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск). E-mail: verba07.90@mail.ru

ПОЛОНИКОВ Александр Андреевич – канд. психол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории проектирования инновационных процессов в образовании Томского государственного университета; зам. начальника Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета (г. Минск, Белоруссия). E-mail: alexpolonnikov@gmail.com

ПОНОМАРЕНКО Надежда Владимировна – ст. преподаватель кафедры философии Оренбургского государственного медицинского университета. E-mail: k_philosopher@orgma.ru

РЯБКОВА Олеся Александровна – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета. E-mail: ksucha_surgu@mail.ru

СИГИДА Юлия Сергеевна – соискатель кафедры востоковедения Томского государственного университета.
E-mail: sigidagirl@yandex.ru

СМЕТАНОВА Юлия Валерьевна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета.
E-mail: smetanova@mail.ru

СОКОЛОВ Денис Александрович – канд. биол. наук, науч. сотр. лаборатории рекультивации почв Института почвоведения и агрохимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: sokolovdenis@mail.ru

СОЛОНЕНКО Александра Владимировна – науч. сотр. лаборатории проектирования инновационных процессов в образовании, аспирант кафедры управления образованием, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета. E-mail: test-oxf-russ@yandex.ru

СОСУНОВСКИЙ Вадим Сергеевич – магистрант кафедры гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета.
E-mail: vadim_sergeevich@sibmail.com

ТОКМАШЕВА Юлия Владимировна – аспирант кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета; ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово). E-mail: tokmasheva@rambler.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии науки Томского государственного университета; профессор кафедры социальных коммуникаций Томского политехнического университета. E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ШВЕДОВ Максим Николаевич – преподаватель кафедры востоковедения, мл. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: shvedovmax@gmail.com

ШЕРЕНКОВА Виктория Викторовна – аспирант кафедры философии и методологии науки Томского государственного университета.
E-mail: v.sherenkova@gmail.com

ШМЫГЛЕВА Анна Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сибирского государственного индустриального университета (г. Новокузнецк). E-mail: Alisa-umka@yandex.ru

ШПАК Лидия Леонидовна – д-р социол. наук, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета.
E-mail: Shpakll@mail.ru

ШПАНСКИЙ Андрей Валерьевич – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: shpansky@ggf.tsu.ru

ШУШАРИНА Марина Вячеславовна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: marina.metei@gmail.com

ЮАНЬ Владимир Лишиньевич – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: it-rigon@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенациональный периодический журнал

2015 № 399 Октябрь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561-7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561-7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

<http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)-52-96-67

Подписано к печати 20 сентября 2015 г.

Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 31,1. Тираж 250 экз. Заказ № 1419.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректор Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Прессы России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/ vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)-52-96-67

Факс 8(382-2)-52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)-52-96-67

Fax: 8(382-2)-52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru